Государи
изъ дома
Романовыхъ
1613
1913

Государи изъ Дома Романовыхъ

1613-1913

ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ЦАРСТВОВАВШИХЪ ГОСУДАРЕЙ
И ОЧЕРКИ ИХЪ ЦАРСТВОВАНІЙ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ДОКТОРА РУССКОЙ ИСТОРІИ
Н. Д. ЧЕЧУЛИНА.

Москва
1913 года
изд. Т-ва Н. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва.— 1913.

Въ первомъ томѣ помѣщены статьи:

Избраніе на царство Михаила Өеодоровича Романова — проф. С. Ө. Платонова. ▭ **Царь Михаилъ Өеодоровичъ** — пр.-доц. А. Е. Прѣснякова. ▭ **Царь Алексѣй Михайловичъ** — проф. С. Ө. Платонова и пр.-доц. А. Е. Прѣснякова. ▭ **Царь Өеодоръ Алексѣевичъ** — проф. М. М. Богословскаго. ▭ **Императоръ Петръ I Алексѣевичъ Великій** — проф. М. М. Богословскаго. ▭ **Императрица Екатерина I Алексѣевна** — С. В. Вознесенскаго. ▭ **Императоръ Петръ II Алексѣевичъ** — С. В. Вознесенскаго. ▭ **Императрица Анна Іоанновна** — С. В. Вознесенскаго. ▭ **Императрица Елизавета Петровна** — пр.-доц. Ю. В. Готье. ▭ **Императоръ Петръ III Өеодоровичъ** — Н. Д. Чечулина.

■ ■ ■ ■ ■

Предлагаемая книга содержитъ шестнадцать очерковъ, въ цѣломъ дающихъ связное и полное обозрѣніе исторіи Россіи за триста лѣтъ, въ теченіе которыхъ Московское государство, только что вынесшее ужасныя потрясенія Смутнаго времени и едва отстоявшее свою самостоятельность, выросло — подъ правленіемъ государей изъ Дома Романовыхъ — въ великую имперію и заняло выдающееся мѣсто среди міровыхъ державъ.

Съ цѣлью выполнить давно ощущаемый въ русской исторической литературѣ пробѣлъ: отсутствіе труда, въ которомъ была бы съ надлежащею научностью и полнотою изображена жизнь русскихъ государей, въ предлагаемомъ изданіи на первый планъ выдвинута вездѣ личность каждаго государя, его дѣятельность, его участіе въ событіяхъ его царствованія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ приложены были всѣ усилія, чтобы и жизнь народа, труды, имъ понесенные въ дѣлѣ устроенія государства и выполненія его важнѣйшихъ задачъ, были изображены со всею необходимою полнотою; авторы очерковъ убѣждены, что серьезные читатели не найдутъ въ этомъ изданіи попытки возвеличить начало личности въ исторіи въ ущербъ изученія жизни народной.

Участники этого изданія и его редакторъ одинаково проникнуты убѣжденіемъ, что лучшимъ выраженіемъ и доказательствомъ ихъ уваженія къ русскому народу, любви къ нему и къ его государямъ является безусловная правдивость, смѣлая прямота въ сужденіяхъ и выводахъ. Свой трудъ они стремились сдѣлать не только доступнымъ, но и интереснымъ для самаго широкаго круга читателей, и вмѣстѣ съ тѣмъ дать все то,—но и только то,—что критически провѣрено, твердо установлено и должно быть признаваемо за историческую истину.

Москва,
8 октября 1912 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Наружный видъ палатъ бояръ Романовыхъ въ Москвѣ.

Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова.

I.

Избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова на престолъ «великихъ государствъ Россійскаго царствія» обыкновенно представляется намъ, какъ конецъ смуты въ Московскомъ государствѣ и начало твердаго правопорядка. Такъ хотѣли представлять себѣ это избраніе и его современники. Несмотря на полное разореніе самой Москвы и почти всего царства, несмотря на явные признаки внутренняго разлада и грозной опасности иноземныхъ вторженій «отъ нѣмецкой и литовской украйны», московскіе люди твердо уповали на лучшее будущее. Избирая «радостными душами» «благороднаго корени благоцвѣтущую и неувядаемую отрасль»— болѣзненнаго и несовершеннолѣтняго Михаила, земскій соборъ вѣрилъ, что Господь пошлетъ новому царю «свою святую милость, умножитъ лѣтъ живота его и царство его устроитъ мирно и немятежно».

Для такихъ чаяній и надеждъ имѣлись, конечно, основанія. Особенно важна была для современниковъ та особенность царскаго избранія 1613 года, важность которой намъ теперь трудно въ достаточной мѣрѣ почувствовать и оцѣнить. Новый государь былъ избранъ «единомышленнымъ и нерозвратнымъ совѣтомъ» всѣхъ его избирателей, ибо соединилъ на себѣ симпатіи рѣшительно всѣхъ

общественныхъ группъ, кромѣ развѣ непримиримой части казачества и «вѣрниковъ» Сигизмунда. Можно думать, что одна только семья Романовыхъ могла вызвать такое единодушіе въ ту пору, когда «по общему земскому грѣху и по зависти діавола» каждаго, изъ бывшихъ въ смуту государей, «многіе люди возненавидѣли и отъ него отстали, и учинилась въ Московскомъ государствѣ рознь». Съ появленіемъ у власти М. Ѳ. Романова впервые мелькнула надежда на то, что долгая и очень острая вражда классовъ и отдѣльныхъ кружковъ можетъ быть примирена и что, наконецъ, въ лицѣ Михаила «самъ Богъ избралъ» на московскій престолъ такого царя, которому «служити и прямити» и за котораго «головы свои класти отъ мала и до велика всѣ люди ради».

II.

Чтобы объяснить такое значеніе семьи Романовыхъ въ 1613 году, необходимо сдѣлать нѣкоторое отступленіе въ исторію Смутнаго времени.

Эпоха смуты, какъ извѣстно, началась борьбою за московскій престолъ, «вдовѣвшій» послѣ смерти царя Ѳеодора Іоанновича и послѣ отказа отъ власти и отъ міра его вдовы царицы Ирины. Въ этой борьбѣ приняли участіе: Годуновы, Романовы, князья Шуйскіе. Первый успѣхъ выпалъ на долю Годуновыхъ; но имъ же первымъ суждена была и гибель. Виды на престолъ старшаго изъ Романовыхъ, Ѳеодора Никитича, не удались, и вмѣсто «царскихъ утварей» онъ, по милости царя Бориса, стяжалъ себѣ монашескую рясу. Не удалась затѣмъ и попытка, при воцареніи Василія Шуйскаго, возвести «старца Филарета» (раньше — Ѳеодора Романова) на патріаршество. По волѣ царя Василія патріархомъ тогда сталъ Гермогенъ, старецъ же Филаретъ удовольствовался саномъ ростовскаго митрополита, а его младшій братъ, параличный Иванъ Никитичъ Романовъ, числился въ боярахъ у царя Василія. Остальные братья «Никитичи» Романовы окончили свою жизнь въ лишеніяхъ ссылки. Многолюдная семья Романовыхъ оскудѣла людьми и, казалось, потеряла все то прежнее вліяніе, какимъ она пользовалась по родству съ Грознымъ и по его расположенію. Судьба готовила Романовымъ еще и новыя испытанія.

Въ 1608 году тушинцы плѣнили Филарета; изъ Ростова они его отвезли въ Тушино и тамъ вмѣсто митрополита стали именовать его патріархомъ московскимъ. Самозванческая затѣя — имѣть въ Тушинѣ своего патріарха — могла погубить моральное достоинство Филарета. Однако доброе его имя поддержалъ тотъ самый патріархъ Гермогенъ, противъ котораго Тушино выставило Филарета, какъ патріарха. Гермогенъ громко заявилъ, что почитаетъ Филарета «плѣнникомъ» и его «не порицаетъ». Изъ тушинскаго

«плѣна» Филаретъ скоро перешелъ въ польскій и томился у короля Сигизмунда въ заточеніи «добрымъ страдальцемъ» за Москву. Казалось, что судьба Романовыхъ была немногимъ лучше плачевной судьбы Годуновыхъ. Пожалуй, меньше жертвъ, но еще больше безчестья и униженій понесли Шуйскіе. Изо всѣхъ «желателей царства» горше всѣхъ была судьба именно царя Василія: его царствованіе было безславно, а конецъ позоренъ: сведенный съ престола и постриженный поневолѣ въ монахи, онъ окончилъ жизнь въ униженіяхъ польскаго плѣна. А престолъ московскій продолжалъ «вдовѣть», потому что никто изъ его «желателей» не могъ сладить съ возбужденною смутами страной.

Комната, по преданію бывшая дѣтскою царя Михаила Θеодоровича.

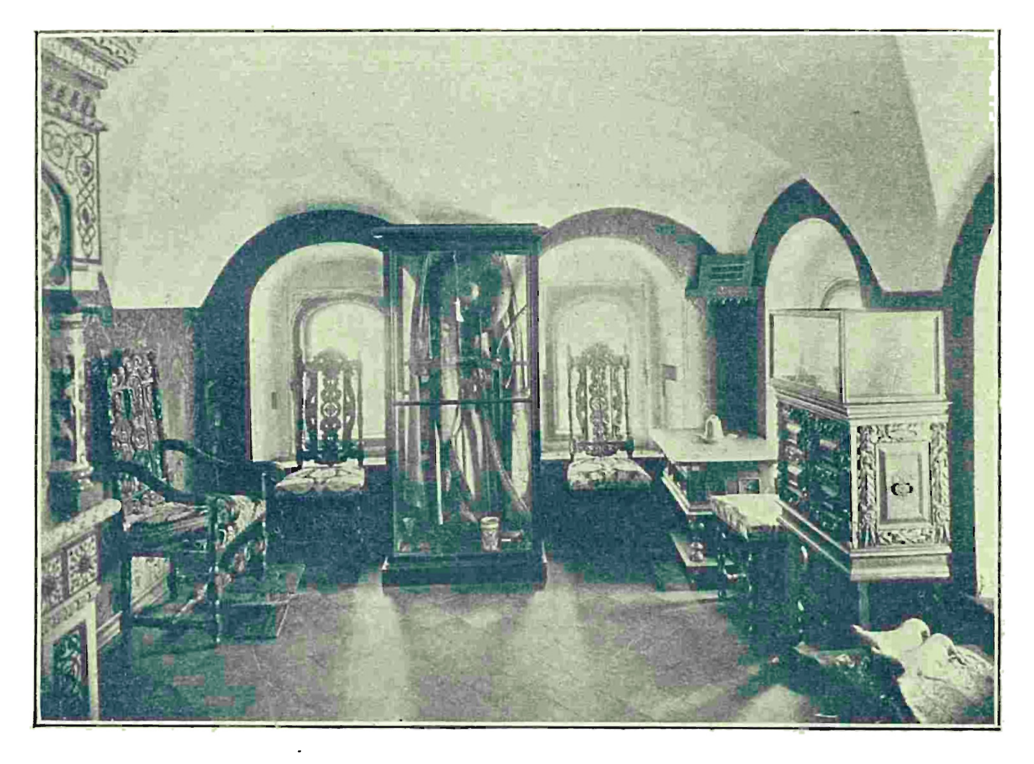
Борьба за престолъ сокрушила всѣ московскія семьи, жаждавшія царскаго сана, — и тогда къ московскому трону потянулись иноземцы. Сами бояре звали на Москву шведско-польскій домъ Вазы въ лицѣ королевича Владислава и посредствомъ мимолетной династической уніи съ Речью Посполитой мечтали погасить вѣковую вражду съ этимъ государствомъ. Другой Ваза — изъ Швеціи — настойчиво напрашивался на московское государство, послѣ того какъ ему удалось съ бою «обовладѣть» Великимъ Новгородомъ. Для московской самобытности, казалось, наступили послѣдніе дни. Шведская сила въ Новгородѣ и польское насиліе въ Москвѣ должны были повести къ раздѣлу «великихъ государствъ Москов-

скаго царствія» между удачливыми сосѣдями. Но еще не умерло народное чувство въ растерзанномъ междоусобіями московскомъ народѣ. Противъ иноземцевъ началось движеніе народныхъ массъ. На время погасла сословная вражда, разъѣдавшая московское общество, и на выручку захваченной польско-литовскими войсками Москвы двинулось ополченіе очень пестраго состава: дворянинъ-рабовладѣлецъ шелъ рядомъ съ бѣглымъ холопомъ и тяглымъ мужикомъ. Оно осадило Москву и провозгласило себя правительствомъ «всея земли» на смѣну сѣвшаго съ поляками въ осадѣ «измѣннаго» боярства. Однако возбужденный патріархомъ Гермогеномъ порывъ патріотизма не могъ вовсе искоренить старой мо-

Парадная пріемная въ домѣ бояръ Романовыхъ.

сковской розни: она ожила въ народномъ войскѣ подъ Москвою и погубила ополченіе. Произошло обычное разслоеніе: оппозиціонные элементы московскаго общества сбились въ особые «казачьи таборы» и начали прямую войну съ дворянствомъ. Тогда дворяне бросили осаду и поѣхали «по домамъ», разнося по своимъ уѣздамъ вѣсти о казачьемъ «воровствѣ» и отчаяніе въ народномъ будущемъ. Подъ Москвою остались «таборы» съ подобіемъ правительства «всея земли», котораго земля не желала слушать. Иной же, болѣе авторитетной, власти въ странѣ не существовало. Настала, казалось, послѣдняя минута исторической драмы и пришелъ конецъ Московскому государству.

Однако въ эту роковую минуту «послѣдніе люди» Московскаго государства нашли въ себѣ силы сдѣлать еще одну попытку къ спасенію отечества. Починъ ея изошелъ отъ городского торгово-промышленнагó люда, давшаго матеріальныя средства и личную энергію. Поддержали дѣло служилые люди: получивъ въ городахъ опору и обезпеченіе, они могли создать хорошее войско и дать ему способныхъ «начальниковъ». Новая организація, зародившаяся въ Нижнемъ - Новгородѣ и объединившая весь московскій сѣверъ и Поволжье, стала на опредѣленномъ принципѣ: считать врагомъ порядка и народнаго освобожденія не одного иновѣрца и чужеземца, но и своего «вора». Первые удары этой организаціи были

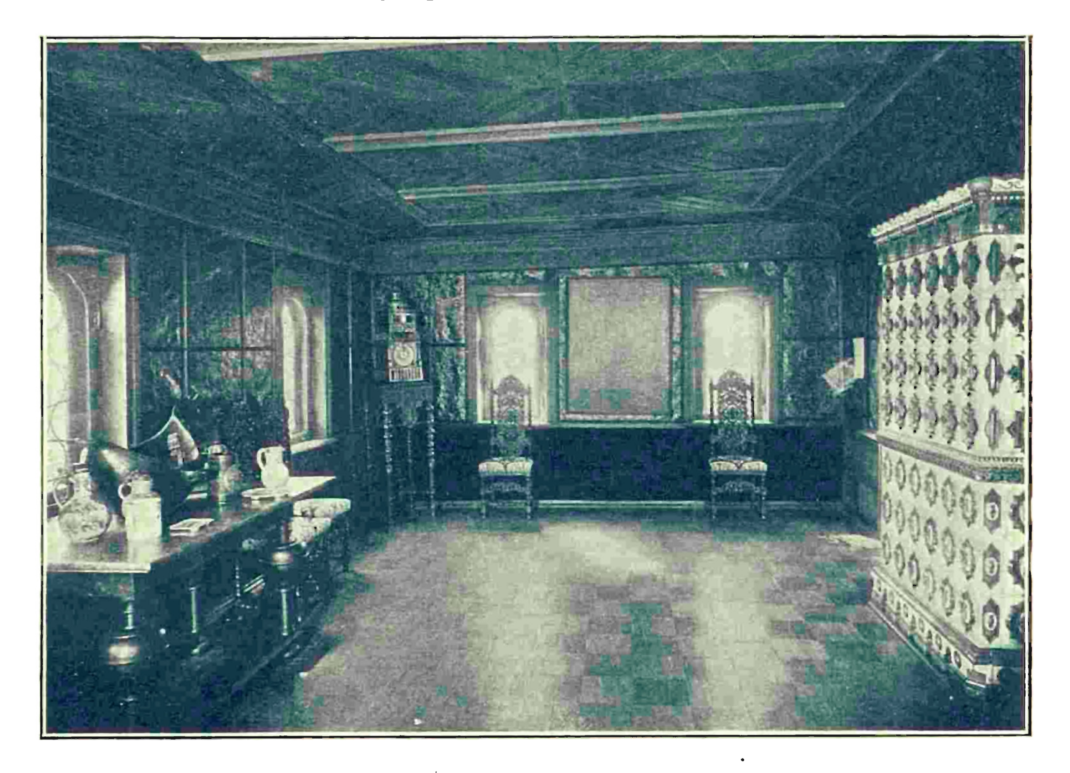


Рабочій покой боярина Ѳеодора Никитича (патріарха Филарета).

направлены именно на своихъ «воровъ» казаковъ. Весь конецъ 1611 и первая половина 1612 года ушли на борьбу съ казачьимъ засильемъ, и когда—къ осени 1612 года—земское ополченіе подошло къ Москвѣ, казачьи таборы были уже побѣждены и подлежали ликвидаціи. Непримиримая часть казачества бѣжала изъ-подъ Москвы на Каспій; остальные «таборы» капитулировали предъ земщиной и присоединились къ земскому ополченію въ качествѣ его союзниковъ. Впервые за всю смуту сословная рознь была погашена цѣною отреченія «воровъ» отъ «воровства», и обѣ части земской рати — и земская, и казачья — получили возможность

дружно «добывать» московскій кремль отъ вражескаго гарнизона. Онѣ и добыли его 22 октября 1612 года.

Съ уничтоженіемъ врага въ столицѣ Московское государство получило видъ освобожденной страны, въ которой надобно было скорѣе налаживать порядокъ. Прежде всего, казалось, необходимъ былъ государь, ибо «безгосударными» московскіе люди не желали оставаться «ни малое время». Для «государскаго обиранья» пытались созвать въ Москву выборныхъ представителей отъ «всякихъ чиновъ людей всѣхъ городовъ» къ 6 декабря, затѣмъ къ 25 декабря. Съѣхались они, однако, лишь въ январѣ 1613 года, и тогда стали «на соборѣхъ» говорить о томъ, «кому Богъ дастъ быть государемъ на великихъ государствахъ Россійскаго царствія».



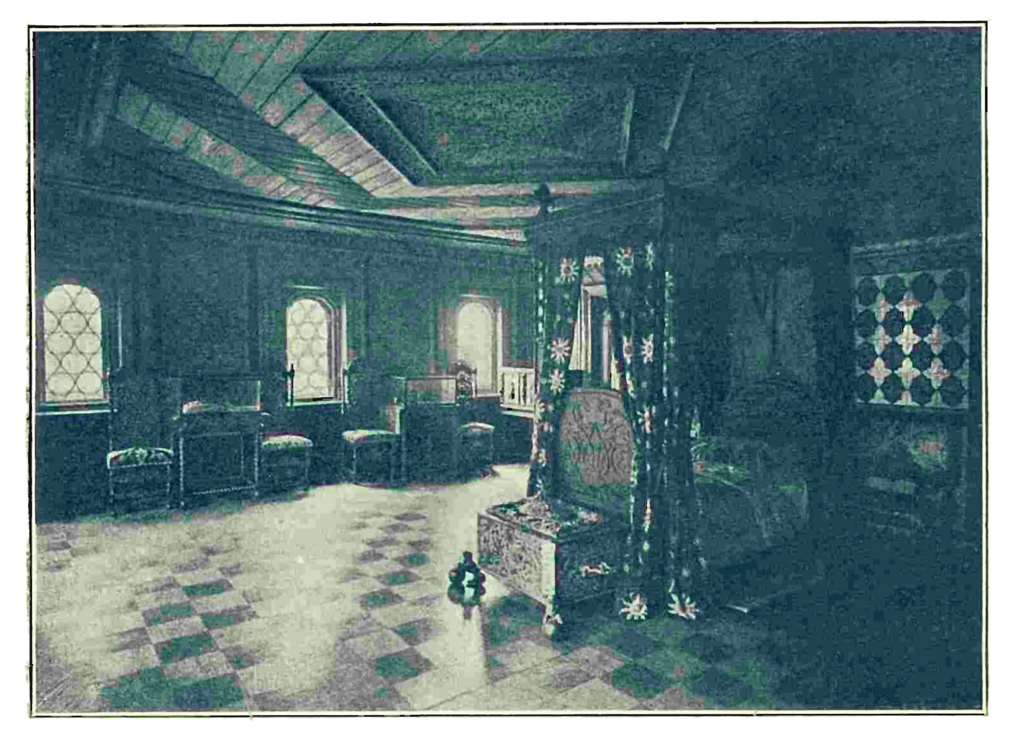
Столовая въ домѣ бояръ Романовыхъ.

III.

Таковы были событія, предшествовавшія избранію Михаила Θеодоровича. Смута послѣдовательно сводила съ политической сцены «великіе роды» московскіе XVI вѣка. Послѣ кратковременнаго торжества были приведены въ ничтожество Годуновы. Бурями смуты разбитъ былъ весь Романовскій кругъ. Князья Шуйскіе погибали въ плѣну. Семья князей Голицыныхъ была разрознена, и старшій изъ нихъ былъ полоненъ вмѣстѣ съ Филаретомъ

Романовымъ. Бояре князья Мстиславскій, Воротынскій, Куракинъ и др. оказались въ явной—хотя бы и невольной—близости къ королю Сигизмунду и разсматривались какъ измѣнники. «Отъялъ Господь сильныя земли», выразился одинъ изъ современниковъ, говоря о разгромѣ въ смуту московской аристократіи. При такихъ условіяхъ, когда Господь «отъялъ сильныя земли», трудно было, разумѣется, опредѣлить, за кѣмъ изъ московской знати болѣе правъ и возможности наслѣдовать «великимъ государямъ московскимъ» и сѣсть на ихъ «вдовѣвшій» престолъ.

Когда въ концѣ 1612 и въ началѣ 1613 года въ Москвѣ формировался земскій соборъ для избранія царя, печальное поло-

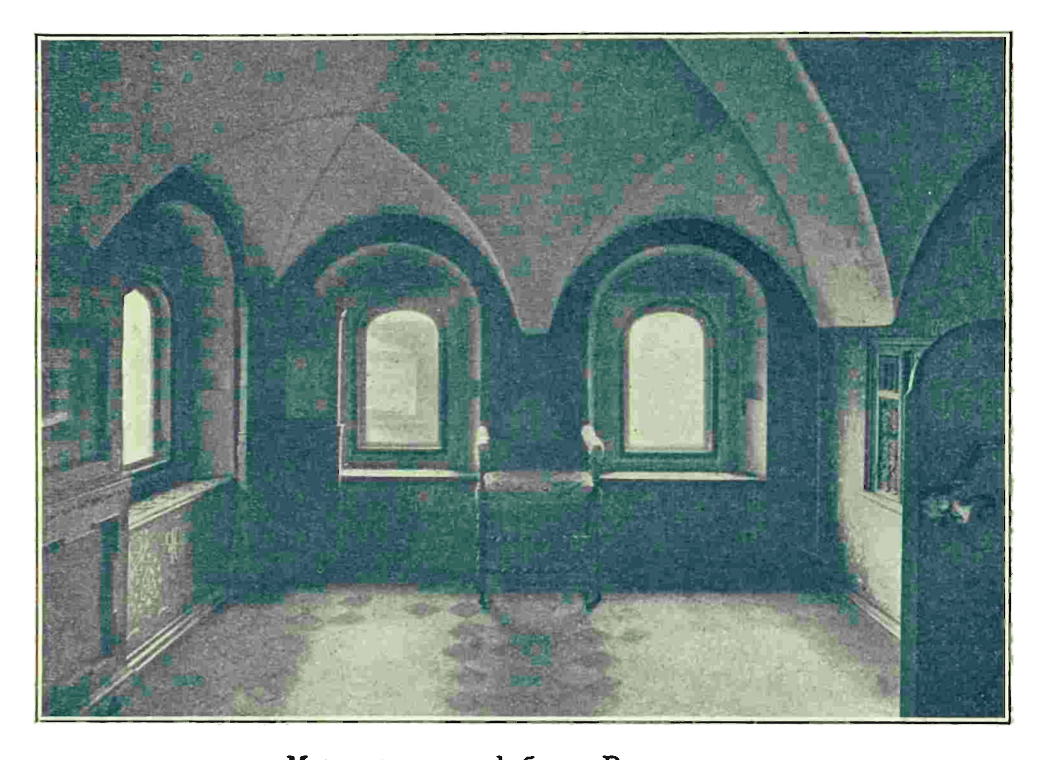


Опочивальня въ домѣ бояръ Романовыхъ.

женіе московской знати было учтено. Для многихъ казалось невозможнымъ искать царя между своими людьми, въ средѣ разбитаго боярскаго класса. И «восхотѣша начальницы паки себѣ царя отъ иновѣрныхъ», говоритъ лѣтописецъ. Возродилась мысль о желательности пригласить на московскій престолъ лицо изъ чуждаго владѣтельнаго рода. Король Сигизмундъ и его сынъ Владиславъ получали въ ту пору изъ Москвы вѣсти, что «на Москвѣ у бояръ... и у лучшихъ людей хотѣніе есть, чтобы просити на государство васъ великаго господаря королевича Владислава Жигимонтовича, а имянно де о томъ говорити не смѣютъ, боясь казаковъ, а говорятъ, чтобы обрать на господарство чужеземца». Шведскія власти,

занимавшія въ то время Новгородъ, также имѣли отъ русскихъ людей, попадавшихъ въ ихъ руки, неоднократныя указанія на то, что кн. Дм. М. Пожарскій и другіе «бояре» предпочитали шведскаго герцога Карла Филиппа туземному кандидату на престолъ. Словомъ, въ освобожденной Москвѣ, только что испытавшей на себѣ гнетъ чужой силы, снова тянулись къ этой самой силѣ изъ боязни собственнаго безсилія и безлюдья.

Но если «начальниковъ и бояръ» пугала мысль объ избраніи на царство своего туземнаго кандидата, то прочую массу московскихъ избирателей и простыхъ обывателей страшила возможность новаго воцаренія иноземца. Лѣтописецъ прямо говоритъ,



Моленная въ домѣ бояръ Романовыхъ.

что «народи ратніи не восхотѣша сему быти». Въ особенности же среди этихъ «ратныхъ народовъ» настроены противъ иноземца были казаки. По многимъ извѣстіямъ именно они «примѣривали» на царство туземныхъ кандидатовъ и своимъ неспокойнымъ настроеніемъ создавали очень тревожную атмосферу въ Москвѣ. Не раздѣлявшее боярской мысли объ иноземномъ царѣ среднее населеніе Москвы, тѣмъ не менѣе, смотрѣло на казаковъ съ великимъ опасеніемъ, боясь самаго ихъ «патріотизма». Желаніе казаковъ посадить на престолъ ихъ собственнаго кандидата казалось очень рискованнымъ: на Московскомъ царствѣ могло оказаться отрожденіе самозванщины — «Маринкинъ сынъ», «воренокъ» царевичъ Иванъ.

Какъ ни странно кажется это на первый взглядъ современному намъ наблюдателю, страхъ москвичей предъ побѣжденнымъ и, казалось бы, укрощеннымъ казачествомъ воскресъ въ концѣ 1612 года съ новою силою, и «казачій вопросъ» получилъ особую остроту въ Москвѣ, именно ко времени царскаго избранія.

Острота отношеній къ казачеству создана была тѣмъ неожиданнымъ для москвичей обстоятельствомъ, что казаки къ концу 1612 года не ждано, не гадано оказались въ Москвѣ многочисленнѣе всѣхъ прочихъ родовъ московскаго воинства. Когда войско кн. Пожарскаго завоевало Москву, оно сочло, что его «походъ» оконченъ, и служилые люди получили разрѣшеніе воз-

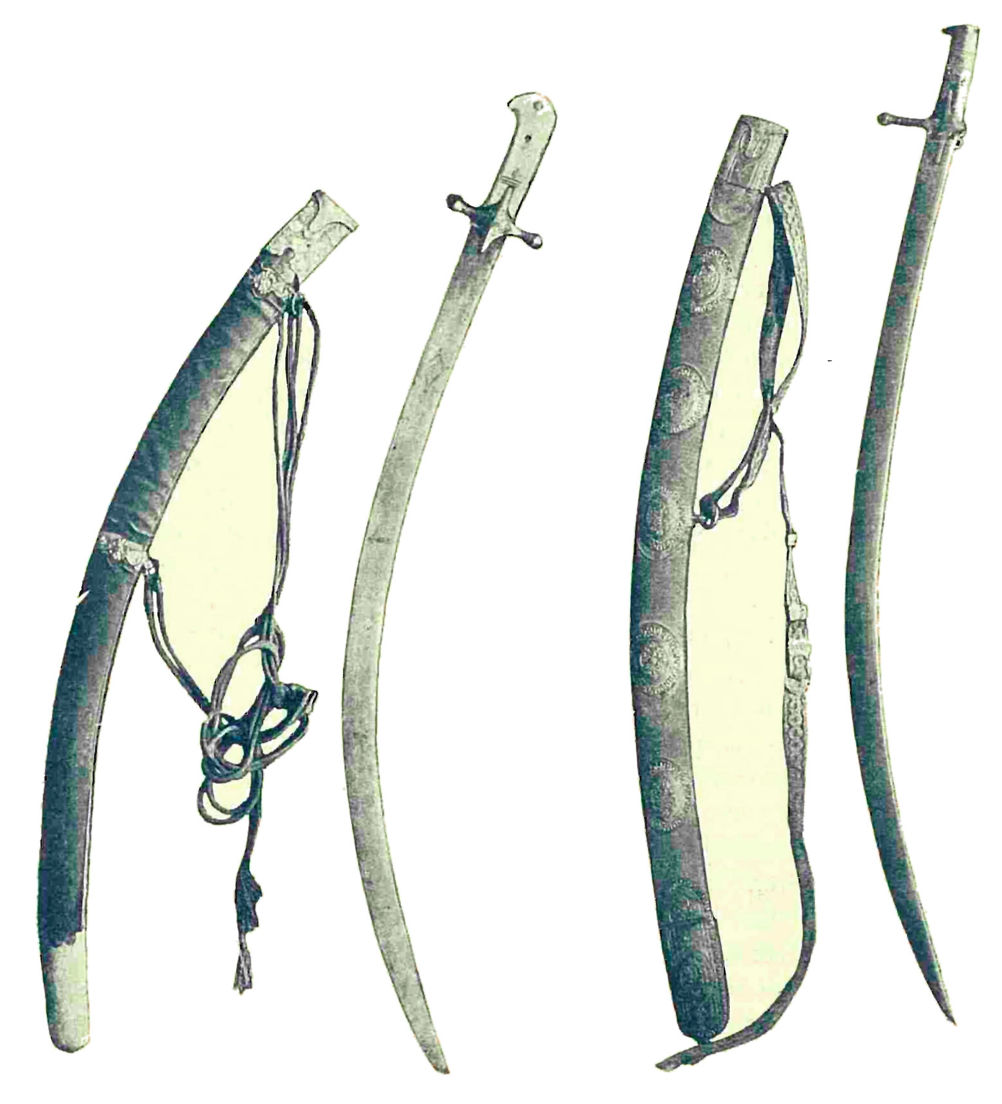
Знамя кн. Д. М. Пожарскаго.

вратиться въ свои уѣзды по домамъ. Содержать полностью всю рать въ разоренной Москвѣ властямъ было трудно; еще труднѣе было служилому люду кормиться тамъ своими средствами. Не представлялось и прямой нужды держать въ столицѣ большія массы полевого войска, ибо врага близко не было. Казалось достаточнымъ оставить въ Москвѣ лишь необходимый гарнизонъ. По обычному порядку въ составъ его вошли московскіе дворяне, нѣкоторыя группы «городовыхъ» дворянъ изъ различныхъ уѣздовъ, затѣмъ остатки стараго московскаго гарнизоннаго войска — стрѣльцы, — и наконецъ, казаки. Послѣднихъ некуда было распустить, какъ

дворянъ, — по ихъ бездомовности, и въ то же время ихъ нельзя было разослать на службу въ города — по ихъ ненадежности. Приходилось ихъ всѣхъ оставить въ столичномъ гарнизонѣ; а было ихъ тогда, по точному показанію одного современника, 4.500 человѣкъ, стрѣльцовъ же насчитывали около тысячи человѣкъ, а дворянъ и дѣтей боярскихъ «всего тысячи съ двѣ». Такимъ образомъ въ исходѣ 1612 года казачье войско въ Москвѣ числомъ болѣе чѣмъ вдвое превосходило дворянскую силу и раза въ полтора превосходило дворянъ и стрѣльцовъ вмѣстѣ взятыхъ. Почуявъ свое численное преобладаніе, казаки подняли головы и думали снова, какъ въ 1611 году, овладѣть положеніемъ дѣлъ въ столицѣ. Современники отмѣтили такое настроеніе казаковъ: дворянинъ Иванъ Философовъ прямо выразился такъ, что «во всемъ казаки бояромъ и дворяномъ сильны, дѣлаютъ, что хотятъ»; шведы говорили о казакахъ, что въ ту пору «казаки въ московскихъ столпѣхъ сильнѣйшіи»: словомъ «столпѣхъ» московскіе толкачи, повидимому, передали слово «Stände» нѣмецкой записи словъ Философова.

Вотъ этотъ-то сильнѣйшій и безпокойнѣйшій «столпъ» московскимъ властямъ и предстояло обезпечить кормами и держать въ повиновеніи и порядкѣ. Задача оказывалась не по силамъ временному правительству кн. Трубецкого и кн. Пожарскаго, за которыми уже не было большой и сильной земской рати. Съ одной стороны, казаки настойчиво и беззастѣнчиво требовали кормовъ и всякаго жалованья, а съ другой—они открыто мечтали о возведеніи на царство своихъ кандидатовъ. По сообщенію лѣтописца, казаки послѣ взятія Кремля «начаша прошати жалованья безпрестанно»; они «всю казну московскую взяша, и едва у нихъ немного государевы казны отняша»; изъ-за казны они однажды пришли въ Кремль и хотѣли «побить» начальниковъ (князей Трубецкого и Пожарскаго), но дворяне не допустили до этого и межъ ними «едва безъ крови проиде». По словамъ Ив. Философова, московскія власти «что у кого казны сыщутъ, и то все отдаютъ казакамъ въ жалованье; а что (при сдачѣ Москвы) взяли въ Москвѣ у польскихъ и русскихъ людей, и то все поимали казаки жъ». Изъ опросовъ русскихъ людей шведы узнали, что при такомъ дѣлежѣ военной добычи «каждый казакъ получилъ деньгами и цѣнными вещами по восьми рублей»,—сумма, для того времени очень значительная. Тѣмъ не менѣе, казаки этимъ не удовольствовались, и ихъ спокойствіе и послушаніе приходилось покупать все новыми и новыми подачками. Одновременно съ требованіемъ «кормовъ» казаки проявляли и нѣкоторую политическую требовательность. Они, очевидно, возвращались къ мысли о политическомъ преобладаніи, утерянномъ ими вслѣдствіе успѣховъ рати кн. Пожарскаго. Были обстоятельства, наводившія на такую мысль: послѣ Московскаго очищенья во главѣ временнаго правительства по чиновному старшинству почитался казачій воевода кн. Д. Т.

Трубецкой; главную силу московскаго гарнизона составляли казаки; было явно, что ихъ боялись. Соблазнительна была въ ихъ глазахъ возможность повлiять на дальнѣйшую судьбу Московскаго царства. Увлекаясь этою возможностью, казаки заранѣе — до



Сабля Минина. Сабля князя Пожарскаго.

собора, имѣвшаго избрать государя,—уже «примѣривали» на престолъ наиболѣе достойныхъ, по ихъ мнѣнiю, и удобныхъ лицъ. Таками оказывались сынъ бывшаго Тушинскаго вора «воровской Калужскiй» царевичъ и сынъ нареченнаго Тушинскаго патрiарха Филарета Романова.

IV.

Итакъ, мы знаемъ теперь сложность московскихъ внутреннихъ отношеній предъ царскимъ избраніемъ 1613 года. Разбитая смутой московская знать не имѣла въ своемъ составѣ ни одной уцѣлѣвшей фамиліи, которая могла бы претендовать на занятіе престола съ надеждою его укрѣпить и защитить. Отсюда получала свою устойчивость мысль о призваніи царя изъ чуждой династіи. Повидимому, этой мысли держались не только тѣ бояре, которые уже разъ позвали царя изъ Польши, но и самъ кн. Пожарскій, ведшій въ Ярославлѣ переговоры съ Новгородомъ о принятіи царя изъ Швеціи. Однако идея объ иноземномъ монархѣ не имѣла никакой популярности въ массахъ. Казаки, высказываясь очень рѣзко противъ нея, «примѣривали» на московскій престолъ своихъ «тушинскихъ» кандидатовъ. Прочіе «народи» одинаково боялись и боярской идеи, и казацкихъ затѣй, но сами не знали, кого просить въ цари и «много, избирающи, искаху». «И многое было волненіе всякимъ людемъ», говоритъ лѣтописецъ. Надобно было обезопаситься отъ возможныхъ интригъ сверху и отъ грубаго насилія снизу и надобно было осмотрительно намѣтить достойнаго избранника на «вдовѣвшій» престолъ.

Таковы были задачи земскаго собора,. сошедшагося въ Москвѣ въ январѣ 1613 года. Каковъ же былъ этотъ соборъ?

До насъ почти совсѣмъ не дошло документовъ собора, кромѣ торжественной «утвержденной грамоты» объ избраніи М. Ѳ. Романова. Нѣтъ поэтому подробныхъ и точныхъ свѣдѣній о составѣ собора, о ходѣ его засѣданій и о послѣдовательности разсужденій и постановленій собора.

Что касается до состава собора, то извѣстно, что временное правительство кн. Трубецкого и Пожарскаго грамотами еще въ ноябрѣ 1612 года созывало въ Москву «изо всякихъ чиновъ», «изо всѣхъ городовъ», «по десяти человѣкъ отъ городовъ», для «государственныхъ и земскихъ дѣлъ», а главнымъ образомъ для избранія государя, которое должно было совершиться «всякими людьми отъ мала и до велика». Выборное начало въ представительствѣ выступаетъ на соборѣ 1613 года уже въ полной силѣ, какъ общепринятая и вполнѣ выработанная норма. Составъ земскаго собора 1613 года, судя по подписямъ его участниковъ на соборной грамотѣ, опредѣляется такъ: «освященный соборъ» включалъ въ себѣ трехъ митрополитовъ (Ефрема, Кирилла и Іону), архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ. Священники давали свои подписи вмѣстѣ съ городскими представителями и иногда называли себя «выборными», — знакъ, что они являлись на соборъ мірскими уполномоченными на основаніи тѣхъ порядковъ, которые укрѣпились въ городахъ въ Смутное время и втягивали духовенство

въ мірскія дѣла, вплоть до ратнаго дѣла. Поэтому-то бѣлое духовенство и слѣдуетъ считать не въ освященномъ соборѣ, а въ рядахъ земскихъ представителей. Боярская дума на соборѣ 1613 года играла особую роль. «Начальники» изъ Ярославля пришли съ Пожарскимъ подъ Москву и продолжали здѣсь быть правительственнымъ совѣтомъ. Когда бояре, сидѣвшіе въ Москвѣ съ поляками, были освобождены, они по сану своему должны были занять первыя мѣста въ синклитѣ у Пожарскаго. Но «начальники», очевидно, относились къ нимъ, какъ къ измѣнникамъ, и подняли вопросъ о нихъ. Одинъ изъ современниковъ записалъ, что въ Москвѣ бояръ, которые въ осадѣ сидѣли, «въ думу не припускаютъ, а писали о нихъ въ городы ко всякомъ людямъ: пускать ихъ въ думу или нѣтъ?» И вопросъ, повидимому, былъ рѣшенъ отрицательно: бояре разъѣхались изъ Москвы по селамъ и не были на самомъ избраніи царя. Ихъ возвратили въ Москву, когда Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ уже избранъ, для участія въ окончательномъ провозглашеніи новаго царя въ засѣданіи 21 февраля. Соборною же дѣятельностью руководили не эти старые бояре, а «начальники». Такъ устроены были высшіе органы управленія, церковнаго и государственнаго, вошедшіе въ соборъ. Земскіе представители на соборѣ 1613 года были, по основанію представительства, двухъ категорій. Одни явились на соборъ по старому порядку, въ силу своего служебнаго положенія; это — придворные чины, «большіе дворяне» и приказные люди. Другіе были посланы на соборъ по избранію и явились туда съ «договорами», то-есть, съ инструкціями избирателей, и «съ выборами за всякихъ людей руками», то-есть, съ документами, удостовѣряющими правильность ихъ избранія. Это были, по старому опредѣленію, «изо всѣхъ городовъ лучшіе и разумные постоятельные люди». Москва не опредѣляла ихъ числа точнымъ и обязательнымъ для городовъ порядкомъ. Въ одной грамотѣ Пожарскій просилъ опредѣленно по десяти человѣкъ отъ города; по другому свидѣтельству, изъ Москвы просили прислать «изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ, и изъ гостей, и изъ торговыхъ, и изъ посадскихъ, и изъ уѣздныхъ людей, выбравъ лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ людей, по скольку человѣкъ пригоже». Нельзя поэтому сказать, сколько всего выборныхъ ожидалось въ Москву. Нельзя опредѣлить и того, сколько ихъ дѣйствительно туда пріѣхало, такъ какъ у насъ нѣтъ точнаго списка участниковъ собора. Подъ однимъ экземпляромъ избирательной грамоты ими сдѣлано 235 подписей, подъ другимъ — 238 подписей, и въ обоихъ упомянуто около 277 именъ соборныхъ участниковъ. Но это не есть точное число. Выборные подписывали грамоту одинъ за многихъ товарищей, не называя ихъ поименно; такъ, выборныхъ нижегородцевъ было на соборѣ, какъ мы случайно знаемъ, не менѣе 19, а подписали грамоту всего 5 человѣкъ на одномъ экземплярѣ и 6 на другомъ. Можно поэтому

думать, что число участниковъ собора, и въ частности выборныхъ изъ городовъ, было гораздо больше, чѣмъ мы знаемъ по ихъ подписямъ. По нѣкоторымъ соображеніямъ можно полагать, что всего соборныхъ людей было до 700. Разбираясь въ тѣхъ данныхъ, какія представляютъ намъ подписи соборныхъ выборныхъ, мы видимъ, что на призывъ Москвы откликнулись много городовъ и уѣздовъ. Можно насчитать не менѣе 50 городовъ, представители которыхъ были на соборѣ 1613 года. Для того времени 50 городовъ очень большое число, тѣмъ болѣе внушительное, что въ него вошли города самыхъ различныхъ областей государства, отъ Бѣлаго моря до Дона и Донца. Такимъ образомъ въ территоріальномъ отношеніи составъ представительства надобно признать достаточно полнымъ. Въ сословномъ же отношеніи принято считать соборъ 1613 года самымъ полнымъ, потому что на немъ, кромѣ служилыхъ людей, казаковъ и тяглыхъ горожанъ, были еще «уѣздные люди». За уѣздныхъ людей на одномъ экземплярѣ избирательной грамоты есть 12 подписей, на другомъ — 11. Подъ этимъ немного неопредѣленнымъ названіемъ «уѣздныхъ людей» обыкновенно разумѣютъ представителей крестьянства. Для Двинскаго уѣзда это и вѣроятно, потому что на московскомъ сѣверѣ, какъ это извѣстно, процвѣтало крестьянское самоуправленіе въ свободныхъ крестьянскихъ общинахъ. Но для остальныхъ мѣстъ, отъ которыхъ явились представители «уѣздныхъ людей», это сомнительно. За исключеніемъ «Устюжны Желѣзныя», во всѣхъ прочихъ десяти уѣздахъ нельзя предполагать существованія свободныхъ отъ вотчинной власти крестьянскихъ міровъ. Эти мѣста московскаго юга (Тула, Брянскъ, Новосиль, Курскъ и др.) извѣстны господствомъ служилаго землевладѣнія въ его мелкихъ формахъ, исключавшихъ въ то время возможность развитія свободнаго крестьянскаго владѣнія и самостоятельныхъ тяглыхъ организацій. Въ этихъ уѣздахъ подъ «уѣздными людьми» надлежитъ разумѣть скорѣе всего низшіе разряды служилыхъ людей, приписанныхъ по службѣ къ городамъ, и обезпеченныхъ участками пахотной земли и угодьями внѣ городовъ. Осторожнѣе будетъ не настаивать на мысли, что на соборѣ 1613 года сословное представительство было полнѣе, чѣмъ на прочихъ соборахъ XVII вѣка. На всѣхъ соборахъ одинаково крестьяне не пользовались правомъ отдѣльнаго представительства, и на всѣхъ соборахъ одинаково были представлены уѣздные люди. Представительство сѣверныхъ областей сливало въ одно уѣздныхъ крестьянъ съ посадскими людьми, съ которыми они иногда сливались и въ отношеніи податнаго самоуправленія а представительство южной половины государства соединяло уѣздныхъ людей низшихъ служилыхъ званій вмѣстѣ съ помѣстнымъ дворянствомъ въ одну группу «всякихъ служилыхъ людей».

Такъ опредѣлился составъ собора, избравшаго новую московскую династію. «Власти» и дума вошли въ соборъ цѣликомъ.

Высшіе слои служилаго московскаго люда были допущены безъ избирательныхъ полномочій и, если не поголовно, то въ очень большомъ числѣ — на основаніи ихъ служебнаго положенія и значенія. Рядовое провинціальное дворянство съ низшими слоями служилаго люда и городское податное населеніе съ близкими къ нему слоями свободнаго сѣвернаго крестьянства — были привлечены къ участію въ соборѣ на основѣ выборнаго представительства, въ которомъ приняло участіе и городское духовенство, избиравшее и избираемое въ городскихъ избирательныхъ округахъ.

Соображая всѣ условія тогдашней соборной практики и пріемы организаціи тогдашняго представительства, надобно признать соборъ 1613 года очень полнымъ и старательно составленнымъ. Насколько было можно, онъ хорошо представлялъ собою «всю землю» и казачье войско и поэтому имѣлъ безспорный политическій и моральный авторитетъ.

V.

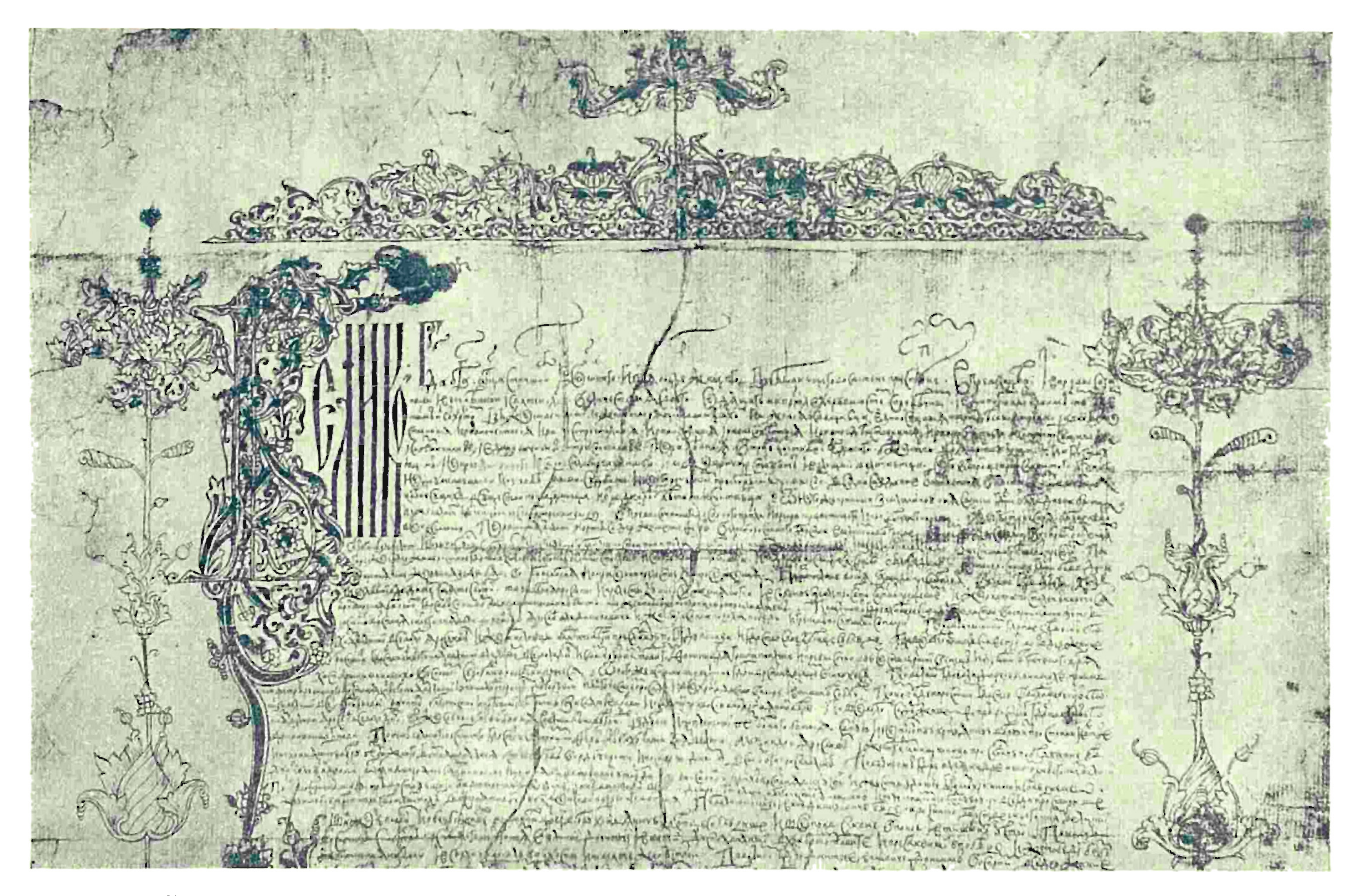
Ходъ занятій собора и ихъ внѣшній порядокъ намъ вовсе неизвѣстенъ. Можно только, съ нѣкоторою надеждою на достовѣрность, заключать о той послѣдовательности, съ какою работала на соборѣ избирательная мысль. Первымъ предметомъ сужденій былъ, повидимому, вопросъ объ иноземныхъ и иновѣрныхъ династіяхъ. Въ результатѣ преній состоялось общее рѣшеніе: «Литовскаго и Свійскаго короля и ихъ дѣтей, за ихъ многія неправды, и иныхъ никоторыхъ земель людей на Московское государство не обирать». Заодно тогда же былъ рѣшенъ вопросъ и о казачьей мечтѣ относительно «царевича Ивана»; постановили «Маринки съ сыномъ не хотѣть». Такимъ образомъ соборъ прежде всего поспѣшилъ покончить съ тѣмъ, что могло казаться ему «измѣною» и «воровствомъ». Ни иноземцу, ни «воренку» не бывать на московскомъ престолѣ; этимъ отнимались всякія надежды на успѣхъ боярскихъ интригъ или казацкаго засилья. Съ принятіемъ такого рѣшенія за средними земскими людьми оказалось важная побѣда, и они могли вести дѣло избранія по своему разумѣнію. «И говорили на соборѣхъ о царевичахъ (татарскихъ), которые служатъ въ московскомъ государствѣ, и о великихъ родѣхъ, кому изъ нихъ Богъ дастъ на Московскомъ государствѣ быти государемъ». Но уже было показано, что «великіе роды» московскіе находились благодаря Смутѣ въ полномъ разстройствѣ, и ни одинъ изъ нихъ не казался въ силахъ наслѣдовать «прежнимъ великимъ государямъ». Поэтому трудно было собору сразу остановить на комъ-нибудь свой выборъ; голоса избирающихъ разошлись: «койждо хотяше по своей мысли дѣяти», и каждый говорилъ про своего. Были и самочинные «желатели царства»: по сообщенію современника «многіе же отъ вельможъ,

желающи царемъ быти, подкупахуся, многимъ и дающи и обѣщающи многіе дары». Началась, словомъ, избирательная борьба: «по многи же быть собранія людемъ, дѣла же утвердити не могутъ и всуе мятутся сѣмо и овамо». Насколько можно судить, въ эту критическую минуту соборной дѣятельности на соборъ было оказано давленіе извнѣ, со стороны казачества и народныхъ массъ. Отказавшись отъ «воренка», казаки продолжали «примѣривать» на царство другого своего кандидата Михаила Ѳеодоровича Романова. По преданію, «славнаго Дону атаманъ» первый изъяснилъ собору права на царство Михаила. Къ мысли казаковъ о Михаилѣ Ѳеодоровичѣ примкнули и земскіе люди. Они толпою, вмѣстѣ съ казаками, пришли, напримѣръ, къ Троицкому келарю Авраамію Палицыну, прося этого популярнаго монаха довести до земскаго собора ихъ просьбу объ избраніи на престолъ именно М. Ѳ. Романова. Сталобыть, въ то время, когда на соборѣ «много избирающи искаху», внѣ собора земщина и казаки уже нашли имя, на которомъ могли искренно объединиться. Это имя они и несли на соборъ. Чѣмъ рѣшительнѣе соборъ становился противъ «Маринкина сына», тѣмъ внимательнѣе долженъ былъ онъ отнестись къ другому кандидату казаковъ — къ «Филаретову сыну», тѣмъ вдумчивѣе долженъ былъ онъ обсудить всѣ его шансы. Сойдясь съ безпокойною и грозною казачьей средою на одномъ кандидатѣ въ цари, соборъ достигалъ этимъ цѣннѣйшаго единодушія всей страны въ самомъ важномъ дѣлѣ того политическаго момента.

Шансы М. Ѳ. Романова были не малы и не маловажны. Прежде всего соборъ вспомнилъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ «блаженныя и славныя памяти великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Ивановича всея Руссіи сородичемъ — племянникомъ его благоцвѣтущей и неувядаемой отрасли». Дѣдъ Михаила Ѳеодоровича, бояринъ Никита Романовичъ Захарьинъ-Юрьевъ, приходился роднымъ братомъ первой женѣ Грознаго Анастасіи; а отецъ Михаила, Филаретъ Никитичъ, былъ двоюроднымъ братомъ царя Ѳеодора Ивановича. Такимъ образомъ нить ближняго свойства связывала Романовыхъ съ угасшимъ родомъ «великихъ государей» XVI вѣка. Съ другой стороны, въ XVI вѣкѣ семья Романовыхъ стала очень популярною благодаря ряду выдающихся лицъ, главнымъ же образомъ благодаря «кроткой голубицѣ», царицѣ Анастасіи, и ея брату Никитѣ Романовичу. Послѣдній перешелъ даже въ народную пѣсню съ возвышенными эпическими чертами. Вѣрный долгу и благородно безстрашный въ пѣснѣ, бояринъ Никита Романовичъ въ историческихъ документахъ представляется однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и вліятельныхъ «земскихъ» бояръ Грознаго. Его заслуги и фаворъ при Грозномъ подняли все его племя «Никитичей» на высшія ступени дворцовой знати. Придворное значеніе Романовыхъ къ концу XVI вѣка выросло настолько, что въ 1598 году въ народѣ уже ходилъ такой разсказъ,

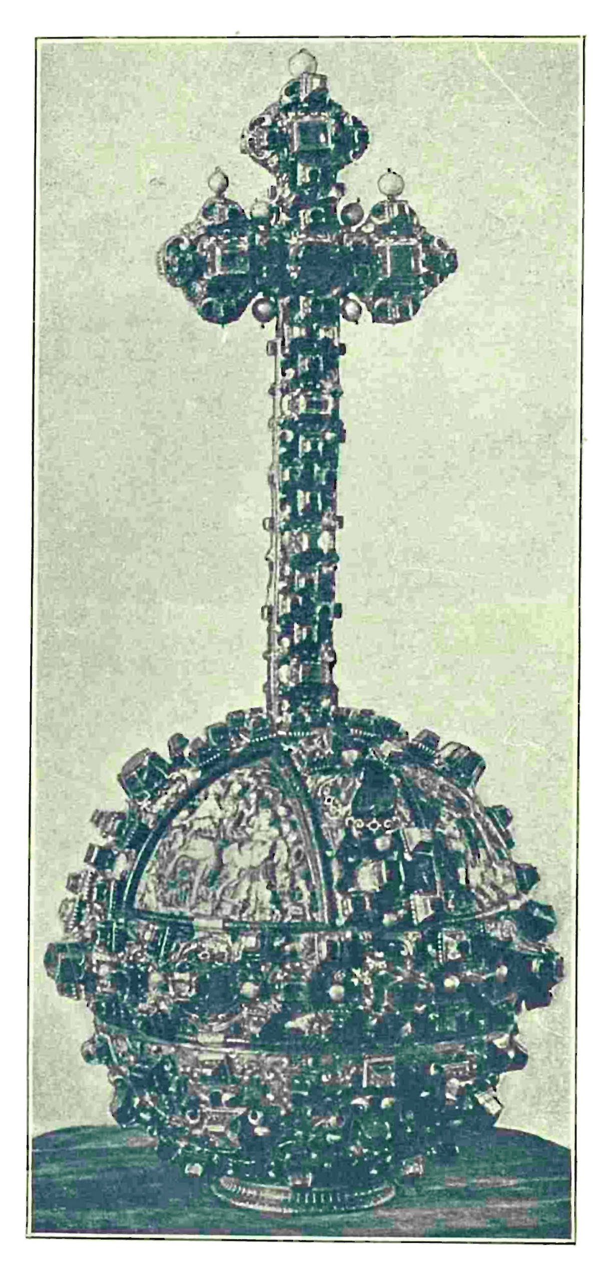
будто бы царь Θеодоръ, умирая, вручилъ свой скипетръ именно Никитичамъ. Старшій изъ Никитичей самъ пробовалъ было искать этого скипетра послѣ кончины царя Θеодора, но былъ вынужденъ уступить царство Годунову, а изъ рукъ послѣдняго получилъ себѣ невольное иночество. Въ 1610 году, въ пору призванія Владислава, москвичи, не желавшіе иновѣрца, говорили о возможности избранія на престолъ либо князя В. В. Голицына, либо малолѣтняго Михаила Романова. Такимъ образомъ рядъ житейскихъ или эпическихъ воспоминаній могъ удостовѣрить предъ членами избирательнаго собора какъ близкое свойство Михаила со старой династіей, такъ и принадлежность его къ старой дворцовой знати съ ея традиціонно-охранительными настроеніями. Собственно «казачьяго» въ этомъ казачьемъ кандидатѣ не было ничего, и казаки «примѣривали» его на царство лишь какъ сына іерарха, стоявшаго когда-то (вольно или невольно) во главѣ Тушинскаго духовенства. Было особое счастье въ томъ, что земщина могла спокойно и безъ опасеній за будущій государственный порядокъ принять казачьяго кандидата и сдѣлать его въ такой же мѣрѣ и своимъ. Надобно думать, что именно это соображеніе рѣшило дѣло въ пользу Михаила Θеодоровича, несмотря на то, что онъ былъ очень молодъ, болѣзненъ и безпризоренъ: отецъ его былъ въ польскомъ плѣну.

7 февраля 1613 года земскій соборъ избралъ на царство Михаила Θеодоровича Романова «единомышленнымъ и нерозвратнымъ совѣтомъ» всѣхъ участниковъ избранія «отъ мала и до велика, не токмо въ мужественномъ возрастѣ — и до сущихъ младенецъ». Но изъ осторожности соборъ отложилъ торжественное оглашеніе совершеннаго имъ избранія на двѣ недѣли — до воскресенья 21 февраля. Въ этомъ срокъ, во-первыхъ, созвали въ Москву отсутствовавшихъ бояръ, «князя Θ. И. Мстиславскаго съ товарищи», повидимому удаленныхъ изъ Москвы за свою «измѣну» во время «осаднаго сидѣнія» въ Кремлѣ и не принимавшихъ участія въ соборѣ. А во-вторыхъ, отъ собора въ ближайшіе города «послали тайно во всякихъ людяхъ мысли ихъ про государское обиранье провѣдывати вѣрныхъ и богобоязненныхъ людей, кого хотятъ государемъ царемъ на Московское государство во всѣхъ городѣхъ». Иначе говоря, рѣшились провѣрить, любъ ли будетъ городамъ предызбранный М. Θ. Романовъ. Получивъ добрыя вѣсти и дождавшись бояръ, соборъ «на сборное воскресеніе» 21 февраля, «уговѣвъ первую недѣлю великаго поста», сошелся на великое дѣло торжественнаго «царскаго собранія». Михаилъ Θеодоровичъ былъ провозглашенъ государемъ «въ большомъ московскомъ дворцѣ въ присутствіи — внутри и внѣ — всего народа изо всѣхъ городовъ Россіи». Избраніе такимъ образомъ совершилось, и немедля стали искать М. Θ. Романова, пославъ къ нему пословъ «въ Ярославль, или гдѣ онъ, государь, будетъ».

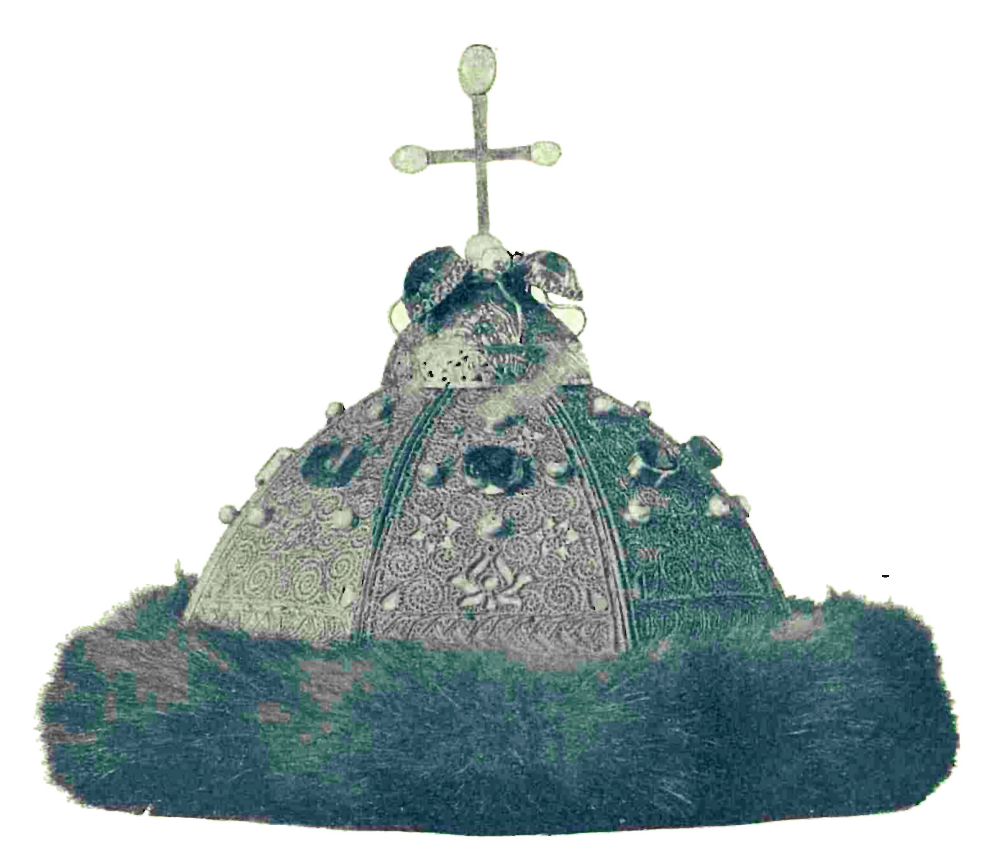


Соборная грамота объ избранiи на царство Михаила Θеодоровича. (Верхняя половина).
Хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ.

Когда новаго государя нашли въ Костромѣ и отъ него получили согласіе принять всенародно избраніе, — въ Московскомъ государствѣ началась новая эпоха государственнаго строительства.



Держава царя Михаила Өеодоровича.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.



Шапка Мономаха.
Золотая; древнѣйшая русская работа; какого-либо другого предмета подобной работы неизвѣстно.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

ЦАРЬ
Михаилъ Ѳеодоровичъ.

I.

Родители царя Михаила Ѳеодоровича, его личная и семейная жизнь.

(1596 — 1613 — 1645).

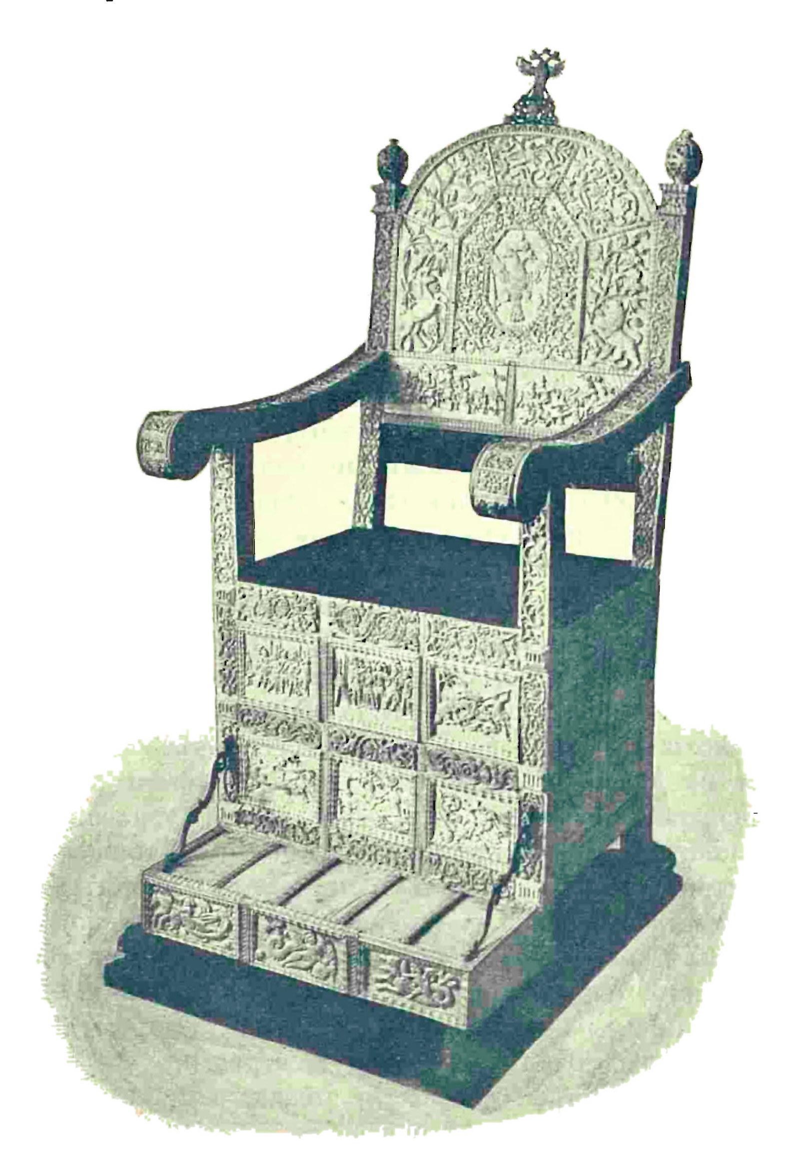
Избраніе царя совѣтомъ всей земли поставило у кормила власти государя-юношу, которому не исполнилось еще и 17 лѣтъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ выросъ въ тяжелыхъ и тревожныхъ условіяхъ Смутнаго времени, поразившаго семью бояръ Романовыхъ рядомъ грозныхъ бурь, чтобы вознести ее затѣмъ на ту высоту, у подножія которой стояли отецъ и дѣдъ царя Михаила. Извѣстно, что на брата первой своей царицы, Никиту Романовича Захарьина-Юрьева, оставилъ свое государство Грозный царь. Не сломи боярина Никиту преждевременная смертная болѣзнь, едва ли бы могъ разы-

Царь Михаилъ Θеодоровичъ.
1596 – 1645.
(Съ оригинала, находящагося въ Романовской галлереѣ Зимняго Дворца.)

граться тотъ правительственный, династическій кризисъ, который составилъ государственную сторону Смуты. Но Никита Романовичъ сошелъ съ житейской сцены раньше, чѣмъ окрѣпло для преемства по немъ во вліяніи и значеніи его цвѣтущее семейное гнѣздо—пять его сыновей, пять братьевъ Никитичей; никто изъ этой молодежи не успѣлъ еще въ моментъ смерти отца достигнуть боярскаго сана. Главою семьи, сильной связями въ боярской средѣ и популярной въ народѣ, остался старшій изъ Никитичей, Ѳеодоръ, отецъ будущаго государя. Даровитый и энергичный бояринъ выступилъ соперникомъ Бориса Годунова по соисканію осиротѣвшаго престола московскихъ Даниловичей. Но часъ его еще не пришелъ, а за разрывъ «завѣщательнаго союза дружбы» между Романовыми и Годуновыми Никитичамъ и ихъ роднѣ и друзьямъ довелось поплатиться царской опалой. Царь Борисъ не забылъ бурныхъ столкновеній избирательной борьбы 1597 года. Пытаясь обезоружить Романовыхъ признаніемъ ихъ высокаго боярскаго положенія, онъ въ то же время окружилъ ихъ недовѣрчивымъ надзоромъ, а когда почуялъ, что не тверда почва подъ его престоломъ, не колебался, гдѣ искать корней опасности для своей власти и своихъ династическихъ плановъ: въ 1601 году взята была подъ стражу и на розыскъ вся семья бояръ Романовыхъ. Гласно ихъ обвинили въ колдовствѣ, будто бы найдя у одного изъ нихъ, Александра Никитича, какое-то «коренье». Братьевъ Никитичей съ семьями и нѣсколькихъ представителей другихъ боярскихъ фамилій, связанныхъ съ ними узами родства и дружбы, постигла ссылка. Истинный смыслъ дѣла заключался въ обвиненіи, что Романовы «хотѣли царство достать». Всего суровѣе обрушилась царская опала на Ѳеодора Никитича. Семья его была разбита; самъ бояринъ испыталъ обычный московскій пріемъ удаленія опасныхъ людей съ политическаго поприща — насильное постриженіе, и сталъ инокомъ Филаретомъ въ далекомъ Антоніевомъ-Сійскомъ монастырѣ; его жена, Ксенія Ивановна, пострижена была подъ именемъ инокини Мареы и сослана въ глухой Толвуйскій погостъ въ Заонежьи, а пятилѣтній Михаилъ, разлученный съ родителями, отданъ, вмѣстѣ съ сестрой Татьяной, на попеченіе тетки, кн. Мареы Никитичны Черкасской, и раздѣлялъ ея ссылку сперва на Бѣломъ Озерѣ, потомъ въ селѣ Клинѣ, Юрьевскаго уѣзда, вотчинѣ Романовыхъ. Сюда въ слѣдующемъ же году прибыла съ разрѣшенія царя Бориса и мать Михаила, инокиня Мареа, съ тѣхъ поръ не разлучавшаяся съ сыномъ. Но отца онъ увидалъ не скоро. Только скоропостижная кончина царя Бориса освободила инока Филарета изъ монастырскаго заточенія. Занявъ московскій престолъ, самозванецъ поспѣшилъ призвать въ Москву своихъ мнимыхъ свойственниковъ, возвелъ Филарета на митрополичью каѳедру ростовскую, и сына его пожаловалъ въ стольники.

Надежды Филарета Никитича на возвращеніе къ силѣ и вліянію на Москвѣ, какія онъ такъ смѣло высказывалъ въ своемъ да-

лекомъ монастырѣ, пока шла борьба Годунова съ самозванцемъ, не оправдались. Онѣ лишь свидѣтельствовали, что поневолѣ носимый клобукъ не смирилъ его духа. Большое честолюбіе, яркій политическій темпераментъ и выдающіяся государственныя способности



Древнѣйшій тронъ русскихъ государей. Слоновой кости, итальянской и нѣмецкой работы. XV—XVI в.
Употребляется при Священномъ коронованіи.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

манили попрежнему къ видной и широкой дѣятельности. По формѣ цѣль этихъ стремленій неизбѣжно должна была измѣниться. Не царскій, а патріаршій престолъ могъ теперь стать крайнимъ предѣломъ личной мечты Филарета. Съ паденіемъ самозванца, съ

воцареніемъ Василія Шуйскаго онъ близко подошелъ къ этой новой цѣли, сталъ «нареченнымъ патріархомъ», но волею судебъ и политическихъ отношеній не переступилъ послѣдней ступени, а вернулся на свою ростовскую митрополію. Повидимому, даже патріаршество не могло бы примирить Филарета съ воцареніемъ Шуйскаго. Смутныя вѣсти говорятъ о движеніи противъ новаго

Тронъ Михаила Θеодоровича, усыпанный драгоцѣнными камнями.
Употребляется при Священномъ коронованіи.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

царя, разыгравшемся на Москвѣ въ то время, какъ нареченный патріархъ ѣздилъ въ Угличъ съ порученіемъ перевезти въ столицу мощи св. царевича Димитрія; московскіе слухи приписали починъ движенія митр. Филарету, новая опала постигла близкихъ ему людей, а самъ онъ покинулъ Угличъ для возвращенія въ Ростовъ, патріархомъ же сталъ Гермогенъ. Михаилъ остался съ матерью

въ Москвѣ, изрѣдка покидая столицу для богомольныхъ поѣздокъ по монастырямъ. Тутъ мать и сынъ пережили бурныя впечатлѣнія временъ царя Василія и Междуцарствія, рядъ событій, въ теченіи которыхъ постоянно выясняется общественно-политическая роль ростовскаго митрополита.

Филаретъ Никитичъ остался и подъ монашескимъ клобукомъ главою тѣхъ общественныхъ элементовъ, связь съ которыми служила опорой для значенія боярскаго дома Романовыхъ и выдвинула ихъ на первое и притомъ безспорное мѣсто, когда назрѣлъ вопросъ о возстановленіи разрушенной храмины Московскаго государства. Въ противоположность Шуйскому, первому среди княжескихъ фамилій московскаго боярства, Филаретъ и по личнымъ свойствамъ, и по семейной традиціи былъ центральной фигурой среди той придворной знати, которая опиралась не на наслѣдіе удѣльныхъ временъ, а на службу царямъ и сотрудничество съ ними въ дѣлѣ государственнаго строительства. Къ этому нетитулованному служилому боярству тянули высшіе слои служилаго сословія, московскіе дворяне и дѣти боярскія; крѣпче и устойчивѣе были его связи съ приказнымъ людомъ и дворянствомъ провинціальнымъ, со всѣми непримиримыми врагами владычества княжатъ, дорожившими зато государственною работой, которую совершили цари XVI в. и преемникъ ихъ завѣтовъ, царь Борисъ. Представителями этихъ среднихъ слоевъ служилаго класса окруженъ митр. Филаретъ, когда — вольно или невольно — играетъ роль патріарха при «царѣ Димитріѣ», тушинскомъ самозванцѣ; ихъ руками расчищенъ ему путь къ власти низложеніемъ царя Василія, и трудно сомнѣваться, что Филаретъ, не будь на немъ постриженія, явился бы сильнѣйшимъ кандидатомъ на престолъ въ наставшее безгосударное время. Теперь же рядомъ съ именемъ кн. В. В. Голицына, представителя родословной знати, выступаетъ имя другого кандидата на царскій вѣнецъ—юноши Михаила.

Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы чѣмъ-нибудь себя заявить, особенно въ столь бурные годы. Русскіе люди, скорбѣвшіе о разрухѣ, постигшей Московское государство, останавливали мысль свою на немъ, конечно, не ради его самаго. Но молодой бояринъ оказывался единственнымъ возможнымъ кандидатомъ той среды, которая была носительницею традицій московскаго государственнаго строительства. Рядомъ съ нимъ стоялъ его отецъ, который среди полнаго упадка авторитета и популярности остального боярства сильно поднялъ свое значеніе мужественной ролью защитника національной независимости и территоріальной неприкосновенности Московскаго государства въ переговорахъ съ королемъ Сигизмундомъ объ условіяхъ избранія на царство королевича Владислава. Ссылка главы земскаго посольства въ польскій плѣнъ за твердое стояніе окружила его имя большимъ почетомъ и способствовала успѣху мысли объ избраніи въ цари его сына,

рядомъ съ которымъ станетъ и самъ Филаретъ, какъ патріархъ всея Руси.

Крупная фигура Филарета Никитича естественно отодвигала въ тѣнь обликъ его юнаго сына. «Властительный», сильный дѣятельною волей, политическимъ опытомъ и государственнымъ умомъ, Филаретъ Никитичъ послѣ возвращенія изъ польскаго плѣна сталъ въ санѣ святѣйшаго патріарха вторымъ «великимъ государемъ», который на дѣлѣ «всякими царскими дѣлами и ратными владѣлъ» до своей кончины. Офиціально на первомъ мѣстѣ стоялъ, конечно, царственный сынъ. Филаретъ Никитичъ съ тѣхъ поръ, какъ получилъ извѣщеніе объ его избраніи, неизмѣнно титулуетъ его государемъ. Въ отношенія отца и сына вступаетъ торжественная струя сознанія важности ихъ высокаго положенія. Отецъ сталъ патріархомъ, сынъ — царемъ, и оба никогда этого не забывали въ личномъ общеніи. До насъ дошла довольно обширная ихъ переписка, въ которой тщетно будемъ искать той свободы въ выраженіи личнаго чувства, которая придаетъ такое обаяніе письмамъ царя Алексѣя Михайловича. Патр. Филаретъ письма къ сыну начинаетъ полнымъ царскимъ титуломъ, называетъ его «по плотскому рожденію сыномъ, а о Святѣмъ Дусѣ возлюбленнѣйшимъ сыномъ своего смиренія», царь Михаилъ пишетъ «честнѣйшему и всесвятѣйшему отцу отцемъ и учителю, прежь убо по плоти благородному нашему родителю, нынѣ же превосходящему святителю, великому господину и государю, святѣйшему Филарету Никитичу, Божіею милостью патріарху московскому и всея Русіи». Лишь очень рѣдко удается современному читателю уловить сквозь условныя формы языка этихъ грамотъ проявленія болѣе простыхъ и сердечныхъ отношеній; но они чувствуются въ заботливыхъ сообщеніяхъ о здоровьи, въ обмѣнѣ подарками, въ отдѣльныхъ оборотахъ рѣчи, вкрапленныхъ свѣтлыми точками въ чинную внѣшность царскихъ и патріаршихъ грамотъ. Отношенія царя Михаила къ отцу-патріарху полны глубокой, можно сказать робкой, почтительности. Рѣчь Филарета звучитъ властно, какъ рѣчь человѣка, увѣреннаго, что его совѣты и указанія будутъ приняты съ должнымъ благоговѣніемъ не только къ свѣдѣнію, но и къ исполненію. Современники замѣчали, что царь Михаилъ побаивался отца-патріарха. Во всякомъ случаѣ, онъ ни разу не вышелъ изъ его воли, а въ дѣлахъ правленія признавалъ, что «каковъ онъ государь, таковъ и отецъ его государевъ великій государь, святѣйшій патріархъ: ихъ государево величество нераздѣльно».

Немудрено, что мы мало знаемъ лично о царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Не только въ государственной, но и въ дворцовой, личной его жизни рядомъ съ нимъ стояли лица, несравненно болѣе энергичныя, чѣмъ онъ, руководили его волей, по крайней мѣрѣ его поступками. Онъ и выросъ и большую часть жизни своей прожилъ не только подъ обаяніемъ властной натуры отца, но и подъ

сильнѣйшимъ вліяніемъ матери. А Ксенія Ивановна была достойною по силѣ характера супругой своего мужа. Происходила она изъ неродословной семьи костромскихъ дворянъ Шестовыхъ, но бракомъ съ Ѳ. Н. Романовымъ была введена въ первые ряды московскаго общества, пережила съ мужемъ царскую опалу, но ни ссылка, ни подневольное постриженіе и ея крѣпкой натуры не сломили. Рѣзкія, выразительныя черты ея лица, сохраненныя намъ ея портретами, показываютъ, какъ и данныя ея біографіи, что она едва ли уступала супругу во властности и упорствѣ нрава. Все, что

Патріархъ Филаретъ.
Съ портрета въ Романовской галлереѣ Зимняго дворца.

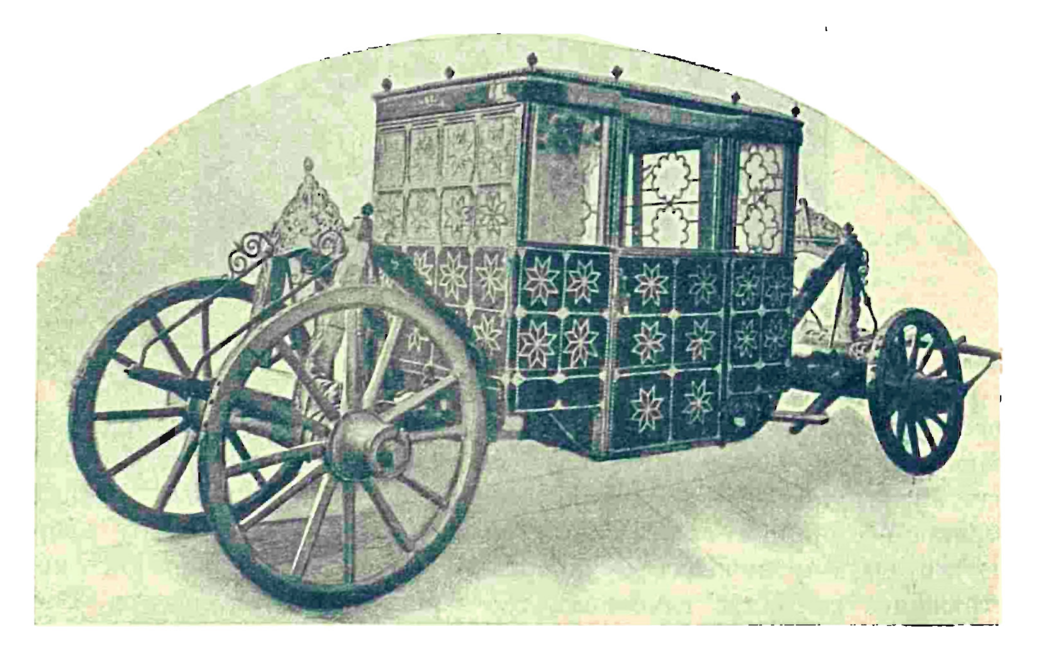
мы о ней знаемъ, заставляетъ полагать, что она всей душой раздѣляла честолюбивыя мечтанія и стремленія Ѳеодора-Филарета, и сумѣла взять въ свои руки власть, когда совершилось, въ отсутствіе отца, томившагося въ польскомъ плѣну, избраніе ихъ сына на царскій престолъ. Инокиня Марѳа ведетъ переговоры съ посольствомъ земскаго собора, свидѣтельствующіе, что она со своими совѣтниками сумѣла вполнѣ понять положеніе и овладѣть имъ. Она выясняетъ всѣ трудности, какія встрѣтитъ новое правительство на своемъ пути, вызываетъ представителей «совѣта всей земли»

на рядъ обѣщаній, которыя руководители юнаго царя затѣмъ обратили въ обязательства, требуя отъ земскаго собора дѣятельной государственной работы для возстановленія силъ и средствъ верховной власти. Ея воля рѣшаетъ согласіе Михаила принять вѣнецъ царскій, и не даромъ читаемъ мы въ грамотахъ, оповѣщавшихъ о вступленіи на престолъ новаго государя, что онъ «учинился на великихъ государствахъ по благословенію матери своей, великія государыни, старицы инокини Мароы Ивановны». Ея опекаю-

Великая инокиня Мароа.
Съ портрета въ Романовской галлереѣ Зимняго дворца.

щее руководство имѣло большое значеніе въ жизни Михаила Өеодоровича не только до 1619 г., когда ему удалось «батюшку своего изъ Литвы къ Москвѣ здраво выручить», но и позднѣе. Вліяніе «великой старицы» охватывало, однако, лишь узкую сферу дворцоваго быта и личныхъ придворныхъ отношеній, только косвенно отражаясь на болѣе глубокихъ государственныхъ интересахъ. Собственно руководство дѣлами правленія осталось внѣ кругозора инокини Мароы, и если современникамъ казалось, что она стоитъ въ центрѣ новаго правительства, «поддерживая царство со своимъ

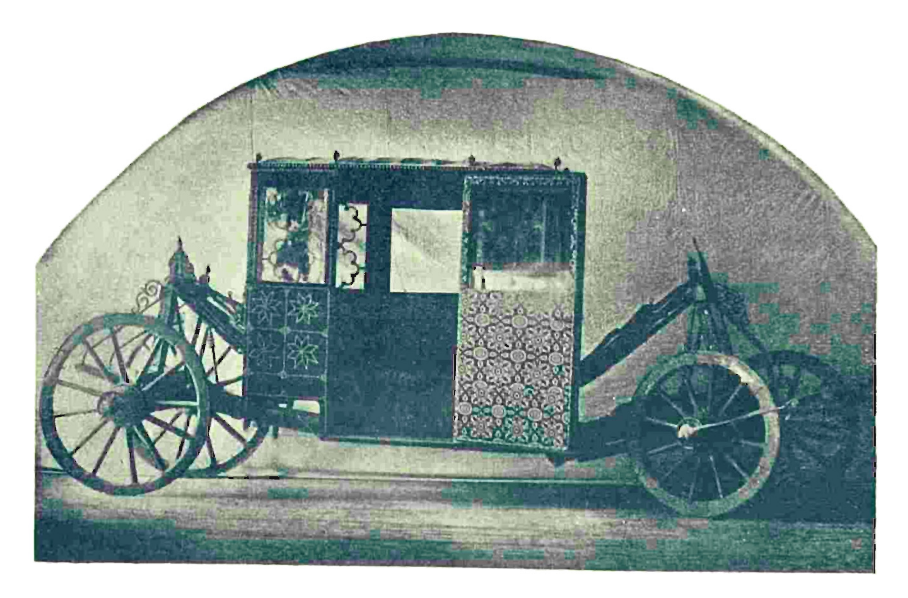
родомъ», то лишь потому, что ея воля царила первые годы въ царскомъ дворцѣ и опредѣляла составъ правящей среды покровительствомъ ея роднѣ и близкимъ людямъ Романовскаго круга. Старица Мароа стала «великой государыней». Ея имя, какъ позднѣе имя патр. Филарета, появляется въ царскихъ грамотахъ рядомъ и вмѣстѣ съ именемъ ея царственнаго сына, по формулѣ: «Божіей милостью мы, великій государь, и мать наша, государыня великая, старица инокиня Мароа»; жалованныя грамоты даетъ «великая старица» и особо, своимъ именемъ. Быстро слагается новый придворный кругъ своихъ людей, укрѣпляетъ свое положеніе должностными назначеніями и земельными пожалованіями. Въ его центрѣ — любимые племянники Мароы Ивановны, Салтыковы, за ними другіе родичи, свойственники и пріятели. Эта среда и стала во главѣ возрождавшейся администраціи въ соединеніи съ приказными дѣльцами, руководителями текущихъ дѣлъ правленія. Предоставивъ довѣреннымъ людямъ вѣдать государство, старица Мароа Ивановна крѣпко держала дворецъ, его бытъ и интересы, выступая подлинно государыней. Еще съ пути къ столицѣ царь указалъ приготовить къ своему пріѣзду Золотую Палату царицы Ирины Өеодоровны, а для матери своей — бывшія хоромы супруги царя Василія Шуйскаго. Но московское разоренье сдѣлало царскій указъ неисполнимымъ: указанныя хоромы оказалось «вскорѣ подѣлати не мочно и нечѣмъ; денегъ въ государевѣ казнѣ нѣтъ и плотниковъ мало, а полаты и хоромы всѣ безъ кровель, и мостовъ въ нихъ, и лавокъ, и дверей, и оконъ нѣтъ, дѣлать все на



Бархатная карета патр. Филарета.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

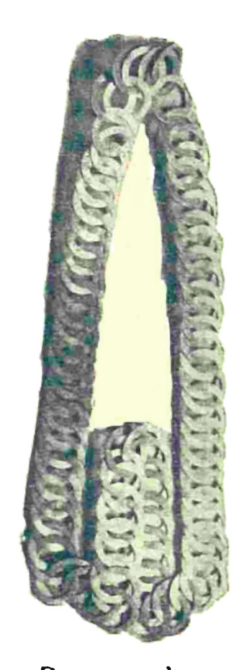
ново, а лѣса такова, каковъ на ту подѣлку пригодится, нынѣ вскорѣ не добыть». Такъ доносили изъ Москвы и пока распорядились посвоему. Для государя изготовили старыя царскія хоромы, гдѣ живалъ царь Іоаннъ Васильевичъ и гдѣ былъ теремъ царицы Анастасіи Романовны, а для государыни-матери царской — хоромы, гдѣ живала царица Марѳа Нагая, въ Вознесенскомъ монастырѣ. Въ Москвѣ, видно, полагали, что «великой старицѣ» надо приготовить монастырское помѣщеніе; и старица Марѳа осталась жить въ немъ, хотя первоначально отвѣчено было, что въ этихъ хоромахъ царской матери жить негоже, придавъ всему своему быту характерную двойственность. Связь съ монастыремъ оттѣняла ея принадлежность къ «чину ангельскому», но, какъ великая государыня, Марѳа Ивановна стояла внѣ монастырскаго начала, окруженная люднымъ штатомъ боярынь и прислужницъ-міряновъ и старицъ-инокинь. Къ ней перешло все, что осталось изъ казны и цѣнной рухляди прежнихъ царицъ, а работа возстановленной царицыной мастерской полаты и ея ремесленныхъ слободъ скоро возстановила дворцовый обиходъ государевой матери.

Съ большимъ трудомъ и понятной постепенностью возрождалось изъ полной разрухи благолѣпіе царскаго дворца. Вскорѣ приступлено было къ сооруженію новыхъ большихъ государевыхъ хоромъ; постройка закончена въ 1614 г., слѣдующій годъ пошелъ на внутреннюю отдѣлку ихъ росписью работы иконописцевъ, братьевъ Моисеевыхъ; литой вызолоченный потолокъ парадной Серебряной палаты былъ готовъ только въ 1616 году, и тогда царь справилъ свое новоселье. Этотъ дворецъ оказался недолговѣчнымъ и почти погибъ въ пожарѣ 1619 года; отстроенный въ 1619 г. и толь-



Бархатная карета патр. Филарета.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

ко что отдѣланный заново, онъ опять сгорѣлъ въ пожарѣ 1626 года; пришлось въ третій разъ «рубить государю новыя деревянныя хоромы». Огромный московскій пожаръ 1626 г. имѣлъ большое вліяніе на дальнѣйшихъ ходъ строительнаго дѣла въ столицѣ. Сравнительно быстро идетъ съ тѣхъ поръ развитіе каменнаго строительства, но состояніе казны государевой позволило только въ 30-хъ годахъ приступить къ сооруженію каменныхъ жилыхъ покоевъ для царской семьи, такъ называемаго Теремного Дворца, отдѣлка котораго была закончена въ 1637 году.



Золотая цѣпь царя Михаила Θеодоровича.

По образцу ея согласно повелѣнію императора Александра Николаевича были сдѣланы цѣпи мировыхъ судей.

Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

Поустроившись, насколько позволяли средства разоренной столицы, соотвѣтственно достоинству царскаго дворцоваго чина и обихода, Марθа Ивановна не замедлила отдаться иной, важнѣйшей заботѣ. Ея царственному сыну «приспѣло время сочетаться законнымъ бракомъ». Дѣло было вдвойнѣ важное; предстояло упрочить новую династію и притомъ ввести въ семью царскую новый элементъ, который необходимо было сохранить въ согласіи съ дворцовой средой, подобранной по волѣ и хотѣнію «великой старицы». Марθа Ивановна остановила свой выборъ на Марьѣ Ивановнѣ Хлоповой, изъ семьи близкой Романовымъ, когда они еще жили ссыльными въ своей Юрьевской вотчинѣ, въ Клину, да и по матери Хлопова была изъ рода ихъ сторонниковъ Желябужскихъ. Въ 1616 г. Хлопова взята на житье къ старицѣ Марθѣ, а затѣмъ ее объявили царской невѣстой и переименовали—согласно допускавшемуся тогда измѣненію имени — Анастасіей въ память покойной царицы. Съ царской невѣстой возвышалась ея родня: Хлоповымъ велѣно служить при государѣ и «быть при немъ близко». На этой почвѣ разыгралась тяжелая драма царской избранницы. Милостивое отношеніе царя Михаила, видимо привязавшагося къ невѣстѣ и ея близкимъ, вызвало ревность Салтыковыхъ; съ дядей невѣсты Гаврилой Хлоповымъ у Михайлы Салтыкова вышла ссора въ присутствіи царя, и царицыны племянники поспѣшили воспользоваться случайнымъ нездоровьемъ Марьи Ивановны, чтобы приписать ей какую-то неизлѣчимую болѣзнь, злонамѣренно скрытую ея родичами. Царскую невѣсту со всей семьей сослали въ Тобольскъ, отнявъ данное ей почетное имя. Дѣло это было пересмотрѣно въ 1623 г. патр. Филаретомъ; Салтыковы поплатились опалой и ссылкой за то, что «государевой радости и женитьбѣ учинили помѣшку», а Марья Ивановна снова стала царской невѣстой Ана-

стасіей, но не надолго. Крушеніе Салтыковыхъ такъ огорчило старицу Мароу Ивановну, что она наотрѣзъ отказала въ своемъ согласіи на бракъ сына, и бывшая невѣста осталась въ Нижнемъ-Новогородѣ въ почетной ссылкѣ на царскомъ иждивеніи.

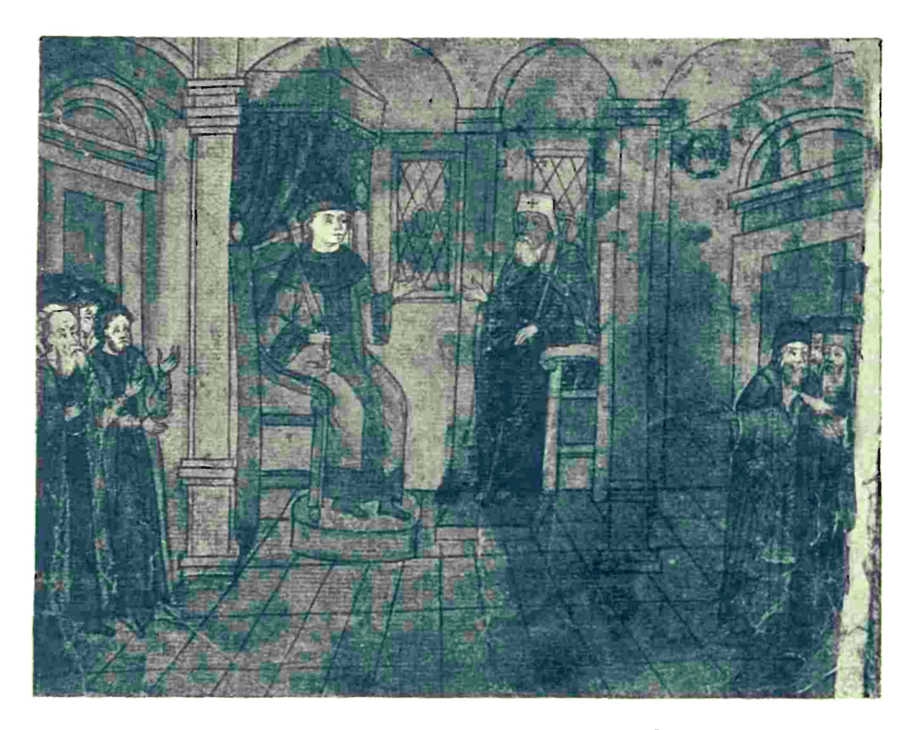
Дѣло царскаго брака сильно затянулось. Патр. Филаретъ увлеченъ былъ мыслью о женитьбѣ сына на иностранной принцессѣ. Мысль о томъ, что государю надлежитъ искать супругу въ равной себѣ средѣ владѣтельныхъ фамилій, а не среди подданныхъ, была, какъ извѣстно, довольно популярна въ высшемъ обществѣ московскомъ еще въ XVI в.; даже бракъ царя Іоанна съ Анастасіей Захарьиной вызвалъ въ свое время нареканія среди знатнаго боярства, восклицавшаго: «какъ намъ своей сестрѣ служити». Повидимому, и патр. Филаретъ считалъ нужнымъ большее выдѣленіе царскаго рода изъ боярской среды. Онъ началъ переговоры о женитьбѣ сына на одной изъ племянницъ датскаго короля Христіана, затѣмъ на сестрѣ королевы шведской, бранденбургской принцессѣ Екатеринѣ. Но съ московской стороны настаивали не только на принятіи невѣстою православія, а и на совершеніи надъ нею вновь св. крещенія, согласно съ воззрѣніями на этотъ вопросъ самого патр. Филарета, не признававшаго силы таинства крещенія по католическому или протестантскому обряду, такъ какъ «у иныхъ вѣръ вмѣсто крещенія обливаютъ и миромъ не помазываютъ». Такія требованіи оборвали переговоры въ самомъ началѣ.

Во всѣхъ этихъ планахъ роль самого царя Михаила была, повидимому, совершенно пассивна. Современники передаютъ, что онъ былъ сильно огорченъ дѣломъ Хлоповой и на родительскіе проекты иного брака отвѣчалъ: «обручена ми есть царица, кромѣ еѣ иные не хощу поняти», но, несмотря даже на желаніе отца-патріарха, чтобы этотъ бракъ состоялся, верхъ взяла воля великой старицы Мароы, и царь «презрѣ себѣ Бога ради, а матерня любве не хотѣ презрѣти», смирился передъ нею и послалъ въ Ниж-

Начало записи о бракосочетаніи царя Михаила Ѳеодоровича 1626 г.
Книга хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

ній-Новгородъ извѣщеніе, что Марью Хлопову государь «взять за себя не изволили».

Царю Михаилу исполнилось уже 29 лѣтъ, когда мать выбрала для него новую невѣсту, княжну Марью Владимировну Долгорукову, дочь князя Владимира Тимоѳеевича; тотъ же лѣтописецъ сообщаетъ московское мнѣніе, что царь вступилъ въ этотъ бракъ «аще и не хотя, но матери не преслушавъ». Въ іюнѣ 1623 г. состоялся сговоръ, и въ сентябрѣ, во время брачныхъ торжествъ, молодая царица занемогла, а въ январѣ 1624 скончалась. Въ Москвѣ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ дѣла Хлоповой, заговорили, что царицу Марью Владимировну «испортили» и что произошло это



Изъ книги о бракосочетаніи царя Михаила Ѳеодоровича.
Книга хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

отъ «звѣрообразныхъ человѣкъ», которые не хотѣли «въ послушаніи пребывати» у своего государя, а стремились «своевольни быть». Такъ тяжко складывалась судьба царскаго брака. Быть-можетъ, эти перипетіи привели къ тому, что новый выборъ невѣсты для государя произошелъ, по преданію, въ формѣ «смотринъ», на которыхъ царь Михаилъ избралъ Евдокію Лукьяновну Стрѣшневу, дочь незначительнаго рядового дворянина, Лукьяна Степановича. 5 февраля 1626 г. состоялось царское бракосочетаніе, создавшее, наконецъ, личную семью царя Михаила. Но и эта новость въ царскомъ быту не умалила дворцоваго господства великой старицы Марѳы Ивановны. Царица-невѣстка, видимо, подпала подъ полную

зависимость отъ свекрови. При ней состоялъ тотъ же духовникъ, что при старицѣ Мароѣ, ея дѣлами вѣдаетъ дьякъ «великой старицы», при внукахъ-царевичахъ и внучкахъ-царевнахъ—боярынимамки по выбору старицы Мароы. Мать государева сопровождала царя и царицу на всѣхъ ихъ «богомольныхъ походахъ» или ѣздила одна съ царицей по монастырямъ. Въ дворцовомъ обиходѣ попрежнему всюду чувствуется ея твердая рука.

Въ началѣ 30-хъ годовъ государевъ «верхъ» вдругъ осиротѣлъ. Великая старица Мароа Ивановна давно носила въ себѣ серьезную

Зеркало и опахало царицы Евдокіи Лукьяновны.
Зеркало—подарокъ султана Мурада, привезенный Ѳомой Кантакузинымъ въ 1628 г.; опахало—подарено патр. Кирилломъ, прислано въ 1630 г.
Хранятся въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

болѣзнь; изъ горькихъ испытаній Смуты она вышла бодрая духомъ, но подверженная какимъ-то болѣзненнымъ припадкамъ. Тѣмъ не менѣе, кончина постигла ее неожиданно для окружающихъ 27 января 1631 г., а черезъ три года, 1 октября 1634 г., сошелъ въ могилу и патріархъ Филаретъ Никитичъ. Послѣ столькихъ тяжелыхъ впечатлѣній дѣтства и юности, мягкая натура царя Михаила не могла не быть удручена этими потерями. Но ими не кончились испытанія, назначенныя ему судьбой. Въ семейной жизни царь испыталъ еще рядъ ударовъ. 17 марта 1629 г. родился, послѣ

нѣсколькихъ дѣтей женскаго пола, желанный первенецъ, царевичъ Алексѣй; въ 1634—второй сынъ, Иванъ, но онъ умеръ пятилѣтнимъ ребенкомъ и въ томъ же 1639 г. скончался, «немного поживъ», новорожденный царевичъ Василій. Слѣдующіе годы были отравлены осложненіями, какія вызвалъ проектъ брака старшей дочери царской, Ирины Михайловны, съ Вольдемаромъ, принцемъ датскимъ, третьимъ сыномъ короля Христіана. Принца вызвали въ Москву въ 1643 году, хотя знали, что король ставитъ непріемлемыя условія: свободу вѣроисповѣданія для королевича и его двора, сохраненіе западныхъ бытовыхъ навыковъ иноземной свиты, какую онъ сохранитъ при себѣ. Пошли долгія пререканія о перемѣнѣ вѣры, при чемъ царь Михаилъ пытался лично убѣдить Вольдемара, что ему необходимо вторично принять св. крещеніе. Тщетно просилъ принцъ отпустить его домой, пытался даже бѣжать: его отпустилъ только царь Алексѣй Михайловичъ лѣтомъ 1645 года.

Серебряный кубокъ, подаренный патр. Филаретомъ царевнѣ Маріи Михаиловнѣ въ 1632 г. ($11^1/_2$ верш. выш.).
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

Царь Михаилъ Өеодоровичъ скончался въ ночь съ 12 на 13 іюля 1645 г., оставивъ о себѣ память необычайно мягкаго и добраго человѣка, который былъ такъ милостивъ къ окружающимъ, что «любляше и миловаше ихъ и вся подаваше имъ, яко они прошаху», хотя за добро ему часто платили заносчивой непокорностью и своеволіемъ; преданіе сохранило одну черту, дополняющую этотъ обликъ: большую любовь къ цвѣтамъ. Царь Михаилъ много тратилъ казны на выписку изъ-за границы рѣдкихъ растеній для своего сада; для него впервые ввезены въ Россію садовыя розы, красота

и ароматъ которыхъ не были до него у насъ извѣстны. Видно, что крутая энергія родителей, какъ часто бываетъ, наложила печать мягкой, созерцательной пассивности на его натуру. Къ тому же царь Михаилъ никогда не отличался крѣпкимъ здоровьемъ, а вторую половину жизни такъ «скорбѣлъ ножками», что часто не могъ ходить, а возили его въ возкѣ. Отъ «многаго сидѣнья» организмъ слабѣлъ, нарастала лимфатическая вялость. Подъ конецъ жизни царя врачи отмѣчали въ немъ «меланхолію, сирѣчь кручину».

Въ «государевомъ и земскомъ дѣлѣ» московскій царь Михаилъ не былъ личнымъ участникомъ. Возстановленіе государства изъ «великой разрухи» творилось при немъ энергіей его отца-патріарха и трудами дѣятелей, окружавшихъ престолъ, которые и завершили большое дѣло въ дни царя Алексѣя.

II.

Московское государство подъ державой царя Михаила.

Царь Михаилъ принялъ верховную власть въ моментъ, когда ея органы были разбиты событіями послѣднихъ лѣтъ. Боярской думы не существовало. Вмѣсто нея во главѣ дѣлъ управленія стоялъ совѣтъ ополченія, съ князьями Трубецкимъ и Пожарскимъ во главѣ. Организовавшись еще въ Ярославлѣ, этотъ совѣтъ взялъ на себя функціи государственной власти, завязалъ сношенія съ иностранными державами, распоряжался дѣлами внутренняго управленія и, опираясь на земскій соборъ, сохранилъ значеніе временнаго правительства въ первые годы по избраніи царя. Ради умиротворенія страны земскій соборъ примирился съ боярами, слишкомъ долго державшимися польскаго лагеря, но «кн. Мстиславскій съ товарищи» не участвовали въ дѣлахъ, пока не выяснились отношенія между ними и царемъ. Но только на первыхъ порахъ царь обращаетъ свои требованія и велѣнія къ земскому собору; уже съ начала апрѣля 1613 г. его указы идутъ къ «боярамъ нашимъ, князю Ѳ. И. Мстиславскому съ товарищами». Бояре, запятнанные въ мнѣніи широкихъ общественныхъ круговъ измѣной, вернулись къ власти и стали во главѣ воскресшей боярской думы. Дѣло примиренія, начатое земскимъ соборомъ, завершилось царской амнистіей. Мы не знаемъ, въ какой произошла она формѣ. Но можно предполагать, что царь обѣщалъ боярамъ не карать ихъ опалами за прежнее и держать ихъ въ чести и достоинствѣ. По крайней мѣрѣ, на такое предположеніе наводятъ смутные толки о какой-то «записи», взятой боярами съ царя, близкой по содержанію къ той, на которой нѣкогда цѣловалъ крестъ царь Василій Шуйскій,—записи, сулившей боярамъ, что государь не будетъ ихъ казнить, «аще и вина будетъ преступленію ихъ».

Много споровъ было въ нашей исторической литературѣ по вопросу объ «ограниченіи» власти царя Михаила; но ни условія, въ какихъ находилось боярство при его воцареніи, ни характеръ источниковъ, сообщающихъ о «записи», не даютъ основаній признать существованіе даже попытки такого важнаго политическаго новшества.

Примиреніе съ боярами было естественнымъ моментомъ политики «совѣта и соединенія». Новое правительство сложилось вообще изъ личнаго состава, какой казался пригоднымъ, безъ счетовъ съ политическимъ прошлымъ отдѣльныхъ лицъ. Царь, вступивъ въ управленіе, нашелъ центральную администрацію приказовъ уже возстановленною. Она образовалась изъ уцѣлѣвшихъ въ Москвѣ обломковъ старыхъ приказовъ и изъ новыхъ, устроенныхъ для веденія текущихъ дѣлъ при ополченіи кн. Пожарскаго. На работу въ ней сошлись приказные дѣльцы, служившіе прежде разнымъ господамъ—и въ Москвѣ, и Тушинѣ. Въ то же время при дворѣ царскомъ слагался свой правительственный кружокъ изъ родни и ближнихъ людей молодого царя и его семьи. Давнія и широкія связи боярскаго дома Романовыхъ давали возможность ввести на разныя степени администраціи своихъ довѣренныхъ людей. И еще во время «государева похода» изъ Костромы къ Москвѣ послѣдовалъ рядъ имѣвшихъ этотъ смыслъ назначеній на должности. Свойство, родство и простая близость къ царствующему дому больше чѣмъ когда-либо стали основаніемъ придворной и служебной карьеры. Развѣянное погромами Грознаго и смутой старое боярство быстро замѣнялось новою знатью, иного типа и происхожденія. Подъ ея верховодствомъ постепенно и съ трудомъ возстановлялась дѣятельность приказнаго управленія.

Руководители молодого царя понимали всю трудность принятой на себя задачи. Неторопливый, съ долгими стоянками походъ государя къ Москвѣ далъ возможность оглядѣться и подробнѣе разсмотрѣть положеніе государства. Къ царю со всѣхъ сторонъ стекались жалобы и доношенія о грабежахъ, насиліяхъ и разореніи отъ бродившихъ повсюду воровскихъ шаекъ; не говоря уже объ окраинахъ, центральныя и сѣверныя области страдали отъ хищныхъ набѣговъ казаковъ и «литовскихъ людей», оставшихся послѣ ликвидаціи силъ второго самозванца; въ послѣдней судорогѣ разрухи эти шайки хлынули изъ разоренныхъ мѣстностей туда, гдѣ больше оставалось для нихъ добычи, проникали подъ самую Москву и все дальше къ сѣверу. Къ царю являлись служилые люди, стрѣльцы и казаки, бить челомъ о жалованьи, потому что имъ ни служить, ни жить не съ чего. Москва оказывалась временами отрѣзанною отъ подвоза припасовъ, и въ столицѣ всякихъ запасовъ была большая скудость. Дворцовыя земли и черныя волости были разорены, расхищены и розданы въ частныя руки, денегъ и хлѣба собирать было не съ кого. Видя все это, царь съ пути пишетъ

собору съ большими укоризнами: «Вы де намъ били челомъ и говорили ложно всего Московскаго государства ото всѣхъ чиновъ людей, что всякіе люди перестали ото всякаго дурна и учинились въ соединенье, и междоусобная кровь крестьянская перестала литься»; царь требовалъ, чтобы соборъ изыскалъ средства для возстановленія безопасности и порядка, «чтобъ на Москвѣ и по городамъ и по дорогамъ никому ни отъ кого грабежей и убивства не было»; требовалъ «полнаго приговора» о способахъ содержанія военной силы и всякихъ служилыхъ людей. Царь ожидалъ отъ земскаго собора возстановленія государственныхъ средствъ и порядка, чтобы принять государство въ свое управленіе. Руководители собора дѣлали, что могли, но всѣмъ соборомъ били государю челомъ, чтобы онъ самъ «шелъ къ Москвѣ вскорѣ»; въ немъ видѣли всѣ тотъ необходимый центръ, вокругъ котораго только и можетъ сложиться правильная государственная работа. Не прошло двухъ мѣсяцевъ со дня избранія, и соборное правительство уступило мѣсто царской думѣ, а земскій соборъ сталъ распадаться; отдѣльные элементы его потянулись къ царю и прежде всего московскіе служилые люди—стольники, стряпчіе, дворяне большіе, а за ними весь «изъ городовъ выборъ» дворянскій уже въ апрѣлѣ собрался при государѣ; иные разъѣхались по деревнямъ. Постепенно рядъ дѣлъ—назначеніе воеводъ, раздача помѣстій и др.—начинаетъ вершиться государемъ въ походѣ. Царское правительство вступало въ управленіе. По прибытіи царя въ столицу—2 мая—и, особенно, послѣ царскаго вѣнчанія, которое состоялось 11 іюля, обычный порядокъ казался возстановленнымъ.

Крайняя трудность положенія вызывала на чрезвычайныя мѣры и чрезвычайные пріемы дѣйствій. Значительны были внѣшнія опасности и бѣдствія. На западныхъ границахъ шли военныя дѣйствія. Новгородъ Великій былъ въ шведскихъ, Смоленскъ и Сѣверщина—въ польскихъ рукахъ. Королевичъ Владиславъ продолжалъ титуловаться московскимъ царемъ, и польское правительство не желало признавать царя Михаила. Надо было готовиться къ борьбѣ за русскія области и за свое международное положеніе, надо было создать силу для самозащиты и для наступленія. Но всякая органическая работа была до крайности затруднена внутреннимъ состояніемъ страны. Заруцкій съ казаками, Мариной Мнишекъ и ея сыномъ отъ второго самозванца, Иваномъ, двинулся къ югу. Изъ Москвы противъ него послали воеводу кн. Одоевскаго, но Заруцкій, грабя по пути, ушелъ въ Астрахань и засѣлъ тамъ, собирая къ себѣ «вольныхъ казаковъ» и подымая на Москву волжскихъ казаковъ, донцовъ и поволжскихъ инородцевъ. Татары заволжскіе, ногаи, черемисы волновались и грабили русскія области. Много казацкихъ отрядовъ бродило по внутреннимъ областямъ государства, а съ ними и безъ нихъ насильничали «воры, боярскіе люди и всякіе безыменные люди». «Литовскіе люди» и ка-

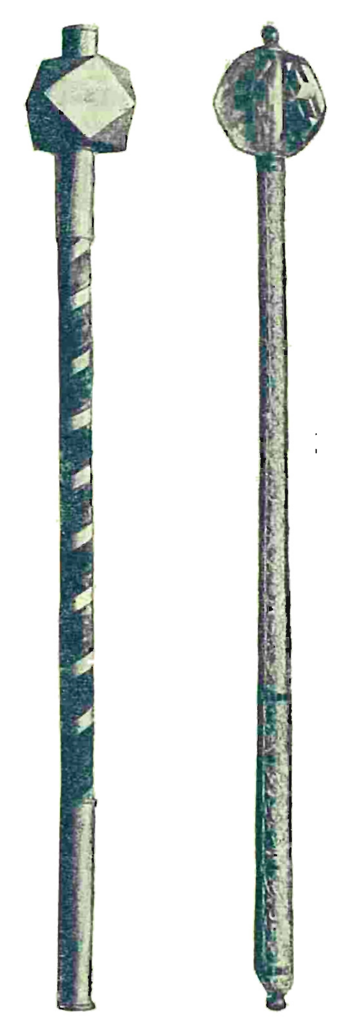
заки украинскіе кружили по странѣ, громя села и города; особенно много вреда причинилъ отрядъ наѣздника Лисовскаго. При попыткѣ правительства возстановить сборъ податей «чинилися сильны» жители городовъ и уѣздовъ и приходилось иной разъ признать, что навыки смуты сказывались въ поведеніи сборщиковъ, которые грабили и притѣсняли населеніе. Экономическій кризисъ, начавшійся въ послѣднія десятилѣтія XVl в., усиленный смутой, продолжалъ нарастать и послѣ ея политическаго завершенія.

Исходъ второго десятилѣтія XVll в. былъ моментомъ наибольшаго упадка хозяйственнаго благосостоянія центральныхъ областей Московскаго государства. Казна была пуста, хлѣбныхъ и денежныхъ запасовъ собирать было не съ кого. Нужны были чрезвычайныя усилія, чтобы одновременно возстановлять порядокъ и безопасность въ странѣ и создавать средства, необходимыя для этой работы.

Государственная власть могла найти выходъ только въ поддержкѣ объединенныхъ земскихъ силъ. У новаго правительства не было налаженнаго административнаго механизма для управленія дѣлами въ столь тяжкія времена; оно не было увѣрено и въ своемъ авторитетѣ, который еще предстояло утвердить. Дѣло земскаго собора представлялось еще далеко не законченнымъ, его авторитетъ былъ необходимъ для воздѣйствія на населеніе. Его освѣдомленность и опытъ должны были указать пути разрѣшенія насущныхъ задачъ, непосильныхъ для неокрѣпшей еще власти. Подъ его знаменемъ должно быть доведено до конца замиреніе страны, объединеніе ея разрознившихся элементовъ, подавленіе всѣхъ явленій, враждебныхъ мирному порядку. Его вліяніемъ необходимо было поддержать проявившуюся въ народной массѣ готовность на чрезвычайныя личныя и имущественныя жертвы ради защиты національной независимости, общественной безопасности и законнаго порядка. И земскій соборъ остается при царѣ около двухъ лѣтъ, а затѣмъ новые созывы «всѣхъ чиновъ Московскаго государства» слѣдуютъ въ столь краткіе промежутки и столь длительна ихъ дѣятельность, что возможно говорить о непрерывномъ сотрудничествѣ земскаго собора съ царскою властью въ первое десятилѣтіе царствованія Михаила Ѳеодоровича и сравнивать роль въ это время выборныхъ людей при центральной власти съ годованьемъ по трехлѣтіямъ дворянскаго «изъ городовъ выбора» въ XVI в.

Въ первое время новаго царствованія соборъ — теперь вмѣстѣ съ царемъ — продолжаетъ дѣло умиротворенія. Посольства и грамоты отъ всѣхъ чиновъ призываютъ казаковъ и всѣхъ, отъ «воровства» не отставшихъ, покинуть злыя дѣла, служить землѣ и государю; всѣмъ, кто «придетъ въ чувство», обѣщано полное прощеніе, принятіе въ службу, жалованье по службѣ, крѣпостнымъ людямъ сулилась свобода, если они отстанутъ отъ «воровства». Призывы эти имѣли свое вліяніе, разлагая силы вра-

говъ порядка. Соборныя воззванія, подкрѣпленныя посылкой милостивыхъ грамотъ, денежнаго и иного жалованья отъ царя, укрѣпляли въ вѣрности Москвѣ волжскихъ и донскихъ казаковъ; самому Заруцкому предлагали прощеніе, если онъ отложится отъ «Сендомирской дочери Маринки». Гдѣ уговоры не помогали, наряжалась военная сила; царскіе воеводы преслѣдовали и разгоняли воровскіе отряды, ведя съ ними нелегкую борьбу. Въ то же время само населеніе продолжало свою мѣстную самооборону: строило укрѣпленія, нанимало стрѣльцовъ, «берегучи свои головы», снабжало военную силу по городамъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованіемъ. Работа надъ земскимъ дѣломъ велась земскими силами и чрезъ нѣсколько лѣтъ, цѣною изнурительныхъ жертвъ, достигла завершенія. Главный внутренній врагъ, Заруцкій, былъ сломленъ также твердостью мѣстныхъ силъ въ стремленіи возстановить земскій миръ. На него поднялись астраханцы, а добили его «терскіе люди», всѣмъ міромъ съ своимъ воеводою пославшіе на него съ Терека стрѣлецкаго голову съ военной силой. Выбитый изъ Астрахани Заруцкій потерялъ значеніе и былъ выданъ властямъ съ Мариной и ея сыномъ; атаманъ былъ посаженъ на колъ, несчастный «воренокъ» повѣшенъ, Марина вскорѣ кончила бурную и несчастную свою жизнь въ коломенской темницѣ. Подавленіе внутренней смуты шло при дѣятельномъ участіи земскаго собора, на обсужденіе котораго царь ставилъ всѣ вѣсти о состояніи страны и, повидимому, неизмѣнно слѣдовалъ «соборнымъ приговорамъ». Постепенно успѣхъ въ этомъ дѣлѣ развязывалъ руки для болѣе органической правительственной работы.



Булавы Михаила Θеодоровича.
Хранятся въ Оружейной палатѣ.

Съ первыхъ дней новаго царствованія на очередь стала жгучая забота о возстановленіи финансовыхъ средствъ власти. Вопросъ объ этомъ былъ поставленъ со всею настоятельностью уже въ переговорахъ съ соборнымъ посольствомъ, принесшимъ избраніе молодому царю, а затѣмъ и въ перепискѣ царя съ соборомъ во время похода къ столицѣ. Въ этомъ дѣлѣ царское правительство особенно нуждалось въ содѣйствіи земскаго собора, такъ

какъ приходилось немедленно изыскивать средства для дѣла государева и земскаго. Земскій соборъ по началу примѣнилъ ту практику, которая обезпечила расходы нижегородскаго ополченія въ 1611—1612 гг.: сборъ добровольныхъ пожертвованій, переходившій по мірскому приговору въ принудительный заемъ изъ опредѣленной доли «животовъ и промысловъ».

Попытки получить обычные платежи и за прошлые годы были безнадежны; многіе приказные книги и документы были утрачены, часто прежніе оклады оказывались вовсе неизвѣстными, да и примѣнять ихъ на дѣлѣ стало невозможно, такъ какъ слишкомъ измѣнилась въ событіяхъ послѣднихъ лѣтъ хозяйственная дѣйствительность. А средства требовались бóльшія, чѣмъ когда-либо. Однимъ изъ первыхъ совмѣстныхъ дѣйствій царя и собора была разсылка грамотъ къ торговымъ людямъ о сборѣ сполна денежныхъ доходовъ за прошлые годы и за нынѣшній годъ, по книгамъ и отписямъ, съ просьбой «помочь, не огорчаясь», ратнымъ людямъ дачею заемъ денегъ, хлѣба, рыбы, соли, суконъ и всякихъ товаровъ; «хотя теперь и промысловъ убавьте,—читается въ грамотѣ къ Строгановымъ, — а ратнымъ людямъ жалованье дайте, сколько можете»; правительство внушало, что временное умаленіе не дохода только, а и капитала, вложеннаго въ дѣло, не должно останавливать торговыхъ людей, ибо если они теперь себя пожалѣютъ, то доведутъ страну и себя до новаго «конечнаго разоренія» и «имѣнья своего всего отбудутъ». Въ слѣдующемъ году «по всей земли приговору» правительство отъ займовъ по доброй волѣ перешло къ первому назначенію «пятой деньги» съ торговыхъ людей, обѣщая взятое однимъ уплатить, когда будетъ возможно, другимъ—зачесть въ недоимку или будущіе платежи. Въ томъ же 1614 г. власть настолько поустроилась, что уже безъ участія собора могла назначить два прямыхъ налога: сборъ хлѣбныхъ запасовъ и денегъ на жалованье ратнымъ людямъ, а въ началѣ 1615 г. такъ же назначенъ былъ сборъ даточныхъ людей на усиленіе войска. Эти сборы совпали съ принудительнымъ займомъ пятины по приговору собора, при чемъ пятину полагалось брать со всѣхъ, не исключая освобожденныхъ отъ тягла «тарханщиковъ и льготчиковъ». Таковы были первые шаги къ возстановленію правительственныхъ средствъ; нѣсколько наладилось также и собираніе обычныхъ старыхъ налоговъ. Но этимъ нужда была покрыта недостаточно. Въ 1615 г. послѣдовало новое назначеніе «пятинныхъ денегъ», повидимому, тоже безъ участія земскаго собора; съ пятиной съ высшихъ слоевъ торгово-промышленнаго люда соединенъ сборъ посошной подати съ крестьянъ, и подворной— съ мелкихъ посадскихъ людей. Еще черезъ годъ рѣшили превратить пятину въ чрезвычайный налогъ со всего населенія, устраняя изъ нея черты займа. Но для такого шага правительство прибѣгло уже къ земскому собору. Соборный приговоръ постановилъ собрать по

опредѣленнымъ окладамъ сошныя деньги на посадахъ и въ уѣздахъ со всякихъ людей, а, кромѣ того, «пятую деньгу» съ тѣхъ, «кто сверхъ своихъ пашенъ торгуетъ». Этотъ налогъ, какъ и позднѣйшіе чрезвычайные («запросные») сборы, сохраняя названіе пятины, далеко отошелъ отъ первоначальнаго ея типа, приближаясь все болѣе къ обычной московской системѣ. Исходнымъ пунктомъ его исчисленія служила необходимая для правительства сумма, которую земскій соборъ распредѣлялъ между отдѣльными городами, устанавливая для каждаго опредѣленный окладъ. Вмѣстѣ съ характеромъ займа отпалъ постепенно и долевой порядокъ исчисленія, и оклады устанавливались примѣнительно къ результатамъ сборовъ предыдущихъ пятинныхъ денегъ, а не по сошному письму.

Въ 1618 г. наступленіе Владислава на Москву вызвало опасенія, что можетъ ожить недавно побѣжденная «измѣна». Царь Михаилъ обратился къ земскому собору съ воззваніемъ, чтобы люди всѣхъ чиновъ Московскаго государства стояли за вѣру и за царя, «а на королевичеву и ни на какую прелесть не покушалися». По городамъ отъ собора разосланы были грамоты ко всему населенію съ сообщеніемъ, что распорядокъ военныхъ дѣйствій противъ врага установленъ государемъ на соборѣ, и съ призывомъ къ усердной службѣ и радѣнію, чтобы Московскому государству помощь учинить: служилые должны быть сами готовы къ походу, слѣдить за исправностью другъ друга и за сборомъ даточныхъ людей безъ укрывательства, а духовенство, торговые и посадскіе люди «дать въ займы денегъ и въ запросъ, сколько кому дать доведется». Въ тяжкую годину для «государева дѣла» недостаточно было простой исполнительности населенія, нуженъ былъ добровольный подъемъ усердія къ «дѣлу земскому» и готовность нести жертвы ради него; авторитетъ земскаго собора долженъ поднять настроеніе общества, въ которомъ, чего добраго, не совсѣмъ еще исчезли отголоски былого «шатанія».

Земскіе соборы въ первые годы царя Михаила имѣли огромное значеніе, какъ моральный общественный авторитетъ, поддерживавшій власть еще неокрѣпшаго правительства. На ряду съ этимъ личный составъ собора оказывалъ власти цѣнныя услуги своею освѣдомленностью, знаніемъ положенія дѣлъ въ странѣ, въ разныхъ ея областяхъ, совѣтами по различнымъ отраслямъ «государева и земскаго дѣла». Не всегда вопросы, требовавшіе обсужденія, обращались государемъ ко всему земскому собору. Такъ, планъ отраженія Владислава, хотя и установленъ «приговоромъ государя съ властьми, и съ бояры и всякихъ чиновъ съ людьми Московскаго государства», но выработанъ былъ царемъ по совѣту съ «освященнымъ соборомъ, и съ бояры, и со всякими служилыми и жилетцкими людьми»; точно такъ же, порѣшивъ въ 1618 г. отмѣну мѣстническихъ счетовъ на два года, по совѣту съ освященнымъ соборомъ и боярской думой,

государь повелѣлъ говорить о томъ на соборѣ только съ московскими и городовыми служилыми людьми. Это зависѣло отъ тѣхъ или иныхъ соображеній общественно-политическаго или практическаго удобства.

Мы видѣли, что вопросы, особенно близко интересовавшіе правящіе круги, какъ назначеніе на должности и упорядоченіе служилаго землевладѣнія, были взяты государемъ въ свои руки еще до прибытія его въ Москву. Окружавшіе его люди стали овладѣвать вліяніемъ и матеріальными благами, связанными съ властью. Верхи этой среды образовали дворцовую знать, которая закрѣпила свое положеніе высокими чинами и должностями и пріобрѣтеніемъ, по царской милости, крупныхъ земельныхъ имуществъ. Раздача дворцовыхъ земель «большимъ боярамъ» и высшимъ разрядамъ столичнаго служилаго люда начата была еще временнымъ правительствомъ 1612 г. Она расширилась въ 1613 г., когда началось устройство новой придворной знати: по ея рукамъ вскорѣ разошлось до 50 тысячъ десятинъ населенной дворцовой земли. На смѣну старому боярству выступали новыя группы крупныхъ землевладѣльцевъ, среди которыхъ видимъ, на ряду со знатными людьми, выдающихся приказныхъ дѣльцовъ, вліятельныхъ дьяковъ. Не одни пожалованія были источникомъ новыхъ богатствъ. Тушинская распущенность сказалась въ нравахъ дѣятелей, теперь поднявшихся къ власти. Ихъ вымогательства и хищенія вызывали ропотъ: въ приказахъ «дѣла мало вершились», а брали съ ходатаевъ помногу, потворствуя тѣмъ, «за кого заступы великія»; въ народѣ осуждали бояръ, которыхъ древній врагъ-дьяволъ «возвысилъ на мздоиманіе», на расхищеніе царскихъ земель и утѣсненіе народа; иноземцы полагали, что такое правленіе, «если останется въ теперешнемъ положеніи, долго продлиться не можетъ». Руководители приказнаго управленія сѣяли недовольство, назначая на воеводства и въ приказы своихъ людей, дѣйствовавшихъ такъ же, какъ они. Но, къ счастью для возрождавшагося изъ развалинъ государства, темныя стороны новой правительственной среды не исчерпывали ея дѣятельности. Рядомъ съ беззастѣнчивыми проявленіями корыстолюбія и лицепріятія, шла и дѣловая работа, какъ бы то ни было возстановившая строй администраціи и военныя силы государства. Ближайшими органами центральной власти стали попрежнему боярская дума и приказы. Возобновилась правительственная работа надъ устройствомъ, управленіемъ и защитой государства. Достиженіе этихъ цѣлей было труднѣе, чѣмъ когда-либо, и болѣе чѣмъ когда-либо требовалось огромное напряженіе личныхъ и матеріальныхъ силъ населенія на нужды «государева дѣла». Разстройство этихъ силъ послѣ смуты, ихъ чрезвычайная недостаточность ставили еще напряженнѣе, чѣмъ въ XVI в., задачу созданія такой организаціи управленія, которая обезпечила бы власти возможность сосредоточить распоряженіе ими въ своихъ рукахъ. Тенденція къ усиленію власти и ея большей

централизаціи являлась естественнымъ послѣдствіемъ сложившихся условій. Центральное приказное управленіе стремится теперь поставить свои мѣстные органы ближе къ завѣдыванію дѣломъ государственнаго управленія въ областяхъ и, несмотря на то значеніе, какое получили мѣстные самоуправляющіеся міры въ эпоху возстановленія государственнаго порядка, ищетъ опоры не въ нихъ, а въ усиленіи приказнаго областного управленія.

Форма для этого была создана боевыми обстоятельствами Смутнаго времени. Съ начала внутренней смуты получила широкое развитіе должность воеводы. Прежде только въ пограничные города назначались воеводы, соединявшіе въ своихъ рукахъ военную команду съ управленіемъ финансовымъ и полицейскимъ, съ судомъ и расправой надъ цѣлымъ уѣздомъ и по отношенію ко всѣмъ разрядамъ населенія. Полномочія воеводъ были чрезвычайными полномочіями для завѣдыванія окраинами, на которыхъ была постоянная опасность отъ врага и отъ скопленія безпокойныхъ выходцевъ изъ областей внутреннихъ. Въ смуту такія же боевыя и общественныя условія разлились по всей странѣ, и воеводы появились въ городахъ московскаго центра. Во время земскаго движенія они нерѣдко являлись для него готовымъ руководящимъ органомъ. Правительство царя Михаила сохранило новое значеніе воеводской должности и сдѣлало ее повсемѣстнымъ учрежденіемъ; этимъ удовлетворялась потребность усилить правительственное воздѣйствіе на ходъ мѣстнаго управленія. По идеѣ воевода, вѣдая всѣми дѣлами своего уѣзда, долженъ былъ быть не самостоятельнымъ намѣстникомъ, а исполнителемъ подробныхъ наказовъ и частыхъ отдѣльныхъ предписаній, полученныхъ имъ отъ столичныхъ приказовъ; онъ являлся представителемъ административной централизаціи. Но въ то же время запутанность дѣлъ, неосвѣдомленность высшей власти и общее разстройство порядка заставляли давать воеводамъ полномочія столь же широкія, сколь и неопредѣленныя, предписывая имъ принимать мѣры, «смотря по тамошнему дѣлу», какъ окажется «пригоже». Воевода не былъ «кормленщикомъ», казенные доходы вѣдалъ онъ не на себя, а на государя, не получалъ отъ населенія уставныхъ кормовъ; но онъ не получалъ и жалованья по должности, а «добровольные» дары въ благодарность не осуждались ни правитель-

Скипетръ царя Михаила Θеодоровича.

Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

ствомъ, ни нравами, и воевода кормился со всѣмъ своимъ приказнымъ людомъ «отъ дѣлъ». Понятно, какой широкій просторъ такая постановка должности открывала для лихоимства, вымогательства, произвола и казнокрадства. Нравственный уровень администраціи, отравленной навыками «разрухи», былъ не высокъ, а общая ея организація, при отсутствіи контроля и отвѣтственности, не ставила сколько-нибудь дѣйствительныхъ сдержекъ. Населеніе скоро стало роптать на воеводскую власть, возненавидѣло приказныхъ людей, а прежніе органы мѣстнаго самоуправленія оказались вполнѣ подавленными этою новой силой и превратились въ подчиненныхъ исполнителей ея распоряженій, неся черную административную работу. Дурная трава «тушинскихъ навыковъ» не была выброшена «изъ поля вонъ» ни въ центрѣ, ни въ областяхъ, а выросла на полѣ и заглушила добрые ростки управленія земскаго, съ помощью выборныхъ людей, «добрыхъ, разумныхъ и постоятельныхъ», питая въ областяхъ раздраженіе противъ администраціи новаго правительства. Тяжкая нужда и горькія воспоминанія смуты, сознаніе національной опасности и вліяніе земскихъ соборовъ сдерживали, до поры до времени, эти настроенія, и при всѣхъ серьезныхъ своихъ недостаткахъ правительственная машина работала, устраняя шагъ за шагомъ наиболѣе рѣзкія послѣдствія пережитой разрухи.

Налаживая съ помощью земскихъ соборовъ финансы, правительство въ то же время заботилось объ устройствѣ военныхъ силъ и упорядоченіи служилаго землевладѣнія. Тутъ многое приходилось начинать заново. Сбитый событіями Смутнаго времени со своихъ помѣстій и вотчинъ, служилый классъ и по личному составу и по имущественному обезпеченію представлялъ поистинѣ «разсыпанную храмину». Надо было его набирать, организовывать и пополнять, надѣляя землями, съ которыхъ ему возможно было бы жить и служить. Правительство шло въ этомъ вопросѣ старыми путями. Выясняя составъ и состояніе своихъ служилыхъ людей, оно широко развивало практику «верстанья» и «испомѣщенья». По нуждѣ пришлось отступить отъ той разборчивости въ составленіи служилаго класса, какую пытались установить при Борисѣ Годуновѣ и первомъ самозванцѣ и которая восторжествовала нѣсколько позднѣе: верстали въ службу дворянскую годныхъ людей, не считаясь съ ихъ «отечествомъ», даже изъ казаковъ, «которые отъ воровства отстали». Земельный фондъ на помѣстную раздачу былъ, по видимости, значителенъ, такъ какъ смута обогатила его большимъ количествомъ опустѣлыхъ и заброшенныхъ земель. Но запустѣніе дѣлало эти земли мало пригодными, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, для обезпеченія служилыхъ землевладѣльцевъ. Къ тому же западныя окраины — одинъ изъ главныхъ прежде районовъ служилаго землевладѣнія — были еще слишкомъ не обезпечены отъ вражескихъ нападеній, чтобы скоро возродились тутъ условія мирнаго

хозяйства. Съ 1614 г. идетъ надѣленіе провинціальныхъ служилыхъ людей помѣстьями изъ дворцовыхъ и черныхъ земель, обращенныхъ на усиленіе помѣстнаго фонда, преимущественно въ болѣе безопасныхъ и менѣе опустошенныхъ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ Замосковнаго края. Интересы военной силы заставляли жертвовать не только частью дворцоваго богатства, но и усилить процессъ уничтоженія крестьянскаго волостного землевладѣнія въ пользу землевладѣнія служилаго. Черныя крестьянскія земли почти вовсе исчезали въ центральной части государства и сохранились только на поморскомъ сѣверѣ. Этотъ ростъ служилаго землевладѣнія не былъ, конечно, временнымъ явленіемъ. Когда замиреніе западной и южной границъ открыло возможность возстановить и тамъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ «испомѣщенія» служилыхъ людей, результатомъ было лишь значительное общее расширеніе территоріи служилаго землевладѣнія, сравнительно съ XVI столѣтіемъ. Притомъ много земель роздано было не въ помѣстье, а въ вотчину, а нужда въ деньгахъ побудила и къ продажѣ въ вотчину части помѣстныхъ земель; этимъ путемъ онѣ расходились, повидимому, преимущественно по рукамъ приказныхъ дѣльцовъ, которые стремились помѣстить въ земельныя имущества свое «неправедное стяжаніе».

Такъ стало оправляться отъ разгрома служилое землевладѣніе. Помѣщики и вотчинники устремились на возобновленіе разореннаго хозяйства—и снова поднялся тяжкій вопросъ о крестьянскихъ рабочихъ рукахъ. Возвращеніе на старыя мѣста населенія, сбитаго съ нихъ въ смуту, приводило его въ прежнюю зависимость. «Людіе же,—сообщаетъ книжникъ, жившій интересами простого народа,—начаша оставшаяся собиратися въ Руси по градомъ, исходя отъ плѣну отъ Литвы и Нѣмецъ и начаша населятися; они же (владущіе) окаянніи, аки волци тяжци восхитающе, емляху ихъ къ себѣ, понеже страхъ Божій преобидиша и забыша свое прежнее безвремяніе и наказаніе, что надъ ними Господь за ихъ насильство сотвори, отъ своихъ рабъ разорени быша». Снова подымаютъ землевладѣльцы вопросъ о трудности розыска бѣглыхъ въ указный пятилѣтній срокъ, и Троицы-Сергіевъ монастырь первый выхлопоталъ себѣ въ 1614—1615 гг. льготу вывозить обратно своихъ бѣглыхъ крестьянъ за 9 и за 11 лѣтъ со времени побѣга. Дворяне и дѣти боярскія роптали на эту привилегію и домогались если не отмѣны ея, то хоть продленія срока «урочныхъ лѣтъ» для сыска бѣглыхъ. На первыхъ порахъ правительство царя Михаила не рѣшалось круто усилить крестьянскую крѣпость, отчасти, вѣроятно, изъ опасеній раздражить народную массу, отчасти подъ давленіемъ землевладѣльческой знати, умѣвшей заполнять свои вотчины чужими крестьянами. Во всякомъ случаѣ, въ 1642 г. срокъ урочныхъ годовъ продленъ до 10 лѣтъ.

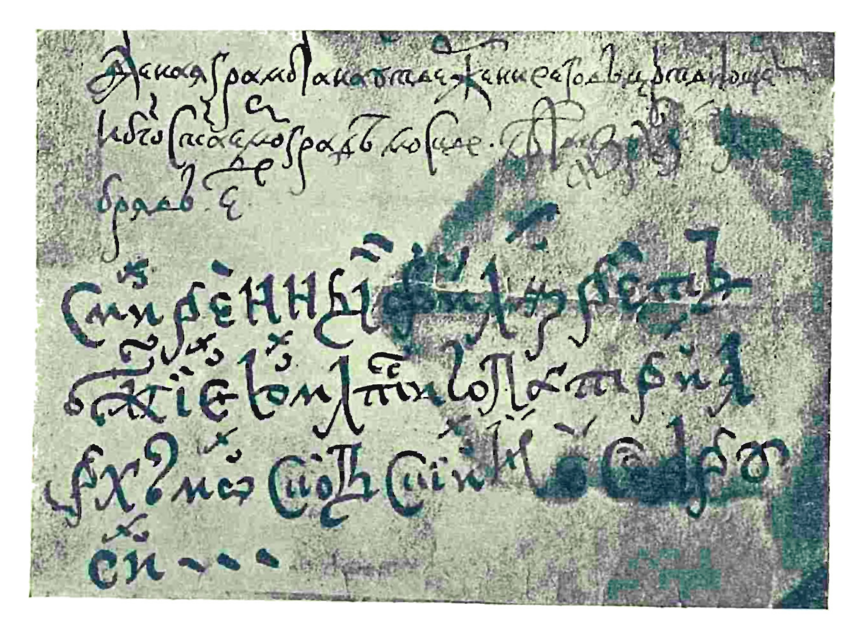
Такъ слагалась въ первые годы новаго царствованія внутренняя политика; оно преслѣдовало, по существу, тѣ же задачи, какія

были поставлены московскими государями XVI в. и ихъ продолжателемъ Борисомъ Годуновымъ. Правительственная среда сложилась изъ элементовъ, для которыхъ эти традиціи были и привычны и близки. Но во главѣ ея стояли люди, неспособные вести ея работу по систематичному и твердому плану и еще менѣе способные внести въ дѣло государственнаго управленія идею долга и строгую дисциплину. Опытные и умѣлые, но корыстные дѣльцы и случайные люди, возвышенные одною только близостью къ царскому дворцу, принесли съ собой господство интриги и произвола, которое даже иностранцевъ заставляло ждать съ нетерпѣніемъ возвращенія изъ польскаго плѣна митрополита Филарета. «Онъ одинъ, — писалъ, напр., голландецъ Исаакъ Масса, — былъ бы въ состояніи поддержать достоинство великокняжеское».

Однако усиліями первыхъ лѣтъ были достигнуты наиболѣе необходимые результаты. Наиболѣе рѣзкіе остатки «великой разрухи» внутри страны были подавлены, возстановлено государственное властвованіе московскаго центра надъ всей территоріей. Новгородъ вернулся подъ власть Москвы и со шведами заключено «мирное докончаніе». Въ 1618 г. отбито нашествіе Владислава, а затѣмъ состоялись Деулинское перемиріе и обмѣнъ плѣнными. Возвращеніе въ Москву митрополита Филарета было крупнымъ событіемъ. Давно нареченный въ патріархи, онъ занялъ теперь святительскій престолъ при исключительныхъ условіяхъ. Поставленіе его въ патріархи совершалось съ особою торжественностью, благодаря прибытію въ Москву іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, который 24 іюня въ Успенскомъ соборѣ и исполнилъ чинъ посвященія. Съ той поры и до кончины своей 1 октября 1633 г. Филаретъ управлялъ и церковью и государствомъ. Какъ правитель русской церкви, патріархъ, чуждый церковно-богословской книжности, являлся прежде всего властнымъ и искуснымъ администраторомъ. Церковь была для него учрежденіемъ, требующимъ устройства на началахъ строгой дисциплины и іерархическаго господства, и онъ цѣликомъ перенесъ въ свое патріаршее управленіе формы приказнаго завѣдыванія дѣлами. Судъ въ патріаршемъ судномъ приказѣ былъ «въ духовныхъ дѣлахъ и въ смертяхъ и въ иныхъ во всякихъ дѣлахъ противъ того же, что и въ царскомъ судѣ». Казенный приказъ вѣдалъ доходы патріаршей области — дань съ дворовъ духовенства и сборы съ церковныхъ доходовъ за требы, за пользованіе пахотой, угодьями и др.; для этого производились тщательныя переписи церквей и приходовъ, равно какъ и всего тяглаго духовенства.

Получивъ патріаршество столько же по каноническому избранію, сколько по естественному праву, какъ отецъ государя, Филаретъ былъ «великимъ государемъ» не только для духовенства — такимъ же «великимъ государемъ» выступилъ онъ и въ дѣлахъ управленія государственнаго; дѣла докладывались обоимъ государямъ и

грамоты писались отъ имени ихъ обоихъ. Царь Михаилъ пояснялъ, что «каковъ онъ государь, таковъ и отецъ его государевъ великій государь, святѣйшій патріархъ, и ихъ государское величество нераздѣльно», а современники не колебались, кого считать дѣйствительнымъ правителемъ государства: патріархъ, говорили они, «нравомъ опальчивъ и мнителенъ, а властителенъ таковъ, яко и самому царю его боятися; бояръ же и всякаго чина людей царскаго синклита зѣло томяше заключеніями и иными наказаніями». Филаретъ достигъ теперь власти, которой добивался въ теченіе всей своей жизни, и съ его пріѣздомъ въ дѣлахъ правленія почувствовалась твердая и сильная рука. Но сколько-нибудь существенныхъ измѣненій ни въ личномъ составѣ центральной администраціи, ни въ



Снимокъ съ подписи патріарха Филарета.
Оригиналъ въ Императорской Публичной библіотекѣ въ Петербургѣ.

томъ, что можно назвать программой внутренней политики, съ пріѣздомъ его не произошло; явился только энергичный и суровый руководитель придворной и приказной среды и земскаго собора. Отдѣльныя лица, какъ царскіе свойственники Салтыковы и нѣсколько видныхъ приказныхъ дѣльцовъ, подверглись при немъ опалѣ, возвысились новыя лица, но это не мѣняло общаго склада и характера правящей среды. Филаретъ нашелъ у власти своихъ людей, среду, съ которою давно былъ связанъ, и съ нею продолжалъ правительственную работу. Но онъ ввелъ въ эту работу больше системы и энергіи, пытаясь въ то же время бороться противъ злоупотребленій не только отдѣльными опалами, но и общими мѣрами. Филаретъ и подъ монашескимъ клобукомъ остался государственнымъ человѣкомъ, дѣятельнымъ и честолюбивымъ. Пережи-

тая борьба закалила его деспотическую натуру и обогатила его сильный умъ разнообразнымъ житейскимъ и политическимъ опытомъ. Но геніальной широты, способной на смѣлое и содержательное творчество, въ немъ не было; онъ былъ умный администраторъ, умѣвшій понять обстоятельства и очередныя задачи текущей государственной жизни, но онъ не былъ преобразователемъ, который бы владѣлъ даромъ не только пользоваться данными условіями, но и творчески ихъ измѣнять.

Вниманіе Филарета привлечено было прежде всего, разнаго рода непорядками и злоупотребленіями въ сборѣ податей. Съ одной стороны, вся старая система обложенія была въ полномъ разстройствѣ. Попытки выяснить дѣйствительное состояніе платежныхъ силъ путемъ «дозора», т.-е. описи подлиннаго экономическаго положенія тяглыхъ хозяйствъ, далеко не были закончены и сами послужили поводомъ для многихъ злоупотребленій. Съ другой стороны, немало плательщиковъ разными способами уклонялось отъ тягла, усиливая тѣмъ самымъ тяготу для остальныхъ. Подати съ одниxъ взимались по писцовымъ книгамъ, съ другихъ — по дозорнымъ, «и инымъ тяжело, а другимъ легко»; дозорщики однимъ за посулы мирволили, а другихъ «писали и дозирали тяжело», и оттого всякимъ людямъ Московскаго государства была «скорбь конечная». На земскомъ соборѣ, по предложенію патріарха, рѣшили начать дѣло заново, послать писцовъ во всѣ города, не потерпѣвшіе отъ разоренія, а дозорщиковъ въ разоренныя мѣстности, для правильнаго распредѣленія тягла по дѣйствительной «силѣ»; гарантіей успѣха должны были быть выборъ дозорщиковъ «добрыхъ», ихъ крестное цѣлованіе и «полные имъ наказы»: мысль русскихъ финансистовъ того времени не шла дальше попытокъ наладить дѣло старыми пріемами. А между тѣмъ усложненіе государственныхъ потребностей и разстройство народнаго хозяйства требовали новыхъ пріемовъ описанія,—новыхъ, болѣе пригодныхъ единицъ обложенія; къ попыткамъ податной реформы дѣятели XVII в. пришли, однако, лишь много позднѣе. Въ царствованіе же Михаила Ѳеодоровича надѣялись еще одолѣть затрудненія улучшеніемъ техники старыхъ пріемовъ и стремленіемъ привлечь къ общей тяготѣ всѣхъ, кто умѣлъ ея «избыть». Посадскіе многіе люди, «льготя себѣ, чтобъ имъ въ городѣхъ податей никакихъ не платить», покидали насиженныя мѣста, гдѣ записаны были въ тягло, уходили въ Москву и другіе города, выбывая изъ счета. Другіе плательщики «посадскіе и уѣздные люди» закладывались «въ закладчики за бояръ и за всякихъ людей», уйдя изъ-подъ власти правительственной на частную службу и подъ покровительство новыхъ господъ. Чтобы вернуть эти платежныя силы, государь съ соборомъ рѣшили вести розыскъ такихъ бѣглецовъ, возвращать ихъ на прежнее жительство, чтобы «быть имъ попрежнему, гдѣ кто былъ напередъ сего». Обезпеченіе податной исправности населенія требовало по-старому, и въ еще боль-

шей степени, прикрѣпленія тяглецовъ къ мѣсту и къ той мѣстной организаціи, куда они зачислены въ писцовыхъ книгахъ. Прошло 20 лѣтъ, и въ 1638 г. возникъ особый «сыскной приказъ» для повсемѣстнаго сыска закладчиковъ и возвращенія ихъ на старыя мѣста особыми «свозчиками», подъ надзоромъ которыхъ они обязаны были соорудить себѣ на посадѣ «дворовое строеніе». Кому изъ нихъ не находилось «поручниковъ въ житьѣ и дворовомъ строеніи», тѣхъ обязывали «жить и строиться» подъ угрозой ссылки въ Сибирь.

Жалованная грамота царя Михаила Ѳеодоровича кн. Д. М. Пожарскому на вотчины.

Оригиналъ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Къ той же цѣли — овладѣть всѣми силами и средствами населенія, чтобъ никто въ избылыхъ не былъ, и тѣми же средствами прикрѣпленія къ мѣсту и повинностямъ — шло правительство въ вопросахъ, касавшихся служилыхъ людей и крестьянства. Заботы объ устройствѣ служилаго класса, раздача ему помѣстій и пополненіе его новыми верстаніями въ службу не прекращались въ правленіе Филарета. Указное законодательство этихъ лѣтъ по помѣстнымъ дѣламъ весьма обильно, и въ 1636 г. особое «помѣстное

уложеніе» подвело ему нѣкоторый итогъ. Помѣстная система и организація службы представлялись настолько обезпеченными, что правительство пошло навстрѣчу желанію служилыхъ людей и стало постепенно расширять ихъ право распоряжаться помѣстьями: разрѣшало мѣну помѣстьями, сдачу помѣстья другому лицу, отдачу ихъ въ приданое за дочерьми. Въ то же время правительство продолжало политику ограниченія права распоряжаться вотчинами, особенно жалованными и выслуженными, которыхъ много роздано было въ первую половину царствованія. Общая тенденція этой эволюціи служилаго землевладѣнія подготовляла сліяніе помѣстій и вотчинъ въ одинъ разрядъ недвижимыхъ дворянскихъ имѣній, вотчинныхъ по отношенію къ владѣльцу, но всецѣло подчиненныхъ служилымъ его обязанностямъ регламентаціей его правъ съ точки зрѣнія правительственнаго интереса. Устраивая служилыхъ людей на земляхъ, верховная власть требовала отъ нихъ постоянной готовности къ исправной службѣ. Экономическій кризисъ, разросшійся въ результатѣ смуты, ставилъ эти требованія въ непримиримое противорѣчіе съ хозяйственнымъ положеніемъ служилыхъ земель. Мелкія помѣстья и вотчины служилаго люда были повсемѣстно почти разорены, главнымъ образомъ, по недостатку рабочихъ рукъ. Даже изъ болѣе зажиточныхъ, московскихъ дворянъ иные остались при шести, даже при трехъ крестьянахъ на имѣнье. Вопросъ этотъ былъ настолько острымъ, что при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ размѣръ обязательной службы опредѣляется не по площади земельнаго владѣнія — «со 100 четей доброй и угожей земли человѣкъ на конѣ и въ доспѣхѣ полномъ», какъ при Іоаннѣ Грозномъ, а по количеству крестьянъ у служилаго человѣка — съ 15 крестьянъ. Сами служилые московскіе дворяне полагали, что нести походную службу «безъ государева жалованья» можетъ только тотъ, за кѣмъ числится, по крайней мѣрѣ, 50 крестьянъ, а что менѣе состоятельные нуждаются въ денежной помощи. Тягость службы создавала въ дворянской средѣ явленія, аналогичныя тѣмъ, съ какими правительство боролось, разыскивая бѣглыхъ посадскихъ людей: дворяне уклонялись отъ призыва въ походъ, оказывались «въ нѣтяхъ», а то и вовсе бросали свои помѣстья и, «не хотя государевы службы служити и бѣдности терпѣти», укрывались, подобно посадскимъ закладчикамъ, за бояръ, поступая къ нимъ въ «добровольные холопы»; съ этимъ послѣднимъ явленіемъ правительство боролось самыми рѣшительными мѣрами.

Всѣ эти явленія и мѣропріятія правительства, ими вызванныя, показываютъ, что удовлетвореніе настоятельнѣйшихъ потребностей обширнаго государства, только что пережившаго тяжелый кризисъ и изнуряемаго внѣшней борьбой, было едва по силамъ его населенію. Несоотвѣтствіе средствъ и потребностей вело къ тому, что государство все болѣе и болѣе властвовало надъ народною жизнью, а самодѣятельность земская быстро замирала.

Верховная власть, подъ твердымъ руководствомъ патр. Филарета, окрѣпла и достигла полной, неограниченной силы, не въ принципѣ только, а на дѣлѣ. Но и онъ продолжаетъ работать при частомъ обращеніи къ земскимъ соборамъ. Однако въ новыхъ условіяхъ значеніе соборовъ не могло быть тѣмъ же, что въ первые годы царя Михаила. Филарету соборъ нуженъ былъ не для того, чтобы поддержать передъ обществомъ слабый правительственный авторитетъ: въ его рукахъ соборъ—орудіе для изученія дѣйствительнаго положенія дѣлъ, средство узнать его недостатки, вскрыть существующіе непорядки и злоупотребленія. На земскій соборъ созываются выборные отъ разныхъ чиновъ Московскаго государства, «которые бы умѣли разсказать обиды и насильства и разоренья», чтобы обоимъ великимъ государямъ, царю и патріарху, «всякія ихъ нужды и тѣсноты, и разоренья, и всякіе недостатки были вѣдомы». Царь и патріархъ обѣщаютъ, что обсудятъ съ ними, какъ «устроить бы Московское государство, чтобы пришло въ достоинство», и «совѣтовавъ по ихъ челобитью, учнутъ о Московскомъ государствѣ промышляти, чтобы во всемъ поправити, какъ лутче». Однако по вопросамъ чрезвычайнаго обложенія правительство и при Филаретѣ не могло обойтись безъ собора. И соборъ, на которомъ въ дѣлахъ финансовыхъ главную роль играли торговые люди, долженъ былъ въ особо трудныя минуты вызывать ихъ на «вспоможенье ратнымъ людямъ» пятою деньгой «съ животовъ и съ промысловъ вправду», а остальные чины — на дачу, смотря «по пожиткамъ, кому что мочно». Подъ контроль собора ставился выборъ сборщиковъ изъ торговыхъ людей разныхъ разрядовъ: «пересмотръ» выбора на соборѣ долженъ былъ обезпечить добросовѣстность постановки всего дѣла. Финансовые результаты этихъ чрезвычайныхъ усилій были сравнительно малы. Пятинныя и запросныя деньги заняли далеко не первое мѣсто въ ряду источниковъ дохода правительства царя Михаила, тѣмъ болѣе, что замѣтно понижали доходы косвенные.

Въ первые годы царствованія правительство искало выхода изъ нужды напряженіемъ прямого обложенія, постояннаго и чрезвычайнаго, но его тягость, несомнѣнно, затронула народный капиталъ: производство и торговля сильно сократились. Съ 20-хъ гг. эти результаты финансовой политики уже ясны, и роль въ ней земскихъ соборовъ становится все менѣе важной и значительной. Чѣмъ дальше, тѣмъ громче жалобы на невыносимую тяготу; чрезвычайныхъ жертвъ столько уже было принесено, что народныя силы казались исчерпанными. Вслушиваясь въ эти жалобы, Филаретъ изыскивалъ мѣры къ пресѣченію тѣхъ золъ, какія въ нихъ раскрывались. Тягота тягла и службы не могла быть облегчена; напротивъ, она неизмѣнно нарастала; достичь хотя бы ея равномѣрнаго распредѣленія не умѣли. Оставалось бороться съ частичными несовершенствами и нарушеніями существующаго порядка и пре-

слѣдовать злоупотребленія. Власть это и дѣлала по мѣрѣ силъ и умѣнья. Проявляя неустанную дѣятельность въ упорядоченіи, хотя бы самыми крутыми мѣрами, тягла и службы, правительство пыталось создать какой-либо контроль надъ «сильными людьми», о произволъ и вліяніе которыхъ разбивались усилія установить прочный и законный порядокъ. Назначались по жалобамъ многихъ людей довѣренныя лица изъ ближнихъ бояръ государевыхъ для сыска «про сильныхъ людей во всякихъ обидахъ». Такія судебно-разыскныя комиссіи назывались иногда «приказами сыскными, что на сильныхъ бьютъ челомъ», но стояли выше обычныхъ приказовъ, откуда къ нимъ поступали дѣла, какъ въ высшую инстанцію. Не довѣряя своей администраціи и не рѣшаясь начать ея реформу, правительство передавало наиболѣе острые вопросы особымъ комиссіямъ довѣренныхъ лицъ, примыкавшимъ къ ближней думѣ царской по личному составу и довѣренности. Эта практика весьма характерна для царской власти XVII в., понявшей, что на нее падаетъ отвѣтственность за дѣйствія ея полномочныхъ, и если не безотвѣтственныхъ, то фактически безконтрольныхъ органовъ. Внимательно выслушивая жалобы населенія и даже вызывая ихъ на земскихъ соборахъ, правительство столь же внимательно относилось къ челобитьямъ, поднимавшимъ вопросы о мѣстныхъ нуждахъ или потребностяхъ отдѣльныхъ группъ населенія, прислушивалось, наконецъ, къ доносамъ и «извѣтамъ», разъ въ нихъ обличались нарушенія государственнаго интереса или безопасности политической; процессы — въ особомъ порядкѣ производства — по поводу «слова и дѣла государева» возникли въ дни царя Михаила. Народное представленіе о царѣ-блюстителѣ высшей справедливости побуждало населеніе прибѣгать со своими нуждами и за обороной отъ всякихъ обидъ къ престолу, къ личной власти государевой, а на земскіе соборы смотрѣть, какъ на форму такого же обращенія. Общественная масса сходилась въ этомъ воззрѣніи съ представленіями носителей верховной власти; московская средневѣковая монархія выростала на народномъ корню.

Политическіе успѣхи новой династіи, ея укрѣпленіе во главѣ національнаго государства въ значительной мѣрѣ связаны съ личностью Филарета Никитича. Сама властная натура патріарха и его санъ содѣйствовали поднятію авторитета власти. Когда 1 октября 1633 года патріархъ Филаретъ умеръ, онъ оставилъ Московское государство окрѣпшимъ настолько, что ни тяжелая борьба съ сосѣдями, ни внутреннія язвы народнаго хозяйства и государственнаго быта уже не могли расшатать воздвигнутаго изъ развалинъ политическаго зданія. Съ кончиной патріарха ничто по существу не измѣнилось, несмотря на несомнѣнное ослабленіе правительственнаго центра. Въ Москву вернулись опальные члены придворной знати и приказной среды, но никто не замѣнилъ Филарета въ первенствующемъ государственномъ вліяніи. Москов-

ское правительство плыло по сложившемуся теченію, не проявляя сколько-нибудь крупнаго почина. И за три года до конца жизни и царствованія Михаила Ѳеодоровича его правительству привелось подвести своего рода итогъ состоянію государства на земскомъ соборѣ, созванномъ для обсужденія вопроса о взятіи казаками Азова. Донскіе казаки захватили Азовъ и просили его отъ нихъ принять и послать туда воеводъ съ ратными людьми. На обсужденіе собора поставленъ былъ вопросъ: разрывать ли изъ-за Азова съ Турціей и Крымомъ? А если итти на большую войну, то какъ обезпечить нужныя средства? Всѣ чины соборные должны были «помыслить о томъ накрѣпко» и государю о томъ «мысль свою объявити на письмѣ». Люди служилые ясно сознавали важность пріобрѣтенія: въ русскихъ рукахъ Азовъ парализовалъ крымскую орду и могъ стать опорнымъ пунктомъ для уничтоженія ея силы. Но разсужденія о средствахъ обороны Азова и веденія войны обратились въ сплошную жалобу на несправедливости, непорядки и оскудѣніе. Чины столичные и придворные норовили свести защиту Азова къ поддержкѣ казаковъ «охочими вольными людьми» на денежномъ жалованьи, безъ общаго похода. Дворяне городовые выражали готовность на войну, но указывали на неравномѣрность распредѣленія военныхъ и денежныхъ повинностей. Они совѣтовали государю хлѣбные запасы брать «со всѣхъ безъ выбора» и «рать строить» по тѣмъ уравнительнымъ правиламъ, какія установлены были при царяхъ Іоаннѣ и Ѳеодорѣ, взять пѣшихъ и конныхъ ратныхъ людей съ бояръ и ближнихъ людей, которые пожалованы многими помѣстьями и вотчинами, хотя бы въ видѣ исключенія «для такого басурманскаго нахожденія» и въ такомъ размѣрѣ, какой государь укажетъ, а также съ дьяковъ и подьячихъ, которые не только пожалованы и помѣстьями и вотчинами, но сверхъ того обогатѣли у государевыхъ дѣлъ неправеднымъ мздоимствомъ, накупили себѣ вотчинъ и понастроили такихъ домовъ, какихъ при прежнихъ государяхъ и у великородныхъ людей не бывало; ихъ справедливо обложить и деньгами «противъ домовъ ихъ и пожитковъ» на жалованье ратнымъ людямъ; съ «государева богомолья»—церковныхъ вотчинъ—взять даточныхъ людей не по устарѣлымъ даннымъ писцовыхъ книгъ, и тѣмъ болѣе не «противъ заступленья», а по числу крестьянъ; съ служащихъ по московскому списку и столичныхъ чиновъ, которые на льготной службѣ «отяжелѣли и обогатѣли», взять даточныхъ людей, а съ ихъ пожитковъ—деньги. Службу вообще необходимо упорядочить, выяснивъ, сколько за кѣмъ изъ служилыхъ и приказныхъ людей числится крестьянъ. и установить новымъ уложеньемъ, со сколькихъ крестьянъ служить безъ денежнаго жалованья, а за лишекъ владѣнья брать деньги; рядовыхъ служилыхъ людей, «безпомѣстныхъ, пустомѣстныхъ и малопомѣстныхъ», поддержать помѣстнымъ верстаньемъ и денежнымъ жалованьемъ. Финансовыя средства на войну по-

полнить, взявъ «лежачую домовую казну» у духовенства и обложивъ торговыхъ и черныхъ людей по ихъ торгамъ, промысламъ и пожиткамъ, но собирать эти доходы гостямъ и торговымъ людямъ, а приказныхъ людей счесть по приходнымъ книгамъ, «чтобы государева казна безъ вѣдомости не терялась»: отъ такой ревизіи приказного хозяйства служилые люди ожидали несомнѣнной прибыли для казны. Про себя рядовые служилые люди говорили, что готовы «работать государю головами своими и всею душою», но «разорены пуще турскихъ и крымскихъ басурмановъ московскою волокитою и отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ». Торговые люди также жаловались на новые приказные порядки, утверждая, что «въ городѣхъ всякіе люди обнищали и оскудали до конца отъ воеводъ», и вспоминали съ сожалѣніемъ, какъ «при прежнихъ государяхъ въ городѣхъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди судилися сами промежъ себя, а воеводъ въ городѣхъ не было»; они указывали на свое обѣднѣніе, на остановку торговъ, на разореніе отъ тяглыхъ службъ и податей, отъ конкуренціи иностранныхъ торговцевъ, которымъ покровительствовало правительство. Выслушавъ всѣ эти заявленія, правительство рѣшило отказаться отъ Азова и отступить передъ опасностью продолжительной и тяжелой войны. Соборныя «сказки» 1642 года характерно обрисовываютъ и настроеніе, и положеніе тѣхъ среднихъ слоевъ населенія, которые были главной общественной силой при возстановленіи государства изъ великой разрухи въ ополченіи 1612 г., на соборѣ, избравшемъ царя Михаила, и на рядѣ соборовъ первыхъ лѣтъ его правленія. Глубокое недовольство усиленіемъ приказной системы управленія, корыстной и безконтрольной, усугублялось тѣмъ, что ей на счетъ ставилось общее разстройство экономическаго быта и государственной силы, хотя она была, конечно, не причиной ихъ, а порожденіемъ. Острое раздраженіе вызывали и новые общественные верхи, обогатѣвшіе царскою милостью и собственнымъ мздоимствомъ и отяжелѣвшіе въ своемъ льготномъ положеніи. Силы и средства страны казались общественной массѣ большими, но неправильно распредѣленными, такъ что слишкомъ значительная часть ихъ ускользаетъ отъ служенія государеву и земскому дѣлу и пропадаетъ втуне. Надъ этимъ упрощеннымъ пониманіемъ положенія не возвышалась, впрочемъ, и мысль государственныхъ людей первой половины XVII вѣка. Усиліями перваго царствованія новой династіи государство было возстановлено на старыхъ основаніяхъ, на которыхъ покоилась и политика такихъ строителей царства, какъ Грозный и Годуновъ. Достигнутыми результатами въ значительной мѣрѣ осуществлялись намѣченныя ими цѣли. Но традиціонные пріемы управленія оказались недостаточными для разрѣшенія задачъ, болѣе сложныхъ. Правительственная работа, направленная исключительно на организацію и эксплуатацію народныхъ силъ и средствъ для государева и земскаго дѣла, спасла го-

сударство отъ внѣшняго и внутренняго разгрома, но не вывела страны изъ состоянія разстройства и надрыва этихъ силъ и средствъ. Побѣждены были гибельныя проявленія смуты, корни же ея не были вырваны изъ русской жизни. Это сказалось при сынѣ царя Михаила новыми тревогами и серьезными волненіями.

III.

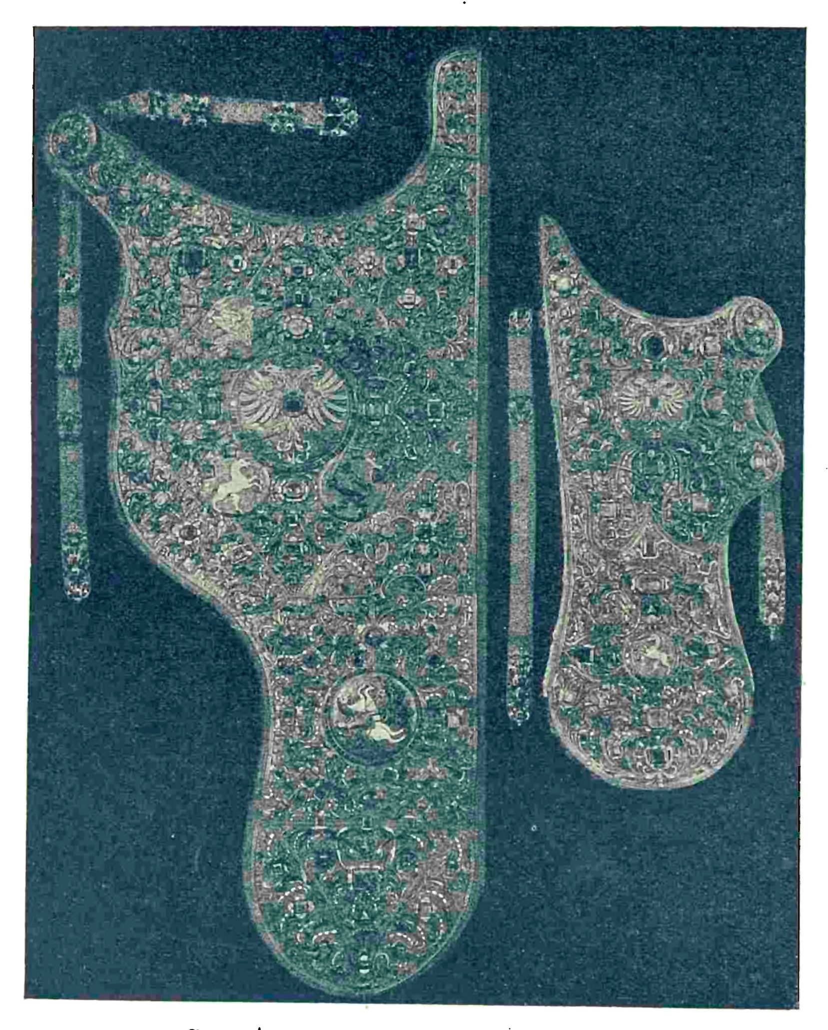
Внѣшняя политика при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.

Съ утвержденіемъ на престолѣ новой династіи Московскому государству пришлось строиться вновь не только во внутреннихъ, но и во внѣшнихъ отношеніяхъ. Москва въ эпоху смуты потеряла слишкомъ значительную и цѣнную часть государственной территоріи и утратила свое прежнее международное значеніе. На западной границѣ она оказалась отброшенною назадъ ко временамъ, предшествовавшимъ дѣятельности Іоанна III: потерянъ былъ Новгородъ, закрытъ путь къ западному морю; потерянъ Смоленскъ, утрачена земля Сѣверская, отрѣзаны пути въ Поднѣпровье. Сосѣди стремились закрѣпить за собой захваченныя области и до конца использовать создавшіяся условія, отказываясь признать совершившійся фактъ— возстановленіе на Москвѣ царскаго престола. Внутренняя смута слишкомъ тѣсно сплелась съ отношеніями къ западнымъ сосѣдямъ; не уладивъ ихъ, было невозможно одолѣть и внутреннюю смуту. Смута проложила путь иностранному вмѣшательству въ русскія дѣла, и оно поддерживало враговъ возстановляемаго порядка. Борьба была неизбѣжна; она и не была прервана избраніемъ Михаила. Шведы держали сѣверо-западъ, и король Густавъ-Адольфъ даже мечталъ, захвативъ Псковъ и Холмогоры или Соловки, отрѣзать Москву отъ обоихъ морей. Въ 1614 г. онъ лично явился на театръ войны, взялъ Гдовъ, въ слѣдующемъ году осадилъ Псковъ, но, потерпѣвъ здѣсь неудачу, согласился на переговоры. Долгія пререканія представителей обѣихъ сторонъ закончились заключеніемъ 27 февраля 1617 г. «вѣчнаго мира» въ Столбовѣ, на рѣкѣ Сяси. Москва по этому договору уступала шведамъ Ивангородъ, Ямъ, Копорье, Орѣшекъ съ уѣздами и уплачивала 20.000 рублей. Шведскій король, стремившійся къ господству Швеціи на Балтійскомъ морѣ, былъ весьма доволенъ этимъ результатомъ, тѣмъ болѣе, что царь отказался отъ всякихъ притязаній на Лифляндію и Корелу. Но и въ Москвѣ были рады миру, вызволившему Великій Новгородъ. Теперь были развязаны руки для дѣла, еще болѣе настоятельнаго,—борьбы съ королемъ польскимъ. Московское правительство возобновило ее еще въ мартѣ 1613 г., пославъ ратную силу на оборону и очищеніе западныхъ областей. Но силъ на энергичное наступленіе не хватало, война тянулась вяло. По счастью и противникъ, отвлеченный

турецкой опасностью и раздорами короля со шляхтой, лишь отстаивалъ захваченное и даже не былъ въ силахъ отбить ничтожныя силы русскихъ воеводъ, тщетно стоявшихъ полгода подъ Смоленскомъ. Безрезультатно тянулись съ конца 1614 до начала 1616 г. и переговоры о мирѣ. Лѣтомъ 1616 г. царь Михаилъ сдѣлалъ попытку наступленія, не давшую сколько-нибудь прочныхъ послѣдствій. Королевичъ Владиславъ, который продолжалъ титуловать себя царемъ московскимъ и настаивать на своихъ правахъ, получилъ согласіе сейма на походъ къ Москвѣ. Но въ Польшѣ московская авантюра дома Вазы далеко не пользовалась популярностью въ широкихъ общественныхъ кругахъ; насколько пріобрѣтеніе Смоленской и Сѣверской земель представлялось дѣломъ необходимымъ для обезпеченія великаго княжества Литовскаго, настолько утвержденіе на московскомъ наслѣдственномъ престолѣ польскаго королевича казалось политической опасностью и — во всякомъ случаѣ — династической затѣей, не заслуживающей жертвъ со стороны Речи Посполитой. Только лѣтомъ 1617 г. вступилъ Владиславъ въ московскіе предѣлы, но прошелъ еще цѣлый годъ, пока онъ получилъ возможность болѣе рѣшительныхъ дѣйствій. Польское войско, не достаточное, чтобы взять сколько-нибудь значительную крѣпость, раздраженное неполученіемъ платы, нѣсколько мѣсяцевъ разоряло русскія области, возобновивъ для западныхъ уѣздовъ горькія времена смуты. Наконецъ Владиславъ осенью 1618 г. рѣшилъ двинуться къ Москвѣ, чтобы чѣмъ-нибудь кончить: сеймъ далъ ему небольшую сумму денегъ съ обязательствомъ закончить походъ до конца года. Съ юга шла къ нему серьезная помощь—гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный съ 20.000 казаковъ, чѣмъ силы королевича утраивались. Но и этихъ силъ все-таки было недостаточно ни для взятія Москвы штурмомъ, ни для правильной осады. Однако Москва была еще такъ слаба, что могла только защищаться, отстаивая укрѣпленные пункты и уклоняясь отъ рѣшительной встрѣчи. Обѣ стороны одинаково нуждались въ мирѣ. Переговоры въ с. Деулинѣ, близъ Троицкой Лавры, привели къ перемирію на $14^1/_2$ лѣтъ, при чемъ Речь Посполитая удерживала свои завоеванія — Смоленскую и Сѣверскую земли,—а вопросъ о правахъ Владислава на московскій престолъ былъ «положенъ на судъ Божій» и не получилъ формальнаго рѣшенія. Но и въ такой формѣ перемиріе было благодѣтельно для Москвы, занятой трудною внутренней работой.

Въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича московскіе политики сдѣлали усилія связать свои дѣла съ отношеніями державъ въ Западной Европѣ. Еще изъ Ярославля кн. Пожарскій съ товарищами предпринялъ шаги къ возобновленію сношеній съ вѣнскимъ императорскимъ дворомъ, а лѣтомъ 1613 г. отправилось посольство къ имп. Матѳею. Московское правительство желало посредничества императора для замиренія съ Сигизмундомъ; однако, скоро пришлось убѣдиться, что императоръ не будетъ желательнымъ по-

средникомъ; участіе императорскаго посла Ганзеліуса въ русско-польскихъ переговорахъ оставило впечатлѣніе, что онъ «доброхотаетъ королю»; вѣнское правительство явно не было заинтересовано въ успокоеніи Московскаго государства. Больше реальныхъ основаній было искать соглашенія съ Турціей, давнимъ врагомъ Польши. Сношенія Москвы съ султаномъ сильно тревожили поль



Саадакъ царя Михаила Ѳеодоровича.
Русская работа XVII в.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

ское правительство. Эти опасенія, можетъ-быть, вліяли на готовность окончить московскую войну, но до активныхъ дѣйствій со стороны турокъ дѣло не дошло.

Болѣе существенныхъ результатовъ достигло правительство, затронувъ интересы англо-русской и русско-голландской торговли. Просьбы о помощи противъ шведовъ и Польши не имѣли успѣха: ни у Голландіи, ни у Англіи не было мотивовъ вступать въ войну.

Но замиреніе Московскаго государства было существенно важно для их торговыхъ интересовъ, а окупить дипломатическую услугу пріобрѣтеніемъ отъ правительства царя Михаила льготъ и покровительства значило расширить свои рынки и открыть себѣ новые торговые пути. Во время переговоровъ, которые привели къ Столбовскому миру, посредниками, усердно улаживавшими тренія между представителями Москвы и Швеціи, явились уполномоченный отъ англійскаго короля, Джонъ Мерикъ, и послы голландскіе. Лѣтомъ 1617 г. русское посольство просило короля Іакова содѣйствовать, чтобы Данія, Швеція и Нидерланды пришли на помощь Москвѣ противъ Швеціи и поддержали русскихъ денежной субсидіей. Король прислалъ крупную сумму — 20.000 руб.; ихъ вернули черезъ годъ, такъ какъ Деулинское перемиріе прервало польскую войну. Въ тѣ же годы впервые завязались у Москвы прямыя сношенія съ Франціей: въ 1615 г. московское посольство извѣщало короля Людовика XIII о вступленіи на престолъ царя Михаила и искало помощи Франціи противъ поляковъ и шведовъ; первое французское посольство появилось въ Москвѣ лишь много позднѣе — въ 1629 г.

Далекая Московія напоминала о себѣ державамъ Западной Европы, пытаясь поставить свои отношенія къ ближайшимъ западнымъ сосѣдямъ на общеевропейскую почву. Но еле оправлявшаяся отъ полнаго упадка Москва не вызывала на западѣ политическаго интереса. Зато ея значеніе какъ рынка для пріобрѣтенія сырья и для сбыта европейскихъ товаровъ и какъ страны, владѣющей путями въ Азію, особенно же въ богатую шелкомъ Персію, неизмѣнно росло въ сознаніи западнаго коммерческаго и политическаго міра. Въ переговорахъ о помощи и посредничествѣ московскіе послы должны были сулить торговыя привилегіи, за оказанныя услуги надо было платить жалованными грамотами на торговлю. Больше всѣхъ получили англичане: они пріобрѣли правс свободнаго и безпошлиннаго торга; голландцы выхлопотали себѣ ту же льготу лишь на 3 года (съ 1614 г.), а затѣмъ платили половинныя пошлины; рядъ спеціальныхъ привилегій получили отдѣльные торговые люди иноземцы за тѣ или иныя услуги московскому правительству. Попытка Франціи заключить договоръ о свободной торговлѣ и о пути въ Персію не имѣла успѣха, какъ и домогательства о томъ же англичанъ. Во всякомъ случаѣ навстрѣчу московскимъ посольствамъ, которыя стремились заинтересовать Западную Европу въ судьбахъ своего государства, какъ члена семьи народовъ христіанской культуры и союзника въ борьбѣ съ мусульманствомъ — этотъ аргументъ русско-европейскихъ связей обыченъ въ посольскихъ наказахъ временъ Михаила Θеодоровича, — шло стремленіе западно-европейскихъ народовъ включить Московію въ свой торговый оборотъ и эксплуатировать ея транзитные пути на востокъ. Со стороны царскаго правительства покрови-

тельство иноземной торговлѣ вызывалось не одной обязанностью расплачиваться за политическія услуги: англичане обязывались поставлять въ царскую казну сукно и другіе продукты западной промышленности по цѣнамъ, какія были на мѣстѣ въ Англіи. Ничтожество своей промышленности вызывало большую нужду въ западныхъ товарахъ. Параллельно шло расширеніе вызова иноземныхъ промышленниковъ для насажденія на Руси лучшей и болѣе интенсивной разработки минеральныхъ богатствъ, заводскаго и фабричнаго дѣла. Съ каждымъ десятилѣтіемъ XVII в. связи Московскаго государства съ Западной Европой становились сложнѣе и глубже.

Но сознательная и болѣе послѣдовательная работа въ этомъ направленіи была еще не по силамъ Москвѣ въ первую половину столѣтія. Тяжелое внутреннее положеніе страны и неизбѣжная затрата силъ и средствъ на внѣшнія отношенія поглощали эти силы до дна. Отношенія къ Польшѣ не были сколько-нибудь прочно улажены Деулинскимъ перемиріемъ. Новое разграниченіе вызывало непрерывныя пограничныя столкновенія, наѣзды и набѣги, нескончаемые споры изъ-за перебѣжчиковъ и т. д. Дипломатическія сношенія были очень затрудняемы непризнаніемъ за Михаиломъ Ѳеодоровичемъ царскаго титула. Худой миръ то и дѣло грозилъ перейти въ прямой разрывъ, когда въ августѣ 1621 г. появился въ Москвѣ посланникъ султана Ѳома Кантакузинъ, съ предложеніемъ наступательнаго союза противъ Польши. Но Москва чувствовала себя слабой и нуждалась въ довольно большомъ времени, чтобы подготовиться къ новой борьбѣ. Въ виду ея московское правительство заводитъ съ помощью иноземцевъ-инструкторовъ полки «иноземнаго ратнаго строя», солдатъ и рейтаръ, затрачивая на нихъ немалыя средства. Кончина Сигизмунда, смуты безкоролевья, казались въ 1631 г. моментомъ удобнымъ, чтобы возобновить борьбу за Смоленскъ. Война началась удачно; былъ взятъ рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ; воевода Шеинъ осадилъ Смоленскъ. Но исходъ кампаніи былъ плачевный. Союзники-турки не открыли своевременно военныхъ дѣйствій и двинулись тогда, когда подъ Смоленскомъ все было кончено. Осада этого города затянулась, а въ августѣ 1633 г. Владиславъ, избранный королемъ, пришелъ подъ Смоленскъ съ значительными силами и осадилъ осаждавшихъ въ ихъ окопахъ. Русскому войску пришлось капитулировать на унизительныхъ условіяхъ. Въ Москвѣ главныхъ воеводъ — Шеина и Измайлова—осудили за измѣну и казнили; другихъ постигла опала

Наградной червонецъ, одинъ изъ тѣхъ, какими жаловали московскіе государи за отличія.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

и ссылка. Но этимъ не исчерпывался урокъ смоленскаго похода. Онъ рѣзко выяснилъ отсталость русскаго военнаго строя. Слабость московской артиллеріи, незначительность новыхъ регулярныхъ силъ и боевая безпомощность дворянской конницы громко требовали энергичныхъ мѣръ къ улучшенію военнаго дѣла. Правительство послѣ смоленской катастрофы усиленно комплектуетъ «приборомъ» новыя части регулярныхъ полковъ, увеличиваетъ артиллерію, напрягая, какъ могло, свои финансовыя средства. Впрочемъ, успѣхи поляковъ плѣненіемъ Шеина и кончились. У короля средствъ также не хватало, а вѣсти о наступленіи турокъ заставили его поспѣшить съ переговорами о примиреніи. Лѣтомъ 1634 г. заключенъ былъ Поляновскій миръ: онъ далъ Москвѣ только отказъ Владислава отъ правъ на московскій престолъ. Осталась прежняя напряженность пограничныхъ отношеній, питаемая съ московской стороны сознаніемъ тягости потери Смоленска и Сѣверской земли. Но до кончины царя Михаила вооруженныхъ столкновеній между обоими государствами не было.

Тѣмъ напряженнѣе шла работа по оборонѣ и укрѣпленію другихъ границъ. Смутное время и западныя войны остановили развитіе военной колонизаціи и расширеніе укрѣпленій на югѣ, со стороны степной Украйны. Но южная граница попрежнему требовала постояннаго наблюденія и охраны. Противъ набѣговъ изъ Крыма приходилось по-старому ежегодно выдвигать къ ней обсерваціонные отряды, и эта постоянная «полковая» служба поглощала много силъ. По заключеніи Поляновскаго мира правительство возвращается къ сооруженію на югѣ укрѣпленной черты, къ постройкѣ городовъ и заселенію пограничной полосы военно-служилыми поселенцами. Въ 1636 г. построены Козловъ, Тамбовъ, Верхній и Нижній Ломовы. Въ концѣ 30-хъ и въ 40-хъ гг. идетъ усиленное строительство, которое при царѣ Алексѣѣ было завершено соединеніемъ городовъ и разсыпанныхъ между ними мелкихъ остроговъ непрерывною линіей укрѣпленій и засѣкъ въ крѣпкую Бѣлогородскую пограничную черту. Это было большое дѣло; оно потребовало, правда, крупныхъ средствъ и матеріальныхъ и личныхъ, но зато закрѣпляло возстановленіе государственной территоріи и ея безопасность. Послѣ этого въ южныхъ областяхъ стали появляться новые поселенцы не только изъ великорусскаго центра, но и изъ-за польскаго рубежа: въ 1638 г. послѣ усмиренія казацкаго возстанія цѣлый полкъ гетмана Остраницы поселился у Чугуева городища. Казаковъ надѣлили землей, денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ и назначили къ сторожевой пограничной службѣ. Однако эта первая волна малорусскаго переселенія, получившаго столь широкое развитіе во вторую половину XVII в., скоро схлынула обратно. Большая часть казаковъ ушла въ 1643 г. назадъ въ Польшу отъ нелегкой московской службы и отъ московскихъ воеводъ.

Возстановлялось, хотя медленно, и русское колонизаціонное движеніе въ Поволжье, пріобщавшее все новыя области къ русской гражданственности и московской государственности. Въ первую четверть XVII в. мирная колонизація двинулась за Каму и устраивалась тутъ въ многоземельныхъ мѣстахъ, не требуя правительственной поддержки. Но въ 30-хъ гг. восточная окраина увидала новую силу — калмыковъ, перекочевывавшихъ изъ Азіи. Въ 40-хъ гг. началась постройка укрѣпленій за Камою «для обереганья отъ приходу калмыцкихъ людей», въ 50-хъ она завершилась организаціей Закамской черты. Подъ защитой новыхъ укрѣпленій усилилось въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича заселеніе «прихожими людьми разныхъ городовъ» Самарской луки и береговъ внизъ по Волгѣ. Впрочемъ, въ этомъ направленіи развитіе русской колонизаціи за всю первую половину XVII в. весьма незначительно. Но русскую силу неудержимо привлекали на востокъ богатыя промысловыя угодья и свободныя земли. Піонеры этого движенія достигли въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича береговъ Охотскаго моря и начали заселеніе береговъ Енисея и Лены. Въ 1619 г. возникъ Енисейскъ, опорный пунктъ подчиненія тунгузовъ, въ 1620-хъ гг. Красноярскъ, центръ господства надъ инородцами верхняго Енисея. Отсюда поступательное движеніе русскихъ направилось на подчиненіе тунгузовъ и бурятъ. Самочинными дѣйствіями сибирскихъ казаковъ захвачены были пункты по Ленѣ, и Якутскій острогъ, построенный въ 1672 г., какъ и рядъ другихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, намѣчали этапы этого движенія и исходныя точки его дальнѣйшаго развитія. Въ 40-хъ гг. русскіе люди стали уже твердой ногой въ Анадырскомъ краю, въ Забайкальи и проникли на Амуръ. Разбросанные на огромныхъ пространствахъ Сибири русскіе городки и остроги намѣчали, такъ сказать вчернѣ, будущее освоеніе этой территоріи русскою колонизаціей и русскимъ государствомъ. На югѣ укрѣпленная граница опредѣлила лишь временный этапъ русскаго вѣкового движенія къ Черному морю. На востокѣ — граница, неопредѣленная, расплывающаяся въ неизслѣдованныхъ пространствахъ, безпокойная вслѣдствіе частыхъ столкновеній съ инородческими племенами, манила ясакомъ, промысловыми богатствами, легкой добычей для предпріимчивости населенія и казны государевой. На западѣ—два «вѣчныхъ» мира съ обоими вѣковыми врагами, принудившіе отказаться отъ давнихъ и важныхъ пріобрѣтеній—морского берега и западныхъ украинъ — служили не столько гарантіей покоя, сколько напоминаніемъ о неизбѣжномъ возобновленіи борьбы за культурные и торговые пути въ Западную Европу и за національное господство объединенной народности въ восточноевропейской равнинѣ.

Шапка Казанская. Сдѣлана въ Москвѣ въ 1553 г. для крестившагося царевича Симеона.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

ЦАРЬ
Алексѣй Михайловичъ.

I.

Общая характеристика.

Далеко ушло то время, когда наши ученые и публицисты считали XVII вѣкъ въ русской исторіи временемъ спокойной косности и объясняли необходимость Петровской реформы мертвящимъ застоемъ московской жизни. Теперь мы уже знаемъ, что эта московская жизнь въ XVII вѣкѣ била сердитымъ ключомъ и создала горячихъ бойцовъ какъ за старые, колеблемые ходомъ исторіи идеалы, такъ и за новый укладъ жизни. Боевыя фигуры протопопа Аввакума и Никона болѣе знакомы намъ, чѣмъ тихіе образы преподобнаго Діонисія и «милостиваго мужа» Ѳедора Михайловича Ртищева; но и послѣдніе, какъ первые, отдали свою энергію на поиски новыхъ началъ жизни для того, чтобы ими освѣтить и облагородить сѣрую московскую дѣйствительность. Явись среди взбаламученнаго московскаго общества середины XVII вѣка такой

ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.

1629—1676.

(Съ оригинала, находящагося въ Романовской галлереѣ Зимняго Дворца.)

культурный вождь, какимъ былъ Петръ Великій, — культурный переломъ въ Московской Руси могъ бы обозначиться раньше, чѣмъ это произошло на самомъ дѣлѣ. Но такого вождя не явилось. Напротивъ, во главѣ Московскаго государства стоялъ тогда любопытный и пріятный, но болѣе благородный, чѣмъ практически полезный правитель. Иначе не можемъ опредѣлить знаменитаго царя Алексѣя Михайловича.

Не такова натура была у царя Алексѣя Михайловича, чтобы, проникнувшись одной какой-нибудь идеей, онъ могъ энергично осуществлять эту идею, страстно бороться, преодолѣвать неудачи, всего отдать себя практической дѣятельности, какъ отдалъ себя Петръ. Сынъ и отецъ совсѣмъ несходны по характеру: въ царѣ Алексѣѣ не было той инициативы, какая отличала характеръ Петра. Стремленіе Петра всякую мысль претворять въ дѣло совсѣмъ чуждо личности Алексѣя Михайловича, мирной и созерцательной. Боевая, желѣзная натура Петра вполнѣ противоположна живой, но мягкой натурѣ его отца.

Негдѣ было царю Алексѣю выработать себѣ такую крѣпость духа и воли, какая дана Петру, помимо природы, впечатлѣніями дѣтства и юности. Царь Алексѣй росъ тихо въ теремѣ московскаго дворца, до пятилѣтняго возраста окруженный многочисленнымъ штатомъ мамъ, а затѣмъ по шестому году переданный на попеченіе дядьки, извѣстнаго Бориса Ивановича Морозова. Съ пяти лѣтъ стали его учить грамотѣ по букварю, перевели затѣмъ на часовникъ, псалтырь и апостольскія дѣянія, семи лѣтъ научили писать, а девяти стали учить церковному пѣнію. Этимъ собственно и закончилось образованіе. Съ нимъ рядомъ шли забавы: царевичу покупали игрушки; былъ у него, между прочимъ, конь «нѣмецкаго дѣла», были латы, музыкальные инструменты и санки потѣшныя,—словомъ, всѣ обычные предметы дѣтскаго развлеченія. Но была и любопытная для того времени новинка — «нѣмецкіе печатные листы», т.-е. гравированныя въ Германіи картинки, которыми Морозовъ пользовался, говорятъ, какъ подспорьемъ при обученіи царевича. Дарили царевичу и книги; изъ нихъ составилась у него библіотека числомъ въ 13 томовъ. На 14-мъ году царевича торжественно объявили народу, а 16-ти лѣтъ царевичъ осиротѣлъ (потерялъ и отца и мать) и вступилъ на московскій престолъ, не видѣвъ ничего въ жизни, кромѣ семьи и дворца. Понятно, какъ сильно было вліяніе боярина Морозова на молодого царя: онъ замѣнилъ ему отца.

Дальнѣйшіе годы жизни царя Алексѣя дали ему много впечатлѣній и значительный житейскій опытъ. Первое знакомство съ дѣломъ государственнаго управленія; необычныя волненія въ Москвѣ въ 1648 году, когда «государь къ Спасову образу прикладывался», обѣщая возставшему «міру» убрать Морозова отъ дѣлъ, «чтобъ міромъ утолилися»; путешествіе въ Литву и Ливонію въ 1654—1655 г.

на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ царь видѣлъ у ногъ своихъ Смоленскъ и Вильну и былъ свидѣтелемъ военной неудачи подъ Ригою,—все это развивающимъ образомъ подѣйствовало на личность Алексѣя Михайловича, опредѣлило эту личность, сложило характеръ. Царь возмужалъ, изъ неопытнаго юноши сталъ очень опредѣленнымъ человѣкомъ, съ оригинальною умственной и нравственной физіономіей.

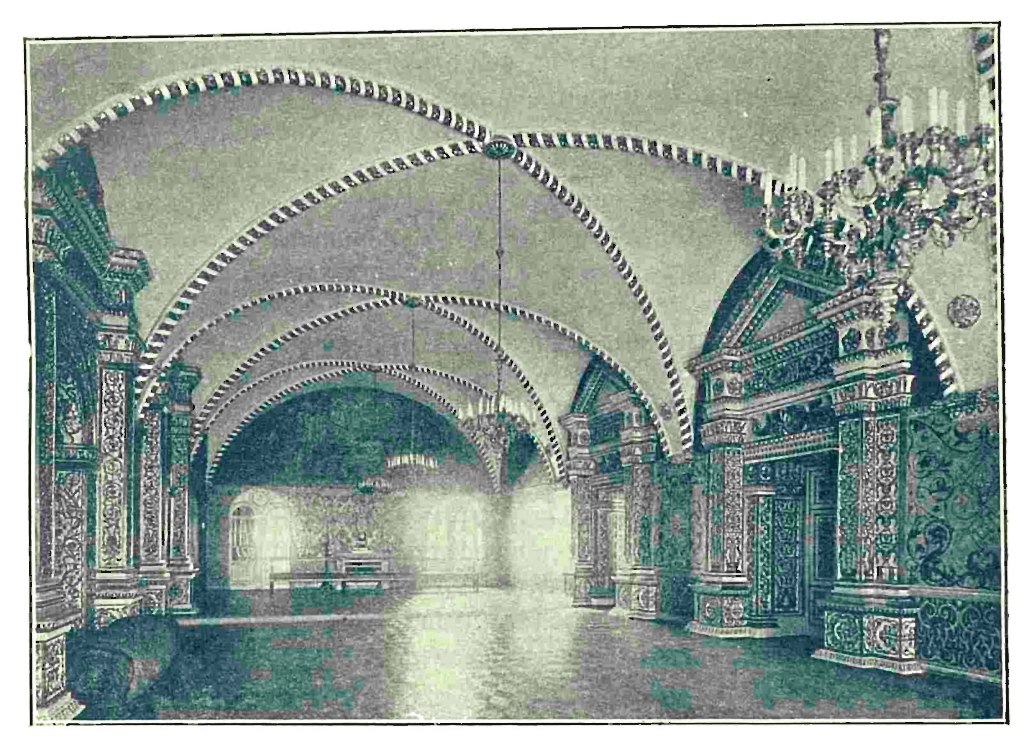
Рукописная псалтирь, по которой учился царь Алексѣй Михайловичъ. Хранится въ Саввиномъ Сторожевскомъ монастырѣ.

II.

Современники искренно любили царя Алексѣя Михайловича. Самая наружность царя сразу говорила въ его пользу и влекла къ нему. Въ его живыхъ голубыхъ глазахъ свѣтилась рѣдкая доброта; взглядъ этихъ глазъ, по отзыву современника, никого не пугалъ, но ободрялъ и обнадеживалъ. Лицо государя, полное и румяное, съ русою бородой, было благодушно-привѣтливо и въ то же время серьезно и важно, а полная (потомъ черезчуръ полная) фигура его сохраняла величавую и чинную осанку. Однако царственный видъ Алексѣя Михайловича ни въ комъ не будилъ страха: чувствовалось, что не личная гордость царя создала эту осанку, а

сознаніе важности и святости сана, который Богъ на него возложилъ.

Привлекательная внѣшность отражала въ себѣ, по общему мнѣнію, прекрасную душу. Достоинства царя Алексѣя съ нѣкоторымъ восторгомъ описывали лица, вовсе отъ него независимыя, — именно далекіе отъ царя и отъ Москвы иностранцы. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, сказалъ, что Алексѣй Михайловичъ «такой государь, какого желали бы имѣть всѣ христіанскіе народы, но немногіе имѣютъ» (Рейтенфельсъ). Другой поставилъ царя «на ряду съ добрѣйшими и мудрѣйшими государями» (Коллинсъ).



Святыя сѣни въ царскихъ теремахъ въ московскомъ кремлѣ.

Третій отозвался, что «царь одаренъ необыкновенными талантами, имѣетъ прекрасныя качества и украшенъ рѣдкими добродѣтелями»; «онъ покорилъ себѣ сердца всѣхъ своихъ подданныхъ, которые столько любятъ его, сколько и благоговѣютъ передъ нимъ» (Лизекъ). Четвертый отмѣтилъ, что, при неограниченной власти своей въ рабскомъ обществѣ, царь Алексѣй не посягнулъ ни на чье имущество, ни на чью жизнь, ни на чью честь (Мейербергъ). Эти отзывы получатъ еще бо̀льшую цѣну въ нашихъ глазахъ, если мы вспомнимъ, что ихъ авторы вовсе не были друзьями и поклонниками Москвы и москвичей. Совсѣмъ согласно съ иноземцами и русскій эмигрантъ Котошихинъ, сбросившій съ себя не только

московское подданство, но даже и московское имя, по-своему очень хорошо говоритъ о царѣ Алексѣѣ, называя его «гораздо тихимъ».

Повидимому, Алексѣй Михайловичъ всѣмъ, кто имѣлъ случай его узнать, казался свѣтлою личностью и всѣхъ удивлялъ своими достоинствами и пріятностью. Такое впечатлѣніе современниковъ, къ счастью, можетъ быть провѣрено матеріаломъ, болѣе прочнымъ и точнымъ, чѣмъ мнѣнія и отзывы отдѣльныхъ лицъ, — именно письмами и сочиненіями самого царя Алексѣя. Онъ очень любилъ писать и въ этомъ отношеніи былъ рѣдкимъ явленіемъ своего времени, очень небогатаго мемуарами и памятниками частной корреспонденціи. Царь Алексѣй съ необыкновенною охотою самъ брался за перо или же начиналъ диктовать свои мысли дьякамъ. Его личныя литературныя попытки не ограничивались составленіемъ пространныхъ, литературно-написанныхъ писемъ и посланій. Онъ пробовалъ сочинять даже вирши (нѣсколько строкъ, «которыя могли казаться автору стихами», по выраженію В. О. Ключевскаго). Онъ составилъ «уложеніе сокольничья пути», т.-е. подробный наказъ своимъ сокольникамъ. Онъ начиналъ писать записки о польской войнѣ. Онъ писалъ дѣловыя бумаги, имѣлъ привычку своеручно поправлять текстъ и дѣлать прибавки въ офиціальныхъ грамотахъ, при чемъ не всегда попадалъ въ тонъ приказнаго изложенія. Значительная часть его литературныхъ попытокъ дошла до насъ, и притомъ дошло по большей части то, что писалъ онъ во времена своей молодости, когда былъ свѣжѣе и откровеннѣе и когда жилъ полнѣе. Этотъ литературный матеріалъ замѣчательно ясно рисуетъ намъ личность государя и вполнѣ позволяетъ понять, насколько симпатична и интересна была эта личность. Царь Алексѣй высказывался очень легко, говорилъ почти всегда безъ обычной въ тѣ времена риторики, любилъ, что называется, поговорить и пофилософствовать въ своихъ произведеніяхъ.

III.

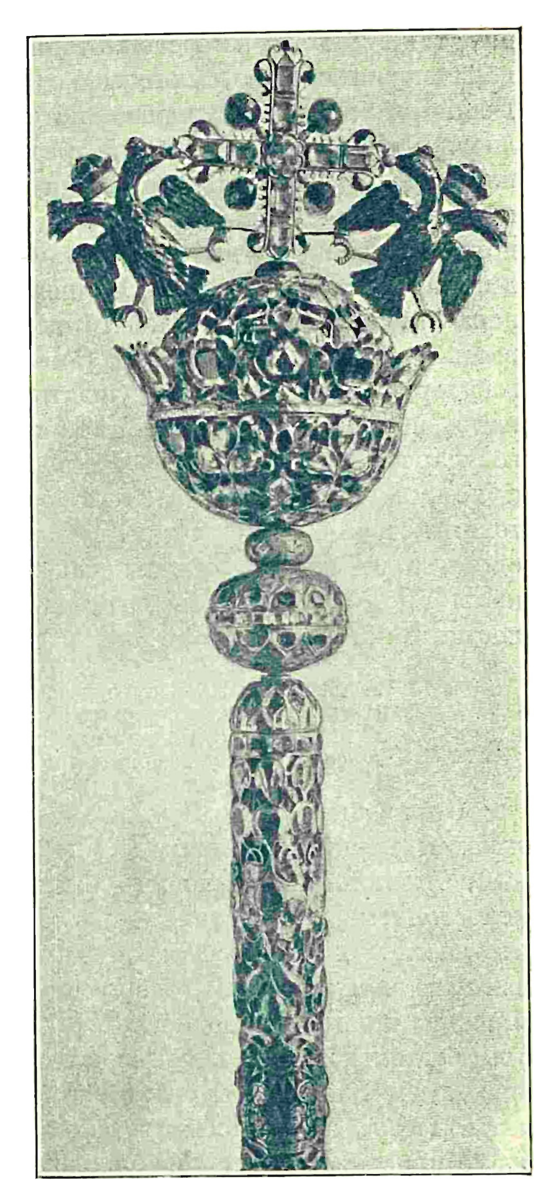
При чтеніи этихъ произведеній прежде всего бросается въ глаза необыкновенныя воспріимчивость и впечатлительность Алексѣя Михайловича. Онъ жадно впитываетъ въ себя, «яко губа напояема», впечатлѣнія отъ окружающей его дѣйствительности. Его занимаетъ и волнуетъ все одинаково: и вопросы политики, и военныя реляціи, и смерть патріарха, и садоводство, и вопросъ о томъ, какъ пѣть и служить въ церкви, и соколиная охота, и театральныя представленія, и буйство пьянаго монаха въ его любимомъ монастырѣ... Ко всему онъ относится одинаково живо, все дѣйствуетъ на него одинаково сильно: онъ плачетъ послѣ смерти патріарха и доходитъ до слезъ отъ выходокъ монастырскаго казначея: «до слезъ стало! видитъ чудотворецъ (Савва), что во мглѣ

хожу», пишетъ онъ этому ничтожному казначею Саввина монастыря. Въ увлеченіи тѣмъ или инымъ предметомъ царь не дѣлаетъ видимаго различія между важнымъ и неважнымъ. О пораженіи своихъ войскъ и о монастырской дракѣ пишетъ онъ съ равнымъ одушевленіемъ и вниманіемъ. Описывая своему двоюродному брату (по матери) Аѳ. Ив. Матюшкину, бой при г. Валкѣ 19 іюня 1657 года, царь пишетъ: «Братъ! буди тебѣ вѣдомо: у Матвѣя Шереметева былъ бой съ нѣмецкими людми. И дворяне издрогали и побѣжали всѣ, а Матвѣй остался въ отводѣ и сорвалъ нѣмецкихъ людей. Да навстрѣчю иныя пришли роты, и Матвѣй напустилъ и на тѣхъ съ небольшими людми, да лошадь повалилась, такъ его и взяли! А людей нашихъ всякихъ чиновъ 51 человѣкъ убитъ да ранено 35 человѣкъ. И то благодарю Бога, что отъ трехъ тысячъ столько побито, а то всѣ цѣлы, потому что побѣжали; а сами плачютъ, что такъ грѣхъ учинился!.. А съ кѣмъ бой былъ, и тѣхъ нѣмецъ всего было двѣ тысечи; нашихъ и болши было, да такъ грѣхъ пришелъ. А о Матвѣѣ не тужи, будетъ здоровъ, впередъ ему къ чести! Радуйся, что люди цѣлы, а Матвѣй будетъ попрежнему». Царь сочувствуетъ храброму Шереметеву и радуется, что цѣлы, благодаря бѣгству, его «издрогавшіе» люди. Позоръ пораженія онъ готовъ объяснить «грѣхомъ» и не только не держитъ гнѣва на виновныхъ, но душевно жалѣетъ ихъ. Ту же степень вниманія, только не сочувственнаго, царь удѣляетъ и подвигамъ помянутаго Саввинскаго казначея Никиты, который стрѣлецкаго десятника, поставленнаго въ монастырѣ, зашибъ посохомъ въ голову, а оружіе, сѣдла и зипуны стрѣлецкіе велѣлъ выметать вонъ задворъ. Царь составилъ Никитѣ посланіе (вмѣсто простой приказной грамоты) «отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи врагу Божію и богоненавистцу и христопродавцу и разорителю чюдотворцова дома (т.-е. Саввина монастыря) и единомысленнику сатанину, врагу проклятому, ненадобному шпыню и злому пронырливому злодѣю казначею Никитѣ». Въ этомъ посланіи Алексѣй Михайловичъ спрашивалъ Никиту: «кто тебя, сиротину, спрашивалъ надъ домомъ чюдотворцовымъ да и надо мною, грѣшнымъ, властвовать? кто тебѣ сію власть мимо архимарита далъ, что тебѣ безъ его вѣдома стрѣльцовъ и мужиковъ моихъ Михайловскихъ бить?» Такъ какъ Никита счелъ себѣ безчестьемъ, что стрѣльцы расположились у его кельи, то царь обвинялъ монаха въ сатанинской гордости и восклицалъ: «дорого добрѣ, что у тебя, скота, стрѣльцы стоятъ! лучше тебя и честнѣе тебя и у митрополитовъ стоятъ стрѣльцы по нашему указу!.. дороги ль мы предъ Богомъ съ тобою и дороги ль наши высокосердечныя мысли, доколѣ отвращаемся, доколѣ не всею душою и не всѣмъ сердцемъ заповѣди Его творимъ?»... За самоуправство царь налагалъ на монаха позорное наказаніе: съ цѣпью на шеѣ и въ кандалахъ Никиту стрѣльцы должны были свести въ его келью послѣ того, какъ ему «предъ

всѣмъ соборомъ» прочтутъ царскую грамоту. А за «роптаніе спесивое» царь грозилъ монаху жаловаться на него чудотворцу и просить суда и обороны предъ Богомъ.

Такъ живо и сильно, доходя до слезъ и до «мглы» душевной, переживалъ царь Алексѣй Михайловичъ все то, что забирало его за сердце. И не только исключительныя событія его личной и государственной жизни, но и самыя обыкновенныя частности повседневнаго быта легко поднимали его впечатлительность, доводя ее порою до восторга, до гнѣва, до живой жалости. Среди серьезныхъ писемъ къ Аѳ. Ив. Матюшкину есть одно, все сплошь посвященное двумъ молодымъ соколамъ и ихъ пробѣ на охотѣ. Алексѣй Михайловичъ съ восторгомъ описываетъ, какъ онъ «отвѣдывалъ» этихъ «дикомытовъ» и какъ одинъ изъ нихъ «безмѣрно каково хорошо летѣлъ» и «милостію Божіей и твоими (Матюшкина) молитвами и счастіемъ» отлично «заразилъ» утку: «какъ ее мякнетъ по шеѣ, такъ она десятью перекинулась» (т.-е. десять разъ перевернулась при паденіи). Въ дѣловой перепискѣ съ Матюшкинымъ царь не упускаетъ сообщить ему и такую малую, напримѣръ, новость: «да на нашемъ стану въ селѣ Танинскомъ новый сокольникъ Мишка Семеновъ сидѣлъ у огня да, вздремавъ, упалъ въ огонь, и ево изъ огня вытащили; немного не згорѣлъ, а какъ въ огонь упалъ, и того онъ не слыхалъ»... Во время морового повѣтрія 1654—1655 гг. царь уѣзжалъ отъ своей семьи на войну и очень безпокоился о своихъ родныхъ. «Да для Христа, государыни мои, оберегайтесь отъ заморнова ото всякой вещи,—писалъ онъ своимъ сестрамъ,— не презрите прошенія нашего!» Но въ то самое время, когда война и моръ, казалось, сполна занимали умъ Алексѣя Михайловича и онъ своимъ близкимъ съ тоскою въ письмахъ «отъ мору велѣлъ опасатца», онъ не удержался, чтобы не описать имъ поразившее его въ Смоленскѣ весеннее половодье. «Да будетъ вамъ вѣдомо,—пишетъ онъ,—на Днѣпрѣ былъ мостъ 7 саженъ надъ водою; и на Ѳоминой недѣлѣ прибыло столько, что уже съ мосту черпаютъ воду; а чаю, и поиметъ (мостъ)»... Разсказываютъ, будто бы однажды въ докладѣ царю изъ кормового дворца было указано, что квасы, которые тамъ варили на царскій обиходъ, не удались: одинъ сортъ кваса вышелъ такъ плохъ, что развѣ только стрѣльцамъ споить. Алексѣй Михайловичъ обидѣлся за своихъ стрѣльцовъ и на докладѣ раздраженно указалъ докладчику: «самъ выпей!»

Мудрено ли, что такой живой и воспріимчивый человѣкъ, какъ царь Алексѣй, могъ быть очень вспыльчивъ и подвиженъ на гнѣвъ. Несмотря на внѣшнее добродушіе и дѣйствительную доброту, Алексѣй Михайловичъ, по живости духа, нерѣдко давалъ волю своему неудовольствію, гнѣвался, бранился и даже дрался. Мы видѣли, какъ онъ бранилъ «сиротину» монаха за его грубыя претензіи. Почти такъ же доставалось отъ «гораздо тихаго» царя



Верхняя часть скипетра ц. Алексѣя Михайловича.
Скипетръ хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

и людямъ высшихъ чиновъ и болѣе высокой породы. Въ 1658 году, недовольный княземъ Ив. Ан. Хованскимъ за его мѣстническое высокомѣріе и за ссору съ Аѳ. Лавр. Ординымъ-Нащокинымъ, Алексѣй Михайловичъ послалъ сказать ему царскій выговоръ съ такими, между прочимъ, выраженіями: «тебя, князя Ивана, взыскалъ и выбралъ на эту службу великій государь, а то тебя всякъ называлъ дуракомъ, и тебѣ своею службою возноситься не надобно; ...великій государь велѣлъ тебѣ сказать имянно, что за непослушаніе и за Аѳанасія (Ордина-Нащокина) тебѣ и всему роду твоему быть разорену». Въ другой разъ (1660 г.), сообщая Матюшкину о пораженіи этого своего «избранника» князя Хованскаго Тараруя, царь виною пораженія выставлялъ «ево безпутную дерзость» и съ горемъ признавался, что изъ-за военныхъ тревогъ самъ онъ «не ходилъ на поле тѣшиться іюня съ 25 числа іюля по 5 число, и птичей промыслъ поизмѣшался». Несмотря, однако, на безпутную дерзость и «дурость» князя Хованскаго, Алексѣй Михайловичъ продолжалъ его держать у дѣлъ до самой кончины: вѣроятно, «тараруй» (т.-е. болтунъ) и «дуракъ» обладалъ и положительными дѣловыми качествами.—Надобно вспомнить, что въ ужасные дни стрѣлецкаго бунта 1682 года правительство рѣшилось поставить именно этого тараруя во главѣ Стрѣлецкаго приказа. Еще крѣпче, чѣмъ Хованскому, писалъ однажды царь Алексѣй Михайловичъ «врагу креста Христова и новому Ахитофелу князю Григорью Ромодановскому». За малую, повидимому, вину (не отпустилъ во-время солдатъ къ воеводѣ С. Змѣеву) царь послалъ

ему такіе укоры: «Воздастъ тебѣ Господь Богъ за твою къ намъ, великому государю, прямую сатанинскую службу!.. И ты дѣло Божіе и наше государево потерялъ, потеряетъ тебя самого Господь Богъ!.. И самъ ты, треокаянный и безславный ненавистникъ рода христіанскаго — для того, что людей не послалъ, — и намъ вѣрный измѣнникъ и самого истиннаго сатаны сынъ и другъ діаволовъ, впадешь въ бездну преисподнюю, изъ неяже никто не возвращался... Вконецъ вѣдаемъ, завистниче и вѣрный нашъ непослушниче, какъ то дѣло ухищреннымъ и злопронырливымъ умысломъ учинилъ... Богъ благословилъ и передалъ намъ, государю, править и разсуждать люди свои на востокѣ и на западѣ, и на югѣ и на сѣверѣ вправду: и мы Божіи дѣла и наши государевы на всѣхъ странахъ полагаемъ — смотря по человѣку, а не всѣхъ странъ дѣла тебѣ одному, ненавистнику, дѣлать, для того: невозможно естеству человѣческому на всѣ страны дѣлать, одинъ бѣсъ на всѣ страны мещется»... Но отругавъ на этотъ разъ князя Гр. Гр. Ромодановскаго, царь въ другое время шлетъ ему милостивое «повелѣніе» въ видѣ виршей:

„Рабе Божій! дерзай о имени Божіи
И уповай всѣмъ сердцемъ: подастъ Богъ побѣду!
И любовь и совѣтъ великой имѣй съ Брюховецкимъ,
А себя и людей Божіихъ и нашихъ береги крѣпко" и т. д.

Стало-быть, и Ромодановскій, какъ Хованскій, не всегда казался царю достойнымъ хулы и гнѣва. Вспыльчивый и бранчивый, Алексѣй Михайловичъ былъ, какъ видимъ, въ своемъ гнѣвѣ непостояненъ и отходчивъ, легко и искренно переходя отъ брани къ ласкѣ. Даже тогда, когда раздраженіе государя достигало высшаго предѣла, оно скоро смѣнялось раскаяніемъ и желаніемъ мира и покоя. Въ одномъ засѣданіи боярской думы, вспыхнувъ отъ безтактной выходки своего тестя боярина И. Д. Милославскаго, царь изругалъ его, побилъ и пинками вытолкалъ изъ комнаты. Гнѣвъ царя принялъ такой крутой оборотъ, конечно, потому, что Милославскаго по его свойствамъ и вообще нельзя было уважать. Однако добрыя отношенія между тестемъ и зятемъ отъ того не испортились: оба они легко забыли происшедшее. Серьезнѣе былъ случай со старымъ придворнымъ человѣкомъ, родственникомъ царя по матери, Родіономъ Матвѣевичемъ Стрѣшневымъ, о которомъ Алексѣй Михайловичъ былъ высокаго мнѣнія. Старикъ отказался, по старости, отъ того, чтобы вмѣстѣ съ царемъ «отворить» себѣ кровь. Алексѣй Михайловичъ вспылилъ, потому что отказъ представился ему высокоуміемъ и гордостью, и ударилъ Стрѣшнева, а потомъ не зналъ, какъ задобрить и утѣшить почитаемаго имъ человѣка, просилъ мира и слалъ ему богатые подарки.

Но не только тѣмъ, что царь легко прощалъ и мирился, доказывается его душевная доброта. Общій голосъ современниковъ называетъ его очень добрымъ человѣкомъ. Царь любилъ благо-

творить. Въ его дворцѣ, въ особыхъ палатахъ, на полномъ царскомъ иждивеніи жили такъ называемые «верховые» (т.-е. дворцовые), «богомольцы», «верховые нищіе» и «юродивые». «Богомольцы» были древніе старики, почитаемые за старость и житейскій опытъ, за благочестіе и мудрость. Царь въ зимніе вечера слушалъ ихъ разсказы про старое время — о томъ, что было «за тридцать и за сорокъ лѣтъ и больши». Онъ покоилъ ихъ старость такъ же, какъ чтилъ безуміе Христа ради юродивыхъ, дѣлавшее ихъ неумытными и безстрашными обличителями и пророками въ глазахъ всего общества того времени. Одинъ изъ такихъ юродивыхъ, именно

Крестовая думная палата въ царскихъ теремахъ.

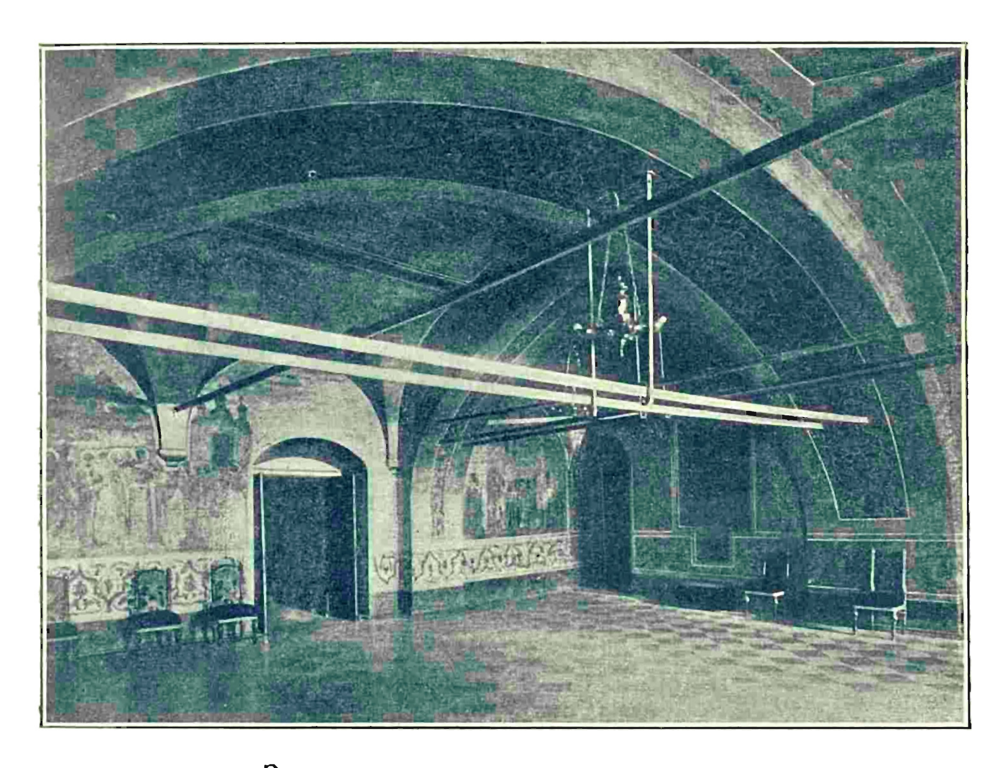
Василій «Босой» или «Уродивый», игралъ большую роль при царѣ Алексѣѣ, какъ его совѣтникъ и наставникъ. О «братѣ нашемъ Василіи» не разъ встрѣчаются почтительныя упоминанія въ царской перепискѣ. Опекая подобный людъ при жизни, царь устраивалъ «богомольцамъ» и «нищимъ» торжественныя похороны послѣ ихъ кончины и въ ихъ память учреждалъ «кормы» и раздавалъ милостыню по церквамъ и тюрьмамъ. Такая же милостыня шла отъ царя и по большимъ праздникамъ; иногда онъ самъ обходилъ тюрьмы, раздавая подаяніе «несчастнымъ». Въ особенности предъ «великимъ» или «свѣтлымъ» днемъ св. Пасхи, на «страшной» недѣлѣ, посѣщалъ царь тюрьмы и богадѣльни, одѣлялъ милостынею и

нерѣдко освобождалъ тюремныхъ «сидѣльцевъ», выкупалъ неоплатныхъ должниковъ, помогалъ неимущимъ и больнымъ. Въ обычныя для этой рутинныя формы «подачи» и «корма» нищимъ Алексѣй Михайловичъ умѣлъ внести сознательную стихію любви къ добру и людямъ.

Не одна нищета и физическія страданія трогали царя Алексѣя Михайловича. Всякое горе, всякая бѣда находили въ его душѣ откликъ и сочувствіе. Онъ былъ способенъ и склоненъ къ самымъ теплымъ и деликатнымъ дружескимъ утѣшеніямъ, лучше всего рисующимъ его глубокую душевную доброту. Въ этомъ отношеніи замѣчательны его знаменитыя письма къ двумъ огорченнымъ отцамъ: князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому и Аѳанасію Лаврентьевичу Ордину-Нащокину объ ихъ сыновьяхъ. У кн. Одоевскаго умеръ внезапно его «первенецъ», взрослый сынъ князь Михаилъ, въ то время, когда его отецъ былъ въ Казани. Царь Алексѣй самъ особымъ письмомъ извѣстилъ отца о горькой потерѣ. Онъ началъ письмо похвалами почившему, при чемъ выразилъ эти похвалы косвенно — въ видѣ разсказа о томъ, какъ чинно и хорошо обходились князь Михаилъ и его младшій братъ князь Ѳедоръ съ нимъ, государемъ, когда государь былъ у нихъ въ селѣ Вешняковѣ. Затѣмъ царь описалъ легкую и благочестивую кончину князя Михаила: послѣ причастія онъ «какъ есть уснулъ; отнюдь рыданія не было, ни терзанія». Свѣтлые тоны описанія здѣсь взяты были, разумѣется, нарочно, чтобы смягчить первую печаль отца. А потомъ слѣдовали слова утѣшенія, пространныя, порою прямо нѣжныя слова. Въ основѣ ихъ положена та мысль, что свѣтлая кончина человѣка безъ страданій, «въ добродѣтели и въ покаяніи добрѣ», есть милость Господня, которой слѣдуетъ радоваться даже и въ минуты естественнаго горя. «Радуйся и веселися, что Богъ совсѣмъ свершилъ, изволилъ взять съ милостію своею; и ты принимай съ радостію сію печаль, а не въ кручину себѣ и не въ оскорбленіе». «Нельзя, что не поскорбѣть и не прослезиться, — и прослезиться надобно, да въ мѣру, чтобъ Бога наипаче не прогнѣвать!» Не довольствуясь словеснымъ утѣшеніемъ, Алексѣй Михайловичъ пришелъ на помощь Одоевскимъ и самымъ дѣломъ: принялъ на себя и похороны: «на все погребалныя я послалъ (пишетъ онъ), сколько Богъ изволилъ, потому что впрямъ узналъ и провѣдалъ про васъ, что опричь Бога на небеси, а на земли опричь меня, никово у васъ нѣтъ», — между тѣмъ, несомнѣнно, что семья Одоевскихъ далеко не была бѣдной. Въ концѣ утѣшительнаго посланія царь своеручно приписалъ послѣднія ласковыя слова: «Князь Никита Ивановичь! не оскорбляйся, токмо уповай на Бога и на насъ будь надеженъ!»

Горе Аѳ. Л. Ордина-Нащокина, по мнѣнію Алексѣя Михайловича, было горше, чѣмъ утрата кн. Н. И. Одоевскаго. По словамъ царя, «тебѣ, думному дворянину, болше этой бѣды вне-

редъ уже не будетъ: больше этой бѣды на свѣтѣ не бываетъ!» У Ордина-Нащокина убѣжалъ за границу сынъ, по имени Воинъ, и убѣжалъ, какъ измѣнникъ, во время служебной поѣздки, съ казенными деньгами, «со многими указами о дѣлахъ и съ вѣдомостями». На просьбу пораженнаго отца объ отставкѣ царь послалъ ему «отъ насъ, великаго государя, милостивое слово». Это слово было не только милостиво, но и трогательно. Послѣ многихъ похвальныхъ эпитетовъ «христолюбцу и миролюбцу, нищелюбцу и трудолюбцу» Аѳанасію Лаврентьевичу, царь тепло говоритъ о своемъ сочувствіи не только ему, Аѳанасію, но и его супругѣ въ



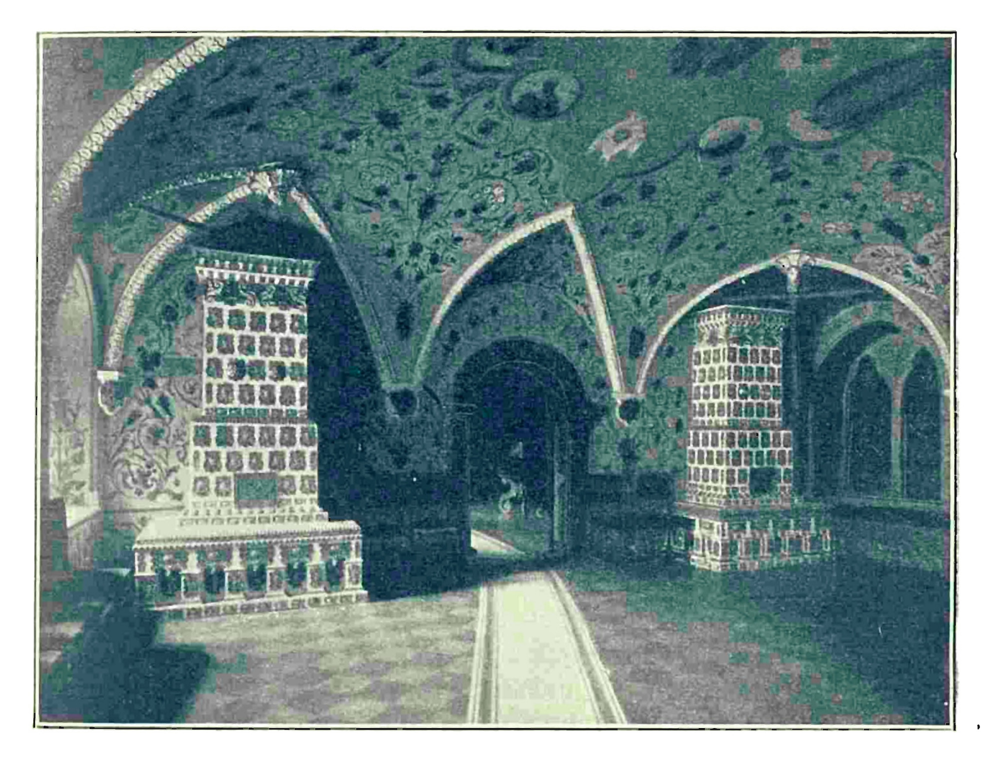
Золотая палата въ царскихъ теремахъ.

«ихъ великой скорби и тугѣ». Объ отставкѣ своего добраго «ходатая и желателя» онъ не хочетъ и слышать, потому что не считаетъ отца виноватымъ въ измѣнѣ сына. Царь и самъ довѣрялъ измѣннику, какъ довѣрялъ ему отецъ: «Будетъ тебѣ, вѣрному рабу Христову и нашему, сына твоего дурость ставить въ вѣдомство и соглашеніе твое ему! и онъ, простецъ, и у насъ, великаго государя, тайно былъ, и не по одно время, и о многихъ дѣлахъ съ нимъ къ тебѣ приказывали, а такова простоумышленнаго яда подъ языкомъ его не видали!» Царь даже пытается утѣшить отца надеждою на возвращеніе не измѣнившаго якобы, а только увлекшагося юноши. «А тому мы, великій государь, не подивляемся,

что сынъ твой сплуталъ: знатно то, что съ малодушія то учинилъ. Онъ человѣкъ молодой, хощетъ созданія Владычня и творенія руку Его видѣть на семъ свѣтѣ; якоже и птица летаетъ сѣмо и овамо и, полетавъ довольно, паки ко гнѣзду своему прилетаетъ: такъ и сынъ вашъ вспомянетъ гнѣздо свое тѣлесное, наипаче же душевное привязаніе отъ Святаго Духа во святой купѣли, и къ вамъ вскорѣ возвратится!» Какая доброта и какой тактъ диктовали эти золотыя слова утѣшенія въ бѣдѣ, больше которой «на свѣтѣ не бываетъ»! И царь оказался правъ: Аѳанасьевъ «сынишка Войка» скоро вернулся изъ дальнихъ странъ во Псковъ, а оттуда въ Москву, и Алексѣй Михайловичъ имѣлъ утѣшеніе написать А. Л. Ордину-Нащокину, что за его вѣрную и радѣтельную службу онъ пожаловалъ сына его, вины отдалъ, велѣлъ свои очи видѣть и написать по московскому списку съ отпускомъ на житье въ отцовскія деревни.

Живая, впечатлительная, чуткая и добрая натура Алексѣя Михайловича дѣлала его очень способнымъ къ добродушному веселью и смѣху. Склонностью къ юмору онъ напоминаетъ своего геніальнаго сына Петра; оба они любили пошутить и словомъ и дѣломъ. Среди писемъ къ Матюшкину есть одно, написанное «тарабарски», нелегкимъ для чтеніи шифромъ, и сочиненное только затѣмъ, чтобъ подразнить Матюшкина шутливымъ замѣчаніемъ, что когда его нѣтъ, то некому царя покормить плохимъ хлѣбомъ «съ закалою». «А потомъ будь здравъ», милостиво заключаетъ царь свой намекъ на какую-то кулинарную оплошность его любимца. Другое письмо къ Матюшкину все сплошь игриво. Царь пишетъ изъ «похода» и начинаетъ порученіемъ устроить маленькій обманъ его сестеръ-царевенъ: «нарядись въ ѣздовое (дорожное) платье да съѣзди къ сестрамъ, будто ты отъ меня пріѣхалъ, да спрошай о здоровьи». Матюшкину, стало-быть, приказано просто лгать царевнамъ, что онъ лично прибылъ въ Москву изъ того подмосковнаго «потѣшнаго» села, гдѣ тогда жилъ государь. Вслѣдъ за этимъ порученіемъ царь Алексѣй сообщаетъ Матюшкину: «тѣмъ утѣшаюся, что столниковъ безпрестани купаю ежеутръ въ прудѣ... за то: кто не поспѣетъ къ моему смотру, такъ того и купаю!» Очевидно, эта утѣха не была жестокою, такъ какъ стольники на нее, видимо, напрашивались сами. Государь послѣ купанья въ отличіе звалъ ихъ къ своему столу: «у меня купальщики тѣ ядятъ вдоволь, — продолжаетъ царь Алексѣй, — а иные говорятъ: мы де нарокомъ не поспѣемъ, такъ де и насъ выкупаютъ, да и за столъ посадятъ. Многіе нарокомъ не поспѣваютъ». Такъ тѣшился «гораздо тихій» царь, какъ бы преобразуя этимъ невиннымъ купаньемъ стольниковъ жестокія издѣвательства его сына Петра надъ вольными и невольными собутыльниками. Само собою приходитъ на умъ и сравненіе извѣстной «книги, глаголемой Урядникъ сокольничья пути», царя Алексѣя съ не менѣе извѣстными церемоніа-

лами «всешутѣйшаго собора» Петра Великаго. Насколько «потѣха» отца благороднѣе «шутовства» сына и насколько острый цинизмъ послѣдняго ниже цѣломудренной шутки Алексѣя Михайловича! Свой шутливый охотничій обрядъ, «чинъ» производства рядового сокольника въ начальные, царь Алексѣй обставилъ нехитрыми символическими дѣйствіями и тарабарскими формулами, которыя не многаго стоятъ по наивности и простотѣ, но въ основѣ которыхъ лежитъ молодой и здоровый охотничій энтузіазмъ и трогательная любовь къ красотѣ птичьей природы. Тогда какъ у царя Петра служеніе Бахусу и Ивашкѣ Хмельницкому пріобрѣтало



Столовая въ царскихъ теремахъ.

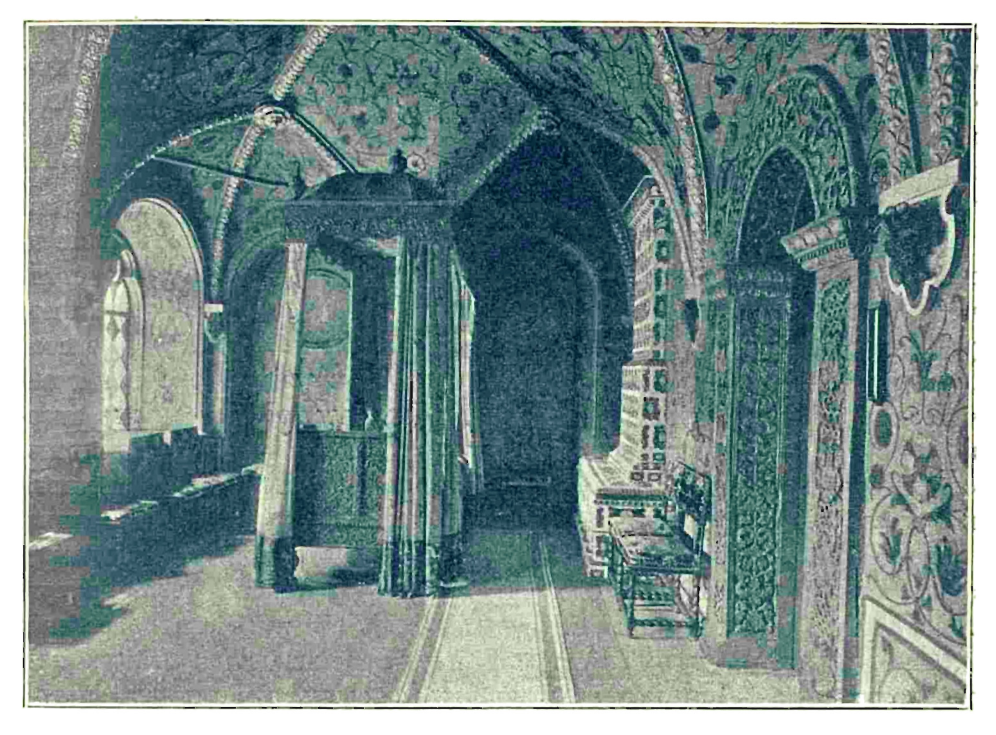
характеръ культа, въ «Урядникѣ» царя Алексѣя «пьянство» сокольника было показано въ числѣ винъ, за которыя «безо всякія пощады быть сослану на Лену». Разработавъ свой «потѣшный» чинъ производства въ сокольники и отдавъ въ немъ дань своему веселью, царь Алексѣй своеручно написалъ на немъ характерную оговорку: «правды же и суда и милостивыя любви и ратнаго строя николиже позабывайте: дѣлу время и потѣхѣ часъ!» Умѣнье соединять дѣло и потѣху замѣтно у царя Алексѣя и въ томъ отношеніи, что онъ охотно вводилъ шутку въ дѣловую сферу. Въ его перепискѣ не разъ встрѣчаемъ юморъ тамъ, гдѣ его не ждемъ. Такъ, сообщая въ 1655 г. своему любимцу «вѣрному и избранному»

стрѣлецкому головѣ А. С. Матвѣеву разнаго рода дѣловыя вѣсти, Алексѣй Михайловичъ, между прочимъ, пишетъ: «Посланникъ приходилъ отъ шведскаго Карла короля, думный человѣкъ, а имя ему Уддеудла. Таковъ смышленъ: и купить его, то дорого дать что полтина, хотя думный человѣкъ; мы, великій государь, въ десять лѣтъ впервые видимъ такого глупца посланника!» Насмѣшливо отозвавшись вообще о ходахъ шведской дипломатіи, царь продолжаетъ: «Тако намъ, великому государю, то честь, что (король) прислалъ обвѣстить посланника, а и думнаго человѣка. Хотя и глупъ, да что же дѣлать? така намъ честь». Въ 1656 г. въ очень серьезномъ письмѣ сестрамъ изъ Кокенгаузена царь сообщалъ имъ подробности счастливаго взятія этого крѣпкаго города и не удержался отъ шутливо-образнаго выраженія: «а крѣпокъ безмѣрно: ровъ глубокой — меншой братъ нашему кремлевскому рву, а крѣпостію — сынъ Смоленску граду: ей, чрезъ мѣру крѣпокъ!» Частная, не дѣловая переписка Алексѣя Михайловича изобилуетъ такого рода шутками и замѣчаніями. Въ нихъ нѣтъ особаго остроумія и мѣткости, но много веселаго благодушія и наклонности посмѣяться.

Такова была природа царя Алексѣя Михайловича, впечатлительная и чуткая, живая и мягкая, общительная и веселая. Эти богатыя свойства были, въ духѣ того времени, обработаны воспитаніемъ. Алексѣя Михайловича пріучили къ книгѣ и разбудили въ немъ умственные запросы. Склонность къ чтенію и размышленію развила свѣтлыя стороны натуры Алексѣя Михайловича и создала изъ него чрезвычайно привлекательную личность. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей московскаго общества того времени: слѣды его разносторонней начитанности, библейской, церковной и свѣтской, разбросаны во всѣхъ его произведеніяхъ. Видно, что онъ вполнѣ овладѣлъ тогдашней литературой и усвоилъ себѣ до тонкости книжный языкъ. Въ серьезныхъ письмахъ и сочиненіяхъ онъ любитъ пускать въ ходъ цвѣтистые книжные обороты, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не похожъ на тогдашнихъ книжниковъ-риторовъ, для красоты формы жертвовавшихъ ясностью и даже смысломъ. У царя Алексѣя продуманъ каждый его цвѣтистый афоризмъ, изъ каждой книжной фразы смотритъ живая и ясная мысль. У него нѣтъ риторическаго пустословія: все, что онъ прочелъ, онъ продумалъ; онъ, видимо, привыкъ размышлять, привыкъ свободно и легко высказывать то, что надумалъ, и говорилъ притомъ только то, что думалъ. Поэтому его рѣчь всегда искренна и полна содержанія. Высказывался онъ чрезвычайно охотно, и потому его умственный обликъ вполнѣ ясенъ.

Чтеніе образовало въ Алексѣѣ Михайловичѣ очень глубокую и сознательную религіозность. Религіознымъ чувствомъ онъ былъ проникнутъ весь. Онъ много молился, строго держалъ посты и прекрасно зналъ всѣ церковные уставы. Его главнымъ духовнымъ интересомъ было спасеніе души. Съ этой точки зрѣнія онъ судилъ дру-

гихъ. Всякому виновному царь при выговорѣ непремѣнно указывалъ, что онъ своимъ проступкомъ губитъ свою душу и служитъ сатанѣ. По представленію, общему въ то время, средство ко спасенію души царь видѣлъ въ строгомъ послѣдованіи обрядности, и поэтому очень строго соблюдалъ всѣ обряды. Любопытно прочесть записки дьякона Павла Алеппскаго, который былъ въ Россіи въ 1655 году съ патріархомъ Макаріемъ антіохійскимъ и описалъ намъ Алексѣя Михайловича въ церкви и среди клира. Изъ этихъ записокъ всего лучше видно, какое значеніе придавалъ царь обрядамъ и какъ заботливо слѣдилъ за точнымъ ихъ исполненіемъ. Но обрядъ и аскетическое

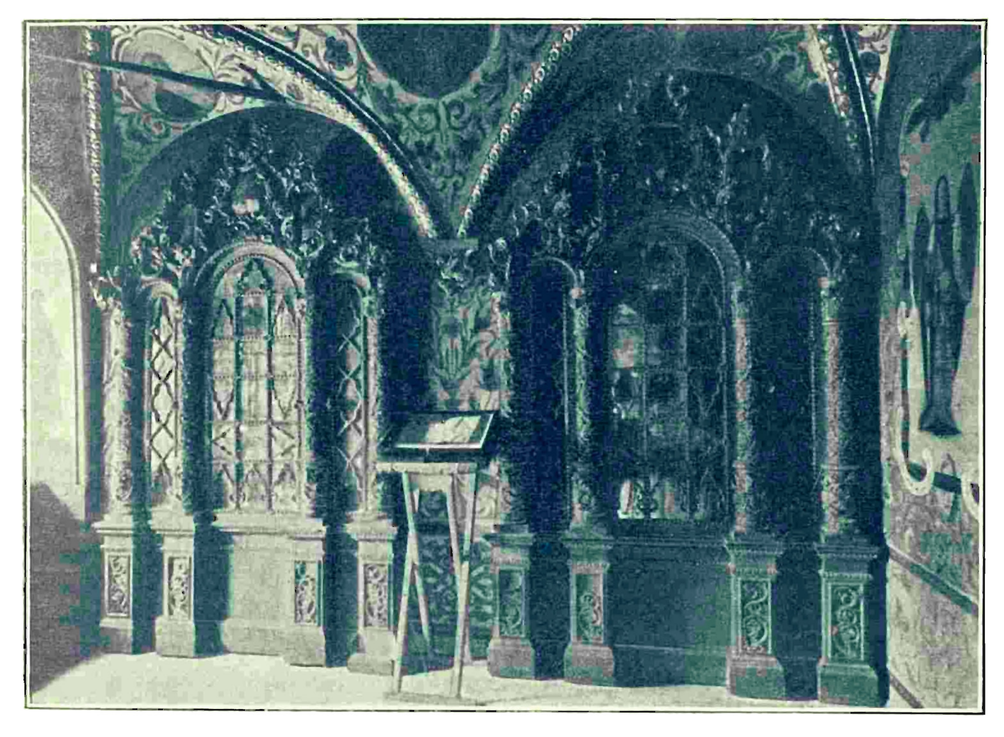


Опочивальня царя Алексѣя Михайловича въ бытность его царевичемъ.
Въ теремахъ московскаго кремля.

воздержаніе, къ которому стремились наши предки, не исчерпывали религіознаго сознанія Алексѣя Михайловича. Религія для него была не только обрядомъ, но и высокой нравственной дисциплиной: будучи глубоко религіознымъ, царь думалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что не грѣшитъ, смотря комедію и лаская нѣмцевъ. Въ глазахъ Алексѣя Михайловича театральное представленіе и общеніе съ иностранцами были не грѣхомъ и преступленіемъ противъ религіи, но совершенно позволительнымъ новшествомъ — и пріятнымъ и полезнымъ. Однако при этомъ онъ ревниво оберегалъ чистоту вѣры и, безъ сомнѣнія, былъ однимъ изъ православнѣйшихъ москвичей; только его умъ и начитанность позволяли ему гораздо шире понимать право-

славіе, чѣмъ понимало его большинство его современниковъ. Его религіозное сознаніе шло, несомнѣнно, дальше обряда: онъ былъ философъ-моралистъ, и его философское міровоззрѣніе было строго-религіознымъ. Ко всему окружающему онъ относился съ высоты своей религіозной морали, и эта мораль, исходя изъ свѣтлой, мягкой и доброй души царя, была не сухимъ кодексомъ отвлеченныхъ нравственныхъ правилъ, суровыхъ и безжизненныхъ, а звучала мягкимъ, прочувствованнымъ, любящимъ словомъ, сказывалась полнымъ яснаго житейскаго смысла теплымъ отношеніемъ къ людямъ. Склонность къ размышленію и наблюденію, вмѣстѣ съ добродушіемъ и мягкостью природы, выработали въ Алексѣѣ Михайловичѣ замѣчательную для того времени тонкость чувства; поэтому и его мораль высказывалась иногда поразительно хорошо, тепло и симпатично, особенно тогда, когда ему приходилось кого-нибудь утѣшать. Высокій образецъ этой трогательной морали представляетъ упомянутое выше письмо царя къ князю Ник. Ив. Одоевскому о смерти его старшаго сына, князя Михаила. Въ этомъ письмѣ ясно виденъ человѣкъ чрезвычайно деликатный, умѣющій любить и понимать нравственный міръ другихъ, умѣющій и говорить, и думать, и чувствовать очень тонко. Та же тонкость пониманія, способность дать нравственную оцѣнку своему положенію и своимъ обязанностямъ, сказывается въ замѣчательномъ «статейномъ спискѣ» или письмѣ Алексѣя Михайловича къ Никону, митрополиту новгородскому, съ описаніемъ смерти патріарха Іосифа. Врядъ ли Іосифъ пользовался дѣйствительною любовью царя и имѣлъ въ его глазахъ большой нравственный авторитетъ. Но царь считалъ своею обязанностью чтить святителя и относиться къ нему съ должнымъ вниманіемъ. Поэтому онъ окружилъ больного патріарха своими заботами, посѣщалъ его, присутствовалъ даже при его агоніи, участвовалъ въ чинѣ его погребенія и лично самымъ старательнымъ образомъ переписалъ «келейную казну» патріарха,— «съ полторы недѣли ежедень ходилъ» въ патріаршіе покои, какъ душеприказчикъ. Во всемъ этомъ Алексѣй Михайловичъ и даетъ добровольный отчетъ Никону, предназначенному уже въ патріархи всея Руси. Надобно прочитать сплошь весь царскій «статейный списокъ», чтобы въ полной мѣрѣ усвоить его своеобразную прелесть. Описаніе послѣдней болѣзни патріарха сдѣлано чрезвычайно ярко, съ большою реальностью, при чемъ царь сокрушается, что упустилъ случай по московскому обычаю напомнить Іосифу о необходимости предсмертныхъ распоряженій. «И ты меня, грѣшнаго, прости,—пишетъ онъ Никону,—что язъ ему не воспомянулъ о духовной и кому душу свою прикажетъ». Царь пожалѣлъ пугать Іосифа, не думая, что онъ уже такъ плохъ: «Мнѣ молвить про духовную-ту, и помнитъ: вотъ де меня и бываетъ!» Здѣсь личная деликатность заставила царя Алексѣя отступить отъ жестокаго обычая старины, когда и самимъ царямъ въ болѣзни ихъ дьяки поминали «о духовной». Умершаго

патріарха вынесли въ церковь, и царь пришелъ къ его гробу въ пустую церковь въ ту минуту, когда можно было глазомъ видѣть процессъ разложенія въ трупѣ («безмѣрно пухнетъ», «лицо розно пухнетъ»). Царь Алексѣй испугался. «И мнѣ пріиде,— пишетъ онъ, — помышленіе такое отъ врага: побѣги де ты вонъ, тотчасъ де тебя, вскоча, удавитъ!.. И я, перекрестясь, да взялъ за руку его, свѣта, и сталъ цѣловать, а во умѣ держу то слово: отъ земли созданъ, и въ землю идетъ; чего боятися?.. Тѣмъ себя и оживилъ, что за руку-ту его съ молитвой взялъ!» Во время погребенія патріарха случился грѣхъ: «да такой грѣхъ, владыко



Моленная царя Алексѣя Михайловича.

святой: погребли безъ звону!.. а прежнихъ патріарховъ съ звономъ погребали». Лишь самъ царь вспомнилъ, что надо звонить, такъ ужъ стали звонить послѣ срока. Похоронивъ патріарха, Алексѣй Михайловичъ принялся за разборъ личнаго имущества патріаршаго съ цѣлью его благотворительнаго распредѣленія; кое-что изъ этого имущества царь и распродалъ. Самому царю нравились серебряные «суды» (посуда) патріарха, и онъ, разумѣется, могъ бы ихъ пріобрѣсти для себя: было бы у него столько денегъ, «что и вчетверо цѣну-ту дать», по его словамъ. Но государя удержало очень благородное соображеніе: «Да и въ томъ меня, владыко святый, прости,—пишетъ царь Никону,—немного и я не покусился

инымъ судамъ, да милостію Божіею воздержался и вашими молитвами святыми. Ей-ей, владыко святый, ни маленькому ничему не точенъ!.. Не хочу для того: се отъ Бога грѣхъ, се отъ людей зазорно, а се какой я буду прикащикъ: самому мнѣ (суды) имать, а денги мнѣ платить себѣ жъ!» Вотъ съ какими чертами душевной деликатности, нравственной щекотливости и совѣстливости выступаетъ передъ ними самодержецъ XVII вѣка, боящійся грѣха отъ Бога и зазора отъ людей, подчиняющій христіанскому чувству свой суевѣрный страхъ.

То же чувство деликатности, основанной на нравственной вдумчивости, сказывается въ любопытнѣйшемъ выговорѣ царя воеводѣ князю Юрію Алексѣевичу Долгорукому. Долгорукій въ 1658 году удачно дѣйствовалъ противъ Литвы и взялъ въ плѣнъ гетмана Гонсѣвскаго. Но его успѣхъ былъ слѣдствіемъ его личной инициативы: онъ дѣйствовалъ по соображенію съ обстановкою, безъ спроса и вѣдома царскаго. Мало того, онъ почему-то не извѣстилъ царя во-время о своихъ дѣйствіяхъ и, главнымъ образомъ, объ отступленіи отъ Вильны, которое въ Москвѣ не одобрили. Выходило такъ, что за одно надлежало Долгорукаго хвалить, а за другое порицать. Царь Алексѣй находилъ нужнымъ офиціально выказать недовольство поведеніемъ Долгорукаго, а неофиціально послалъ ему письмо съ мягкимъ и милостивымъ выговоромъ. «Похваляемъ тебя безъ вѣсти (т.-е. безъ реляціи Долгорукаго) и жаловать обѣщаемся», писалъ государь, но тутъ же добавилъ, что это похвала только частная и негласная: «и хотимъ съ милостивымъ словомъ послать и съ иною нашею государевою милостію, да нельзя послать: отписки отъ тебя нѣтъ, невѣдомо, противъ чего писать тебѣ!» Объяснивъ, что Долгорукій «самъ то себѣ устроилъ безчестье», царь обращается къ интимнымъ упрекамъ: «Ты за мою, просто молвить, милостивую любовь ни одной строки не писывалъ ни о чемъ! Писалъ ко друзьямъ своимъ, а тѣ — ей-ей! — про тебя же переговариваютъ да смѣются, какъ ты торопишься, какъ и иное дѣлаешь»... «Чаю, что князь Никита Ивановичъ (Одоевскій) тебя подбилъ; и его было слушать напрасно: вѣдаешь самъ, какой онъ промышленникъ, послушаешь, какъ про него поютъ на Москвѣ»... Но одновременно съ горькими укоризнами царь говоритъ Долгорукому и ласковыя слова: «Тебѣ бы о сей грамотѣ не печалиться: любя тебя пишу, а не кручинясь; а сверхъ того, сынъ твой скажетъ, какая немилость моя къ тебя и къ нему»... «Жаль конечно тебя: впрямь Богъ хотѣлъ тобою всякое дѣло въ совершеніе не во многіе дни привести... да самъ ты отъ себя потерялъ!» Въ заключеніе царь жалуетъ Долгорукаго тѣмъ, что велитъ оставить свой выговоръ втайнѣ: «а прочтя сію нашу грамоту и запечатавъ, прислать ее къ намъ съ тѣмъ же, кто къ тебѣ съ нею пріѣдетъ». Очень продумано, деликатно и тактично это же-

ланіе царя Алексѣя добрымъ интимнымъ внушеніемъ смягчить и объяснить офиціальное взысканіе съ человѣка, хотя и заслуженнаго, но формально провинившагося.

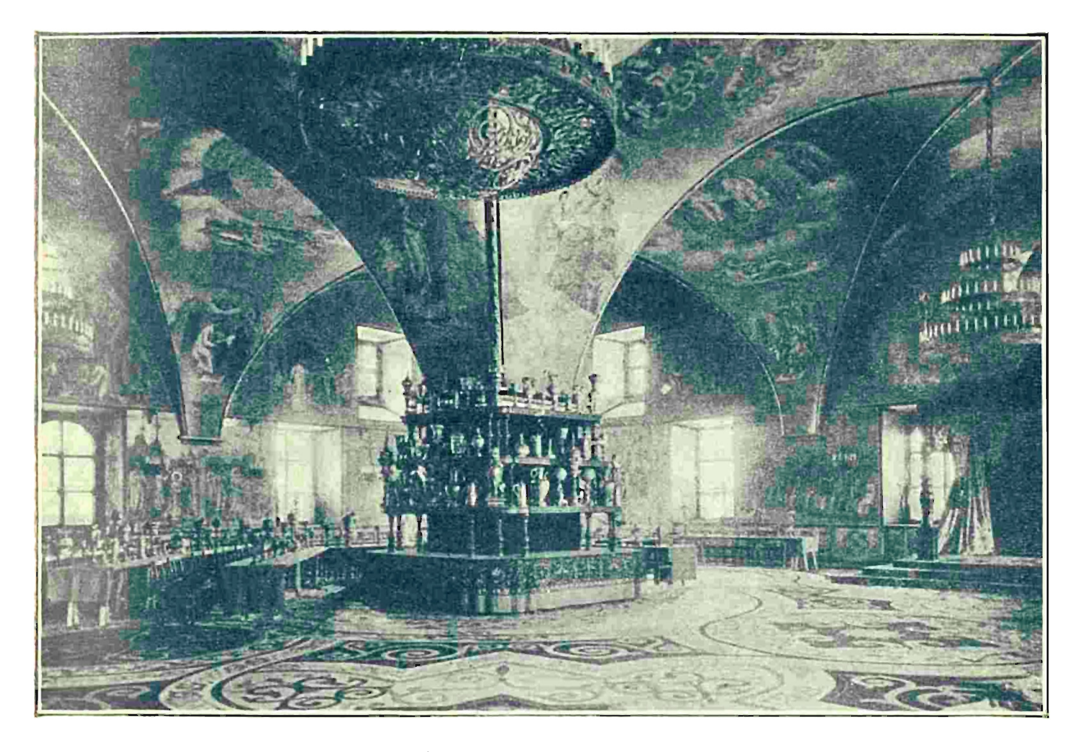
Во всѣхъ посланіяхъ царя Алексѣя Михайловича, подобныхъ приведенному, гдѣ царю приходилось обсуждать, а иногда и осуждать поступки разныхъ лицъ, бросается въ глаза одна любопытная черта. Царь не только обнаруживаетъ въ себѣ большую нравственную чуткость, но онъ умѣетъ и любитъ анализировать: онъ всегда очень пространно доказываетъ вину, объясняетъ, противъ кого и противъ чего именно погрѣшилъ виноватый и насколько

Одинъ изъ внутреннихъ переходовъ въ царскихъ теремахъ.

сильно и тяжко его прегрѣшеніе. Характернѣйшій образецъ подобныхъ разсужденій находимъ въ его обращеніи къ князю Григорію Семеновичу Куракину съ выговоромъ за то, что онъ (въ 1668 г.) не поспѣшилъ на выручку гарнизонамъ Нѣжина и Чернигова. Царь упрекнулъ Куракина въ недомысліи, въ томъ, что онъ «притчею не промыслитъ, что будетъ» слѣдствіемъ его промедленія. «То будетъ (объясняетъ царь воеводѣ): первое — Бога прогнѣваетъ... и кровь напрасно многую прольетъ; второе — людей потеряетъ и страхъ на людей наведетъ и торопость; третье — отъ великаго государя гнѣвъ приметъ; четвертое — отъ людей стыдъ и срамъ, что даромъ людей потерялъ; пятое — славу и

честь, на свѣтѣ Богомъ дарованную, непристойнымъ дѣломъ отгонитъ отъ себя и вмѣсто славы укоризны всякія и неудобные переговоры воспріиметъ. И то все писано къ нему, боярину (заключаетъ Алексѣй Михайловичъ), хотя добра святой и восточной церкви и чтобы дѣло Божіе и его государево свершалось въ добромъ полководствѣ, а его, боярина, жалуя и хотя ему чести и жалѣя его старости!» Наблюденія надъ такими словесными упражненіями приводятъ къ мысли, что царь Алексѣй много и основательно размышлялъ. И это размышленіе состояло не въ томъ только, что въ умѣ Алексѣя Михайловича послушно и живо припоминались имъ читанные тексты и чужія мысли, подходящія внѣшнимъ образомъ къ данному времени и случаю. Умственная работа приводила его къ образованію собственныхъ взглядовъ на міръ и людей, а равно и общихъ нравственныхъ понятій, которыя составляли его собственное философско-нравственное достояніе. Конечно, это не была система міровоззрѣнія въ современномъ смыслѣ; тѣмъ не менѣе, въ сознаніи Алексѣя Михайловича былъ такой отчетливый моральный строй и порядокъ, что всякій частный случай ему легко было подвести подъ его общія понятія и дать ему категорическую оцѣнку. Нѣтъ возможности возстановить, въ общемъ содержаніи и системѣ, этотъ душевный строй прежде всего потому, что и самъ его обладатель никогда не заботился объ этомъ. Однако для примѣра укажемъ хотя бы на то, что, исходя изъ религіозно-нравственныхъ основаній, Алексѣй Михайловичъ имѣлъ ясное и твердое понятіе о происхожденіи и значеніи царской власти въ Московскомъ государствѣ, какъ власти богоустановленной и назначенной для того, чтобы «разсуждать людей вправду» и «безпомощнымъ помогать». Уже были выше приведены слова царя Алексѣя князю Гр. Гр. Ромодановскому: «Богъ благословилъ и предалъ намъ, государю, править и разсуждать люди своя на востокѣ, и на западѣ, и на югѣ, и на сѣверѣ вправду». Для царя Алексѣя это была не случайная красивая фраза, а постоянная твердая формула его власти, которую онъ сознательно повторялъ всегда, когда его мысль обращалась на объясненіе смысла и цѣли его державныхъ полномочій. Въ письмѣ къ князю Н. И. Одоевскому, напримѣръ, царь однажды помянулъ о томъ, «какъ жить мнѣ, государю, и вамъ, боярамъ», и на эту тему писалъ: «а мы, великій государь, ежедневно просимъ у Создателя... чтобы Господь Богъ... даровалъ намъ, великому государю, и вамъ, боляромъ, съ нами единодушно люди его, Свѣтовы, разсудити вправду, всѣмъ равно». Взятый здѣсь примѣръ имѣетъ цѣну въ особенности потому, что для историка въ данномъ случаѣ ясенъ источникъ тѣхъ фразъ царя Алексѣя, въ которыхъ столь категорически нашла себѣ опредѣленіе, впервые въ Московскомъ государствѣ, идея державной власти. Свои мысли о существѣ царскаго служенія Алексѣй Михайловичъ черпалъ, повидимому,

изъ чина царскаго вѣнчанія или же непосредственно изъ главы 9-й «Книги Премудрости Соломона». Не менѣе знаменательнымъ кажется и отношеніе царя къ вопросу о внѣшнемъ принужденіи въ дѣлахъ вѣры. Съ замѣтною твердостью и смѣлостью мысли, хотя и въ очень сдержанныхъ фразахъ, царь пишетъ по этому вопросу митрополиту Никону, котораго авторитетъ онъ ставилъ въ тѣ годы необыкновенно высоко. Онъ проситъ Никона не томить въ походѣ монашескимъ послушаніемъ сопровождавшихъ его свѣтскихъ людей: «не заставливай у правила стоять: добро, государь владыко святый, учить премудра — премудрѣе



Грановитая палата.

будетъ, а безумному — мозоліе ему есть!» Онъ ставитъ Никону на видъ слова одного изъ его спутниковъ, что Никонъ «никого де силою не заставитъ Богу вѣровать». При всемъ почтеніи къ митрополиту, «не въ примѣръ святу мужу», Алексѣй Михайловичъ, видимо, раздѣляетъ мысли несогласныхъ съ Никономъ и терпѣвшихъ отъ него подневольниковъ постниковъ и молитвенниковъ. Нельзя силою заставить Богу вѣровать — это, по всей видимости, убѣжденіе самого Алексѣя Михайловича.

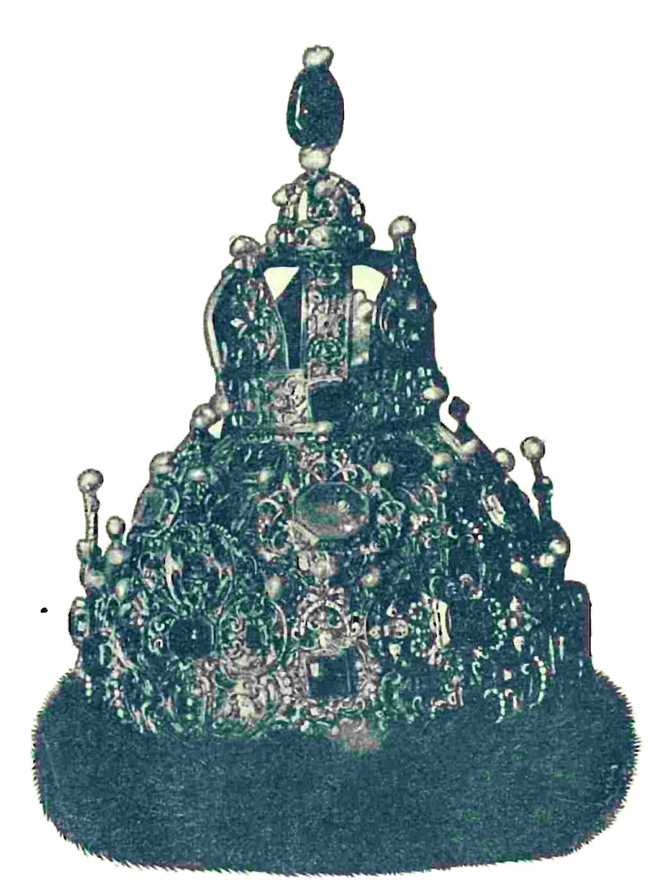
При постоянномъ религіозномъ настроеніи и напряженной моральной вдумчивости Алексѣй Михайловичъ обладалъ одною симпатичною чертою, которая, казалось бы, мало могла уживаться

6*

съ его аскетизмомъ и наклонностью къ отвлеченному наставительному резонерству. Царь Алексѣй былъ замѣчательный эстетикъ — въ томъ смыслѣ, что любилъ и понималъ красоту. Его эстетическое чувство сказывалось ярче всего въ страсти къ соколиной охотѣ, а позже — къ сельскому хозяйству. Кромѣ прямыхъ ощущеній охотника и обычныхъ удовольствій охоты съ ея азартомъ и шумнымъ движеніемъ, соколиная потѣха удовлетворяла въ царѣ Алексѣѣ и чувству красоты. Въ «Урядникѣ» сокольничья пути онъ очень тонко разсуждаетъ о красотѣ разныхъ охотничьихъ птицъ, о прелести птичьяго лета и удара, о внѣшнемъ изяществѣ своей охоты. Для него «его государевы *красныя* и славныя птичьи охоты» урядство или порядокъ «уставляетъ и объявляетъ красоту и удивленіе»; высокаго сокола летъ—«*красносмотрителенъ* и радостенъ»; копцова (т.-е. копчика) добыча и летъ—«*добровидѣнъ*». Онъ слѣдитъ за красотою сокольничьяго наряда и оговариваетъ, чтобы нашивка на кафтанахъ была «золотная» или серебряная: «къ какому цвѣту какая пристанетъ»; требуетъ, чтобы сокольникъ держалъ птицу «подъявительно къ видѣнію человѣческому и ко *красотѣ* кречатьей», т.-е. такъ, чтобы ее разсмотрѣть было удобно и красиво. Элементъ красоты и изящества вообще играетъ не послѣднюю роль въ «урядствѣ» всего охотничьяго чина царя Алексѣя. То же чувство красоты заставляло царя увлекаться внѣшнимъ благочестіемъ церковнаго служенія и строго слѣдить за нимъ, иногда даже нарушая его внутреннюю чинность для внѣшней красоты. Въ запискахъ Павла Алеппскаго можно видѣть много примѣровъ тому, какъ царь распоряжался въ церкви, наводя порядокъ и красоту въ такія минуты, когда, по нашимъ понятіямъ, ему надлежало бы хранить молчаніе и благоговѣніе. Не только церковныя церемоніи, но и парады придворные и военные необыкновенно занимали Алексѣя Михайловича съ точки зрѣнія «чина» и «урядства», т.-е. внѣшняго порядка, красоты и великолѣпія. Онъ, напримѣръ, съ чрезвычайнымъ усердіемъ устраивалъ смотры и проводы своимъ войскамъ передъ первымъ литовскимъ походомъ, обставляя ихъ торжественнымъ и красивымъ церемоніаломъ. Большой эстетическій вкусъ царя сказывался въ выборѣ любимыхъ мѣстъ: кто знаетъ положеніе Саввина-Сторожевскаго монастыря въ Звенигородѣ, излюбленнаго царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, тотъ согласится, что это — одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ всей Московской губерніи; кто былъ въ селѣ Коломенскомъ, тотъ помнитъ, конечно, прекрасные виды съ высокаго берега Москвы-рѣки въ Коломенскомъ. Мирная красота этихъ мѣстъ — обычный типъ великорусскаго пейзажа — такъ соотвѣтствуетъ характеру «гораздо тихаго» царя.

Соединеніе глубокой религіозности и аскетизма съ охотничьими наслажденіями и свѣтлымъ взглядомъ на жизнь не было противорѣчіемъ въ натурѣ и философіи Алексѣя Михайло-

вича. Въ немъ религія и молитва не исключали удовольствій и потѣхъ. Онъ сознательно позволялъ себѣ свои охотничьи и комедійныя развлеченія, не считалъ ихъ преступными, не каялся послѣ нихъ. У него и на удовольствія былъ свой особый взглядъ. «И зѣло потѣха сія полевая утѣшаетъ сердца печальныя, — пишетъ онъ въ наставленіи сокольникамъ, — будите охочи, забавляйтеся, утѣшайтеся сею доброю потѣхою..., да не одолѣютъ васъ кручины и печали всякія». Такимъ образомъ въ сознаніи Алексѣя Михайловича охотничья потѣха есть противодѣйствіе печали, и подобный взглядъ на удовольствія не случайно соскользнулъ съ его пера: по мнѣнію царя, жизнь не есть печаль, и отъ печали нужно лѣчиться, нужно гнать ее — такъ и Богъ велѣлъ. Онъ проситъ князя Одоевскаго не плакать о смерти сына: «Нельзя, что не поскорбѣть и не прослезиться, и прослезиться надобно — да въ мѣру, чтобъ Бога наипаче не прогнѣвать». Но если жизнь — не тяжелое, мрачное испытаніе, то она для царя Алексѣя и не сплошное наслажденіе. Цѣль жизни — спасеніе души, и достигается эта цѣль хорошею благочестивою жизнью; а хорошая жизнь, по мнѣнію царя, должна проходить въ строгомъ порядкѣ: въ ней все должно имѣть свое мѣсто и время; царь, говоря о потѣхѣ, напоминаетъ своимъ сокольникамъ: «Правды же и суда и милостивыя любве и ратнаго строя николиже позабывайте: дѣлу время, и потѣхѣ часъ». Такимъ образомъ страстно любимая царемъ Алексѣемъ забава для него все-таки только забава и не должна мѣшать дѣлу. Онъ убѣжденъ, что во все, что бы ни дѣлалъ человѣкъ, нужно вносить порядокъ, «чинъ».



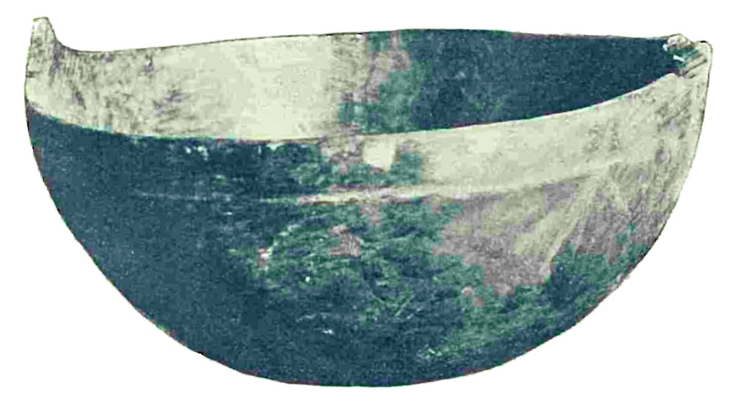
Шапка «перваго наряда» царя Михаила Ѳеодоровича, сдѣланная въ 1627 г.
Называется короною Астраханскаго царства.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

«Хотя и мала вещь, а будетъ по чину честна, мѣрна, стройна, благочинна, — никтоже зазритъ, никтоже похулитъ, всякій похвалитъ, всякій прославитъ и удивится, что и малой вещи честь и чинъ и образецъ положенъ по мѣрѣ». Чинъ и благоустройство для Алексѣя Михайловича — залогъ успѣха во всемъ: «безъ чина же всякая вещь не утвердится и не укрѣпится; безстройство же теряетъ дѣло и возставляетъ бездѣлье», говоритъ онъ. Поэтому царь Алексѣй Михайловичъ очень заботился о порядкѣ во всякомъ большомъ и маломъ дѣлѣ. Онъ только тогда бывалъ счастливъ, когда на душѣ у него было свѣтло и ясно, и кругомъ все было свѣтло и спокойно, все на мѣстѣ, все по чину. Объ этомъ-то внутреннемъ равновѣсіи и внѣшнемъ порядкѣ болѣе всего заботился царь Алексѣй, мѣшая дѣло съ потѣхой и соединяя подвиги строгаго аскетизма съ чистыми и мирными наслажденіями. Такая непрерывно владѣвшая царемъ Алексѣемъ забота позволяетъ сравнить его (хотя аналогія здѣсь можетъ быть лишь очень отдаленная) съ первыми эпикурейцами, искавшими своей «атараксіи», безмятежнаго душевнаго равновѣсія, въ разумномъ и сдержанномъ наслажденіи.

До сихъ поръ царь Алексѣй Михайловичъ былъ обращенъ къ намъ своими свѣтлыми сторонами, и мы ими любовались. Но были же и тѣни. Конечно, надо счесть показнымъ и неискреннимъ «смиреніемъ паче гордости» тотъ отзывъ, какой однажды далъ самъ о себѣ царь Никону: «А про насъ изволишь вѣдать, и мы, по милости Божіи и по вашему святительскому благословенію, какъ есть истинный царь христіянскій наричюся, а по своимъ злымъ мерзкимъ дѣламъ недостоинъ и во псы, не токмо въ цари!» Злыхъ и мерзкихъ дѣлъ за царемъ Алексѣемъ современники не знали, однако они иногда бывали имъ недовольны. Въ годы его молодости, въ эпоху законодательныхъ работъ надъ Уложеніемъ (1649 г.), настроеніе народныхъ массъ было настолько неспокойно, что многіе давали волю языку. Одинъ изъ озлобленныхъ реформами уличныхъ озорниковъ Савинка Корепинъ болталъ на Москвѣ про юнаго государя, что «царь глупъ, глядитъ все изо рта у бояръ Морозова и Милославскаго: они всѣмъ владѣютъ, и самъ государь все это знаетъ, да молчитъ; чортъ у него умъ отнялъ». Мысль, что царь «глядитъ изо рта» у другихъ, мелькаетъ и позднѣе. Въ поведеніи коломенскаго архіепископа Іосифа (1660—1670 гг.) вскрывались не разъ его безпощадные отзывы о царѣ Алексѣѣ и боярахъ. Іосифъ говаривалъ про великаго государя, что «не умѣетъ въ царствѣ никакой расправы самъ собою чинить, люди имъ владѣютъ», а про бояръ, что «бояре — Хамовъ родъ, государь того и не знаетъ, что они дѣлаютъ». Въ минуты большаго раздраженія Іосифъ обзывалъ Алексѣя Михайловича весьма презрительными бранными словами, которыхъ общій смыслъ обличалъ царя въ полной неспособности

къ дѣламъ. Встрѣчаясь съ такими отзывами, не знаешь, какъ слѣдуетъ ихъ истолковать и какъ ихъ можно примирить со многими свидѣтельствами о разумѣ и широкихъ интересахъ Алексѣя Михайловича. «Гораздо тихій» царь былъ вѣдь тихъ добротою, а не смысломъ; это ясно для всѣхъ, знакомыхъ съ историческимъ матеріаломъ. Только пристальное наблюденіе открываетъ въ натурѣ царя Алексѣя двѣ такія черты, которыя могутъ освѣтить и объяснить существовавшее недовольство имъ.

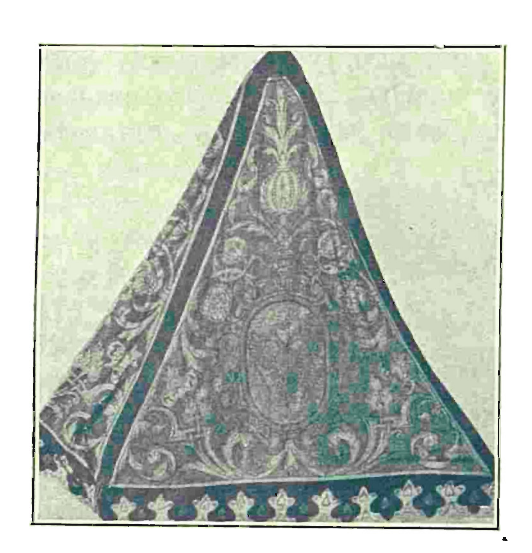
При всей своей живости, при всемъ своемъ умѣ царь Алексѣй Михайловичъ былъ безвольный и временами малодушный человѣкъ. Пользуясь его добротою и безволіемъ, окружавшіе не только своевольничали, но забирали власть и надъ самимъ «тихимъ» государемъ. Въ письмахъ царя есть удивительныя этому доказательства. Въ 1652 году онъ пишетъ Никону, что дворецкій князь Алексѣй Мих. Львовъ «билъ челомъ объ отставкѣ».



Липовая чаша, въ которой подносились царямъ красныя яйца для раздачи на Пасхѣ.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

Это былъ возмутительный самоуправецъ, много лѣтъ безнаказанно сидѣвшій въ приказѣ Большого Дворца. Царь обрадовался, что можно избавиться отъ Львова, и «во Дворецъ посадилъ Василья Бутурлина». Съ наивною похвальбою онъ сообщаетъ Никону: «А слово мое нынѣ во дворцѣ добрѣ страшно, и (все) дѣлается безъ замотчанья!» Стало-быть, такова была наглость князя Львова, что ему не страшно казалось и царское слово, и такъ велика была слабость государя, что онъ не могъ самъ избавиться отъ своего дворецкаго! Послѣ этого примѣра становится понятнымъ, что около того же времени и ничтожный приказный человѣкъ Л. Плещеевъ могъ цинично похваляться, что «про меня де вѣдаетъ государь, что я зернщикъ (т.-е. игрокъ)!.. у меня де Москва была въ рукѣ вся, я де и боярамъ указывалъ!» Въ упоминаніи государя Плещеевымъ мелькаетъ тотъ же намекъ на отсутствіе страха предъ государевымъ именемъ и словомъ, какъ и въ наивномъ письмѣ самого государя. Любопытно, что придвор-

ные и приказные люди не только за глазами у добраго царя давали себѣ волю, но и въ глаза ему осмѣливались показывать свои настроенія. Въ походѣ 1654 года окружавшіе Алексѣя Михайловича, по его словамъ въ письмѣ кн. Трубецкому, «ѣдутъ съ нами отнюдь не единодушіемъ, наипаче двоедушіемъ, какъ есть облака: иногда благопотребнымъ воздухомъ и благонадежнымъ и уповательнымъ явятся; иногда зноемъ и яростью, и ненастьемъ всякимъ злохитреннымъ, и обычаемъ московскимъ явятся; иногда злымъ отчаяніемъ и погибель прорицаютъ, иногда тихостью и бѣдностью лица своего отходятъ лукавымъ сердцемъ...—А мнѣ уже, Богъ свидѣтель, каково становится отъ двоедушія того, отнюдь упованія нѣтъ!» При отсутствіи твердой воли въ характерѣ царя Алексѣя онъ не могъ взять въ свои руки настроеніе окружающихъ, не могъ круто раздѣлаться съ виновными, прогнать самоуправца. Онъ могъ вспыхнуть, выбранить, даже ударить, но затѣмъ быстро сдавался и искалъ примиренія. Онъ терпѣлъ князя Львова у дѣлъ, держалъ около себя своего плохого тестя Милославскаго, давалъ волю безмѣрному властолюбію Никона — потому, что не имѣлъ въ себѣ силы бороться ни съ служебными злоупотребленіями, ни съ придворными вліяніями, ни съ сильными характерами. Не истребить зло съ корнемъ, не убрать непригоднаго человѣка, а найти компромиссъ и палліативъ, закрывъ глаза и спрятавъ, какъ страусъ, голову въ кустъ,—вотъ обычный пріемъ Алексѣя Михайловича, результатъ его маловолія и малодушія. Хуже всего онъ чувствовалъ себя тогда, когда видѣлъ неизбѣжность вступить открыто въ какое-либо непріятное дѣло. Малодушно онъ убѣгалъ отъ отвѣтственныхъ объясненій и спѣшилъ заслониться другими людьми. Сообщивъ Никону въ письмѣ о неудовольствіяхъ на него, существующихъ среди его окружающихъ, царь сейчасъ же оговаривается: «И тебѣ бы, владыко святый, пожаловать — сіе писаніе сохранить и скрыть втайнѣ!.. да будетъ и изволишь ему (жалобщику) говорить, и ты, владыко святый, говори отъ своего лица, будто къ тебѣ мимо меня писали (о его жалобахъ)». Желаніе стать въ сторонѣ стыдитъ, повидимому, самого Алексѣя Михайловича, и онъ предлагаетъ Никону отложить объясненіе съ недовольнымъ на него бояриномъ



Верхъ царской палатки.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

до Москвы: «Здѣсь бы передо мною вы съ очей на очи перевѣдались», предлагаетъ онъ, разумѣется, въ надеждѣ, что время до очной ставки уничтожитъ остроту неудовольствій и смягчитъ враговъ. Душевнымъ малодушіемъ добраго государя слѣдуетъ объяснить его вкусъ къ письменнымъ выговорамъ: за глаза можно было написать много и сильно, грозно и красиво; а въ глаза бранить—

Походный саадакъ царя Алексѣя Михайловича.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

трудно и жалко. Въ глаза бранить кого-либо царю Алексѣю было можно только въ минуты кратковременныхъ вспышекъ горячаго гнѣва, когда у него вмѣстѣ съ языкомъ развязывались и руки.

Итакъ, слабость характера была однимъ изъ тѣневыхъ свойствъ царя Алексѣя Михайловича. Другое его отрицательное свойство легче описать, чѣмъ назвать. Царь Алексѣй не умѣлъ и не думалъ работать. Онъ не зналъ поэзіи и радостей труда и въ этомъ

отношенiи былъ совершенною противоположностью своему сыну Петру. Жить и наслаждаться онъ могъ среди «малой вещи», какъ онъ называлъ свою охоту и какъ можно назвать всѣ его иныя потѣхи. Вся его энергiя уходила въ отправленiе того «чина», который онъ видѣлъ въ вѣковомъ церковномъ и дворцовомъ обиходѣ. Вся его инициатива ограничивалась кругомъ прiятныхъ «новшествъ», которыя въ его время, но независимо отъ него, стали проникать въ жизнь московской знати. Управленiе же государствомъ не было такимъ дѣломъ, которое царь Алексѣй желалъ бы принять непосредственно на себя. Для того существовали бояре и приказные люди. Сначала за царя Алексѣя правилъ Борисъ Ив. Морозовъ, потомъ настала пора князя Никиты Ив. Одоевскаго; за нимъ сталъ временщикомъ патрiархъ Никонъ, правившiй не только святительскiя дѣла, но и царскiя; за Никономъ слѣдовали Ординъ-Нащокинъ и Матвѣевъ. Во всякую минуту дѣятельности царя Алексѣя мы видимъ около него довѣренныхъ лицъ, которыя правятъ. Царь же, такъ сказать, присутствуетъ при ихъ работѣ, хвалитъ ихъ или споритъ съ ними, хлопочетъ о внѣшнемъ «урядствѣ», пишетъ письма о событiяхъ, — словомъ, суетится кругомъ дѣйствительныхъ работниковъ и дѣятелей. Но ни работать съ ними, ни увлекать ихъ властною волею боевого вождя онъ не можетъ. Малый примѣръ изъ нашей современности наглядно покажетъ, что и такiе люди могутъ считаться нужными. Намъ довелось видѣть, какъ по овражистымъ берегамъ Быстрой Сосны везли большой тяжести машину въ сельскую экономiю. Везли кони, и съ ними билось на подъемахъ и тащило грузъ много народа. И народъ спрашивалъ: «А кто жъ намъ кричать будетъ?» Необходимъ казался крикъ изъ празднаго горла, чтобы давать ритмъ общей мускульной работѣ. Вотъ въ общемъ государственномъ дѣлѣ XVII вѣка царь Алексѣй и былъ такимъ человѣкомъ, который самъ не работалъ, а своею суетою и голосомъ давалъ ритмъ для тѣхъ, кто трудился.

Добродушный и маловольный, подвижной, но не энергичный и не рабочiй, царь Алексѣй не могъ быть бойцомъ и реформаторомъ. Между тѣмъ теченiе исторической жизни поставило царю Алексѣю много чрезвычайно трудныхъ и жгучихъ задачъ и внутри и внѣ государства: вопросы экономической жизни, законодательные и церковные, борьба за Малороссiю, безконечно-трудная, — все это требовало чрезвычайныхъ усилiй правительственной власти и народныхъ силъ. Много критическихъ минутъ пришлось тогда пережить нашимъ предкамъ, и все-таки бѣдная силами и средствами Русь успѣла выйти побѣдительницей изъ внѣшней борьбы, успѣвала кое-какъ справляться и съ домашними затрудненiями. Правительство Алексѣя Михайловича стояло на извѣстной высотѣ во всемъ томъ, что ему приходилось дѣлать: являлись способные люди, отыскивались средства, неудачи не от-

нимали энергіи у дѣятелей; если не удавалось одно средство— для достиженія цѣли искали новыхъ путей. Шла, словомъ, горячая, напряженная дѣятельность, и за всѣми дѣятелями эпохи во всѣхъ сферахъ государственной жизни видна намъ добродуш-

«Алмазный» тронъ царя Алексѣя Михайловича.
Употребляется при Священномъ короновaніи.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

ная и живая личность царя Алексѣя. Чувствуется, что ни одно дѣло не проходитъ мимо него: онъ знаетъ ходъ войны; онъ желаетъ руководить работой дипломатіи; онъ въ думу боярскую несетъ рядъ вопросовъ и указаній по внутреннимъ дѣламъ; онъ слѣдитъ за церковной реформой; онъ въ дѣлѣ патріарха Никона принимаетъ дѣятельное участіе. Онъ вездѣ, постоянно съ разумѣніемъ

дѣла, постоянно добродушный, искренній и ласковый. Но нигдѣ онъ не сдѣлаетъ ни одного рѣшительнаго движенія, ни одного рѣзкаго шага впередъ. На всякій вопросъ онъ откликнется съ полнымъ его пониманіемъ, не устранится отъ его разрѣшенія; отъ него совершенно нельзя ждать той страстной энергіи, какою отмѣчена дѣятельность его геніальнаго сына, той смѣлой иниціативы, какой отличался Петръ.

Вотъ почему мы не вполнѣ согласимся съ отзывомъ сенатора князя Якова Долгорукаго, который, по преданію, сказалъ однажды Петру Великому: «Государь! въ иномъ отецъ твой, въ иномъ ты больше хвалы и благодаренія достоинъ. Главныя дѣла государей — три: первое внутренняя расправа и главное дѣло ваше есть правосудіе; въ семъ отецъ твой больше, нежели ты, сдѣлалъ!».. Петръ, конечно, сдѣлалъ очень много; Алексѣй же только по-своему помогалъ дѣлать тѣмъ, кого своею властью ставилъ къ дѣламъ.

II.

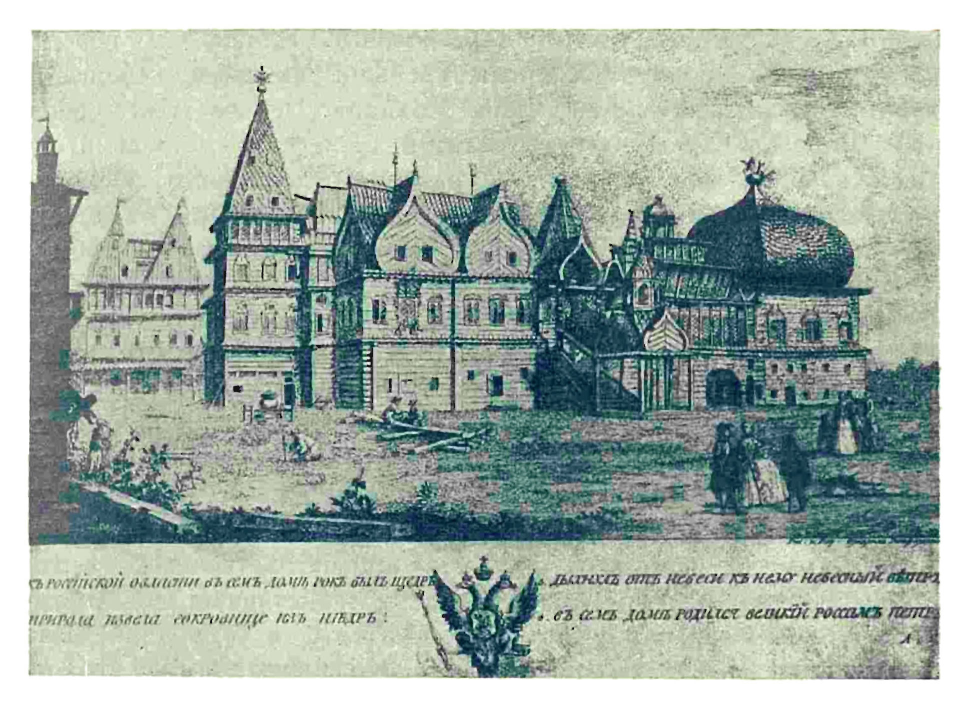
Власть и населеніе.

I.

Царю Алексѣю Михайловичу пришлось стоять во главѣ московскаго государства въ сложное время борьбы различныхъ теченій русской жизни, въ эпоху перестройки всего ея государственнаго и общественнаго уклада, ломки привычныхъ воззрѣній и бытовыхъ навыковъ. Облеченный огромной властью онъ находился въ центрѣ крупнѣйшихъ національныхъ интересовъ и очередныхъ задачъ внѣшней и внутренней политики, исключительныхъ по исторической значительности, бурныхъ столкновеній старыхъ традицій съ новыми вѣяніями въ жизни церкви и московскаго общества. До глубинъ своихъ всколыхнулась въ XVII в. московская Русь въ поискахъ новыхъ путей дальнѣйшаго историческаго развитія своей національной силы. Даровитая натура царя Алексѣя вскормлена содержаніемъ этихъ исканій и по-своему чутко на нихъ откликалась. Но весь духовный складъ царя, болѣе созерцательный и впечатлительный, чѣмъ боевой и творческій, сдѣлалъ его типичнымъ представителемъ тѣхъ поколѣній «переходнаго» времени, которыя плывутъ по теченію не руководя имъ, и если не запутываются безнадежно въ противорѣчіяхъ отмирающей старины и нарастающихъ новыхъ явленій въ общественной и духовной жизни народа, то примиряютъ ихъ въ условномъ компромиссѣ личныхъ воззрѣній, проходя мимо наиболѣе острыхъ проблемъ переживаемаго историческаго момента.

Судьба послала царя Алексѣя изъ замкнутаго быта царскаго «верха» на престолъ въ такую пору, когда на «верху» могло казаться, что власти предстоитъ мирная и благодарная задача завершить

строительную работу предыдущаго поколѣнія, закончить умиротвореніе государства. Бури смуты давно миновали. Государственный порядокъ возстановленъ и успѣлъ окрѣпнуть. Глухіе раскаты отголосковъ «великой разрухи», постепенно слабѣя, затихли. Царь-юноша спокойно принялъ власть по благословенію отца и попрежнему крестному цѣлованію всѣхъ чиновъ московскаго государства, которые, избравъ на престолъ Михаила Ѳеодоровича, цѣловали ему крестъ и «на дѣтяхъ его, какихъ ему, государю, Богъ дастъ». Москва присягнула новому царю на утро по смерти его отца, 13 іюля 1645 г., а царское вѣнчаніе произошло 28 сентября, съ особой торжественностью. По разсказу Котошихина на это вѣнчаніе созванъ былъ «соборъ», гдѣ, кромѣ



Дворецъ въ селѣ Коломенскомъ.
Съ рѣдкой гравюры, находящейся въ Императорской Публичной библіотекѣ.

«всего духовнаго чина», бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, были всѣ ближніе люди и дворцовые чины, московскіе служилые люди, гости и сотенные люди торговые, а также провинціальные дворяне и дѣти боярскіе и посадскіе люди «по два изъ города», и всѣмъ соборомъ, при участіи черни—народной толпы московской—«обрали» царя Алексѣя на царство и учинили «коронованіе» въ соборной церкви. Въ осложненіи обряда царскаго вѣнчанія торжественнымъ провозглашеніемъ царя, его всенароднымъ «обраньемъ», можно видѣть стремленіе закрѣпить за первымъ преемникомъ родоначальника новой династіи сочувствіе населенія и признаніе новаго династическаго права, но само это право создано

не «обраньемъ» 1645 г., а избраніемъ 1613 года. Устроителю торжества, царскому воспитателю Б. И. Морозову, современники приписывали нѣкоторую спѣшку съ вѣнчаніемъ на царство своего питомца, такъ что «не всѣ въ странѣ, кто желалъ, могли явиться для присутствія на немъ»; но это сужденіе Олеарія — единственный намекъ на какое-то политическое нервничанье государева «верха», не совсѣмъ понятное въ данныхъ условіяхъ.

Царь Алексѣй возложилъ на себя вѣнецъ, какъ государь прирожденный, и вступилъ въ управленіе «дѣломъ Божіимъ и своимъ государевымъ и земскимъ» въ сознаніи даннаго ему свыше права и въ твердой надеждѣ на «милость Всемогущаго Бога и свое государское счастье».

Правительствующая среда не претерпѣла существенныхъ измѣненій съ началомъ новаго царствованія. Близко къ власти и престолу стали люди, связанные тѣсными личными отношеніями съ кругомъ дѣятелей временъ царя Михаила. Первое мѣсто занялъ Б. И. Морозовъ, ревниво окружавшій царя своими людьми, проводя ихъ и на важныя административныя должности. Обморокъ, поразившій дочь Ѳедора Всеволожскаго, когда царь на «смотринахъ» избралъ ее своей невѣстой, былъ использованъ, чтобы отстранить возвышеніе, по свойству съ царемъ, новыхъ людей; Всеволожскую съ родней сослали въ Сибирь, обвинивъ въ сокрытіи падучей болѣзни, и только много позднѣе, въ 1653 г., позволили имъ жить въ дальнихъ помѣстьяхъ. Царю нашли невѣсту въ своемъ кругу—Марію, дочь Ильи Даниловича Милославскаго, который приходился племянникомъ вліятельному думному дьяку Ив. Грамотину; а вскорѣ послѣ царскаго брака Морозовъ женился на ея сестрѣ, Аннѣ. Милославскіе, въ согласіи съ нимъ, заняли видное положеніе при дворѣ и въ администраціи. На правительственныхъ верхахъ стала сплоченная группа дѣльцовъ, не блиставшая ни государственными дарованіями, ни безкорыстіемъ, и омрачила начало новаго царствованія безудержнымъ служеніемъ тому, что царь Алексѣй позднѣе съ горечью назвалъ однажды «злохитреннымъ московскимъ обычаемъ»: волокитѣ и неправедному суду, вымогательствамъ и произволу. При нихъ «дѣла мало вершились», а если «вершились», то въ пользу тѣхъ, за кого «заступы большія» и кто больше посула дастъ; челобитчики изнемогали по приказамъ отъ «издержекъ великихъ подьячимъ и людямъ дьячимъ и сторожамъ», чтобы дойти черезъ нихъ до большихъ дьяковъ и бояръ; но и этимъ надо было платить немалыя суммы, ублажая высшихъ сановниковъ, чѣмъ кто любитъ: кн. А. М. Львова «сижками сеирскими», Б. И. Морозова — лебедями. Словомъ, жила и крѣпла «злохитренная» традиція, на которую такъ громко жаловались всякаго чина люди на земскомъ соборѣ 1642 г., говоря, что разорены «пуще турскихъ и крымскихъ бусурмановъ московскою волокитою и отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ».

Все громче сталъ раздаваться народный ропотъ. Въ Москвѣ особенно ненавидѣли клевретовъ царскаго тестя—Траханіотова, вѣдавшаго Пушкарскимъ приказомъ, думнаго дьяка Назара Чистого да судью Земскаго приказа Леонтія Плещеева, по имени котораго москвичи называли разгулъ чиновничьяго произвола «плещеевщиной». Про молодого царя поговаривали, что онъ того не вѣдаетъ, что его именемъ творится, а то и такъ, что царь «глядитъ все изо рта бояръ, они всѣмъ владѣютъ: онъ все видитъ, да молчитъ». Царь Алексѣй не могъ ничего подѣлать не только по юности. Привязчивый и довѣрчивый, онъ чтилъ воспитателя своего, какъ второго отца, и невольно стушевывался передъ нимъ и своимъ тестемъ съ ихъ близкими, довѣренными людьми; позднѣе, когда онъ былъ окруженъ людьми его личнаго выбора, недовольные повторяли укоръ, что царь «не умѣетъ въ царствѣ никакой расправы самъ собою чинить, люди имъ владѣютъ»; но тогда властное вліяніе, за исключеніемъ царской родни — Милославскихъ, — находилось въ рукахъ и чистыхъ и дѣльныхъ: царь Алексѣй умѣлъ чутко расцѣнивать людей и ставить имъ высокія нравственныя требованія и лишь достойныхъ дарилъ своимъ довѣріемъ, когда не былъ связанъ личными дворцовыми отношеніями, передъ которыми сдавалась его мягкая натура. Но въ началѣ царствованія свойства правящей среды были таковы, что должны были стать въ разрѣзъ и съ потребностями государства и съ настроеніями государя.

Напряженная работа по возстановленію государственнаго порядка и государственной силы, выполненная въ царствованіе Михаила Θеодоровича, настоятельно требовала завершенія, и есть основанія думать, что на соборѣ, созванномъ къ царскому вѣнчанію, всякихъ чиновъ люди били государю челомъ не только о нуждахъ своихъ и обидахъ, но и объ утвержденіи крѣпкимъ его государевымъ уложеньемъ праведнаго и безволокитнаго вершенья всѣхъ дѣлъ. О такомъ уложеньи по отдѣльнымъ вопросамъ не разъ бывали челобитья и на прежнихъ соборахъ и внѣ ихъ отъ разныхъ общественныхъ группъ. Задача пересмотра и законодательнаго опредѣленія отношеній и порядковъ, сложившихся по мѣрѣ успокоенія страны отъ разрухи Смутнаго времени, дѣйствительно назрѣла. И такая задача, по крайней мѣрѣ въ ея формальной, кодификаціонной сторонѣ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала личнымъ настроеніямъ царя Алексѣя. Сознательная религіозность и нравственная вдумчивость внушала ему искреннее стремленіе выполнить призваніе власти, данной отъ Бога — «люди Его, Свѣтовы, разсудити вправду, всѣмъ равно», и оно сходилось съ эстетическими склонностями его натуры, требовавшей, чтобы «никакой бы вещи безъ благочинія и безъ устроенія уряженнаго и удивительнаго не было», въ мечтѣ такъ «государево царственное и земское дѣло утвердити и на мѣрѣ поставити», чтобы «московскаго

государства всякихъ чиновъ людямъ, отъ большаго до меньшаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ ровна», а государево уложенье о нихъ «впредь было прочно и неподвижно». Воспитанный въ традиціяхъ чиннаго обряда государевой жизни, комнатной и выходной, большой знатокъ и любитель благолѣпнаго чина церковнаго, царь Алексѣй находилъ, что и малая всякая вещь должна быть «по чину честна, мѣрна, стройна, благочинна», для чего надо, чтобы «всякой вещи честь, и чинъ, и образецъ писаніемъ предложенъ былъ». Тѣмъ болѣе, былъ онъ сторонникомъ регламентаціи по уставному уряженью всего быта церковнаго и государственнаго. Подобный строй чувствъ и воззрѣній въ примѣненіи къ дѣламъ правленія отвѣчалъ, въ значительной мѣрѣ, потребности утвержденія въ государственномъ быту законнаго порядка и большей опредѣленности отношеній, правъ и обязанностей населенія. Но жизнь русская, терзаемая внутренними противорѣчіями, такъ рѣзко сказавшимися въ Смуту и еще непобѣжденными съ подавленіемъ «разрухи», нуждалась не только въ уставномъ итогѣ выполненной строительной работы. Она требовала серьезныхъ и коренныхъ преобразованій въ области государственнаго хозяйства и управленія, соціальныхъ отношеній, требовала развитія національныхъ средствъ, матеріальныхъ и культурныхъ. Однако сознаніе, что состояніе страны настоятельно требуетъ значительнаго расширенія творческихъ задачъ власти, лишь постепенно пробуждалось въ государственныхъ дѣятеляхъ XVII в., и правительство царя Алексѣя пришло къ опытамъ преобразованія въ отдѣльныхъ вопросахъ управленія только путемъ практическаго опыта, откликаясь на очередныя нужды, указанныя самою жизнью. Во главѣ этого правительства стоялъ государь, отнюдь не созданный для роли дѣятельнаго и смѣлаго преобразователя, а окружавшіе его вершители судебъ московскаго государства шли къ новымъ пріемамъ управленія ощупью, попутно разрѣшая затрудненія, встрѣченныя на практикѣ. Однимъ изъ главныхъ источниковъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ и нуждахъ государства служили собор-

Налучье царя Алексѣя Михайловича съ шитымъ изображеніемъ Кремля.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

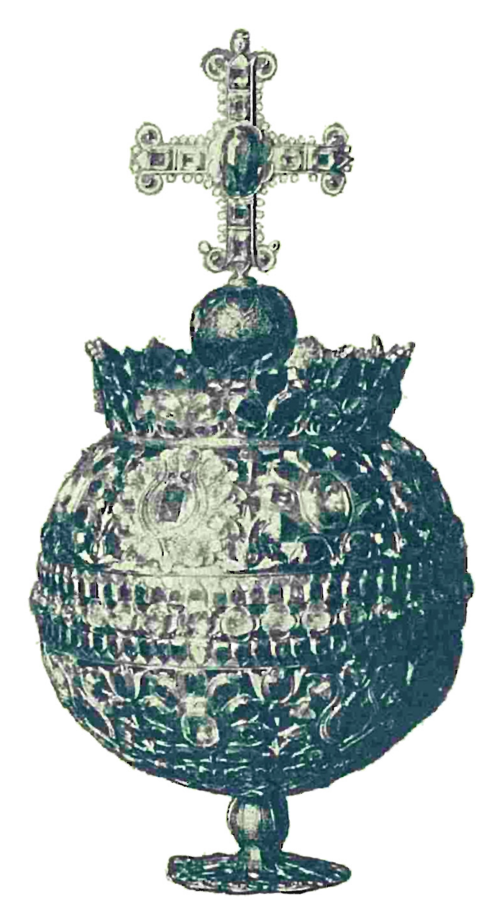
ныя «сказки» и челобитныя, съ какими обращались къ верховной власти различныя общественныя группы. Всего ярче раскрывали эти ходатайства глубокое разстройство финансовой системы, крайнюю неравномѣрность обложенія по «сошному письму», устарѣлому, не согласованному ни съ экономической дѣйствительностью, ни съ назрѣвшей потребностью единства въ государственномъ хозяйствѣ и управленіи. Еще при царѣ Михаилѣ на земскихъ соборахъ не разъ дѣлались указанія на крайнюю необходимость финансовой реформы, для уравненія податной тяготы, для установленія ея равномѣрности и всеобщности. Указано было и средство: обложеніе всякаго чину людей, владѣвшихъ землей, не по «сошному письму», а по количеству крестьянскихъ хозяйствъ каждаго имѣнія, «поворотно» или «подворно». Этимъ достигалось бы, съ одной стороны, освобожденіе плательщиковъ отъ «навальнаго сошнаго письма» за участки земли, лежащіе «въ пустѣ», съ другой—бо́льшая «ровность» разверстки съ усиленіемъ обложенія крупныхъ землевладѣльческихъ хозяйствъ, лучше обезпеченныхъ крестьянскимъ трудомъ. Служилые землевладѣльцы мелкіе и средней руки давно хлопотали о такомъ уравненіи тягла, соединяя съ нимъ требованіе отмѣны «урочныхъ лѣтъ» для сыска бѣглыхъ крестьянъ и стремленіе къ полному прикрѣпленію всего земледѣльческаго населенія къ тѣмъ помѣстьямъ и вотчинамъ, гдѣ оно записано по переписи; для податной реформы, слѣдовательно, предстояло выяснить составъ крестьянской рабочей силы каждаго имѣнія и закрѣпить его законодательнымъ актомъ общаго значенія. Въ 1646 г. правительство царя Алексѣя приступило къ новой переписи — подворной, обѣщая землевладѣльцамъ установить, что «по тѣмъ переписнымъ книгамъ крестьяне и бобыли и ихъ дѣти и братья и племянники будутъ крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ». Перепись была закончена въ два года, и отмѣна урочныхъ лѣтъ, какъ и закрѣпленіе по помѣстьямъ и вотчинамъ, по дворцовымъ селамъ и чернымъ волостямъ всего сельскаго люда, были осуществлены Уложеніемъ 1649 г. Но податная реформа на основаніи новыхъ переписныхъ книгъ не осуществилась; подворное обложеніе восторжествовало только въ связи съ финансовыми преобразованіями 1679—1681 гг., а пока правительство использовало его лишь для раскладки новыхъ экстренныхъ сборовъ, не взамѣнъ, а сверхъ стараго тягла по сошному письму. Тѣмъ временемъ, въ томъ же 1646 г., оно увлеклось мыслью увеличить свой доходъ и разрѣшить задачу равномѣрнаго и всеобщаго обложенія инымъ способомъ: сдѣлана была попытка замѣнить дробные и запутанные прямые налоги однимъ косвеннымъ, именно, крупнымъ налогомъ на соль; расчитывали, что «та соляная пошлина всѣмъ будетъ ровна и въ избылыхъ никто не будетъ», а «платить всякій станетъ безъ правежу, собою». На дѣлѣ повышеніе раза въ полтора цѣны одного изъ продуктовъ первой необходимости легло несносной тяготой на бѣднѣйшіе разряды населенія; соляная пошлина не оправдала надеждъ и была отмѣнена

черезъ два года, только усиливъ общую нужду и народное раздраженіе.

Издавна накоплялось это раздраженіе противъ «владущихъ», питаемое памятью о томъ ихъ «безвремяніи», когда они «отъ своихъ рабъ разорени быша». Громко раздавались жалобы на «сильныхъ» людей во все царствованіе царя Михаила, доходя подчасъ, какъ на земскомъ соборѣ 1642 г., до протеста противъ усиленія приказной власти и сожалѣній о минувшей старинѣ, когда мѣстное управленіе было въ рукахъ выборныхъ людей. Въ 1648 г. «смятеніе въ мірѣ» прорвалось наружу, прежде всего въ Москвѣ. 2 іюня толпа окружила царя, возвращавшагося съ богомольнаго похода къ Троицѣ, била ему «всею землею» челомъ на земскаго судью Плещеева за «великую налогу» отъ его «разбойныхъ и татиныхъ дѣлъ», а затѣмъ, когда царь «того дни всей землѣ его, Левонтья, не выдалъ», поднялась на «заступниковъ» Плещеева, боярина Морозова, окольничаго Траханіотова, думнаго дьяка Чистого и на многихъ ихъ единомышленниковъ; «домы ихъ міромъ разбили и разграбили», а Чистого «до смерти прибили». Три дня бушевала Москва; стрѣльцы отказались ударить на толпу, волновались и другіе служилые люди; чтобы удержать отъ бунта военную силу царь велѣлъ и тѣмъ и другимъ выдать двойное денежное и хлѣбное жалованье. Уступили толпѣ Плещеева и Траханіотова; перваго царь велѣлъ вести на казнь, но толпа отняла его и сама умертвила; второго сначала выслали изъ Москвы, а потомъ вернули и казнили. Къ народу московскому царь выслалъ популярныхъ бояръ, дядю своего Никиту Ив. Романова и кн. Д. М. Черкасскаго съ духовенствомъ, обѣщая отстранить отъ всѣхъ дѣлъ Морозова и другихъ ненавистныхъ народу «владущихъ», но міръ утолился только послѣ личныхъ объясненій царя, который со слезами умолялъ толпу пощадить его дядьку, съ тѣмъ, чтобы ему впредь и всѣмъ роду его, Морозовымъ, у государевыхъ дѣлъ не бывать. «И на томъ государь царь къ Спасову образу прикладывался», и на томъ «всею землею государю царю челомъ ударили и въ томъ во всемъ договорилися».

Прямой бунтъ улегся, но тревожные толки не прекращались. Чуялось, что «весь міръ качается». Безпокойныя головы мечтали найти вождей и покровителей въ Н. И. Романовѣ и кн. Черкасскомъ, выдвинуть ихъ въ дѣлахъ правленія противъ постылой Морозовской клики. Подымаясь бунтомъ противъ лихихъ царскихъ совѣтниковъ, москвичи самого царя Алексѣя мыслили солидарнымъ со своей «правдой». «Нынѣча, — толковали они, — государь милостивъ, сильныхъ изъ царства выводитъ». Московскія событія не замедлили найти откликъ и въ провинціи. Проснулась надежда, что есть, наконецъ, управа противъ насильниковъ. Въ Сольвычегодскѣ, въ Устюгѣ народъ поднялся боемъ и разграбленіемъ на воеводъ. Неспокойно прошли 1648 и 1649 годы. А въ

началѣ 1650 возникли и еще болѣе серьезные бепорядки въ Псковѣ и Великомъ Новгородѣ. Псковичи увидали явную «измѣну» бояръ въ посылкѣ крупнаго хлѣбнаго и денежнаго транспорта въ Швецію, хотя отправлялся этотъ транспортъ по соглашенію о переселенцахъ изъ-за рубежа, которыхъ царское правительство не считало возможнымъ выдать; народъ погромилъ его, не слушая ни въ чемъ воеводу, выбралъ себѣ «начальныхъ людей»; подняли и новгородцевъ, которые также устроили у себя выборное управленіе, мимо своего воеводы и митр. Никона. Къ царю возставшіе послали челобитья на измѣнниковъ бояръ и приказныхъ; заступника и предстателя себѣ они искали въ томъ же бояринѣ Н. И. Романовѣ, просили ему поручить сыскъ по ихъ дѣлу, били черезъ него челомъ о возстановленіи прежняго порядка, когда воеводы и дьяки судили по правдѣ съ земскими старостами и выборными людьми. Раздраженіе противъ приказныхъ злоупотребленій разрасталось въ протестъ противъ усиленной бюрократизаціи управленія.



Держава царя Алексѣя Михайловича. Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

Въ Москвѣ челобитчики получили суровую отповѣдь: «холопы де государевы и сироты великимъ государямъ никогда не указывали..., а того никогда не бывало, чтобъ мужики съ боярами, окольничими и воеводами у расправныхъ дѣлъ были, и впредь того не будетъ». На усмиреніе Новгорода и Пскова отправили ратную силу съ кн. И. Н. Хованскимъ. Новгородъ смирился безъ сопротивленія, отчасти благодаря энергіи митр. Никона, но псковичи покорились только послѣ безнадежной попытки сопротивленія. Правительство дѣйствовало осторожно, видя въ происшедшемъ признакъ «шатости» не только мѣстной. Псковское дѣло было въ іюлѣ 1650 г. сообщено собору, на которомъ участвовали служилые люди московскіе и городовые, торговые люди — гости, старосты сотенъ гостиной и суконной, сотскіе отъ сотенъ черныхъ. Какъ высказалось общественное мнѣніе столицы, мы не знаемъ — приказное дѣлопроизводство не сберегло этихъ

соборныхъ «сказокъ», но насколько настроеніе и тутъ не было спокойнымъ, видно изъ царскаго указа, сказаннаго сотскимъ сотенъ московскихъ въ Посольскомъ приказѣ тотчасъ послѣ собора, чтобы они безъ утайки извѣщали государю о всякихъ «воровскихъ» рѣчахъ, какія проявятся въ народѣ.

II.

Такъ тревожно было настроеніе московскаго государства въ тѣ годы, когда вырабатывалась и вступала въ жизнь знаменитая «Уложенная книга» 1649 г. Лица, враждебныя новинамъ этого Уложенія, какъ, напр., Никонъ, имѣли поводъ утверждать: «и то всѣмъ вѣдомо, что соборъ былъ не по волѣ, боязни ради и междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя правды ради». Но для подобнаго рода жалобъ былъ именно только поводъ, а не основаніе. Потребность въ упорядоченіи всего накопившагося законодательнаго матеріала и въ опредѣленіи заново ряда законодательныхъ вопросовъ была слишкомъ глубока и настоятельна, чтобы сводить ея удовлетвореніе къ «боязни междоусобія». Но едва ли подлежитъ сомнѣнію, что въ постановкѣ на очередь и въ энергичномъ выполненіи большой законодательной работы игралъ свою роль и политическій мотивъ, желаніе утвердить прочно и «впредь ничѣмъ нерушимо» основанія того соціальнаго строя, на какой опиралась московская государственность, и тѣхъ правовыхъ устоевъ, шатаніе которыхъ могло стать гибельнымъ для нея. Въ этомъ смыслѣ Уложеніе царя Алексѣя является подлиннымъ завершеніемъ работы надъ возстановленіемъ государства московскаго изъ пережитой имъ «великой разрухи».

Конечно, не постановка этой задачи вызывала осужденіе Уложенія суровыми критиками, а способъ ея выполненія при участіи земскаго собора и съ большимъ вниманіемъ къ инымъ изъ возобладавшихъ на немъ теченій. Такимъ властнымъ людямъ, какъ Никонъ, да и нѣкоторые другіе, многое въ Уложеніи казалось вынужденною уступкой общественному настроенію, направленному противъ «владущихъ верховъ». Офиціально-приказные источники для исторіи Уложенія и самый текстъ его немного даютъ для выясненія такихъ настроеній. Но тщательное изученіе данныхъ, часто слишкомъ отрывочныхъ для удовлетворенія интереса къ столь крупному явленію въ исторіи московскаго государства, какъ Уложеніе, даетъ нѣкоторую возможность разглядѣть за спокойнымъ, безстрастнымъ ликомъ законодательнаго памятника слѣды напряженной борьбы разнородныхъ интересовъ и домогательствъ.

16 іюня 1648 г. царь Алексѣй по совѣту съ патр. Іосифомъ, всѣмъ освященнымъ соборомъ и со своей государевой думой,

рѣшилъ приступить къ большому дѣлу пересмотра, пополненія и кодификаціи дѣйствующаго права съ тѣмъ, чтобы «государево царственное и земское дѣло» утвердить и «на мѣрѣ поставить». Составленіе проекта Уложенія возложено было на комиссію изъ пяти лицъ: бояръ кн. Никиты Ив. Одоевскаго и кн. Сем. Вас. Прозоровскаго, окольничаго кн. Ѳ. Ѳ. Волконскаго и двухъ дьяковъ, Гаврилы Леонтьева и Ѳедора Грибоѣдова. Но къ участію въ дѣлѣ обновленія законодательныхъ нормъ призванъ былъ и земскій соборъ, притомъ такого состава, что преобладаніе на немъ оказалось за средними разрядами населенія служилыми и тяглыми людьми. Чины дворцовые и московскіе дворяне призваны были не поголовно, какъ бывало прежде, а черезъ представителей «изъ чину по два человѣка». Ихъ представители тонули въ массѣ провинціальнаго люда, изъ котораго было призвано до 150 служилыхъ и до 100 тяглыхъ людей. Земскихъ выборныхъ призывали къ обсужденію «великихъ дѣлъ», какія предстояло опредѣлить государевымъ указомъ и соборнымъ уложеніемъ: на земскихъ соборахъ XVII в. они, со временъ патр. Филарета, выступаютъ, преимущественно, какъ ходатаи-челобитчики своихъ довѣрителей-избирателей, чтобы великимъ государямъ «всякія ихъ нужды и тѣсноты и разоренья и всякіе недостатки были вѣдомы», а носители власти могли, «совѣтовавъ по ихъ челобитью, о московскомъ государствѣ промышляти, чтобы во всемъ поправити, какъ лучше». Составъ представительства 1648 года тѣмъ лучше отвѣчалъ этой задачѣ, что, повидимому, строже прежняго былъ выдержанъ его сословный характеръ: среди подписей подъ «Уложенной книгой» не замѣтно выступленія духовныхъ лицъ и служилыхъ людей «въ посадскихъ и уѣздныхъ людей мѣсто», что раньше бывало.

«Новыя статьи» Уложенія отражаютъ на себѣ, въ весьма значительной степени, вліяніе соборныхъ челобитій. Ихъ общій смыслъ подводитъ нѣкоторый итогъ той сословной политикѣ, которая такъ характерна для государственнаго строительства XVI в. и нашла себѣ продолженіе въ дѣятельности сперва Бориса Годунова, затѣмъ патр. Филарета Никитича,—политикѣ, направленной на организацію и обезпеченіе интересовъ среднихъ разрядовъ служилаго класса и торгово-промышленнаго тяглаго люда, какъ главной опоры военныхъ и финансовыхъ силъ государства. Верховная власть беретъ ихъ интересы подъ защиту противъ сильныхъ конкурентовъ—боярства и церкви, узаконяетъ отношенія, сложившіяся въ ихъ пользу, тѣмъ самымъ не только укрѣпляя, но и расширяя значеніе этихъ отношеній. Выполнена въ Уложеніи отмѣна «урочныхъ лѣтъ» для сыска бѣглыхъ крестьянъ, а эти «урочныя лѣта» являлись однимъ изъ способовъ заполненія рабочею силой крупныхъ вотчинъ, боярскихъ и монастырскихъ, за счетъ служилыхъ помѣстій и мелкихъ вотчинъ; возобновленъ запретъ церковнымъ іерархамъ и монастырямъ пріобрѣтать вотчины, чтобы не уменьшался фондъ слу-

жилаго землевладѣнія. По челобитью всѣхъ соборныхъ чиновъ государь повелѣлъ впредь на все духовенство, отъ митрополитовъ и до причта церковнаго и рядовой братьи монастырской, и на всѣхъ слугъ и людей церковныхъ «во всякихъ исцовыхъ искахъ судъ давати въ Монастырскомъ приказѣ», вновь учрежденномъ свѣтскомъ судебномъ мѣстѣ; этимъ дополнялось общее упорядоченіе въ Уложеніи процессуальныхъ порядковъ, проникнутое тенденціей, чтобы «московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ отъ большаго и до меньшаго чину судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ ровна».

Уложеніе установило, какъ было уже упомянуто, вѣчную крѣпость всего сельскаго населенія землевладѣльцамъ по писцовымъ и переписнымъ книгамъ — вмѣсто прежней крѣпости однихъ дворохозяевъ; внутренній смыслъ этой «крѣпости» сильно огрубѣлъ съ XVI в., и Уложеніе уже разсматриваетъ крѣпостныхъ крестьянъ то какъ имущественную цѣнность, предписывая, въ случаѣ невозможности вернуть бѣглыхъ, брать у провинившагося въ пріемѣ ихъ «такихъ же крестьянъ» для отдачи потерпѣвшему, то какъ господскихъ людей, на которыхъ можно возложить

Начало «Уложенія» 1649 г.
Оригиналъ хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

и личную отвѣтственность за господина, подвергая ихъ въ извѣстныхъ случаяхъ «правежу» за него. Наконецъ Уложеніе отнеслось съ большимъ вниманіемъ къ поземельному праву служилыхъ людей, расширяя ихъ права на помѣстья разрѣшеніемъ мѣны помѣстій и регулировкой обезпеченія осиротѣвшей семьи помѣщика изъ его помѣстной дачи, и тщательно разработавъ рядъ вопросовъ по праву распоряженія вотчинами и наслѣдованія ихъ.

Не меньше вниманія со стороны законодательной власти встрѣтили челобитья посадскихъ общинъ. Царь вступился за своихъ тяглецовъ и велѣлъ взять за себя въ тягло и въ службы безповоротно слободы патріаршія и всѣхъ духовныхъ владѣльцевъ, боярскія и всѣ частновладѣльческія, потому что жившіе тамъ торговые и ремесленные люди промышляли всякими торговыми промыслами, подрывая своей конкуренціей благосостояніе посадскихъ тяглецовъ, а ни государевыхъ податей съ ними не платили, ни службъ не служили; онѣ были «устроены въ рядъ съ тяглыми людьми», въ посадское тягло, равно какъ и тѣ вотчины, села и деревни разныхъ владѣльцевъ, которыя находились около посадовъ. Уложеніе вообще обезпечило посадскихъ людей отъ конкуренціи лицъ, не положенныхъ въ посадское тягло, которыя до того времени часто владѣли по городамъ лавками и вели торговлю. Чтобы сохранить платежныя силы посадскихъ общинъ, оно объявило посады замкнутыми, не разрѣшая тяглецамъ выходить изъ нихъ. Не только тѣ, кто ушелъ въ «закладчики» къ богатымъ людямъ, «избывая тягла», подлежали возвращенію на прежнія свои посадскія мѣста, но запрещенъ и переходъ изъ одной тяглой общины въ другую. Посадскіе тяглецы стали крѣпки своему посаду. Объ этомъ хлопотала болѣе зажиточная часть посадскаго населенія— «лучшіе» люди посадскіе, въ рукахъ которыхъ сосредоточивались главное вліяніе на раскладку податей и повинностей и выборъ на должности старостъ и сотскихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отвѣтственность за податную исправность посада. Замкнутость посада связывала не ихъ, а прежде всего меньшихъ людей, маломочныхъ, которые, чтобы избѣжать тягла, норовили заложиться за сильнаго человѣка, а то и въ холопы уйти къ богатому владѣльцу.

Серебряный ковчегъ, въ которомъ хранится оригиналъ «Уложенія» 1649 г. Сооруженъ по повелѣнію императрицы Екатерины II въ 1767 г.
Въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.

Тѣ же руководящіе слои торгово-промышленнаго класса принесли на соборъ свои давнія жалобы на развитіе льготъ иноземнымъ купцамъ и добились серьезнаго ограниченія этихъ льготъ, вредно отражавшихся на торговыхъ оборотахъ русскаго купечества.

Не безъ борьбы были добыты эти результаты, шедшіе въ разрѣзъ съ интересами вліятельныхъ общественныхъ верховъ—боярства, приказнаго люда, патріарха, всей церковной іерархіи и монастырскихъ властей. Законченное Уложеніе, утвержденное царемъ въ соединенномъ засѣданіи освященнаго собора и боярской думы, было «чтено» выборнымъ людямъ, «которые къ тому общему совѣту выбраны на Москвѣ и изъ городовъ», для того, «чтобы то все Уложенье впредь было прочно и неподвижно». Государь повелѣлъ патріарху и всему освященному собору, боярской думѣ и всему земскому собору «закрѣпить» уложенный списокъ своими руками, а потомъ списать Уложенье въ книгу, за скрѣпой дьяковъ Леонтьева и Грибоѣдова, съ той книги напечатать многія книги, разослать ихъ по приказамъ и по городамъ и впредь «всякія дѣла дѣлать по тому Уложенью».

Подпись всѣхъ членовъ собора на уложенномъ спискѣ возлагала на нихъ отвѣтственность за его содержаніе передъ русскимъ обществомъ. И выборные люди, прибывъ на соборъ челобитчиками о нуждахъ своихъ сословныхъ группъ и родныхъ гнѣздъ, разъѣзжались смущенные и не безъ тревоги. Они чувствовали, что на мѣстахъ ихъ встрѣтятъ неудовольствіемъ и раздраженіемъ за тѣ «указныя грамоты», которыя они везли домой «съ соборнаго уложенья». Уложенье въ своихъ установленіяхъ стояло на точкѣ зрѣнія государственнаго интереса, которому должны подчиниться всѣ частные и общественные интересы; если въ борьбѣ разныхъ интересовъ оно стало въ рядѣ вопросовъ на сторону опредѣленныхъ общественныхъ группъ, то лишь постольку, поскольку интересы этихъ группъ отвѣчали нуждамъ «государева и земскаго дѣла». И государю пришлось принимать мѣры, чтобы «выборныхъ людей въ городѣхъ воеводы отъ городскихъ людей ото всякова дурна оберегали для того, что у его государева у соборнова уложенья по челобитью земскихъ людей не противъ всѣхъ статей его государевъ указъ учиненъ». Расхожденіе между правительствомъ и обществомъ въ оцѣнкѣ отвергнутыхъ челобитій характерно сказалось въ одной государевой грамотѣ о защитѣ выборнаго человѣка отъ его избирателей, недовольныхъ, что «не о всѣхъ ихъ нужахъ государевъ указъ учиненъ»; тутъ причина ихъ «шума» объяснена такъ: «что онъ на Москвѣ разныхъ ихъ прихотей въ уложеньи не исполнилъ». Къ сожалѣнію, наши источники не сохранили содержанія ходатайствъ, вызвавшихъ столь различную оцѣнку. Но важнѣе другая черта этихъ отношеній: они показываютъ, что призывъ выборныхъ представителей къ столь важному дѣлу, какъ пересмотръ дѣйствующаго права, былъ связанъ въ сознаніи тѣхъ общественныхъ слоевъ,

которые на соборѣ играли главную роль, съ мыслью о вліятельномъ участіи выборныхъ въ законодательной работѣ, объ ихъ обязанности передъ избирателями отстаивать интересы своихъ довѣрителей и добиваться ихъ удовлетворенія. Проявленія такой политической притязательности не замедлили вызвать отпоръ въ правящей средѣ, тѣмъ болѣе, что моментъ политическій осложнялся недовольствомъ общественныхъ верховъ, боярскихъ и церковныхъ, противъ уступокъ, какія имъ пришлось сдѣлать въ пользу среднихъ слоевъ населенія, поступившись частью своихъ преимуществъ. Совокупность этихъ впечатлѣній отъ земскаго собора 1648 — 1649 гг. должна была получить особую остроту въ связи съ тѣмъ «всего міра качаніемъ», какое характерно для общественнаго настроенія тѣхъ лѣтъ; проявленія соціальной розни и оппозиціоннаго духа въ земской средѣ на соборѣ естественно было связать съ тревожнымъ положеніемъ дѣлъ по городамъ, гдѣ происходили вспышки прямого бунта. Выше было упомянуто, какъ, повидимому, неудачно окончилась попытка правительства царя Алексѣя найти въ соборѣ 1650 г. опору для подавленія псковскаго мятежа. Послѣ того верховная власть только дважды созываетъ земскій соборъ по общегосударственному вопросу: принимать ли въ подданство Малороссію и воевать ли за нее съ Польшей? По сохранившимся даннымъ, собственно обсужденія дѣла на этихъ соборахъ и не было. Въ 1651 г. царь Алексѣй повелѣлъ «вычесть королевскія неправды» передъ соборомъ и получилъ отъ духовенства заявленіе, что буде король не дастъ удовлетворенія, то церковь благословитъ царя на разрывъ мирнаго докончанія. А въ 1653 г., судя по соборному акту, выборные, опрошенные «по чинамъ — порозпь», только повторили то рѣшеніе боярской думы, какое было имъ сообщено. Въ дальнѣйшей практикѣ правительство предпочитаетъ не соединять «всѣ чины московскаго государства», а обращается порознь то къ служилымъ, то къ торговымъ людямъ, притомъ лишь по вопросамъ спеціальнымъ, для рѣшенія которыхъ нужна профессіональная опытность. О томъ, что тутъ дѣйствовали мотивы болѣе сложные, чѣмъ простое практическое удобство, свидѣтельствуютъ событія, разыгравшіяся въ 1660-хъ гг., въ связи съ тяжелымъ экономическимъ кризисомъ, который былъ вызванъ неудачной финансовой политикой правительства.

III.

Попытки приступить къ преобразованію податной системы не дали благопріятныхъ результатовъ ни въ началѣ царствованія царя Алексѣя, ни во все его теченіе. Отступивъ передъ перестройкой прямого обложенія на основѣ подворной переписи, потерпѣвъ неудачу съ соляной пошлиной, правительство въ 50-хъ годахъ сдѣлало лишь двѣ рѣшительныхъ попытки упорядочить косвен-

ное обложеніе. Въ 1652 г. отмѣнены были винные откупа и продажа вина въ кружечныхъ дворахъ стала строгой казенной монополіей въ завѣдываніи вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ; черезъ годъ сдѣланъ былъ опытъ объединенія ряда мелкихъ таможенныхъ сборовъ, съ какими связана была внутренняя торговля, и замѣны ихъ одною пошлиной въ 10% съ продажной цѣны; но провести въ жизнь эту мѣру и развить ее полнѣе удалось лишь много позднѣе въ Новоторговомъ уставѣ 1667 г. Государственное хозяйство оставалось въ состояніи весьма хаотичномъ, а между тѣмъ начало продолжительной борьбы за Малороссію потребовало чрезвычайнаго финансоваго напряженія. Тогда правительство рѣшилось прибѣгнуть къ монетной операціи, которая показалась способною доставить значительныя средства. Не удовлетворяясь искусственнымъ курсомъ серебряныхъ ефимковъ, которые стоили 40 — 42 к., а переливались въ рубли или получали клеймо, придававшее имъ цѣнность рубля, въ 1656 г., по проекту, который приписываютъ боярину Ѳ. М. Ртищеву, прибѣгли къ выпуску мѣдныхъ денегъ, по формѣ и величинѣ равныхъ серебрянымъ; за ними признана была и номинальная стоимость серебряныхъ. Это было своеобразной кредитной операціей, ничѣмъ, однако, не обезпеченной, тѣмъ болѣе, что само правительство недолго принимало новыя деньги въ уплату казенныхъ сборовъ, а скоро стало при такихъ уплатахъ требовать серебра, частью или даже полностью. Серебро люди начали копить, а еще быстрѣе уходило оно въ руки иноземцевъ. Увлеченіе выпускомъ мѣдной монеты, которая на первыхъ порахъ пошла успѣшно въ ходъ, и чрезвычайное развитіе легкой поддѣлки, которая производилась на самомъ государевѣ монетномъ дворѣ, бывшемъ въ вѣдѣніи тестя царскаго И. Д. Милославскаго, чеканившаго много денегъ для себя лично, скоро привели къ паникѣ, невѣроятному росту цѣнъ на всѣ товары и такому упадку мѣдной монеты, что къ 1663 г. за 12 — 15 рублей мѣдныхъ неохотно давали рубль серебра. Тяжелый кризисъ поразилъ русскую торговлю, острая нужда переживалась всѣми, кто имѣлъ на рукахъ новую, обезцѣненную монету. Весною 1662 г. московская толпа поднялась на тѣхъ, кого считала виновниками всѣхъ бѣдъ, на Милославскихъ и Ртищева.

Опять, какъ въ 1648 г., возбужденная толпа пошла въ подмосковное село Коломенское, гдѣ находился тогда царь, бить челомъ на «измѣнниковъ». Онъ самъ вышелъ къ народу, обѣщалъ прибыть въ Москву и разобрать дѣло, даже по рукамъ ударилъ съ однимъ изъ «гилевщиковъ». Но въ столицѣ начался уже погромъ, толпа вернулась къ царю, сугубо возбужденная, и дѣло кончилось разгромомъ ея оружіемъ царскихъ стрѣльцовъ; началась суровая расправа, многихъ казнили и сослали. Москва утихла, но медлить съ разрѣшеніемъ дѣла о новыхъ деньгахъ было невозможно. Искать выхода правительство начало задолго до бунта. Оно обращалось за совѣтомъ къ торговымъ людямъ московскимъ, но тутъ встрѣтило

единодушный отвѣтъ: «о томъ мы нынѣ одни сказать подлинно недоумѣемся, — для того, что то дѣло всего государства всѣхъ городовъ и всѣхъ чиновъ, и о томъ у великаго государя милости просимъ, чтобы пожаловалъ великій государь, указалъ для того дѣла взять изо всѣхъ чиновъ на Москвѣ и изъ городовъ лучшихъ людей по 5 человѣкъ, а безъ нихъ намъ однимъ того великаго дѣла на мѣрѣ поставить невозможно». Имъ вторили люди суконной сотни, черныхъ сотенъ и слободъ московскихъ; всѣ находили, что безъ собора «изо всякихъ чиновъ и изъ городовъ» нельзя имъ «о мѣдныхъ деньгахъ сказать и ихъ на мѣрѣ поставить, что имъ быть или перемѣнить», потому что «то дѣло всего государства». Однако правительство царя Алексѣя не нашло нужнымъ собирать земскій соборъ, видимо не раздѣляя мысли, что дѣло собора «поставить на мѣрѣ» важный государственный вопросъ, вызвавшій столько волненій и тяжелой нужды. Оно само ликвидировало дѣло рѣшительнымъ признаніемъ банкротства: запретило обращеніе мѣдныхъ денегъ, предоставляя ихъ владѣльцамъ либо переливать ихъ въ простую мѣдь, либо сбывать въ казну по 10 денегъ за рубль, то-есть за одну двадцатую ихъ нарицательной стоимости, что, конечно, весьма многихъ разорило и глубоко пошатнуло народное хозяйство.

IV.

Роль земскихъ соборовъ въ исторіи московской государственности оказалась временной и подчиненной. Въ XVI в. они смѣнили прежнія совѣщанія великихъ князей, куда въ особо важныхъ случаяхъ призывались, кромѣ духовнаго чина и думныхъ людей, всѣ, сравнительно съ ними второстепенные, служилые люди, занимавшіе должности по великокняжескому управленію; смѣнили въ ту пору, когда новая организація управленія при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ передала завѣдываніе силами и средствами страны въ руки «чиновъ» служилаго и торгово-промышленнаго, раздѣленныхъ на разряды по степени ихъ государственной полезности. Призывъ «всѣхъ чиновъ московскаго государства» къ разрѣшенію важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ имѣлъ смыслъ совѣщанія верховной власти съ органами, управлявшими «дѣломъ государевымъ и земскимъ», но получилъ особое значеніе въ «безгосударное» время Смуты, когда общественное содержаніе «чиновной» структуры служилаго и тяглаго населенія взяло верхъ надъ ея служебно-административнымъ назначеніемъ. Старая форма послужила органомъ общественной самодѣятельности при возстановленіи государства и общественнаго порядка. При новой династіи усиленіе воеводской власти быстро разрушаетъ живую силу мѣстныхъ организацій, объединеніемъ которыхъ были «совѣты всей земли». Въ центрѣ земскіе соборы остаются опорой власти въ созидательной работѣ

и выясненіи положенія страны; но ихъ выборные элементы быстро сходятъ до положенія «свѣдущихъ людей» и челобитчиковъ о нуждахъ своихъ сословныхъ группъ. Правительство обсуждаетъ съ ними способы упорядочить службы, повинности и платежи населенія, укрѣпить имущественное положеніе разныхъ его разрядовъ, ради исправности ихъ передъ требованіями «государева и земскаго дѣла». Но эти вопросы неразрывно связаны съ основными задачами всего государственнаго управленія, и по логикѣ вещей передъ земскими соборами власть верховная ставитъ важнѣйшія проблемы законодательства и внѣшней политики. Однако въ XVII в. смыслъ этихъ совѣщаній иной. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича рѣзкое усиленіе приказной власти въ центральномъ и областномъ управленіи противопоставило «чинамъ московскаго государства» крѣпкую систему бюрократическихъ органовъ верховной власти, отодвинувъ ихъ отъ практическихъ задачъ государственнаго управленія. На земскихъ соборахъ 40-хъ годовъ XVII в. раздается критика приказнаго управленія и дѣятельности правящихъ верховъ, слышатся заявленія сословныхъ требованій, замѣчается стремленіе къ законодательной иниціативѣ, потому что постановка «на мѣрѣ» государственнаго дѣла сознается какъ «дѣло всего государства и всѣхъ городовъ и всякихъ чиновъ людей». Судьба земскихъ соборовъ была рѣшена той точкой зрѣнія московской власти, какую внушалъ офиціальный отвѣтъ псковскимъ челобитчикамъ 1650 года: «холопы государевы и сироты великимъ государямъ никогда не указывали».

Такъ, земскій соборъ 1648—1649 гг., созванный для великаго дѣла умиротворенія страны, начатаго избирательнымъ соборомъ 1613. г., привелъ къ выясненію глубокихъ политическихъ и соціальныхъ противорѣчій, обусловившихъ тревожную исторію дальнѣйшихъ десятилѣтій. А соціальные результаты его законодательной работы лишь углубили причины броженія закрѣпощаемой народной массы, которую отдали въ жертву интересамъ служилаго землевладѣнія. Результатомъ государственнаго строительства первой половины XVII в. оказывался крайне напряженный строй общественныхъ отношеній. Соборное Уложеніе завершило развитіе этого строя, охватившаго «крѣпостью» всѣ разряды населенія. Работа надъ укрѣпленіемъ расшатаннаго государственнаго порядка въ соединеніи съ упорной, почти непрерывной борьбой съ внѣшними врагами, требовала огромнаго напряженія народныхъ силъ, а страна, разоренная, скудная и матеріальными и культурными средствами, могла удовлетворять требованія «государева и земскаго дѣла» лишь съ крайними усиліями. Сосредоточеніе всѣхъ этихъ силъ и средствъ въ распоряженіи неограниченной власти опредѣлилось какъ политическая необходимость для московскаго государства XVII в. не въ меньшей степени, чѣмъ въ XV и XVI столѣтіи въ эпоху созиданія этого государства Рюри-

ковичами. И то же основное противорѣчіе средствъ и потребностей государственныхъ обусловило закрѣпощеніе трудовой народной массы государеву тяглу и служилому землевладѣльцу, являвшемуся соціально-экономическою базою всего московскаго государственнаго зданія. Общественные низы, на которыхъ все тяжелѣе ложилась тягота этого строя, всколыхнулись въ Смутное время, выбитые изъ суровой бытовой колеи экономическимъ кризисомъ и государственной разрухой. Возстановленіе порядка возвращало ихъ въ прежнее состояніе зависимости и кабалы, но проводимое строже и осложненное полной безвыходностью. Но въ то же время заново открылся путь въ вольный просторъ Поволжья и Дона. Правда, колонизаціонное движеніе на востокъ и юго-востокъ было соединено съ большими трудностями. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVII в. за Волгой неспокойно отъ калмыковъ и ногаевъ; но въ 50-хъ — сооружена укрѣплённая «Закамская черта» и заселеніе закамскихъ земель быстро увеличилось; такую же роль колонизаціонной опоры сыграла на правомъ берегу черта Симбирская. Въ 60-хъ гг. новые поселки идутъ все смѣлѣе на югъ отъ нея и на западъ; какъ центръ обороны тутъ возникаетъ Пенза. Колонизація всѣхъ этихъ мѣстностей идетъ при дѣятельномъ участіи московской власти, которая раздаетъ тутъ земли служилому люду, русскому и даже инородческому; «крѣпость» землевладѣльческая и тягло государево нагоняютъ переселенца. Но все-таки на новыхъ мѣстахъ легче сидѣть на льготѣ, легче и уйти дальше на югъ, куда властная рука не достаетъ. Крестьяне, холопы, посадскіе меньшіе люди, уходя «на низъ», создаютъ быстрый ростъ поволжской вольницы въ царствованіе царя Алексѣя, а Донъ оказывается даже перенаселеннымъ, въ результатѣ чего является размноженіе «голутвеннаго» казачества донского. Сюда, на Донъ и нижнюю Волгу, ушли остатки «воровскихъ» шаекъ изъ московскаго государства, когда возрождавшаяся государственность вытѣснила ихъ съ сѣвера. Сюда принесли они безпокойную память о томъ, какъ можно было «тряхнуть Москвой». Тутъ съ году на годъ накоплялось все больше горючаго матеріала, и въ 70-хъ годахъ вспыхнулъ грозный бунтъ Разина.

Бунтъ Степана Разина начался воровскимъ «походомъ» казачьей «голытьбы», который только размѣрами и смѣлостью размаха отличался отъ частыхъ разбойничьихъ предпріятій такого рода. Начавъ съ разбоя на Волгѣ, Разинъ прошелъ въ Каспійское море, пограбилъ персидскіе берега и вернулся на Донъ съ добычей и славой лихого атамана. Набравшись силы и вліянія, Разинъ поднялъ толпу бѣглой голытьбы на бунтъ противъ московскихъ властей. Этотъ лозунгъ и далъ ему ту силу, которая сдѣлала его имя столь популярнымъ въ народной массѣ. Захватъ Астрахани въ 1670 г., затѣмъ всего Поволжья до Симбирска обратилъ бунтъ въ крупное и грозное явленіе. Истребляя воеводъ и приказныхъ людей, помѣщиковъ и всякихъ «владущихъ», бун-

товщики сжигали съ проклятіемъ бумаги приказнаго дѣлопроизводства, какъ москвичи въ 1648 г. уничтожали съ особой яростью купчія и всякіе крѣпостные акты въ разграбленныхъ боярскихъ домахъ. На мѣсто воеводскаго управленія Разинъ ставилъ управленіе казацкаго типа. Все это придало его бунту характеръ движенія, направленнаго противъ ненавистнаго народной массѣ приказнаго управленія и крѣпостного строя. По мѣрѣ успѣховъ Разина силы его росли отъ притока крестьянской и посадской земщины, поднялись и волжскіе инородцы. Имя Разина стала повторять чернь по городамъ внутреннихъ областей, въ самой столицѣ послышались снова воровскія рѣчи. Но Разинъ остался казакомъ, которому стеченіе условій историческаго момента навязало роль вождя соціальнаго движенія, по существу ему чуждаго. Не случайно удача покинула его, какъ только онъ оказался во главѣ не казачьихъ шаекъ, а значительной земской силы. При первомъ пораженіи отъ войскъ кн. Барятинскаго, далеко не рѣшительномъ, онъ бросилъ крестьянъ-бунтарей на произволъ судьбы, а самъ бѣжалъ съ казаками на Донъ и былъ выданъ Москвѣ домовитымъ казачествомъ, которое не прочь было снабжать голытьбу боевыми припасами и подѣлиться съ нею добычей, но и боялось ея. Послѣ казни Разина движеніе стало затихать и было подавлено, оставивъ по себѣ память въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ Поволжья. Размахъ этого бунта показалъ наглядно, какъ много еще предстоитъ организаціоннаго труда для водворенія русской государственности и гражданственности на всемъ юго-востокѣ. Боевое положеніе московской власти на этихъ окраинахъ долго еще поглощало немало силъ, отвлекая ихъ отъ спокойной внутренней работы и увеличивая сложность и напряженность ея задачъ.

V.

Общее состояніе московскаго государства дѣлаетъ понятнымъ то направленіе, въ какомъ шло при царѣ Алексѣѣ развитіе государственной власти. Московское самодержавіе переживаетъ при немъ время своего расцвѣта наканунѣ перехода въ обновленную иными вліяніями императорскую власть его великаго сына. Высоко стояла царская власть въ сознаніи ея вѣнчаннаго носителя и общества московскаго надъ страной, взволнованной сложными противорѣчіями своего быта и строя. Долго шедшая объ руку съ родословнымъ боярствомъ и связанная обычной стариной и пошлиной, власть царская освободилась отъ этихъ связей въ бурные годы царя Іоанна и «великой разрухи». Возрожденная силами среднихъ разрядовъ населенія, людей служилыхъ и тяглыхъ—посадскихъ, она въ серединѣ XVII в. отдѣляетъ свое пониманіе «государева и земскаго дѣла» отъ ихъ «земскаго совѣта». Открытъ путь для

установленія чистаго абсолютизма, опирающагося въ дѣлахъ управленія на приказную бюрократію, органъ личной царской власти. 50-е года XVII в. — время, когда дѣятельность царя Алексѣя опредѣленно вступаетъ на этотъ путь.

Царь Алексѣй Михайловичъ вынесъ нелегкій опытъ изъ перваго пятилѣтія своего царствованія. Онъ видѣлъ хищную корысть довѣренныхъ лицъ, испыталъ жуткую и обидную встрѣчу съ раздраженной толпой. Мужества на разрывъ со средой, запятнавшей себя лихоимствомъ и произволомъ, у него не хватило: Милославскіе остались въ силѣ, да и не они одни. Но царь ищетъ теперь новыхъ сотрудниковъ, умѣетъ поддержать кн. Н. И. Одоевскаго, А. Л. Ордина-Нащокина и др., направлявшихъ государственную работу на болѣе содержательный и творческій путь. Вокругъ него нѣтъ готоваго правительственнаго круга; ему и возможно и нужно самому подбирать сотрудниковъ.

Аристократическій укладъ боярской думы былъ сломленъ бурями эпохи казней и Смутнаго времени. Новая династія сама себѣ создавала свой боярскій совѣтъ, лишь отчасти, по традиціи, считаясь съ вниманіемъ къ «родословнымъ» людямъ. Царь Алексѣй былъ воспитанъ въ уваженіи этихъ традицій и вполнѣ признавалъ, что боярская честь по отечеству — честь вѣчная, но суть ея, для него, не въ какихъ-либо особыхъ правахъ, а въ долгѣ «родословныхъ» людей отличаться отъ «худыхъ, обышныхъ людишекъ» «въ страхѣ Божіемъ и государевомъ». Бояре болѣе другихъ «государевы люди» и боярская честь «совершается» на дѣлѣ въ мѣру служебной заслуги; бываетъ и такъ, что иные, у кого родители въ боярской чести, а сами и по смерть свою не пріемлютъ этой чести; другіе же, много лѣтъ проживъ безъ боярства, подъ старость взводятся въ ту боярскую честь. Непристойно поэтому боярамъ хвалиться, что та ихъ честь породная, и крѣпко на нее надѣяться, а благодарить надо Бога, если Онъ за ихъ службу обратилъ къ нимъ сердце государево во всякой милости.

Эта теорія, развитая царемъ Алексѣемъ въ перепискѣ съ близкими ему лицами, вполнѣ отвѣчала дѣйствительнымъ отношеніямъ его времени. Боярство XVII в. ближе по типу къ вельможнымъ верхамъ «случайныхъ» людей XVIII столѣтія, чѣмъ къ своимъ историческимъ предкамъ временъ старой династіи. Мало въ его рядахъ кровной знати. Зато оно доступно не только людямъ «меньшихъ родовъ», но даже приказнымъ дѣльцамъ и простымъ провинціальнымъ дворянамъ, вовсе не родословнымъ, но возвышеннымъ царскою милостью и собственною выслугой. Боярская дума царей Михаила и Алексѣя—чиновный и сановный совѣтъ при государѣ, далекій отъ того, чтобы имѣть собственный общественный вѣсъ, свои традиціи и притязанія. Лишенная какого-либо опредѣленнаго сословнаго отпечатка, она покорное орудіе верховной власти. Современники отмѣтили упадокъ вліянія

боярской думы при царѣ Алексѣѣ: «какія великія и малыя своего государства дѣла похочетъ по своей мысли учинити, — пишетъ Котошихинъ, — съ боярами и съ думными людьми, спрашивается о томъ мало; въ его волѣ: что хочетъ, то учинити можетъ». Падаетъ и значеніе боярскаго сана. Цари XVII в. раздаютъ его гораздо щедрѣе, чѣмъ бывало въ старину. Боярство растетъ количественно, но теряетъ въ политическомъ и соціальномъ вѣсѣ. Оно уже не является настолько опредѣленной общественной группой, чтобы собраніе «бояръ всѣхъ» оставалось факторомъ государственной жизни. Его созываютъ на торжественныя церемоніи дворцоваго обихода, на земскіе соборы, но значеніе государева совѣта перешло въ годы царя Алексѣя къ болѣе тѣсному кругу «ближней думы». Ея полный составъ — «бояре комнатные всѣ» — то учрежденіе, которое создаетъ «боярскіе приговоры» XVII вѣка; само ея названіе «комнатной» оттѣняетъ ея характеръ придворнаго, личнаго царскаго совѣта, гдѣ, по словамъ Котошихина, «бываютъ тѣ бояре и окольничіе ближніе, которые пожалованы изъ спальниковъ или которымъ приказано бываетъ приходити». Но царь Алексѣй далеко не всѣ дѣла обдумывалъ и рѣшалъ даже съ этой «ближней», «комнатной» думой. Возлѣ него видимъ постоянно отдѣльныхъ лицъ, довѣренныхъ наперсниковъ, по своему чину даже не думныхъ людей, съ которыми онъ думалъ свою «тайную» думу. Подвижная и увлекающаяся натура часто толкала царя на личное вмѣшательство не въ общіе только вопросы государственной жизни, но и въ детали того или иного дѣла, крупнаго или мелкаго, государственнаго или частнаго, церковнаго или дворцоваго; личная дѣятельность царя была настолько обширна и разнообразна, что въ 50-хъ гг. возникъ для нея спеціальный органъ «Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ». Этотъ приказъ выросъ изъ личной канцеляріи государя и до конца носилъ черты того, что въ XVIII в. назвали бы «кабинетомъ Его Величества». Извѣстно, какъ царь Алексѣй любилъ писать, лично излагать свои мысли и намѣренія. поддерживалъ много оживленныхъ сношеній. Его обширная переписка не все автографы, иной разъ грамотки писались подьячей рукой, а царь правилъ и приписки дѣлалъ. Содержаніе этой переписки то чисто личное, частное, то она служитъ средствомъ царскаго воздѣйствія на бояръ, воеводъ, представителей церкви въ вопросахъ государственнаго правленія. Царская канцелярія постепенно выросла въ цѣлый «приказъ», занявшій особое, исключительное положеніе въ государственной администраціи, какъ органъ личной верховной власти. Онъ остался учрежденіемъ дворцовымъ, помѣщаясь въ «царскихъ хоромахъ». Сохраняя завѣдываніе личной перепиской царя, онъ такъ разросся въ своей дѣятельности, что она пестрыми и разнообразными нитями вплелась въ общей ходъ управленія. Значительна была его роль въ дворцовомъ хозяйствѣ, тѣмъ болѣе, что царь Алексѣй и любилъ и умѣлъ

хозяйничать. Тайный приказъ вѣдалъ его личные расходы и управленіе «собинными» имѣніями государя, его «потѣшными» и иными селами, выдѣленными особымъ интересомъ и вниманіемъ Алексѣя Михайловича изъ общей массы дворцоваго землевладѣнія; приказъ этотъ вѣдалъ нѣкоторыми изъ царскихъ заводовъ и промысловыхъ предпріятій, закупкой и продажей царскихъ товаровъ, дѣлами царской благотворительности. Приказъ по всѣмъ этимъ дѣламъ стоялъ подъ непосредственнымъ руководствомъ государя, у котораго былъ въ его «палатахъ» свой «столъ»; личный составъ приказа былъ хорошо извѣстенъ царю Алексѣю, подбирался по испытанному довѣрію. Естественно сталъ этотъ приказъ центромъ всѣхъ отношеній, какія вытекали изъ воззрѣній московскаго общества и самого царя Алексѣя на личную роль государя въ государственной жизни. По воззрѣніямъ этимъ царь стоитъ не во главѣ правительственной администраціи, а внѣ ея и надъ ней. Какъ помазанникъ Божій, онъ призванъ быть источникомъ не права только, а всякой правды, милости и справедливости. Устанавливая своей властью законы и распорядки, которымъ всѣ обязаны безусловно повиноваться, самъ онъ руководитъ дѣятельностью государственнаго механизма, не связанный ея формальнымъ строемъ и внѣшними нормами. Пусть самъ онъ въ человѣческой ограниченности не достоинъ быть на землѣ «солнцемъ великимъ или хотя малымъ свѣтиломъ», но «сердце царево въ руцѣ Божіей» и въ дѣлѣ «Божіемъ и государевомъ». когда нужно, «Богъ царя извѣститъ». И самъ онъ, и его подвластные обязаны крѣпко вѣрить въ особое руководительство царской волей, государевымъ смотрѣніемъ свыше. Развитіе приказной системы управленія только по видимости давало въ руки носителя верховной власти органъ, предназначенный быть покорнымъ исполнителемъ царскихъ предначертаній. Учрежденія приказнаго типа росли и по числу, и по значенію, получая характеръ самостоятельной силы, со своими интересами и традиціями, къ которымъ и населеніе и царь Алексѣй Михайловичъ одинаково относились съ справедливымъ негодованіемъ. Съ рѣзкимъ укоромъ поминалъ царь Алексѣй «московскую волокиту» и «злохитренныя московскія обычья», въ корень искажавшіе царское «разсужденіе въ правду». Онъ стремился быть не главою только, а и душой управленія, а видѣлъ и чуялъ, что оно идетъ своими путями, ускользая отъ его подлиннаго руководства и наблюденія. Оставалось одно: опираться на преданныхъ, хорошо знакомыхъ надежныхъ людей и давать своею властью, личнымъ вмѣшательствомъ внѣ порядковъ приказнаго строя опору нарушенной правдѣ и государственной пользѣ. Царь Алексѣй беретъ на себя, по отношенію къ боярамъ, природнымъ слугамъ своимъ, роль наставника, воспитателя, и ищетъ въ нихъ сотрудниковъ, на которыхъ можно бы положиться, потому что они съ нимъ связаны искренней духовной связью; не формальной службы требуетъ онъ отъ нихъ, а преданности лич-

ной, сердечной; всего дороже ему «ихъ нелицемѣрная служба и послушаніе и радость къ нему», и онъ «съ милостью не вскорѣ приразится» къ тому, кто ему «не со всѣмъ сердцемъ станетъ работать»; не только личныя посланія, но и офиціальныя грамоты царя къ боярамъ и воеводамъ обильны религіозно-нравственными наставленіями, нарушеніе которыхъ—по убѣжденію царя—источникъ всѣхъ неудачъ въ дѣлахъ и неправеднаго ихъ теченія.

На себя царь Алексѣй часто беретъ разсмотрѣніе и вершенье, наблюденіе и постановку разныхъ дѣлъ, внѣ обычнаго установленнаго порядка, по личному своему усмотрѣнію. Кругъ такихъ дѣлъ, поступавшихъ въ Тайный приказъ, въ личное вѣдѣніе царя и его довѣренныхъ людей, опредѣлялся весьма разнообразными мотивами. Въ ихъ составъ могло войти всякое дѣло, которое стало извѣстно царю тѣмъ или инымъ путемъ и привлекло къ себѣ его живое вниманіе. Во время польской войны и всего малороссійскаго дѣла Тайный приказъ иногда конкурировалъ съ Разрядомъ и приказомъ Посольскимъ въ полученіи «отписокъ» о ходѣ дѣлъ и сообщеніи царскихъ распоряженій и инструкцій; иногда новшества, вводимыя на Руси по иноземному образцу, вѣдались въ Тайномъ приказѣ, пока царь лично слѣдилъ за ихъ развитіемъ; такова была, напр., судьба «гранатныхъ дворовъ», впервые налаживавшихъ изготовленіе гранатъ, или организація почтоваго сообщенія съ Западомъ черезъ Литву и Курляндію; черезъ Тайный приказъ проявлялся царскій починъ въ вызовѣ изъ-за границы мастеровъ-рудознатцевъ и направленіе розысковъ разной руды и залежей цѣнныхъ горныхъ породъ. Въ эпоху исправленія церковныхъ книгъ интересъ царя Алексѣя къ этому дѣлу сказался въ томъ, что въ Тайномъ приказѣ сосредоточенъ былъ значительный запасъ книгъ новой печати для раздачи по монастырямъ и церквамъ и даже отдѣльнымъ лицамъ въ видѣ царскаго пожалованія.

Обширнѣе и цѣльнѣе по характеру своему была дѣятельность Тайнаго приказа, вызванная непрерывнымъ притокомъ челобитій и извѣтовъ, обращенныхъ къ государю. Воззрѣніе на царя, какъ на верховнаго блюстителя правды и справедливости, побуждало многихъ тянуться къ нему со своими обидами и просьбами, призывая его къ вмѣшательству въ свое дѣло, либо безнадежно запутанное «московской волокитой» и произволомъ «сильныхъ» людей, либо попавшее въ положеніе, которое не соотвѣтствовало интересамъ даннаго лица и его понятіямъ о справедливости. Недовѣріе населенія къ приказнымъ учрежденіямъ сильно тормозило утвержденіе производства всѣхъ дѣлъ въ установленномъ порядкѣ съ соблюденіемъ соотвѣтственныхъ инстанцій. Тщетно грозило Уложеніе батогами или тюрьмой всѣмъ, кто нарушитъ правило: «не бивъ челомъ въ приказѣ, ни о какихъ дѣлахъ государю никому челобитенъ не подавати». Направить дѣло мимо приказовъ и ихъ «волокитнаго» порядка было главной задачей челобитчиковъ. Въ Тайномъ

приказѣ дѣла велись «безъ мотчанія», самыя формы письменнаго производства были въ немъ короче и проще, а часто оно замѣнялось устными сношеніями; дѣйствуя царскимъ именемъ, приказъ умѣлъ торопить и другихъ, требуя «отписокъ» и исполненія, «не замотчавъ и часу, безъ московской волокиты». Разсылаемые изъ Тайнаго приказа указы писались обычно «государевымъ именемъ» и имѣли силу царскихъ повелѣній. Кромѣ того, челобитья «выписывались» на докладъ самому царю, который въ рѣшеніяхъ не былъ стѣсненъ буквой закона. Правда, царь Алексѣй обычно основывалъ ихъ на Уложеніи и указныхъ статьяхъ или на бывшихъ «примѣрахъ». Но принципіально формальнаго отношенія къ основанію «вершенія» не предполагалось, разъ въ дѣло вступала царская власть. Передъ нею—по воззрѣніямъ самого царя Алексѣя—никто ни на что правъ и не имѣлъ; ихъ признаніе и осуществленіе — дѣло царской милости и усмотрѣнія. Можно было получить отказъ на справедливое домогательство, если оно принимало видъ обиженной требовательности: «хотя и довелось было дать жалованье,—гласила въ такомъ случаѣ резолюція,—а за то, что билъ челомъ невѣжливо и укоромъ, отказать во всемъ». Можно было, затронувъ чувства царя-вершителя, и милость неуказную снискать внѣ общаго порядка и какого-либо предварительнаго производства. По временамъ частные случаи, вскрытые въ челобитныхъ, указывали на общіе недостатки установленнаго порядка, на неполноту или несправедливость существующихъ узаконеній, и вызывали царя на изданіе указовъ общаго значенія, въ отмѣну, измѣненіе и развитіе прежнихъ. Въ этомъ отношеніи рядомъ съ челобитными дѣйствовали «извѣты», получившіе большое распространеніе въ XVII вѣкѣ. Верховная власть относилась къ нимъ съ большимъ вниманіемъ, какъ только они давали указанія на «поруху» государственнаго интереса, на злоупотребленія должностныхъ лицъ, на провинности противъ государевой чести и безопасности. Извѣты вызывали царя то на указную дѣятельность, то на прямое руководящее вмѣшательство — личное или черезъ довѣренныхъ людей, то на строгій розыскъ. Изъ Тайнаго приказа не только исходили предписанія, но посылались и полномочныя лица, для разслѣдованія, собранія свѣдѣній, выполненія предписанныхъ мѣропріятій. Иныя дѣла брались изъ вѣдѣнія приказныхъ учрежденій въ Тайный приказъ и тѣмъ направлялись въ исключительномъ порядкѣ производства; другія ставились подъ его бдительное наблюденіе. Значительна была розыскная дѣятельность приказа, то въ формѣ прямого назначенія слѣдствія и руководительства имъ, при чемъ дѣло и вершилось по докладу государю, то въ видѣ частичнаго вмѣшательства по дѣламъ, которыя производились въ другихъ учрежденіяхъ. Такъ разнообразная и пестрая работа Тайнаго приказа отражала личные интересы и настроенія царя Алексѣя, служа ему средствомъ надзора, руководства и почина въ дѣлѣ упра-

вленія, суда и законодательства. Перекрещиваясь различными путями съ дѣятельностью общихъ государственныхъ учрежденій, она по существу ничѣмъ ее не нарушала, если не считать теченія отдѣльныхъ вопросовъ и процессовъ. Тайный приказъ стоялъ въ полной мѣрѣ внѣ общаго административнаго строя, какъ органъ личной царской власти.

Въ этой сферѣ царь работалъ съ небольшимъ кругомъ болѣе довѣренныхъ лицъ. А рядомъ, подъ тѣмъ же, но менѣе активнымъ и дѣйствительнымъ царскимъ руководствомъ, развивалась дѣятельность центральныхъ приказовъ по текущимъ приказнымъ дѣламъ, административнымъ, финансовымъ и челобитчиковымъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше вырабатывается самодовлѣющій строй этихъ приказныхъ учрежденій, и выясняется положеніе боярской думы болѣе широкаго, чѣмъ комнатная государева дума, состава, какъ вершины этого строя. Уложеніе опредѣляетъ «бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ сидѣти въ палатѣ и по государеву указу государевы всякія дѣла дѣлати вмѣстѣ» по докладамъ изъ приказовъ, а въ 1669 г. опредѣлены и дни, когда какому приказу «къ бояромъ въ Золотую палату дѣла вносить къ слушанію и вершенію». Притомъ уже во времена царя Алексѣя замѣтна тенденція этой большой думы боярской къ диференціаціи на рядъ спеціальныхъ органовъ верховнаго управленія, своего рода комитетовъ-приказовъ, уполномоченныхъ вѣдать опредѣленныя группы судебныхъ и административныхъ функцій,—тенденція, замѣтно усилившаяся къ концу столѣтія. Этимъ двумъ порядкамъ верховнаго управленія, личному и бюрократическому, предстояло долгое развитіе; сложная борьба ихъ началъ наполняетъ XVIII вѣкъ и всю первую половину XIX, опредѣляя своимъ взаимоотношеніемъ исторію русской государственной администраціи. Въ идеѣ обѣ системы должны были служить одной и той же задачѣ верховной власти: опекѣ надъ народною жизнью и творческому воздѣйствію на нее. Общее состояніе страны и государства ставило много острыхъ вопросовъ, неуклонно толкая государственную власть по пути большого расширенія ея задачъ. Эта черта русской жизни XVII в. привела, въ концѣ-концовъ, послѣ ряда частичныхъ и не смѣлыхъ опытовъ, къ всеобъемлющей преобразовательной дѣятельности Петра Великаго. Но ни личныя свойства его отца, ни культурно-историческій моментъ, котораго царь Алексѣй былъ питомцемъ и выразителемъ, не соотвѣтствовали задачамъ широкой и боевой реформы, хотя острота нуждъ государственныхъ и въ то время уже звала на исканіе новыхъ и творческихъ путей властнаго руководства судьбами страны. Въ ряды искателей новизны въ постановкѣ государственныхъ задачъ и пріемовъ управленія этихъ «предшественниковъ Петра Великаго» нельзя поставить царя Алексѣя. Его міровоззрѣніе завершаетъ идеологію русскаго средневѣковья, согрѣвъ его и ожививъ искренностью сердечнаго убѣжденія и вдум-

чивою личной мыслью. Въ немъ эта идеологія московскаго царства, освобожденная при новой династіи отъ прежней примѣси удѣльно-вотчинныхъ принциповъ, развернулась богато и содержательно, но уже въ ту пору, когда рушились основы вскормившей ее культуры, а русская жизнь бродила, бурно пробиваясь къ иному будущему. Царь Алексѣй боролся съ частичными проявленіями бытового зла, которое всегда выступаетъ особенно рѣзко и грубо въ эпохи общественныхъ кризисовъ, но мечталъ одолѣть его, поставивъ «на мѣрѣ», «прочно и неподвижно» основы сложившихся порядковъ и отношеній. Гарантій живому достоинству этихъ «мѣрности» и «благочинія» онъ искалъ въ преобразованіи не порядка, а людей, призывая своихъ «владущихъ» слугъ «внутрь себя притти», къ «чистотѣ сердечной» и «радостному послушанію». Глубокая религіозность была одной изъ основныхъ чертъ его натуры, и назрѣвшее въ его время стремленіе къ церковной реформѣ нашло у него горячій откликъ и сознательную поддержку. Въ установленіи строгой и чинной обрядности, соединенной съ искреннимъ чувствомъ вѣры и осмысленнымъ пониманіемъ художественныхъ символовъ обряда, въ углубленіи связи религіозно-нравственныхъ идей церковнаго ученія съ житейской практикой,—словомъ, въ идеалахъ современныхъ «ревнителей благочестія» царь Алексѣй нашелъ опору, а частью,— и источникъ тѣхъ воззрѣній, какими осмыслялась для него вся жизнь, и личная и общественная. Съ другой стороны, весь складъ его понятій о достоинствѣ и призваніи царской власти побуждалъ его къ дѣятельному участію въ дѣлахъ церкви и обусловилъ большую сложность отношеній между духовной и свѣтской властями въ годы его правленія.

III.

Дѣла церковныя при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Строители московскаго царства въ XVI в. и книжники ихъ времени опирали то представленіе о православномъ московскомъ царствѣ, которое заняло столь большое мѣсто въ міровоззрѣніи царя Алексѣя, на опредѣленной мысли о значеніи Москвы въ исторіи человѣчества. Москва — третій Римъ, послѣдняя столица христіанской міровой монархіи, послѣднее хранилище истинной вселенской вѣры; она будетъ стоять до страшнаго дня суднаго, ея паденіе возможно только въ связи съ тѣми апокалипсическими бѣдствіями, какія предсказаны на послѣднія времена жизни міра сего. Эта прегордая національная мечта подверглась тяжкому испытанію въ годину Смуты, когда вообще русскимъ людямъ пришлось пережить переломъ многихъ привычныхъ воззрѣній. Смута въ жизни государственной и общественной неизбѣжно со-

провождалась смутой въ мысляхъ и чувствахъ московскихъ людей, выбитыхъ изъ привычнаго уклада политическихъ и бытовыхъ отношеній. Мысль, возбужденная рѣзкими впечатлѣніями переживаемыхъ событій, упорно искала отвѣта на вопросъ объ ихъ причинахъ и, по всему укладу тогдашней духовной жизни, приходила къ выводу о карѣ Божьей, которою Господь наказуетъ грѣшныхъ людей Московскаго государства, исчерпавшихъ своими сквернами Его долготерпѣніе. Покаянное и обличительное настроеніе охватило широкіе общественные круги. Русскіе люди «измалодушествовались», потеряли увѣренность въ устояхъ своего быта и поведенія, видя «разруху» привычнаго строя всей своей общественной жизни. Москва разорена, унижена, попала въ руки врага, предалась ему. Палъ третій Римъ, и жуткая мысль, что настаютъ «времена послѣднія», охватила взбаламученную совѣсть и сбитые съ привычныхъ путей умы. Карающая десница Господня слишкомъ тяжко опустилась на русскихъ людей, чтобы могли они усомниться въ тяжести грѣховой вины своей и не задуматься надъ ея проявленіями въ своемъ общественномъ и частномъ быту. Отсюда два теченія московской мысли XVII вѣка, опредѣлившія рядъ ея исканій въ церковной жизни и въ быту общественномъ.

Когда миновала «великая разруха», пришло время возстановленія не только внѣшняго порядка. Въ общественной жизни московской поднялся рядъ церковныхъ и религіозно-нравственныхъ вопросовъ, сильно волновавшихъ особенно тѣ поколѣнія, которыя выступаютъ на сцену съ 30-хъ годовъ XVII вѣка.

Къ тому времени церковное управленіе было возстановлено, подобно государственному, и въ томъ же духѣ усиленія центральной власти и ея приказныхъ органовъ. «Великій государь», святѣйшій патр. Филаретъ создалъ систему патріаршихъ приказовъ, по образцу свѣтскихъ, сосредоточилъ въ нихъ судъ и расправу надъ всѣмъ духовенствомъ и всѣми церковными людьми, установилъ нелегкую систему тягла приходскаго духовенства, платившаго пошлины и подати съ земель, съ требъ и со всякаго дохода въ патріаршій казенный приказъ. Высоко поднялъ патр. Филаретъ значеніе патріаршаго сана, какъ отецъ государя и его соправитель, управляя властно церковными и земскими дѣлами. Но и въ области церковной жизни, какъ въ государственной внѣшнее возстановленіе организаціи сопровождалось сознаніемъ необходимости пересмотрѣть и уяснить рядъ вопросовъ, въ которыхъ старыя традиціи уже не соотвѣтствовали новымъ условіямъ, старыя отношенія—назрѣвшимъ потребностямъ. Испытанія Смутнаго времени въ значительной мѣрѣ пошатнули старую московскую самонадѣянную исключительность, и передъ русской церковью сталъ, въ связи съ ея внутреннимъ состояніемъ и отчасти съ международными дѣлами, вопросъ объ ея отношеніяхъ къ православнымъ церквамъ Греціи и юго-западной Руси. Постепенно подготовлялось то сближеніе съ ними, которое

въ дни царя Алексѣя окончательно взяло верхъ надъ острымъ недовѣріемъ къ чистотѣ ихъ вѣроисповѣдной и церковной традиціи. Къ такому сближенію приводили разные мотивы. Съ одной стороны, самый идеалъ московскаго царства издавна побуждалъ дорожить ролью покровителей православія на греко-турецкомъ Востокѣ, тѣмъ болѣе, что она переплеталась съ давними культурными отношеніями къ южному славянству; въ офиціальныхъ кругахъ ожило съ новою силой представленіе объ этой «вселенской» роли Москвы, и его усердно поддерживали греки-ходатаи о милостыни царской. Такъ, въ 1649 г. іерусалимскій патріархъ Паисій, пріѣхавъ въ Москву, привѣтствовалъ царя Алексѣя пожеланіемъ, чтобы Богъ сподобилъ его «воспріяти превысочайшій престолъ великаго царя Константина», а патр. Никона «освящати соборную апостольскую церковь Софію»; вторили ему и другіе, поддерживая въ царѣ Алексѣѣ мечту о византійскомъ наслѣдствѣ, которая была такъ родственна его воззрѣніямъ на свое царство, какъ на орудіе Божьяго правленія на землѣ. По отношенію къ южной Руси въ томъ же направленіи дѣйствовали, на ряду съ церковно-религіозными и національными, мотивы политическіе, но въ малороссійскомъ вопросѣ царь Алексѣй особенно рѣзко выдвигалъ вѣроисповѣдную тенденцію противъ тѣхъ изъ своихъ совѣтниковъ, кто удерживалъ отъ борьбы съ Польшей за Украйну.

Живое сознаніе связи Москвы со всѣмъ славянскимъ и православнымъ міромъ питало стремленіе углубить ея церковныя отношенія къ вселенской восточной церкви, столь сильно ослабѣвшія въ XVI в. Но въ жизни русской церкви была и другая сторона, приводившая къ тому же результату. Московское общество вышло изъ Смуты съ сознаніемъ слабости своихъ культурныхъ силъ, и это сознаніе только утверждалось по мѣрѣ роста затрудненій въ работѣ надъ очередными задачами государственной и общественной жизни. Какъ въ другихъ ея областяхъ, такъ и въ церковныхъ дѣлахъ все яснѣе выступаетъ недостаточность старыхъ источниковъ и пріемовъ просвѣщенія, отсутствіе подготовленныхъ людей для важнаго и нужнаго дѣла. Московская Русь потянулась за знаніями, свѣдѣніями и матеріалами болѣе развитой книжной премудрости туда, гдѣ они были, въ Кіевъ и къ грекамъ. Но многое тутъ смущало, и не безъ основанія. Ближе были, по языку и народности, кіевляне. Но ихъ образованность почерпнута отъ католическаго Запада, пропитана не только его пріемами мысли, но и элементами латинскихъ воззрѣній. Приливъ церковной письменности изъ юго-западной Руси встрѣтили въ Москвѣ съ большимъ недовѣріемъ, подвергали ея произведенія бдительной цензурѣ и находили тамъ то и дѣло «латинскія мудрованія» въ темахъ богословскихъ. У грековъ собственное просвѣщеніе было въ упадкѣ, жило старыми соками и все больше воспринимало тѣ же западныя вліянія; самыя книги церковныя печатались для грековъ на Западѣ, преимущественно въ венеціан-

скихъ типографіяхъ, и не были свободны отъ погрѣшностей, вольныхъ и невольныхъ. Наконецъ моральный уровень грековъ, приходившихъ въ Москву просить о матеріальной поддержкѣ и старавшихся угождать милостивцамъ лестью и интригами, былъ не таковъ, чтобы поднять ихъ авторитетъ. Трудно было москвичамъ разбираться въ этихъ смущающихъ впечатлѣніяхъ и, отдѣливъ ихъ отъ существа большого дѣла, использовать новыя средства церковнаго просвѣщенія, притомъ въ духѣ единенія въ немъ всего православнаго Востока. Однако неотложная нужда двинула эти исканія въ опредѣленномъ направленіи. Еще при патр. Филаретѣ имъ служилъ съ рѣдкой вдумчивостью и теплымъ убѣжденіемъ кружокъ церковныхъ дѣятелей, почитателей памяти Максима Грека, группировавшійся около троицкаго архимандрита Діонисія. Противъ гонителей своего дѣла они нашли поддержку въ іерусалимскомъ патріархѣ Ѳеофанѣ, который пріѣзжалъ въ Москву въ 1619 году и посвятилъ Филарета въ патріархи всея Руси. Ѳеофанъ обратилъ вниманіе русскихъ іерарховъ на отличія московскаго и греческаго церковныхъ обрядовъ, добился частичнаго ихъ согласованія въ нѣкоторыхъ деталяхъ, а, главное, поучалъ о необходимости «православныя греческія книги писать и глаголать и философство греческихъ книгъ вѣдать»: несмотря на всю важность греческой богословской школы для православія, «до сего Ѳеофана патріарха во всей Россіи рѣдкіе по-гречески глаголаху». Повидимому, отъ Ѳеофана идетъ и воззрѣніе, что только путемъ исправленія русскихъ книгъ и обрядовъ по тѣмъ, которые приняты въ современномъ греческомъ церковномъ обиходѣ, достигнетъ русская церковь возможности «единомудрствовати, о еже держатися старыхъ законовъ греческаго православія и древнихъ уставовъ четырехъ патріаршествъ не отлучатися». Во всякомъ случаѣ воззрѣніе это стало постепенно крѣпкой традиціей на іерархическихъ верхахъ московской церкви и въ царскомъ дворцѣ, хотя по существу страдало большой односторонностью: многія изъ обрядовыхъ отличій московскихъ отъ греческаго образца имѣли основаніе въ греческой уставной старинѣ, измѣнившейся съ теченіемъ времени. Оно возобладало въ силу идейной цѣнности единства, а для царя Алексѣя имѣла не малое значеніе сама эстетика выработанной и богатой обрядности греческой церкви и византійскаго царскаго обихода. Не даромъ выражалъ онъ просьбу, чтобы патр. антіохійскій Макарій молился о немъ Богу, дабы ему уразумѣть эллинскій языкъ, и выписывалъ съ Аѳона Чиновникъ византійскихъ царей — «всему ихъ царскому чину». Но греки, сами по себѣ, мало могли послужить работой на русскую церковь, по незнанію славянскаго языка. Въ патріаршество Іосифа обратились поэтому къ южно-русскимъ монахамъ, «которые эллинскому языку навычны и съ эллинскаго языка на словенскую рѣчь перевести умѣютъ и латинскую рѣчь достаточно знаютъ». Въ 1649—1650 годахъ по царскому призыву прибыли Арсеній Сатановскій, Епи-

фаній Славенецкій, Дамаскинъ Птицкій и, принявшись за дѣло книжняго исправленія, поставили его по-новому и притомъ на такихъ началахъ, которыя вскорѣ вызвали немало споровъ и раздоровъ: они стали руководствоваться въ исправленіи текстовъ не столько старыми славянскими рукописями, а болѣе современными печатными изданіями, греческими и южно-русскими. Съ нихъ началось сильное вліяніе выходцевъ изъ Малороссіи на московскую церковную жизнь, непопулярное среди великорусскаго духовенства и общества, тѣмъ болѣе, что ученость кіевская, за рѣдкими исключеніями, носила печать замѣтной односторонности. «Наши кіевляне,— жаловался самъ Епифаній,—учились и учатся только по-латыни и чтутъ книги только латинскія и оттуда мудрствуютъ, а гречески не учились и книгъ греческихъ не чтутъ и того ради истины не вѣдаютъ». Съ усиленіемъ значенія малорусской образованности въ московскую культуру проникала струя латинскаго просвѣщенія. Типичнымъ ея представителемъ былъ, напримѣръ, наставникъ царскихъ дѣтей, вліятельный Симеонъ Полоцкій, который почти не зналъ греческаго языка, а книгу его, знаменитый «Жезлъ правленія», составленную по порученію собора 1667 года въ обличеніе раскольниковъ, пришлось очищать отъ «латинскаго мудрованія»; ученикъ же его, Сильвестръ Медвѣдевъ, поднялъ нѣсколько позднѣе цѣлую смуту, защищая католическое толкованіе ученія о времени пресуществленія св. даровъ. Такова была постановка отношеній, когда Никонъ вступилъ на патріаршій престолъ.

Но къ тому же времени вполнѣ опредѣлилось и другое теченіе московской церковной жизни, также выросшее изъ потребности ея коренного обновленія. Подобно тому, какъ въ дѣлѣ государственнаго строительства починъ выясненія различныхъ нуждъ и указанія средствъ ихъ удовлетворенія исходилъ, на первыхъ порахъ, преимущественно отъ заинтересованныхъ общественныхъ групъ, такъ и задача упорядоченія современнаго церковнаго быта и общественной нравственности была поставлена «ревнителями» изъ среды бѣлаго духовенства и свѣтскихъ людей. Проявленія этихъ настроеній шли изъ разныхъ мѣстъ, но сильнѣйшій центръ нашли въ Нижнемъ-Новгородѣ, откуда вышелъ рядъ дѣятелей церковной жизни XVII в. Въ 1636 году девять нижегородскихъ приходскихъ священниковъ подали патріарху Іосифу челобитную «о мятежи церковномъ и о лжи христіанства», обличая лѣность и нерадѣніе поповское, неуставный порядокъ богослуженія, пѣніе «поскору» и «голосовъ въ пять и въ шесть и болѣе», безчинство среди молящихся, распущенность въ народѣ, преданномъ пьянству и языческимъ забавамъ, какъ скоморохи и медвѣдчики, «бѣсовскія» игрища и кулачные бои; челобитчики требовали патріаршаго указа о «церковномъ исправленіи» и «безсудствѣ христіанства», чтобы «въ скудности вѣры до кон-

ца не погибнути». Ихъ голосъ былъ услышанъ, патріархъ внесъ требуемыя постановленія въ свои указныя памяти; дѣло, поднятое ревнителями, встрѣтило поддержку вліятельныхъ круговъ, благодаря энергіи и связямъ одного изъ челобитчиковъ Іоанна Неронова. Въ молодости близкій къ архим. Діонисію, Нероновъ былъ извѣстенъ и патріаршему двору и царскому «верху». Не разъ бывалъ онъ въ столицѣ и добивался тамъ «повелѣній царевыхъ и святѣйшаго патріарха на безчинствующихъ и соблазны творящихъ въ народѣ, да упразднится всякое небогоугодное дѣло». Но не патріархъ Іосифъ былъ главнымъ его покровителемъ и союзникомъ, а царскій духовникъ, прот. Стефанъ Вонифатьевъ, а съ нимъ и самъ царь Алексѣй Михайловичъ. Въ 1649 г. Нероновъ назначенъ протопопомъ въ московскій Казанскій соборъ и примкнулъ въ кружку лицъ, тѣсно связанныхъ черезъ Вонифатьева съ царскимъ дворцомъ, — радѣтелей о возрожденіи силы слова Божія въ церкви и въ жизни. Этотъ кружокъ сложился постепенно, съ тѣхъ поръ, какъ Стефанъ сталъ — въ первый же годъ новаго царствованія — духовнымъ отцомъ государя. Тутъ видимъ боярина Ѳ. М. Ртищева, крупнаго благотворителя и покровителя обновленному церковному просвѣщенію, неукротимаго въ ревности о Богѣ и правдѣ Божьей Аввакума, властнаго, энергичнаго Никона, съ 1646 г. архимандрита Новоспасскаго монастыря. Близостью къ царю и вліяніемъ на него они пользуются, чтобы, сплотившись, выдвигать на протопопскія мѣста и въ Москвѣ и въ провинціи людей, способныхъ послужить завѣтному дѣлу перевоспитанія духовенства и его паствы — таковы Аввакумъ — въ Юрьевѣ-Повольскомъ, Логгинъ — въ Муромѣ, Лазарь — въ Борисоглѣбскѣ, Даніилъ — въ Костромѣ. Основная цѣль ихъ—подчинить русскую жизнь строгимъ религіозно-нравственнымъ требованіямъ путемъ царскихъ указовъ, проповѣди и реформы богослуженія. Подъ ихъ вліяніемъ развилось законодательство царя Алексѣя противъ народныхъ празднествъ, игрищъ и скоморошества, какъ остатковъ языческой старины, опасныхъ для нравственности и религіи. Подъ вліяніемъ Вонифатьева въ царскомъ дворцѣ водворялся духъ суровой, пуританской чинности. Въ дни брачнаго торжества молодого государя о. Стефанъ «моленіемъ и запрещеніемъ устрои не быти смѣху никаковому, ниже кощунамъ, ни бѣсовскимъ играніямъ, ни пѣснямъ студнимъ, ни сопѣльному, ни трубному козлогласованію»; свадьба царская совершилась въ тишинѣ и пѣніи пѣсенъ духовныхъ. Патріархъ Никонъ продолжалъ позднѣе традицію Стефана, когда приказывалъ отбирать и истреблять по боярскимъ домамъ народные музыкальные инструменты. Изгнавъ суетное веселье изъ дворца, ревнители тотъ же духъ сосредоточенной и строгой религіозности пытались внести вообще въ московскую общественную жизнь. Ихъ борьба со скоморошествомъ и иными «студными» обычаями запечатлѣна большимъ рве-

ніемъ, доходившимъ до кулачной расправы, надругательствъ и гоненія. На ряду съ этимъ, тотъ же кругъ священниковъ и иноковъ выступилъ съ насажденіемъ учительнаго слова. Стефанъ Вонифатьевъ неустанно наставлялъ царя и его бояръ блюсти правду въ дѣлахъ правленія и судъ имѣть правый, для всѣхъ равный, «да не внидетъ отъ обиденныхъ и разоренныхъ вопль и плачъ въ уши Господа». Проповѣди Неронова собирали огромную толпу, какой не могла вмѣстить Казанская церковь; самъ царь съ семьей ѣздилъ почасту слушать его. И другіе «ревнители» поучали и обличали въ церкви и внѣ ея, въ домахъ боярскихъ, на площади. Но мало было умѣлыхъ въ дѣлѣ проповѣди; и тутъ пытались найти помощь у грековъ. У нихъ былъ навыкъ «поучать изоустъ въ слухъ всѣмъ людямъ», а московскіе ревнители больше держались поучительнаго чтенія—житій святыхъ, святоотеческихъ словъ и посланій. Въ 1651 г. проповѣдничество въ Богоявленскомъ монастырѣ было поручено митр. назаретскому Гавріилу, владѣвшему русскою рѣчью; онъ, видно, зналъ и жизнь русскую, такъ какъ сумѣлъ внести въ свои проповѣди рядъ обличеній ея пороковъ.

Средствомъ живого и разумнаго наученія молящихся стремились «ревнители» сдѣлать и богослуженіе, искаженное обычаемъ «многогласія» и «пѣнія поскору». Стефанъ и Ѳ. М. Ртищевъ первые ввели единогласное и согласное пѣніе въ домовыхъ церквахъ, затѣмъ — по волѣ царя — оно установлено въ Казанскомъ соборѣ при назначеніи туда Неронова. Весь кругъ единомышленныхъ съ ними священниковъ горячо взялся за распространеніе этой реформы. Но остальное духовенство и міряне въ большинствѣ отнеслись къ ней враждебно; дѣло осложнялось тѣмъ, что на Руси богослужебный уставъ былъ принятъ изъ самыхъ строгихъ монастырей греческихъ и требовалъ очень много времени на выполненіе всѣхъ службъ; на практикѣ предпочли «многогласное» служеніе разумному сокращенію службы. И церковный соборъ, созванный въ февралѣ 1649 г. для введенія единогласія по всѣмъ церквамъ, отвергъ его, но царь не утвердилъ такого «уложенья и приговору», побудилъ патріарха Іосифа снестись съ греческой церковью, и въ 1651 г. новый соборъ постановилъ, согласно съ отзывомъ, полученнымъ изъ Константинополя, отмѣнить многогласныя служенія. Съ этимъ связана была и реформа церковнаго пѣнія по старымъ нотнымъ книгамъ, которое дѣлало тексты невразумительными, такъ какъ сохраняло произношеніе глухихъ гласныхъ, такъ что, напримѣръ, написаніе «людьми» — читалось «людеми», «сънѣдаяй» — «сонѣдаяй» и т. п. Всѣ эти мѣропріятія возникали помимо патріарха и вызвали сильно натянутыя отношенія между нимъ и Вонифатьевскимъ кружкомъ, который черезъ царя проводилъ тѣ назначенія на церковныя должности и тѣ общія установленія, какія находилъ нужными. Въ послѣдній годъ патр. Іосифъ чувствовалъ

себя вовсе отстраненнымъ отъ управленія церковью и говаривалъ: «перемѣнить меня, скинуть хотятъ». Конечно, благочестивому царю и его близкимъ было «и помыслить страшно на такое дѣло». Только кончина Іосифа въ 1652 году отдала патріаршій престолъ въ ихъ руки. Казалось, что отнынѣ вся сила іерархіи церковной должна вступить на путь «ревнителей». Есть извѣстіе, что они подавали царю Алексѣю челобитную «о духовникѣ Стефанѣ, что ему быть въ патріархахъ», но Стефанъ уклонился и вскорѣ ушелъ въ монастырское уединеніе. Тогда на патріаршество былъ призванъ царемъ Никонъ, съ 1648 г. занимавшій митрополичью каѳедру въ Новгородѣ Великомъ.

Особенностью вступленія Никона на престолъ патріаршій было условіе, поставленное имъ царю, іерархамъ и боярамъ: «послушати его во всемъ, яко начальника и пастыря и отца крайнѣйшаго, елико онъ возвѣщать будетъ о догматахъ Божіихъ и о правилахъ»,—и всѣ во главѣ съ царемъ Алексѣемъ дали ему обѣщаніе «сохранити непреложно» такое повиновеніе. Никонъ ни по натурѣ, ни по воззрѣніямъ не могъ сжиться съ такой ролью патріарха, какая выпала на долю Іосифа. Онъ принялъ высокій санъ, получивъ гарантію, что за нимъ будетъ признана полнота власти въ правленіи церковномъ, что царь возложитъ на него всю заботу о церковныхъ дѣлахъ, склоняясь передъ авторитетомъ святѣйшаго патріарха. Царь Алексѣй принялъ условіе, быть-можетъ, вовсе безъ колебаній. Раздвоеніе церковныхъ отношеній между патріаршимъ дворомъ и придворнымъ духовенствомъ не могло не тяготить его мягкую натуру тою боевой ролью, какую подчасъ ему навязывало. Никона онъ привыкъ чтить и слушать въ теченіе ряда лѣтъ, а твердый и властный характеръ новаго патріарха покорилъ на время царя, которому всегда не хватало этихъ качествъ. Но тѣмъ укладъ ихъ отношеній не ограничился. Царь отстранился отъ вмѣшательства въ дѣла церкви, такъ что Никонъ съ епархіальными владыками поставляли архимандритовъ и протопоповъ «самовольствомъ, кто имъ годенъ, безъ указу великаго государя», и всѣ новшества Никона шли мимо его участія, и поддался во многомъ вліянію Никона, призналъ за нимъ титулъ «великаго государя», совѣщался съ нимъ о дѣлахъ правленія, предоставлялъ патріарху значеніе своего замѣстителя во время частыхъ и продолжительныхъ отлучекъ на театръ военныхъ дѣйствій противъ Польши. Властительный не менѣе Филарета, Никонъ долженъ былъ повліять на рѣшительный переходъ отъ усложнившихся отношеній съ земскими соборами къ приказной автократіи, но крупной личной роли въ направленіи государственныхъ дѣлъ сыграть не могъ, такъ какъ не былъ въ нихъ свѣдущъ, да и засталъ сложившуюся политическую жизнь, со многими особенностями которой, какъ Монастырскій приказъ и другія новины Уложенія, долженъ былъ скрѣпя сердце мириться. Но за всѣмъ тѣмъ

положеніе Никона до его разрыва съ царемъ было близко къ положенію главы церкви, царю неподвластнаго, а поставленнаго рядомъ съ нимъ въ руководствѣ судьбами московскаго государства. Въ правленіи церковномъ Никонъ поставилъ себя носителемъ полной, независимой и единоличной, власти. Торжественная обстановка его патріаршаго обихода, его двора и «выходовъ» ни въ чемъ не уступала царской, уподобляясь тому, «какъ бываетъ чинъ передъ великимъ государемъ»; главу его украшала митра необычной формы, подобная царскому вѣнцу, подъ ноги ему стлали коверъ съ вышитымъ двуглавымъ орломъ. Вся эта пышность отвѣчала воззрѣнію Никона, что «священство и самаго царства честнѣйшее и большее есть начальство». Торжественно запечатлѣлъ онъ величіе священнаго сана, побудивъ царя Алексѣя, по перенесеніи мощей митр. Филиппа изъ Соловецкаго монастыря въ Москву, преклонить «честь своего царства», «санъ свой царскій» передъ ними за тяжкую вину царя Іоанна. И предисловіе къ служебнику 1655 года призывало народъ благодарить Бога, избравшаго въ начальство людей своихъ: «двухъ таковыхъ великихъ государей», какъ царь Алексѣй и патріархъ Никонъ, и славить Его «подъ единымъ ихъ государскимъ повелѣніемъ». Въ такомъ же настроеніи велъ Никонъ, «Божіей милостью великій господинъ и государь», какъ онъ титуловалъ себя въ нѣкоторыхъ грамотахъ, и управленіе церковное, будучи тяжкимъ властителемъ для всего духовенства. Архіереевъ онъ признавалъ не сослужителями своими, а лишь исполнителями своихъ велѣній, требуя съ нихъ, при поставленіи, обѣщанія, «аще что сотворятъ безъ патріаршаго вѣдома, да будутъ лишены, безъ всякаго слова, священнаго сана»; какъ «отецъ отцовъ» и «крайній святитель», патріархъ, по взгляду Никона, «образъ Христовъ носитъ на себѣ», а епископы подобны его апостоламъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ церковная политика Никона возвышала власть епископовъ, ставя ихъ независимо отъ свѣтской власти и признавая пастырскія полномочія только за ними, отнюдь не за священниками. И, быть-можетъ, никогда не было такъ тяжко рядовому священству и монашеству подъ управленіемъ патріаршихъ приказовъ, какъ при патріархѣ Никонѣ.

Такая постановка патріаршей власти не замедлила отразиться на ходѣ церковной реформы. Никонъ не пошелъ объ руку съ прежними друзьями и требовалъ отъ нихъ не совѣта и сотрудчества, а покорности. Царь отстранился отъ вмѣшательства въ дѣла церковныя. Дѣло «ревнителей» заглохло въ тотъ моментъ, когда они могли мечтать о торжествѣ. Никонъ не пошелъ ихъ путемъ. Его энергія сосредоточилась на усиленіи іерархической власти и на исправленіи церковныхъ книгъ и обрядовъ. Порыву къ работѣ надъ обновленіемъ религіозно-нравственнаго быта проповѣдью и личной боевой дѣятельностью «ревнителей» не стало

больше опоры у царскаго и церковнаго авторитетовъ. Личная обида, а еще болѣе различіе по духу и цѣлямъ сдѣлало прежнихъ союзниковъ непримиримыми врагами. Сурово обличалъ Нероновъ Никона, что «отъ него всѣмъ страхъ и его посланники паче царевыхъ всѣмъ страшны», и убѣждалъ «смиреніемъ Христовымъ, а не гордостью и мученіемъ санъ держати». Дѣло исправленія церковнаго, по мнѣнію Неронова и его друзей, не должно быть въ единоличной власти патріарха. Но и тѣ соборы, какіе созывались Никономъ для обсужденія и утвержденія исправленій, ихъ не удовлетворяли: истинный соборъ, по убѣжденію Неронова, долженъ состоять не изъ однихъ архіереевъ, къ нему надлежитъ призвать и бѣлое священство и представителей паствы — мірянъ. Разладъ шелъ и дальше, захватывая самые пріемы исправленій. «Ревнители», ставъ противниками Никона, не отрицали надобности поправокъ, но настаивали, что въ основу надо положить древнія славянскія книги. Для патріарха и для царя Алексѣя это было непріемлемо, ибо такой пріемъ убилъ бы основную задачу реформы—согласованіе московскаго церковнаго обихода съ современнымъ греческимъ; этой цѣли не удовлетворила бы и работа съ помощью древнихъ греческихъ рукописей, такъ какъ и въ нихъ было многое, что съ теченіемъ времени отпало и измѣнилось. Принципіально реформа признавалась возстановленіемъ старины; Арсеній Сухановъ дважды ѣздилъ на Востокъ и вывезъ богатое собраніе древнихъ греческихъ богослужебныхъ книгъ. Но онъ же привезъ точныя свѣдѣнія о различіяхъ между русскимъ и греческимъ обрядомъ и даже объ осужденіи на Аѳонѣ нашихъ книгъ за ихъ ошибки и отступленія отъ принятаго у грековъ. Ученые справщики изъ малороссовъ работали преимущественно не по стариннымъ рукописнымъ книгамъ, русскимъ или греческимъ, а по новымъ венеціанскимъ изданіямъ, какими пользовалась греческая церковь. Такъ сложилась почва отношеній и фактовъ, на которой выросъ тяжелый разладъ, а затѣмъ и церковный расколъ. Противники Никона рѣзко осуждали его дѣятельность и какъ патріарха-управителя и какъ исправителя книгъ и обрядовъ. Гнѣвно встрѣчалъ онъ критику, видя въ ней прежде всего непокорность людей изъ рядового по сану духовенства своей высокой власти, и громилъ ихъ ссылками и заточеніями. Царь вѣрилъ патріарху, былъ подавленъ его сильной волей, хотя скорбѣлъ о прежнихъ близкихъ и почитаемыхъ людяхъ, съ которыми было сердце всего дворца, царицы Марьи и ея близкихъ. Но по существу царь могъ быть только съ Никономъ, а не съ ними. Ихъ вражда къ грекамъ и малороссамъ, ихъ стремленіе сохранить національную церковную старину противорѣчили основнымъ настроеніямъ царя Алексѣя, увлеченнаго идеаломъ вселеннаго православнаго Востока съ московскимъ царемъ во главѣ.

Пока всѣ спорные вопросы не сходили съ почвы разлада между патріархомъ и группой священниковъ, они могли казаться частичной, хотя и острой смутой, лишенной обще-церковнаго значенія. Спорныя исправленія и распорядки воспринимались противниками Никона, какъ его личное дѣло, которое съ нимъ и погибнетъ. Они считали возможнымъ апеллировать на патріарха царю, подавая ему челобитныя, полныя жалобъ и обличеній. Они чувствовали себя въ лонѣ вселенской церкви, а въ раздорѣ только съ временнымъ управителемъ русской церкви, которой сами были духовными членами. Однако весь разладъ пріобрѣлъ иной и болѣе принципіальный характеръ, какъ только дѣло церковныхъ преобразованій отдѣлилось отъ личности Никона. Толчокъ къ тому подалъ разрывъ согласія между царемъ и патріархомъ. Все поведеніе Никона выражало то представленіе о преимуществѣ духовной власти передъ свѣтской, которое являлось отрицаніемъ не только исконной зависимости русской церкви отъ московскихъ государей, но и дорогого царю Алексѣю ученія о святости царскаго сана. Царь могъ еще допустить самостоятельность дѣйствій патріарха и его вліяніе на дѣла государства, какъ слѣдствіе личнаго довѣрія своего къ Никону. Но Никонъ не довольствовался ролью своего рода временщика и подчеркивалъ, что свою опору видитъ не въ милости царской, а въ правахъ своего сана. Какъ во внутреннемъ строѣ церковныхъ отношеній, такъ и въ отношеніяхъ церкви къ государству Никонъ шелъ путями не обычными. Его манилъ образъ патріарха, неограниченнаго властителя церкви, независимаго ни отъ какой земной силы, намѣстника Христова, и онъ узналъ его въ римскомъ первосвященникѣ: Никонъ внесъ въ изданіе «Кормчей книги» переводъ знаменитой «Donatio Constantini», грамоты, обосновывавшей папскія притязанія на свѣтскую власть легендой объ уступкѣ имп. Константиномъ Великимъ папѣ Римскому правъ на Западную имперію. Къ идейному спору эти тенденціи привели только послѣ паденія Никона, но пропитанная ими практика всѣхъ отношеній обусловила рѣзкій разрывъ царя съ патріархомъ.

Своею безудержною «властительностью» Никонъ скопилъ много раздраженія въ духовенствѣ и боярахъ. Тяготила она и царя Алексѣя, которому близкіе люди настойчиво указывали, какъ патріаршее самовластіе унижаетъ санъ царскій. Личное охлажденіе между царемъ и Никономъ дало послѣднему почувствовать, что почва подъ ногами заколебалась, и онъ рѣшилъ уходомъ съ патріаршества поразить царя и заставить его смириться. Но царь Алексѣй предоставилъ ему удалиться въ Воскресенскій монастырь и испросилъ черезъ бояръ его благословенія на передачу блюденія патріаршихъ дѣлъ крутицкому митрополиту Питириму. Такъ настало въ 1658 г. положеніе, трудное и для церкви русской

и для царя Алексѣя. Никонъ недолго мирился съ потерей власти, а развернулъ рядъ притязаній и совершилъ крайне рѣзкіе политическіе выпады противъ свѣтской власти и повинующагося ей духовенства. Онъ держался того взгляда, что и отстранившись отъ фактическаго правленія, не теряетъ патріаршаго сана, осуждалъ дѣйствія своего замѣстителя, настаивалъ, что, кромѣ него, некому поставить новаго патріарха. На соборѣ, который былъ созванъ царемъ въ 1660 г. для обсужденія создавшагося положенія, раздались голоса противъ признанія Никона низложеннымъ или суда надъ нимъ: его можно только «молить сыновнимъ повиновеніемъ, да исправится во нравѣ своемъ». Правда, соборъ пришелъ къ выводу, что Никонъ достоинъ лишенія не только патріаршества и архіерейства, но и священства, но это рѣшеніе было оспорено по существу Епифаніемъ Славенецкимъ и Игнатіемъ Іевлевичемъ, а послѣдній указывалъ, что безъ участія вселенскихъ патріарховъ дѣло Никона вообще неразрѣшимо. Оно и затянулось на нѣсколько лѣтъ — до 1667 г., въ теченіе которыхъ руководство дѣлами церкви фактически сосредоточилось въ рукахъ царя. На это царское господство въ церкви обрушилась негодующая и не знавшая мѣры полемика Никона. Видя, какъ «царское величество расширился надъ церковію», Никонъ рѣшался утверждать, что всѣ духовныя лица, назначенныя по царскому велѣнію, «не избрани отъ Бога и недостойны», а всѣ ихъ церковныя дѣйствія недѣйствительны, такъ что «такова ради беззаконія все упразднилося святительство, и священство, и христіанство», и, видно, пришло уже время, когда антихристъ «повелитъ себѣ кланятися не чувственно, якоже нынѣ архіереи... кланяются царемъ», такъ что, заключалъ раздраженный Никонъ, «отъ сего разумѣемъ, яко послѣдній часъ есть». Мало того, онъ пытался призывать духовенство къ активному сопротивленію свѣтской власти, далъ волю своему раздраженію противъ Уложенія, требуя, чтобы духовенство не подчинялось его узаконеніямъ и суду Монастырскаго приказа. Но Никонъ былъ одинокъ и безсиленъ. Былъ моментъ въ 1664 г., когда онъ рѣшился на попытку вернуться патріархомъ въ Успенскій соборъ, но царь его не принялъ. Пришлось уѣхать, согласиться на формальное отреченіе отъ патріаршаго престола. Никонъ еще ставилъ условія — сохраненіе титула, управленія и доходовъ нѣсколькихъ монастырей и т. п., но было уже поздно: передача его дѣла на судъ собора при участіи восточныхъ патріарховъ была рѣшена окончательно.

Въ такихъ условіяхъ выяснялась въ то же время судьба церковныхъ преобразованій. Царь Алексѣй взялъ этотъ вопросъ въ свои руки. Казалось, что съ устраненіемъ Никона падетъ главное препятствіе къ установленію мира въ русской церкви. Вѣдь Никонъ, не безъ настояній царя Алексѣя, примирился съ Нероновымъ, тогда уже инокомъ Григоріемъ, на компромиссѣ

взаимнаго признанія старыхъ и новыхъ книгъ равноцѣнными. Церковныя новшества входили въ жизнь, царь самъ распространялъ новыя книги черезъ Тайный приказъ, буря разногласій какъ бы затихла. Въ 1664 г. призванъ въ Москву Аввакумъ, принятъ ласково и съ почетомъ. Однако разногласія оказались слишкомъ коренными, чтобы уладить ихъ личными переговорами и уступчивостью. Нероновъ настаивалъ на избраніи новаго патріарха соборомъ русской церкви, человѣка кроткаго, «со всѣми христолюбцы единомудреннаго»; всѣ его единомышленники отрицали греческое и малорусское вліяніе въ церковныхъ дѣлахъ, стояли за московскую старину противъ Никоновыхъ исправленій, а всѣ частныя спорныя темы сливались въ общемъ осужденіи того новаго духа, которымъ проникались чѣмъ дальше, тѣмъ больше, офиціальная государственная и церковная жизнь, а равно и бытъ общественныхъ верховъ. Аввакумъ въ челобитной царю противъ церковныхъ новшествъ уже произнесъ слово «никоніане», отдѣляя свою «истинную вѣру» отъ ихъ воззрѣній, а въ массѣ народной ощущеніе перелома въ традиціяхъ московскаго быта уже отливалось въ страхъ близкаго или наставшаго прихода антихриста, въ тревогу ожиданія «послѣдняго времени». Въ оппозиціи противъ «никоніанства» звучали ноты отрицанія власти и авторитета іерархіи, осужденіе царской церковной политики обобщалось въ охужденіе ея полномочій по управленію церковью, приводило къ суровому отверженію новыхъ культурныхъ отношеній и навыковъ. Тутъ спорили два міра, разно строившіе понятія о должномъ и желательномъ въ государственномъ, общественномъ и церковномъ быту, и примиреніе ихъ было внѣ исторической возможности.

V.

Разрѣшеніе церковнаго кризиса выпало на долю собора, созваннаго царемъ Алексѣемъ въ 1666 г., на которомъ руководящую роль играли греки — два патріарха, александрійскій Паисій и антіохійскій Макарій, газскій архіепископъ Паисій Лигаридъ и архимандритъ Аѳонскаго Иверскаго монастыря Діонисій. Присутствіе восточныхъ патріарховъ должно было придать собору особую авторитетность, и московское правительство было крайне обезпокоено тѣмъ, что оба они оказались бывшими патріархами, каѳедры которыхъ были уже замѣщены иными лицами, а Лигаридъ находился подъ запрещеніемъ отъ патріарха іерусалимскаго. Послѣ собора правительство хлопотало о возвращеніи патріархамъ ихъ престоловъ и достигло цѣли; достигло оно и того, что постановленія московскаго собора не встрѣтили возраженій, и греческая церковь признала ихъ имѣющими закон-

цую силу; исхлопотать снятіе запрещенія съ Лигарида не удалось, но это имѣло уже мало значенія. Передъ соборомъ поставлены были двѣ задачи: рѣшить дѣло о Никонѣ и о борьбѣ части духовенства противъ его исправленія книгъ и обрядовъ. Дѣло Никона приняло форму суда восточныхъ патріарховъ надъ московскимъ по челобитью царя и русскихъ епископовъ о его винахъ и кончилось осужденіемъ его. Признанный виновнымъ за оскорбленіе государя, за самовольное оставленіе патріаршества и церковную смуту, за жестокое и неправедное управленіе, безчестіе патріарховъ на соборѣ, Никонъ приговоренъ былъ къ лишенію архіерейства и священства. Въ связи съ этимъ дѣломъ обсуждались на соборѣ два вопроса огромной принципіальной важности: о взаимоотношеніи властей, свѣтской и духовной, и о власти патріарха въ церковномъ правленіи. Патріархи строго осуждали тѣхъ, кто «никонствуютъ и папежствуютъ, кто покушается уничтожить царство и поднять на высоту священство», и защищали мнѣніе, что патріархъ долженъ быть «послушливъ царю, яко поставленному на высочайшемъ достоинствѣ и отмстителю Божію» и «полагать себя подъ судъ царскій». Но русскіе епископы довольно единодушно отстаивали независимость церкви и добились такой формулы соборнаго сужденія: «да будетъ признано заключеніе, что царь имѣетъ преимущество въ дѣлахъ гражданскихъ, а патріархъ въ церковныхъ, дабы такимъ образомъ сохранилась цѣлою и непоколебимою вовѣкъ стройность церковнаго учрежденія». Эта формула не вошла въ офиціальныя соборныя дѣянія и, стало - быть, не была формально признана царемъ, но архіереи, стоявшіе на ней, добились уничтоженія Монастырскаго приказа и подчиненія своей власти епархіальныхъ чиновниковъ. Съ другой стороны, тотъ же соборъ содѣйствовалъ ослабленію единоличной власти патріарха; греческіе іерархи настаивали, чтобы епископскіе соборы съѣзжались ежегодно, но это оказалось неисполнимымъ для московскаго государства и коллегіальность верховнаго управленія церкви была обезпечена установленіемъ очередного присутствія нѣкоторыхъ архіереевъ въ Москвѣ, для составленія, вмѣстѣ съ «прилучившимися» по дѣламъ въ столицѣ, такъ называемаго патріаршаго собора. Реальнымъ результатомъ соборныхъ дѣяній 1666—1667 г.г. оказалось, дѣйствительно, ослабленіе патріаршей власти, подготовившее ея отмѣну при сынѣ царя Алексѣя. Но попытка разграничить области государственнаго и церковнаго правленія осталась безплодной, тѣмъ болѣе, что на долю царской власти выпало опредѣлять послѣдствія разразившагося въ церкви раскола.

Споръ о старинѣ и новшествахъ въ церковномъ обиходѣ получилъ на этомъ соборѣ неожиданно рѣзкую постановку. Греки получили его на обсужденіе въ томъ видѣ, какой онъ принялъ на русскомъ соборѣ 1666 г. Тамъ одобрены были всѣ исправленія, а противниковъ «никоніанства» увѣщавали примириться съ

ними, при чемъ только четверо—Аввакумъ, Лазарь и два Ѳедора, дьяконъ и поддьякъ — упорно стояли на еретичествѣ принятыхъ церковью новинъ и подверглись за это «конечному соборному осужденію»; но общій вопросъ о взаимоотношеніи старины и новизны не былъ поставленъ ребромъ, такъ какъ соборъ искалъ примиренія на признаніи ихъ различія не принципіальнымъ. Этотъ-то вопросъ, смущавшій своей недосказанностью, былъ поставленъ на разсмотрѣніе собора при участіи греческихъ іерарховъ. Руководящее значеніе получилъ тутъ архим. Діонисій, долго жившій въ Москвѣ въ качествѣ книжнаго справщика. Участникъ правки книгъ и обрядовъ, онъ хорошо зналъ отличія старины московской, но изображалъ ихъ какъ отступленія, возникшія, когда русская церковь вышла изъ зависимости отъ Византіи и начала отличаться отъ грековъ ради своего «суемудрія». Греки всецѣло стали на эту точку зрѣнія и провели на соборѣ осужденіе всей старины московской и закрѣпившихъ ее дѣяній Стоглаваго собора. Соборной клятвой на защитниковъ старыхъ книгъ и обрядовъ былъ оформленъ въ 1667 г. расколъ въ русской церкви между «старообрядствомъ» и «никоніанствомъ». Притомъ восточные патріархи настаивали, чтобы расколъ былъ уничтоженъ «крѣпкою десницею царскою», и тѣмъ самымъ положили начало «временамъ гонительнымъ» въ исторіи русскаго раскола. Усмиреніемъ Соловецкаго бунта, ссылкой «начальныхъ отцовъ» въ Пустозерскъ, казнью инока Авраамія въ Москвѣ, пыткой и тяжкимъ заключеніемъ въ земляной тюрьмѣ боярынь Морозовой и кн. Урусовой начался героическій періодъ въ исторіи русскаго старообрядства; отлученная отъ церкви, потерявъ организаціонные устои своего религіознаго быта, «старая вѣра» живетъ убѣжденіемъ, что недолгое время осталось бытію сего міра, что она терпитъ бѣды, предсказанныя какъ признакъ пришествія царства антихристова, торопитъ свой исходъ изъ мірской отравы коллективными самосожженіями или начинаетъ приспособляться къ дальнему земному пути ряда поколѣній, дробясь на толки въ попыткахъ разрѣшить неразрѣшимыя задачи своего религіознаго быта. Въ нѣдрахъ старообрядческаго быта продолжаютъ жить традиціи старинной московской культуры, отголоски средневѣковой книжной мудрости и изжитыхъ преданій. Русская жизнь въ цѣломъ пошла иными путями.

IV.

Культурный переломъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

«Ревнители благочестія», ушедшіе въ «старую вѣру» отъ новшествъ патр. Никона и царя Алексѣя, мечтали о сохраненіи и утвержденіи надъ всей народной жизнью силы церковно-религіозныхъ понятій, правилъ и навыковъ. Они чуяли умомъ и сердцемъ,

что опора этой силы въ московской церковной старинѣ, въ сохраненіи стариннаго уклада жизни и отношеній. Царь и патріархъ смотрѣли шире, и въ своемъ стремленіи выйти изъ національной обособленности мѣстной церкви на поприще междуцерковныхъ связей православнаго Востока не отрѣшались отъ того же идеала построенія жизни на руководящемъ значеніи православной церковности, но опирали его не на національную старину, а на византійскую традицію власти, которая Богомъ поставлена управлять земной жизнью «людей Его, Свѣтовыхъ». Царь Алексѣй и патр. Никонъ столкнулись другъ съ другомъ на пониманіи этой власти и ея священныхъ полномочій, столкнулись и съ защитниками московской старины. Разрѣшеніе кризиса привело къ расколу—уходу изъ-подъ руководства государственной церкви многихъ народныхъ общинъ, жившихъ своею напряженной религіозной жизнью, и къ упадку самостоятельной патріаршей власти, который былъ однимъ изъ признаковъ ослабленія значенія церкви въ дѣлахъ государства и въ общественномъ быту. Внутренніе процессы, развивавшіеся въ нѣдрахъ московскаго государства, отвоевывали все больше мѣста новымъ культурнымъ потребностямъ, далекимъ отъ всякой церковности, несоизмѣримымъ ни съ московской стариной, ни съ традиціями византійскаго наслѣдства. Великая смута, пережитая московскимъ государствомъ въ началѣ XVII в., надорвала его силы и въ то же время, перейдя въ борьбу съ иноземными врагами за національное существованіе русской народности, крайне осложнила международное положеніе государства. Борьба продолжалась при новой династіи, все разрастаясь, перешла въ наступленіе, наполнивъ весь XVII вѣкъ почти непрерывнымъ военнымъ напряженіемъ. А внутри шла трудная, тяжелая работа надъ внутренней организаціей народныхъ силъ и средствъ на потребу «государева и земскаго дѣла». Все острѣе чувствовался недостатокъ этихъ средствъ, матеріальныхъ и культурныхъ, необходимость ихъ усовершенствованія и развитія. Борьба заставила пристальнѣе вглядѣться въ бытъ западнаго врага, понять его преимущества и попытаться ихъ усвоить. Недовольство своей родной дѣйствительностью, сознаніе своей слабости передъ чужой культурой, отъ успѣховъ которой пришлось отстать Московской Руси, подавленной политическою борьбой на три фронта съ внѣшними врагами и исключительными условіями народно-хозяйственной жизни, объясняемыми огромными пространствами Восточно-Европейской равнины, толкали на усвоеніе новыхъ пріемовъ техническаго знанія и умѣнья, новыхъ источниковъ просвѣщенія. Но сближеніе съ Западомъ на почвѣ удовлетворенія этой потребности не могло остановиться на усвоеніи практически полезнаго для текущихъ нуждъ, военной и промышленной техники, новыхъ пріемовъ народнаго хозяйства и экономической политики. Работа, направленная въ эту сторону, раскрывала передъ русскими людь-

ми новые широкіе пути дѣятельности, непривычной по формѣ и сложности, манила ихъ обиліемъ цѣнныхъ и увлекательныхъ свѣдѣній, вводила въ ихъ сознаніе рядъ новыхъ понятій, пріучала даже къ инымъ пріемамъ мысли, какъ только они пытались основательнѣе и прочнѣе усвоить эти свѣдѣнія. Необходимость учиться у иноземцевъ создавала новыя знакомства и отношенія, открыла въ московскую среду доступъ иностранцамъ въ такомъ количествѣ, какого раньше не бывало; подъ Москвой создался цѣлый уголокъ западноевропейскаго быта, «Иноземная слобода», знакомившая съ болѣе свободной, лучше обставленной по комфорту и удобству частною жизнью. Передъ русскими людьми развертывался постепенно новый культурный міръ, интересный и привлекавшій не одной новизной. Онъ былъ силенъ удовлетвореніемъ потребностей, которыя настойчиво стали пробуждаться въ московскомъ государствѣ и обществѣ. Это были потребности, не находившія мѣста и пищи въ традиціонномъ укладѣ русской національной старины, и приходилось мириться съ тѣмъ, что средства для ихъ удовлетворенія несли на себѣ печать иноземной и иновѣрной культуры. На иностранцевъ пришлось опереться въ организаціи полковъ новаго ратнаго строя, въ развитіи русской артиллеріи и въ первыхъ попыткахъ кораблестроенія, въ расширеніи «врачебнаго строенія», въ устройствѣ заводовъ и начатковъ фабричнаго производства. Расширеніе торговли ввело въ московскую среду обиліе иноземныхъ товаровъ, нѣмецкихъ и польскихъ. Въ обстановкѣ царскаго дворца и боярскихъ дворовъ появились новая мебель, зеркала, статуэтки, часы «съ хитрыми украшеніями», золоченые «нѣмецкіе» стулья, столы «нѣмецкой» и «польской» работы; заграничное ремесленное художество имѣло успѣхъ, вос-

Серебряный кубокъ на стоянѣ, вмѣстѣ болѣе 2-хъ арш. вышины. Поднесенъ ц. Алексѣю Михайловичу бояриномъ Б. И. Морозовымъ. Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

питывало новыя привычки и эстетическіе вкусы. За внѣшними новинками развивались и болѣе глубокіе интересы. Растетъ переводная литература съ латинскаго, польскаго, нѣмецкаго языковъ, растетъ и нѣкоторое знакомство русскихъ людей боярскаго и приказнаго круга съ иностранными языками. Малороссы принесли въ Москву новые литературные вкусы и новый литературный стиль, выросшій на западномъ, латино-польскомъ корню. Новизна проникаетъ даже въ заповѣдную область церковнаго искусства. Еще при Михаилѣ Өеодоровичѣ появились въ Москвѣ иностранные живописцы, писавшіе портреты и картины аллегорическаго, миөологическаго и историческаго содержанія для покоевъ царскихъ и боярскихъ. Они явились учителями русскихъ художниковъ, занимавшихся одновременно и свѣтской живописью и иконописью. Сближеніе съ Малороссіей приводитъ въ Москву западно-русскихъ «знаменщиковъ» съ ихъ западной школой и вкусами. Широкое распространеніе получаютъ западныя гравюры и иллюстрированныя изданія священнаго писанія. Старая иконописная традиція не выдержала натиска новыхъ вѣяній, постепенно отступая передъ «фряжскимъ» иконнымъ письмомъ, либо приспособляясь къ нему, принимая въ себя рядъ новыхъ элементовъ. Тщетной была попытка патр. Никона остановить это теченіе истребленіемъ фряжскихъ иконъ и анаөемой на всѣхъ, кто ихъ писать и держать будетъ: самъ Богъ вступился за освященныя иконы новаго письма, поразивъ Москву эпидеміей. Новое, подражательное искусство страдало манерностью и часто вычурностью непонятыхъ формъ, но оно, по своему, вносило въ живопись свѣтлую струю признанія красоты линій и тоновъ самостоятельною цѣнностью художества, которой служило искусство «умѣренной фрязи» царскаго иконописца Симона Ушакова, и его ученикъ Іосифъ Владиміровъ въ особомъ полемическомъ разсужденіи ее защищалъ.

Въ значительной мѣрѣ во главѣ увлеченія европейскими и кіевскими новинами стоялъ царскій дворецъ. Не говоря о томъ, что отъ царской власти шелъ починъ усвоенія новой техники военнаго и промышленнаго дѣла, какъ и покровительство торговымъ сношеніямъ съ Западной Европой, государевъ верхъ былъ главнымъ заказчикомъ и покупателемъ иноземнаго художества и иноземныхъ товаровъ, постепенно перерождая весь стиль своей обстановки. Эстетическая и балованная натура влекла царя Алексѣя къ красивой новизнѣ, украшавшей дворцовый бытъ, увеличившей и его комфортъ. По его почину возникли впервые въ Москвѣ «комедійныя дѣйства», устроенныя пасторомъ Грегори съ помощью московской иноземной молодежи. Грегори пришлось затѣмъ обучить «комедійному дѣлу» и русскихъ, набранныхъ для того по государеву указу, и руководить обученіемъ дворовыхъ людей боярина Матвѣева, первыхъ на Руси «крѣпостныхъ актеровъ», которые, кромѣ того, и на музыкальныхъ инструментахъ играли и новые танцы тан-

цовали. На царскій дворецъ работала, подъ руководствомъ того же Матвѣева, группа рисовальщиковъ и живописцевъ, создавшихъ рядъ роскошныхъ иллюстрированныхъ книгъ для «государева верха». Манила царя Алексѣя новая культура, но и пугала. Въ глазахъ благочестиваго московскаго общества она и въ нѣмецкой и въ польско-кіевской редакціяхъ несла печать латинскую, еретическую. Царь Алексѣй временами поддавался страху и колебанію, внушенному суровой прямолинейностью почитаемаго духовника и его ревностныхъ пріятелей, и издавалъ, напр., указы, запрещавшіе народные гудки и сопѣли, которые отбирались у москвичей по распоряженію патр. Никона, но самъ охотно слушалъ «фіоли, и органы, и струменты»; объявлялъ строгіе запреты, чтобы служилые люди «иноземскихъ нѣмецкихъ обычаевъ не перенимали, волосъ у себя на головѣ не подстригали, также и платья, кафтановъ и шапокъ съ иноземскихъ образцовъ не носили и людямъ своимъ носить не велѣли», но не могъ отдаться убѣжденной борьбѣ за незыблемость старыхъ обычаевъ, которые уходили въ прошлое.

Принимая западныя «новшества», русскіе люди переживали глубокій переломъ основныхъ бытовыхъ понятій. Они научались строже прежняго отдѣлять свѣтское отъ духовнаго, мірское отъ церковнаго. Трудно было привыкнуть къ мысли, что можно оставаться русскимъ и православнымъ, живя въ обстановкѣ «латинскаго»

Золотой умывальный приборъ царицы Натальи Кирилловны.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

Запада и по его обычаю, но постепенно крѣпло сознаніе, что свѣтская жизнь, бытъ частный и государственный — самостоятельная область дѣятельности и творчества, независимая отъ церковной, съ нею несоизмѣримая и потому ей ни въ чемъ, по существу, не противорѣчащая. Ростъ свѣтской культуры, свѣтскаго просвѣщенія былъ лишь одной изъ сторонъ культурнаго перелома, пережитаго московской Русью въ XVII в. Сложныя политическія задачи государства выдвигали новыя воззрѣнія на бытъ государственный, и то отдѣленіе «дѣлъ гражданскихъ» отъ «дѣлъ церковныхъ», какое было провозглашено на соборѣ 1667 года, знаменовало не только попытку отстоять независимость церкви, но и назрѣвшую необходимость секуляризаціи самой идеи государства, которое имѣетъ свои цѣли и задачи, независимыя отъ церковнаго руководства религіозной и нравственной жизнью вѣрующихъ. Средствами свѣтскаго просвѣщенія, заимствуемыми съ иновѣрнаго Запада, вскормлено въ XVII в. представленіе о государствѣ, которое возьметъ на себя руководство жизнью націи въ ея политическомъ быту, въ народномъ хозяйствѣ и мірскомъ, житейски нужномъ просвѣщеніи. Программа этой широкой системы государственной опеки надъ народною жизнью ради земныхъ политическихъ и культурныхъ цѣлей, независимыхъ отъ церковно-религіозныхъ воззрѣній, развита при царѣ Алексѣѣ въ трудахъ пришлаго питомца Западной Европы, Юрія Крижанича. Онъ мечталъ пріобщеніемъ къ западной культурѣ сблизить русское общество и съ католической вѣроисповѣдной основой Запада. Но осуществленіе этой государственной и просвѣтительной программы Петромъ Великимъ, найдя опору въ культурныхъ силахъ протестантскаго сѣвера, привело къ торжеству свѣтскаго государства и новой свѣтской культуры надъ средневѣковыми идеалами священнаго царства и оцерковленнаго государства, дорогихъ его отцу и людямъ стараго поколѣнія. Преобразованная Никономъ и царемъ Алексѣемъ церковь отступила въ область частной и общественно-бытовой религіозной жизни, а послѣдователи «начальныхъ отцовъ» старой вѣры прокляли новое государство и новую культуру, какъ проклинали и церковныя новшества, нарушавшія цѣльность московской національной традиціи.

V.

Внѣшняя политика при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Перестройка внутреннихъ отношеній Московскаго государства подъ державой царя Алексѣя совершалась въ связи съ огромной затратой силъ на борьбу съ внѣшнимъ врагомъ. Ея результаты тѣсно сплелись съ новыми тенденціями московской жизни, такъ какъ выводили ея государственность изъ рамокъ великорус-

ской племенной замкнутости на болѣе широкое поприще «всероссійской» политики. Поднялась борьба за западную и южную Русь, подготовленная вѣковой традиціей русско-литовскихъ отношеній и, въ свою очередь, подготовившая основныя черты всей политики XVII и XVIII вв., до ея завершенія императрицей Екатериной II. Въ первую половину XVII столѣтія усилія Московскаго государства сосредоточены на томъ, чтобы укрѣпиться на тѣхъ позиціяхъ, какія удалось удержать за собой. Пришлось примириться на западѣ съ потерей финскаго побережья, Смоленска и Сѣверской Украйны; на югѣ и юго-востокѣ рядъ обширныхъ фортификаціонныхъ работъ въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ гг. XVII в. создалъ непрерывную линію укрѣпленій отъ Ахтырки на р. Ворсклѣ до Уфы, чѣмъ значительно облегчена была оборона этой тревожной границы. Но потери были слишкомъ чувствительны, отняли у Москвы прямой путь на западъ, отрѣзали ее отъ Поднѣпровья. Почти безпрерывная борьба на югѣ противъ татарскихъ набѣговъ указывала на необходимость пробиться къ Черному морю, какъ единственной спокойной границѣ, способной обезпечить миръ съ этой стороны. Но Московское государство было еще слишкомъ слабо для подобнаго предпріятія, да и техническія трудности похода по степи на Крымъ издавна останавливали воинственные планы. Для борьбы съ татарами нужны были опорные пункты въ нижнемъ Днѣпровьи и въ южныхъ степяхъ, куда все смѣлѣе тянулась русская колонизація. Только что собравшись съ силами, московская Русь стояла передъ неизбѣжностью широкой активной политики, чтобы сломить условія, которыя не только непрерывно грозили ея безопасности, но и слишкомъ связывали развитіе ея народнаго хозяйства, лишая ее свободныхъ торговыхъ путей для участія въ международной торговлѣ и замыкая пути колонизаціоннаго движенія въ манившія земледѣльца богатыя южныя области. Эти элементарные мотивы къ попыткамъ наступательнаго движенія углублялись и осложнялись вѣковой національно-религіозной традиціей, призывавшей къ вмѣшательству въ судьбы русскаго по крови и православнаго по вѣрѣ населенія за предѣлами Московскаго государства. Событія, разыгравшіяся въ Речи Посполитой, дали рѣшительный толчокъ къ выходу московской политики изъ неустойчиваго равновѣсія въ тѣсныхъ и искусственныхъ границахъ. Возстаніе Богдана Хмельницкаго создало положеніе слишкомъ острое, чтобы его разрѣшеніе не коснулось насущнѣйшихъ интересовъ Москвы. Казацкій вождь послѣ неудачныхъ попытокъ выгоднаго компромисса съ польской властью искалъ помощи у турецкаго султана, у Швеціи и Москвы. Но если другія сношенія были дѣломъ личной политики гетмана, то вопросъ о переходѣ изъ-подъ польской власти подъ «высокую руку» московскаго царя ставился на очередь настроеніемъ малорусскаго общества и рядового его духовенства. Это настроеніе стало опредѣляться

со времени возстановленія православной іерархіи въ 1620 г. Ставленникъ іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, митрополитъ кіевскій Іовъ Борецкій, сдѣлалъ за десять лѣтъ своего святительства весьма много не только для возрожденія въ населеніи православнаго рвенія, но и для пропаганды симпатій къ Москвѣ, и заводилъ даже рѣчь на Москвѣ черезъ своихъ посланцевъ о томъ, чтобы Малороссіи «быть подъ государевой рукой». Съ тѣхъ поръ установилось усердное покровительство царя и патріарха южно-русской церкви, хотя малорусскіе іерархи со временъ Петра Могилы измѣнили взглядъ на Москву и, дорожа церковными сношеніями и получаемой матеріальной поддержкой, устранялись отъ какихъ-либо политическихъ вопросовъ и смотрѣли скорѣе съ прямымъ недовѣріемъ на суровую московскую власть. Но традиціи Борецкаго жили въ средѣ монашеской и въ средѣ приходскаго бѣлаго духовенства, а черезъ нихъ и въ массѣ малорусскаго населенія. Еще при самомъ началѣ возстанія Хмельницкаго въ Москву сообщали, что простонародье толкуетъ о переходѣ подъ ея власть, а въ трудную годину 1649 г., послѣ Зборовскаго договора, самъ гетманъ обратился къ царю съ просьбой о принятіи Малороссіи подъ свою оборону. Вопросъ сталъ опредѣленнѣе и острѣе послѣ неудачъ, поразившихъ Богдана въ 1650 г., и ихъ послѣдствія — непріемлемаго для Украйны Бѣлоцерковскаго мира. Московское правительство не сразу отвѣтило на призывъ Хмельницкаго; оно чувствовало себя связаннымъ по «докончанію» съ Польшей, выясняло шансы войны и условія соглашенія съ гетманомъ. Въ 1651 г. дѣло обсуждалось на земскомъ соборѣ и были намѣчены предварительные шаги — попытка дипломатическаго вмѣшательства въ защиту казаковъ и дипломатической демонстраціи, чтобы создать предлогъ къ разрыву мирнаго договора. Вторично, послѣ новыхъ заявленій Хмельницкаго, малороссійское дѣло послужило предметомъ сужденій собора 1653 г., на которомъ было объявлено рѣшеніе принять Малороссію подъ царскую власть и начать за нее войну съ королемъ Яномъ-Казиміромъ. 8 января 1654 г. Хмельницкій и вся старшина цѣловали крестъ на вѣрность царю Алексѣю. Такъ совершилось присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству. О сути этого «присоединенія» историки до сихъ поръ держатся разныхъ мнѣній. Условія взаимныхъ отношеній вырабатывались послѣ присяги, были редактированы въ формѣ протокола переговоровъ, гетманскихъ «статей» и московскихъ отвѣтовъ, и не получили строгой и ясной формулировки. За гетманомъ сохранено право иностранныхъ сношеній (кромѣ Турціи и Польши), оставлено главенство во внутреннемъ управленіи; поэтому историки права считаютъ связь Малороссіи съ Москвой личною уніей. Но московское правительство въ тѣхъ же «статьяхъ» оставляло за собой право непосредственнаго управленія и частью осуществляло соотвѣтственныя дѣйствія; поэтому другіе говорятъ либо объ инкорпораціи,

либо о «довольно неопредѣленныхъ отношеніяхъ», дававшихъ Москвѣ возможность постепенно расширять свою власть на Украйнѣ.

Въ 1654 г. началась первая польская война царя Алексѣя. Московскія войска взяли Смоленскъ, заняли Литву. Въ Вильнѣ установлено московское воеводство, царь принялъ титулъ великаго князя Литовскаго. Но съ казаками сразу же возникли недоразумѣнія. Хмельницкій явно не поддерживалъ дѣйствій московскихъ воеводъ, двинутыхъ въ Подолію и Галицію; при осадѣ Львова онъ черезъ Выговскаго совѣтовалъ осажденнымъ не сдаваться, а въ то же время велъ свою политику сношеній съ Турціей, возобновилъ союзъ съ крымскимъ ханомъ, съ трансильванскимъ княземъ и со Швеціей, и явно готовилъ разрывъ съ Москвой. Но еще больше, чѣмъ поведеніе Хмельницкаго, грозили прочности московскихъ успѣховъ дѣйствія Швеціи. Начавъ войну съ Польшей, шведы заняли западную часть Литвы, всю Великую Польшу, взяли Варшаву и Краковъ. Радзивиллы подписали унію Литвы съ шведскимъ королевствомъ подъ условіемъ войны Карла-Густава съ Москвой. Курфюрстъ Бранденбургскій, Хмельницкій, Ракочи вступили со шведскимъ королемъ въ соглашеніе о раздѣлѣ Речи Посполитой. Карлъ-Густавъ себѣ прочилъ Ливонію и Пруссію. Царь Алексѣй рѣшилъ тогда заключить перемиріе съ королемъ Яномъ-Казимиромъ, а вслѣдъ за тѣмъ образовался противъ шведовъ союзъ Даніи, Австріи и Польши, къ которымъ примкнулъ и Бранденбургъ. Смерть избавила Хмельницкаго отъ полнаго крушенія его плановъ, а царь Алексѣй Михайловичъ, вернувъ Польшѣ Литву, удержалъ Ливонію и началъ войну со шведами. Обостреніе шведской опасности выдвинуло въ сознаніи московскаго правительства на первый планъ Балтійскій вопросъ, который нашелъ себѣ убѣжденнаго энтузіаста въ лицѣ А. Л. Ордина-Нащокина. Для этого выдающагося государственнаго дѣятеля очередною и самою важной задачей московской политики было именно пріобрѣтеніе Ливоніи и морского побережья на западѣ. Для этой цѣли, ради широкой перспективы развитія русской торговли черезъ Балтійское море, онъ готовъ былъ отступиться и отъ западно-русскихъ завоеваній, отъ которыхъ «прибыли нѣтъ никакой, а убытки большіе», и отъ Малороссіи. Но быстрый ходъ событій на югѣ и личное настроеніе царя Алексѣя убили его мечты. Царь Алексѣй Михайловичъ мысль Нащокина о возможности отступиться отъ «черкасскаго дѣла», ради прочнаго союза съ Польшей противъ шведовъ, признавалъ «непристойной», подобной тому, какъ «отдать святой хлѣбъ собакѣ». И «черкасское дѣло» заняло первое мѣсто въ его политикѣ. По смерти Хмельницкаго началась въ Украйнѣ «великая шатость». Малороссы выбились изъ-подъ польской государственной власти, смели «панскій» строй общественныхъ отношеній, но не успѣли выработать сколько-нибудь прочной соціально-политической организаціи. Во главѣ управленія стоялъ гетманъ съ

диктаторской властью, вокругъ него старшина, по теоріи избираемая, какъ и гетманъ, свободнымъ выборомъ казацкаго войскового круга, на дѣлѣ же сложившаяся въ богатую и вліятельную аристократію, которая свела всякіе выборы къ простой формальности. Казацкая масса, вольнолюбивая и буйная, плохо сносила старшинское ярмо, чувствуя себя носительницей украинскаго народовластія, къ которому тянулась и крестьянская масса, только что сбросившая панское иго. Въ этой пестрой средѣ Хмельницкій занялъ позицію представителя верховной власти надъ всѣмъ малорусскимъ народомъ, но московское правительство, какъ прежде власть польская, желало признавать въ гетманѣ не администратора Украйны, а только главу казацкаго войскового самоуправленія, и взять управленіе страной въ свои руки. Глубокій разладъ между казацкой и народной демократіей, съ одной стороны, и олигархіей старшины—съ другой, давалъ опору въ борьбѣ противъ стремленія малорусскихъ вождей къ политической независимости Украйны. Самъ Хмельницкій въ переговорахъ отдѣлялъ казаковъ отъ крестьянства, предлагая такую статью: «кто казакъ—будетъ вольность казацкую имѣть, а кто пашенный крестьянинъ — тотъ будетъ должность обыклую царскому величеству отдавать», а старшины выпрашивали уже въ его время у царскаго правительства грамоты на земли съ признаніемъ ихъ господской власти надъ крестьянскимъ населеніемъ этихъ земель. Съ другой стороны, крестьянство, плохо знавшее московскіе порядки, видѣло въ попыткахъ старшинъ возстановить «панщину» черту польскаго шляхетскаго быта, которая окрѣпнетъ, какъ только произойдетъ возсоединеніе Украйны съ Речью Посполитой, и тянуло къ Москвѣ, увлекая на свою сторону и рядовое казачество, раздраженное старшинскимъ самовластіемъ. Старшинская среда была носительницей стремленія къ образованію самостоятельнаго малорусскаго государства, готовая, по нуждѣ, итти на унію и подъ протекторатъ либо съ Москвой, либо съ Польшей; казацкой и народной массѣ эта идея была мало понятна и чужда, тѣмъ болѣе, что и у Хмельницкаго она опредѣлилась сколько-нибудь отчетливо развѣ подъ самый конецъ его дѣятельности и поставлена въ «статьяхъ» 1654 года. Гетманомъ послѣ смерти Богдана Хмельницкаго старшина выбрала Ивана Выговскаго, хотя войсковой кругъ стоялъ за малолѣтняго Юрія Хмельницкаго; казацкіе полки, связанные съ Запорожьемъ, противопоставили ему Мартына Пушкаря, который обратился въ Москву съ извѣтами на Выговскаго. Москва признала Выговскаго, но, пользуясь разладомъ, пыталась дальше вести присоединеніе Малороссіи: передать управленіе и сборъ налоговъ своимъ воеводамъ, подчинить кіевскую митрополію своему патріарху, сводя полномочія гетмана и его рады къ кругу чисто казацкихъ дѣлъ. Выговскій рѣшилъ сломить внутреннихъ враговъ, съ татарской помощью разбилъ Пушкаря и въ 1658 г. заключилъ въ Гядачѣ

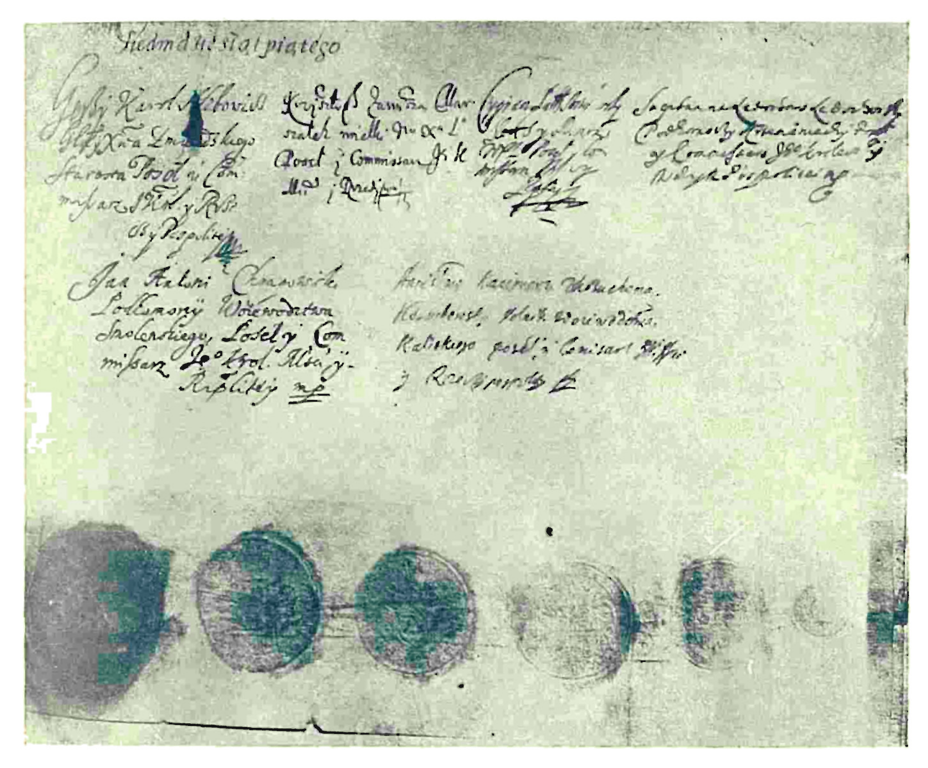
договоръ съ Польшей объ образованіи изъ Украйны великаго княжества Русскаго, которое на началахъ внутренней автономіи войдетъ въ составъ Речи Посполитой рядомъ съ королевствомъ Польскимъ и великимъ княжествомъ Литовскимъ. Внутренняя усобица сгубила Выговскаго, гетманомъ сталъ Юрій Хмельницкій. Въ переговорахъ съ Москвой старшинская рада Юрія попыталась опредѣлить отношенія въ духѣ гарантій своей автономіи, но кн. Трубецкой принудилъ ее на войсковой радѣ 1659 г. принять «статьи», которыя ограничивали власть гетмана и отдавали въ руки московскихъ воеводъ, сверхъ Кіева, еще пять городовъ; отрѣзать Сѣверщину на московскую сторону Трубецкому не удалось. Отношенія оставались крайне сложными, а вести ихъ приходилось съ большой осторожностью: съ 1657 г. возобновилась польская война и шла далеко не такъ успѣшно, какъ первая. На сѣверѣ русскіе терпѣли неудачи, потеряли Литву и Бѣлоруссію. На югѣ Хмельницкій вынужденъ былъ перекинуться на польскую сторону, бояринъ Шереметевъ капитулировалъ подъ Чудновымъ. Борьба затягивалась и вела въ сознанію, что всей Украйны не удержать. Московская политика намѣтила, по выраженію царя Алексѣя, «средній путь» — раздѣлъ Малороссіи по Днѣпру съ тѣмъ, однако, чтобы удержать за собой и Кіевъ. Къ этой цѣли, какъ возможному минимуму, направлены дальнѣйшія усилія Москвы. Раздѣлъ подсказывался внутренними отношеніями Малороссіи, гдѣ въ лѣвобережной Украйнѣ утвердился гетманомъ Брюховецкій, а въ правобережной Дорошенко. Брюховецкій, выдвинутый демократической массой казачества, искалъ опоры въ Москвѣ, согласился самъ просить о введеніи въ Малороссіи московскаго управленія и податного оклада, поддерживалъ проектъ подчиненія малорусской церкви московскому патріарху, заслужилъ чинъ боярина и женился на боярышнѣ кн. Долгорукой.

Поставивъ малороссійскій вопросъ на вполнѣ реальную почву, правительство царя Алексѣя не колебалось уже между этой задачей и стремленіемъ къ Балтійскому морю. Въ 1658 г. заключено было перемиріе со шведами, по которому пришлось согласиться на отказъ отъ морского берега; но измѣненіе всей политической конъюнктуры, когда Карлу XI, преемнику Карла-Густава, удалось заключить Оливскій миръ (1660) съ Польшей, Бранденбургомъ и Австріей, а затѣмъ помириться и съ Даніей, заставило отступиться и отъ Ливоніи. Кардисскій миръ 1661 г. разрушилъ всѣ планы Ордина-Нащокина: Москва осталась при старой границѣ со Швеціей. Теперь царь призвалъ Нащокина, который тщетно отстаивалъ свою западную программу и примиреніе съ Польшей, къ осуществленію своего «царскаго пути» въ черкасскомъ дѣлѣ: это былъ довѣренный дипломатъ царя, который не могъ, по обычаю, поставить его во главѣ посольства, но переписывался съ нимъ черезъ Тайный приказъ, помимо начальныхъ бояръ-пословъ. Переговоры

съ Польшей о раздѣлѣ Малороссіи затянулись изъ-за новыхъ военныхъ неудачъ и споровъ о Кіевѣ. Только 3 января 1667 г. удалось Нащокину заключить Андрусовское перемиріе на $13^1/_2$ лѣтъ, по которому Москва сохраняла восточную Украйну, а Кіевъ на два года. Это перемиріе предрѣшило исходъ малороссійскаго вопроса въ XVII в., такъ какъ на его основѣ состоялся и вѣчный миръ 1686 года. По возвращеніи Нащокина съ посольскаго съѣзда ему сказано боярство и пожаловано званіе «царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателя», званіе, которое можно приравнять къ званію канцлера, съ порученіемъ вѣдать Посольскій приказъ вмѣстѣ съ приказомъ Малороссійскимъ. Важнѣйшею изъ возложенныхъ на него задачъ самъ царь считалъ «одержаніе Кіева». Тотъ же вопросъ сильно волновалъ малороссовъ, опасавшихся возврата Кіева полякамъ, въ виду извѣстныхъ мнѣній Нащокина о «ненадобности» черкасскихъ городовъ; московскій канцлеръ направилъ усилія на то, чтобы сдѣлать принятіе Кіева по истеченіи условленнаго срока невозможнымъ для самихъ поляковъ и закрѣпить его связь съ Москвой сосредоточеніемъ въ ней церковнаго управленія. Нащокинъ искалъ въ смутѣ на правомъ берегу Днѣпра средства парализовать польскія притязанія на Кіевъ и сталъ склонять Дорошенка къ отдѣленію отъ Польши, обѣщая московское покровительство. Это запутало Нащокина въ интриги правобережнаго гетмана Дорошенка и довело его до потери вліянія. Дорошенко мечталъ о другомъ возсоединеніи Украйны и только использовалъ шаги Нащокина, чтобы напугать Брюховецкаго, поднять московскую половину Украйны и, погубивъ соперника, стать во главѣ всей Малороссіи противъ Москвы и Польши подъ покровительствомъ турецкаго султана. Движеніе быстро оборвалось, и лѣвый берегъ Днѣпра смирился предъ Москвой, но теперь царь Алексѣй, подъ вліяніемъ А. С. Матвѣева, склонялся къ болѣе энергичной политикѣ; подтвержденіе Андрусовскаго перемирія съ сохраненіемъ за Москвой Кіева на неопредѣленное время уже не удовлетворяло, въ Москвѣ мечтали о подчиненіи черезъ Дорошенка и правобережной Украйны, повѣривъ его переговорамъ о московскомъ протекторатѣ. Ординъ-Нащокинъ долженъ былъ уступить Матвѣеву управленіе Малороссійскимъ приказомъ, а затѣмъ и свое канцлерство. Началась борьба за западную Малороссію, приведшая къ первой русско-турецкой войнѣ, такъ какъ султанъ прислалъ свои войска по призыву Дорошенка. Эта война не была закончена при жизни царя Алексѣя, а послѣ него оставила слѣдъ лишь въ большихъ потеряхъ, кровавой «руинѣ» правобережной Украйны и усиленномъ бѣгствѣ ея населенія въ предѣлы Московскаго государства. Малороссійскій вопросъ надолго остался въ томъ положеніи, какое создано Андрусовскимъ перемиріемъ и его подтвержденімъ въ 1669 году.

Задача объединенія подъ царской властью всего русскаго и православнаго населенія восточно-европейской равнины далеко не

была разрѣшена при царѣ Алексѣѣ. Но политическая и культурная жизнь русская развернулась много шире, чѣмъ во времена великорусскаго государства Даниловичей. Малорусскія силы потянули къ Москвѣ, которая овладѣла — хотя и съ большимъ трудомъ — и ихъ кіевскимъ центромъ. Это было крупнымъ шагомъ въ политикѣ, подготовлявшей перерожденіе московскаго царства въ монархію всероссійскую. Всѣ основныя черты такой политики отчетливо поставлены въ царствованіе царя Алексѣя: борьба за Балтійское море и за подчиненіе русской государственной власти всего русскаго



Подписи и печати польскихъ уполномоченныхъ на оригиналѣ Андрусовскаго договора.
Оригиналъ хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

населенія Речи Посполитой, расширеніе южной границы все дальше къ Черному морю, пока русская государственность не станетъ твердо на его берегахъ, избавившись отъ вѣковѣчной крымской тревоги. Широко раскидывается въ это время русская колонизація на востокъ, гдѣ поиски новыхъ земель привели къ занятію Анадырскаго края, Забайкалья и къ первымъ попыткамъ утвердиться на Амурѣ. Всѣмъ этимъ очерченъ кругъ задачъ и отношеній, которыя наполнятъ собой внѣшнюю работу государства на весь XVIII вѣкъ. Въ то же время московское государство значительно углубило свои связи съ Западной Европой. Ординъ-Нащокинъ, заново регулируя внѣшнюю

торговлю въ «Новоторговомъ уставѣ», дѣятельно заботится объ укрѣпленіи торговыхъ сношеній съ Англіей и Голландіей, ищетъ новыхъ путей для русской торговли, завязываетъ переговоры съ Франціей, Испаніей, Венеціей, заключаетъ торговые договоры съ Пруссіей и Швеціей. Съ другой стороны, сознавая значеніе Россіи, какъ посредницы между Европой и Азіей, онъ провелъ въ 1667 г. торговый договоръ съ персидской компаніей армянскихъ купцовъ, ведшихъ обширный торгъ шелкомъ, и усиленно выдвигалъ вопросъ о русской торговлѣ въ Средней Азіи. Московское государство при царѣ Алексѣѣ сознательно готовилось вступить въ «рангъ первоклассной европейской державы», въ который и было возведено его великимъ сыномъ.

Царь Θеодоръ Алексѣевичъ

1661—1682.

(Съ оригинала, находящагося въ Романовской галлереѣ Зимняго Дворца.)

Мѣдныя чеканенныя вызолоченныя доски, служившія для украшенія троновъ. Хранятся въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

ЦАРЬ
Ѳеодоръ Алексѣевичъ.

(1661 — 1676 — 1682).

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, третій сынъ царя Алексѣя Михайловича отъ брака съ Маріей Ильиничной Милославской, родился въ 1661 году. Образованіе, которое царь Алексѣй старался дать дѣтямъ, не ограничивалось уже одною первоначальною грамотностью, усвоеніемъ псалтыря и часослова. Царевичъ Ѳеодоръ, какъ и ранѣе старшій его братъ царевичъ Алексѣй, умершій въ 1670 г., прошелъ высшій курсъ науки у знаменитаго богослова, проповѣдника, оратора и стихотворца, воспитанника Кіевской академіи, Симеона Полоцкаго, состоявшаго въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича при московскомъ дворѣ. Симеонъ преподавалъ царскимъ дѣтямъ латинскій языкъ, піитику, риторику и богословіе. Есть извѣстіе, что царевичъ Алексѣй обнаруживалъ склонность къ латинскому языку, а Ѳеодоръ увлекался стихотворствомъ и подъ руководствомъ Полоцкаго переложилъ въ стихи два псалма: 132-й и 145-й. Вѣроятно, не безъ вліянія того же «дидаскала» царевичъ обучился и польскому языку, на которомъ свободно говорилъ.

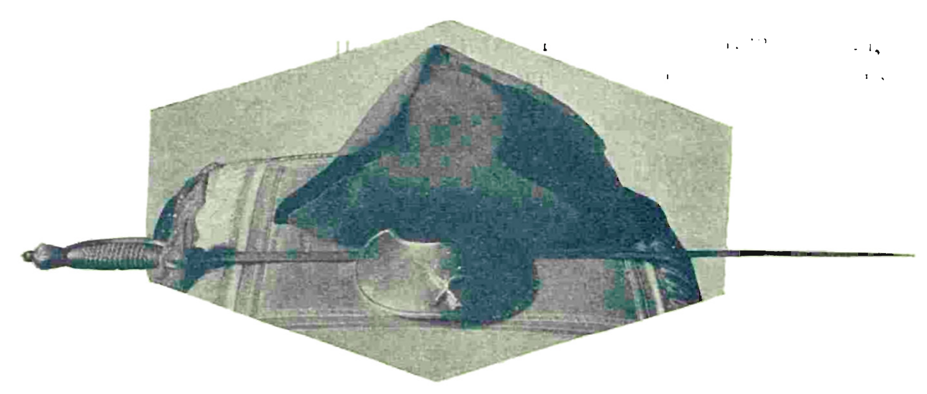
О характерѣ и личности Өеодора намъ мало извѣстно. Изъ позднѣйшаго разсказа Петра Великаго мы знаемъ про страсть его къ лошадямъ. Петръ въ одномъ изъ укоризненныхъ писемъ къ сыну Алексѣю порицаетъ его за его неохоту къ военному дѣлу и выражаетъ опасеніе, что и подданные потеряютъ къ этому дѣлу охоту. Подчиненные, по словамъ Петра, въ своихъ вкусахъ и склонностяхъ всегда слѣдуютъ вкусамъ и склонностямъ начальника. Въ доказательство этой мысли царь и приводитъ воспоминаніе о своемъ старшемъ братѣ. «Аще кладешь въ умѣ своемъ,—пишетъ онъ сыну,—что могутъ то генералы по повелѣнію управлять; но сіе воистину не есть резонъ; ибо всякъ смотритъ начальника, дабы его охотѣ послѣдовать, что очевидно есть; ибо во дни владѣнія брата моего. не всѣ ли паче прочаго любили платье и лошадей?... Спроси всѣхъ, которые помнятъ вышеупомянутаго брата моего, который тебя несравненно болѣзненнѣе былъ и не могъ самъ ѣздить на досужихъ лошадяхъ, но имѣлъ великую къ нимъ охоту, непрестанно смотрѣлъ и передъ очми имѣлъ; чего для никогда бывала, ниже нынѣ есть такая здѣсь конюшня».

Въ 1673 г., когда царевичу Өеодору исполнилось 12 лѣтъ, царь Алексѣй «объявилъ» его наслѣдникомъ престола и представилъ собравшимся въ Москвѣ «чинамъ» московскаго государства. Послѣ смерти отца Өеодоръ занялъ престолъ 30 января 1676 года. 18 іюня того же года происходила его коронація. На двадцатомъ году возраста, въ іюлѣ 1680 г., онъ женился на дѣвицѣ изъ незнатнаго рода Грушецкихъ, Агаөіи Семеновнѣ, которая черезъ годъ скончалась отъ родовъ, принеся ему сына царевича Илью, умершаго черезъ три дня послѣ матери. Въ февралѣ 1682 г. царь вступилъ во второй бракъ съ Марөой Матвѣевной Апраксиной и прожилъ съ нею только два мѣсяца съ половиной. Какъ всѣ сыновья царя Алексѣя Михайловича отъ брака съ Маріей Ильиничной Милославской, Өеодоръ былъ хилаго тѣлосложенія и слабаго здоровья. 27 апрѣля 1682 г. онъ скончался.

Слишкомъ юный и болѣзненный по природѣ Өеодоръ Алексѣевичъ за шесть лѣтъ своего царствованія, въ особенности же въ первые годы, не могъ проявить никакой самостоятельности. Дѣйствительная власть при немъ находилась въ рукахъ придворныхъ. Внѣшнюю политику и внутреннія событія этого кратковременнаго царствованія (1676 — 1682 г.) мы разсмотримъ нѣсколько ниже въ связи съ годами правленія царевны Софьи (1682 — 1689 г.), которые служатъ непосредственнымъ продолженіемъ царствованія Өеодора и тѣсно примыкаютъ къ нему. Теперь же взглянемъ только на составъ и взаимоотношеніе придворныхъ партій при Өеодорѣ. Придворное общество раскалывалось при немъ на три партіи. Въ первые годы его правленія политическое вліяніе принадлежало его родственникамъ по матери—Милославскимъ. Во главѣ этой партіи стоялъ старѣйшій изъ Милославскихъ, бояринъ

Иванъ Михайловичъ; далѣе мы видимъ вызваннаго изъ Казани воеводу Ивана Богдановича Милославскаго, стольника Александра Милославскаго, двухъ братьевъ Толстыхъ, Ивана и Петра Андреевичей. Въ тѣсномъ союзѣ съ Милославскими дѣйствовали вліятельный бояринъ Богданъ Матвѣевичъ Хитрово со своими родственниками; душою партіи была одна изъ дочерей царя Алексѣя, царевна Софья. Въ послѣдніе годы царствованія Ѳеодора партія Милославскихъ была, однако, нѣсколько оттѣснена выдвинувшимися царскими любимцами, и, кажется, единственно въ этомъ освобожденіи отъ родственной опеки и въ передачѣ ея новымъ фаворитамъ юный царь проявилъ нѣкоторую самостоятельность. Вліяніе получили теперь возведенный въ бояре Иванъ Максимовичъ Языковъ, тонкій и ловкій придворный, «глубокій, — по отзыву современника,— московскихъ, прежде площадныхъ, потомъ и дворскихъ обхожденій проникатель», человѣкъ незнатный, появлявшійся сначала только «на площади», т.-е. на площадкѣ внутренняго крыльца, гдѣ толпилось по утрамъ придворное общество низшаго ранга, а затѣмъ проникнувшій и во внутренніе апартаменты дворца; вмѣстѣ съ нимъ выдвинулись постельничій Алексѣй и чашникъ Семенъ Лихачевы. Значеніе Языкова и Лихачевыхъ съ ихъ родичами особенно усилилось въ послѣдніе мѣсяцы жизни Ѳеодора со времени его второго брака со свойственницей Языкова Марѳой Матвѣевной Апраксиной.

Наконецъ, третью партію, отстраненную, находившуюся въ тѣни, составляли Нарышкины съ царицей Натальей во главѣ. Сила этой партіи заключалась въ А. С. Матвѣевѣ, опытномъ государственномъ дѣльцѣ, человѣкѣ также выдвинувшемся своими трудами и заслугами. Но Матвѣевъ былъ сосланъ вскорѣ же по воцареніи Ѳеодора, и безъ него положеніе партіи было печально. Нарышкины—отецъ царицы Кириллъ Полуектовичъ и ея многочисленные братья—были политически ничтожными людьми, а сколько-нибудь видные и выдающіеся изъ Нарышкиныхъ были также сосланы. Впрочемъ, въ послѣдніе мѣсяцы жизни Ѳеодора, именно со времени его второй женитьбы, появились признаки наступленія для Нарышкиныхъ лучшихъ дней. Царица Марѳа Матвѣевна была крестницей Матвѣева и хлопотала передъ царемъ о возвращеніи крестнаго. Языковы и Лихачевы обнаруживаютъ стремленіе сблизиться съ Нарышкиными, и Матвѣевъ былъ переведенъ изъ Пустозерска сначала на Мезень, а затѣмъ «до указа» въ одинъ изъ костромскихъ пригородовъ Лухъ.—Таково было положеніе дворцовыхъ партій, когда умеръ царь Ѳеодоръ.



Шляпа, бывшая на Петрѣ Великомъ во время битвы подъ Полтавой.—Его шпага и нагрудный знакъ.

Хранятся въ Артиллерійскомъ музеѣ въ Петербургѣ.

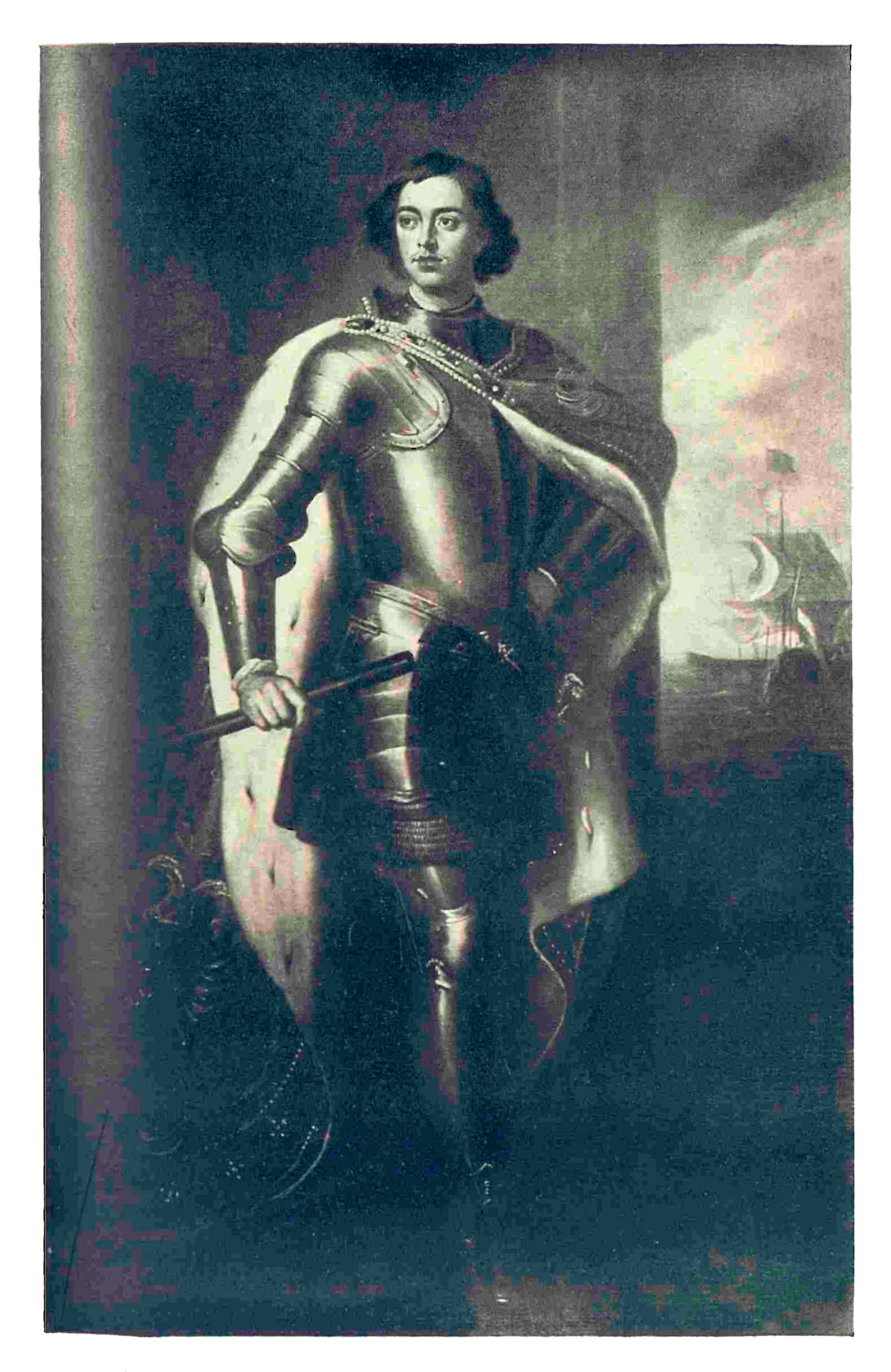
ИМПЕРАТОРЪ

Петръ I Алексѣевичъ Великій.

I.

Избраніе Петра на царство.—Его дѣтство и первоначальное обученіе.

По внѣшности монархія въ Московскомъ государствѣ XVII в. имѣла избирательный характеръ, но престолъ дважды уже переходилъ отъ отца къ старшему сыну, и участіе земскаго собора при вступленіи Алексѣя, а еще болѣе при объявленіи наслѣдникомъ Ѳеодора было не болѣе, какъ простою церемоніей. Естественнымъ поэтому былъ переходъ царскаго вѣнца отъ бездѣтнаго Ѳеодора къ слѣдующему брату Іоанну, чего, конечно, и желали Милославскіе. Но партія Языковыхъ и Лихачевыхъ, хорошо понимая, что въ такомъ случаѣ вся власть перейдетъ опять къ Милославскимъ, и, можетъ-быть, опасаясь съ ихъ стороны мести за временное отстраненіе, сблизилась съ Нарышкиными и это сближеніе рѣшило дѣло въ пользу Петра. Къ союзу Языковыхъ съ Нарышкиными примкнулъ и патріархъ Іоакимъ. Предлогомъ къ отстраненію царевича Іоанна было его болѣзненное состояніе, дѣлавшее его неспособнымъ къ правленію. Ожидалась ожесточенная борьба при рѣшеніи вопроса о престолонаслѣдіи. Собираясь во дворецъ на царское избраніе, приверженцы Петра—князья Борисъ и Иванъ Алексѣевичи Голицыны и князья Долгорукіе—надѣли подъ платья панцыри, опасаясь, что споръ съ Милославскими дойдетъ до ножей. Самый ходъ избранія изображается свидѣтелями такъ. Когда всѣ присутствовавшіе во дворцѣ поклонились праху только что скончавшагося царя Ѳеодора и поцѣловали руки



Императоръ Петръ I Алексѣевичъ Великій.
1672—1725.
(Съ оригинала, находящагося въ Романовской галлереѣ Зимняго Дворца.)

у обоихъ царевичей Іоанна и Петра, патріархъ съ архіереями и боярами вышелъ въ переднюю палату дворца, гдѣ находились, очевидно, высшіе придворные чины, и спросилъ, кому изъ двухъ царевичей быть царемъ. Раздались голоса, что этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только собраніемъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства, земскимъ соборомъ. Этотъ соборъ былъ тотчасъ же созванъ, если уже не былъ приглашенъ заранѣе. «Чины Московскаго государства» собрались на внутренней площади передъ дворцовымъ крыльцомъ у церкви Спаса на Бору. Извѣстно, что

Царица Наталья Кирилловна, родительница Петра Великаго.
Оригиналъ въ Романовской галлереѣ Зимняго дворца.

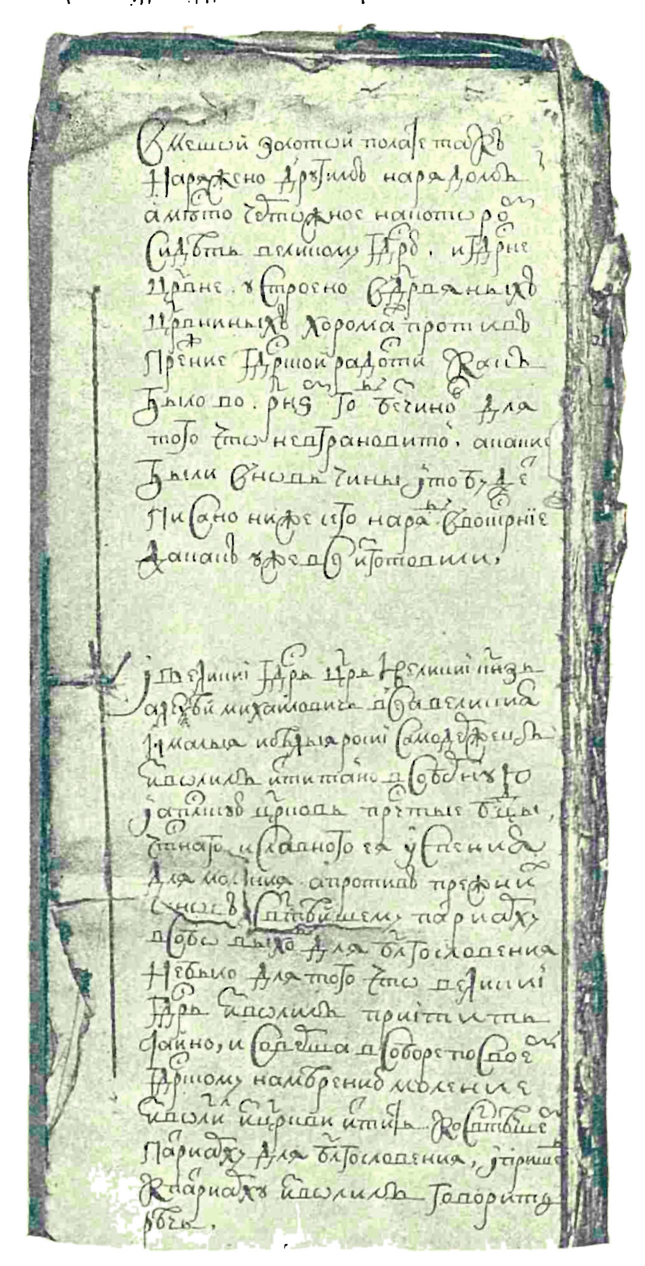
служилые и тяглые чины столичнаго населенія разсматривались, какъ представители также и провинціальнаго населенія. Служилые люди, входившіе въ составъ, такъ сказать, гвардейскаго дворянскаго корпуса, стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и жильцы представляли тѣ уѣзды, гдѣ они владѣли помѣстьями и вотчинами, а высшіе разряды московскихъ посадскихъ людей, гости, члены гостиной и суконной сотенъ, набиравшіеся въ Москву изъ провинціальныхъ посадовъ, но продолжавшіе нерѣдко владѣть въ этихъ посадахъ имуществомъ и вообще не терявшіе съ

родными связей и отношеній, служили представителями посадскаго населенія всего государства, такъ что въ лицѣ столичнаго населенія у правительства былъ всегда подъ рукою готовый земскій соборъ. Такой соборъ въ экстренныхъ случаяхъ оно и собирало; московскіе чины, очевидно, и теперь были созваны рѣшить вопросъ о престолонаслѣдіи. Когда патріархъ съ властями и боярами вышелъ къ нимъ — земскій соборъ оказался налицо, въ полномъ своемъ составѣ; и въ самомъ дѣлѣ, присутствовали всѣ общественныя группы, обыкновенно входившія въ его составъ: освященный соборъ съ патріархомъ во главѣ, боярская дума, представители служилаго и тяглаго классовъ. Въ отвѣтъ на обращенный къ собранію вопросъ патріарха, кому изъ обоихъ царевичей быть на царствѣ, послышались крики за Петра Алексѣевича; были крики и за Іоанна Алексѣевича, но первые крики были сильнѣе или, по крайней мѣрѣ, такъ казались руководителямъ собора. Былъ провозглашенъ царемъ Петръ, и патріархъ, вернувшись во дворецъ, благословилъ его на царство.

Царь Алексѣй Михайловичъ былъ женатъ два раза. Въ первый разъ на Маріи Ильиничнѣ Милославской, съ которою прожилъ 20 лѣтъ и которая принесла ему 13 человѣкъ дѣтей: пятерыхъ сыновей и восемь дочерей. Когда она скончалась 2 марта 1669 г., царь вдовѣлъ недолго. У своего любимца Артамона Сергѣевича Матвѣева, котораго онъ посѣщалъ запросто, онъ увидалъ однажды воспитанницу, дочь незнатнаго тарусскаго помѣщика, стольника Кирилла Полуектовича Нарышкина, Наталью Кирилловну, прельстился ея красотою и вступилъ съ нею во второй бракъ 22 января 1671 г. Первымъ ребенкомъ отъ этого брака и былъ Петръ Великій, родившійся въ Кремлевскомъ дворцѣ, 30 мая 1672 г., на память преподобнаго Исаакія Далматскаго, «въ отдачу часовъ ночныхъ», т.-е. передъ разсвѣтомъ. Рожденіе и крестины первенца отъ молодой жены царь отпраздновалъ цѣлымъ рядомъ родинныхъ и крестинныхъ пиршествъ во дворцѣ, изобиловавшихъ «сахарами» и пряниками, согласно съ требованіемъ стариннаго обычая. Первые годы дѣтства Петра протекли въ совершенной противоположности съ послѣдующими. Царевичъ былъ окруженъ самой нѣжной заботой и самою изысканною царственною роскошью. Кромѣ кормилицы Ненилы, къ нему были приставлены двѣ мамки, боярыня Леонтьева и кн. Голицына, и двое дядекъ, бояринъ Р. М. Стрѣшневъ и думный дворянинъ Т. Н. Стрѣшневъ. Для него, какъ это дѣлалось обыкновенно и для другихъ царевичей, къ Кремлевскому дворцу, представлявшему скопленіе безчисленныхъ такого рода пристроекъ, были пристроены особые хоромы, въ которыхъ полъ и стѣны были обтянуты алымъ сукномъ. Колыбель младенца была устроена изъ турскаго бархата «по алой землѣ съ большими золотыми репьями и малыми репейками серебряными, подбита хлоп-

чатой бумагой на рудожелтой подкладкѣ, ремни обтянуты бархатомъ краснымъ венецейскимъ; яблоко у пялецъ объярью по серебряной землѣ съ золотыми и разными шелковыми травами. Пуховикъ и подушки набиты бѣлымъ лебяжьимъ пухомъ». Когда царевичу исполнилось полгода, ему были сшиты кафтанчики зимніе и лѣтніе «изъ бѣлаго атласа, алой объяри на собольихъ пупкахъ, шитые золотомъ, окаймленные нѣмецкимъ кружевомъ съ запонами, низанными жемчугомъ съ серебряными кистями, а пуговицы изумрудныя на золотыхъ спняхъ» (закрѣпахъ).

По мѣрѣ роста царевича, дѣтская его наполняется игрушками, описаніе которыхъ намъ сохранили дворцовые хозяйственные документы: здѣсь видимъ игрушечную лошадку во всемъ уборѣ съ позолоченными стременами, стуликъ на желѣзныхъ колесахъ, на которомъ царевичъ катался по комнатамъ, качели, изображенія разныхъ птицъ; появляются игрушки иностраннаго происхожденія, музыкальные инструменты, клавикорды и цымбалы; хватаясь за это своими дѣтскими ручонками, Петръ впервые при-



Запись о бракосочетаніи царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной.
Хранится въ Москов. Главн. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.

касался къ произведеніямъ чужеземнаго, нѣмецкаго искусства. Въ особенности много поступало въ дѣтскую военныхъ игрушекъ: расписанные красками и вызолоченные луки, стрѣлы, барабаны,

топорки, пищали, пистоли, пушечки, знамена, булавы; этого рода игрушки рѣшительно преобладаютъ надъ всѣми другими, показывая, какіе вкусы развиваются у царевича съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Количество, въ какомъ эти игрушки требуются въ дѣтскую, показываетъ, что царевичъ играетъ тамъ не одинъ, что онъ окруженъ сверстниками, уже въ дѣтской составлявшими потѣшный отрядъ. Позднѣйшіе потѣшные отряды въ Преображенскомъ—только продолженіе этихъ младенческихъ военныхъ забавъ въ дѣтской кремлевскаго дворца.

Можно думать, что грамотѣ начали обучать царевича еще при жизни отца; есть извѣстіе, что 26 ноября 1675 г. была представлена на Верхъ изготовленная для него азбука, а 27 ноября былъ отслуженъ молебенъ о его многолѣтнемъ здравіи, вѣроятно, передъ началомъ ученія. Но настоящее ученье грамотѣ началось уже въ слѣдующемъ 1676 г., когда по докладу назначеннаго воспитателемъ Петра думнаго дворянина Ѳедора Соковнина былъ къ царевичу взятъ учителемъ дьякъ изъ приказа Большого Прихода Никита Моисеевъ сынъ Зотовъ, «человѣкъ тихій и небражникъ», впослѣдствіи, однако, поставленный своимъ ученикомъ съ титуломъ князь-папы во главѣ знаменитаго «всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора». Обучивъ царевича читать, Зотовъ прошелъ съ нимъ по обычаю того времени Часословъ, Псалтырь и Евангеліе; первыя двѣ книги, вѣроятно, были выучены наизусть. Впослѣдствіи Петръ былъ знатокомъ священнаго писанія и постоянно въ письмахъ и указахъ приводилъ изъ него цитаты. Свое преподаваніе Зотовъ разнообразилъ пріемами нагляднаго обученія. Замѣтивъ любознательность ученика, онъ показывалъ ему листы и книги съ раскрашенными картинками, на которыхъ изображались «грады, палаты, великіе корабли, бои, взятія городовъ, разныя исторіи въ лицахъ». Такіе листы и книги изготовлялись для царскихъ дѣтей мастерами Оружейной палаты, завѣдывавшей штатомъ придворныхъ живописцевъ и имѣвшей тогда значеніе царской академіи художествъ. Уроки Зотова должны были надолго прерваться, когда онъ въ августѣ 1680 года былъ отправленъ посланникомъ въ Крымъ, гдѣ пробылъ до весны, участвуя въ заключеніи Бахчисарайскаго перемирія. Вскорѣ правильное обученіе Петра и совсѣмъ прекратилось.

Безмятежно, какъ безоблачный лѣтній день, проходили первые, тихіе и радостные три съ половиной года дѣтства. Вдругъ стряслась бѣда. Царь Алексѣй въ январѣ 1676 г. внезапно занемогъ и, прохворавъ 10 дней, скончался. Петръ осиротѣлъ. Старшими дѣтьми царя Алексѣя, ихъ родственниками и приспѣшниками второй бракъ отца съ Нарышкиной былъ встрѣченъ враждебно. Недружелюбное отношеніе къ юной мачихѣ, которая годами была моложе старшихъ дочерей Алексѣя, сдерживаемое при отцѣ, теперь проявилось открыто. Царица-вдова съ малолѣтними дѣтьми

должна была занять во дворцѣ второстепенное мѣсто. Черезъ полгода надъ ней разразился новый ударъ. Ея воспитатель А. С. Матвѣевъ, «прiятель» царя Алексѣя и его первый министръ, ближайшiй совѣтникъ царицы послѣ смерти мужа, опора ея и Нарыш-

Петръ Великiй въ возрастѣ около 6 лѣтъ.
Съ гравюры Н. Д. Чечулина, сдѣланной по рукописи «Корень Россiйскихъ Государей», хранящейся въ Императорской Публичной библiотекѣ въ Петербургѣ.

киныхъ, былъ отправленъ въ ссылку, сначала въ почетную на Верхотурье на воеводство, а затѣмъ въ заточенiе въ Пустозерскъ. Это, кажется, первый въ ряду временщиковъ, которыхъ такъ много будетъ въ XVIII вѣкѣ, внезапно мѣнявшiй высшее мѣсто у трона на далекую ссылку въ Сибирь. Лишившись влiятельнаго за-

щитника и покровителя, Нарышкины стали подвергаться гоненію при дворѣ. Два брата царицы, Иванъ и Аѳанасій Кирилловичи, были сосланы изъ столицы.

Съ избраніемъ Петра на царство обстоятельства должны были перемѣниться. Правительницей государства на время малолѣтства Петра естественно становилась его мать. Теперь дѣло Милославскихъ, казалось, было проиграно; они должны были, въ свою очередь, ожидать той участи, которую испытывали Нарышкины. Ихъ вожаки должны были готовиться къ путешествію въ Пустозерскъ и другія подобныя мѣста. Но ни Иванъ Михайловичъ Милославскій, ни царевна Софья не были людьми, способными легко примириться съ неудачей. Царевна Софья была выдающаяся натура, достойная сестра своего великаго брата. Какъ и Петръ Великій, она обращала на себя вниманіе прежде всего своею внѣшностью: тотъ же высокій ростъ, то же могучее тѣлосложеніе, тотъ же быстрый и огненный взоръ, въ которомъ свѣтился живой природный умъ, скорѣе мужской, чѣмъ женскій, по словамъ современника, замѣтившаго, что царевна «великаго ума и самыхъ нѣжныхъ проницательствъ, больше мужеска ума исполненная дѣва». Тѣ же родственныя черты и въ темпераментѣ. Царевна, какъ и ея младшій братъ, отличалась тою же страстностью, той же стремительностью нрава, тою же жестокостью и смѣлостью, съ которою она ломала встрѣчавшіяся ей на пути препятствія, и тою же неразборчивостью въ выборѣ средствъ для достиженія поставленной цѣли. Царевна получила выдающееся образованіе также подъ руководствомъ учителя братьевъ, Симеона Полоцкаго. Съ тѣмъ же чисто революціоннымъ пренебреженіемъ къ старымъ обычаямъ, какъ бы важны и священны они ни казались, нарушая общепринятыя требованія скромности, царевна выступила изъ тишины тѣснаго терема, увлеклась политикой, сначала дѣйствуя какъ скрытая пружина политической борьбы, а затѣмъ открыто ухватилась за власть. Добиваясь власти, она пускала въ ходъ хитрость и интригу, чисто женскія способности, какими не обладалъ всегда открыто дѣйствовавшій Петръ, а затѣмъ шагала черезъ трупы, жестоко расправлялась съ противниками и казнила ихъ безъ суда, не слушая оправданій. Подобно брату, она не можетъ быть спокойной зрительницей идущей вокругъ борьбы и равнодушно смотрѣть, какъ разыгрываются событія. Она бросается въ ихъ водоворотъ и хочетъ быть движущей и направляющей силой. Вездѣ она на первомъ мѣстѣ, вездѣ она приковываетъ къ себѣ общее вниманіе. На похоронахъ Ѳеодора она, презирая общественное мнѣніе, явилась впервые среди публики вопреки обычаю, запрещавшему царевнамъ показываться открыто. Мало того, она обратилась къ собравшейся на дворцовой площади толпѣ съ изъявленіемъ своей скорби и «вопила» при этомъ на всю площадь. Она предсѣдательствуетъ на знаменитомъ диспутѣ съ раскольниками въ Грановитой палатѣ 5 іюля, на который она

вывела и другихъ обитательницъ кремлевскихъ теремовъ, вмѣшивается въ ходъ преній, теряетъ спокойствіе, вскакиваетъ съ мѣста, гнѣвно кричитъ на противниковъ, а послѣ диспута тайно приказываетъ схватить главнаго оппонента, попа Никиту Пустосвята и отсѣчь ему голову. Можно думать, что царевна задолго еще до смерти Θеодора стала оказывать вліяніе на политическія дѣла.

Правительница Софья Алексѣевна.
Съ рѣдчайшей гравюры Блотелинга.
Съ экземпляра Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ.

Въ моментъ смерти брата ей было уже безъ малаго 25 лѣтъ (она родилась 17 сентября 1657 г.), возрастъ по тому времени весьма зрѣлый для дѣвицы. По всей вѣроятности, еще при Θеодорѣ, уступая требованіямъ страстной природы, побѣждавшей дѣвичью стыдливость, и презирая условности, она вступила въ связь съ выдающимся политическимъ дѣятелемъ, кн. В. В. Голицынымъ, который, можетъ-быть, и выдвинулся благодаря этой связи.

Съ необычайной энергіей царевна Софья и Иванъ Михайловичъ Милославскій принялись поправлять дѣло. Неопытное правительство Нарышкиныхъ безъ Матвѣева дѣйствовало робко и нерѣшительно и допустило рядъ ошибокъ, которыми и воспользовались Милославскіе. Матвѣевъ былъ тотчасъ же по избраніи Петра вызванъ въ столицу, но прибылъ туда только 12 мая вечеромъ, а эти двѣ недѣли Иванъ Михайловичъ, по образному выраженію Соловьева, «кипятилъ заговоръ». По ночамъ къ нему собирались выборные отъ стрѣлецкихъ полковъ, а съ «Верху», отъ царевны Софьи, по стрѣлецкимъ слободамъ также посылались агенты съ деньгами и съ обѣщаніями. Милославскіе пустили въ ходъ находившуюся въ Москвѣ готовую для осуществленія заговора силу, которую проглядѣли и не сумѣли взять въ руки Нарышкины. Этою силою было московское стрѣлецкое войско, московскій пѣхотный гарнизонъ, состоявшій изъ 20 полковъ. Стрѣлецкое войско къ концу царствованія Ѳеодора находилось въ какомъ-то возбужденномъ нервномъ состояніи. Это войско вообще довольно мало напоминало регулярную армію. Стрѣльцы жили особыми слободами, владѣли дворами, занимались на посадѣ торгами и промыслами и были наполовину торгово-промышленными людьми. Такая двойственность положенія не могла служить хорошимъ основаніемъ для воинской дисциплины. При Ѳеодорѣ эта дисциплина совсѣмъ расшаталась. Среди стрѣлецкихъ полковъ въ Москвѣ завелся послѣ похода противъ Разина казацкій обычай: полки собирались на сходки или «въ круги», на которыхъ обсуждали свои дѣла. Большое недовольство въ войскѣ вызывали притѣсненія командировъ, полковниковъ, людей прежде всего чуждой имъ соціальной среды. Стрѣльцы набирались изъ вольныхъ людей, изъ свободныхъ отъ тягла родственниковъ посадскихъ людей или изъ свободныхъ элементовъ сельскаго населенія. Въ полковники надъ стрѣльцами назначались обыкновенно дворяне, приносившіе на службу привычки и пріемы своей крѣпостной вотчины. Стрѣльцы жаловались, что полковники берутъ ихъ въ свои дворы въ деньщики, облагаютъ ихъ всякими поборами и работами въ свою пользу и тѣмъ отвлекаютъ ихъ отъ промысловъ. Полковники, очевидно, распоряжались въ полкахъ, какъ въ своихъ имѣньяхъ. Нѣсколько жалобъ на злоупотребленія полковниковъ было подано правительству еще въ послѣдніе дни царя Ѳеодора. Послѣ его смерти жалобы эти раздались сильнѣе. Во дворецъ явилась депутація отъ шестнадцати полковъ съ обвиненіями противъ командировъ и съ требованіемъ выдачи ихъ войску на расправу. Нарышкинское правительство было застигнуто врасплохъ, растерялось и уступило стрѣльцамъ. Обвиняемые полковники были арестованы, нѣкоторые изъ нихъ были подвергнуты наказанію батогами и кнутомъ, остальные суровому правежу, какому обыкновенно подвергались недоимщики и неплатившіеся должники, пока

не уплатятъ взыскиваемыхъ съ нихъ денегъ. Скандальнѣе всего для дисциплины было то, что всѣми этими экзекуціями надъ своими бывшими командирами распоряжались сами же стрѣльцы. Войско совершенно разнуздалось, а тутъ приходятъ льстивые подговоры и обѣщанія отъ Милославскаго и Софьи. Старый начальникъ всего войска бояринъ князь Ю. А. Долгорукій, управлявшій стрѣлец-

Царь Іоаннъ Алексѣевичъ.
Съ гравюры Маттарнови.

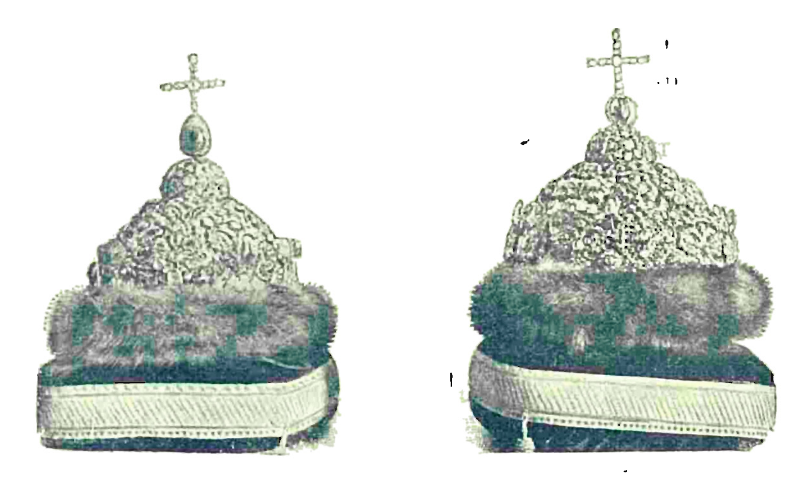
кимъ приказомъ, и товарищъ его по управленію приказомъ, сынъ его князь Михайло, теряютъ всякую власть надъ стрѣльцами. Особый авторитетъ среди стрѣльцовъ пріобрѣтаетъ и становится фактическимъ командиромъ войска извѣстный полководецъ въ войнахъ царя Алексѣя съ Польшей, боевой воевода князь И. А. Хованскій, по народному прозвищу «Тараруй», т.-е. болтунъ, хвастунъ. Хованскій до поры держитъ сторону Милославскихъ, возму-

щается избраніемъ Петра и разжигаетъ и безъ того взбудораженныхъ стрѣльцовъ, стращая ихъ, что при новомъ царѣ, котораго Богъ вѣсть почему выбрали, будутъ они у бояръ еще въ большемъ ярмѣ, чѣмъ прежде, будутъ у нихъ работать самыя тяжкія работы, а дѣти ихъ будутъ уже совсѣмъ невольниками. Хованскій затрагивалъ и политическія и религіозныя чувства, пророчилъ, что новое правительство поддастъ и все Московское государство въ неволю какому-нибудь чужеземцу, а вѣру православную совсѣмъ искоренитъ. Раздраженіе клокотало въ стрѣлецкомъ войскѣ; достаточно было перваго же повода, чтобы оно вылилось страшнымъ потокомъ. Искусной рукой Милославскихъ это раздраженіе было направлено противъ враждебной партіи, которую рѣшено было разгромить и терроризировать. По рукамъ стрѣльцовъ ходилъ списокъ «измѣнниковъ», особенно враждебныхъ имъ бояръ, которыхъ надо было истребить. Для начала мятежа былъ пущенъ слухъ, что Нарышкины извели царевича Іоанна.

Въ полдень 15 мая раздались звуки набата, и въ Кремль принесено было тревожное извѣстіе, что со всѣхъ сторонъ идутъ вооруженные стрѣльцы. Пока Матвѣевъ, совершенно проглядѣвшій волненіе стрѣльцовъ, — что и не удивительно, такъ какъ онъ пробылъ въ Москвѣ всего день и не успѣлъ осмотрѣться,—докладывалъ царицѣ, пока отдавали приказъ запереть кремлевскія ворота, стрѣльцы съ барабаннымъ боемъ ворвались въ Кремль и съ криками, что Нарышкины задушили царевича Іоанна, подошли къ Красному крыльцу. Царица Наталья, узнавъ о причинахъ тревоги, вмѣстѣ съ патріархомъ и боярами вышла на Красное крыльцо и вывела обоихъ братьевъ: и царевича Іоанна, и царя Петра. Бушевавшая толпа стихла. Нѣсколько стрѣльцовъ подставили къ крыльцу лѣстницу, влѣзли на крыльцо и спросили царевича Іоанна, подлинно ли онъ царевичъ, и кто изъ бояръ его изводитъ. Іоаннъ отвѣтилъ, что его никто не изводитъ. Слухъ оказался ложнымъ, стрѣльцы поняли, что обмануты, но вожаки движенія не дремали. Изъ толпы раздались крики, чтобы выдали измѣнниковъ бояръ, обозначенныхъ въ спискѣ. Къ стрѣльцамъ спустился Матвѣевъ и сталъ ихъ уговаривать, напоминая имъ прежнія ихъ заслуги. Волненіе стало утихать, но безтактная выходка кн. Михаила Долгорукаго испортила дѣло: некстати и слишкомъ поздно вспомнивъ о томъ, что онъ—стрѣлецкій начальникъ, и не понимая обстоятельствъ, онъ сталъ рѣзко кричать съ крыльца на стрѣльцовъ, чтобы убирались изъ Кремля по домамъ. Долгорукихъ, отца и сына, не любили и не уважали въ войскѣ, а тутъ Долгорукій, надъ которымъ глумились въ полкахъ, позволяетъ себѣ кричать. Толпа разсвирѣпѣла. Дѣломъ одной минуты было для стрѣльцовъ взобраться на крыльцо, схватить Долгорукаго, сбросить его внизъ на копья товарищей, стоявшихъ передъ крыльцомъ и изрубить бердышами. Видъ крови опьянилъ толпу. Началась оргія

убійствъ. Взбѣгая на крыльцо, стрѣльцы схватывали обвиненныхъ бояръ, именами которыхъ прожужжали имъ уши, и сбрасывали ихъ на копья; другихъ убивали на площади передъ дворцомъ. Не довольствуясь убійствами, продолжали еще вакханалію, издѣваясь надъ убитыми: волокли по землѣ трупы, крича: «Вотъ бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ, вотъ Долгорукій, вотъ думный ѣдетъ, дайте дорогу!» Такъ погибли А. С. Матвѣевъ, стольникъ Ѳ. П. Салтыковъ, котораго убили по ошибкѣ вмѣсто брата царицы Ивана Кирилловича, другой братъ царицы Аѳанасій Нарышкинъ, воевода, командовавшій войсками въ чигиринскихъ походахъ, кн. Гр. Гр. Ромодановскій, бояринъ И. М. Языковъ и думный дьякъ Ларіонъ Ивановъ.

Убійствами 15 мая кровавое пиршество не кончилось. Точно по старинному русскому обычаю оно продолжалось три дня. 16-го и 17-го стрѣльцы вновь появлялись по утрамъ въ Кремль



Алмазныя шапки царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича. Хранятся въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

съ требованіемъ выдачи брата царицы Ивана Нарышкина. Его обвиняли въ томъ, что онъ примѣривалъ на себя царскій вѣнецъ — клевета, пущенная врагами; но, видимо, молодой Нарышкинъ былъ наиболѣе энергичнымъ членомъ партіи, поэтому враги и опасались оставить его въ живыхъ. Пожалованіе его въ бояре по случаю царскаго избранія, несмотря на то, что ему всего было только 23 года отроду, было знакомъ той выдающейся роли, которая ему предназначалась. 16 мая стрѣльцы ушли отъ дворца ни съ чѣмъ: Нарышкинъ не былъ выданъ. 17-го они вновь появились съ тѣмъ же требованіемъ, яростно крича, что не уйдутъ, пока имъ не выдадутъ измѣнника, и грозя боярамъ. Дворецъ оказался вновь въ осадѣ. Софья обратилась къ царицѣ Натальѣ, требуя выдачи Ивана Кирилловича и говоря: «Брату твоему не отбыть отъ стрѣльцовъ; не погибать же намъ всѣмъ изъ-за него». Запуганные бояре просили царицу о томъ же, видя въ выдачѣ На-

рышкина единственное средство погасить мятежъ. Царица была вынуждена уступить и велѣла вывести брата изъ темнаго чулана, гдѣ онъ прятался за перинами и подушками. Его привели въ церковь Спаса за Золотою рѣшеткою, причастили и соборовали. Съ трудомъ оторвали его изъ объятій царицы, рыдавшей на его груди. Стрѣльцы, завидя жертву, бросились на него, но не сразу убили, а повели сначала въ Константиновскій застѣнокъ пытать, чтобы добиться у него признанія въ измѣнѣ. Нарышкинъ мужественно выдержалъ пытку, не сказавъ ни слова, и все-таки былъ разсѣченъ на части на Красной площади. Въ этотъ же день былъ варварски казненъ, также послѣ пытокъ, нѣмецъ, докторъ Даніилъ фонъ-Гаденъ, обвиняемый въ отравленіи царя Ѳеодора и, разумѣется, ни въ чемъ неповинный.

Озвѣрѣвшая толпа, наконецъ, насытилась кровью. Но партія Нарышкиныхъ казалась еще недостаточно разгромленной. По наущенію Милославскихъ стрѣльцы продолжаютъ появляться передъ дворцомъ съ требованіями, наносившими противникамъ новые удары. Убійства прекратились, начались проскрипціи. 18 мая стрѣльцы подали челобитную на имя государя, чтобы указалъ постричь въ монахи своего дѣда, отца царицы Натальи, Кирилла Полуектовича. Спорить съ стрѣльцами не приходилось; подъ формой челобитной они диктовали правительству свою волю, которая и была немедленно исполнена. Старикъ былъ постриженъ и отправленъ въ Кирилловъ монастырь. 20 мая другая такая же челобитная о ссылкѣ всѣхъ остальныхъ Нарышкиныхъ, а также постельничаго Алексѣя Лихачева, казначея Михаила Лихачева, окольничаго Павла и чашника Семена Языковыхъ и другихъ. Партія Нарышкиныхъ и Языковыхъ была такимъ образомъ уничтожена. Милославскіе могли торжествовать побѣду; они добились власти, но этому фактическому переходу власти надо было придать юридическія формы. Это было сдѣлано посредствомъ тѣхъ же недопускающихъ отказа стрѣлецкихъ челобитныхъ. 23 мая войско заявило о своемъ желаніи, чтобы царствовали оба брата вмѣстѣ. Боярская дума, обсудивъ это требованіе, рѣшила созвать земскій соборъ, который опять въ его экстренномъ маломъ видѣ былъ тотчасъ же созванъ и постановилъ, ссылаясь на примѣры изъ византійской исторіи, царствовать обоимъ царямъ. 26 мая новое требованіе: царю Іоанну считаться первымъ царемъ. 29-го стрѣльцы объявили свою волю боярамъ, чтобы правленіе государствомъ по молодости обоихъ царей было вручено царевнѣ Софьѣ. Софья, наконецъ, достигла своей цѣли. Ея завѣтная мечта осуществилась. Власть, притомъ открыто и съ соблюденіемъ внѣшнихъ юридическихъ формъ, переходила въ ея руки.

Царевнѣ, однако, на первыхъ порахъ пришлось разочароваться въ достигнутомъ успѣхѣ. Оказывалось, что она получила только внѣшнюю форму, только призракъ власти. Побѣда была одер-

жана при помощи такой силы, какую представляло собой въ майскіе дни 1682 г. разнузданное стрѣлецкое войско. Это войско, распорядившееся царскимъ вѣнцомъ, скоро почувствовало себя хозяиномъ положенія. Во главѣ его очутился, сдѣлавшись неиз-

Двойной тронъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей.
Серебряный, мѣстами вызолоченный; сдѣланъ въ Москвѣ въ 1682 г.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

вѣстно по какому указу начальникомъ Стрѣлецкаго Приказа на мѣсто убитаго въ смутѣ князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго, популярный воевода кн. Иванъ Андреевичъ Хованскій. Хованскаго впослѣдствіи обвиняли въ очень высокихъ и дерзкихъ замыслахъ

и покушеніяхъ; говорили, что онъ мечталъ женить сына на царевнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и указывалъ на свое происхожденіе изъ королевскаго дома Гедимина, ясно давая будто бы понять, куда онъ мѣтитъ. Возможно, что эти розсказни появились и во враждебной ему средѣ, чтобы оправдать внезапную и крутую съ нимъ расправу. Вѣрно, однако, то, что дѣйствительная фактическая власть въ теченіе лѣта 1682 г. оказалась въ его рукахъ, поскольку, разумѣется, онъ умѣлъ ладить со стрѣлецкимъ войскомъ. Хованскій является въ этотъ періодъ посредникомъ между войскомъ и правительницей, и его устами войско продолжаетъ диктовать свою волю царевнѣ Софьѣ такъ же, какъ оно ранѣе диктовало ее царицѣ Натальѣ. Стрѣльцы потребовали себѣ новаго титула «Надворной пѣхоты» и сооруженія памятника на Красной площади съ надписью, восхваляющей ихъ дѣянія 15—17 мая, и Софья должна была это исполнить. Стрѣльцы поддержали настойчивыя требованія раскольниковъ устроить на Лобномъ мѣстѣ публичное преніе о вѣрѣ съ патріархомъ и архіереями, и Софья устроила его 5 іюля во дворцѣ, при чемъ приверженцы старой вѣры, которой сочувствовалъ, или дѣлалъ видъ, что сочувствуетъ, Хованскій, держали себя во дворцѣ при чтеніи своей челобитной вызывающе дерзко. Смягчать и укрощать эту требовательность войска Софья должна была постоянными раздачами денегъ и обѣщаніями еще большихъ наградъ. Правительница скоро поняла, въ чьихъ рукахъ дѣйствительная власть, поняла и то, какою ненадежною опорою были для нея стрѣльцы. Распустившаяся, не знающая надъ собою удержу вооруженная толпа могла совершить кровавый государственный переворотъ, но не могла служить опорой для нормальной правительственной дѣятельности. Но за стрѣльцами стояла другая соціальная сила. Хозяйничанье стрѣльцовъ въ Москвѣ весною и лѣтомъ 1682 г. прикрывало собою хозяйничанье низшихъ слоевъ московскаго населенія, низшаго слоя посадскихъ жителей: московской черни и многочисленной челяди, холопей изъ боярскихъ дворовъ, получившихъ волю въ смутные дни, когда былъ сожженъ Холопій приказъ и изодраны хранившіяся въ немъ крѣпостныя книги. Эта московская чернь вездѣ сопровождаетъ и окружаетъ стрѣлецкія шайки и, такъ сказать, аплодируетъ подвигамъ стрѣльцовъ, изъявляя одобреніе криками «любо, любо!» Опереться на стрѣльцовъ значило въ сущности опереться на московскій пролетаріатъ—низшіе посадскіе слои, промышленную и ремесленную чернь и получившую волю челядь — не значило ли это основаться на вулканѣ?

Искать настоящей опоры Софья должна была въ иныхъ общественныхъ элементахъ и нашла ее въ томъ же общественномъ классѣ, на который опирались Романовы съ самаго своего избранія — въ помѣстномъ дворянствѣ. Лѣтомъ и осенью 1682 г. мы присутствуемъ при знаменательной, молчаливой, не дошедшей, впрочемъ, до столкновенія, встрѣчѣ двухъ общественныхъ

классовъ: столичнаго пролетаріата со стрѣльцами во главѣ и помѣстнаго дворянства, созваннаго подъ Москву правительницей. Понявъ опасность и непрочность своего положенія въ столицѣ, Софья съ обоими царями выѣхала 19 августа изъ Москвы въ село Коломенское, оттуда перебралась въ Саввинъ-Сторожевскій и затѣмъ въ Троицкій монастырь. По окрестнымъ уѣздамъ были посланы грамоты съ такими же предписаніями помѣщикамъ немедленно собраться и явиться къ государямъ, какія обыкновенно разсылались передъ войной. Отовсюду съѣзжались дворянскіе полки. Когда количество этого дворянскаго войска оказалось достаточнымъ, Софья велѣла схватить Хованскаго и казнить его съ сыномъ безъ всякаго суда. Казнь была исполнена 17 сентября въ день ея именинъ, въ отстоящемъ въ 10 верстахъ отъ Троицкой лавры селѣ Воздвиженскомъ, гдѣ находилась тогда и сама царевна съ государями. Стрѣльцамъ нанесенъ былъ сильный ударъ. Первымъ ихъ инстинктивнымъ движеніемъ было схватиться за оружіе: они заперлись въ Кремлѣ, сѣли тамъ въ осадѣ. Это было уже открытое возстаніе противъ правительницы. Дворъ удалился въ Троицкій монастырь, который также приведенъ былъ на военное положеніе, какъ во время знаменитой осады его поляками: изъ-за зубцовъ стѣны выглянули дула орудій, вездѣ разставлены были караулы. Монастырь сталъ центромъ, къ которому стягивалась служилая рать. Ея сила была столь внушительна, что стрѣльцы струсили и рѣшили сдаться. Современники живо изображаютъ, какъ напуганы были они идущей отовсюду на Москву дворянской ратью и съ какимъ трепетомъ шла подъ предводительствомъ суздальскаго митрополита Иларіона, который долженъ былъ служить защитой депутаціи отъ гнѣва правительницы, выборная отъ нихъ депутація въ Троицкій монастырь съ повинной. Депутаты опасались, что ихъ перехватаютъ и переказнятъ такъ же, какъ Хованскихъ. Софья, принявъ депутацію, согласилась простить стрѣльцовъ, если они заслужатъ прощеніе своими головами. Стрѣльцамъ были предписаны условія, исполнять которыя они обязались подъ присягой. Собираться въ круги по-казачьи было теперь запрещено; столбъ на Красной площади съ хвалебной надписью велѣно было сломать, наиболѣе предпріимчивые стрѣлецкіе вожаки были разосланы по уѣзднымъ городамъ. Начальникомъ стрѣлецкаго приказа назначенъ былъ думный дьякъ Ѳ. Л. Шакловитый, энергичными и суровыми мѣрами возстановившій въ войскѣ хотя нѣкоторую дисциплину. Только послѣ этихъ мѣръ Софья стала дѣйствительною правительницею государства.

II.

Внѣшняя политика и внутреннее управленіе въ царствованіе Θеодора Алексѣевича и въ правленіе царевны Софьи.

Мы теперь обратимся къ обзору внѣшней политики и внутреннихъ мѣръ въ тотъ періодъ царствованія Петра, когда правительницей была Софья. Но ея управленіе надо необходимо связывать съ предыдущимъ шестилѣтіемъ царствованія Θеодора. Оба эти небольшіе промежутка времени, вмѣстѣ обнимающіе всего 13 лѣтъ, тѣсно связаны между собою, составляютъ одинъ неразрывный періодъ, отличающійся единствомъ направленія. Правительство Софьи продолжало курсъ, взятый людьми, выдвинувшимися при царѣ Θеодорѣ. Не слѣдуетъ притомъ забывать, что власть перешла теперь къ лицамъ, которыя и при немъ оказывали свое значительное вліяніе.

Такова была прежде всего сама Софья, а затѣмъ ея фаворитъ кн. В. В. Голицынъ, начавшій играть такую видную роль въ послѣдніе годы царя Θеодора. Этотъ тринадцатилѣтній періодъ русской исторіи (1676—1689 г.) заслоненъ былъ при изученіи отвлекшей все вниманіе историковъ эпохой преобразованій Петра Великаго и обыкновенно онъ остается въ тѣни, разсматривается какъ введеніе ко времени Петра и составляетъ что-то въ родѣ вступительной главы къ петровской эпохѣ. Время это, дѣйствительно, интересно прежде всего, какъ время, предшествующее политикѣ и реформѣ Петра и полное прецедентовъ петровской реформы, но оно имѣетъ и самостоятельный интересъ. По широтѣ размаха, проявленной правительствомъ Θеодора и Софьи и во внѣшней политикѣ, и во внутреннемъ управленіи, по широтѣ задуманныхъ плановъ и начатыхъ осуществленіемъ практическихъ опытовъ — этотъ періодъ не уступаетъ времени Петра. Останься Софья у власти не семь лѣтъ, а дольше, можетъ-быть, и ея правленіе составило бы такую же замѣчательную эпоху, какъ и царствованіе ея младшаго брата.

Русская дипломатія при Θеодорѣ и Софьѣ продолжаетъ вести внѣшнюю политику въ томъ же направленіи, какое ей дано было знаменитымъ канцлеромъ царя Алексѣя, творцомъ Андрусовскаго перемирія 1667 г. Аθанасіемъ Лаврентьевичемъ Ординымъ - Нащокинымъ. По этому перемирію, заключенному на $13^1/_2$ лѣтъ, закончившему собою долгую войну съ сосѣдней Польшей за Малороссію и вообще положившему конецъ вѣковой борьбѣ между Россіей и Польшей, Московское государство получало Смоленскъ, Сѣверскую украйну, Черниговъ и лѣвобережную Малороссію, а на правомъ берегу Днѣпра Кіевъ, но только на два года. Правобереж-

ная Малороссія оставалась за Польшей. Главнымъ стремленіемъ Ордина-Нащокина было сблизить оба искони враждовавшія государства, чтобы направить ихъ соединенныя силы противъ общаго врага, одинаково грозившаго обоимъ съ юга, противъ Турціи. Ради мира и союза съ Польшей Ординъ пожертвовалъ Малороссіей, не затруднившись разрѣзать ее на двѣ части и половину ея отдать Польшѣ, готовъ былъ возвратить Польшѣ и Кіевъ, бывшій ключомъ къ обладанію Малороссіей. Въ опасности, грозившей христіанскому міру и болѣе всего Москвѣ и Польшѣ отъ мусульманъ съ юга, Ординъ видѣлъ оправданіе своей политики сближенія съ Польшей, а это былъ крутой поворотъ съ прежняго пути, которымъ неуклонно шло Московское государство, болѣе чѣмъ два вѣка боровшееся съ Польшей за исконныя православныя русскія области, очутившіяся въ польскихъ рукахъ. Дальнѣйшія событія оправдали предусмотрительность знаменитаго дипломата. Во второй половинѣ XVII в. уже казалось разлагавшаяся Турція совершенно неожиданно собирается съ силами и наноситъ ударъ за ударомъ сѣвернымъ христіанскимъ сосѣдямъ. Въ 1677 и 1678 гг. турки вторгаются въ правобережную Малороссію, которая, не желая оставаться подъ польскимъ владычествомъ, предпочла отдаться въ подданство султану. Московское правительство поняло всю опасность этого захвата западной Украйны турками и для Украйны восточной, и здѣсь на правомъ берегу происходятъ у г. Чигирина, занятаго московскимъ гарнизономъ, первыя непосредственныя столкновенія Россіи съ Турціей, — столкновенія, которыя начинаютъ собою цѣлый рядъ войнъ между этими державами въ теченіе слѣдующихъ двухъ столѣтій. Эта первая встрѣча съ Турціей была для Московскаго государства не изъ удачныхъ. Турки дважды осаждали Чигиринъ и, наконецъ, взяли его, а приходившія русскія войска подъ начальствомъ кн. Гр. Гр. Ромодановскаго не могли выручить сидѣвшаго тамъ гарнизона. Правительство принуждено было покончить борьбу Бахчисарайскимъ перемиріемъ, заключеннымъ 4 марта 1681 г. на 20 лѣтъ, по которому юго-западной границей Московскаго государства признавался Днѣпръ съ сохраненіемъ, впрочемъ, за Москвою на правой сторонѣ Кіева. Правобережная Малороссія оставалась, слѣдовательно, за султаномъ, который, однако, обязывался не строить крѣпостей на пространствѣ между Днѣпромъ и Бугомъ. Перемиріе это не было особенно почетнымъ для московскаго правительства, уступившаго православную Малороссію мусульманамъ, но его приходилось принять какъ необходимость. Въ 1683 г. турки обрушились на христіанскій міръ съ другой стороны; ихъ полчища, исчислявшіяся въ 200.000 человѣкъ, воспользовавшись замѣшательствомъ и возстаніемъ въ Венгріи, появились у Вѣны, осадили ее, и только приходъ польскаго короля Яна Собѣскаго съ войсками заставилъ ихъ снять осаду. Въ то же время они дѣлаютъ постоянные набѣги на Польшу,

пустошать Волынь и Галицію и попытки освободителя Вѣны Яна Собѣскаго отразить ихъ съ этой стороны въ 1684 и 1685 гг. были неудачны. Побуждаемыя этими успѣхами турокъ Польша и Россія заключили между собою въ Москвѣ 21 апрѣля 1686 г. вѣчный миръ. Въ основу вѣчнаго мира были положены андрусовскія же условія, но Кіевъ отходилъ теперь уже навсегда къ Московскому государству. Умѣнье, не разрывая соглашенія съ Польшей, удержать Кіевъ, столицу Малороссіи, въ русскихъ рукахъ составляетъ, несомнѣнно, крупную заслугу дипломатовъ времени Ѳеодора и Софьи, въ частности кн. В. В. Голицына, пожалованнаго званіемъ, которое носилъ Ординъ-Нащокинъ: «царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателя», т.-е. канцлера. Еще раньше за уступку на вѣчное время Кіева московское правительство отдало Польшѣ нѣсколько небольшихъ городовъ въ Смоленскомъ краю: Невель, Себежъ и Велижъ, а теперь еще уплатило 146.000 рублей деньгами (около полутора милліона на наши деньги). Но въ Москвѣ при этихъ жертвахъ не забывали, что настоящимъ владѣтелемъ Малороссіи будетъ тотъ, въ чьихъ рукахъ будетъ Кіевъ, политическая и церковная столица края. Этотъ видный успѣхъ Москвы былъ увеличенъ еще другимъ успѣхомъ: установленіемъ тѣсной церковной связи Малороссіи съ Москвою, а это церковное сближеніе влекло за собою и болѣе тѣсное политическое соединеніе Украйны съ Московскимъ государствомъ. До той поры кіевская митрополія зависѣла отъ константинопольскаго патріарха. Въ 1685 г. по особому договору съ гетманомъ она признана была зависимой отъ московскаго патріарха съ сохраненіемъ, однако, внутренней автономіи, и осенью этого года новый кіевскій митрополитъ, кн. Гедеонъ Четвертинскій, былъ поставленъ въ Москвѣ.

Миръ съ Польшей выводилъ Московское государство на широкую арену общеевропейской политики и втягивалъ его въ грандіозную коалицію христіанскихъ народовъ противъ турокъ, въ составъ которой входили Венеція — тогда еще могущественная торговая республика, обладавшая обширными флотами на Средиземномъ морѣ,— Австрія, только что переживавшая страхъ осады столицы, и Польша. Подъ воздѣйствіемъ коалиціи, получившей въ 1684 г. благословеніе папы на крестовый походъ противъ турокъ, былъ заключенъ вѣчный миръ между Москвой и Польшей, и однимъ изъ условій московскаго договора 21 апрѣля 1686 г. былъ разрывъ Московскимъ государствомъ Бахчисарайскаго перемирія съ турками и крымцами и походъ на Крымъ, чтобы отвлечь силы татаръ, въ то время какъ остальные союзники будутъ управляться съ турками. Такимъ образомъ рукою царевны Софьи Россія была введена въ сферу широкой европейской политики, цѣлью которой было сломить турецкое могущество. Въ этомъ выходѣ на широкую европейскую арену, въ этомъ поворотѣ внѣшней политики, двигавшейся въ на-

правленіи, данномъ Ординымъ-Нащокинымъ, нельзя было видѣть какой-нибудь измѣны національнымъ интересамъ. Московское государство три вѣка враждовало съ Польшей за русскія, православныя области, находившіяся въ ея рукахъ, и ставило задачей ихъ возсоединеніе. Но не могло же оно равнодушно допускать, чтобы эти православныя области отходили подъ власть Турціи, и потому и выбрало миръ съ Польшей и оставленіе за ней Бѣлоруссіи, какъ меньшее зло. Кромѣ того, существованіе Крымскаго ханства было вѣковымъ несчастіемъ русскаго народа. Крымская орда промышляла невольничьимъ торгомъ на турецкихъ рынкахъ и ежегодно даже и въ мирное время налетала на все болѣе заселяющіяся южныя окраины Московскаго государства за добычей,

Знамя, служившее во время Крымскихъ походовъ кн. В. В. Голицына, во время второго Азовскаго похода и въ началѣ Великой Сѣверной войны. Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

за живымъ товаромъ, и борьба съ нею была такою же національною задачею политики Московскаго государства, какъ борьба съ Польшей за православныя, искони русскія области. Выдвигая на время одну изъ этихъ задачъ и сосредоточивая на ней всѣ силы, чтобы разрѣшить ее окончательно, правительство Софьи не нарушало національныхъ интересовъ. Предпринимая крымскіе походы и опасаясь разбрасываться и разъединять силы, которыя надо было сосредоточивать для нанесенія одного удара, правительство царевны Софьи должно было отказаться отъ агрессивной политики и на противоположномъ концѣ государства, отъ дальневосточныхъ предпріятій, и рѣшило всячески предупредить столкновеніе съ Китаемъ, грозившее вспыхнуть изъ-за береговъ Амура,

гдѣ отдѣльные продвигавшіеся казацкіе отряды основали маленькія крѣпостцы-острожки съ городкомъ Албазиномъ во главѣ, опираясь на которые они налагали дань на амурскихъ инородцевъ. Въ Нерчинскъ былъ посланъ стольникъ Головинъ уладить возникшія затрудненія. По договору, заключенному въ Нерчинскѣ 27 августа 1689 г., городъ Албазинъ былъ разоренъ, и его гарнизонъ переведенъ въ Нерчинскъ; границею между Россіей и Китаемъ признаны р. Аргунь до соединенія ея съ р. Шилкой и затѣмъ Яблоновый хребетъ отъ р. Горбицы до Охотскаго моря.

Идея нападенія Россіи на Крымъ, которое должно было ослабить могущество султана, не была новостью въ 1686 г.; она уже давно обсуждалась европейскими дипломатами. Есть извѣстія, что о такомъ нападеніи мечтали христіанскія народности Балканскаго полуострова валахи, молдаване, сербы; такъ, по крайней мѣрѣ, еще въ 1676 г. писалъ въ Москву русскій резидентъ при польскомъ дворѣ. Особенно желанной казалась эта идея въ 70-хъ и 80-хъ годахъ XVII в. въ Польшѣ, отъ которой походъ русскихъ войскъ на Крымъ долженъ былъ отвлечь крымскаго хана. Польскіе государственные люди неумолчно твердятъ объ этомъ походѣ московскому правительству. Эту же мысль проводили въ Москвѣ императорскіе послы, бывшіе тамъ въ маѣ 1684 г., образно говоря, чтобы великіе государи «помогли противъ турецкаго султана, отняли у него правую руку— Крымъ». Соблюдая договоръ 1686 г., московское правительство двинуло въ Крымъ весной 1687 г. громадную по тому времени армію числомъ до 100.000 человѣкъ, усиленную еще малороссійскими казаками подъ начальствомъ гетмана Самойловича. Главнокомандующимъ всѣми войсками былъ назначенъ канцлеръ государства кн. В. В. Голицынъ. Въ началѣ мая войско, сосредоточившись на берегахъ р. Мерло, выступило въ походъ, и къ 17 іюня дошло до р. Карачакрака. Но двигаться дальше оказалось невозможнымъ. Татары выжигали степь, по которой лежалъ путь войску, и оно нѣсколько дней шло, окутанное дымомъ. Въ выжженной степи, покрытой грудами золы, нельзя было найти конскаго корма; лошади падали отъ голода, это останавливало армію, такъ какъ значительная часть ея состояла изъ конныхъ полковъ, и, кромѣ того, масса лошадей должна была тащить артиллерію и обозы. Люди изнемогали отъ зноя и недостатка воды. Развились болѣзни. Встрѣтивъ эти неодолимыя препятствія, Голицынъ, выслушавъ мнѣніе военнаго совѣта, рѣшилъ вернуться обратно. Годъ слишкомъ прошелъ въ приготовленіяхъ къ другому походу, предпринятому въ 1689 г. На этотъ разъ Голицынъ выступилъ ранней весной, въ мартѣ, чтобы избѣжать зноя и степныхъ пожаровъ. Какъ и въ первомъ походѣ, къ московскимъ полкамъ присоединилось малороссійское казачество, но уже подъ начальствомъ новаго гетмана Ивана Мазепы: Самойловичъ, не-

любимый малороссійскимъ народомъ за тягостные поборы и раздражавшій старшину высокомѣріемъ, былъ смѣщенъ по царскому указу еще во время перваго похода, когда войска повернули назадъ, вслѣдствіе жалобъ на него старшины, обвинявшей его даже въ измѣнѣ, и тамъ же въ лагерѣ былъ избранъ гетманомъ Мазепа. Но поставленная задача и вторымъ походомъ не была разрѣшена. 20 мая 1689 г., подойдя къ Перекопи, узкому перешейку, отдѣляющему Крымскій полуостровъ отъ материка, защищенному рвомъ и валомъ съ находившимися на немъ башнями, Голицынъ не рѣшился углубиться въ крымскія степи, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ сообщеній, если бы перешеекъ оказался въ рукахъ непріятеля, и, не штурмуя перекопскихъ укрѣпленій, опять повернулъ обратно. Царевнѣ Софьѣ не удалось то, что сдѣлано было съ большими усиліями при Екатеринѣ II. Крымъ завоеванъ не былъ, потому что при организаціи походовъ не были предусмотрѣны и приняты въ расчетъ климатическія препятствія и не были ясны стратегическія условія его завоеванія. Все же надо, однако, сказать, что Софьѣ принадлежитъ постановка на очередь и первая попытка къ исполненію того плана, который осуществленъ былъ Екатериною II.

Наградной червонецъ, пожалованный князю В. В. Голицыну за Крымскій походъ.

Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

Та же широта замысловъ и плановъ во внутреннемъ управленіи за разсматриваемый періодъ. На первомъ мѣстѣ надо здѣсь поставить организацію военнаго дѣла. Военное напряженіе государства не ослабѣвало; войны царя Алексѣя съ Польшей смѣнились войнами царя Ѳеодора съ Турціей. Испытанныя пораженія заставляли обращать вниманіе на недостатки московскаго военнаго строя и принять мѣры къ развитію военныхъ силъ страны. Въ послѣдніе годы царя Ѳеодора была созвана обширная комиссія изъ выборныхъ представителей отъ разныхъ чиновъ служилыхъ людей: генераловъ, полковниковъ, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ, жильцовъ, дворянъ городовыхъ и дѣтей боярскихъ для обсужденія и разработки преобразованій

въ войскѣ. Необходимость такихъ преобразованій была сознана ясно, и комиссіи дана опредѣленно поставленная задача «сдѣлать въ государскихъ ратяхъ разсмотрѣніе и лучшее устроеніе» въ виду того, что «въ мимошедшихъ воинскихъ браняхъ, будучи на бояхъ съ государевыми ратными людьми, непріятели показали новые въ ратныхъ дѣлахъ вымыслы». Предсѣдателемъ комиссіи былъ назначенъ кн. В. В. Голицынъ. Устройство войска подверглось всестороннему обсужденію, и былъ предпринятъ рядъ преобразованій и въ военной администраціи, и въ самомъ строѣ. Преобразованія въ администраціи коснулись и центра, и областного военнаго управленія. Центральное сдѣлано было болѣе сосредоточеннымъ и систематичнымъ. Разсѣянное прежде по многимъ приказамъ, оно сведено было теперь только въ немногіе, именно: управленіе всѣми конными войсками русскаго строя, иррегулярной дворянской милиціей, было сосредоточено въ разрядномъ приказѣ; управленіе пѣхотными и конными войсками иноземнаго строя поручено было рейтарскому приказу. Стрѣлецкая пѣхота продолжала оставаться въ завѣдываніи стрѣлецкаго приказа. Мѣстное военное управленіе было сформировано по военнымъ округамъ, получившимъ названіе «разрядовъ». Такіе округа еще ранѣе при царѣ Алексѣѣ стали складываться подъ вліяніемъ практическихъ потребностей въ пограничныхъ мѣстностяхъ государства. Воеводѣ «большого полка», располагавшагося въ главномъ городѣ, подчинялись воеводы остальныхъ полковъ, размѣщавшихся въ пригородахъ; получалась такимъ образомъ группа городовъ, связанная военнымъ командованіемъ и называвшаяся «разрядомъ». Таковы были разряды Новгородскій, Смоленскій и Бѣлгородскій. Теперь эта практически сложившаяся организація была распространена на всю территорію государства, гдѣ находились военныя силы. Государство было подраздѣлено на 9 округовъ или разрядовъ: Новгородскій, Смоленскій, Сѣвскій, Бѣлгородскій, Московскій, Рязанскій, Владимирскій, Казанскій и Тамбовскій. По военнымъ округамъ и должно было формироваться войско въ случаѣ войны. Каждый округъ составлялъ армію подъ начальствомъ особаго командира. Когда объявленъ былъ первый крымскій походъ, мобилизованы были, выражаясь нашимъ языкомъ, кромѣ гвардіи, т.-е. чиновъ московскихъ, ближайшее начальство надъ которыми взялъ на себя самъ кн. В. В. Голицынъ, еще округи Новгородскій—подъ командой боярина А. С. Шеина, Рязанскій—подъ начальствомъ боярина кн. В. Д. Долгорукаго, и Сѣвскій—во главѣ съ окольничимъ Л. Р. Неплюевымъ. Дѣленіе на разряды сохранялось и во время движенія войска; тѣ же разряды были двинуты и во второй крымскій походъ. Эта организація военныхъ силъ по округамъ напоминаетъ теперешнюю нашу военную организацію также по округамъ.

Въ устройствѣ самаго войска при царѣ Ѳеодорѣ и правительницѣ Софьѣ вообще продолжалось развитіе полковъ иноземнаго строя,

пѣхотныхъ (солдатскихъ) и конныхъ (рейтарскихъ, драгунскихъ и др.), формировавшихся изъ мелкихъ землевладѣльцевъ; они распускались еще по домамъ въ мирное время, но обязаны были ежегодно на нѣкоторое время являться на службу и обучаться регулярному строю подъ руководствомъ иностранныхъ офицеровъ-инструкторовъ. Уже при Ѳеодорѣ иноземный строй оказывается преобладающимъ надъ русскимъ. надъ дворянской милиціей и стрѣльцами, по численности. Вся армія состояла тогда приблизительно изъ 200.000 человѣкъ; изъ нихъ на долю полковъ русскаго строя приходилось 60.000, а на долю иноземнаго — 90.000; остальное составляли казаки, калмыки и другіе инородцы. Въ эпоху крымскихъ походовъ перевѣсъ численности иноземнаго строя надъ русскимъ на театрѣ войны еще рѣшительнѣе. Во второмъ походѣ участвовало всего 95.858 чел., не считая казацкаго отряда. На долю русскаго строя пришлось 17.206 человѣкъ (менѣе пятой части), на долю иноземнаго—78.652.

Въ частности комиссіей Голицына было предложено нѣкоторое усовершенствованіе въ подраздѣленіи гвардейскаго дворянскаго корпуса, такъ называемыхъ «чиновъ московскихъ», или «царедворцевъ», въ составъ которыхъ входили группы стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и жильцовъ. Прежде эта гвардія представляла очень мало организованную массу, распредѣлявшуюся на сотни подъ начальствомъ выборныхъ головъ. Комиссія предложила правильное подраздѣленіе московскихъ чиновъ на роты съ назначеніемъ въ каждую роту ротмистровъ, поручиковъ и хорунжихъ. Реформа эта возбудила, повидимому, большое недовольство въ кругахъ высшаго «московскаго» дворянства. Когда Голицынъ во время перваго похода осуществилъ ее на практикѣ и расписалъ всѣхъ «царедворцевъ» на 19 стольническихъ, 11 стряпческихъ, 12 дворянскихъ и 12 жилецкихъ ротъ, въ средѣ царедворцевъ послышался ропотъ, а стольники, кн. Борисъ Долгорукій, кн. Ю. Щербатый, Дмитріевъ и кн. Масальскій, въ видѣ протеста явились на службу въ траурныхъ, черныхъ одеждахъ и на коняхъ, покрытыхъ черными попонами. Чтобы понять причины этого недовольства, надо припомнить, что чины, изъ которыхъ составлялся корпусъ царедворцевъ, имѣли очень высокое значеніе въ служебной іерархіи, связанное съ важными возлагавшимися на нихъ порученіями. Стольники предводительствовали провинціальными дворянскими отрядами, управляли приказами, отправлялись въ посольства, посылались на воеводства товарищами воеводы въ первоклассные города и самостоятельными воеводами въ города не перваго разряда, но все же въ крупные и лучшіе. Дѣти знатныхъ фамилій изъ стольниковъ прямо возводились въ боярство. Легко понять раздраженіе среди этой знати, когда она, будучи расписана по ротамъ, должна была нести рядовую службу подъ командой ротмистровъ.

Эта реформа гвардейскаго строя влекла за собою другую, гораздо болѣе крупную и значительную реформу, которая и связывается обыкновенно съ именемъ Голицына, — отмѣну мѣстничества. При сохраненіи мѣстническаго счета описанная организація гвардіи была невозможна. Разъ знатный молодой стольникъ обязанъ былъ нести въ гвардейскомъ корпусѣ рядовую службу подъ начальствомъ ротмистра и поручика, гдѣ же было набрать въ ротмистры и поручики людей еще болѣе знатныхъ, чѣмъ ихъ рядовые? По мѣстническимъ правиламъ должности этихъ командировъ пришлось бы сообразовать съ значительностью рода. И развѣ могъ какой-нибудь титулованный стольникъ служить въ ротѣ рядовымъ, когда его менѣе породистый товарищъ былъ уже въ поручикахъ, хотя бы даже и въ другой ротѣ? Что-нибудь изъ двухъ: или новая организація, или мѣстничество. То и другое одновременно было невозможно. Вообще обычай считаться мѣстами по знатности рода и по положенію въ семьѣ вызывалъ постоянно скандалы во время придворныхъ церемоній, отказы отъ служебныхъ назначеній, но особенно вреденъ былъ онъ на военной службѣ, и не одно сраженіе было проиграно потому, что воеводы вмѣсто того, чтобы заботиться объ оборонѣ отъ непріятеля, занимались родословными счетами. Придравшись къ случаю, къ новой организаціи московскаго дворянства, правительство рѣшило теперь отмѣнить мѣстничество. Реформа эта, предшествуя петровской табели о рангахъ, дѣлала шагъ къ уравненію дворянства, какъ класса, или лучше, она сама служила показателемъ совершавшагося уравненія, создаваемаго жизнью. Кругъ знати, тѣсно группировавшейся около престола, оказывался уже слишкомъ узкимъ для новыхъ и широкихъ государственныхъ потребностей. Чтобы поднять армію на высоту, при которой ей были бы нестрашны непріятельскіе «вымыслы», нужны были служебные таланты, а не знатная порода. Кругъ знати уже и по своей численности не могъ быть достаточнымъ при ростѣ войска и развитіи администраціи; волей - неволей приходилось выдвигать новыхъ людей. При томъ же боярство экономически падало и мельчало: знатное имя не всегда стало уже ручательствомъ за воспитаніе, подготовку и житейскую обстановку, необходимыя для того или другого служебнаго положенія. 12 января 1682 г. во дворцѣ происходила небывалая церемонія. Было собрано соединенное засѣданіе боярской думы и освященнаго собора во главѣ съ патріархомъ. Постановлено было принять предлагаемую комиссіей мѣру, упразднить мѣстничество. Какъ видимый знакъ этого приговора были — къ большой пользѣ для современниковъ и къ немалому горю позднѣйшихъ историковъ — сожжены «разрядныя книги», записи, на которыхъ основывались мѣстническіе расчеты. Этой мѣры одной достаточно, чтобы составить Голицыну славу реформатора. Взамѣнъ разрядныхъ книгъ рѣшено было завести въ разрядномъ приказѣ офиціальную родословную книгу,

подраздѣленную на четыре части: въ первую часть занести старинные княжескіе и боярскіе роды, члены которыхъ служили еще при царѣ Іоаннѣ Грозномъ; во вторую — фамиліи, выдвинувшіяся на службѣ со времени Михаила Ѳеодоровича и значащіяся въ провинціальныхъ дворянскихъ спискахъ, десятняхъ, въ первой статьѣ; въ третью — служилыя фамиліи, значащіяся въ десятняхъ во второй и третьей статьяхъ; наконецъ, въ четвертую часть должны были быть занесены служилые люди изъ нижнихъ чиновъ, пожалованные за службу въ московскіе чины, въ гвардію. Это составленіе дворянской родословной книги съ подраздѣленіемъ ея на части напоминаетъ екатерининскую жалованную грамоту 1785 г., съ ея дворянскими родословными книгами, подраздѣляющимися на шесть частей.

Та же широта реформъ и въ области государственнаго хозяйства. Еще въ началѣ царствованія Ѳеодора въ 1678 году была сдѣлана общая перепись тяглаго населенія, такъ какъ данныя предыдущей такой же переписи царя Алексѣя Михайловича 1646 г. уже устарѣли. Въ 80-хъ годахъ задумано было составленіе кадастра, началось повсемѣстное писцовое описаніе земель по широкой и подробной программѣ, которое должно было замѣнить также устарѣвшія писцовыя книги 20-хъ годовъ XVII вѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ предпринята была грандіозная мѣра: межеваніе земель по всему государству, недостатокъ котораго живо ощущался землевладѣльцами. Техника этого дѣла въ XVII в. была крайне несовершенна; грани и межи владѣній, обозначаемыя въ писцовыхъ и межевыхъ книгахъ по кустамъ, по суховерхимъ березамъ и т. д., быстро стирались, а отсутствіе ясныхъ и точныхъ границъ давало поводъ къ безконечнымъ поземельнымъ столкновеніямъ и тяжбамъ. Изданъ былъ межевой наказъ, разосланы межевыя партіи, исполненіе предпріятія началось; но довести его до конца правительство Софьи не успѣло: и этотъ замыселъ получилъ осуществленіе только черезъ столѣтіе въ генеральномъ межеваніи, начавшемся во второй половинѣ XVIII вѣка, и въ этомъ царевна Софья является предшественницей Екатерины II.

Одновременно съ военной комиссіей Голицына, состоявшей изъ депутатовъ отъ служилыхъ чиновъ, засѣдала въ Москвѣ другая, столь же обширная, комиссія по финансовымъ дѣламъ, состоявшая изъ выборныхъ представителей отъ городовъ, по два отъ каждаго, отчего они получили названіе «двойниковъ». Этимъ собраніемъ былъ выработанъ рядъ податныхъ реформъ, которыя затѣмъ приводились въ исполненіе. Преобразованія коснулись какъ косвенныхъ сборовъ, такъ и прямыхъ податей. Въ 1681 г. прекращена была отдача на откупъ таможенныхъ и питейныхъ доходовъ; таможенное и питейное управленіе должно было теперь обслуживаться исключительно выборными «вѣрными» людьми. Но особенно важныя мѣры приняты были въ области прямого

обложенія. Ранѣе въ обложеніи отсутствовало какое-либо единство, какая-либо система. Оно слагалось исторически, образовалось путемъ разновременныхъ наслоеній. Прямые налоги, собиравшіеся въ XVII в., можно подраздѣлить на двѣ группы, чрезвычайно различныя и по времени возникновенія и по значенію. Къ первой группѣ надо отнести старинные налоги, начало которыхъ восходитъ еще къ удѣльнымъ временамъ и которые какъ бы застыли въ своей неподвижности; таковы были деньги: данныя, запросныя, ямскія, приметныя, за городовое дѣло и т. д. Эти налоги очень разнообразились и по составу и по окладамъ для отдѣльныхъ мѣстностей, бывшихъ когда-то отдѣльными княжествами, самостоятельными политическими цѣлыми. Они взимались по писцовымъ книгамъ, въ которыхъ были закрѣплены ихъ оклады, и такъ не мѣнялись въ теченіе столѣтія. Въ XVII в. эта группа представляетъ собою архаическую коллекцію податей, древнихъ по происхожденію, очень разнообразныхъ по мѣстностямъ, взимавшихся по писцовымъ книгамъ въ закрѣпленныхъ этими книгами окладахъ. Оклады эти, когда-то значительные, для середины XVII в. вслѣдствіе паденія покупной силы рубля были уже не отяготительны, и вообще вся эта старинная группа прямыхъ налоговъ давала только меньшую часть государственныхъ доходовъ. Эти налоги назывались четвертными, потому что поступали въ особые приказы, называвшіеся четвертями. Вторую группу составляютъ сборы новаго происхожденія, наложенные въ XVII в., взимаемые по переписнымъ книгамъ и доставлявшіе главную массу поступавшихъ въ казну рессурсовъ. Таковы были сборъ на содержаніе московскихъ стрѣльцовъ, сборъ сибирскимъ служилымъ людямъ, деньги на солдатскіе кормы, деньги ратнымъ людямъ на жалованье и др. Оклады этихъ крупныхъ сборовъ, установленныхъ въ XVII в., не были постоянны и опредѣлялись ежегодно особыми указами. Но изъ сборовъ XVII в. не всѣ были повсемѣстными; нѣкоторые налагались только на отдѣльныя мѣстности, тогда какъ другія мѣстности оставались отъ нихъ свободны. Притомъ не всѣ эти налоги были и постоянными; иные изъ нихъ имѣли скорѣе характеръ экстренныхъ, взимались, когда была необходимость, а затѣмъ по минованіи надобности сборъ ихъ на время прекращался. Не только каждый обширный край, а буквально чуть не каждый уѣздъ отличался отъ другихъ системой платимыхъ податей и повинностей; разнообразіе въ этомъ отношеніи простиралось даже на отдѣльныя волости. Наконецъ въ разныхъ мѣстностяхъ четвертные сборы разверстывались по своимъ особымъ податнымъ единицамъ. Словомъ, въ Московскомъ государствѣ XVII в. мы видимъ тотъ же архаическій, пестрый исторически сложившійся финансовый строй, какъ и во Франціи при старомъ порядкѣ, когда каждая провинція платила свои особыя подати, несла особыя повинности и пользовалась ей только присвоенными льготами.

Цѣлью тѣхъ перемѣнъ, которыя были предложены комиссіей выборныхъ отъ городовъ въ 1679—1681 г., было упрощеніе податной системы, сведеніе ея къ единству. На мѣсто исторической пестроты и провинціальныхъ разнообразій вводилось общегосударственное единообразіе, устанавливалась опредѣленная проникнутая единствомъ система. Многія мелкія подати замѣнялись одною крупною, консолидировались; одна и та же подать должна была падать если еще и не на все государство, то, по крайней мѣрѣ, на ту или другую сословную группу населенія. Вводились двѣ подати, которыя должны были замѣнить собою прежніе многочисленные обыкновенные прямые налоги; то были, во-первыхъ, стрѣлецкая подать и, во-вторыхъ, ямскія и полоняничныя деньги, слившіяся въ одинъ сборъ. Оба эти налога, стрѣлецкій и ямскія и полоняничныя деньги, падали каждый на различныя общественныя группы и были очень различны по своей тягости. Стрѣлецкою податью въ размѣрѣ отъ 2 руб. до 8 гривенъ со двора — дворы же по состоятельности были подраздѣлены на пять разрядовъ — были обложены дворы посадскихъ людей, а также дворы черносошныхъ государственныхъ крестьянъ. Ямскія и полоняничныя деньги должны были платить крѣпостные крестьяне, притомъ въ гораздо меньшихъ размѣрахъ: церковные крестьяне по 10 к. съ двора, а крестьяне свѣтскихъ землевладѣльцевъ по 5 коп. съ двора. Крѣпостные крестьяне, обязанные платежами и повинностями въ пользу своихъ землевладѣльцевъ, были облегчены сравнительно съ государственными крестьянами въ казенныхъ податяхъ. Главная податная тягость падала, слѣдовательно, на посадскихъ людей по всему государству и на свободныхъ отъ крѣпостного права, такъ называемыхъ черносошныхъ крестьянъ, населявшихъ преимущественно поморскій сѣверъ.

Тѣмъ же стремленіемъ къ сосредоточенію, единству системы и правильному порядку была проникнута мѣра, принятая правительствомъ царя Ѳеодора относительно областного управленія. Въ областныхъ единицахъ Московскаго государства, какими были уѣзды, кромѣ главнаго представителя администраціи — воеводы — находилось много управляешихъ разными вѣдомствами лицъ, компетенціи которыхъ не были ясно разграничены отъ воеводской власти. Притомъ въ составѣ этихъ лицъ по отдѣльнымъ уѣздамъ также не было единообразія: губныя дѣла, т.-е. преслѣдованіе тягчайшихъ уголовныхъ преступленій, въ однихъ уѣздахъ лежали на обязанности особыхъ выборныхъ губныхъ старостъ, въ другіе посылались для исполненія этой же обязанности спеціальные агенты, «сыщики», изъ Москвы, наконецъ, въ третьихъ губное дѣло отправляли сами воеводы непосредственно. Точно такъ же въ однихъ уѣздахъ сборы собирались воеводами, въ другіе для той же цѣли, иногда спеціально для какого-либо одного сбора, командировались изъ Москвы особые сборщики. Военную админи-

страцію въ иныхъ городахъ раздѣляли съ воеводою разнаго рода головы: осадные (коменданты), пушкарскіе и др. Вся эта многочисленная по личному составу, безпорядочно нароставшая мѣстная администрація большою тяжестью ложилась на населеніе, которое по старому, искoнному, не исчезавшему въ XVII вѣкѣ, обычаю должно было ее содержать. Указъ 1679 г. упрощалъ ея составъ, отмѣняя въ городахъ должности губныхъ старостъ, сыщиковъ, сборщиковъ, присылавшихся изъ Москвы, горододѣльцевъ, ямскихъ приказчиковъ, осадныхъ, пушкарскихъ, засѣчныхъ и житничныхъ головъ, и всѣ ихъ дѣла сосредоточивая въ рукахъ воеводы.

Новое обложеніе посадскаго населенія стрѣлецкой податью повело къ сокращенію компетенціи воеводъ надъ посадскимъ населеніемъ. Собирать эту подать поручено было самимъ посадскимъ обществамъ черезъ своихъ выборныхъ земскихъ старостъ съ цѣловальниками. Воеводамъ запрещено было мѣшаться въ этотъ сборъ. Равнымъ образомъ устранялись они и отъ косвенныхъ сборовъ, порученныхъ вѣрнымъ таможеннымъ и кабацкимъ головамъ. Такимъ образомъ за воеводами по отношенію къ посадскому населенію въ городахъ оставалась только судебная власть. Введеніе новой прямой подати и иная организація косвенныхъ сборовъ влекли за собою успѣхъ посадскаго самоуправленія. Съ другой стороны, есть извѣстіе, что при Ѳеодорѣ была сдѣлана попытка привлечь къ областному управленію въ уѣздахъ мѣстное дворянское общество, провести такимъ образомъ начало самоуправленія въ провинціи: былъ составленъ проектъ указа, по которому предполагалось предоставить выборы уѣздныхъ воеводъ дворянскимъ обществамъ. Такъ, при Ѳеодорѣ усиливается посадское самоуправленіе и дѣлается попытка положить начало уѣздному. Начинаетъ также и въ сферѣ гражданской администраціи ощущаться неудобство такой слишкомъ неравномѣрной и часто слишкомъ мелкой областной единицы, какою былъ уѣздъ. Является потребность въ такихъ же крупныхъ областныхъ дѣленіяхъ, какими въ военномъ вѣдомствѣ стали военные округа, «разряды». Кажется, эту потребность имѣлъ въ виду возникшій въ тѣ же годы, когда предпринято было учрежденіе военныхъ округовъ, проектъ областного устройства, проводившій, однако, ультрааристократическія притязанія и потому не получившій осуществленія. По этому проекту предполагалось во главѣ всего управленія поставить двухъ лицъ, одно надъ гражданскимъ, другое надъ военнымъ вѣдомствомъ. Первый сановникъ съ титуломъ «болярина предсѣдателя и разсмотрителя надъ всѣми судіями царствующаго града Москвы», долженъ былъ съ помощью коллегіи 12-и засѣдателей изъ бояръ и думныхъ людей наблюдать за отправленіемъ правосудія въ государствѣ; второй съ титуломъ «болярина и дворового воеводы» получалъ въ свое завѣдываніе военныя дѣла.

Всю территорію государства предполагалось подраздѣлить на намѣстничества, совпадавшія, кажется, съ военными округами 1680 г., и во главѣ каждаго намѣстничества поставить бояръ съ пышными и громкими титулами «боярина и намѣстника Владимірскаго», «боярина и намѣстника Казанскаго» и т. п., при чемъ сдѣлать эти должности наслѣдственными. Послѣднее условіе, показывающее происхожденіе проекта изъ аристократическихъ круговъ, было причиной его неуспѣха. Противъ него возсталъ патріархъ Іоакимъ, увидѣвшій въ немъ сепаратистскія стремленія и выразившій опасеніе, какъ бы «учиненные вѣчные намѣстники великородные люди по нѣкоторыхъ лѣтѣхъ обогатясь и огордѣвъ, московскихъ царей самодержавства не отступили, единовластія не разорили и себѣ въ особность не учинили». Вслѣдствіе этого протеста патріарха проектъ, на который царь уже изъявилъ было согласіе, не былъ принятъ.

Итакъ, повсюду въ перечисленныхъ реформахъ, коснувшихся военнаго дѣла, финансоваго хозяйства и администраціи, мы видимъ одно и то же направленіе: стремленіе къ упрощенію, сосредоточенію, систематизаціи, желаніе на мѣсто исторически сложившагося и разновременно наросшаго хаоса поставить правильный, связанный единствомъ порядокъ. Въ военномъ дѣлѣ упрощается и дѣлается болѣе стройнымъ, простымъ и систематичнымъ центральное и областное управленіе, въ войскахъ все болѣе вводится регулярное устройство и для этого отмѣняется препятствующее регулярному строю мѣстничество. Въ финансовомъ хозяйствѣ консолидируются подати. Областное управленіе упрощается и сосредоточивается въ рукахъ воеводы, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаются шаги въ сторону, какъ бы мы сказали теперь, городского и земскаго самоуправленія. Вездѣ изъ-за пестрыхъ, нестройныхъ и неуклюжихъ формъ сложившагося исторически изъ когда-то самостоятельныхъ политическихъ цѣлыхъ съ ихъ мѣстными особенностями «стараго порядка» начинаетъ показываться новое построенное на разумныхъ началахъ государство, съ регулярными войсками, со стройной системой администраціи и финансовъ.

Это новое государство ставитъ себѣ и новыя, гораздо болѣе широкія задачи, не замыкающіяся, какъ при старомъ порядкѣ, въ рамки внѣшней и внутренней безопасности. Начинаетъ развиваться широкое законодательство, имѣющее цѣлью создать благополучіе подданныхъ, то законодательство, которое мы видимъ въ XVII в. и въ Западной Европѣ и которое теперь называется «полицейскимъ». На первую очередь государство берется за народное просвѣщеніе, приходитъ къ сознанію его необходимости и само организуетъ его. И въ этой области московское правительство 70-хъ и 80-хъ годовъ XVII в. дѣйствуетъ съ тою же широтой, какъ въ другихъ. Какъ разъ къ разсматриваемому времени

относится учрежденіе въ Москвѣ государственной высшей школы—академіи. Проектъ устава академіи былъ составленъ при царѣ Өеодорѣ его учителемъ Симеономъ Полоцкимъ въ 1682 г., но открыта была академія въ 1685 г. царевной Софьей, предупредившей этимъ шагомъ императрицу Елизавету Петровну, основавшую въ 1755 г. нынѣ существующій Московскій университетъ. По мысли составителей ея устава академія должна была быть высшимъ учебнымъ заведеніемъ общеобразовательнаго характера, своего рода университетомъ. Цѣлью высшаго образованія проектъ устава ставилъ мудрость, а средства къ достиженію этой цѣли видѣлъ въ преподаваніи «свободныхъ наукъ», каковы были: логика съ филологіей, физика или философія естественная, этика или философія нравственная, и политика — царственная мудрость. Такимъ образомъ въ своей программѣ этотъ Московскій университетъ XVII в. включалъ въ себя науки какъ бы трехъ факультетовъ: филологическаго, естественнаго и юридическаго. Въ тѣхъ практическихъ соображеніяхъ, которыя побуждали правительство Өеодора и Софьи къ учрежденію академіи, какъ они высказывались въ уставѣ, много общаго съ побужденіями, приведшими позже правительство Елизаветы Петровны къ открытію Московскаго университета. Уставъ академіи запрещалъ держать по домамъ учителей иностранныхъ языковъ, не сдавшихъ экзамена въ академіи такъ же, какъ запрещалъ это указъ 12 января 1755 года. Въ началѣ послѣдней четверти XVII в. въ эпоху сближенія, заключенія вѣчнаго мира и союза съ Польшей, въ московскомъ обществѣ замѣтенъ налетъ польской культуры, подобный налету французской культуры при Елизаветѣ, въ эпоху союза съ Людовикомъ XV, выразившійся, между прочимъ, въ томъ, что по домамъ московской знати появляются польскіе гувернеры, обучавшіе латинскому и польскому языкамъ, подобно тому, какъ при Елизаветѣ въ этихъ же домахъ появляются гувернеры-французы. Университетъ Елизаветы Петровны имѣлъ одною изъ своихъ задачъ обезопасить дворянскую молодежь отъ вреднаго вліянія недоброкачественныхъ иностранцевъ-воспитателей — ту же цѣль преслѣдовала и академія царевны Софьи, при чемъ вліяніе польскихъ гувернеровъ считалось тѣмъ болѣе вреднымъ, что несло съ собою въ русское общество съ науками, языками и манерами еще и нѣкоторую примѣсь католическихъ идей, тогда какъ иностранцы-воспитатели въ Россіи XVIII в. этою опасностью не угрожали. И средства для привлеченія молодежи въ высшую школу были и при Софьѣ, и при Елизаветѣ совершенно одинаковы. Уставъ академіи объявилъ, что окончившіе курсъ академіи даже и изъ неблагородныхъ могутъ достигать высшихъ чиновъ стольниковъ и стряпчихъ, путь къ которымъ для неблагородныхъ вообще былъ закрытъ ихъ происхожденіемъ,—окончившіе курсъ въ университетѣ 1755 г. также получали офицерскіе чины на службѣ. Надо сказать, что академія Софьи успѣшнѣе

осуществляла цѣли, для которыхъ была назначена, чѣмъ университетъ Елизаветы Петровны. Послѣдній въ начальные годы своего существованія пустовалъ и пополнялся разночинцами, въ академіи среди дѣтей разныхъ сословій, которыя ее посѣщали: духовенства, посадскихъ и приказныхъ, аристократическія фамиліи составляютъ значительный процентъ. Курсъ ея проходило немало титулованныхъ студентовъ. Было предположеніе одновременно съ академіей открыть также и «государственную вивліоѳику», т.-е. публичную библіотеку,—мысль, осуществленіе которой начато было Петромъ.

Вліяніе польской культуры сказалось во внѣшней обстановкѣ, которую стала усваивать московская знать въ царствованіе Ѳеодора. По иниціативѣ самого царя, женатаго первымъ бракомъ на дѣвицѣ со звучавшимъ по-польски фамильнымъ прозвищемъ Агаѳіи Грушецкой, придворные стали брить бороды и замѣнять русское платье польскими и венгерскими кунтушами. Мягко и спокойно Ѳеодоръ осуществлялъ ту самую реформу, порывистымъ проведеніемъ которой его младшій братъ впослѣдствіи вызвалъ столько раздраженія и злобы. Это же польское вліяніе на бытъ московскаго общества продолжалось и при царевнѣ Софьѣ. «Также и политесъ возставлена была,—вспоминаетъ о томъ времени современникъ Петра, одинъ изъ его виднѣйшихъ дипломатовъ, кн. Б. И. Куракинъ,—въ великомъ шляхетствѣ и другихъ придворныхъ съ манеру польскаго и въ экипажахъ, и въ домовомъ строеніи, и уборахъ, и столахъ».

Государство этими распоряженіями о бородѣ и покроѣ платья стало проникать въ мелочи частнаго домашняго быта. Тѣмъ болѣе оно не могло оставаться равнодушнымъ къ общественному благочинію. При Ѳеодорѣ и Софьѣ начинаютъ появляться распоряженія, непосредственно предшествующія полицейскимъ указамъ Петра. Былъ задуманъ законъ объ общественномъ призрѣніи «по новымъ европскимъ обычаямъ». Было предписано «учинить разсмотрѣніе о нищихъ въ Москвѣ: разобравъ ихъ, лѣнивыхъ и здоровыхъ отдать на работу, а больныхъ и неспособныхъ къ работѣ устроить въ богадѣльни». Такихъ богадѣленъ было учреждено двѣ, въ Знаменскомъ монастырѣ и на гранатномъ дворѣ за Никитскими воротами. Указами запрещалось ѣздить по улицамъ съ большими бичами, стрѣлять во дворахъ изъ ружей, выкидывать на улицу мертвечину и навозъ и т. п. Всѣ эти мѣры проводились съ гораздо меньшею крутостью, чѣмъ онѣ будутъ проводиться впослѣдствіи. Можетъ-быть, онѣ встрѣчали недовольство; но это недовольство не доходило до того раздраженія съ которымъ ихъ встрѣтятъ потомъ. «Правленіе царевны Софьи Алексѣевны,—говоритъ кн. Б. И. Куракинъ,—началось со всякою прилежностью и правосудіемъ всѣмъ и ко удовольству народному, такъ что никогда такого мудраго правленія въ Россійскомъ государствѣ не было.

И все государство пришло во время ея правленія чрезъ семь лѣтъ въ цвѣтъ великаго богатства. Также умножилась коммерція и всякія ремесла; и науки почали быть».

Широкая внѣшняя политика, основанная на союзахъ съ европейскими державами, имѣющая цѣлью сломить Крымъ и добраться до береговъ южнаго моря; правильно устроенное государство, съ регулярнымъ войскомъ, стройной системой администраціи и финансовъ, народное просвѣщеніе путемъ государственной школы, полицейское законодательство, заимствованіе образцовъ для преобразованій съ запада—на этотъ разъ изъ Польши,—все это черты, сближающія время Ѳеодора и правленіе Софьи съ эпохой самостоятельной дѣятельности Петра Великаго, съ его реформой. Петръ шелъ въ томъ же направленіи, стремился къ тѣмъ же цѣлямъ и воодушевлялся тѣми же идеалами; только благодаря своему темпераменту дѣйствовалъ рѣзче и круче.

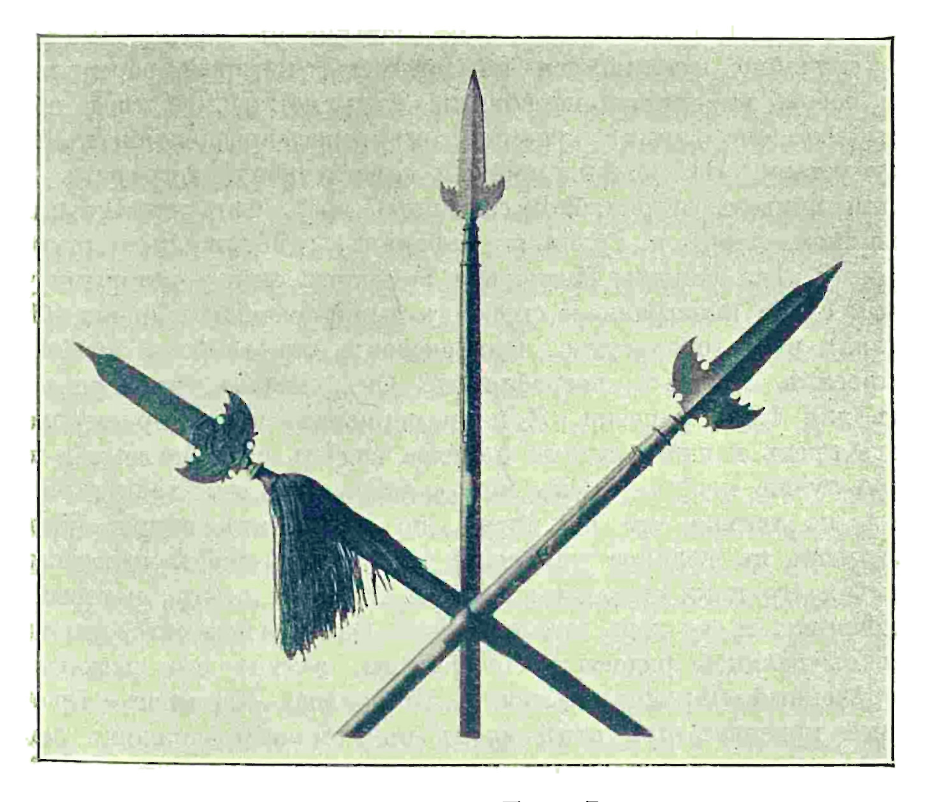
III.

Царь Петръ въ правленіе Софьи.—Конецъ регентства.

Уступивъ мѣсто царевнѣ Софьѣ, потерявъ власть, царица Наталья съ дѣтьми принуждена была въ 1683 г. покинуть кремлевскій дворецъ и проводила время въ подмосковныхъ царскихъ резиденціяхъ, больше всего въ Преображенскомъ на р. Яузѣ. Съ удаленіемъ изъ Москвы воспитаніе юнаго царя получаетъ иной характеръ. Живая, огненная натура, онъ не можетъ усидѣть около матери, постоянно печальной, постоянно грустящей о прошломъ.

Онъ выбѣжалъ на улицу Преображенскаго и здѣсь начались знаменитыя военныя игры. Въ записяхъ Оружейной палаты постоянно читаемъ отмѣтки, что малолѣтнему царю то и дѣло посылаются барабаны, порохъ, свинецъ, протазаны, алебарды, пальники, палаши, шпаги, пищали золоченыя и другіе военные снаряды. Царю не сидѣлось и въ Преображенскомъ: то и дѣло съ потѣшными онъ совершаетъ походы по разнымъ подмосковнымъ селамъ. Эти военныя упражненія повели къ знакомству съ нѣмцами. Потѣшные полки, набранные большею частью изъ дворцовыхъ служителей, надобно было обучать иноземному солдатскому строю, и офицерскія мѣста заняты были въ нихъ иноземцами изъ сосѣдней съ Преображенскимъ Нѣмецкой слободы. Это знакомство съ иноземцами содѣйствовало удовлетворенію той изумительной любознательности, которою былъ одаренъ отъ природы Петръ и побудило его съ жаромъ приняться за продолженіе столь рано прерваннаго образованія. Объ этомъ второмъ періодѣ своего ученія разсказываетъ самъ Петръ. Въ 1720 г. онъ издалъ Морской уставъ и самъ написалъ къ нему предисловіе,

въ которомъ излагалъ историческій очеркъ кораблестроенія въ Россіи. Въ этомъ очеркѣ онъ коснулся и своего образованія. «Передъ посылкою князя Якова Долгорукова во Францію,—пишетъ царь,—между другими разговоры, сказывалъ вышеупомянутый князь Яковъ, что у него былъ такой инструментъ, которымъ можно было брать дистанціи или разстоянія, не доходя до того мѣста. Я зѣло желалъ его видѣть; но онъ мнѣ сказалъ, что его у него украли. И когда поѣхалъ онъ во Францію, тогда наказалъ я ему купить между другими вещами и сей инструментъ; и когда возвратился онъ изъ Франціи и привезъ, то я, получа оный, не умѣлъ его употреблять. Но потомъ объявилъ его дохтуру Захару фонъ-деръ-Гулсту, что не знаетъ ли онъ? который сказалъ, что онъ не знаетъ, но сыщетъ такого, кто знаетъ; о чемъ я съ великою охотою велѣлъ его сыскать, и оный дохтуръ въ скоромъ времени сыскалъ голландца, именемъ Франца, прозваніемъ Тиммермана, которому я вышеописанные инструменты показалъ, который, увидѣвъ, сказалъ тѣ жъ слова, что князь Яковъ говорилъ о нихъ, и что онъ употреблять ихъ умѣетъ; къ чему я гораздо присталъ съ охотою учиться геометріи и фортификаціи. И тако сей Францъ чрезъ сей случай сталъ при дворѣ быть безпрестанно и въ компаніяхъ съ нами». Въ шестнадцать лѣтъ Петръ засѣлъ съ Тиммерманомъ за математическія науки. До



Алебарды и протазанъ Петра Великаго.
Хранятся въ Артиллерійскомъ музеѣ въ Петербургѣ.

насъ дошли тетради, писанныя его рукою и рукою учителя. Сначала онъ прошелъ четыре правила ариѳметики: «адицое», «супстракцію», «мултопликацію» и «дивизіо», т.-е. сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе, скоро перешелъ къ высшей математикѣ, постигъ теорію астролябіи и могъ даже опредѣлить, при какихъ условіяхъ въ какомъ разстояніи можетъ пасть на данную точку бомба изъ орудія. Но такимъ быстрымъ успѣхомъ онъ былъ обязанъ гораздо болѣе своей понятливости и охотѣ, чѣмъ знаніямъ учителя. По тетрадямъ видно, какъ Тиммерманъ ошибался даже въ простомъ умноженіи. Этими уроками Тиммермана царь и закончилъ второй курсъ своего теоретическаго образованія. Петръ много зналъ къ концу своей жизни, но все, что онъ зналъ, онъ пріобрѣлъ самъ личнымъ опытомъ и наблюденіемъ, благодаря своей неутомимой жаждѣ къ знанію. Школа въ дѣтствѣ дала ему очень мало: она даже не научила его правильно писать по-русски. Петръ писалъ охотно и много, его переписка громадна, но его орѳографія была изумительно своеобразная и произвольная. Онъ руководился въ правописаніи, главнымъ образомъ, только слухомъ. Такъ слово «втроемъ» онъ пишетъ *втраіомъ*. Особенно излюбленною была у него, кажется, буква ъ, которую онъ вставлялъ куда только было можно, напр., онъ писалъ *въсякимъ*, *верхъней*, *сътрелять*, *упъравъленіе*.

Усваивая военное дѣло съ потѣшными въ Преображенскомъ, царь случайно натолкнулся на предметъ, который зародилъ въ немъ любовь къ морю и кораблямъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняетъ дѣло онъ самъ въ упомянутомъ выше предисловіи къ Морскому уставу. «Нѣсколько времени спустя (послѣ того какъ Долгорукій привезъ астролябію) случилось намъ быть въ Измайловѣ на льняномъ дворѣ и, гуляя по амбарамъ, гдѣ лежали остатки вещей дому дѣда Никиты Ивановича Романова, между которыми увидѣлъ я судно иностранное, спросилъ вышерѣченнаго Франца (Тиммермана), что это за судно? Онъ сказалъ, что то ботъ англійскій. Я спросилъ, гдѣ его употребляютъ? Онъ сказалъ, что при корабляхъ для ѣзды и возки. Я паки спросилъ: какое преимущество имѣетъ предъ нашими судами (понеже видѣлъ его образомъ и крѣпостью лучше нашихъ)? Онъ мнѣ сказалъ, что онъ ходитъ на парусахъ не только что по вѣтру, но и противъ вѣтра; которое слово меня въ великое удивленіе привело и якобы неимовѣрно. Потомъ я его паки спросилъ: есть ли такой человѣкъ, который бы его починилъ и сей ходъ мнѣ показалъ. Онъ сказалъ мнѣ, что есть. То я съ великою радостью сіе услыша, велѣлъ его сыскать. И вышерѣченный Францъ сыскалъ голландца Карштенъ Бранта, который призванъ при отцѣ моемъ въ компаніи морскихъ людей для дѣланія морскихъ судовъ на Каспійское море, который оный ботъ починилъ и сдѣлалъ машть и парусы и на Яузѣ при мнѣ лавировалъ, что мнѣ паче удивительно и зѣло любо стало. Потомъ,

когда я часто то употреблялъ съ нимъ, и ботъ не всегда хорошо ворочался, но болѣе упирался въ берега, я спросилъ для чего такъ? Онъ сказалъ, что узка вода. Тогда я перевезъ его на Просяной прудъ, но и тамъ немного авантажу сыскалъ, а охота стала отъ часу быть болѣе. Того дня я сталъ провѣдывать, гдѣ болѣе воды. То мнѣ объявили Переяславское озеро яко наибольшее; куды я, подъ образомъ обѣщанія въ Троицкой монастырь, у матери выпросился. А потомъ уже сталъ ее просить и явно, чтобы тамъ дворъ и суды сдѣлать... И тамъ нѣсколько лѣтъ охоту свою исполнялъ. Но потомъ и то показалось мало; то ѣздилъ на Кубенское озеро. Но оное ради мелкости не показалось. Того ради уже положилъ намѣреніе прямо видѣть море».

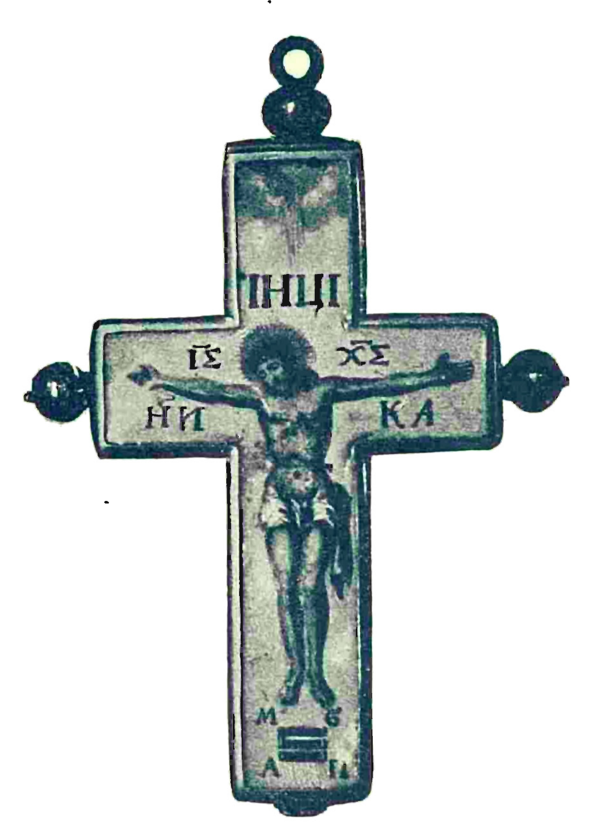
Этотъ разсказъ царя дѣйствительно согласуется съ фактами, которые намъ извѣстны изъ другихъ источниковъ. Въ 1688 г., когда онъ увидѣлъ Переяславское озеро, гдѣ корабли могли не натыкаться на берегъ, его трудно было уже оторвать отъ воды. Въ январѣ 1689 г. на семнадцатомъ году мать женила его на Евдокіи Лопухиной, дѣвушкѣ въ древне-русскомъ вкусѣ, пришедшейся по вкусу матери, но не по вкусу сыну. Едва миновалъ медовый мѣсяцъ и стали вскрываться рѣки, Петръ летитъ уже, забывъ жену, къ любимому озеру, гдѣ затѣяна была постройка кораблей подъ руководствомъ голландца Карстенъ Бранта. Мать тщетно пишетъ ему письмо за письмомъ, чтобы вернулся, на все одинъ отвѣтъ, — готовъ, только ей-ей дѣло есть! «Вселюбезнѣйшей и паче живота тѣлеснаго дражайшей моей матушкѣ, государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Наталіи Кирилловнѣ. Сынишка твой въ работѣ пребывающій Петрушка благословенія прошу, а о твоемъ здравіи слышати желаю; а у насъ молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось 20-го числа, и суды всѣ кромѣ большого корабля въ отдѣлкѣ; только за канатами станетъ: и о томъ милости прошу, чтобъ тѣ канаты по семисотъ саженъ изъ Пушкарскаго Приказу не мѣшкавъ присланы были. А за ними дѣло станетъ и житье наше продолжится. Посемъ паки благословенія прошу»—Петръ хитритъ и пугаетъ мать, что останется въ Переяславлѣ дольше, если она не пришлетъ вскорѣ канатовъ.

Въ этихъ забавахъ проходила юность Петра, и онъ достигъ уже семнадцатилѣтняго возраста. Если въ одиннадцать лѣтъ иностранцу, его видѣвшему, онъ казался 16-лѣтнимъ, то понятно, что въ семнадцать онъ высматривалъ совершенно взрослымъ. Положеніе правительницы Софьи становилось поэтому неловкимъ: ей предстояло удалиться.

Софья прекрасно понимала это, и давно уже заботилась о томъ, чтобы упрочить свое положеніе, придавъ своей власти болѣе постоянную форму. Еще въ 1686 г., со времени заключенія вѣчнаго мира съ Польшею, она приказала именовать себя въ грамотахъ и указахъ рядомъ съ именами царей и приняла титулъ Самодер-

жицы. Съ того же времени она стала появляться вмѣстѣ съ царями во всѣхъ царскихъ выходахъ на церковныя торжества, пріучая общество видѣть себя неразлучною съ царями. Но этого было недостаточно, и у нея созрѣваетъ мысль о вѣнчаніи царскимъ вѣнцомъ. Въ августѣ 1687 г. Софья поручила приближенному своему Шакловитому безъ шума развѣдать, какъ примутъ эту мысль стрѣльцы и поддержатъ ли ея намѣреніе. Шакловитый созвалъ къ себѣ на домъ 30 стрѣлецкихъ урядниковъ и предложилъ имъ написать челобитную, чтобы царевна Софья вѣнчалась царскимъ вѣнцомъ. «Мы челобитной писать не умѣемъ,—холодно отвѣчали урядники,— да и послушаетъ ли насъ царь Петръ Алексѣевичъ?»—«Если не послушаетъ, — возразилъ Шакловитый, — схватите боярина Льва Кирилловича Нарышкина и кравчаго Бориса Алексѣевича Голицына, тогда приметъ челобитье».—«А патріархъ и бояре?» спрашиваютъ неохотно стрѣльцы. «Патріарха смѣнить можно,—горячится Шакловитый, — а бояре? Что бояре! это отпадшее зяблое дерево». Изъ этой бесѣды Софья поняла, что стрѣльцы не будутъ ее поддерживать, разъ надо прибѣгать къ такимъ насильственнымъ мѣрамъ, какъ захватъ близкихъ къ царю людей и смѣна патріарха. На время она рѣшила отложить свою затѣю, однако не совсѣмъ отказалась отъ нея: для болѣе постепеннаго приготовленія умовъ къ замышляемому перевороту былъ отпечатанъ ея портретъ въ царскомъ облаченіи въ коронѣ и со скипетромъ въ рукахъ. Ее окружаютъ 7 аллегорическихъ изображеній; представляющихъ 7 ея добродѣтелей. Подъ портретомъ подписано ея имя съ полнымъ царскимъ титуломъ. Сильвестръ Медвѣдевъ написалъ къ портрету вирши, прославляющія царевну. Портретъ этотъ потомъ былъ уничтоженъ и теперь представляетъ собою величайшую рѣдкость. Между тѣмъ царица Наталья изъ Преображенскаго зорко слѣдила за честолюбивыми поползновеніями царевны, разъ даже не сдержалась и открыто высказалась въ присутствіи старшихъ и младшихъ царевенъ: «Для чего она стала писаться съ великими государями вмѣстѣ? У насъ люди есть, и они того дѣла не покинутъ». Между обоими дворами — кремлевскимъ и опальнымъ преображенскимъ — накипало взаимное и все болѣе и болѣе открытое раздраженіе. Софья безъ негодованія слышать не могла о Преображенскомъ и занятіяхъ Петра. Его потѣшныхъ она называла не иначе, какъ конюхами и озорниками. У людей, стоявшихъ близко къ ней, стали появляться страшныя мысли. Князь В. В. Голицынъ вздыхалъ: «Жаль, что въ стрѣлецкій бунтъ не уходили царицу Наталью съ братьями, теперь бы ничего не было». Шакловитый ставилъ вопросъ ребромъ: «Чѣмъ тебѣ, государыня, не быть, лучше царицу извести». Одинъ изъ его подчиненныхъ, стрѣлецъ Чермный, шелъ далѣе всѣхъ и высказался уже совершенно открыто: «Какъ быть,—разсуждалъ онъ,—хотя и всѣхъ побить, а корня не выведешь: надобно уходить старую царицу, медвѣдицу», а на возраженіе, что за мать

вступится царь, онъ добавлялъ: «Чего и ему спускать? Зачѣмъ стало?» Софья подогрѣвала эти замыслы. Не разъ она призывала къ себѣ ночью по нѣскольку довѣренныхъ стрѣльцовъ, толковала съ ними и жаловалась, что царица Наталья съ братьями и Борисомъ Голицынымъ поднимаетъ бунтъ, а патріархъ противъ нея. Но стрѣльцы на эти жалобы равнодушно отвѣчали: «Воля твоя, государыня, что хочешь, то и дѣлай». Только немногіе изъ нихъ были готовы на цареубійство, большинство не показывало охоты къ бунту: самые безпокойные и недовольные элементы изъ стрѣлецкаго войска были разосланы изъ Москвы по городамъ послѣ расправы съ Хованскимъ, и Софья теперь потеряла то орудіе, которымъ она такъ успѣшно дѣйствовала въ 1682 г.



Наперстный крестъ Петра Великаго.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

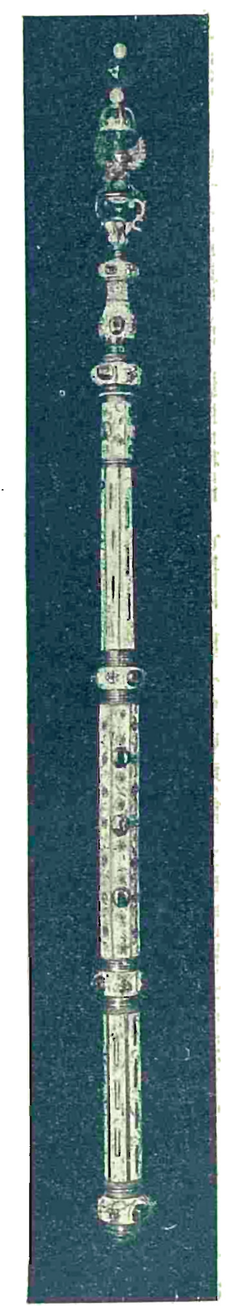
Чтобы раздражить спокойныхъ стрѣльцовъ, прибѣгали даже къ хитростямъ. Преданный Софьѣ человѣкъ, подьячій Приказа Большой Казны Шошинъ со стрѣлецкими капитанами ѣздилъ по Москвѣ ночью, хваталъ караульныхъ стрѣльцовъ и приказывалъ бить до-смерти. И когда стрѣльцы начинали колотить, одинъ изъ спутниковъ Шошина громко восклицалъ: «Левъ Кирилловичъ! За что бить до-смерти? Душа христіанская!» Этимъ думали вызвать озлобленіе противъ Нарышкина въ массѣ стрѣльцовъ, но масса оставалась спокойною. «Буде до кого какое дѣло есть,—говорили стрѣльцы,—пусть думный дьякъ скажетъ царскій указъ, мы того и возьмемъ, а безъ указу дѣлать не станемъ, хоть многажды бей въ набатъ». Разумѣется, всѣ эти замыслы и рѣчи Софьиныхъ приспѣшниковъ передавались немедленно въ Преображенское и, конечно, въ настолько преувеличенномъ видѣ, насколько могла преувеличивать сплетня XVII вѣка. Легко себѣ представить, какіе страхи, толки и чувства вызывали эти извѣстія въ Преображенскомъ. Въ тѣ рѣдкія минуты, въ которыя Петръ забѣгалъ домой посидѣть съ матерью, онъ и отъ матери, и отъ дядей, и отъ воспитателя только и слышалъ страшные разсказы

о замыслахъ сестры. Легко понять, какое впечатлѣніе производили эти разсказы на воспріимчиваго юношу, видѣвшаго въ дѣтствѣ кровавыя сцены стрѣлецкаго мятежа, устроеннаго сестрой, и какая глубокая ненависть къ Софьѣ должна была расти въ его душѣ.

Первыя открытыя столкновенія брата съ сестрой произошли лѣтомъ 1689 года. 8 іюля изъ кремлевскихъ соборовъ бываетъ крестный ходъ въ Казанскій соборъ. Софья присутствовала съ Петромъ за обѣдней въ Успенскомъ соборѣ и послѣ обѣдни собралась итти «за кресты», какъ тогда говорили. Петръ замѣтилъ ей, что ей итти непригоже. Она не послушалась и сама несла образъ. Царь разсердился, не пошелъ въ крестный ходъ и тотчасъ уѣхалъ къ себѣ въ Преображенское. Въ то же время возвратился изъ неудачнаго крымскаго похода кн. В. В. Голицынъ. Правительница осыпала любимца блестящими и незаслуженными наградами. Петръ съ трудомъ далъ свое согласіе на эти награды, а когда Голицынъ 27 іюля явился ему представиться, чтобы поблагодарить, царь не принялъ его. Это было страшное оскорбленіе, открыто нанесенное любимцу Софьи. Софья не могла скрыть досады и въ тотъ же вечеръ говорила провожавшимъ ее въ Дѣвичій монастырь ко всенощной стрѣльцамъ: «И такъ была бѣда, да Богъ сохранилъ; а нынѣ опять бѣду зачинаетъ. Годны ли мы вамъ? Буде годны, вы за насъ стойте, а буде не годны, мы оставимъ государство». Окончательная ссора разыгралась въ августѣ. 7-го числа нашли въ Москвѣ неизвѣстно кѣмъ подброшенное письмо, въ которомъ объявлялось, что въ ночь на 8-ое придутъ изъ Преображенскаго потѣшные побить царя Іоанна Алексѣевича и всѣхъ его сестеръ. Были приняты мѣры. Кремль былъ запертъ, туда допускались только наиболѣе близкія лица. Въ сумеркахъ приказано было собрать на Лубянкѣ и держать на готовѣ стрѣлецкій отрядъ. Въ это время въ Москву изъ Преображенскаго пріѣхалъ спальникъ царя Плещеевъ. Одинъ изъ преданныхъ Шакловитому лицъ, Гладкій, стащилъ его съ лошади, сорвалъ саблю и отправилъ къ Шакловитому. Увидавъ это, двое вѣрныхъ Петру стрѣльцовъ помчались въ Преображенское увѣдомить царя, что его жизни грозитъ опасность. Петра разбудили; онъ тотчасъ же вскочилъ на коня и на разсвѣтѣ былъ уже въ Троицкой лаврѣ. Измученный этой скачкой, онъ, войдя въ келью, бросился на постель и въ слезахъ разсказалъ прибѣжавшему архимандриту Викентію все дѣло. 8 августа пріѣхала въ монастырь мать, прибыли потѣшные и стрѣльцы особенно вѣрнаго Петру Сухарева полка. Въ Москвѣ были поражены внезапнымъ отъѣздомъ царя, но во дворцѣ сдѣлали видъ, что не придаютъ этому никакого значенія. «Вольно ему, взбѣсяся, бѣгать», замѣтилъ Шакловитый. Но легко себѣ представить, какія минуты переживала царевна Софья, когда она начинала понимать, что почва уходитъ у нея изъ-подъ ногъ. Для нея эта борьба была борьбою не только за власть, но и за свободу

и, быть-можетъ, не разъ въ ея живомъ воображенiи рисовались мрачные стѣны и своды монастыря, куда ее запрутъ въ случаѣ неудачи.

Вообще московскiя событiя въ августѣ 1689 г. представляютъ богатый матерiалъ для исторической драмы. Какъ утопающая за соломинку, хваталась Софья то за то, то за другое средство, бросалась то къ тѣмъ, то къ другимъ, говорила со стрѣльцами и къ народу на площади, жаловалась, просила, то плакалась, что стала теперь ненадобна, что пойдетъ гдѣнибудь съ братомъ кельи искать, то грозила рубить головы. Всѣ слушаютъ ее равнодушно. В. В. Голицынъ благоразумно удалился въ подмосковную деревню, чтобы тѣмъ выждать, кто возьметъ верхъ. Посланные къ Петру для переговоровъ возвратились ни съ чѣмъ. Царевна упросила патрiарха съѣздить туда, уладить дѣло; патрiархъ поѣхалъ, но и остался у Троицы. Въ отчаянiи царевна поспѣшила туда сама, надѣясь объясниться. Въ Воздвиженскомъ ее встрѣтилъ стольникъ Бутурлинъ съ объявленiемъ, чтобы не ѣздила. «Непремѣнно поѣду», вспылила Софья. Но навстрѣчу былъ высланъ другой посолъ отъ Петра съ угрозой, что если поѣдетъ, то съ нею будетъ поступлено «нечестно», и царевна принуждена была вернуться. А въ то же время отъ Петра летитъ въ Москву грамота за грамотой: выслать полковника Цыклера съ 50-ю стрѣльцами, выслать по 10 стрѣльцовъ отъ каждаго полка и всѣхъ начальныхъ людей, выслать служилыхъ иноземцевъ изъ Нѣмецкой слободы и выборныхъ изъ всѣхъ московскихъ сотенъ и слободъ. Царевна пытается уговорить, грозитъ тому, кто уйдетъ, смертною казнью. Ничто не дѣйствуетъ: и стрѣльцы, и нѣмцы валятъ толпами къ Троицѣ. Наконецъ, 1 сентября, въ день Новаго года, прiѣхалъ гонецъ отъ Троицы съ грамотою, въ которой Петръ объявлялъ брату и сестрѣ о заговорѣ и требовалъ высылки Ѳедьки Шакловитаго. Шакловитый былъ ближайшiй человѣкъ къ Софьѣ послѣ Василiя Голицына, и послѣднiй не безъ основанiя могъ видѣть въ немъ соперника. Въ ярости Софья приказала отрубить гонцу голову, но во всей Москвѣ не нашли палача для того, чтобы исполнить это распоряженiе, и гонецъ остался живъ.


Скипетръ царя Петра Алексѣевича.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

6 сентября стрѣльцы открыто примкнули къ Петру: большою толпою они явились въ Кремль къ Софьѣ и съ дерзкими криками потре-

бовали выдачи Өедьки, чтобы вести его къ Троицѣ. Софья принуждена была выдать этого послѣдняго вѣрнаго человѣка, и дѣло ея было окончательно проиграно.

У Троицы шелъ розыскъ и пытки, 11 сентября былъ казненъ Шакловитый. Еще раньше князю Голицыну съ сыномъ объявлена ссылка въ Каргополь съ конфискаціей всего имущества за то, что они «сестрѣ великихъ государей о всякихъ дѣлахъ докладывали мимо великихъ государей и писали ее съ великими государями обще», «бывъ посланъ въ 1689 г. на крымскіе юрты кн. В. Голицынъ, пришедъ къ Перекопу, промыслу никакого не чинилъ и отступилъ, каковымъ нерадѣніемъ царской казнѣ учинилъ великіе убытки, государству разореніе и людямъ тягость». Впослѣдствіи Голицыны были переведены дальше, въ Яренскъ.

Расправившись съ врагами, Петръ писалъ брату отъ Троицы: «Милостію Божіею врученъ намъ, двумъ особамъ, скипетръ правленія прародительскаго нашего Россійскаго царствія; а о третьей особѣ, чтобъ быть съ нами въ равенственномъ правленіи, отнюдь не вспоминалось. А какъ сестра наша царевна Софья Алексѣевна государствомъ нашимъ учала владѣть своею волею, и въ томъ владѣніи что явилось особамъ нашимъ противное, и народу тягость и наше терпѣніе, о томъ тебѣ, государь, извѣстно. А нынѣ злодѣи наши Өедька Шакловитый съ товарищи, не удоволяся милостью нашею, преступая обѣщаніе свое, умышляли съ иными ворами о убійствѣ надъ нашимъ и матери нашей здоровьемъ и въ томъ по розыску и съ пытки винились. А теперь, государь братецъ, настаетъ время нашимъ обоимъ особамъ Богомъ врученное намъ царствіе править самимъ, понеже пришли есми въ мѣру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей, съ нашими двумя мужескими особами въ титлахъ и въ расправѣ дѣлъ быти не изволяемъ... потому что учала она въ дѣла вступать и въ титлахъ писаться собою безъ нашего изволенія, къ тому же еще и царскимъ вѣнцомъ для конечной нашей обиды хотѣла вѣнчаться. Срамно, государь, при нашемъ совершенномъ возрастѣ тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ». «Зазорное лицо» вскорѣ послѣ этого письма было заключено въ монастырь.

IV.

Правленіе министровъ.

Свергнувъ Софью, партія царицы Натальи и Петра вновь очутилась у власти. Новое правительство по способностямъ и талантамъ значительно уступало предыдущему. Сама царица Наталья была, по выраженію Куракина, править «не капабель» (capable), потому что, «будучи принцесса добраго темпераменту, добродѣтель-

наго, токмо не была ни прилежная и не искусная въ дѣлахъ и ума легкаго». Во главѣ правительства, занявъ мѣсто начальника Посольскаго приказа, однако безъ титула «оберегателя», сталъ братъ царицы Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, человѣкъ ничтожный по дарованіямъ. «Помянутаго Нарышкина,— замѣчаетъ о немъ тотъ же Куракинъ,— кратко характеръ можно описать, а именно, что былъ человѣкъ гораздо посредняго ума и невоздержный къ питью, также человѣкъ гордый, и хотя не злодѣй, токмо не склончивой, и добро многимъ дѣлалъ безъ резону, но по бизаріи своего гумору». Военное вѣдомство — Разрядный приказъ—было поручено дядькѣ Петра боярину Тихону Никитичу Стрѣшневу. «О характерѣ его описать можемъ только,— читаемъ о немъ у Куракина,— что человѣкъ лукавый и злого нраву, а ума гораздо средняго, токмо дошелъ до сего градусу такимъ образомъ, понеже былъ въ поддядькахъ у царя Петра Алексѣевича съ молодыхъ его лѣтъ и признался къ его нраву, и такимъ образомъ былъ интригантъ дворовой». Вмѣстѣ съ разрядными дѣлами онъ сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ, по свидѣтельству того же современника, управленіе большей части внутреннихъ дѣлъ: «былъ въ правленіи въ Разрядѣ и внутри правленія государственнаго большую часть онъ дѣла дѣлалъ». Единственнымъ выдающимся умомъ въ составѣ новаго правительства Куракинъ считаетъ кн. Б. А. Голицына, руководителя Петра въ столкновеніи съ царевной Софьей. «Былъ человѣкъ ума великаго,—отзывается о немъ Куракинъ,—а особливо остроты, но къ дѣламъ неприлежной, понеже любилъ забавы, а особливо склоненъ былъ къ питью». Онъ отличался также большою благосклонностью къ иноземцамъ, былъ первый, «которой началъ съ офицерами и купцами иноземными обходиться»; онъ не только снисходительно смотрѣлъ на знакомство Петра съ иноземцами, но и самъ содѣйствовалъ этому знакомству. Голицынъ сохранилъ за собою мѣсто начальника приказа Казанскаго Дворца, которому подвѣдомственно было все среднее и нижнее Поволжье, прежнія царства Казанское и Астраханское. «Этимъ краемъ,— пишетъ Куракинъ,— кн. Борисъ Алексѣевичъ правилъ такъ абсолютно, какъ бы былъ государемъ». Остальные приказы были розданы менѣе виднымъ членамъ партіи. Изъ уваженія къ царю Іоанну Алексѣевичу его дядька, кн. Петръ Ивановичъ Прозоровскій, оставленъ былъ, какъ и при Софьѣ, начальникомъ приказа Большой Казны. Начальники приказовъ въ эти годы начинаютъ все чаще именоваться министрами. Для рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ министры собираются въ «консилію». Мы видимъ передъ собою какъ бы объединенный кабинетъ, въ которомъ до смерти царицы Натальи (1694) Л. К. Нарышкинъ былъ предсѣдателемъ. Иностранцы прямо и называютъ его «первымъ министромъ», а Куракинъ разсказываетъ, что всѣ остальные министры должны были докладывать ему по своимъ вѣдомствамъ: «также къ нему всѣ министры принадлежали и о

всѣхъ дѣлахъ доносили, кромѣ князя Бориса Алексѣевича Голицына и Тихона Стрѣшнева». По смерти царицы Натальи Левъ Кирилловичъ, который былъ отъ Петра всегда «мепризированъ и принятъ за человѣка глупаго», лишился своего вліянія, а по возвращеніи Петра изъ-за границы былъ отставленъ и отъ управленія Посольскимъ приказомъ, уступивъ мѣсто Ѳ. А. Головину. Номинально первенство перешло къ кн. Б. А. Голицыну, но такъ какъ онъ «всѣ дѣла неглижировалъ», то, какъ сообщаетъ Куракинъ, фактически все управленіе сосредоточилось въ рукахъ Т. Н. Стрѣшнева. Послѣ сверженія Софьи и въ особенности послѣ смерти матери Петръ, какъ свидѣтельствуетъ Куракинъ, «хотя самъ вступилъ или понужденъ былъ вступить въ правленіе, однакожъ труда того не хотѣлъ понести и оставилъ все своего государства правленіе министрамъ своимъ». Правленіе кабинета посредственностей продолжалось лѣтъ десять (1688—1699) и не ознаменовалось рѣшительно ничѣмъ выдающимся. По широтѣ своей политики оно много уступало правленію Софьи и В. В. Голицына и въ своей созидательной дѣятельности, если въ чемъ ее обнаруживало, долго питалось запасомъ идей и проектовъ, унаслѣдованныхъ отъ времени Ѳеодора и Софьи.

Предоставивъ управленіе министрамъ, Петръ самъ въ него очень мало вмѣшивался, и все его вниманіе было устремлено попрежнему на «Нептуновы и Марсовы потѣхи». Только эти потѣхи принимаютъ теперь все болѣе широкіе размѣры. Въ теченіе 1692 г. царь неоднократно проводилъ по нѣскольку времени на Переяславскомъ озерѣ, разъ даже ему удалось свозить туда и мать. Тамъ онъ весь погружался въ кораблестроеніе, и когда пріѣхало въ Москву персидское посольство, Левъ Нарышкинъ и кн. Борисъ Голицынъ должны были сами пріѣзжать въ Переяславль и уговаривать царя бросить на нѣкоторое время корабли и съѣздить въ Москву на пріемъ посольства, такъ какъ отсутствіе его могло нанести обиду Персіи и повести къ разрыву съ нею. Не довольствуясь уже Переяславскимъ озеромъ, Петръ выпросился у матери въ Архангельскъ на Бѣлое море, куда и съѣздилъ въ 1693 г. и второй разъ уже по смерти матери въ 1694 г. (скончалась 25 января 1694 г.). Въ Архангельскѣ онъ увидѣлъ настоящее море, плавалъ по нему, провожая голландскіе корабли, собрался въ Соловецкій монастырь, захваченный бурею чуть было не погибъ во время этого путешествія — и былъ въ восторгѣ. Въ первую же свою поѣздку онъ не могъ удержаться, чтобы не заложить корабля, другой былъ заказанъ въ Голландіи. Лѣтомъ 1694 г. оба были готовы, и по письмамъ Петра къ Виніусу можно видѣть, какую сильную радость ему доставило это событіе. «А новый корабль, — пишетъ онъ ему о первомъ,—11-го іюля совсѣмъ отдѣланъ и окрещенъ во имя апостола Павла и Марсовымъ ладаномъ довольно окуренъ; въ томъ же куреніи и Бахусъ при-

почтенъ былъ довольно». Когда пришелъ изъ Голландіи заказанный тамъ корабль «Св. Пророчество», Петръ извѣстилъ Виніуса такимъ короткимъ письмомъ: «Ничто иное нынѣ мнѣ писать, только, что давно желали, нынѣ въ 21 день (іюля) совершилось: Янъ Фламъ въ цѣлости пріѣхалъ; на которомъ коряблѣ 44 пушки и 40 матросовъ. Пожалуй, поклонись всѣмъ нашимъ. Пространнѣе писать буду въ настоящей почтѣ; а нынѣ обвеселяся неудобно пространно писать, пачеже и нельзя: понеже при такихъ случаяхъ всегда Бахусъ почитается, который своими листьями заслоняетъ очи хотящимъ пространно писать».

Знамя, бывшее въ войскѣ Петра Великаго во время Азовскихъ походовъ.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

Игры съ сухопутными войсками обратились теперь въ настоящіе маневры, происходившіе подъ руководствомъ иностранныхъ генераловъ въ окрестностяхъ Москвы. Войска раздѣлялись на двѣ арміи: одна состояла изъ стараго войска, стрѣльцовъ, подъ начальствомъ Ив. Ив. Бутурлина, именовавшагося во время этихъ маневровъ «Польскимъ королемъ», другою командовалъ «генералиссимусъ Фридрихъ»—кн. Өеодоръ Юрьевичъ Ромадановскій. Эта послѣдняя составлялась изъ потѣшныхъ и изъ полковъ иноземнаго строя, и обыкновенно разбивала первую. На Яузѣ была построена даже особая потѣшная крѣпость съ иностраннымъ названіемъ «Пресбургъ», около которой и сосредоточивались военныя дѣйствія. Ее осаждали, ходили

на штурмъ, дѣлали подкопы, взрывали минами. Эти маневры иногда переходили въ настоящія схватки: кидали другъ въ друга чиненыя порохомъ гранаты, палили изъ пушекъ бомбами, бились палками, и такія шутки кончались иногда печальными послѣдствіями. Въ октябрѣ 1691 г. былъ великій и страшный бой. «И тотъ бой, — писалъ Петръ, — равнялся судному дню, и ближній стольникъ кн. Ив. Дм. Долгорукій отъ тяжкія своея раны, паче же изволеніемъ Божіимъ, переселился въ вѣчные кровы, по чину Адамову, идѣже и всѣмъ намъ по времени быти!» Эти военныя игры незамѣтно перешли въ серьезное дѣло. Осенью 1694 года въ октябрѣ были большіе бои подъ Кожуховымъ, недалеко отъ Симонова монастыря, а весною 1695 г. затѣянъ былъ уже походъ на Азовъ.

Походы прямо на Крымъ при Софьѣ кончились неудачно, и теперь рѣшено было нанести ударъ врагу съ другой стороны, взявъ важную крѣпость при устьѣ Дона, которая могла служить хорошею гаванью русскому флоту на Азовскомъ и Черномъ моряхъ. Къ тому же Азовъ уже разъ былъ захваченъ русскими въ 1637 г. Этотъ Азовскій походъ Петра и былъ непосредственнымъ продолженіемъ потѣшныхъ походовъ. Собираясь туда, царь писалъ: «Шутили подъ Кожуховымъ, теперь подъ Азовъ идемъ играть». Войска иноземнаго строя и московскіе стрѣльцы двинулись подъ начальствомъ трехъ генераловъ: Головина, Лефорта и Гордона. Первые два спустились на судахъ по Окѣ и Волгѣ ниже Царицына, оттуда перешли на Донъ и продолжали путь до Азова опять на судахъ. Гордонъ шелъ сухимъ путемъ черезъ Тамбовъ и Черкасскъ. Въ то же время Борису Петровичу Шереметеву съ сильнымъ отрядомъ стараго дворянскаго войска было поручено спуститься къ устьямъ Днѣпра, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля. Этотъ первый походъ былъ неудаченъ. Во время осады инженеры, Францъ Тиммерманъ, учитель Петра, и Яковъ Брюсъ дѣйствовали неумѣло: мина, заложенная по ихъ указанію, чтобы взорвать стѣну, взорвала русскихъ солдатъ, ее закладывавшихъ, оставивъ стѣну невредимой; съ моря къ Азову подходила помощь, и не было кораблей, чтобы воспрепятствовать этому. Несмотря на всѣ усилія войскъ, несмотря на то, что они «въ Марсовомъ ярмѣ непрестанно труждались», по выраженію Петра, два штурма были безплодны, и Петръ рѣшилъ отступить. Эта неудача не только не заставила Петра упасть духомъ, а, напротивъ, возбудила въ немъ самую кипучую энергію. Всю зиму онъ провелъ въ Воронежѣ за постройкою кораблей для новаго похода. «По приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму мы въ потѣ лица своего ѣдимъ хлѣбъ свой», писалъ онъ оттуда, и весною 1696 г. на воду было спущено 29 кораблей. Эти корабли и отрѣзали Азовъ отъ моря. Были приглашены изъ-за границы болѣе искусные инженеры. 18 іюля Азовъ сдался, а 30 сентября состоялось уже тріумфальное вступленіе

возвращавшихся въ Москву войскъ. Тріумфальные «порты», т.-е. ворота, были украшены аллегорическими изображеніями и статуями боговъ, увѣнчивавшихъ побѣдителей; былъ представленъ и Нептунъ, гласящій: «Се и азъ поздравляю взятіемъ Азова и вамъ покоряюсь». Такъ игра въ солдатики въ Преображенскомъ и въ кораблики на Яузѣ и Переяславскомъ озерѣ кончилась пріобрѣтеніемъ важной крѣпости и порта.

Въ этотъ же періодъ, между переворотомъ 1689 г. и Азовскими походами, Петръ особенно тѣсно сблизился съ Нѣмецкою слободою, знакомство съ которою, какъ мы видѣли, началось съ Тиммермана и Карстена Бранта. Нѣмецкая слобода того времени была уголкомъ Западной Европы, заброшеннымъ въ азіатскую московскую глушь. Жажда наживы и приключеній привлекала сюда съ Запада большое число торговцевъ, ремесленниковъ, художниковъ и младшихъ дворянскихъ сыновей. Эта слобода представляла удивительно пеструю смѣсь національностей, религій, положеній и костюмовъ. Здѣсь были французы, нѣмцы, голландцы, англичане, шотландцы, католики, лютеране, кальвинисты, реформаты, генералы и офицеры, художники, лѣкаря, аптекаря, торговцы, золотыхъ дѣлъ мастера и т. д. При царяхъ новой династіи жители слободы пользовались широкой свободой и имѣли даже свои церкви, а нужда въ войскахъ, обученныхъ иноземному строю, способствовала дарованію различныхъ льготъ иностранцамъ къ великому негодованію патріарха Іоакима, который не терпѣлъ «проклятыхъ еретиковъ» и первую Азовскую неудачу приписывалъ наказанію Божію за то, что имъ была вручена команда надъ православными воинами. Жизнь въ слободѣ вели бойкую и веселую, непохожую на жизнь благочестивыхъ русскихъ людей того времени. Иноземцы умѣли усердно работать, умѣли и веселиться, любили задать вечеринку или маскарадъ, куда собирались съ женами и дочерьми, вопреки всѣмъ правиламъ русскаго домостроя. Музыка и танцы, веселые разговоры за кружкой пива продолжались тамъ далеко за полночь. Такіе свободные и веселые нравы пришлись какъ разъ по душѣ Петру, съ дѣтства не терпѣвшему никакихъ стѣсненій этикета, и онъ сталъ въ слободѣ частымъ гостемъ. Несмотря на то, что онъ былъ уже женатый человѣкъ и имѣлъ сына, его часто можно было встрѣтить на свадьбахъ и крестинахъ жителей Нѣмецкой слободы, гдѣ онъ принималъ участіе въ танцахъ съ нѣмками; особенно онъ любилъ такъ называемый гросфатертанцъ. У Петра вспыхнуло нѣжное чувство къ одной изъ обитательницъ слободы Аннѣ Монсъ, купеческой дочери, «дѣвицѣ изрядной и умной», по выраженію Куракина.

Но не только сердечная склонность и не одно веселье привлекали Петра въ слободу. Тамъ за шахматами и за трубкой табаку онъ изъ бесѣдъ съ этими бывалыми и много видавшими на своемъ вѣку людьми узнавалъ много интереснаго о Западной Европѣ, и это

знакомство для царя, все желавшаго узнать, все усвоить и всему научиться, не пропадало даромъ. Жажда знанія, которую такъ хорошо удовлетворяли иностранцы, и потребность веселья, котораго онъ не находилъ около опостылѣвшей жены, тянули Петра въ слободу. Оба эти стремленія, и къ знанію, и къ веселью, нашли себѣ удовлетвореніе въ двухъ знакомствахъ, которыя завязались у Петра въ слободѣ и перешли затѣмъ въ тѣсную дружбу. Во-первыхъ, Петръ сблизился съ генераломъ Патрикомъ Гордономъ. Шотландецъ по происхожденію, Гордонъ былъ въ то время человѣкъ уже почтенныхъ лѣтъ (около 60-и), очень образованный, знатокъ военнаго дѣла, опытный инженеръ и неутомимый, честный работникъ. Онъ рано покинулъ родину, служилъ въ шведскихъ и польскихъ войскахъ, въ 60-хъ годахъ попалъ въ Россію и участвовалъ во всѣхъ походахъ конца XVII столѣтія: чигиринскихъ, крымскихъ и азовскихъ. Живя въ Москвѣ, онъ не прерывалъ сношеній съ Западной Европой, постоянно получалъ изъ Англіи книги, карты, инструменты. Его возрастъ, знанія, серьезность и честность снискали ему глубокое уваженіе не только въ слободѣ, но и въ московскихъ правительственныхъ сферахъ. Петръ познакомился съ нимъ во время столкновенія съ Софьей, и съ тѣхъ поръ между ними завязалась крѣпкая дружба. Отношеніе къ нему царя напоминаетъ нѣсколько отношеніе ученика къ учителю. Гордонъ постоянно что-нибудь показываетъ любопытному другу: то военныя упражненія, то разные снаряды и инструменты, способы дѣлать фейерверки, снабжаетъ Петра новыми

Кафтанъ царя Петра Алексѣевича голубого штофа.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

книгами, полученными изъ-за границы, чертитъ для него планы, устраиваетъ машины. Гордонъ оставилъ послѣ себя любопытный и подробный дневникъ своего пребыванія въ Москвѣ, и изъ него видно, какъ близокъ онъ былъ къ Петру и какъ просто, сердечно относился къ нему царь. Разъ Гордонъ упалъ съ лошади и повредилъ себѣ руку. Царь тотчасъ подбѣжалъ къ нему и съ волненіемъ спрашивалъ, какъ онъ себя чувствуетъ. Когда Гордонъ заболѣлъ, царь приходилъ самъ освѣдомляться о его здоровьѣ и присылалъ ему лѣкарства. Часто царь заходилъ къ нему запросто обѣдать, и однажды—2 января 1691 г.—онъ объявилъ Гордону, что на другой день будетъ у него обѣдать, ужинать и останется ночевать. Дѣйствительно на другой день была у Гордона пирушка, на которой собралось человѣкъ 85 гостей и въ томъ числѣ царь. Ночью расположились «по-лагерному», а на другой день вся компанія отправилась обѣдать къ Лефорту. Разъ Гордонъ выписалъ изъ-за границы въ подарокъ Петру великолѣпное оружіе, шляпу съ бѣлымъ перомъ, часы, инструменты и нѣсколько бутылокъ лучшихъ винъ и ликеровъ. Царь, услыхавъ объ этомъ, не выдержалъ и самъ явился за полученіемъ этихъ вещей.

Кафтанъ царя Петра Алексѣевича красный суконный, польскаго фасона.

Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

Другой любимецъ Петра, Францъ Лефортъ, былъ совершенно иного характера. Гордона Петръ болѣе уважалъ, чѣмъ любилъ; къ Лефорту онъ привязался всей душой. Это былъ швейцарецъ изъ Женевы, слѣдовательно, французъ, человѣкъ, не отличавшійся ни выдающимися способностями, ни образованіемъ, но полный жизни, необыкновенный весельчакъ, храбрецъ, охотникъ подраться на дуэли, неистощимо остроумный и добрый товарищъ. «Помянутый Лефортъ,—пишетъ о немъ Куракинъ,—былъ человѣкъ забавной и роскошной или, назвать, дебошанъ французской... денно и нощно

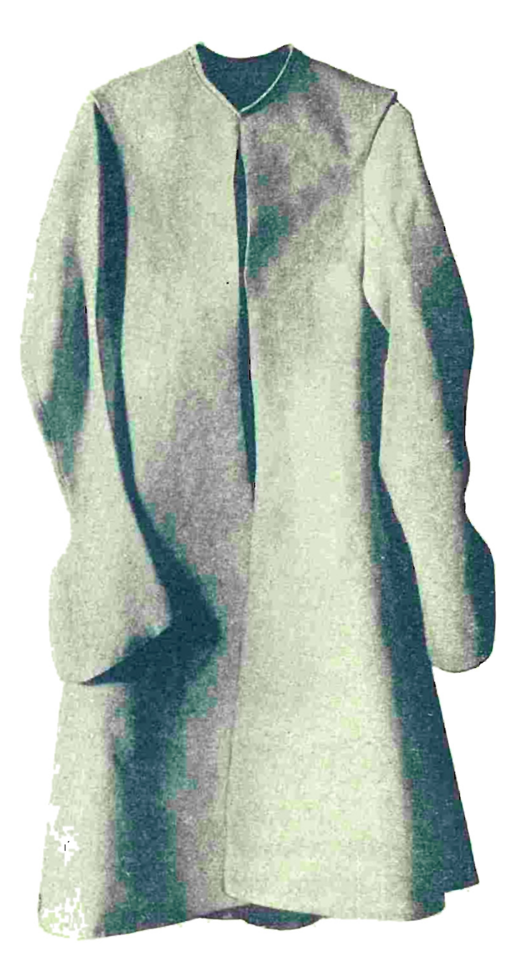
былъ въ забавахъ, супе, балы, банкеты, картежная игра, дебошъ съ дамами и питье непрестанное, оттого и умеръ во время своихъ лѣтъ подъ пятьдесятъ». Лефортъ былъ повѣреннымъ царя въ его сердечныхъ дѣлахъ въ слободѣ, и «пришелъ, — по выраженію того же историка, — въ крайнюю милость и конфиденцію интригъ амурныхъ». Въ его именно домѣ царь и научился «съ дамами иноземскими обходиться, и амуръ первый началъ быть». Разсказываютъ, что Петръ ужасно тосковалъ, когда Лефортъ умеръ, и передъ выносомъ его тѣла приказалъ открыть гробъ и въ присутствіи двора, громко рыдая, долго цѣловалъ похолодѣвшій трупъ любимца.

V.

Заграничная поѣздка Петра.—Возвращеніе и стрѣлецкій розыскъ.

Знакомство съ Нѣмецкою слободою и тѣсная дружба съ ея выдающимися представителями имѣли огромное вліяніе на Петра, разжигая въ немъ ту сильную охоту къ знанію, которая въ немъ замѣтна съ дѣтства. Разсказы о чужихъ краяхъ должны были производить на него сильное впечатлѣніе и вызвать въ немъ желаніе познакомиться самому съ этими краями, поближе увидать тѣ чудеса, о которыхъ ему разсказывали. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самая жизнь толкала его на то же: въ своей до сихъ поръ довольно ограниченной дѣятельности, не выходившей далѣе потѣшныхъ походовъ, Петру постоянно приходилось испытывать нужду въ нѣмцѣ: требовалось обучить войско — нуженъ былъ нѣмецъ, объяснить инструментъ — нѣмецъ, построить корабль — нѣмецъ и т. д. Такъ какъ Петръ, сойдя съ трона, съ котораго не спускались прежніе спокойные и величественные цари, принялъ самъ непосредственное участіе въ военномъ и морскомъ цѣлѣ, былъ шкиперомъ въ Архангельскѣ, бомбардиромъ въ Азовѣ и плотникомъ въ Воронежѣ, то и нужду въ иностранцахъ и превосходство ихъ знанія онъ ощутилъ гораздо сильнѣе на дѣлѣ, какъ не могъ бы ощутить, если бы жилъ, какъ жили далекіе отъ самой техники дѣла прежніе цари. Сознаніе превосходства иностранцевъ возбудило въ немъ потребность учиться у нихъ и перенимать, которой сначала удовлетворяли Тиммерманъ съ Брантомъ. Потомъ этого оказалось недостаточно, царь сошелся со всею Нѣмецкою слободой. Наконецъ и слобода сдѣлалась ему тѣсна, и его потянуло познакомиться со всей Западной Европой, къ чему его подстрекали и друзья изъ Нѣмецкой слободы. Приходилось посылать туда людей для науки; но нельзя было не знать того, что будутъ знать вернувшись эти подданные: Петръ не любилъ никому уступать въ мастерствѣ. Слѣдовательно, надо было самому прежде всѣхъ научиться и для этого ѣхать туда, куда приходи-

лось посылать подданныхъ. Такая причина и выставлена въ предисловіи къ Морскому уставу, о которомъ приходилось упоминать: «и дабы то корабельное дѣло вѣчно утвердилось въ Россіи, умыслилъ искусство дѣла того ввесть въ народъ свой и того ради многое число людей благородныхъ послалъ въ Голландію и иныя государства учиться архитектуры и управленія корабельнаго и такъ какъ стыдно было бы монарху отстать отъ подданныхъ своихъ въ ономъ искусствѣ, и самъ воспріялъ маршъ въ Голландію, и въ Амстердамѣ, на Остъ-индской верфи, вдавъ себя съ прочими волонтерами своими въ наученіе корабельной архитектуры, въ краткое время въ ономъ совершился, что подобало доброму плотнику знать». Такъ созрѣла мысль о заграничномъ путешествіи.



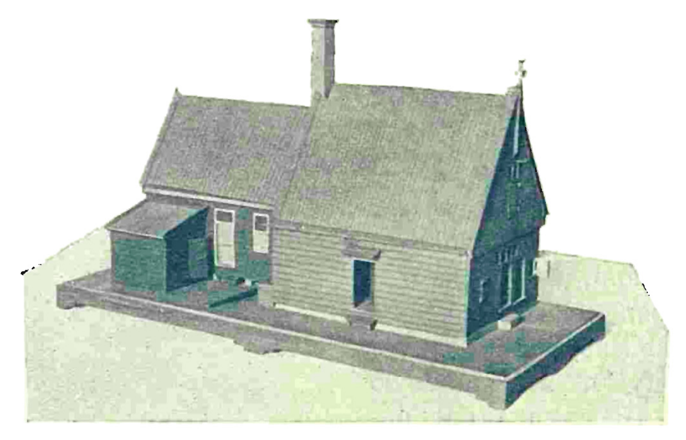
Кожаный колетъ,

который носилъ Петръ Великій во время работъ на голландскихъ верфяхъ.

Хранится въ Артиллерійскомъ музеѣ въ Петербургѣ.

Весной 1697 г. было снаряжено торжественное посольство, которое должно было посѣтить римскаго цесаря, англійскаго и датскаго королей, Нидерландскіе штаты, бранденбургскаго курфюрста, папу и венеціанскую республику. Послами были назначены Лефортъ, Головинъ и думный дьякъ Возницынъ съ огромною свитою, всего около 250 человѣкъ. Офиціально объявленною цѣлью посольства было «подтвержденіе древней дружбы и любви для общихъ всему христіанству дѣлъ, къ ослабленію враговъ креста Господня, султана турскаго и хана крымскаго, и къ вящшему приращенію государей христіанскихъ». На дѣлѣ же посольству было поручено нанять иностранныхъ офицеровъ, мастеровъ и закупить необходимые для кораблестроенія матеріалы. Петръ собственноручно написалъ посламъ инструкцію, въ которой приказывалъ: «къ службѣ морской сыскать капитановъ добрыхъ, которые бъ сами въ матросахъ бывали и службою дошли чина, а не по инымъ причинамъ, поручиковъ и подпоручиковъ, также и мастеровыхъ людей: ропшлагеровъ,

машть-макеровъ, риммакеровъ, блокмакеровъ, шлюпмакеровъ и др. съ снастьми довольными». Но, конечно, главною цѣлью посольства было дать возможность примкнувшему къ нему отряду «волонтеровъ» поработать на знаменитыхъ корабельныхъ верфяхъ. Этотъ отрядъ состоялъ человѣкъ изъ 30 слишкомъ, многіе изъ нихъ принадлежали къ извѣстнымъ фамиліямъ; отрядъ раздѣлялся на десятки, и надъ однимъ изъ нихъ десятникомъ былъ Петръ Михайловъ, урядникъ Преображенскаго полка, самъ царь. Не слѣдуетъ преувеличивать значенія намѣреній Петра, вызвавшихъ эту поѣздку. Его влекло желаніе посмотрѣть и поучиться. Одушевлявшее его тогда настроеніе онъ выразилъ въ девизѣ, вырѣзанномъ на печати, которою онъ запечатывалъ свои письма изъ-за границы: «Азъ бо есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую». Но область предметовъ, привлекавшихъ его вниманіе, немногимъ развѣ была шире



Модель саардамскаго домика Петра Великаго.
Въ Морскомъ музеѣ въ Петербургѣ.

той сферы дѣятельности, въ которой онъ вращался въ 90-хъ годахъ во время военныхъ и морскихъ потѣхъ. Съ наибольшимъ жаромъ учился онъ военному и корабельному дѣлу. Соблюдая строгое инкогнито, Петръ нерѣдко обгонялъ посольство съ небольшою свитой. Такъ, онъ дожидался его нѣкоторое время въ Кенигсбергѣ у курфюрста бранденбургскаго Фридриха III и, не стѣсняемый этикетомъ, употребилъ свободное время на изученіе артиллеріи подъ руководствомъ главнаго инженера прусскихъ крѣпостей фонъ Штернфельда. Этотъ Штернфельдъ по окончаніи обученія выдалъ Петру аттестатъ, въ которомъ свидѣтельствовалъ, что въ Петрѣ Михайловѣ онъ замѣтилъ очень «понятливую особу» и что онъ «какъ въ Кенигсбергѣ, такъ и въ приморской крѣпости Пилау ежедневно благоупомянутаго господина Петра Михайлова не только въ теоріи науки, но и въ практикѣ, частыми работами собственныхъ рукъ его обучалъ и упражнялъ. Въ томъ и другомъ случаѣ въ непродолжительное время къ общему изумленію онъ

такіе оказалъ успѣхи и такія пріобрѣлъ свѣдѣнія, что вездѣ за исправнаго, осторожнаго, благоискуснаго, мужественнаго и безстрашнаго огнестрѣльнаго мастера и художника признаваемъ и почитаемъ быть можетъ». Въ августѣ 1697 г. Петръ достигъ, наконецъ, давно желанной цѣли: попалъ на голландскія верфи. Сначала онъ работалъ въ небольшомъ городкѣ Саардамѣ, а затѣмъ, спасаясь отъ безпрестанно надоѣдавшей ему любопытной толпы, съ удивленіемъ смотрѣвшей на московскаго царя въ курткѣ голландскаго мастерового, съ плот-

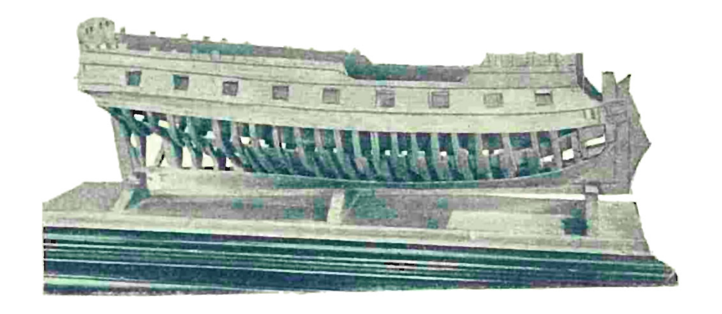
Петръ Великій.
Портретъ, писанный Венинксомъ.
Оригиналъ въ Романовской галлереѣ Зимняго дворца.

ничьими инструментами въ рукахъ, перебрался въ Амстердамъ и поступилъ на верфь знаменитой Остъ-Индской компаніи ученикомъ къ мастеру Герриту Класу Полю. На верфи для него былъ заложенъ корабль, въ постройкѣ котораго отъ начала до конца онъ принималъ участіе. Къ зимѣ царь изучилъ уже все, чему могъ научить его голландскій кораблестроитель: усвоилъ всю практику кораблестроенія и получилъ отъ своего руководителя не менѣе похвальный, чѣмъ отъ преподавателя артиллеріи, аттестатъ, въ которомъ значилось, что Петръ Михайловъ съ 30 августа по 15 января,

во время благороднаго пребыванія своего на верфи «былъ прилежнымъ и разумнымъ плотникомъ, также въ связываніи, заколачиваніи, сплачиваніи, подниманіи, прилаживаніи, натягиваніи, плетеніи, конопаченіи, струганіи, буравленіи, распиливаніи, мощеніи и смоленіи поступалъ, какъ доброму и искусному плотнику надлежитъ». Но этою практикою корабельнаго дѣла Петръ не могъ удовольствоваться. Ему непремѣнно хотѣлось узнать и самую теорію постройки корабля, быть не только корабельнымъ плотникомъ, но и инженеромъ. Въ предисловіи къ Морскому регламенту Петръ разсказываетъ, что онъ въ Голландіи на Остъ-Индской верфи «своими трудами и мастерствомъ новый корабль построилъ и на воду спустилъ. Потомъ просилъ той верфи баса Яна Пола, дабы училъ его препорціи корабельной, который ему чрезъ четыре дня показалъ. Но понеже въ Голландіи нѣтъ на сіе мастерство совершенства геометрическимъ образомъ, но точію нѣкоторыя принципіи, прочее же съ долговременной практики, о чемъ вышереченный басъ сказалъ, и что всего на чертежѣ показать не умѣетъ, тогда зѣло ему стало противно, что такой дальній путь для сего воспріялъ, а желаемаго конца не достигъ. И по нѣсколькихъ дняхъ прилучилось ему быть на загородномъ дворѣ купца Яна Тесинга въ компаніи, гдѣ сидѣлъ гораздо не веселъ, ради вышеписанной причины; но когда между разговоровъ спрошенъ былъ, для чего такъ печаленъ?, тогда оную причину объявилъ. Въ той компаніи былъ одинъ англичанинъ, который слышавъ сіе сказалъ, что у нихъ въ Англіи сія архитектура такъ въ совершенствѣ, какъ и другія, и что краткимъ временемъ научиться можно. Сіе зѣло обрадовало, по которому немедленно въ Англію и поѣхалъ и тамъ... оную науку окончилъ».

Въ журналѣ, веденномъ Петромъ въ путешествіи, о пріѣздѣ въ Англію отмѣчено: 11 января «съ яхтъ перебравшись въ мелкія суды, называются баржи, съ греблею поѣхали рѣкою Темсомъ. Проѣхали на правой странѣ зданіе, именуемое Туръ, гдѣ англинскихъ честныхъ людей сажаютъ за караулъ; проѣхали мостъ, на которомъ дворы построены; пріѣхали въ городъ Лондонъ; поставлены въ трехъ дворахъ мѣщанскихъ и тутъ кушали». 14 января прибылъ англійскій король съ визитомъ. Недѣли черезъ полторы Петръ отдалъ ему визитъ, а подъ 9-мъ февраля въ «Юрналѣ» читаемъ: «Послѣ полудня въ 3-мъ часу совсѣмъ перебравшись, переѣхали въ Детфортъ». Это маленькій городокъ на правомъ берегу Темзы, верстахъ въ трехъ отъ Лондона. Петръ нанялъ здѣсь домъ у самой верфи и прожилъ два съ половиной мѣсяца, проходя высшій курсъ кораблестроенія. Все свободное отъ работы на верфяхъ время и въ Голландіи, и въ Англіи царь употреблялъ на обзоръ различныхъ достопримѣчательностей, посѣщалъ музеи и лабораторіи и не упускалъ случая поучиться. Посѣщая богатую коллекцію рѣдкихъ предметовъ Якова Вильде въ Амстердамѣ, царь подъ руководствомъ гравера Шхонебека, издавшаго иллюстрированный каталогъ этой кол-

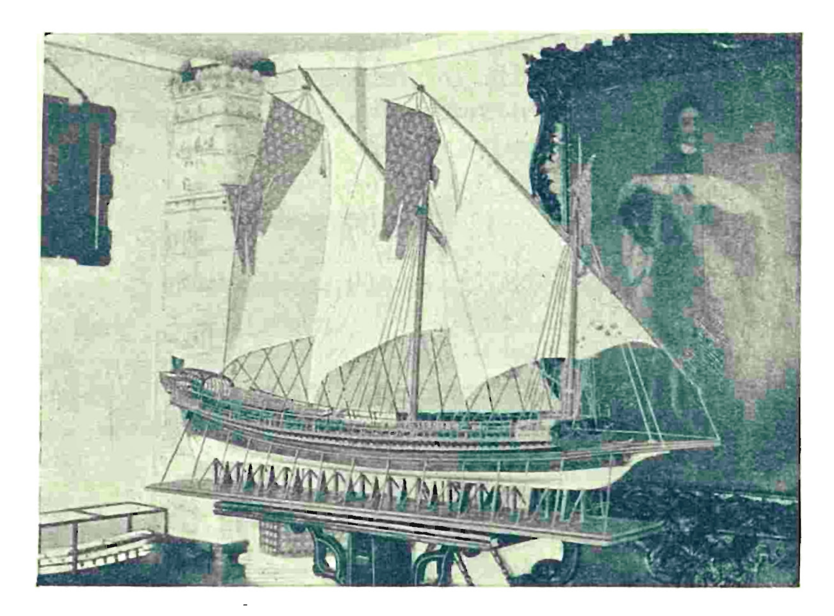
лекціи, успѣлъ даже попробовать гравировать... Часто посѣщалъ онъ лекціи профессора анатоміи Рюйша, съ любопытствомъ разсматривалъ препараты въ его анатомическомъ кабинетѣ, былъ и въ больницѣ на операціяхъ. Впослѣдствіи Петръ считалъ себя отчасти и медикомъ и съ удовольствіемъ выдергивалъ больные зубы у приближенныхъ, съ ужасомъ подвергавшихся этой операціи. Въ Дельфтѣ ученый натуралистъ Лейвенгекъ показалъ царю обращеніе съ микроскопомъ, и отзывался съ удивленіемъ о чрезвычайныхъ способностяхъ и любознательности царя. Во время житья въ Англіи въ дневникѣ то и дѣло попадаются замѣтки въ родѣ такихъ: «Былъ десятникъ въ Уличѣ, смотрѣлъ лабораторіума, гдѣ огнестрѣльныя всякія вещи и наряжаютъ бомбы»; «Ѣздилъ въ «Острономику»; «былъ съ Яковомъ Брюсомъ въ Турѣ, гдѣ деньги дѣлаютъ»; «Пріѣхали въ городъ Винзеръ, а въ немъ королевскій дворъ зѣло изряденъ». Но особенное удовольствіе доставляли царю осмотры военныхъ и торговыхъ кораблей, гаваней, доковъ,



Модель судна временъ Петра Великаго.
Въ Морскомъ музеѣ въ Петербургѣ.

верфей, фабрикъ, заводовъ и мастерскихъ. Всякое ремесло, все то, въ чемъ сказывалось торжество искусной человѣческой руки надъ грубою матеріей, привлекало къ себѣ вниманіе царя. Гораздо менѣе интересовался онъ произведеніями чистаго искусства: эстетическое удовольствіе, доставляемое ими, было для него мало понятно. Когда ему въ Англіи показывали въ одномъ изъ дворцовъ картины, онъ не обратилъ на нихъ никакого вниманія, но съ большимъ любопытствомъ остановился передъ находившимся въ комнатѣ короля приборомъ для наблюденія за направленіемъ вѣтра. Позже, однако, у него развился вкусъ къ архитектурѣ и къ живописи, и онъ охотно выписывалъ въ Россію для украшенія изящно построенныхъ дворцовъ выдающіяся произведенія иностраннаго искусства. Всего меньше во время первой заграничной поѣздки Петра занимало то, что̀ должно было бы особенно занимать его какъ государя: онъ былъ совершенно равнодушенъ къ политическому и общественному строю тѣхъ государствъ, въ которыхъ гостилъ, и не выказывалъ никакой охоты познакомиться съ ихъ

государственными учрежденіями, законами и порядками. Въ «Юрналъ». который испещренъ множествомъ отмѣтокъ какъ о посѣщеніи заводовъ и мастерскихъ и тому подобныхъ учрежденій, такъ и о тѣхъ дняхъ, въ которые «были въ комедіи» или у кого-нибудь «кушали и пріѣхали домой веселы», попала за всѣ 3 мѣсяца житья въ Англіи только одинъ разъ отмѣтка «были въ парламентѣ». Это равнодушіе къ политическимъ учрежденіямъ подало поводъ нѣкоторымъ англичанамъ, людямъ той націи, которая наиболѣе неравнодушна именно къ учрежденіямъ такого рода, составить невыгодное мнѣніе о Петрѣ: онъ имъ показался слишкомъ одностороннимъ. Королю Вильгельму III не понравилось, что Петръ обращалъ чрезмѣрное вниманіе на морское дѣло, оставаясь совер-



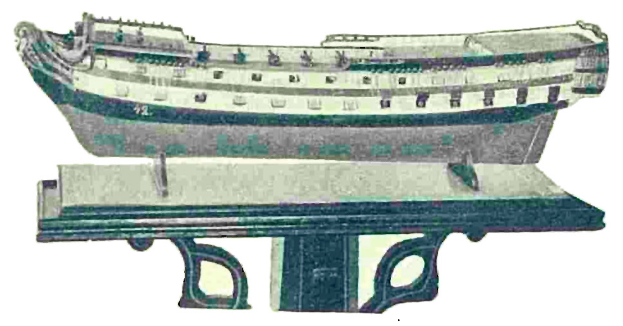
Модель судна временъ Петра Великаго.
Въ Морскомъ музеѣ въ Петербургѣ.

шенно равнодушнымъ къ другимъ предметамъ. Епископъ сольсберійскій Бернетъ, нѣсколько разъ посѣтившій Петра, далъ о немъ неблагопріятный отзывъ. «Царь—человѣкъ весьма горячаго нрава,—пишетъ онъ,—склонный къ вспышкамъ, страстный и крутой. Онъ еще болѣе возбуждаетъ свою горячность употребленіемъ водки, которую самъ приготовляетъ съ необычайнымъ знаніемъ дѣла... Особенную наклонность онъ имѣетъ къ механическимъ работамъ; природа, кажется, скорѣе создала его для дѣятельности корабельнаго плотника, чѣмъ для управленія великимъ государствомъ».

21 апрѣля 1698 г. царь выѣхалъ изъ Англіи, присоединился къ посольству, ожидавшему его въ Голландіи, и, недолго пробывъ тамъ, отправился, по обыкновенію опережая посольство, въ Вѣну, куда и прибылъ 16 іюня. По плану путешествія послѣ посѣщенія

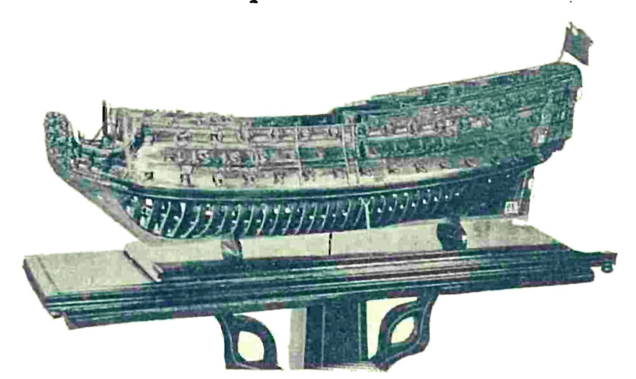
цесарскаго двора предстояло побывать у другого участника священнаго союза — въ Венеціи, но это предположеніе не сбылось. Еще весной царю писали изъ Москвы о томъ, что у стрѣльцовъ неспокойно. Въ Вѣнѣ онъ получилъ извѣстіе о стрѣлецкомъ бунтѣ, и это побудило его ускорить возвращеніе въ Россію.

Разсматривая событія 1689 г., мы видѣли, что стрѣльцы, по крайней мѣрѣ большинство, отказались стать противъ Петра по



Модель судна временъ Петра Великаго.
Въ Морскомъ музеѣ въ Петербургѣ.

призыву Софьи. Но, отказавшись итти противъ царя, они не выразили особенно горячаго стремленія итти за него, предпочитали быть равнодушными и спокойными зрителями борьбы и примкнуть къ той сторонѣ, которая одержитъ побѣду. Они знали, что царь не любитъ ихъ. Эта нелюбовь къ стрѣльцамъ ясно высказывалась въ потѣшныхъ маневрахъ, гдѣ стрѣльцы изображали всегда «польское войско» и были разбиваемы солдатами новаго строя.



Модель судна временъ Петра Великаго.
Въ Морскомъ музеѣ въ Петербургѣ.

Они не могли не догадываться, что скоро придетъ конецъ ихъ привольной жизни и станутъ ихъ учить новому иноземному строю; поэтому они такъ легко вѣрили всякому неблагопріятному слуху. Въ 1695 и 1696 гг. стрѣльцы участвовали въ азовскихъ походахъ, и многіе изъ нихъ были по взятіи Азова оставлены тамъ оберегать крѣпость. Само собою разумѣется, что

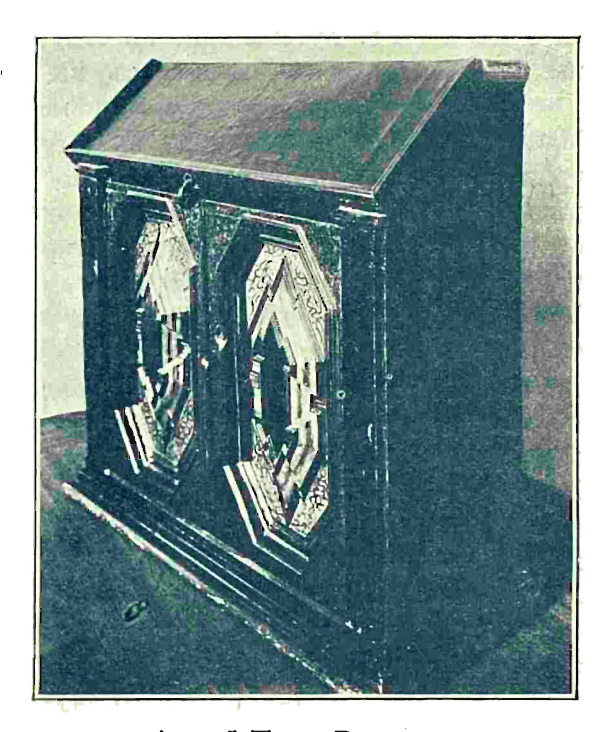
не сладко было жить въ этомъ отдаленномъ только что завоеванномъ городкѣ стрѣльцамъ, избалованнымъ удобствами жизни въ московскихъ слободахъ, привыкшимъ жить въ кругу семей, заниматься хозяйствомъ, торговлею и ремеслами. Стрѣльцы молчали въ Азовѣ и только дулись на царя. Вдругъ въ началѣ 1698 г. изъ-за границы присланъ приказъ: 4 полка, стоявшихъ въ Азовѣ, двинуть оттуда, но не въ Москву, о которой имъ, вѣроятно, снились самые радужные сны, а въ Великія Луки на польскую границу, на сколько времени — неизвѣстно. До полутораста стрѣльцовъ не выдержали, съ дороги бѣжали и въ мартѣ явились къ Москвѣ. Въ Москвѣ они услыхали странныя и непріятныя вѣсти: «Государь залетѣлъ въ чужую сторону, къ нѣмцамъ! О немъ ни слуху, ни духу, невѣдомо живъ, невѣдомо померъ. Въ Москвѣ правятъ бояре, хотятъ задушить царевича». «А вамъ уже на Москвѣ не бывать», говорили стрѣльцамъ подьячіе, обращая ихъ смутныя догадки и опасенія въ печальную увѣренность. Понятно, какое отчаяніе должна была вызывать въ нихъ эта увѣренность въ вѣчной разлукѣ съ Москвою. А тутъ стали подвертываться подъ руки грамотки изъ Дѣвичьяго монастыря отъ молодой затворницы, столь безвременно попавшей изъ дворцовыхъ палатъ въ келью. «Вамъ бы быть къ Москвѣ всѣмъ четыремъ полкамъ,— читали они въ грамоткахъ,—и стать подъ Дѣвичьимъ монастыремъ таборомъ и бить челомъ мнѣ иттить къ Москвѣ противъ прежняго на державство: а кто бы не сталъ пускать — и вамъ бы чинить съ ними бой». Это было открытое призваніе къ государственному перевороту посредствомъ бунта. Разговоры стрѣльцовъ въ Москвѣ становились все громче и громче.

Ботфорты Петра Великаго, имъ самимъ сшитые.
Хранятся въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

Московское правительство не могло больше терпѣть бѣглецовъ, сѣявшихъ смуту въ Москвѣ, и потребовало, чтобы они вернулись въ свои полки. Они отказались и были выбиты изъ города вооруженной силой. Странно было уже и то, что бѣглецы жили въ Москвѣ, и бояре-правители смотрѣли на нихъ сквозь пальцы. Дѣло объясняется тѣмъ, что не было долго извѣстій отъ царя; въ Москвѣ

пошелъ слухъ, что онъ умеръ, и у правительства опустились руки. За это Ромодановскій, правитель Москвы въ отсутствіи Петра, получилъ отъ него изъ-за границы суровый выговоръ. «Зѣло мнѣ печально и досадно на тебя,—писалъ царь,—для чего ты сего дѣла въ розыскъ не вступилъ... Я не знаю, откуда на васъ такой страхъ бабій. Мало ли бываетъ, что почты пропадаютъ, къ тому же въ ту пору было и половодье. Неколи ничего ожидать съ такою трусостью! Пожалуй, не осердись: воистину отъ болѣзни сердца писалъ».

Изгнанные изъ Москвы стрѣльцы вернулись въ свои полки, принеся туда московскіе разговоры и царевнины грамоты. Раздраженіе усиливалось. 28 мая пришелъ указъ: стрѣлецкіе стоявшіе на границѣ полки перевести въ смоленскіе и тверскіе города впредь до указа, а бѣгавшихъ въ Москву послать въ Малороссію на вѣчное житье съ женами и дѣтьми. Этотъ указъ вызвалъ открытое сопротивленіе власти: стрѣльцы отказались выдать товарищей, ходившихъ въ Москву по ихъ объясненію «отъ голода и безкормицы». «Мы за нихъ не стоимъ,— отвѣчали стрѣльцы на требованіе командировъ,—да мочи нашей нѣтъ ихъ выдать». Теперь уже бѣглецы должны были мутить войско изъ чувства самосохраненія.



Аналой Петра Великаго.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

Медленно и нехотя, какъ стадо, гонимое на убой, двигались стрѣльцы въ назначенные имъ города, дѣлая верстъ по 5 въ сутки. Наконецъ, 6-го іюня, раздраженіе, долго тлѣвшее до тѣхъ поръ, вспыхнуло шумнымъ бунтомъ. Стрѣльцы, собираясь толпами, кричали, что надо итти къ Москвѣ, бить бояръ, бить нѣмцевъ за то, что отъ нихъ православіе закоснѣло. Слышались даже и болѣе рѣшительныя предложенія: «государя въ Москву не пустить и убить, за то, что началъ вѣровать въ нѣмцевъ, сложился съ нѣмцами». Смѣнивъ полковниковъ и капитановъ и выбравъ на мѣсто ихъ новыхъ, стрѣльцы двинулись на Москву. По предложенію кн. Б. А. Голицына противъ нихъ были высланы

бояринъ Шеинъ и генералъ Гордонъ съ 4000 войска и 25 пушками 17 іюня эти войска встрѣтили мятежниковъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ на р. Истрѣ, и нѣсколькихъ залповъ оказалось достаточно, чтобы разогнать ихъ. Бѣжавшихъ перехватали. Шеинъ произвелъ «розыскъ», кто изъ нихъ были воры и кто добрые люди, и множество ихъ было казнено. Остальные разосланы по монастырямъ и тюрьмамъ подъ стражу.

Петръ, когда его извѣстили объ этихъ событіяхъ, тотчасъ же догадался, чьихъ рукъ дѣло былъ мятежъ: «Сѣмя Ивана Михайловича Милославскаго растетъ, — писалъ онъ Ромодановскому, — въ чемъ прошу васъ быть крѣпкимъ, а кромѣ сего ничѣмъ сей огонь угасить неможно. Хотя зѣло намъ жаль нынѣшняго полезнаго дѣла (т.-е. путешествія въ Венецію), однако сей ради причины будемъ къ вамъ такъ, какъ вы не чаете».

Петръ все дѣло приписалъ «сѣмени Ивана Михайловича», т.-е. Милославскимъ и обвинялъ ихъ гораздо болѣе, чѣмъ они того въ данномъ случаѣ заслуживали, но онъ съ дѣтства привыкъ видѣть въ нихъ причину и начало всякаго бунта. Еще передъ самымъ отъѣздомъ Петра за границу открытъ былъ заговоръ на его жизнь, составленный Цыклеромъ, Соковнинымъ и Пушкинымъ. Виновники заговора были казнены въ Преображенскомъ. «И въ то время къ казни изъ могилы выкопанъ мертвый бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій и привезенъ въ Преображенское на свиньяхъ, и гробъ его поставленъ былъ у плахъ измѣнничьихъ, и какъ головы ихъ сѣкли и кровь точила въ гробъ на него, Ивана Милославскаго». Этимъ страшнымъ зрѣлищемъ Петръ показалъ, кого онъ считаетъ главнымъ виновникомъ злодѣянія, и хотѣлъ подѣйствовать на его сообщниковъ и, главнымъ образомъ, на Софью. Легко понять, въ какую ярость онъ долженъ былъ прійти теперь, когда проклятое сѣмя опять вырастало. 26 августа 1698 г. по Москвѣ разнесся слухъ, что наканунѣ пріѣхалъ царь въ мрачномъ настроеніи: не былъ во дворцѣ у жены, вечеръ провелъ въ Нѣмецкой слободѣ, на ночь уѣхалъ въ Преображенское. Съ половины сентября повезли въ Москву разосланныхъ по тюрьмамъ и монастырямъ стрѣльцовъ. Всего свезено было до 1700 человѣкъ. Начались страшные допросы и пытки въ 14 застѣнкахъ въ Преображенскомъ, подъ руководствомъ знаменитаго своею жестокостью начальника Преображенскаго приказа кн. Ѳ. Ю. Ромодановскаго, котораго самъ Петръ называлъ «звѣремъ».

Со времени заговора Цыклера Ромодановскій особенно выдвинулся и получилъ большое значеніе среди министровъ. Самый видъ его долженъ былъ наводить ужасъ. «Сей князь,—вспоминаетъ о немъ Куракинъ,—былъ характера партикулярнаго; собою видомъ, какъ монстра; нравомъ злой тиранъ; превеликій нежелатель добра никому; пьянъ по вся дни; но его величеству вѣрной такой былъ, что никто другой». Съ 30-го сентября начались казни массами.

Въ этотъ день повезли изъ Преображенскаго 201 стрѣльца на телѣгахъ. На каждой сидѣло по двое и держали въ рукахъ зажженныя свѣчи. Казни продолжались весь октябрь. 17-го въ Преображенскомъ въ присутствіи царя приближенные занимались тѣмъ, что рубили головы осужденнымъ, всѣхъ превзошелъ «Алексашка», будущій свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, хвалившійся тѣмъ, что отрубилъ 20 головъ. Всего за октябрь мѣсяцъ погибло до 1000 стрѣльцовъ. 195 изъ нихъ были повѣшены подъ Дѣвичьимъ монастыремъ передъ кельею Софьи, гдѣ и висѣли пять мѣсяцевъ. Она была теперь пострижена подъ именемъ Сусанны. Доступъ къ ней даже сестрамъ былъ затрудненъ. Петръ не позволилъ пускать въ монастырь пѣвчихъ: «поютъ и старицы хорошо, лишь бы вѣра была, а не такъ, что въ церкви поютъ «Спаси отъ бѣдъ», а въ паперти деньги на убійство даютъ».

Всѣ эти событія и стрѣлецкія возмущенія, съ которыми пришлось имѣть дѣло Петру въ дѣтствѣ и юности, не прошли для него даромъ. Они положили свой отпечатокъ на его характеръ, сдѣлали его рѣзкимъ и раздражительнымъ; а характеръ государя неизбѣжно долженъ быть сказаться на пріемахъ управленія, когда онъ взялъ власть въ свои руки. Десятилѣтнимъ ребенкомъ онъ стоялъ на Красномъ крыльцѣ, когда стрѣльцы сбрасывали на копья любимыхъ имъ людей и близкихъ родственниковъ. Какія думы пронеслись въ дѣтской головѣ подъ впечатлѣніемъ этой кровавой сцены? Осенью того же года онъ съ братомъ и сестрой правительницей должны укрыться отъ стрѣльцовъ за стѣнами Троицкаго монастыря. Въ августѣ 1689 г. его ночью внезапно будятъ: опять бунтуютъ стрѣльцы, грозятъ убійствомъ, и когда Петръ въ эту ночь летѣлъ стремглавъ опять къ Троицѣ, можетъ - быть, въ воображеніи его опять воскресалъ страшный, запечатлѣвшійся въ памяти съ дѣтства образъ разъяреннаго мятежника стрѣльца съ бородою, въ длинномъ кафтанѣ. Передъ поѣздкой за границу— опять стрѣльцы. Наконецъ и за границей жить и учиться не даютъ спокойно. Только было все улеглось, и вдругъ опять извѣстіе о стрѣлецкомъ бунтѣ, и впечатлѣніе отъ этой вѣсти тѣмъ сильнѣе, чѣмъ Петръ дальше отъ мѣста дѣйствія. Но во имя чего бунтуютъ стрѣльцы? Тайными, приводившими ихъ въ движеніе, пружинами были, конечно, интриги Софьи и Милославскихъ; но на знамени, которымъ движеніе прикрывалось, было написано: «старина». Стрѣльцы идутъ на защиту старины отъ нѣмцевъ, «послѣдующихъ брадобритію и табаку», и отъ царя, сдружившагося съ нѣмцами. Съ тѣхъ поръ у Петра мысль о старинѣ неразрывно связалась съ мыслью о стрѣльцѣ-мятежникѣ, о стрѣлецкомъ бунтѣ и кровавыхъ сценахъ. При немъ можно было критиковать новые, вводимые имъ порядки, доказывать ихъ негодность, совѣтовать измѣнить ихъ; но каждое слово, произнесенное въ защиту старины, казалось ему призывомъ къ бунту. Отсюда то озлобленіе,

съ которымъ онъ нападалъ на все то, что напоминало ему эту бунтующую старину, эти бороды и длинныя платья, и отсюда то раздраженіе и жестокость, съ которыми уничтожалъ онъ препятствія, вводя новые порядки. Разсматривая проведенную Петромъ реформу, мы видимъ, какъ отражалось на ней это озлобленіе противъ старины и это крутое принужденіе слѣдовать новому. Нерѣдко возвышенныя и благородныя цѣли, ради которыхъ предпринимались преобразованія, должны были достигаться самыми жестокими средствами: батогами, кнутомъ, ссылками на галеры, всѣми ужасами Преображенскаго застѣнка.

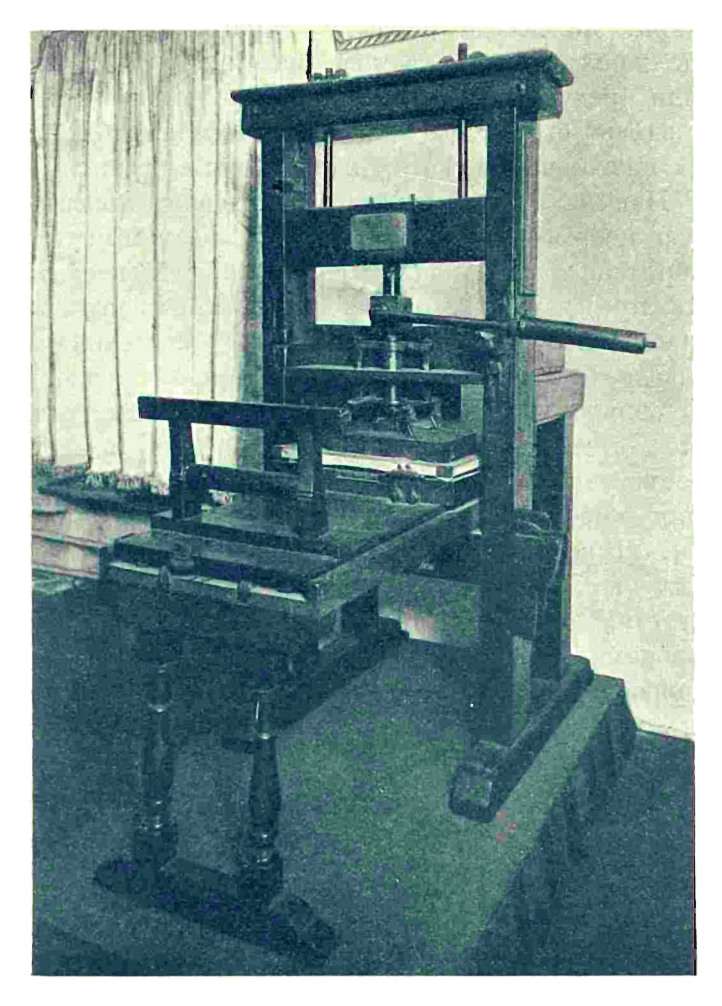
VI.

Великая Сѣверная война.

Свѣдѣнія въ военныхъ наукахъ и корабельномъ мастерствѣ, пріобрѣтенныя Петромъ за границею, оказались очень кстати, и вскорѣ по возвращеніи ему пришлось примѣнить ихъ къ дѣлу.

XVIII вѣкъ начался войнами, охватившими всю Европу и вызванными чрезмѣрнымъ усиленіемъ въ предыдущемъ столѣтіи двухъ государствъ: Франціи и Швеціи. Нарушеніе европейскаго равновѣсія преобладаніемъ Франціи при Людовикѣ XIV вызвало противъ нея союзъ Австріи, Англіи и Голландіи, и война вспыхнула изъ-за вопроса, кому занимать сдѣлавшійся вакантнымъ испанскій престолъ, Габсбургу или Бурбону. Швеція, до XVII в. не игравшая въ европейскихъ дѣлахъ видной роли, пріобрѣла значеніе въ Тридцатилѣтнюю войну, когда во главѣ отборнаго войска шведскій король Густавъ-Адольфъ появился на континентѣ и поддержалъ протестантскихъ князей въ борьбѣ ихъ съ императоромъ, главою католиковъ. Это вмѣшательство не осталось для Швеціи безъ матеріальныхъ послѣдствій: сверхъ польскихъ и русскихъ земель по Балтійскому берегу, пріобрѣтенныхъ Густавомъ-Адольфомъ, она получила земли въ Германіи (Померанію). Однако во второй половинѣ XVII в. Швеція измѣнила своей протестантской политикѣ и, столкнувшись съ бранденбургскимъ курфюрстомъ, своимъ сосѣдомъ по германскимъ владѣніямъ, стала дружить съ Франціей. Союзъ съ Франціей, владѣніе нѣмецкой территоріей и вмѣшательство въ германскія дѣла были причиной недовольства противъ Швеціи въ средѣ нѣмецкихъ князей. Къ началу XVIII в. это недовольство приняло опредѣленную форму въ видѣ направленнаго противъ нея союза Даніи и Саксоніи, къ которому удалось привлечь и Россію. Данія была не въ ладахъ съ сосѣднимъ маленькимъ герцогствомъ Гольштейнъ-Готторпскимъ, государь котораго, родственникъ Карла XII, пользовался поддержкою послѣдняго. Саксонскаго кур-

фюрста Августа, избраннаго и на польскій престолъ, дѣятельно побуждалъ вступить въ союзъ бѣглый шведскій подданный, лифляндскій рыцарь Паткуль. Въ Швеціи королевская власть, сильно ограниченная аристократіей, вела съ нею упорную борьбу, въ которой получаетъ поддержку отъ среднихъ и низшихъ классовъ. Аристократія особенно усилилась со времени малолѣтней наслѣд-



Печатный станокъ, на которомъ по преданію работалъ Петръ Великій.
Хранится въ типографіи Сената въ Петербургѣ.

ницы безвременно погибшаго Густава-Адольфа, Христины, когда дворянство расхватало огромный запасъ казенныхъ земель. Въ этихъ земляхъ и заключалось, главнымъ образомъ, богатство шведской казны, которой при широкой политикѣ государства приходилось нести много расходовъ. Королевская власть, лишенная необходимыхъ средствъ, была обезсилена въ борьбѣ съ дворянствомъ.

Но благодаря сочувствію низшихъ классовъ предшественнику Карла XII, Карлу XI, удалось получить отъ сейма неограниченную власть и онъ воспользовался ею для ослабленія враждебнаго дворянства. Этого ослабленія онъ сталъ достигать проведеніемъ такъ называемой «редукціи», т.-е. провѣрки правъ на дворянскія имѣнія и отобраніемъ въ казну тѣхъ имѣній, владѣльцы которыхъ не могли доказать своего права на нихъ. Это была чрезвычайно тяжелая мѣра: не всегда даже у самаго законнаго владѣльца сохранялись документы на землю на лицо. Особенно тягостно почувствовали редукцію въ Лифляндіи. Со времени шведскаго завоеванія здѣсь были два класса землевладѣльцевъ: шведское дворянство, набравшее имѣній, и старинные рыцари ордена Меченосцевъ. Новый наносный слой землевладѣльцевъ легче перенесъ такую непріятную операцію, какъ редукція: то, что было легко пріобрѣтено, и отдавалось съ меньшей неохотой. Но нетрудно себѣ представить, что должны были испытывать рыцари ордена, уже пять столѣтій безспорно владѣвшіе своею землею. Шведское правительство дѣйствовало рѣзко, и рыцарство было сильно раздражено. Паткуль и выступилъ на его защиту. Это былъ талантливый, рѣшительный и смѣлый человѣкъ. Онъ вступился за дѣло крайне горячо, не сдерживая языкъ, скоро попалъ подъ судъ и принужденъ былъ бѣжать изъ Швеціи. Нѣкоторое время скитался онъ по Европѣ, наконецъ попалъ ко двору саксонскаго курфюрста и польскаго короля Августа, и какъ разъ во-время, такъ какъ здѣсь заняты были разговорами объ отобраніи у шведовъ Лифляндіи. Паткуль со всею горячностью подливалъ масло въ огонь, представляя Августу одинъ за другимъ «меморіалы», въ которыхъ развивалъ самые отважные планы. Его цѣлью было отнять Лифляндію у шведовъ и присоединить ее къ Польшѣ, зависимость отъ которой, благодаря свободнымъ учрежденіямъ Речи Посполитой, не могла быть тяжелой. Для помощи курфюрсту въ этомъ дѣлѣ должно было привлечь къ союзу Данію, Бранденбургъ и Россію. Бранденбургскаго курфюрста Фридриха включить въ союзъ не удалось, Данія согласилась охотно; Петръ при свиданіи съ Августомъ въ Равѣ лѣтомъ 1698 г., когда онъ спѣшилъ изъ Вѣны въ Москву для расправы со стрѣльцами, выразилъ полную готовность начать войну со Швеціей и даже, какъ говоритъ Паткуль въ своихъ меморіалахъ, самъ предложилъ ее. Однако, осмотрѣвшись по пріѣздѣ въ Москву, царь какъ будто нѣсколько охладѣлъ въ выраженномъ имъ желаніи. Дѣло въ томъ, что турецкая война, начавшаяся крымскими походами и продолженная азовскими, еще не была кончена, и Петру казалось невозможнымъ вести войну на два фронта. Чтобы поддержать царя въ его намѣреніи, Паткуль настоялъ на отправленіи къ нему особаго уполномоченнаго и самъ явился въ Москву, въ свитѣ посла генерала Карловича.

Переговоры, душой которыхъ былъ, конечно, Паткуль, велись въ Москвѣ подъ большимъ секретомъ, открыто же московскіе дипломаты продолжали оказывать всевозможныя любезности шведскимъ посламъ. 11 октября 1699 г. царь примкнулъ къ союзу, но съ условіемъ начать военныя дѣйствія только тогда, когда будетъ заключенъ миръ съ Турціей. Въ Константинополь былъ отправленъ знаменитый московскій дипломатъ дьякъ Емельянъ Украинцевъ. Пере-

Дворецъ Петра Великаго въ Нарвѣ.

говоры тянулись долго, и турки долго не соглашались на требованія Петра, благодаря тому, что Священный союзъ теперь распался, и императоръ, готовясь къ войнѣ за испанское наслѣдство, обезпечилъ себя отдѣльнымъ миромъ съ Турціей. Только 3 іюля 1700 г. Украинцеву удалось достигнуть соглашенія: Турція заключила миръ съ уступкою Азова. Царь сдержалъ слово, данное польскому королю: 8 августа онъ получилъ извѣстіе о заключеніи мира, а 9-го уже приказалъ своимъ войскамъ итти къ шведской границѣ.

Начать войну именно въ тотъ моментъ представлялось особенно выгоднымъ: противъ Швеціи вооружилась цѣлая коалиція. Можетъ-быть, безъ союзниковъ Петръ не сталъ бы воевать со Швеціей, или началъ бы войну не такъ скоро. Причиной войны для Россіи было давно уже существовавшее стремленіе пробиться къ берегамъ Балтійскаго моря. Вопросъ о Балтійскомъ побережьи съ его удобными гаванями, откуда можно было вести непосредственныя сношенія съ приморскими городами Западной Европы, былъ не новъ. Мысль о пріобрѣтеніи побережья не переставала въ теченіе двухъ почти столѣтій занимать умы московскихъ государственныхъ людей, и эта давность и живучесть вопроса показываетъ, что онъ былъ поставленъ не фантазіями мечтательныхъ дипломатовъ, а реальными потребностями страны. Еще царь Іоаннъ Грозный, раздраженный отказомъ Ливонскаго ордена пропустить въ Москву выписанныхъ изъ-за границы художниковъ и мастеровъ и больно почувствовавшій недостатокъ гаваней для непосредственныхъ сношеній съ Западомъ, началъ войну съ Ливонскимъ Орденомъ, разгромилъ орденъ и достигъ уже желаннаго берега; но вмѣшательство Польши повело къ потерѣ всѣхъ пріобрѣтеній. Царь Алексѣй Михайловичъ, столкнувшись въ 50-хъ годахъ со Швеціей, возобновилъ попытку пробиться къ морю и осаждалъ Ригу. Но попытка и на этотъ разъ окончилась неудачей. Начиная борьбу со Швеціей изъ-за Балтійскаго берега, Петръ шелъ такимъ образомъ по проторенному пути. Во внѣшнихъ предлогахъ не было недостатка: шведы владѣли древними русскими землями, Москва не могла примириться съ этимъ и отказаться отъ нихъ навсегда. Столбовскій и Кардисскій договоры разсматривались, какъ временныя уступки, вызванныя несчастіями. Былъ еще и самый свѣжій casus belli — оскорбленіе, нанесенное Петру во время послѣдняго путешествія губернаторомъ Риги, не пустившимъ его осматривать укрѣпленія.

Союзники исполнили обѣщаніе. Съ наступленіемъ 1700 г. датскія войска вторглись въ Голштинію и изгнали герцога, бѣжавшаго за помощью къ шведскому двору. Августъ двинулся въ Лифляндію и началъ осаду Риги. Петръ по полученіи вѣстей изъ Константинополя отдалъ приказъ арміи итти къ Нарвѣ. Такъ началась знаменитая Сѣверная война, продолжавшаяся 21 годъ и имѣвшая огромныя послѣдствія для Россіи. Но тотчасъ же, при самомъ началѣ, союзники должны были испытать совершенно противоположное тому, на что они надѣялись. Карлъ сумѣлъ разбить ихъ отдѣльно, одного за другимъ. Первымъ поплатился датскій король. Совершенно неожиданно, переправившись черезъ Зундъ, съ 15-тысячнымъ войскомъ, Карлъ подступилъ къ Копенгагену и самымъ этимъ фактомъ принудилъ Данію заключить миръ съ обезпеченіемъ безопасности Голштиніи и уплатой изгнанному герцогу 260 т. талеровъ. Этотъ миръ былъ подписанъ въ Травендалѣ въ

тотъ день, когда Петръ получилъ извѣстіе о турецкомъ мирѣ, такъ что первый изъ союзниковъ уже отпалъ, когда началъ дѣйствовать третій. Между тѣмъ Петръ въ концѣ сентября 1700 г. подступилъ къ Нарвѣ и началъ правильную осаду, а Августъ тѣмъ временемъ осаждалъ Ригу. Въ ноябрѣ Карлъ переправился въ Ливонію и 19 ноября подъ Нарвою разбилъ на голову русскихъ, такъ что самъ Петръ признавался, что русскія войска отступили «въ конфузіи». Покончивъ съ русскими, Карлъ бросился на саксонцевъ и въ іюлѣ слѣдующаго 1701 г. нанесъ имъ не менѣе сильное пораженіе, чѣмъ русскимъ подъ Нарвой. Такъ меньше чѣмъ въ годъ разбиты были всѣ три союзника. Теперь Карлу предстояло рѣшить вопросъ, кого добивать прежде, Августа или Петра. Онъ взялся за Августа, какъ болѣе сильнаго по его мнѣнію, противника: на Петра и его армію онъ посматривалъ свысока и о послѣдней отзывался презрительно. «Нѣтъ никакого удовольствія,—говорилъ онъ самоувѣреннымъ тономъ спеціалиста,—биться съ русскими, потому что они не сопротивляются, какъ другіе, а бѣгутъ. Если бъ Нарова была покрыта льдомъ, то намъ едва ли бы удалось убить хотя одного человѣка». Эти три побѣды сразу поставили Карла въ глазахъ современниковъ на высоту великаго полководца. О немъ заговорили въ Европѣ, ему посвящали стихи и выбивали въ честь него медали. На одной изъ такихъ медалей онъ былъ изображенъ съ надписью: «истина превосходитъ вѣроятіе». На Петра появлялось не мало карикатуръ; такъ, выбита была медаль: на одной сторонѣ изображенъ царь Петръ, грѣющійся при огнѣ своихъ пушекъ, изъ которыхъ бомбы летятъ въ Нарву. Подъ изображеніемъ надпись изъ Евангелія объ апостолѣ Петрѣ: «Бѣ же Петръ стоя и грѣяся». На другой сторонѣ: русскіе бѣгутъ отъ Нарвы съ Петромъ впереди: царская шапка валится съ его

Мундиръ Петра Великаго,
бывшій на немъ въ Полтавской битвѣ.
Хранится въ Артиллерійскомъ музеѣ въ Петербургѣ.

головы, шпага брошена, онъ утираетъ слезы платкомъ; надпись гласитъ: «Изшедъ вонъ, плакася горько». Но событія показали, что Карлъ и сочинители карикатурныхъ изображеній слишкомъ поторопились смѣяться надъ Петромъ и его арміей, не зная русскаго царя хорошенько, не зная въ особенности того, какъ несчастіе напрягало въ немъ энергію.

Пораженіе, понесенное подъ Нарвою, было дѣйствительно велико. Достаточно сказать, что шведы забрали 10 генераловъ и всю артиллерію. Но чѣмъ сильнѣе было пораженіе, тѣмъ болѣе изумительную дѣятельность выказалъ Петръ, чтобы поправить полученный уронъ и приготовиться къ новымъ дѣйствіямъ. Письмо за письмомъ летитъ отъ него къ его министрамъ съ самыми подробными, доходящими до мелочей приказаніями относительно доставки рекрутовъ, провіанта, снарядовъ, одежды и т. д. Особенно много хлопотъ доставило изготовленіе новой артиллеріи, вмѣсто потерянной при Нарвѣ. Это дѣло было поручено старику Виніусу, которому Петръ сумѣлъ внушить такую энергію, что тотъ, несмотря на свой 70-лѣтній возрастъ, работалъ и скакалъ изъ Москвы въ Новгородъ, Псковъ и даже въ Сибирь, какъ молодой человѣкъ. Письма къ Виніусу носятъ яркій отпечатокъ этой лихорадочной дѣятельности, которую проявилъ Петръ въ это время. Онъ не стѣсняется никакими средствами для достиженія цѣли. Виніусъ жаловался, что городовые бургомистры плохо высылаютъ деньги, требуемыя съ нихъ Пушкарскимъ приказомъ на постройку пушекъ: «Бурмистрамъ скажи, — пишетъ царь, — и сіе покажи, что если не будутъ за ихъ удержкою станки готовы, то не только деньгами, но и головами платить будутъ». Къ ноябрю 1701 г. было приготовлено 300 орудій, набрано 10 драгунскихъ полковъ, усилена пѣхота. Войска, отступившія отъ Нарвы къ Пскову и Новгороду, успѣли отдохнуть и съ конца 1701 г. перешли въ наступленіе. 29 декабря 1701 г. Б. П. Шереметевъ, выступивъ изъ Пскова, разбилъ шведовъ при Эрестферѣ, а лѣтомъ слѣдующаго 1702 г. нанесъ имъ жестокое пораженіе при Гуммельсгофѣ и затѣмъ принялся разорять и опустошать Лифляндію, пользуясь полной свободой дѣйствій, благодаря тому, что Карлъ удалился въ глубь Польши, желая по своей тактикѣ покончить прежде съ Августомъ. Этою свободою и воспользовался Петръ. Осенью 1702 г. онъ началъ завоеваніе Ингріи осадой Нотебурга (Орѣшка), крѣпости, расположенной при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера. Взявъ его 11 октября, Петръ переименовалъ его (какъ ключъ къ морю) въ Шлиссельбургъ. О взятіи его Петръ писалъ Виніусу: «Правда, что зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ, однакожъ, слава Богу, счастливо разгрызенъ. Артиллерія наша зѣло чудесно свое дѣло исправила». Весной слѣдующаго 1703 г. Петръ отъ истоковъ Невы двинулся къ ея устью, и 1 мая взялъ расположенную здѣсь крѣпость Ніеншанцъ, на мѣстѣ которой 16 мая 1703 г. былъ основанъ Пе-

тербургъ. Покончивъ завоеваніе теченія Невы, Петръ продолжалъ дѣйствовать въ Ингріи и Лифляндіи. Въ 1704 г. въ теченіе одного мѣсяца были взяты Дерптъ, Нарва и Ивангородъ. Всѣ эти побѣды были одержаны такъ легко, конечно, благодаря тому, что Карлъ всѣ усилія устремилъ на сокрушеніе Августа, «увязъ въ Польшѣ», по выраженію Петра. Захвативъ значительную долю Балтійскаго побережья, значитъ, достигнувъ своей завѣтной цѣли, Петръ двинулся на помощь союзнику и вступилъ въ польскія владѣ-

Часть картины, находящейся въ Зимнемъ дворцѣ, изображающей Полтавскую битву.

нія. Но здѣсь русскія войска стали опять терпѣть неудачи. 15 іюля 1705 г. Шереметевъ былъ разбитъ на голову при Гемауертгофѣ, и зиму 1705—1706 г. армія принуждена была оставаться въ Гроднѣ, окруженная шведами, такъ что ей грозила опасность быть отрѣзанной отъ Россіи. Въ январѣ 1706 г. Петръ отправился къ войску изъ Москвы, но не могъ пробраться въ Гродно. Въ какомъ онъ былъ мрачномъ настроеніи, видно изъ письма его къ Головину: «Мнѣ, будучи въ семъ адѣ, не точію довольно, но черезъ мочь мою сей горести. Мы за безсчастьемъ своимъ не могли про-

ѣхать къ войску въ Гродно». Однако въ мартѣ русскимъ удалось отступить.

Между тѣмъ дѣла Августа приняли очень дурной оборотъ: уже вся Польша, примкнувшая къ союзу съ 1704 г., была у него отнята, онъ бѣжалъ въ Саксонію. Карлъ послѣдовалъ за нимъ туда. Къ осени 1706 г. онъ добилъ Августа окончательно и въ октябрѣ заключилъ съ нимъ миръ въ Альтранштадтѣ. Августъ отказывался отъ союза съ Россіей и отъ польскаго престола. На его мѣсто былъ возведенъ Карломъ преданный ему Станиславъ Лещинскій. Августъ имѣлъ слабость выдать шведамъ Паткуля, который и былъ колесованъ. Такъ Петръ лишился и второго союзника. Было ясно, что теперь Карлъ со всею силою устремится на Петра, чтобы покончить съ нимъ.

Однако Карлъ чрезмѣрно медлилъ въ Саксоніи и только лѣтомъ 1707 г. двинулся обратно къ Вислѣ, на берегу которой простоялъ до декабря, давъ этимъ Петру время приготовиться къ оборонѣ, укрѣпить Дерптъ, Псковъ, Москву и Кіевъ, такъ какъ неизвѣстно было, куда двинется непріятель, перейдя Вислу. Только въ іюлѣ 1708 г. Карлъ, разбивъ на пути отрядъ Шереметева при Головчинѣ, подошелъ къ Могилеву, гдѣ рѣшилъ ждать съ юга вѣстей изъ Малороссіи, гдѣ подготовлялась измѣна Мазепы, а съ сѣвера изъ Лифляндіи генерала Левенгаупта съ подкрѣпленіями и провіантомъ, необходимымъ для войска, которому пришлось дѣйствовать въ странѣ, опустошенной русскими въ ожиданіи непріятеля. Петръ находился неподалеку, зорко наблюдая за шведами и постоянно тревожа ихъ. 29 августа при мѣстечкѣ Добромъ, замѣтивъ, что правое крыло шведской арміи отдалилось отъ главныхъ силъ, Петръ напалъ на него и разбилъ.

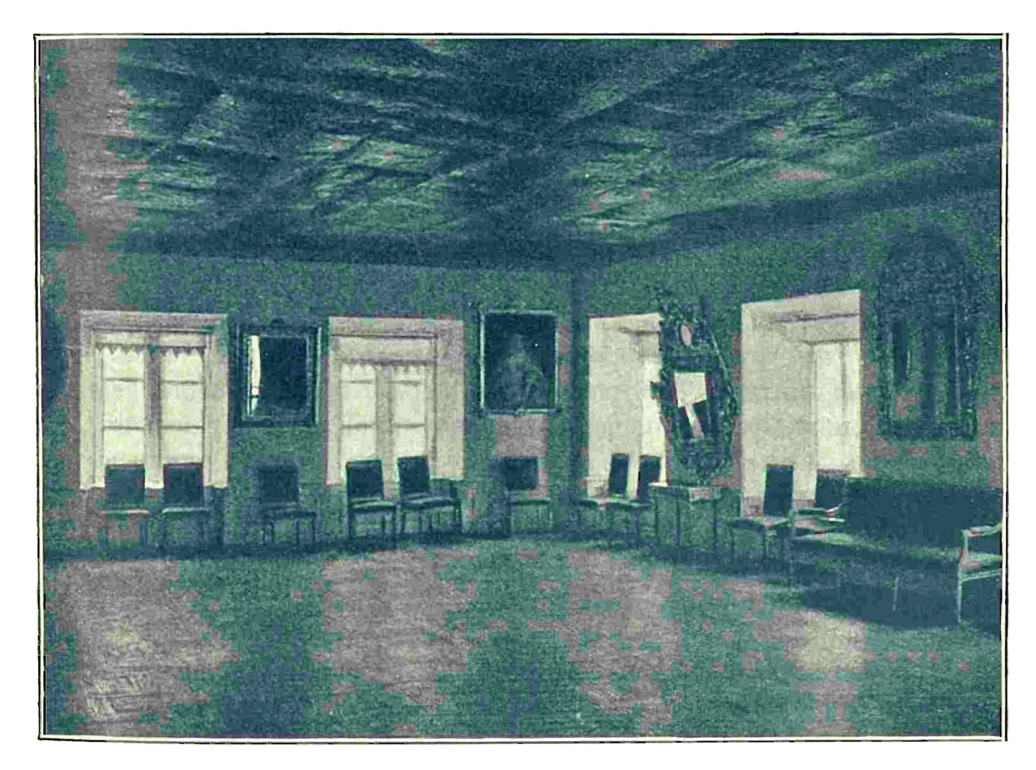
«Письмо отъ Васъ, — писалъ Петръ Екатеринѣ 30 августа — я получилъ; на которое не подивите, что долго не отвѣтствовалъ. Понеже предъ очами непрестанно непріятные гости, на которыхъ уже намъ скучно смотрѣть. Того ради мы вчерашняго утра на правое крыло короля шведскаго съ осмью батальонами напали и по двучасномъ огню онаго съ помощью Божіею съ поля сбили, знамена и прочая побрали. Правда, что я какъ сталъ служить, такой игрушки не видалъ: однакоже больше всѣхъ попотѣлъ нашъ полкъ».

Такъ какъ запасы окончательно изсякли, и солдатъ было кормить нечѣмъ, то Карлъ, не дождавшись Левенгаупта, повернулъ на Украйну, гдѣ могъ расчитывать на соединеніе съ гетманомъ и на достаточное продовольствіе. Левенгауптъ былъ встрѣченъ Петромъ 28 сентября при деревнѣ Лѣсной и разбитъ на голову. Весь обозъ достался русскимъ. «Объявляю вамъ, — писалъ Петръ Ромодановскому, Апраксину и Долгорукому, — что мы вчерашняго числа непріятеля дошли, стоящаго зѣло въ крѣпкихъ мѣстахъ, числомъ 16 тысячъ, который тотчасъ насъ изъ лѣсу атаковалъ всею

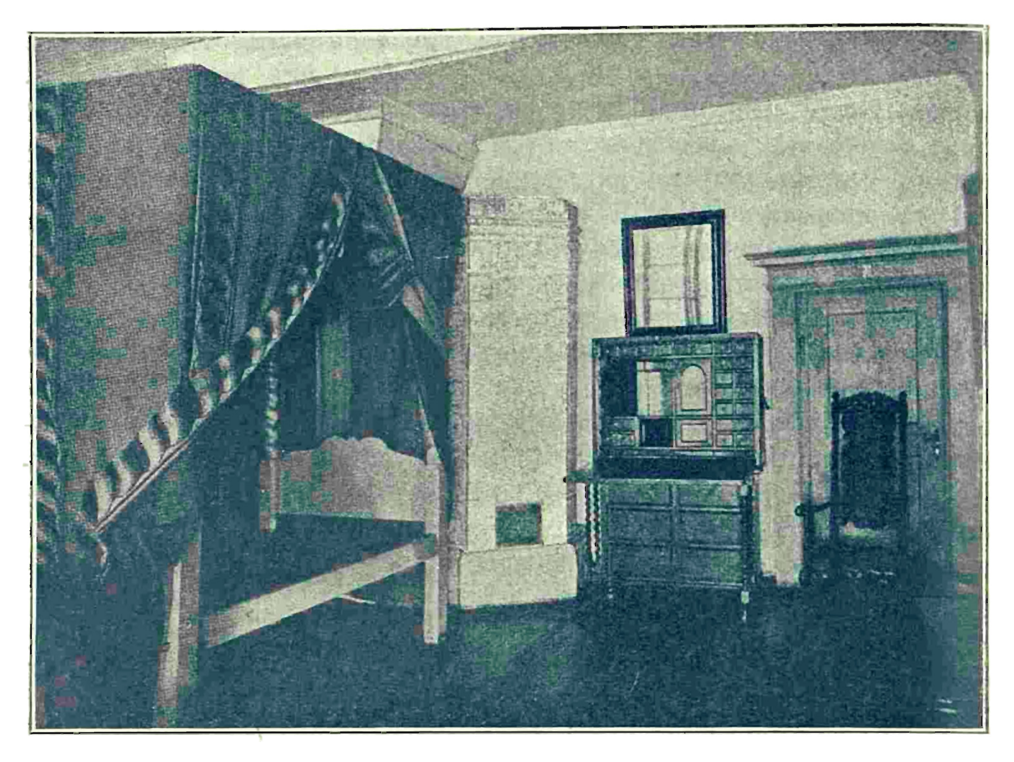
пѣхотою во флангъ; но мы тотчасъ три свои регимента швенкель противъ ихъ учинили и прямо давъ залпъ изъ пушекъ пошли. Правда, хотя непріятель зѣло жестоко изъ пушекъ и ружья стрѣлялъ, однакожъ онаго сквозь лѣсъ прогнали къ ихъ конницѣ. И потомъ непріятель паки въ бой вступилъ и даже до темноты бой сей съ непріятелемъ зѣло жестокимъ огнемъ пребывалъ... На послѣди милостью побѣдодавца Бога онаго непріятеля сломивъ побили на голову». Впослѣдствіи Петръ называлъ эту побѣду «виною всѣхъ благополучныхъ послѣдованій Россіи и матерью Полтавской баталіи». Въ октябрѣ Мазепа соединился со шведами, а 27 іюня слѣдующаго 1709 г. произошла знаменитая Полтавская битва; Карлъ былъ совершенно разбитъ, потерялъ всю армію и принужденъ былъ бѣжать въ Турцію. Такъ кончился первый періодъ Сѣверной войны.

Въ Сѣверной войнѣ встрѣтились два знаменитые государя начала XVIII в., два полководца. Оба одерживали блестящія побѣды и оба терпѣли жестокія пораженія. И оба были совершенно не похожи другъ на друга.

Карлъ XII родился въ 1682 г., былъ, слѣдовательно, на 10 лѣтъ моложе своего противника. Это была богато одаренная натура, но одна изъ тѣхъ, въ которой блестящія дарованія скрываются до времени, пока представится случай проявить ихъ во всемъ блескѣ. Молодость Карла была проведена бурно и весело. Стокгольмъ и не помнилъ такого уличнаго буяна, какимъ былъ 16-лѣтній ко-



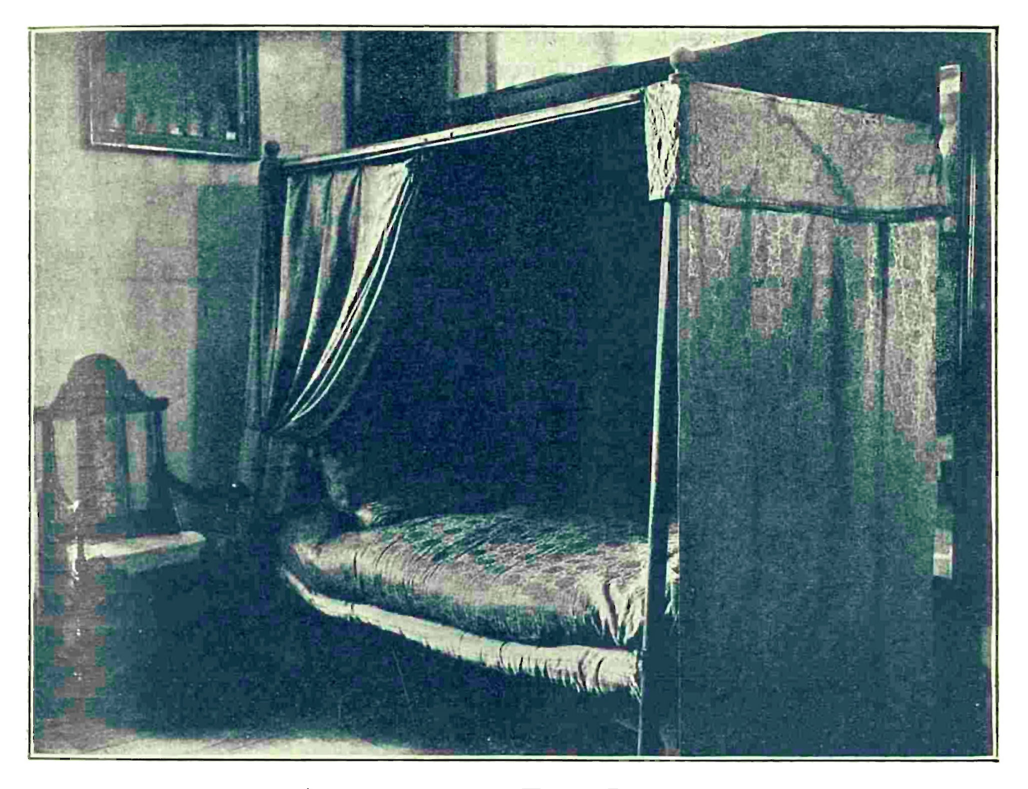
Залъ во дворцѣ Петра Великаго въ Нарвѣ.



Спальня Петра Великаго въ Нарвскомъ дворцѣ.

роль; отъ него мирнымъ гражданамъ житья не было. То вдругъ ему придетъ фантазія отправиться гулять съ компаніей удальцовъ по улицамъ столицы и срывать шляпы и парики со всѣхъ встрѣчныхъ, то вдругъ къ великому ужасу молящихся ворвется онъ съ дружиной въ церковь, съ шумомъ и хохотомъ, переломаетъ всѣ скамьи и заставитъ публику простоять всю мессу. Разъ онъ со своей компаніей ворвался въ сеймовую залу и устроилъ тамъ охоту за зайцемъ; нерѣдко компанія разгуливала ночью по городу, разбивая стекла камнями и пугая обывателей. Въ народѣ раздавался ропотъ, въ церквахъ произносились исполненныя жалобъ проповѣди на текстъ: «горе той странѣ, въ которой князь юнъ, любяй вино пити». Не разъ дѣлались Карлу представленія о перемѣнѣ поведенія, но всякаго сановника, входившаго въ его комнату съ серьезнымъ предложеніемъ, онъ безцеремонно выталкивалъ за дверь. Такъ было до начала войны. Съ этого момента онъ рѣзко измѣнился; силы клокотали въ немъ, не находя выхода, война открыла имъ настоящее русло. Карлъ началъ войну 18-ти лѣтъ, и мы видѣли, къ какимъ блестящимъ побѣдамъ онъ повелъ шведскія войска. Война и была его истиннымъ призваніемъ: онъ рожденъ былъ воиномъ. Такимъ его понимали и современники. «Король,—писалъ о немъ французскій посланникъ въ Стокгольмѣ,—мечтаетъ только объ одной войнѣ, ему слишкомъ много насказали о подвигахъ предковъ. Сердце и голова его наполнены

подвигами предковъ, и онъ считаетъ себя непобѣдимымъ во главѣ своихъ шведовъ». Въ немъ дѣйствительно много сходнаго съ его предками, только съ гораздо болѣе отдаленными: съ тѣми древними предводителями нормандскихъ сѣверныхъ дружинъ, отъ которыхъ въ IX в. дрожала Европа, побѣды которыхъ сдѣлались предметомъ многочисленныхъ скандинавскихъ сагъ. Этотъ древній «викингъ» скандинавской саги и сказался въ Карлѣ XII. Менѣе всего онъ былъ государственнымъ человѣкомъ: война для войны была единственною его дѣятельностью, и войну велъ онъ не такъ, какъ ее обыкновенно вели въ XVIII в. Какъ древняя нормандская дружина



Походная кровать Петра Великаго.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

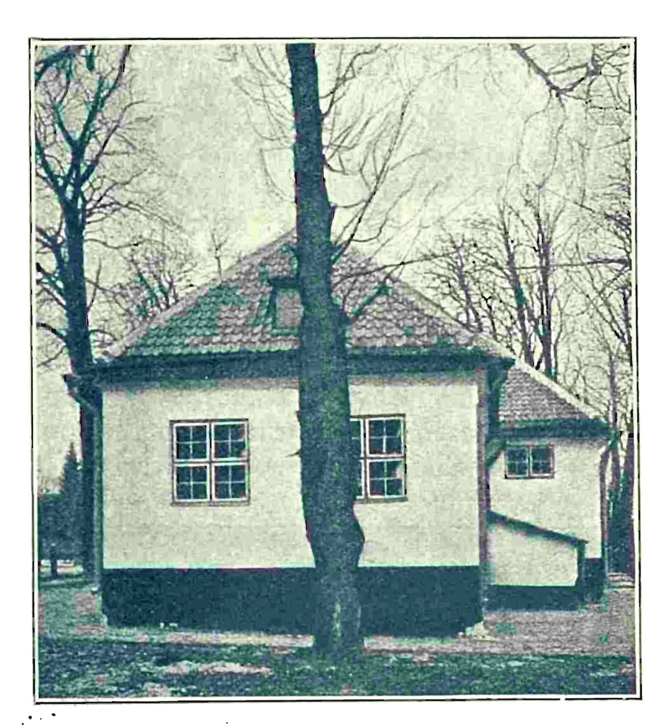
налеталъ шведскій отрядъ во главѣ съ королемъ на непріятельское войско, и дѣло рѣшалось однимъ натискомъ. Король былъ всегда во главѣ: онъ щеголялъ храбростью, шутилъ и смѣялся подъ пулями, какъ на какомъ-нибудь балу. Но онъ не былъ полководцемъ въ полномъ смыслѣ слова: никакого штаба, никакой администраціи его войско не имѣло. Всю надежду полагалъ онъ на тотъ отрядъ, во главѣ котораго онъ стоялъ, и нисколько не заботился о томъ, что дѣлается въ тылу арміи, соразмѣрны ли силы съ непріятельскими, и хватитъ ли продовольствія солдатамъ. Вотъ нѣсколько отзывовъ о немъ его собственныхъ генераловъ.

Одинъ говорилъ: «Нашъ король такъ крѣпко надѣется на помощь Божiю, что ни о чемъ больше не думаетъ, какъ о войнѣ»; другой писалъ: «Онъ уже больше не слушаетъ чужихъ совѣтовъ; онъ принимаетъ такой видъ, что какъ будто Богъ непосредственно внушаетъ ему, что надо дѣлать». «Несмотря на холодъ и голодъ,— разсуждалъ третiй,—король не хочетъ отпустить насъ на зимнiя квартиры. Думаю, что если у него останется только 800 человѣкъ, то онъ съ ними вторгнется въ Россiю, не заботясь, чѣмъ будутъ солдаты питаться. Если кого-нибудь изъ нашихъ убиваютъ, то это нисколько его не трогаетъ».

Совершенно иного рода военнымъ дѣятелемъ былъ Петръ. Въ личномъ мужествѣ онъ едва ли уступалъ Карлу, но онъ никогда не рисовался имъ и не храбрился на показъ. Карлъ не хотѣлъ знать ничьихъ совѣтовъ, Петръ въ тѣхъ случаяхъ, когда участвовалъ въ сраженiи, старался брать себѣ второстепенную роль: онъ бился какъ бомбардиръ или капитанъ, предоставляя команду своимъ генераламъ. Но, предоставляя блескъ и лавры генераламъ, онъ бралъ на себя ту тяжелую, непрiятную, но необходимую сторону дѣла, за которую всегда бранятъ въ случаѣ неудачи и рѣдко благодарятъ въ случаѣ успѣха. Но здѣсь онъ уже былъ главнымъ распорядителемъ, центромъ, въ которомъ сходились всѣ нити военной администрацiи. Вся административная и хозяйственная сторона войны, движенiя войскъ, ихъ расквартированiе, провiантъ, оружiе, амуницiя, снаряды, наборъ рекрутъ и лошадей, вся эта будничная и прозаическая часть войны, но та именно часть, которая и рождаетъ побѣду, лежала на немъ. Мы видѣли, какую лихорадочную дѣятельность обнаружилъ Петръ послѣ пораженiя при Нарвѣ. Петръ не только самъ работалъ, онъ вокругъ себя все приводилъ въ движенiе. Онъ не только не терялъ присутствiя духа во время неудачи, но и обладалъ умѣньемъ утѣшить, ободрить и успокоить другихъ. «Не извольте о бывшемъ несчастiи печальнымъ быть,—писалъ онъ Шереметеву, разбитому при Гемауэртгофѣ, — понеже всегдашняя удача многихъ людей ввела въ пагубу, но извольте забывать и паче людей ободрять». Это были качества, драгоцѣнныя для той сложной операцiи, какою стала война въ XVIII в. Карлъ рѣшалъ побѣду однимъ моментомъ, Петръ подготовлялъ ее долговременною, трудною и хлопотливою работою. Вотъ почему его побѣды и не были такъ неожиданны, поразительны и блестящи, но зато и пораженiя, имъ испытанныя, не были такъ рѣшительны, отчаянны и безнадежны. Карлъ былъ замѣчательнымъ командиромъ на полѣ битвы, Петръ — замѣчательнымъ военнымъ организаторомъ. Успѣхъ доставался ему трудно, но этотъ успѣхъ былъ проченъ. Вполнѣ онъ обнаружился въ Полтавской битвѣ.

Полтавская побѣда имѣла очень важныя послѣдствiя для дальнѣйшаго хода военныхъ дѣйствiй. Шведская армiя была теперь

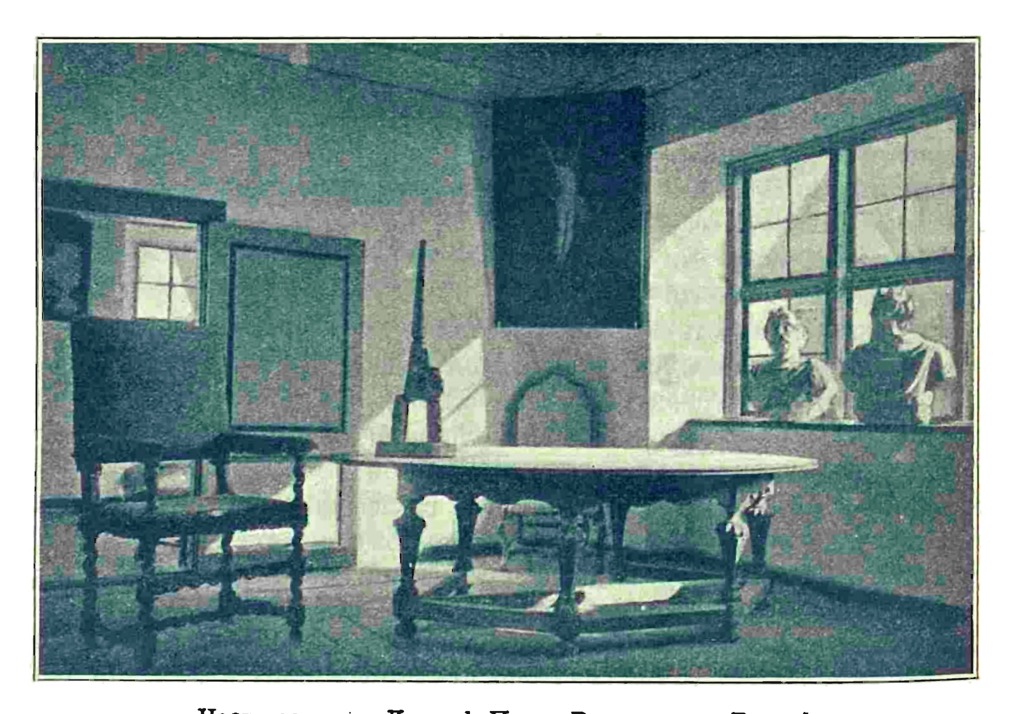
уничтожена. Карлъ XII съ небольшою свитою бѣжалъ въ турецкія владѣнія и поселился въ Бендерахъ на р. Днѣстрѣ, возбуждая Турцію къ войнѣ съ Россіей. Уничтоженіе шведской арміи развязало руки Петру на сѣверѣ. Осенью того же 1709 г. началось завоеваніе Лифляндіи. Въ ноябрѣ начата осада Риги; царь первыя три бомбы пустилъ самъ и писалъ объ этомъ Меншикову: «Благодарю Бога, что сему проклятому мѣсту сподобилъ мнѣ самому и отомщенія начало учинить». Лѣтомъ 1710 г. окончено было покореніе Лифляндіи и Эстляндіи: въ короткій промежутокъ времени сдалась Рига, Перновъ, Аренсбургъ и Ревель. Въ то же лѣто взяты были главные города Кареліи: Выборгъ и Кегсгольмъ.



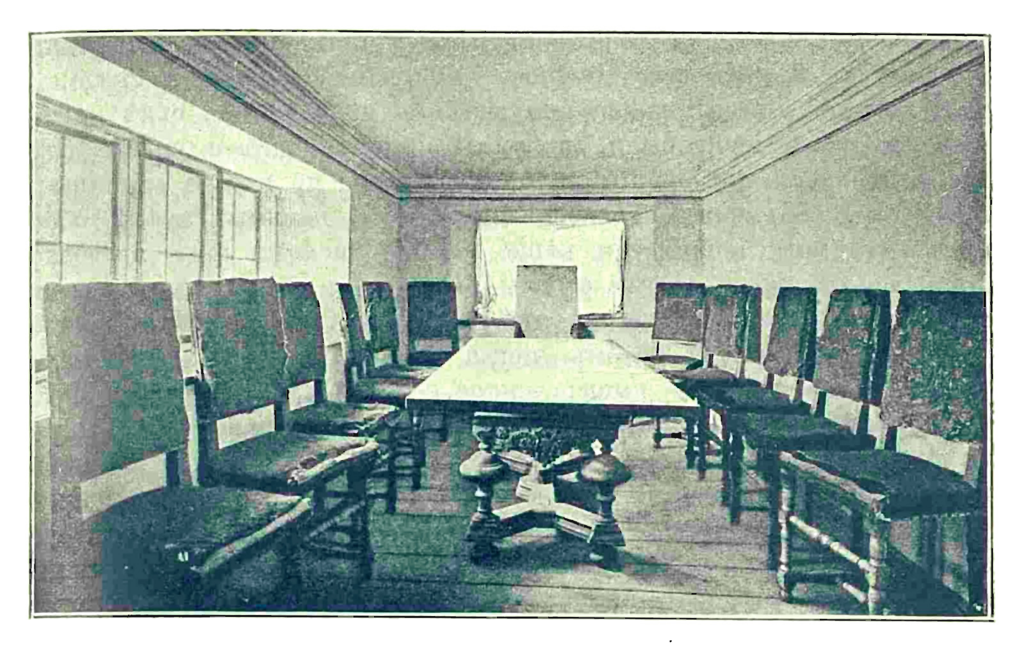
Домикъ Петра Великаго въ Ревелѣ.

Вторымъ слѣдствіемъ Полтавской битвы была турецкая война 1711 г. Очень можетъ быть, впрочемъ, что она вспыхнула бы и безъ этого повода. Съ самаго мира 1700 г. отношенія Петра къ Турціи были очень натянуты. Азовъ въ рукахъ русскихъ былъ для турокъ бѣльмомъ на глазу. Эта крѣпость была въ слишкомъ близкомъ сосѣдствѣ съ вассальнымъ турецкимъ ханствомъ Крымскимъ, изъ нея было легко напасть на Крымъ. Это былъ также военный портъ, гдѣ находилъ себѣ пристанище и защиту съ каждымъ годомъ увеличивающійся, благодаря дѣятельной работѣ воронежской и таганрогской верфей, русскій флотъ, который могъ сдѣлать набѣгъ и на самую Турцію. Турція и слышать не хотѣла о дозволеніи русскимъ торговать на Черномъ морѣ. «Султанъ смотритъ на Черное море, какъ на свой внутренній домъ, — говорили турецкіе государственные люди,—куда онъ не пуститъ ни одного чужеземца». Въ Константинополѣ подумывали даже засыпать проливъ, соединяющій Азовское море съ Чернымъ, и на созданномъ такимъ образомъ перешейкѣ воздвигнуть сильныя крѣпости для устрашенія запертыхъ русскихъ кораблей. Ясно, что при такомъ настроеніи Турціи достаточно было какого угодно предлога, чтобы вспыхнула откры-

тая война. Такой предлогъ былъ доставленъ Полтавской битвой. Карлъ дѣятельно агитировалъ за войну при турецкомъ дворѣ, посылая туда своихъ приближенныхъ. Самая его личность, кромѣ того, служила поводомъ къ раздорамъ. Русское правительство требовало сначала его выдачи, на что, конечно, Турція согласиться не могла; въ отвѣтъ на эти требованія она жаловалась на нарушеніе ея правъ русскими войсками, которыя, преслѣдуя Карла, перешли границу и вступили на турецкую территорію. Тогда Петръ очень энергично потребовалъ высылки Карла изъ турецкихъ владѣній, грозя въ противномъ случаѣ войной. Онъ чувствовалъ себя связаннымъ въ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Швеціи, такъ какъ постоянно долженъ былъ опасаться нападенія турокъ подъ предводительствомъ такого полководца, какъ Карлъ. Какъ разъ во время посылки этого ультиматума Карлу при помощи интригъ удалось добиться отставки дружественнаго Россіи визиря и посадить на его мѣсто враждебнаго, и отвѣтомъ на ультиматумъ Петра было объявленіе Портою войны 20 ноября 1710 года. Военныя дѣйствія начались только уже въ 1711 году. Весною русскія войска стянуты были къ Днѣстру. Царь заключилъ союзъ съ господаремъ Валахіи Дм. Кантемиромъ. Желаніе защитить владѣнія союзника и надежда на возстаніе подвластныхъ Турціи христіанскихъ народовъ, вожди которыхъ въ перепискѣ съ Петромъ обѣщали это, побудили Петра двинуться къ Пруту, несмотря на то, что войско не снабжено было запасами, а весь хлѣбъ въ той странѣ, черезъ которую надо было проходить, былъ поѣденъ саранчей. Походъ на Прутъ былъ



Часть залы въ Домикѣ Петра Великаго въ Ревелѣ.



Столовая въ Домикѣ Петра Великаго въ Ревелѣ.

поэтому труденъ, солдаты были истомлены. Едва русскіе передвинулись на эту линію, показалась вдругъ огромная турецкая армія, до 190 тысячъ человѣкъ, которой никто не ожидалъ встрѣтить такъ скоро. Положеніе русскихъ, которыхъ всего было около 38 тысячъ, притомъ безъ провіанта, было отчаянное. Только недоразумѣніе спасло Петра: визирь, вѣроятно, не зналъ хорошо положенія дѣлъ въ русскомъ лагерѣ и поторопился заключить миръ, какъ только его предложили. Разница между тѣмъ, чего ожидали въ русскомъ лагерѣ и чего дождались, была огромная. Отправляя къ визирю подканцлера Шафирова для переговоровъ, Петръ разрѣшилъ ему соглашаться не только на уступку Азова, но и на возвращеніе всѣхъ завоеванныхъ у Швеціи областей, кромѣ Ингріи, за которую разрѣшалъ, однако, пожертвовать старымъ русскимъ городомъ Псковомъ. Но съ турецкой стороны удовольствовались только Азовомъ да обязательствомъ срыть крѣпость, построенную на границѣ съ Крымомъ. На этихъ условіяхъ и былъ заключенъ миръ 12 іюля. Одинъ изъ иностранцевъ, служившій въ русскомъ войскѣ, замѣчаетъ, что «если бы утромъ 12 іюля кто-нибудь сказалъ, что миръ будетъ заключенъ на такихъ условіяхъ, на которыхъ онъ былъ заключенъ, то его сочли бы сумасшедшимъ». Однако и эти условія, на которыя не смѣли даже и надѣяться, были очень тяжелы. Въ особенности чувствовалъ тяжесть ихъ Петръ, которому приходилось терять плоды многолѣтнихъ заботъ и упорнаго труда. «Господа сенатъ, — писалъ онъ въ глубокой горести по заключеніи мира,—хотя я николи бъ хотѣлъ къ вамъ писать о такой матеріи, о которой нынѣ принужденъ есмь, однакожъ понеже

такъ воля Божія благоволила и грѣхи христіанскіе не допустили. Ибо мы въ 8 день сего мѣсяца съ турками сошлись и съ самаго того дни даже до 10 числа полуденъ въ превеликомъ огнѣ не точію дни, но и ночи были, и правда никогда, какъ и началъ служить, въ такой дисперацiи не были, понеже не имѣли конницы и провіанту. Однакожъ Господь Богъ такъ нашихъ людей ободрилъ, что хотя непріятели вяще 100.000 числомъ насъ превосходили, но однакожъ всегда отбиты были, такъ что принуждены сами закопаться и апрошами, яко фортеціи, наши единыя только рогатки добывать. И потомъ, когда онымъ зѣло надокучилъ нашъ трактаментъ, а намъ вышереченное, то въ вышереченной день учинено штильштандъ и потомъ сгодились и на совершенный миръ, на которомъ положено всѣ города, у турковъ взятые, отдать, а новопостроенные разорить: и тако тотъ смертной пиръ симъ кончался. Сіе дѣло хотя и не безъ печали, что лишиться тѣхъ мѣстъ, гдѣ столько труда и убытковъ положено; однакожъ чаю симъ лишеніемъ другой сторонѣ великое укрѣпленіе, которая несравнительною прибылью намъ есть». Этими словами царь хочетъ сказать, что миръ съ Турціей даетъ возможность усилить энергію въ войнѣ противъ Швеціи, успѣхи въ которой онъ цѣнилъ несравненно больше потерь въ турецкой. Дѣйствительно, эта неудача не оказала сколько-нибудь важнаго вліянія на дальнѣйшій ходъ Сѣверной войны.

Третьимъ слѣдствіемъ Полтавской битвы было возникновеніе вновь того союза, которымъ начата была Сѣверная война. Въ сентябрѣ 1709 г., возвращаясь въ Петербургъ, царь имѣлъ свиданіе съ саксонскимъ курфюрстомъ, котораго вновь посадилъ на польскій престолъ, свергнувъ избранника Карла, Станислава Лещинскаго, и Августъ опять заключилъ союзъ съ Петромъ противъ Швеціи. Вѣсть о Полтавской побѣдѣ заставила примкнуть къ союзу въ октябрѣ того же года и Данію, безъ всякой денежной субсидіи, которой она раньше требовала за присоединеніе къ союзу. Такъ Полтавская побѣда подняла головы прежнимъ союзникамъ Петра, склоненныя ими при Травендалѣ и Альтранштадтѣ, и побудила ихъ протянуть руки русскому царю. Эта побѣда произвела сильное впечатлѣніе въ Европѣ и заставила перемѣнить взглядъ на значеніе и силу русскаго государства. Знаменитый философъ Лейбницъ послѣ битвы при Нарвѣ высказалъ свое сочувствіе шведамъ и предсказывалъ завоеваніе Карломъ XII всей Россіи до Амура. Послѣ Полтавской битвы онъ переноситъ свои симпатіи на царя и называетъ эту битву достопамятнымъ событіемъ въ исторіи и полезнымъ урокомъ для будущихъ поколѣній. Маленькій вольфенбюттельскій князекъ, съ которымъ Петръ началъ переговоры о бракѣ царевича Алексѣя съ его дочерью Шарлоттою, едва удостаивалъ царя вниманіемъ, указывалъ на опасное положеніе Петра въ Россіи и, считая его «ничтожнымъ въ ряду государей», говорилъ, что никогда Рос-

сія не добьется виднаго положенія въ Европѣ, такъ какъ ее никогда не допустятъ до обладанія Балтійскимъ побережьемъ. Теперь этотъ самый князекъ приходилъ въ восхищеніе отъ мысли породниться съ русскимъ домомъ, и бракъ царевича очень скоро устроился. Выдающееся положеніе, которое Россія заняла послѣ битвы, побудило примкнуть къ Сѣверному союзу двѣ державы, до сихъ поръ медлившія и выжидавшія: Ганноверъ и Пруссію (1715). Приманкой для вступленія въ союзъ были для того и другого государства шведскія владѣнія въ Германіи: для Ганновера—Бременъ, для Пруссіи — Померанія. Союзъ съ Ганноверомъ, однако, былъ не проченъ и не продолжителенъ; союзъ съ Пруссіей отличался, наоборотъ, большою прочностью. Сближеніе началось сейчасъ же послѣ Полтавской побѣды. Послѣ свиданія съ Августомъ

Екатеринентальскій дворецъ Петра Великаго въ Ревелѣ.

Петръ видѣлся въ Маріенвердерѣ и съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ, гдѣ «ихъ величества поздравились любительно» и заключенъ былъ оборонительный союзъ. Преемникъ Фридриха I, Фридрихъ-Вильгельмъ I вступилъ уже въ наступательный союзъ. Этотъ знаменитый король, строгій и скупой хозяинъ, любитель военныхъ экзерцицій, питалъ къ личности Петра живѣйшую симпатію, а Петръ умѣлъ ему угодить; зная его слабость къ солдатамъ высокаго роста, онъ дарилъ ему высокихъ гренадеровъ.

Итакъ, второй періодъ Сѣверной войны представляетъ борьбу союза Россіи, Польши, Даніи, Пруссіи и Ганновера противъ Швеціи. Вотъ вкратцѣ ходъ военныхъ дѣйствій. Весною 1712 г. русскія войска подъ начальствомъ Меншикова, какъ рѣшено было договоромъ Петра съ союзниками, вступили въ Померанію, которая и сдѣлалась однимъ изъ театровъ войны. Здѣсь выдающимися крѣпо-

стями были Штеттинъ и Штральзундъ. Первый сдался Меншикову, второй осаждали короли датскій и прусскій съ іюля по декабрь 1715 г. и, несмотря на то, что защищать его явился самъ Карлъ XII, пробравшійся изъ Турціи черезъ Венгрію и Германію, Штральзундъ сдался 12 декабря 1715 г. Такимъ образомъ Померанія къ концу 1715 г. была завоевана.

Другимъ театромъ военныхъ дѣйствій была шведская провинція Финляндія. Овладѣть ею, какъ говорилъ Петръ, надо было для того, чтобы занять болѣе выгодное положеніе при мирныхъ переговорахъ со Швеціей, имѣя что уступить. «Ежели Богъ допуститъ лѣтомъ до Абова,—писалъ онъ Апраксину въ концѣ 1712 г.,—то шведская шея мягче гнуться станетъ». Весною 1713 г. вышла подъ начальствомъ Апраксина къ берегамъ Финляндіи эскадра и взяла безъ сопротивленія Гельсингфорсъ и Або. Высадившіяся войска проникли внутрь страны и разбили шведовъ при Таммерфорсѣ. Въ слѣдующемъ 1714 г. кн. Голицынъ закончилъ покореніе Финляндіи.

Наконецъ, третьею сценою военныхъ дѣйствій было море и побережье самаго Скандинавскаго полуострова. Въ іюлѣ 1714 г. русская эскадра подъ личною командою Петра одержала блестящую побѣду надъ шведскимъ флотомъ при Ганге-уддѣ; непріятельскій адмиралъ съ десятью галерами попался въ плѣнъ. На современниковъ эта побѣда произвела не менѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ Полтавская. Петръ былъ за нее возведенъ Сенатомъ въ званіе вице-адмирала. Слѣдствіемъ этой побѣды было то, что Петръ захватилъ и опустошилъ о. Аландъ, всего въ 15-ти миляхъ отъ Стокгольма, и навелъ ужасъ на Швецію. Съ тѣхъ поръ Петръ стремился къ тому, чтобы сдѣлать высадку на полуостровъ. Лѣтомъ 1716 г. готовилась грандіозная высадка изъ Копенгагена на шведскій берегъ. Четыре флота: англійскій, голландскій, датскій и русскій, подъ командою Петра должны были перевезти союзныя войска. Но эта высадка не состоялась: англичане и голландцы оказывали поддержку только для видимости: имъ одинаково не выгодно было допускать господство на Балтійскомъ морѣ какъ шведскаго, такъ и русскаго флотовъ, и все дѣло кончилось демонстративной прогулкой соединенной эскадры въ виду шведскихъ береговъ, въ память чего была выбита пышная медаль. На одной сторонѣ надъ трофеями изображеніе Петра и надпись: «Петръ Великій Всероссійскій», на другой Нептунъ, держащій 4 морскихъ флага государствъ, принимавшихъ участіе въ экспедиціи, съ надписью: «владычествуетъ четырьмя». Однако эта лесть доставила Петру немного утѣшенія въ той досадѣ на союзниковъ, которую онъ испытывалъ за неудачу въ этой экспедиціи, тѣмъ болѣе, что на нее онъ возлагалъ большія надежды. Уже въ самомъ концѣ войны, въ то время, когда велись переговоры о мирѣ, русскіе корабли дѣлали нападенія на шведскіе берега и высаживали войска,

опустошавшія окрестности Стокгольма. Эти набѣги предпринимались съ цѣлью сдѣлать шведовъ болѣе уступчивыми.

Таковы были главныя военныя дѣйствія въ разсматриваемый періодъ. Изъ этого перечня видно, что ихъ было немного, и они были далеко не такъ важны, какъ битвы перваго періода. Во второй періодъ борьбу вели гораздо болѣе дипломатическими интригами, чѣмъ тактическими движеніями; больше скрипѣли перья въ дипломатическихъ канцеляріяхъ, чѣмъ гремѣли выстрѣлы на поляхъ сраженій. Мелкіе и слабые князьки, въ родѣ герцога Шлезвигъ-Голштинскаго или Мекленбургскаго, очутившіеся между сильными соперниками, усиленно интриговали съ цѣлью, перессоривъ сильныхъ, ловить рыбу въ мутной водѣ; образовался, такъ сказать, во-

Портретъ Петра Великаго, работы художника Ch. Boit. Миніатюра на табакеркѣ, подаренной царемъ герцогу Орлеанскому въ 1717 г.

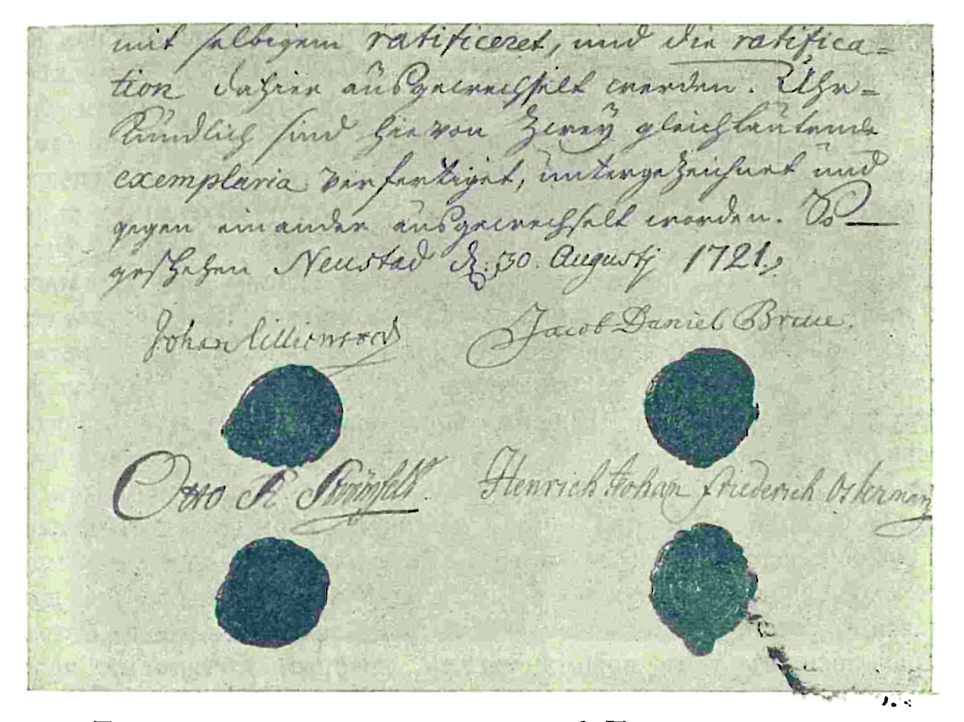
Принадлежитъ кн. Голицынымъ. По снимку въ «Художеств. Сокров. Россіи», 1905 г., № 1.

доворотъ мелкихъ корыстныхъ притязаній, проектовъ, политическихъ сплетенъ, дрязгъ, интригъ и подкуповъ, въ которыхъ участвуютъ государи, дипломаты, фавориты и метрессы всѣхъ дворовъ Европы. Такой характеръ войны понятенъ. Швеція теперь уже не имѣла достаточной арміи для обороны; ея могущество было сломлено и средства подорваны такъ, что никакихъ крупныхъ военныхъ дѣйствій и нельзя было ожидать. Съ другой стороны, дѣйствовала группа союзниковъ, соединявшихся изъ-за противорѣчащихъ одинъ другому интересовъ: то, что выгодно было, напримѣръ, Даніи, вредно было для Ганновера. Случалось, что двое или нѣсколько союзниковъ набрасывались на одинъ кусокъ добычи. Союзъ составился изъ хищныхъ побужденій разорвать тяжело раненое подъ

Полтавой государственное тѣло Швеціи и ухватить какъ можно большій клокъ себѣ, какъ можно меньше тратя силъ при этомъ и меньше давая другимъ. Отсюда такое несогласіе и раздраженіе между союзниками, что, читая ноты ихъ дипломатовъ, думаешь скорѣе, что дѣло идетъ между непріятелями, чѣмъ между дружественными державами. Подъ прикрытіемъ союзныхъ договоровъ шла мелкая закулисная борьба корыстныхъ притязаній, обманутыхъ надеждъ и оскорбленныхъ самолюбій. Благодаря этимъ усобицамъ, война съ Швеціей тянулась вяло и нерѣшительно. На Петра такое положеніе дѣла производило удручающее дѣйствіе. «Письмо ваше я получилъ,—пишетъ онъ разъ Меншикову, осаждавшему Штеттинъ,— на которое отвѣтствовать кромѣ сокрушенія своего не могу, ибо... что дѣлать, когда такихъ союзниковъ имѣемъ. Я себя зѣло безсчастнымъ ставлю, что я сюда пріѣхалъ. Богъ видитъ мое доброе намѣреніе, а ихъ и иныхъ лукавство. Я не могу ночи спать отъ сего трактованія». Еще болѣе рѣзко его другое письмо къ Екатеринѣ изъ Копенгагена въ то время, когда тамъ готовилась неудавшаяся экспедиція на шведскій берегъ. «О здѣшнемъ,—писалъ царь,— объявляемъ, что болтаемся туне; ибо что молодыя лошади въ каретѣ, такъ наши соединенные (союзники), а наипаче коренные: сволочь хотятъ, да коренные не думаютъ». Петръ тѣмъ сильнѣе долженъ былъ чувствовать послѣдствія этихъ раздоровъ, что всѣ союзники, кромѣ развѣ только прусскаго короля, были недружелюбно къ нему настроены, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., курфюрстъ Ганноверскій, худо скрывали свою ненависть и раздраженіе. Такое отношеніе союзниковъ къ Петру было вызвано преобладающей ролью, которую играла Россія въ союзѣ. Петръ былъ хозяиномъ положенія. Русскія войска стояли въ Германіи. Было опасеніе, что Россія потребуетъ себѣ львиную долю добычи. Отсюда зависть, клеветы, обвиненія Петра въ измѣнѣ общему дѣлу, въ намѣреніи заключить сепаратный миръ со Швеціей,—словомъ, вся грязная международная накипь, которою наполнялись выходившіе тогда многочисленные памфлеты и брошюры, доказывавшіе, какъ опасно можетъ быть для другихъ державъ чрезмѣрное усиленіе Россіи. Отчасти Петръ самъ былъ виною такого опасливаго и подозрительнаго отношенія къ себѣ союзниковъ: онъ иногда слишкомъ уже по-хозяйски распоряжался въ ихъ земляхъ, не щадя ихъ самолюбія. Пріѣхавъ разъ въ Данцигъ, во владѣніе польскаго короля, Петръ немедленно распорядился оштрафовать жителей за то, что въ гавани Данцига было нѣсколько шведскихъ кораблей.

Петръ сталъ ясно понимать, что съ сѣвернымъ союзомъ онъ не добьется никакихъ важныхъ результатовъ, и у него возникло стремленіе заручиться новыми союзниками. Съ этой цѣлью онъ предпринялъ поѣздку въ Парижъ, чтобы склонить Францію къ Сѣверному союзу. Но это дѣло было совершенно безнадежное; Франція, враждуя съ Габсбургами, дружила съ ихъ врагами, дѣйствуя за-

одно съ Швеціей, съ которой у Россіи была теперь война, и съ Турціей, съ которой у Россіи въ царствованіе Петра были дурныя отношенія. Слѣдовательно, интересы Россіи и Франціи были въ то время прямо противоположны. Въ августѣ 1717 г. въ Амстердамѣ былъ заключенъ договоръ между Франціей, Россіей и Пруссіей, который и былъ результатомъ поѣздки. Результатъ этотъ былъ не очень утѣшителенъ. Франція отказалась отъ всякаго дѣятельнаго участія въ войнѣ; она даже выговорила себѣ право сохранять имѣвшійся у нея договоръ со Швеціей до истеченія его срока. Все, что она обѣщала, это признаніе будущаго мирнаго договора Россіи со Швеціей.


mit selbigem ratificeret, und die ratification darin ausgewechselt werden. Urkundlich sind hievon zwey gleichlautende exemplaria verfertiget, unterzeichnet und gegen einander ausgewechselt worden. So geschehen Neustad d. 30. Augusti 1721.

Johan Lillienstedt   Jacob Daniel Bruce

Otto R. Stroemfelt   Henrich Johan Friederich Ostermann

Подписи уполномоченныхъ на оригиналѣ Ништадтскаго мира.

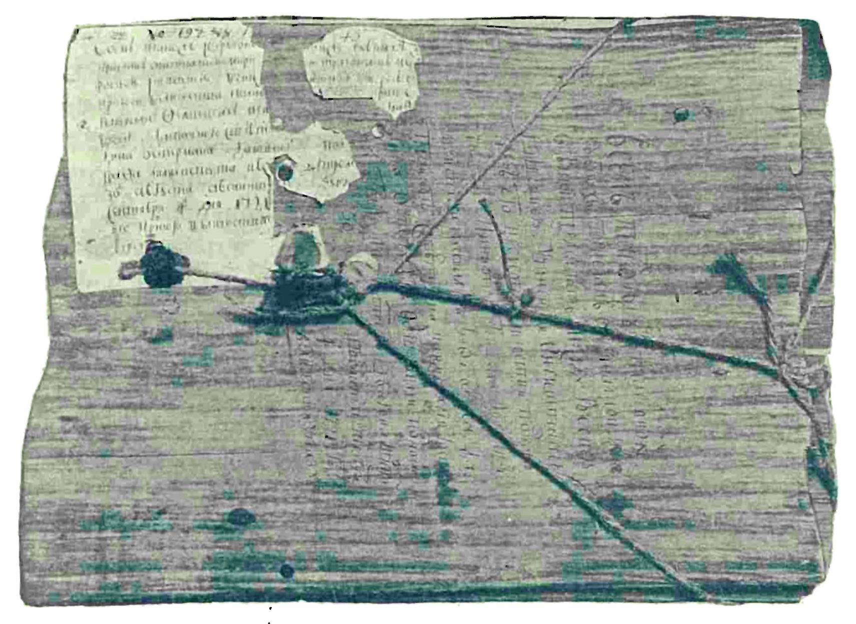
Эта неудавшаяся попытка привлечь новаго союзника побудила Петра подумать о заключеніи мира со Швеціей. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ сначала на Аландскомъ конгрессѣ (1718—1719 г.), а потомъ въ Ништадтѣ миръ былъ заключенъ 30 августа 1721 г. По Ништадтскому миру Россія пріобрѣла значительную долю шведской территоріи, прилегающей къ Балтійскому морю: Лифляндію, Эстляндію, Ингрію и Карелію (теперешнюю Петербургскую губернію), и часть Финляндіи. Пріобрѣтеніе моря, у котораго сейчасъ же возникла столица, скоро выросшая до степени важнѣйшаго торговаго пункта Россіи, сопровождалось огромными послѣдствіями для экономической жизни страны. Какъ только было завоевано Балтійское море, стало измѣняться направленіе русской внѣшней торговли.

Прежде она направлялась къ сѣверу, къ Бѣлому морю. Архангельскъ былъ главнымъ пунктомъ этой торговли; туда каждое лѣто приходили европейскіе корабли, привозившіе произведенія западной фабрики и увозившіе произведенія русской природы. Направленіе торговли къ Балтійскому морю, значительно болѣе удобному, какъ по самому географическому положенію, такъ и по тому, что на его берегу были пріобрѣтены гавани Ревель и Рига, быстро подорвало значеніе Архангельска, а вмѣстѣ съ тѣмъ ростъ и процвѣтаніе Поморскихъ городовъ, черезъ которые шелъ прежній торговый путь, и эта часть государства, нѣкогда кипѣвшая жизнью, затихла и запустѣла.

Не менѣе важны были и политическія послѣдствія Сѣверной войны. Прежде всего она произвела измѣненіе въ одномъ изъ центровъ тяжести, на которыхъ покоилось европейское равновѣсіе. Въ XVII в. послѣ Вестфальскаго мира центромъ тяжести были на западѣ — Франція, на востокѣ — Швеція. Подобно тому, какъ на западѣ война за испанское наслѣдство лишила господства Францію, Сѣверная война на востокѣ отняла у Швеціи то выдающееся положеніе, которымъ она до той поры пользовалась, и низвела ее до уровня второстепенной державы, какою она и остается до настоящаго времени. Но была большая разница въ результатахъ обѣихъ войнъ. Война противъ Франціи, лишивъ ее на нѣкоторое время ея могущества, не перенесла его ни на какую другую державу. Война противъ Швеціи поставила на ея мѣсто Россію, возвела это мало значившее прежде государство до степени великой державы. Это значеніе великой державы выражается въ той активной роли, которую Россія начинаетъ играть съ того времени въ общей европейской политикѣ. Съ тѣхъ поръ ни одно крупное европейское событіе не остается для нея чуждымъ. Это новое значеніе Россіи было ясно сознано уже современниками Петра и выразилось въ томъ новомъ титулѣ, который тотчасъ же по заключеніи мира принялъ ея государь: 20 октября 1721 г. Сенатъ постановилъ поднести Петру титулъ Императора Всероссійскаго. Это поднесеніе состоялось 22 октября послѣ торжественнаго богослуженія въ Троицкомъ соборѣ въ Петербургѣ. Канцлеръ графъ Головкинъ говорилъ Петру привѣтственную рѣчь, въ которой указывалъ, что, благодаря славнымъ и мужественнымъ воинскимъ и политическимъ дѣламъ Петра, его подданные «изъ тьмы невѣдѣнія на театръ славы всего свѣта и тако рещи изъ небытія въ бытіе произведены и въ общество политичныхъ народовъ присовокуплены».

Съ окончаніемъ Сѣверной войны началась новая война — съ Персіей. Причины ея были такого же характера, какъ и причины войны со Швеціей. Заботясь о развитіи русской торговли на Балтійскомъ морѣ, Петръ не упускалъ изъ виду ея успѣховъ и на Каспійскомъ. Оба моря были связаны водяными путями; Балтій-

ское должно было служить для торговли съ Европой, Каспійское — для торговли съ Азіей. Торговыя отношенія и до Петра производились тамъ въ довольно крупныхъ размѣрахъ. Петръ надѣялся развить ихъ еще болѣе. Въ инструкціи отправляемому въ Персію посломъ знаменитому впослѣдствіи Артемію Петровичу Волынскому предписывалось «смотрѣть, какимъ способомъ въ тѣхъ краяхъ купечество россійскихъ подданныхъ размножить»; Волынскому предписывалось также провѣдать, «нельзя ли черезъ Персію учинить купечество въ Индію». Этому послу удалось заключить съ Персіей очень выгодный для Россіи торговый договоръ. Но положеніе русской торговли въ то время было незавидно, благодаря тому безпорядку, въ которомъ находилась тогда Персія.



Лубковая обертка, въ которой былъ присланъ въ Петербургъ оригиналъ Ништадтскаго мира; въ ней сохраняется этотъ документъ и нынѣ
въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Волынскій очень изобразительно говоритъ въ своемъ донесеніи: «Здѣсь такая нынѣ глава, что онъ не надъ подданными, но у своихъ подданныхъ подданный, и чаю, рѣдко такого дурачка можно сыскать между простыми, не токмо изъ коронованныхъ. Того ради самъ ни въ какія дѣла вступать не изволитъ, но во всемъ положился на своего намѣстника Ехтма-Девлера, который всякаго скота глупѣе, однако у него такой фаворитъ, что шахъ у него изо рта смотритъ, и что велитъ, то дѣлаетъ». «Всѣ дѣла у нихъ,—продолжаетъ онъ,—идутъ безпутно, какъ попалось на умъ, такъ и дѣлаютъ безо всякаго разсужденія. Отъ этого такъ свое государство разорили, что, думаю, и Александръ Великій въ бытность свою не могъ войной такъ разорить; не только отъ непрі-

ятелей, и отъ своихъ бунтовщиковъ оборониться не могутъ, и уже мало мѣста осталось, гдѣ бы не было бунта». Отъ этого безпорядка, благодаря отсутствію власти и защиты, страдали находившіеся въ Персіи русскіе купцы, которые часто подвергались грабежамъ и насиліямъ. Дипломатическимъ путемъ при такомъ положеніи дѣлъ въ Персіи трудно было чего-нибудь добиться для защиты русскихъ торговыхъ интересовъ, а слабость Персіи дѣлала несомнѣннымъ успѣхъ вооруженнаго предпріятія. Дѣйствовать вооруженной рукой побуждалъ Петра и Волынскій: «намъ безъ всякаго опасенія начать можно, — писалъ онъ государю, — ибо не только цѣлою арміею, но и малымъ корпусомъ великую часть къ Россіи безъ труда присовокупить можно». У Петра еще задолго до окончанія Сѣверной войны созрѣла мысль о персидскомъ походѣ, но онъ ждалъ заключенія мира со шведами, избѣгая войны на два фронта. Какъ только этотъ миръ былъ заключенъ, тотчасъ же начались приготовленія къ новой войнѣ. Къ тому же лѣтомъ 1721 г. произошло событіе, давшее законный и очевидный предлогъ къ ея начатію. Возмутившіеся противъ шаха его подданные напали на городъ Шемаху, въ которомъ былъ центръ русской торговли съ Персіей и жило много русскихъ купцовъ. Нѣсколько изъ нихъ были перебиты бунтовщиками, а имущество ихъ и товары разграблены. Ускорить начало войны могло еще опасеніе захвата персидскихъ владѣній со стороны Турціи. Въ маѣ 1722 г. Петръ Окою и Волгою отправился на театръ военныхъ дѣйствій; 24 іюля онъ высадился на персидскую территорію. Въ теченіе августа были пріобрѣтены приморскіе городки Тарки и Дербентъ. Успѣхи были настолько очевидны, что Петръ въ началѣ октября вернулся въ Астрахань, предоставивъ окончаніе войны полковнику Шипову и генералу Матюшкину. 12 сентября 1723 г. былъ заключенъ между Россіей и Персіей мирный договоръ, по которому оба государства вступили въ далеко неравныя обязательства. Россія обязывалась оказывать его шахову величеству постоянную дружбу и вспоможеніе противъ всѣхъ его бунтовщиковъ, а Персія въ вознагражденіе за эту будущую помощь уступила Россіи въ вѣчное владѣніе города Дербентъ и Баку со всѣми къ нимъ принадлежащими землями и мѣстами. Результатомъ этой войны, слѣдовательно, было пріобрѣтеніе Россіей западнаго берега Каспійскаго моря.

Изъ нашего бѣглаго обзора можно видѣть, что войны при Петрѣ тянулись безъ перерыва цѣлыхъ 28 лѣтъ, если считать за начало Азовскій походъ 1695 года. Петръ началъ воевать на 24-мъ году отъ роду, а кончилъ на 52-мъ, только за годъ съ небольшимъ до своей смерти. Его царствованіе, которое было эпохой наиболѣе обширнаго преобразованія внутренняго строя государства, было въ то же время и эпохой наиболѣе сильнаго военнаго напряженія: Россія постоянно воевала въ теченіе XVII в., но никогда такъ продолжительно и съ такими тяжелыми усиліями,

какъ при Петрѣ. Эти два явленія: война и реформа, имѣютъ причинную связь между собою. Первая является одной изъ причинъ второй. При обозрѣніи реформы можно видѣть, какъ многія изъ преобразованій Петра были непосредственными слѣдствіями войны, осуществились почти помимо мысли Петра, какъ бы сами собою. Но и тѣ преобразованія, въ которыхъ творческая мысль царя играла бо́льшую роль, не были бы осуществлены, если бы война не давала особенно сильно чувствовать потребность въ нихъ. Тяжелое государственное бѣдствіе, какимъ была такая продолжительная война, раскрыло и показало яснѣе тѣ недостатки, которыми страдало русское государство, подобно тому, какъ въ организмѣ физическіе недостатки и пороки обнаруживаются ярче, когда онъ борется съ тяжелою болѣзнью.

Итакъ, война была главнымъ двигателемъ петровской реформы. Реформа прежде всего и затронула тѣ стороны государственной жизни, съ которыми военное дѣло ближе всего соприкасалось. Для войны прежде всего нужны были войско и деньги. Съ преобразованій въ войскѣ и государственномъ хозяйствѣ и началась реформаторская дѣятельность Петра.

VII.

Преобразованія Петра Великаго.—Финансы и государственное хозяйство.—Школа.

Выше было говорено, что правительство новой династіи уже задолго до Петра Великаго сознало всю недостаточность московскихъ боевыхъ рессурсовъ, конной дворянской милиціи и стрѣлецкой пѣхоты противъ регулярныхъ войскъ сосѣдей, съ которыми приходилось вести борьбу. Уже при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ началось введеніе иноземнаго регулярнаго строя.

Но настоящая регулярная армія была заведена Петромъ Великимъ. Ея зерномъ были извѣстные потѣшные полки: Преображенскій и Семеновскій. До Азовскихъ походовъ эти постоянные и регулярные полки, обученные вполнѣ по-иноземному, упражнялись на маневрахъ, происходившихъ по берегамъ Москвы-рѣки, сражаясь противъ стрѣлецкихъ полковъ. Впервые въ широкихъ размѣрахъ регулярные полки были организованы передъ Сѣверной войной. Объявленный въ ноябрѣ 1699 г. наборъ далъ контингентъ для 31 полка, численностью въ 32 тысячи человѣкъ. Эти полки были обмундированы по новому образцу въ зеленые кафтаны и треугольныя шляпы, вооружены фузеями и за зиму настолько обучены воинскому артикулу, что саксонскій генералъ Лангенъ доносилъ Августу II, что онъ къ удивленію своему нашелъ у московскаго царя 40 тысячъ превосходной пѣхоты, которая не уступитъ нѣмецкой. Подъ Нарвою, однако, эта армія была на-голову разбита. На мѣсто раз-

битой арміи энергіею и организаторскимъ талантомъ Петра создана была новая, постоянно пополняемая и возраставшая въ числѣ. Въ послѣдній годъ царствованія эта армія состояла изъ 126 полковъ, кромѣ гвардіи и артиллеріи, и распадалась на полки пѣхотные и драгунскіе, а по способу вооруженія на фузелерные — вооруженные ружьями, «фузеями», и гренадерскіе — снабженные сверхъ того особыми ручными метательными снарядами, гранатами.

Въ порядкѣ комплектованія новой арміи произошли измѣненія. Прежде часть военнаго контингента доставляло дворянство, служившее обязательно, лично и наслѣдственно, а другую часть доставлялъ «приборъ», т.-е. вербовка охотниковъ, и только во время войнъ бывалъ иногда наборъ такъ называемыхъ «даточныхъ» людей съ опредѣленнаго числа крестьянскихъ дворовъ; но «даточные люди» тотчасъ же послѣ войны распускались по домамъ. При Петрѣ эта послѣдняя форма пополненія арміи дѣлается господствующею, получая названіе рекрутскихъ наборовъ. Благодаря этимъ наборамъ воинская повинность, не становясь еще общей, стала падать на всѣ классы общества въ большей степени, чѣмъ это было прежде. Свѣтскіе и духовные землевладѣльцы, городскія общины и общины свободныхъ государственныхъ крестьянъ въ случаѣ набора были обязаны съ извѣстнаго числа дворовъ, напр., съ каждыхъ 20-ти, поставить по рекруту съ одеждою и провіантомъ.

Разъ армія стала постоянной, являлся вопросъ о средствахъ для ея содержанія. Прежде служилые люди обезпечивались землею: помѣстьями и вотчинами, сверхъ того они получали и денежное жалованіе, но далеко не всѣ и не каждый годъ. О продовольствіи во время похода долженъ былъ заботиться каждый служилый человѣкъ самъ, привозя съ собою въ походъ на нѣсколькихъ подводахъ запасы изъ деревни на нѣсколько мѣсяцевъ. Теперь для снабженія арміи всѣмъ необходимымъ—оружіемъ, обмундировкой, провіантомъ и жалованьемъ — организована была цѣлая система военнаго хозяйства. Содержаніе арміи было устроено оригинально. Оно было приведено въ связь съ административнымъ раздѣленіемъ Россіи на губерніи. На каждую губернію было возложено содержаніе нѣсколькихъ полковъ, которымъ она и обязана была высылать ежегодно опредѣленное количество денегъ и хлѣба. При каждомъ полку, который она содержала, состоялъ уполномоченный отъ губерніи комиссаръ, черезъ котораго велись сношенія между губернской администраціей и полковымъ начальствомъ. Надъ этими комиссарами были поставлены оберъ - комиссары, за дѣятельностью которыхъ наблюдалъ оберстеръ-кригсъ-комиссаръ, а во главѣ этой сложной системы комиссаріата, вѣдавшаго военное хозяйство, поставленъ былъ генералъ-пленипотенціаръ-кригсъ-комиссаръ.

Регулярная и постоянная армія, сформированіе которой было такимъ важнымъ вопросомъ въ государствѣ, принужденномъ вести

почти непрерывную войну, и на созданіе которой ушло такъ много правительственныхъ заботъ и затрачено такъ много народныхъ средствъ, наложила свой отпечатокъ на дворъ, высшее общество, на составъ администраціи и на ея пріемы. Вездѣ стала чувствоваться фронтовая выправка и казарма. Государь, носившій прежде одежду болѣе близкую къ одѣянію духовныхъ лицъ, одѣлся въ военный мундиръ, проходилъ послѣдовательно военную службу. Прежнія придворныя московскія церемоніи, весь этотъ чинный, почти религіозный ритуалъ, напоминавшій торжественное богослуженіе, сталъ уступать мѣсто экзерциціямъ и вахтъ-парадамъ. Правящій классъ, поголов-

Загородный дворецъ Петра Великаго, такъ называемый Домикъ Петра Великаго въ Лѣтнемъ саду въ Петербургѣ.

но одѣтый въ военные мундиры, проводившій обязательно нѣсколько лѣтъ въ казармѣ, внесъ потомъ усвоенные въ казармѣ привычки и пріемы въ гражданскія учрежденія. Бюрократическая выправка мало чѣмъ отличалась отъ фронтовой, бюрократическая іерархія— отъ военной. Дѣйствія государственныхъ учрежденій, коллегій, конторъ и канцелярій были также точно регламентированы, какъ дѣйствія полковъ и дивизій.

Если возникновеніе постоянной арміи при Петрѣ можно разсматривать какъ завершеніе военныхъ реформъ предыдущаго времени, то созданіе флота было вполнѣ дѣломъ Петра Великаго. Въ этомъ дѣлѣ предыдущее время не подготовило ничего, кромѣ самой идеи о необходимости пріобрѣтенія моря, какъ дешеваго и свободнаго пути сообщеній для торговыхъ сношеній съ Западной

Европой, отъ которой отрѣзывала на сушѣ враждебная Польша.

Любовь къ плаванію и кораблестроенію проявилась у Петра съ дѣтства. Море и кораблестроеніе сдѣлались на всю жизнь его величайшей страстью; историческая потребность народа совпала съ личнымъ вкусомъ государя. Пріобрѣтя познанія въ кораблестроительномъ искусствѣ въ Голландіи и Англіи и ставъ хорошимъ корабельнымъ инженеромъ, Петръ въ Петербургѣ не могъ пропустить дня, чтобы не зайти въ адмиралтейство и не поработать на верфи.

Съ цѣлью пріобрѣсти выходъ къ морю предприняты были Азовскіе походы. Осада Азова въ 1695 г. не увѣнчалась успѣхомъ именно благодаря отсутствію флота, который позволилъ бы запереть осажденныхъ также и со стороны моря. Зимой 1695—1696 г. закипѣла работа: въ подмосковномъ селѣ Преображенскомъ строились галеры, которыя въ разобранномъ видѣ были сухимъ путемъ перевезены къ Воронежу, тамъ собраны и спущены въ Донъ. При помощи этого флота, состоявшаго изъ одного 36-пушечнаго корабля «Апостолъ Петръ» и 23 галеръ, Азовъ былъ взятъ. Такимъ образомъ Россія овладѣла портомъ, дававшимъ ей доступъ въ Черное море, не обладая еще флотомъ. Теперь рѣшено было завести постоянный флотъ. Началось усиленное кораблестроеніе на верфи, основанной при впаденіи р. Воронежа въ Донъ; для содержанія этой верфи были назначены доходы съ нѣсколькихъ окрестныхъ городовъ, которые были приписаны къ г. Воронежу. На общество была возложена новая ранѣе неизвѣстная повинность кораблестроенія. Всѣ крупные землевладѣльцы, свѣтскіе и духовные, владѣвшіе больше чѣмъ 100 крестьянскими дворами, обязаны были составить компаніи для постройки кораблей, такъ называемыя «кумпанства», такъ, чтобы каждое свѣтское кумпанство заключало въ себѣ 10.000 крестьянскихъ дворовъ, а каждое духовное—8.000 дворовъ. Мелкіе землевладѣльцы, владѣвшіе менѣе чѣмъ 100 дворами и не вошедшіе въ составъ кумпанствъ, были обложены особымъ сборомъ по полтинѣ съ двора, шедшимъ на постройку флота. Каждое кумпанство должно было заготовить необходимый матеріалъ, поставить рабочихъ, нанять иностранныхъ мастеровъ, выстроить опредѣленное число кораблей на Воронежской верфи. На посадское населеніе была возложена постройка 12 кораблей; но когда нѣкоторые гости стали просить о замѣнѣ этой натуральной повинности денежною, на купечество въ наказаніе за это было наложено еще два корабля. Благодаря работамъ кумпанствъ, къ 1699 г. на Дону появился внушительный по количеству флотъ, съ которымъ Петръ вышелъ въ море, провожая до Керчи назначеннаго посломъ въ Турцію дьяка Е. Украинцева. Петру непремѣнно хотѣлось отправить посла моремъ на новомъ русскомъ кораблѣ. Прибытіе этого перваго русскаго военнаго корабля въ Константинополь дѣйствительно произвело тамъ сильное впечатлѣніе. Султанъ, великій визирь,

множество сановниковъ и народа являлись осматривать корабль и по городу стали ходить слухи о скоромъ появленіи цѣлой русской эскадры. Впечатлѣніе усилилось еще болѣе, когда вскорѣ по прибытіи среди глубокой ночи съ корабля, бросившаго якорь передъ самымъ султанскимъ сералемъ, вдругъ неожиданно раздалась канонада. Оказалось, что капитанъ корабля, иностранецъ Памбургъ, устроилъ на суднѣ пирушку, затянувшуюся далеко за полночь, и, придя въ веселое настроеніе, приказалъ безъ всякихъ причинъ палить изо всѣхъ пушекъ, забывъ о мѣстѣ стоянки корабля и о ночномъ времени, одинаково неудобныхъ для салютовъ. Въ особен-

Тронная зала въ Домикѣ Петра Великаго въ Лѣтнемъ саду въ Петербургѣ (длина 10 арш., ширина $8^1/_2$ арш., вышина $4^3/_4$ арш.).

ности сильно были встревожены обитательницы султанскаго гарема, и послу Украинцеву стоило многихъ хлопотъ уладить возбужденное этимъ происшествіемъ недовольство турецкаго правительства.

Къ 1700 г. Азовскій флотъ состоялъ изъ 56 кораблей, выстроенныхъ частью кумпанствами, частью казною. Но внушительный количествомъ, онъ не внушалъ уваженія качествомъ. По крайней мѣрѣ, голландскій резидентъ писалъ, что въ составѣ этого флота есть одинъ очень хорошій корабль «Предестинація», выстроенный самимъ Петромъ, затѣмъ 4—5 удовлетворительныхъ; остальные же онъ считалъ годными лишь на дрова и для потѣшныхъ огней въ торжественныхъ случаяхъ. Завоеваніе береговъ Балтійскаго моря

отвлекло вниманіе Петра отъ Азовскаго флота, а неудачный конецъ Прутскаго похода и возвращеніе Азова Турціи сдѣлало его совершенно ненужнымъ.

Для постройки судовъ Балтійскаго флота была учреждена верфь на р. Свири въ Лодейномъ полѣ, такъ называемая олонецкая верфь, а затѣмъ и въ самомъ Петербургѣ, тамъ, гдѣ теперь находится старое адмиралтейство. Балтійскій флотъ росъ съ каждымъ годомъ. Русскіе военные корабли стали ходить въ Копенгагенъ и Англію. Къ концу царствованія Петра флотъ вызывалъ въ преобразователѣ такую увѣренность въ морскомъ могуществѣ Россіи, что онъ вдругъ задумалъ снарядить экспедицію изъ трехъ кораблей подъ начальствомъ вице-адмирала Бильстера на островъ Мадагаскаръ. Была составлена царская грамота «къ высокопочтенному Мадагаскарскому королю», не названному по имени, такъ какъ оно не было извѣстно, съ предложеніемъ протекціи Россіи. Но едва экспедиція вышла изъ Ревеля, какъ принуждена была вернуться: въ адмиральскомъ кораблѣ открылась такая течь, что онъ вскорѣ и потонулъ. Къ тому же оказалось, что никакого мадагаскарскаго короля не существуетъ, и экспедиція была отмѣнена.

Умирая, Петръ оставилъ Россіи Балтійскій флотъ, состоящій изъ 48 линейныхъ кораблей и 787 галерныхъ и другихъ судовъ.

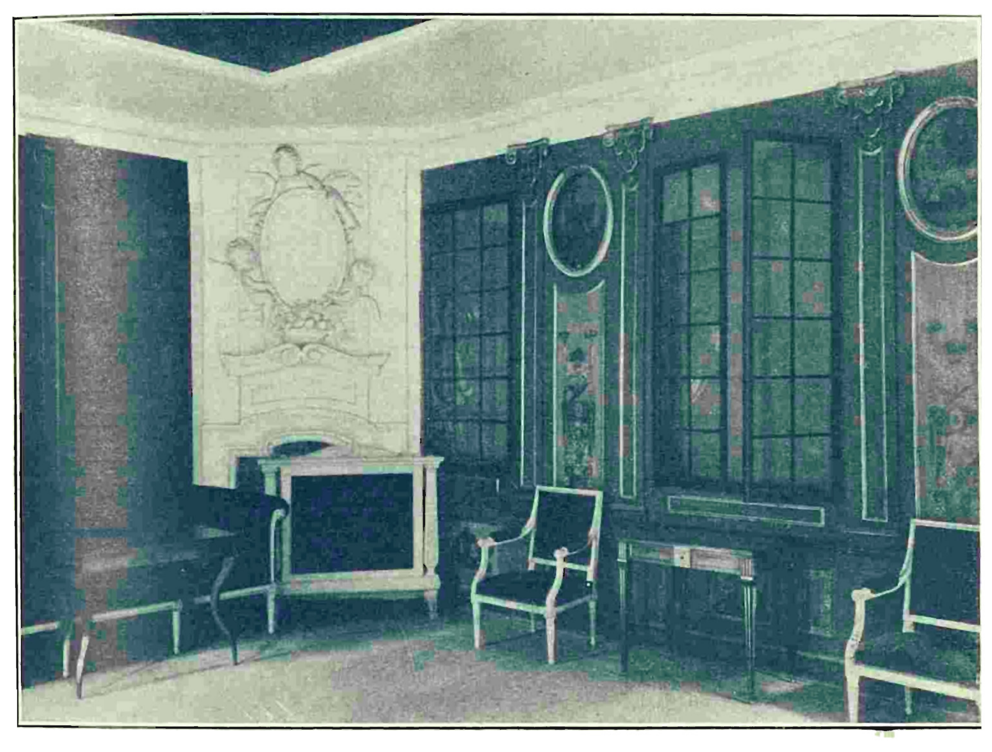
Кромѣ созданія регулярной арміи и флота, Петру же принадлежитъ составленіе военнаго законодательства. Въ 1716 году былъ изданъ воинскій уставъ, опредѣляющій обязанности каждаго военнаго чина, съ дополненіями, «артикулами», содержащими правила военной службы, «процессами», представляющими изъ себя правила военнаго судоустройства, судопроизводства и уложеніе о наказаніяхъ, и «экзерциціями», т.-е. правилами военнаго ученья. Въ 1720 г. былъ изданъ морской уставъ, опредѣлявшій правила морской службы, а въ 1722 г. регламентъ адмиралтейства и верфи, который нормировалъ кораблестроеніе, морскую администрацію и хозяйство.

Реорганизація арміи и созданіе флота вызвали значительныя затраты государственной казны и должны были отразиться значительными послѣдствіями на состояніи государственнаго хозяйства.

До насъ дошло нѣсколько росписей государственныхъ доходовъ и расходовъ изучаемаго времени. Сохранился бюджетъ 1680 г., затѣмъ бюджеты первыхъ 10 лѣтъ XVIII в. и, наконецъ, бюджеты нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Петра. Сравнивая ихъ между собою, мы видимъ, какими явленіями въ области государственнаго хозяйства сопровождалась реформа. Военнымъ преобразованіямъ принадлежитъ въ этихъ явленіяхъ первое по степени вліянія мѣсто. Военная оборона была главнѣйшею задачею всей дѣятельности Московскаго государства, и расходы на армію всегда составляли огромный процентъ въ бюджетѣ. Вызванныя войной преобразованія Петра повели къ значительному увеличенію и абсолютной

и относительной цифры военныхъ расходовъ. Въ 1680 г. общая сумма расходовъ достигала всего 1.500.000 р., изъ этой суммы на нужды арміи шло 750.000 р., т.-е. ровно половина; въ 1701 г. всего расходовъ было произведено 2.500.000 р., на армію и флотъ въ этомъ числѣ 1.964.000 р., т.-е. больше 75%; въ 1710 г. всего расходовъ было 3.834.000 р., изъ этого числа на армію и флотъ 3.010.000, т.-е. болѣе 80%.

Остальные расходы сравнительно съ военными занимаютъ болѣе чѣмъ скромное мѣсто въ бюджетѣ. На счетъ личной умѣренности Петра слѣдуетъ отнести значительное сокращеніе расходовъ по со-



Кабинетъ Екатерины I въ Домикѣ Петра Великаго въ Лѣтнемъ саду въ Петербургѣ (длина 10 арш., ширина $8^1/_2$ арш.).

держанію двора. Въ бюджетѣ 1680 г. этотъ расходъ занимаетъ второе мѣсто послѣ военнаго (15%) 224.366 р., Петръ низводитъ его ровно вдвое къ 1701 г. — 101.406 руб., а относительное его значеніе падаетъ къ тому же времени еще ниже (4,4%). По свидѣтельству Котошихина на одну только рыбу на обиходъ царскаго двора тратилось болѣе 100 тысячъ руб.; при Петрѣ все содержаніе двора (кромѣ построекъ) обходилось въ ту же сумму. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ его бюджетахъ, хотя и очень робко, появляется одинъ расходъ, неизвѣстный прежнимъ бюджетамъ, именно расходъ на народное образованіе. Въ бюджетѣ 1701 г. онъ достигалъ едва одной седьмой процента, въ 1724 г. этотъ расходъ вырастаетъ до одной трети про-

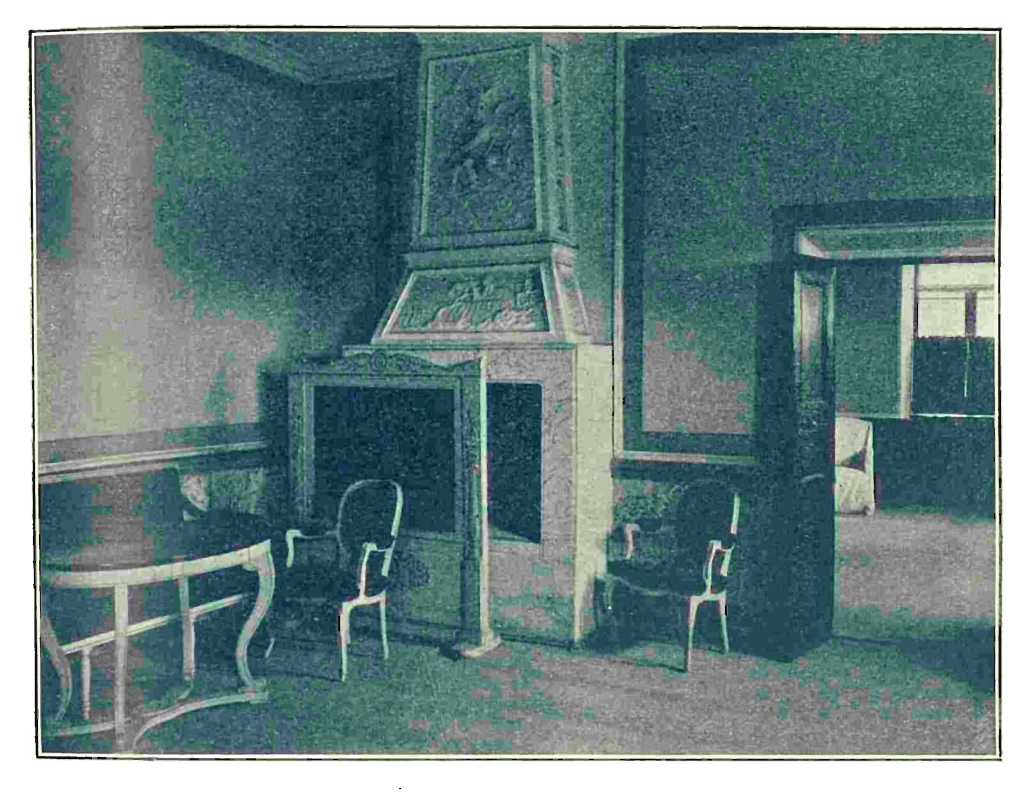
цента. Величайшаго напряженія военные расходы достигаютъ къ 1710 г., т.-е. къ моменту перелома въ ходѣ Сѣверной войны. Бюджетъ въ этотъ годъ былъ составленъ съ дефицитомъ въ 500.000 р.

Чтобы покрывать эти съ такой быстротой растущіе расходы, правительство Петра должно было усиливать эксплуатацію старыхъ источниковъ дохода и изыскивать новые.

Доходы получались путемъ взиманія налоговъ, прямыхъ и косвенныхъ, отъ монетной регаліи и нѣсколькихъ монополій. Прямые налоги, какъ припомнимъ, подраздѣлялись на обыкновенные (повсегодные) и чрезвычайные (запросные), каковыми являлись сборы пятой, десятой, иногда и двадцатой деньги; обыкновенные прямые доходы доставляли одну треть всей суммы собираемыхъ доходовъ; изъ косвенныхъ налоговъ таможенные сборы и кабацкіе давали до 45% всего бюджета доходовъ. Суммы остальныхъ сборовъ точно установлены быть не могутъ.

По всѣмъ этимъ статьямъ доходы возрастаютъ при Петрѣ. Правительство увеличиваетъ размѣры хозяйственныхъ операцій страны и доводитъ платежную способность народа до высшей степени напряженія; оно значительно расширяетъ сферу казенныхъ монополій, включая въ нее новые предметы потребленія: табакъ и соль. Соль стала предметомъ исключительной казенной продажи съ 1705 г., при чемъ она пущена была по цѣнѣ вдвое дороже той, по которой ее ставили подрядчики въ казну, а послѣдніе ставили ее по $10^1/_2$ коп. за пудъ. Дороговизна соли, бывшая уже причиной бунта въ половинѣ XVII в., въ царствованіе Петра была, разумѣется, одною изъ причинъ народнаго недовольства. Монетная операція производилась въ большихъ размѣрахъ; не только перечеканивалась съ прибылью полноцѣнная иностранная монета на русскую, но скупалась хорошая высокопробная русская монета и переливалась въ плохую низкопробную по той же номинальной цѣнѣ. Эту цѣну, однако, не удалось удержать принудительно, и деньги упали на 50%, что выразилось возвышеніемъ цѣнъ на всѣ товары и служило также одною изъ причинъ народнаго раздраженія. Статьи промысловыхъ сборовъ, пошлинъ и косвенныхъ налоговъ давали при Петрѣ значительное увеличеніе доходовъ, благодаря умноженію числа сборовъ, повышенію самаго обложенія и большей отчетливости взиманія. Повышены были размѣры платежа съ промысловъ, облагавшихся и прежде: съ рыбныхъ ловель, мельницъ, бортей, мостовъ и перевозовъ, установленъ былъ новый сборъ съ бань. Сначала предполагалось уничтожить всѣ частныя бани въ городахъ и сохранить только торговыя, чтобы обложить этотъ промыселъ особымъ сборомъ, но затѣмъ, такъ какъ почти въ каждомъ городскомъ хозяйствѣ, такъ же какъ и въ деревенской усадьбѣ, имѣлась своя особая баня, рѣшено было ихъ сохранить, наложивъ на нихъ плату въ размѣрѣ трехъ руб., рубля или 15-ти коп., смотря по сословному положенію обывателя. Къ преж-

нимъ пошлинамъ: судной (за отправленіе правосудія) и печатной (за приложеніе печати къ выдаваемымъ правительственными мѣстами актамъ) присоединена была гербовая, предложенная прибыльщикомъ Курбатовымъ. Администрація косвенныхъ сборовъ—таможеннаго (10% съ цѣны продаваемыхъ товаровъ) и кабацкаго за продаваемое изъ казны вино, бывшее также предметомъ казенной монополіи—оставалась тою же, какою была и въ XVII в., т.-е. поручалась выборнымъ изъ посадскаго населенія таможеннымъ и кабацкимъ бурмистрамъ, какъ стали теперь называться прежніе таможенные и кабацкіе вѣрные головы съ цѣловальниками. Такъ какъ



«Кофейная» въ Домикѣ Петра Великаго въ Лѣтнемъ саду въ Петербургѣ (длина 9 арш., ширина 7 арш.).

служба этихъ бурмистровъ и цѣловальниковъ была повинностью посадскаго населенія, то взиманіе этихъ сборовъ ничего не стоило казнѣ.

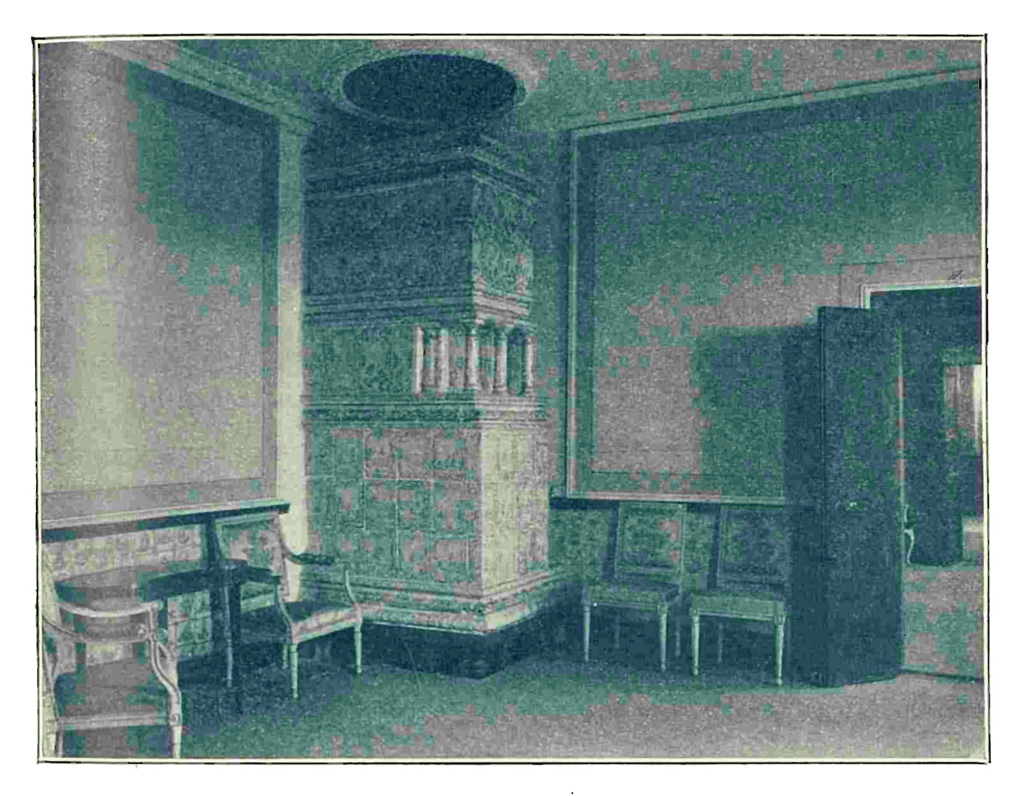
Наиболѣе важныя и сложныя мѣры были приняты относительно прямыхъ податей. Во-первыхъ, ихъ число и даваемыя ими средства увеличивались установленіемъ постоянно все новыхъ и новыхъ чрезвычайныхъ (запросныхъ) налоговъ, которыхъ правительство требовало на удовлетвореніе различныхъ то и дѣло возникавшихъ нуждъ: на провіантъ для флота, на провіантъ собраннымъ для постройки Петербурга работникамъ, на покупку дра-

гунскихъ лошадей, на постройку Кроншлотской или Архангельской крѣпости и т. п. Установлено было и нѣсколько новыхъ, обыкновенныхъ прямыхъ (повсегодныхъ) налоговъ, напримѣръ, платежи въ военный приказъ, въ адмиралтейскій приказъ, «на дѣло кирпича» и т. п. Во-вторыхъ, правительство старалось точнѣе регистрировать податную единицу, съ которой взимались прямые налоги. Такою податною единицею въ послѣдней четверти XVII в. сдѣлался посадскій и крестьянскій дворъ. Время отъ времени правительство предпринимало переписи этихъ дворовъ; послѣдняя такая перепись состоялась въ 1678 г.; ею и руководилось въ своихъ финансовыхъ операціяхъ правительство Петра. Предполагая значительное увеличеніе народонаселенія, оно въ 1710 г. предприняло новую подворную перепись, отъ которой ожидало значительнаго прироста податныхъ единицъ-дворовъ. Но къ удивленію перепись дала противоположные результаты: въ сѣверныхъ и среднихъ губерніяхъ, тогда наиболѣе населенныхъ, не только не обнаружилось прибыли населенія, но оказалась значительная убыль: по всей Россіи переписныя книги 1678 г. насчитывали 789.311 дворовъ тяглыхъ, перепись 1710 г. насчитала 635.412 дворовъ, т.-е. почти на $^1/_5$ меньше. По отдѣльнымъ мѣстностямъ процентъ убыли былъ еще больше. Такъ, по Архангельской и Петербургской губерніямъ онъ доходилъ до 40, а по затронутой войною Смоленской — до 52,7.

На такой характеръ движенія населенія оказали свое дѣйствіе усиленные наборы рекрутъ и работниковъ, которые были сдѣланы въ первые годы Сѣверной войны и вытягивали изъ населенія значительное количество молодыхъ людей, массами затѣмъ погибавшихъ въ сраженіяхъ или вслѣдствіе сильно распространенной болѣзненности на корабляхъ и въ рекрутскихъ партіяхъ на пути въ армію. Громадная смертность развита была также среди работниковъ, собранныхъ для постройки Петербурга, Кронштадта и Ладожскаго канала, вслѣдствіе плохихъ санитарныхъ условій, въ которыхъ имъ приходилось работать. Масса населенія, раздраженная тягостью повинностей, налагаемыхъ государствомъ, бѣжала въ тѣ мѣстности, гдѣ бѣглецы расчитывали укрыться отъ сборщика податей. Колонизація юго-восточныхъ и южныхъ окраинъ значительно усилилась въ это время благодаря бѣгству русскаго крестьянина съ сѣвера и изъ центра, начавшемуся, впрочемъ, еще ранѣе. Благодаря бѣгству значительной долѣ населенія удалось уйти на время отъ слишкомъ тяжело давившаго государства и не попасть въ переписныя книги. Разочарованное результатами переписи 1710 г. правительство приписало обнаруженную ею убыль податной единицы неточности пріемовъ переписи и небрежности переписчиковъ. Взиманіе податей велѣно было продолжать по старымъ книгамъ царя Θеодора, что̀ въ значительной мѣрѣ отягчало тѣ мѣстности, гдѣ убыль населенія была дѣйствительнымъ фактомъ, а вскорѣ послѣ этой переписи предпринята была

новая, производившаяся ландратами и потому называемая «ландратской» (1716—1719).

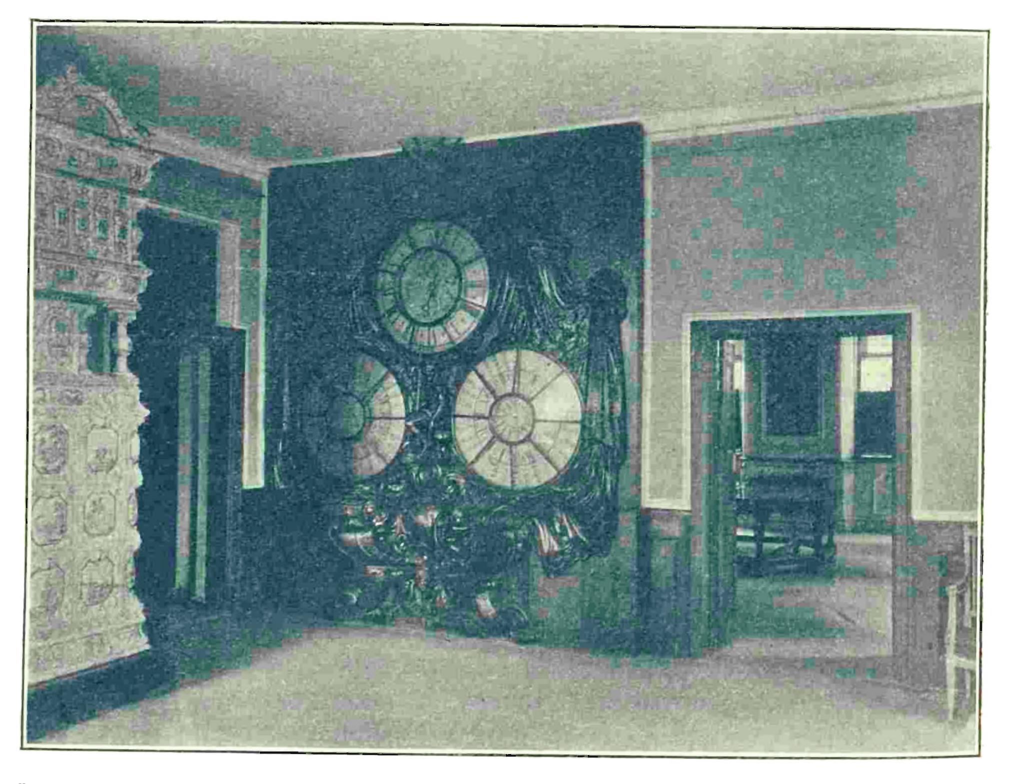
Третьей мѣрой относительно прямыхъ податей являлось введеніе новой единицы обложенія, той, изъ совокупности которыхъ составлялся крестьянскій дворъ: отдѣльной крестьянской души. Мысль о подушной подати давно уже занимала Петра; она же подсказывалась ему проектами, частью доходившими до нея самостоятельнымъ путемъ, частью переносившими въ Россію черты французскаго податного устройства. Эта мысль переходитъ въ ноябрѣ 1718 г. въ положительное рѣшеніе: еще не окончена была подвор-



Спальня въ Домикѣ Петра Великаго въ Лѣтнемъ саду въ Петербургѣ (длина 7½ арш., ширина 7 арш., вышина 4¾ арш.).

ная ландратская перепись, какъ предписано было произвести новою поголовную перепись тяглаго населенія. «Взять сказки у всѣхъ,— писалъ Петръ въ указѣ 26 ноября 1718 г.,—дать на годъ сроку, чтобъ правдивыя принесли, сколько у кого въ которой деревнѣ душъ мужского пола, объявя имъ то, что кто что утаитъ, то отдано будетъ тому, кто объявитъ о томъ». Эта перепись возложена была на мѣстную администрацію. Подача сказокъ затянулась, однако, гораздо долѣе годового срока. Когда, наконецъ, стали поступать сказки, въ нихъ обнаруживались признаки утайки душъ, вызванной желаніемъ уменьшить податное бремя. Это повело къ назначенію

«ревизіи», т.-е. пересмотра переписи, принявшаго крайне тяжелый характеръ: въ губерніи были разосланы генералы съ цѣлыми отрядами штабъ и оберъ-офицеровъ, снабженные очень обширными полномочіями. Эти военныя комиссіи провѣряли перепись и безпощадно расправлялись съ укрывателями душъ. За военнымъ переписчикомъ двигался палачъ съ кнутомъ и висѣлицей, такъ какъ утайка наказывалась смертной казнью. Цифра утаенныхъ оказалась дѣйствительно огромной. Въ шести губерніяхъ по сказкамъ насчитано было 3.036.906 душъ,—ревизія открыла еще 1.123.056, т.-е. болѣе чѣмъ на треть. Къ 1722 г. Петръ по даннымъ ревизіи приблизительно опредѣлилъ общее число крестьянскихъ душъ въ 5 милліоновъ. Расчетъ величины подушной подати былъ произведенъ ариѳметическимъ путемъ. Былъ высчитанъ расходъ на армію; онъ выразился въ круглой цифрѣ 4 милліона рублей: эти 4 милл. были распредѣлены на 5 милл. душъ, на каждую пришлось по 80 коп.— въ такомъ размѣрѣ подушная подать первоначально и была назначена. Въ 1724 г. установлена была, наконецъ, дѣйствительная цифра крестьянскихъ душъ: 5.401.000. По тому же расчету подушный окладъ былъ убавленъ до 74 к. На посадскихъ и государственныхъ крестьянъ къ первоначальной цифрѣ оклада въ 80 к. было прибавлено еще 40 к. оброчныхъ денегъ взамѣнъ тѣхъ взносовъ, которые помѣщичьи крестьяне платили своимъ помѣщикамъ. Такимъ образомъ помѣ-



Кабинетъ государя въ Домикѣ Петра Великаго въ Лѣтнемъ саду въ Петербургѣ (длина 7 арш., ширина 6 арш.).

Кухня въ Домикѣ Петра Великаго въ Лѣтнемъ саду
въ Петербургѣ.

щичьи крестьяне должны были платить по 74 к. съ души, а посадскіе и государственные по 1 р. 20 к. съ души, такъ называемый 40-алтынный окладъ.

Введеніе подушной подати было одной изъ самыхъ прочныхъ реформъ Петра; подать эта просуществовала до царствованія Александра III. Введеніе ея сопровождалось цѣлымъ рядомъ послѣдствій и въ государственномъ хозяйствѣ, и въ народномъ, и въ соціальномъ строѣ. Въ первомъ она совершенно измѣнила видъ бюджета, стала въ немъ играть первенствующую роль, тогда какъ прежде эта роль принадлежала косвеннымъ налогамъ. Въ бюджетѣ 1724 г. весь государственный доходъ былъ исчисленъ въ 8,5 милл. рублей; изъ нихъ 4,6 милл. (54,1%) должна была дать подушная подать, тогда какъ на долю косвенныхъ налоговъ въ томъ же бюджетѣ приходилось 2,1 милл., т.-е. 25%.

На народное хозяйство она пала новой тяжестью. Современники говорятъ, что она была вдвое тяжелѣе прежнихъ налоговъ. Въ значительной степени ея тяжесть обусловливалась ея счетнымъ значеніемъ: ревизская душа стала счетной единицей. По числу этихъ душъ расчитывалась сумма подати, падавшая на имѣніе, на общину государственныхъ крестьянъ или на посадскую общину. Затѣмъ эта сумма въ имѣніяхъ и въ общинахъ разверстывалась между отдѣльными хозяйствами самимъ населеніемъ пропорціонально средствамъ

каждаго хозяйства. При той убыли населенія, которая замѣчалась на сѣверѣ и въ центрѣ Россіи, вслѣдствіе смертности и бѣгства крестьянъ, въ имѣніяхъ и въ общинахъ государственныхъ крестьянъ число наличныхъ душъ оказывалось всегда меньше числа ревизскихъ, а число дѣйствительныхъ плательщиковъ оказывалось всегда менѣе общаго числа наличныхъ душъ, такъ какъ значительную долю наличныхъ душъ составляли малолѣтніе, старики, больные и вообще неработоспособные и нищіе, такъ что вся тягость подати, расчитанной по числу душъ, записанныхъ въ ревизію, падала на сравнительно немногихъ дѣйствительныхъ плательщиковъ. Тяжесть подати увеличивалась еще крайне упрощеннымъ способомъ ея взиманія. Собирать ее должны были сами же полки, расквартированные съ окончаніемъ войны по деревнямъ: на каждый полкъ было назначено такое количество душъ, сборъ съ котораго равнялся суммѣ, необходимой на ежегодное содержаніе полка. Русская деревня должна была испытать теперь не только тяжесть подати, но и жестокость военныхъ экзекуцій, путемъ которыхъ стала взиматься подать. Подушная подать содѣйствовала въ деревнѣ развитію общиннаго землепользованія, такъ какъ крестьяне при каждой ревизіи,—а ревизіи повторялись приблизительно черезъ 20 лѣтъ,—стали передѣлять землю по душамъ.

Не менѣе важно было вліяніе подушной подати на общественный строй, хотя вообще Петръ Великій не былъ сознательнымъ соціальнымъ реформаторомъ, и тѣ измѣненія, которыя пришлось испытать соціальному строю въ его время, вовсе не были прямыми результатами какихъ-нибудь намѣренно построенныхъ имъ плановъ, а явились лишь косвенными послѣдствіями другихъ реформъ. Дѣйствіе подушной подати выразилось въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, она затянула въ крѣпостную неволю значительное количество прежде свободныхъ людей, такъ называемыхъ «вольныхъ, гулящихъ» людей, не тяглыхъ и не служилыхъ. Эти люди должны были или записаться въ службу или приписаться къ какому-либо изъ классовъ, обязанныхъ платить подушную: къ посадскимъ людямъ, къ государственнымъ крестьянамъ или къ помѣщичьимъ крѣпостнымъ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ подушная подать сдѣлалась однимъ изъ источниковъ крѣпостного права. Во-вторыхъ, она внесла измѣненія въ самую сферу крѣпостного права, смѣшавъ прежде очень различные виды крѣпостныхъ людей: холоповъ и крестьянъ. Холопы до подушной не платили податей, считаясь полной собственностью, какъ бы вещами господина, не имѣя никакой связи съ государствомъ; крестьяне же, все болѣе становясь такою собственностью, продолжали платить подати и не разрывали все-таки связи съ государствомъ. Но уже въ послѣдней четверти XVII в. къ платежу податей былъ привлеченъ одинъ изъ видовъ холопства, «задворные люди», которые, получая отъ господъ отдѣльные пахотные участки, въ хозяйственномъ отношеніи

ничѣмъ не отличались отъ крестьянъ: они были внесены въ переписныя книги 1678 г. Законодательство о подушной подати пошло въ направленіи, первый шагъ въ которомъ былъ сдѣланъ XVII вѣкомъ, и закончило процессъ привлеченія холопства къ податямъ. Послѣдовательно одинъ за другимъ подвергались обложенію подушною всѣ виды холоповъ: сидѣвшіе на отдѣльныхъ участкахъ, затѣмъ работавшіе на барской пашнѣ и, наконецъ, жившіе въ деревенскихъ и городскихъ дворахъ, т.-е. дворня, прислуга. Подать падала одинаково на крестьянъ и на холоповъ. Она возвышала, слѣдовательно, холопа до крестьянина и понижала крестьянина до холопа, со-

Ассамблейная комната въ Екатерингофскомъ дворцѣ.

здавая единый классъ крѣпостныхъ людей, несвободныхъ, но и не теряющихъ связи съ государствомъ. Въ общемъ подушная подать рѣзко раздѣлила русское общество на двѣ группы: служилую и податную. Отношенія, сложившіяся между обѣими этими группами, можно обозначить такъ: все, что служило въ военной или гражданской службѣ, было свободно отъ подушной подати; все, что не служило, было обязано платить ее. Позже служилая группа, освободившись отъ обязательной службы, стала привилегированной, сохранивъ права и освободившись отъ обязанностей. Различія между привилегированными классами и податными уничтожаются лишь законодательствомъ нашихъ дней.

Предъявляя повышенные запросы къ обществу, вводя новые налоги и повышая старые, Петръ вмѣстѣ съ тѣмъ заботился о

повышеніи производительности народнаго труда путемъ развитія торговли и промышленности. Изъ мѣръ, принятыхъ относительно торговли, наиболѣе важны относящіяся къ внѣшней торговлѣ. Увеличеніемъ пошлинъ на товары, привозимые къ Архангельску, и пониженіемъ ихъ на товары, привозимые въ Петербургъ, Петръ достигъ того, что Петербургъ сталъ первымъ торговымъ портомъ. Въ 1726 г. въ Архангельскъ было привезено товаровъ всего на 36 тыс. руб., а въ Петербургъ — на 1.550 тыс., тогда какъ еще въ 1719 г. ввозъ въ Петербургъ болѣе чѣмъ вдвое уступалъ ввозу въ Архангельскъ. Для той же цѣли устраивались водные пути сообщенія, по которымъ должно было итти товарное движеніе между Петербургомъ и внутренними областями: каналы Вышневолоцкій, связавшій Неву съ бассейномъ Волги, и Ладожскій, для обхода бурнаго Ладожскаго озера. Сооруженіе послѣдняго потребовало много жертвъ и закончено было только въ царствованіе Анны.

Въ области промышленности наиболѣе важныя мѣры были приняты относительно фабрично-заводской промышленности, хотя законодательство Петра не забывало и сельскаго хозяйства. Такъ, напримѣръ, былъ изданъ законъ, предписывавшій снимать хлѣбъ косами вмѣсто жнитва серпами. Выписывались изъ-за границы улучшенныя породы скота и т. п.

Насажденіе крупной фабрично-заводской промышленности было одной изъ перемѣнъ, внесенныхъ въ русскую жизнь XVIII вѣкомъ. До тѣхъ поръ въ нашемъ отечествѣ существовало лишь мелкое кустарное производство, издавна сосредоточившееся въ томъ или другомъ районѣ, смотря по тому, какому промыслу благопріятствовали мѣстныя условія. Такъ, въ Новгородской области существовала кустарная желѣзодѣлательная промышленность; Суздальскій и Шуйскій уѣзды были извѣстны производствомъ холстовъ и полотенъ, которые приготовлялись на небольшихъ домашнихъ станкахъ въ крестьянскихъ избахъ. Въ различныхъ уголкахъ Россіи еще въ XVII в. замѣтна кустарная промышленность та же самая, которая гнѣздится тамъ и понынѣ: село Холуй (Владимірской губерніи) уже и тогда производило иконы; село Павлово (Нижегородской губерніи) выдѣлывало желѣзные замки и т. д. Это мелкое производство питало не только внутренній рынокъ, но составляло предметъ и заграничнаго отпуска. По свидѣтельству иностраннаго наблюдателя русской экономической жизни, Кильбургера, относящемуся къ 70-мъ годамъ XVII в., ежегодно отпускалось за границу болѣе 30 тысячъ аршинъ холста, и въ одинъ годъ было вывезено за границу черезъ Архангельскъ 168.500 арш. грубаго сукна, цѣна которому тогда была 5—6 коп. за аршинъ.

Для того, чтобы продукты кустарнаго производства изъ цѣлой сѣти мелкихъ струекъ, которыми была покрыта вся территорія тогдашней Россіи, сливались въ такое сравнительно обширное русло

заграничнаго отпуска — нужны были въ качествѣ двигателей значительные капиталы. Эти капиталы были уже налицо въ XVII в., но, будучи приложены въ торговлѣ, они не касались пока промышленности. Производство питало крупные торговые обороты, продолжая само оставаться мелкимъ. Московскіе капиталисты-гости вели, по словамъ Котошихина, торговые обороты до сотни тысячъ рублей, т.-е. свыше милліона на наши деньги. Но, охотно пуская деньги въ торговлю, они совершенно не умѣли вкладывать ихъ въ производство. Въ Московскомъ государствѣ XVII в. шла бойкая торговля и существовалъ значительный торговый классъ,

Одна изъ комнатъ Екатерингофскаго дворца.

но промышленность, кромѣ соляного промысла, который въ обширныхъ размѣрахъ вели сѣверные монастыри и Строгановы въ своихъ Сольвычегодскихъ и Соликамскихъ вотчинахъ, и кромѣ нѣсколькихъ заведенныхъ иностранцами при помощи казны фабрикъ и заводовъ, переживала мелкую форму и находилась всецѣло въ народныхъ рукахъ; класса фабрикантовъ Московское государство не знало. Переходъ отъ мелкаго производства къ крупному и притомъ отъ частнаго къ казенному или пользующемуся казенной поддержкой, отъ народной кустарной промышленности къ государственной фабрично-заводской былъ однимъ изъ наиболѣе замѣтныхъ экономическихъ явленій въ Россіи въ XVIII в.

Эта перемѣна вызывалась двумя причинами, изъ которыхъ одна имѣла реальный, практическій характеръ, другая идейный,

теоретическій. Въ основѣ первой лежали нужды и потребности дѣйствительной жизни, въ основѣ второй—господствовавшіе въ то время политико-экономическіе взгляды. Первою была война, которая задала русской промышленности рядъ новыхъ и тяжелыхъ задачъ, требовавшихъ притомъ ускореннаго разрѣшенія. Война вызвала къ существованію огромную регулярную армію и совершенно новое явленіе—военный флотъ: явилась необходимость въ усиленномъ производствѣ предметовъ вооруженія и снаряженія; потребовалось огромное количество сапогъ, мундировъ, ружей, пушекъ, ядеръ, пороху, холоднаго оружія, канатовъ, парусовъ и множество другихъ вещей, необходимыхъ для военнаго и морского дѣла. Существовавшіе ранѣе кустарные промыслы не могли удовлетворительно справиться съ новыми и внезапными запросами ни по количеству, ни по качеству. Ихъ продуктовъ было недостаточно, и многіе изъ нихъ не годились для арміи: сапоги изъ приготовленной съ дегтемъ кожи промокали, сукно было слишкомъ грубо для мундировъ; иныхъ отраслей промышленности, въ которыхъ теперь почувствовалась нужда, и совсѣмъ не существовало, а между тѣмъ война сокращала и частью пресѣкала иностранный ввозъ. Такимъ образомъ ставились на очередь три задачи: расширять, усовершенствовать, а въ значительной мѣрѣ и создавать вновь различныя отрасли производства. За эти задачи взялось само государство, учреждая или содѣйствуя учрежденію фабрикъ и заводовъ, насаждая промышленность въ крупномъ видѣ и основывая ее на крупномъ капиталѣ.

Такое участіе государства въ экономической жизни страны не совсѣмъ было новостью; новою была только та отрасль экономической жизни, въ которой оно проявилось теперь. Прежде, въ XVII в., государство занималось торговлей, отъ своего лица вело крупныя коммерческія сношенія съ иностранными купцами въ Архангельскѣ, сбывая имъ цѣлый рядъ товаровъ, объявляемыхъ предметами казенной монополіи. Таковы были мѣха, селитра, поташъ, смольчугъ, паюсная икра, моржевый зубъ. Казна продавала также за границу громадное количество хлѣба, и только послѣ того, какъ она оканчивала свои торговыя операціи съ иностранцами, могли открывать свой торгъ частные купцы. Теперь къ этому участію государства въ торговлѣ присоединялось также участіе въ промышленности, и такимъ образомъ государство становилось не только крупнымъ торговцемъ, но и крупнымъ заводчикомъ.

Такой ходъ вещей, вызванный практическими надобностями, какъ нельзя болѣе совпадалъ съ тогдашними теоретическими взглядами. Тогда господствовала, такъ называемая меркантилистическая теорія—ученіе, по которому, богатство страны заключается въ деньгахъ, въ драгоцѣнныхъ металлахъ: страна тѣмъ богаче, чѣмъ больше въ ней золота и серебра. Отсюда цѣль экономической политики государства: привлечь въ страну какъ можно болѣе драгоцѣннаго

металла. Средствомъ для этого признавалось расширеніе вывоза, притомъ вывоза сфабрикованныхъ предметовъ предпочтительно предъ вывозомъ сырья, и сокращеніе ввоза такъ, чтобы разница между вывозомъ и ввозомъ оплачивалась деньгами, притекающими тогда въ страну. Для сокращенія ввоза устанавливается высокій таможенный тарифъ. Для расширенія вывоза государство — то всеобъемлющее и всеорганизующее государство, которое возникаетъ въ эпоху перехода отъ натуральныхъ хозяйственныхъ отношеній къ денежнымъ и теорія котораго развивается изъ теоріи меркантилизма, служа ей завершеніемъ — предпринимаетъ рядъ мѣръ къ усиленію

Залъ совѣта въ Екатерингофскомъ дворцѣ въ Петербургѣ.

производства. Оно учреждаетъ фабрики, поощряетъ учрежденіе ихъ частными лицами, снабжая предпринимателей средствами, обезпечивая имъ сбытъ продуктовъ казенными заказами и предоставляя имъ разнаго рода льготы и выгоды. Давая частной промышленности средства, государство сохраняетъ за собой контроль надъ этой промышленностью и подчиняетъ ее самой мелочной регламентаціи, держа ее подъ постоянной опекой.

Вообще, Петръ Великій ни въ чемъ не былъ теоретикомъ, ничто не давалось ему съ такимъ трудомъ, какъ отвлеченныя теоріи. Но идеи меркантилизма были тогда ходячими идеями; ихъ

Жалованная грамота Петра Великаго стольнику П. А. Толстому.
(Образчикъ русской орнаментистики начала XVIII в.).
Хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

практическое приложенiе онъ могъ хорошо наблюдать за границей, главнымъ образомъ во Францiи, фабриками и заводами которой онъ особенно интересовался и промышленность которой была наиболѣе проникнута началами меркантилизма. Духъ и взгляды родоначальника этого ученiя, Кольбера, были еще живы въ парижскихъ и версальскихъ мануфактурахъ въ 1717 г., когда ихъ посѣщалъ Петръ. Въ своей экономической политикѣ онъ держался тѣхъ же прiемовъ. Высокими таможенными пошлинами по тарифу 1724 г., доходившими до $37^1/_2 {}^0/_0$ съ цѣны привозимыхъ товаровъ, онъ стѣсняетъ ввозъ иностранныхъ продуктовъ. Въ то же время онъ заводитъ крупную промышленность и усиленно поддерживаетъ отечественное производство. Что принятыя имъ мѣры къ развитiю фабричной промышленности вызывались не однѣми только военными потребностями, а имѣли болѣе широкое значенiе и были именно практическимъ приложенiемъ идей меркантилизма, видно изъ того, что Преобразователь создавалъ и поощрялъ различныя производства, не относившiяся къ армiи, флоту или вообще къ военному дѣлу. Такъ, напримѣръ, основывались шелковыя, бархатныя, ленточныя, кружевныя фабрики, шпалерная фабрика въ Петербургѣ для выдѣлки гобеленовъ по образцу французскихъ и т. п. Разумѣется, Петръ не шелъ такъ далеко, чтобы, поднимая русское фабричное производство, мечтать о вывозѣ русскихъ фабрикатовъ за границу, но онъ руководился, по крайней мѣрѣ, мыслью дать возможность странѣ обходиться продуктами своей обрабатывающей промышленности и этимъ сократить иностранный ввозъ.

Двѣ задачи предстояло разрѣшить правительству при основанiи разнаго рода крупныхъ производствъ: во-первыхъ, сосредоточить потребный для учрежденiя фабрикъ и заводовъ капиталъ, во-вторыхъ, организовать необходимый для нихъ трудъ. Важнымъ средствомъ для организацiи капитала должно было служить соединенiе частныхъ предпринимателей въ промышленныя компанiи. На неумѣнье русскихъ купцовъ складываться и составлять товарищества жаловался еще Ординъ-Нащокинъ. Правительству Петра предстояло не только передвигать капиталы съ торговли на производство, но и составлять самые капиталы путемъ организацiи товариществъ. Въ видѣ примѣра, для подражанiя другимъ, была составлена такая компанiя изъ приближенныхъ къ царю лицъ Шафирова, Толстого и Меншикова для производства шелку, бархату и другихъ подобныхъ матерiй. Но примѣръ оказался не изъ удачныхъ: Шафировъ скоро поссорился съ Меншиковымъ, Петръ былъ принужденъ исключить послѣдняго изъ компанейщиковъ и замѣнилъ его Апраксинымъ, отъ чего, впрочемъ, дѣло не пошло лучше.

Насаждая промышленность, государство дѣйствовало двоякимъ образомъ: или оно само непосредственно выступало предпринимателемъ и учреждало казенные заводы и фабрики, или содѣйствовало частной предпрiимчивости, поощряя ее разнаго рода облег-

ченіями и льготами. Основавъ фабрику, снабдивъ ее всѣмъ необходимымъ и пустивъ ее въ ходъ, казна затѣмъ сдавала ее въ аренду «содержателямъ». Такая аренда казенной фабрики была тогда наиболѣе распространенной формой участія частныхъ лицъ въ промышленности; она соединяла казенную иниціативу съ частной предпріимчивостью. Льготы, которыми государство снабжало частныхъ предпринимателей, открывавшихъ свои заводы и фабрики, и казенныхъ арендаторовъ, заключались въ слѣдующемъ. Посадскіе люди освобождались на нѣкоторое число лѣтъ отъ всякихъ службъ, лежавшихъ на ихъ классѣ, при чемъ обыкновенно на практикѣ это освобожденіе затягивалось и сверхъ срока. Для фабрикантовъ и заводчиковъ, ихъ семей и рабочихъ устанавливалась по гражданскимъ дѣламъ особая подсудность мануфактуръ-коллегіи или бергъ-коллегіи, а для нѣкоторыхъ прямо сенату; эта подсудность избавляла ихъ отъ злоупотребленій общей юстиціи; для другихъ классовъ общества она была очень тягостной, такъ какъ затрудняла возбужденіе исковъ противъ фабрикантовъ. Кромѣ этихъ личныхъ преимуществъ, фабриканты и заводчики получали рядъ матеріальныхъ выгодъ для самаго производства. Издѣлія фабрикъ и заводовъ освобождались при продажѣ отъ пошлинъ; были случаи установленія монополіи въ пользу опредѣленной компаніи. Такъ, упомянутое выше товарищество Шафирова и Толстого получило исключительное право на производство шелковыхъ и бархатныхъ матерій. Для большинства фабрикъ государство являлось и наиболѣе значительнымъ покупателемъ. Наконецъ, оно приходило на помощь предпринимателямъ прямо съ денежными субсидіями, выдавая безпроцентныя денежныя ссуды на опредѣленное число лѣтъ съ обязательствомъ погасить долгъ продуктами производства.

Таковы были пріемы государства для разрѣшенія первой задачи— для привлеченія капиталовъ къ промышленности. Онъ дѣйствовало тутъ «не предложеніемъ только, но и принужденіемъ», какъ писалъ Петръ, т.-е. составляло компаніи, не освѣдомляясь о желаніи зачисляемымъ въ нихъ членовъ и отдавая въ аренду казенныя фабрики торговымъ людямъ, «хотя и неволею», какъ сказано въ одномъ указѣ. Эти старанія не оставались безъ успѣха: капиталы привлекались и организовывались, являлись отдѣльные предприниматели и устраивались компаніи. Труднѣе было справляться съ организаціей другого необходимаго элемента производства—труда. Къ нему крупная фабрика предъявляла повышенный запросъ, притомъ какъ со стороны его качества, такъ и со стороны его количества. Не слѣдуетъ забывать, что до открытія силы пара и изобрѣтеній паровыхъ двигателей и машинъ фабрика XVIII в. была преимущественно мануфактурой, на ней почти все производилось ручнымъ трудомъ и требовало гораздо болѣе искуснаго работника, чѣмъ какой нуженъ при машинѣ, замѣняющей значительную долю человѣческаго искусства въ работѣ и нуждающейся только во вни-

мательномъ наблюденіи и тщательномъ уходѣ за собой. Поэтому вмѣстѣ съ созданіемъ фабрикъ предприниматели должны были создавать и фабричнаго рабочаго, подготовляя его выучкой. Но главная трудность состояла даже не въ томъ, чтобы его обучить, а въ томъ, чтобы его найти. Лучшей рабочей силой для этихъ мануфактуръ былъ свободный трудъ вольнонаемнаго работника, и это уже начинали сознавать предприниматели того времени. Тѣмъ не менѣе, фабрика XVIII в. принуждена была пользоваться несвободнымъ трудомъ вслѣдствіе недостатка свободныхъ рукъ при тогдашнемъ крѣпостномъ строѣ, и даже предпочитала его, потому что она затрачивала средства на подготовку и обученіе рабочаго и слишкомъ много теряла въ немъ въ случаѣ его ухода. Въ общую систему покровительства фабрично-заводской промышленности при Петрѣ входили также мѣры къ обезпеченію ея несвободнымъ трудомъ. Въ этихъ мѣрахъ замѣтны два взгляда на значеніе фабрично-заводской работы. Во-первыхъ, она пріобрѣла характеръ наказанія: заводъ и фабрика стали тюрьмой, куда направлялись преступные элементы. Еще въ 1699 г. тюменскому воеводѣ было предписано назначать въ работу на кирпичныхъ заводахъ «татей, мошенниковъ и пропойцъ», сковывая по два человѣка шейными и ножными желѣзами. Въ 1701 г. нерчинскій воевода получилъ предписаніе для той же цѣли назначать ссыльныхъ. Въ одномъ изъ писемъ къ Ромодановскому Петръ проситъ его доставить человѣкъ 200 воровъ, необходимыхъ для работы. Нѣкоторую часть рабочаго персонала на полотняныхъ и парусныхъ заводахъ составляли такъ называемыя «винныя бабы и дѣвки», — женщины, отправленныя туда въ наказаніе. Регламентъ главнаго магистрата предписывалъ въ городахъ учреждать на городскія средства особые «прядильные домы», въ которые заключать «неистовый женскій полъ». Во-вторыхъ, трудъ на фабрикѣ и заводѣ разсматривается, какъ видъ повинности. Законодательство Петра, преслѣдуя и стараясь искоренить классъ вольныхъ людей, не занятыхъ никакою службою, предписывало всякаго рода «гулящихъ людей», нищихъ и праздношатающихся отдавать на фабрику. Эти элементы получили названіе «вѣчно отданныхъ на фабрику» и стали принадлежать фабрикѣ потомственно. Такъ появились особые крѣпостные, принадлежащіе фабрикамъ. Въ знаменитомъ законѣ 18 января 1721 г. эта мѣра получила широкій характеръ: купцамъ разрѣшалось покупать къ фабрикамъ и заводамъ цѣлыя деревни крѣпостныхъ крестьянъ; но такія деревни въ отличіе отъ дворянскихъ становились принадлежностью именно фабрикъ, какъ учрежденій, а не собственностью ихъ владѣльцевъ и безъ фабрикъ не могли быть отчуждаемы; впослѣдствіи эти крѣпостные получили названіе поссессіонныхъ крестьянъ. Владѣніе ими до извѣстной степени сглаживало разницу между обоими этими классами, дворянствомъ и фабрикантами, въ правахъ. Легко замѣтить, какая черта Петровской фабрики легла въ основу пожалованія купечеству

правъ, принадлежавшихъ прежде только служилымъ людямъ: занятіе фабрично-заводскою промышленностью разсматривалось какъ государственная служба, и собственники или «содержатели» крупныхъ фабрикъ стали получать чины по табели о рангахъ. Эта служба со времени закона 1721 г. стала поддерживаться тѣми же средствами которыми до тѣхъ поръ поддерживалась военная и гражданская служба, т.-е. землею съ крѣпостнымъ населеніемъ. Фабриканты и заводчики получили передъ помѣщиками даже особыя преимущества въ крѣпостномъ правѣ: въ 1722 г. имъ было разрѣшено не выдавать бѣглыхъ крѣпостныхъ, поступившихъ къ нимъ

Второй листъ (верхняя половина) грамоты П. А. Толстому.
(См. стр. 252).

на фабрики, и позже, въ комиссіи 1767 г. дворянство указывало на фабрику, какъ на главный каналъ для крестьянскихъ побѣговъ.

Всѣ эти старанія, направленныя къ насажденію и развитію фабрично-заводской промышленности, дали уже при Петрѣ замѣтные результаты. Наиболѣе видные успѣхи сдѣлала металлургическая промышленность. Ея районы были уже предуказаны ранѣе, и теперь капиталъ шелъ туда разыскивать до-петровскаго кустаря. Капиталъ преобразилъ производство: мелкіе домашніе горны уступили мѣсто крупнымъ заводамъ, на которыхъ прежній кустарь является въ видѣ рабочаго. Крупные заводы были основаны въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, какъ мы видѣли, добывалась и обрабатывалась руда уже и раньше. Таковы были Петровскіе и Повѣнецкіе

желѣзные заводы въ Олонецкомъ краѣ, тульскіе казенные заводы и частные Демидова и Баташева. Особенно широкое развитіе стала получать металлургическая промышленность въ горномъ округѣ по обѣ стороны Урала по верховьямъ Камы въ Кунгурскомъ и Соликамскомъ уѣздахъ и по верховьямъ рѣкъ, входящихъ въ систему Оби, въ Верхотурскомъ и въ Екатеринбургскомъ уѣздахъ. По одной изъ многочисленныхъ вѣдомостей, хранящихся въ кабинетныхъ бумагахъ Петра, въ 1718 г. было всего выплавлено на

Бронзовый бюстъ Петра Великаго въ Зимнемъ дворцѣ.

русскихъ заводахъ 6.641 тыс. пудовъ чугуна, изъ которыхъ 868 т. (13%) на казенныхъ заводахъ, а остальное количество (87%) на частныхъ. Такая масса добываемаго металла позволяла безъ труда вооружать армію и флотъ и вести Сѣверную войну оружіемъ собственнаго изготовленія.

Менѣе успѣшно, чѣмъ горное дѣло, шло суконное производство. Уже въ началѣ XVIII в. въ Москвѣ заведены были частныя суконныя фабрики посадскихъ людей Сѣрикова и Дубровскаго, и въ 1705 г. Петръ съ радостью писалъ Меншикову, что «сукна

дѣлаютъ и умножается сіе дѣло изрядно и плодъ даетъ Богъ изрядный, и я сдѣлалъ себѣ кафтанъ изъ него къ празднику». Въ одномъ указѣ 1712 г. высказывается даже мысль о томъ, что лѣтъ черезъ пять суконное дѣло до такой степени разовьется, что для обмундированія арміи можно будетъ обойтись русскимъ сукномъ, не покупая заграничнаго. Число суконныхъ фабрикъ дѣйствительно росло. Одѣть всю армію только русскимъ сукномъ Петру, однако, не удалось, и правительство принуждено было прикупать для этой цѣли нѣкоторое количество нѣмецкаго сукна.

Полотняное дѣло было однимъ изъ самыхъ развитыхъ уже и до Петра, благодаря распространенію культуры льна и пеньки въ крестьянскомъ хозяйствѣ и несложности самаго процесса производства, вполнѣ доступнаго домашнимъ средствамъ. Кустарная выдѣлка полотна въ тѣхъ же районахъ, гдѣ и въ наши дни сосредоточивается прядильное и ткацкое производства, какъ льняное (ярославскій уѣздъ), такъ и хлопчато-бумажное (суздальскій, иваново-вознесенскій и шуйскіе районы), была настолько сильна, что могла бы свободно конкурировать съ фабрикой; но регламентирующее законодательство Петра нанесло этой отрасли кустарной промышленности тяжелый ударъ. Заботясь объ увеличеніи вывоза русскихъ полотняныхъ издѣлій за границу и совершенно не будучи знакомъ съ условіями домашняго производства, Петръ издалъ указъ, чтобы ширина выдѣлываемыхъ въ Россіи полотенъ вполнѣ соотвѣтствовала заграничной и воспретилъ, подъ страхомъ обычныхъ тогда суровыхъ взысканій, выдѣлку узкаго полотна, какое вырабатывалось кустарями. По провинціямъ изъ мѣстныхъ служилыхъ людей были назначены мануфактуръ-коллегіей особые надзиратели за соблюденіемъ этихъ законовъ, «дворяне у присмотру пенечнаго дѣла дѣланія широкихъ полотенъ», какъ они офиціально назывались. Между тѣмъ дѣлать широкія полотна указанныхъ въ законѣ размѣровъ, въ аршинъ съ четвертью и въ $1^1/_2$ аршина, домашнимъ способомъ оказывалось совершенно невозможнымъ по той простой причинѣ, что станки, необходимые для сукна такой ширины, не помѣщались въ тогдашнихъ крестьянскихъ избахъ. Широкія полотна могли выдѣлываться только на фабрикахъ, которыя стали заниматься также производствомъ тонкаго, высшихъ сортовъ, полотна, какого не умѣли дѣлать кустари.

Подведемъ теперь итоги сказанному о фабрично-заводской промышленности при Петрѣ. До Петра преобладающею формой промышленности было мелкое кустарное производство. Съ XVIII вѣка правительство начинаетъ искусственно насаждать крупную промышленность, вызванную казенными, главнымъ образомъ, военными нуждами и опирающуюся на современные меркантилистическіе взгляды. Удовлетворяя казенныя потребности, эта промышленность получила казенный характеръ. Оба элемента производства—и капиталъ, и трудъ—были организованы государствомъ въ значительной

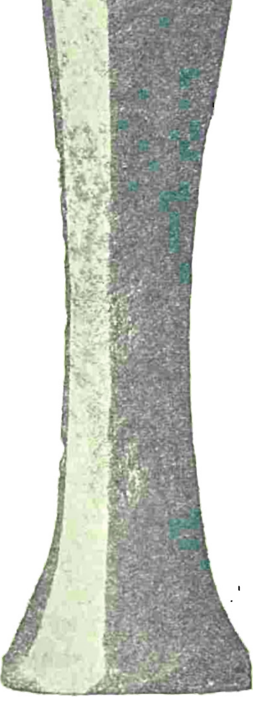
степени принудительнымъ путемъ. Правительство принудительно переводило частные капиталы изъ торговли въ промышленность и насильственно организовало капиталы, составляя компаніи, снабжаемыя казенными субсидіями. Оно же устраивало трудъ на фабрикахъ и заводахъ, придавая ему тѣ же несвободныя формы, въ какихъ онъ уже дѣйствовалъ въ земледѣльческой промышленности, закрѣпощая его фабрикѣ такъ же, какъ онъ былъ закрѣпощенъ землевладѣльцу. Такъ же, какъ и современная ей вотчина, петровская фабрика обязана была службой, работая крѣпостнымъ трудомъ. Успѣхи фабрично-заводской промышленности были на первыхъ порахъ быстры, но не прочны. Сдѣлавъ порывистое движеніе впередъ при Петрѣ, благодаря энергичной поддержкѣ, эта промышленность затѣмъ слабѣетъ и развивается очень туго, постоянно нуждаясь въ самой заботливой правительственной опекѣ.

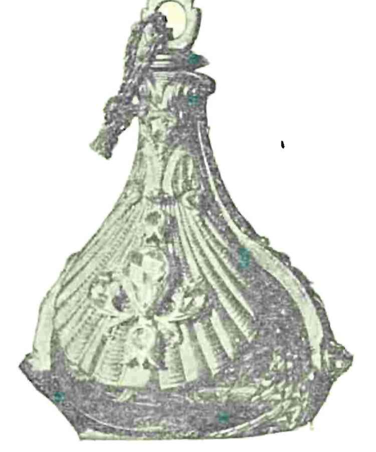
Записная книжка Петра Великаго.
Хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Другимъ средствомъ для вооруженія труда, для поднятія его производительности было образованіе. Петру и принадлежитъ созданіе школьной организаціи въ Россіи, и въ этомъ отношеніи, такъ же, какъ и въ фабрично-заводской промышленности, онъ получилъ отъ предшественниковъ лишь незначительное наслѣдство. При Софьѣ, какъ мы уже знаемъ, была открыта высшая школа — академія, сначала называвшаяся Еллино-Славянской, потомъ Латино-Славянской и, наконецъ, Славяно-Греко-Латинской. По первоначальному замыслу, это должно было быть высшее общеобразовательное училище; но на практикѣ изъ академіи создалась спеціальная богословская школа. Ближайшимъ поводомъ къ открытію академіи, помимо давно уже ощущавшейся потребности въ образованіи, было желаніе начать борьбу съ вольномысліемъ, съ равнодушіемъ къ православію и со склонностью къ католицизму, которая стала замѣчаться въ Москвѣ подъ вліяніемъ близкихъ отношеній съ Польшею.

Во главѣ академіи были поставлены греки, братья Софроній и Іоанникій Лихуды, присланные константинопольскимъ патріархомъ. Греческій языкъ, въ которомъ видѣли оплотъ православія противъ латинскихъ заблужденій, былъ положенъ въ основу преподаванія въ академіи. Лихуды, однако, дѣйствовали недолго. Они навлекли на себя чѣмъ-то неудовольствіе новаго патріарха Адріана и были отставлены въ 1694 г. Съ ихъ удаленіемъ академія пришла въ упадокъ. Ея внѣшность съ обрушившимся потолкомъ и развалившимися печами служила иллюстраціей и ея внутренняго состоянія. Петръ думалъ первоначально возстановить академію, расширивъ кругъ преподаваемыхъ въ ней наукъ, но потомъ бросилъ эту мысль. Въ первые годы реформы ему нужна была не богословская и не общеобразовательная школа съ преобладаніемъ риторики, ему нуженъ былъ мореплаватель, артиллеристъ, инженеръ, техникъ, дипломатъ, знающій языкъ и политику,—словомъ, человѣкъ, прошедшій профессіональную выучку для военной или гражданской службы. Съ этою цѣлью спеціальной подготовки къ службѣ открывается съ началомъ XVIII вѣка цѣлый рядъ учебныхъ заведеній. Для обученія навигацкой наукѣ молодые люди посылались за границу; но они являлись туда слишкомъ неподготовленными. Въ 1700 г. въ Москвѣ на Сухаревой башнѣ была открыта Навигацкая школа. Во главѣ ея былъ поставленъ вывезенный Петромъ въ Россію профессоръ Абердинскаго университета, Фарварсонъ, который обучалъ въ школѣ въ сотрудничествѣ съ двумя англичанами. Въ школу предписано было набирать дѣтей всѣхъ сословій отъ 12 до 17 лѣтъ, но затѣмъ, такъ какъ охотниковъ поступать въ школу оказывалось мало, стали принимать и 20-лѣтнихъ. Въ ней преподавались математическія науки: ариѳметика, геометрія, тригонометрія, геодезія, астрономія, навигація. Эта математическая навигацкая школа стала во главѣ цѣлой сѣти провинціальныхъ низшихъ математическихъ или, какъ ихъ стали называть, «цыфирныхъ» школъ. Когда въ Навигацкой школѣ стали кончать ученики, прошедшіе ея курсъ, они были разосланы по провинціямъ съ тѣмъ, чтобы завести при архіерейскихъ домахъ и значительныхъ монастыряхъ школы и обучать въ нихъ дѣтей всѣхъ сословій отъ 10 до 15 лѣтъ «цыфири и нѣкоторой части геометріи». Безъ свидѣтельства объ окончаніи курса въ такой школѣ священникамъ воспрещалось вѣнчать молодыхъ людей. Такихъ цыфирныхъ школъ было открыто до 42, а число набранныхъ въ нихъ учениковъ достигало 2000. Такимъ образомъ была заведена сѣть математическихъ школъ съ Навигацкою школою во главѣ. Навигацкая школа въ 1715 г. была переведена въ Петербургъ и получила названіе «Морской академіи», при чемъ она стала сословной: въ нее, какъ и въ другія основанныя тогда академіи, Инженерную и Артиллерійскую, стали приниматься лишь дѣти дворянства. Параллельно

съ сѣтью цыфирныхъ школъ создалась другая сѣть, духовныхъ училищъ. Съ конца XVII вѣка кое-гдѣ по епархіямъ просвѣщенные архіереи, преимущественно изъ малороссіянъ, по собственной иниціативѣ на свои средства заводили и содержали школы. Таковы были школы въ Ростовѣ, основанная въ 1702 г. митрополитомъ Дмитріемъ Ростовскимъ, въ Смоленскѣ, Рязани, Казани; въ особенности была обширно и хорошо устроена школа въ Новгородѣ, основанная митрополитомъ Іовомъ, пригласившимъ въ руководители ея отставленныхъ отъ академіи братьевъ Лихудовъ, которые и подняли преподаваніе въ этой школѣ на неизвѣстную другимъ школамъ высоту. Ученики новгородской школы Іова основали до 16 низшихъ школъ въ новгородской епархіи. Съ учрежденіемъ синода и изданіемъ Духовнаго регламента, въ 1721 г. учрежденіе епархіальныхъ школъ, бывшее до той поры дѣломъ частной иниціативы, стало обязательнымъ для всѣхъ архіереевъ и къ 1725 г. такихъ духовныхъ училищъ открыто было до 46. Учителями въ нихъ являлись кончившіе курсъ въ Московской Еллино-Славянской академіи, вновь оживленной и сдѣлав-





Желѣзная печать Петра Великаго, печать-перстень цар. Софьи и золотая, съ драгоцѣнными камнями печать в. кн. Анны Петровны.
Хранятся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

шейся окончательно богословскимъ учебнымъ заведеніемъ, которое и стало такимъ образомъ во главѣ сѣти духовныхъ школъ подобно тому, какъ Морская академія стояла во главѣ школъ цыфирныхъ. Въ Духовномъ регламентѣ, опредѣлявшемъ права и обязанности вновь учрежденнаго Синода, составитель его Ѳеофанъ Прокоповичъ даетъ проектъ устава духовной школы. Онъ изображалъ, такъ сказать, идеалъ школы, къ которому стремились духовныя училища, усвояя тѣ или другія стороны этого идеала. Ѳеофанъ широко ставилъ задачу обученія въ своемъ проектѣ и проводилъ

новый для того времени взглядъ на пріемы воспитанія. Въ программу духовной школы онъ вводилъ не только словесныя науки, какъ грамматику, логику съ діалектикой, риторику, философію и богословіе, но и математическія, какъ ариѳметику и геометрію, физику, и науки, имѣющія дѣло съ фактами, какъ исторію, географію, политику. Введеніе этихъ фактическихъ знаній направлено было противъ схоластики, господствовавшей тогда въ словесныхъ наукахъ и въ богословіи. Новый пріемъ воспитанія, вносимый Ѳеофаномъ въ духовную школу, заключался въ томъ, чтобы захватить ребенка въ раннемъ возрастѣ и совершенно оторвать его отъ окружающей грубой и невѣжественной среды, и передѣлать его натуру въ наглухо закрытыхъ стѣнахъ школы. Принимать дѣтей въ школу рекомендовалось не старше чѣмъ въ 10-лѣтнемъ возрастѣ, «ибо таковаго возраста дѣти еще не вельми обучилися злонравія и если обучилися, однакожъ не закрѣпли обычаемъ и можно таковыхъ нетрудно отучить». Первые три года школьникъ совсѣмъ не долженъ былъ видаться съ родными; впослѣдствіи разрѣшается отпускать его къ роднымъ, но не чаще, чѣмъ два раза въ годъ, и не больше, какъ на 7 дней каждый разъ. Общежитіе учениковъ въ школѣ строго закрытое, устроено «образомъ монастыря». Регламентъ предписывалъ каждому ученику мѣсто отвести при стѣнѣ, гдѣ «стоитъ его кроватка складная; такоже шкафъ на книги и иныя вещицы и стуликъ для сидѣнія». Жизнь идетъ по строжайшему расписанію, опредѣляемому звономъ «колокольца», который возвѣщалъ время всякому дѣлу и покою: когда спать ложиться, когда вставать, молиться, учиться, итти за трапезу и пр. Ежедневно полагалось на прогулку два часа послѣ обѣда и ужина, при чемъ ученики должны были упражняться въ играхъ, «честныхъ и тѣлодвижныхъ». Для развлеченія за столомъ устраиваются чтенія исторій воинскихъ и церковныхъ или играетъ музыка. Дважды въ годъ монотонность школьной жизни нарушается устройствомъ торжествъ: диспутовъ, комедій или риторскихъ экзерцицій, цѣль которыхъ развить въ ученикахъ «честную смѣлость», какая требуется для предстоявшей имъ дальнѣйшей дѣятельности,—проповѣди слова Божія. «Таковое молодыхъ человѣкъ житіе,—говоритъ регламентъ,—кажется быть заключенію плѣнническому подобное», но оно окажется сладкимъ всякому, кто къ нему привыкнетъ. Во главѣ академіи стоитъ ректоръ; за поведеніемъ учениковъ наблюдаетъ «префектъ», который назначается изъ людей, хотя и неученыхъ, «обаче честнаго житія, человѣкъ не вельми свирѣпый и не меланхоликъ». Префектъ могъ наказывать «малыхъ розгою, а большихъ—словомъ укоризненнымъ». Только уже если ученикъ упорно не поддается воздѣйствію этихъ средствъ, окажется «дѣтина непобѣдимой злобы», тогда его можно подвергнуть исключенію. Такая система воспитанія должна оказать

на природу воспитанника самое благотворное вліяніе и въ корнѣ передѣлать его нравъ: «дитя, аще и тигръ нравомъ будетъ,—пишетъ Ѳеофанъ,—агнчую тамо (въ школѣ) воспріемлетъ кротость».

Итакъ, при Петрѣ впервые возникло и было распространено школьное образованіе. Почти въ каждомъ провинціальномъ городѣ оказалось двѣ школы: свѣтская и духовная. Сѣть духовныхъ школъ оказалась крѣпче и прочнѣе сѣти школъ свѣтскихъ. Духовныя школы не прекращали своего существованія, изъ нихъ возникли позднѣйшія епархіальныя семинаріи. Будучи болѣе сильной, духовная школа въ значительной мѣрѣ парализовала цыфирную. Цыфирныя школы стали пустѣть и въ 1727 г. въ нихъ уже считалось всего только 500 учениковъ. Онѣ потомъ закрывались или переходили въ гарнизонныя школы для солдатскихъ дѣтей, выпуская тѣхъ «Цыфиркиныхъ», которые появлялись въ барскихъ усадьбахъ въ качествѣ учителей математики. Между той и другой школой завязывалась борьба за учениковъ. Не слѣдуетъ забывать, что отношенія школы къ ученику и ученика къ школѣ въ то время не были похожи на теперешнія. Школа разсматривалась какъ служба или какъ предварительная ступень къ службѣ. Ученики во время прохожденія курса получали жалованье и подвергались здѣсь тѣмъ наказаніямъ, которыя грозили за неисправности по службѣ. Ихъ приходилось вербовать въ школу насильно и насильно тамъ удерживать. «Недоросль» того времени, проведшій дѣтство въ деревенскомъ привольѣ, не знавшій никакихъ стѣсненій и вдругъ попавшій подъ суровую дисциплину школы, обязанный все дѣлать по звону колокольца, конечно, чувствовалъ себя въ стѣнахъ школы, какъ птица въ клѣткѣ, и при удобномъ случаѣ обнаруживалъ стремленіе бѣжать. Въ каждой школѣ значительный процентъ учениковъ оказывался въ «бѣгахъ», подобно тому, какъ и въ спискахъ служилыхъ людей всегда оказывались «нѣтчики». Противъ фамилій нѣкоторыхъ учениковъ духовныхъ школъ ставилась отмѣтка «semper fugitiosus», т.-е. всегда обнаруживаетъ склонность къ побѣгу. Школа отталкивала отъ себя своими жестокими педагогическими пріемами. По уставу даже дворянской Морской академіи въ каждомъ классѣ вмѣстѣ съ учителемъ долженъ былъ находиться солдатъ изъ отставныхъ съ длиннымъ хлыстомъ въ рукахъ, которымъ онъ возбуждалъ вниманіе учащихся и тутъ же расправлялся съ провинившимися. Тогдашнія руководства были мало понятны, а тѣлесныя наказанія грозили на каждомъ шагу. Не ограничиваясь организаціей школы, Петръ много заботился и о книгѣ. Постоянно по его повелѣнію писались, переводились, издавались и распространялись въ публику разнаго рода книги, между прочимъ, и различныя учебныя руководства, отъ научныхъ сочиненій до простыхъ букварей включительно. Они отличались значительною трудностью тѣхъ опредѣленій, которыя они давали и были часто непонятны ученикамъ.

Петра Великаго менѣе всего можно назвать соціальнымъ реформаторомъ и если, однако, въ соціальный строй русскаго общества внесены были значительныя перемѣны законодательствомъ Петра, то эти перемѣны были обыкновенно косвенными послѣдствіями и иногда даже неожиданными результатами законовъ, изданныхъ совсѣмъ съ другими цѣлями и не имѣвшихъ въ виду соціальныхъ преобразованій. Такъ перемѣны въ положеніи крестьянства, холопства и нѣкоторыхъ группъ вольныхъ людей были косвенными послѣдствіями введенія подушной подати, мѣры, принятой въ фискальныхъ интересахъ, а не въ цѣляхъ соціальнаго переустройства. То же надо сказать и относительно служилаго класса. Наименьшій успѣхъ имѣли тѣ законы относительно этого класса, которые отличались именно соціальнымъ характеромъ, и, наоборотъ, наибольшее вліяніе на положеніе дворянства оказали законы, имѣвшіе въ виду государственную службу и фискальные интересы. Обязательная военная служба и землевладѣніе на помѣстномъ и вотчинномъ правѣ — таковы двѣ черты, съ которыми служилый классъ вступаетъ въ XVIII вѣкъ. Разсмотримъ перемѣны, которыя произошли съ нимъ въ его двухъ значеніяхъ: служиломъ и землевладѣльческомъ.

Служилая обязанность достигла при Петрѣ наибольшей степени напряженія. Почти все царствованіе прошло въ войнахъ. Была заведена регулярная армія, которая отличалась отъ прежняго ополченія не только тѣмъ, что состояла изъ регулярно обученныхъ полковъ, но и тѣмъ, что была постоянной и ея контингентъ не распускался по домамъ во время антрактовъ между походами, какъ это бывало прежде. Ставъ напряженнѣе, служба сдѣлалась также и сложнѣе. Къ сухопутной службѣ присоединилась со времени постройки флота и морская, считавшаяся особенно тяжелою и особенно нелюбимая дворянами: въ 1730 г. они единодушно просили освобожденія отъ нея. Регулярная армія и флотъ предъявляли и болѣе высокія и сложныя требованія къ служилому персоналу. Прежде отъ дворянъ, являвшихся на службу, требовалось только, чтобы они пріѣзжали «конны, людны и оружны». Теперь этого было мало, и они были обязаны являться съ нѣкоторой образовательной подготовкой. Такимъ образомъ служба была отягчена еще обязательнымъ обученіемъ, которое разсматривалось такъ же, какъ служебная повинность.

Самый порядокъ прохожденія службы былъ измѣненъ при Петрѣ знаменитымъ закономъ 24 января 1722 г., такъ называемой «Табелью о рангахъ». Это одинъ изъ наиболѣе обильныхъ послѣдствіями указовъ Петра и одинъ изъ самыхъ прочныхъ. Въ главныхъ чертахъ онъ сохраняется и до нашего времени. Его значеніе заключается въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, онъ отдѣлялъ военную службу отъ гражданской, устанавливая для каждой особые чины. Во-вторыхъ, указъ 24 января 1722 г. распредѣлялъ всѣ

должности государственной службы на 14 классовъ, или ранговъ, которые каждый служилый человѣкъ долженъ былъ проходить, начиная съ низшихъ. Высшими чинами по табели были генералъ-фельдмаршалъ, генералъ-адмиралъ и государственный канцлеръ; низшими: фендрикъ, мичманъ и коллежскій регистраторъ. Съ теченіемъ времени названія должностей, расписанныя въ табели, обратились въ почетныя наименованія, но лѣстница изъ 14 ступеней не утратила своего значенія и до сихъ поръ. Это расписаніе всѣхъ должностей на 14 классовъ, которые должны были проходиться послѣдовательно каждымъ служилымъ человѣкомъ, какого бы знатнаго происхожденія онъ ни былъ, вносило новый принципъ въ служебное движеніе: на мѣсто породы оно выдвигало начало личной заслуги. Прежде сынъ знатнаго боярина начиналъ свою карьеру прямо съ одного изъ высшихъ чиновъ, обыкновенно со стольника, тогда какъ незнатный уѣздный сынъ боярскій рѣдко поднимался далѣе второй, третьей ступени чиновной лѣстницы, заканчивая

Оттиски печатей Петра Великаго, царевны Софьи и вел. княгини Анны Петровны. (См. страницу 261).

свою карьеру въ чинѣ городового дворянина, жильца или стряпчаго. Теперь знатность происхожденія не должна была играть роли въ службѣ, и дѣти знатныхъ дворянъ должны были начинать карьеру съ первыхъ ступеней, а дѣтямъ незнатныхъ не закрыты были высшія. Движеніе по ступенямъ должно было совершаться по мѣрѣ выслуги опредѣленнаго числа лѣтъ или особыхъ заслугъ. Наконецъ, въ третьихъ—и это былъ, пожалуй, наиболѣе важный ея пунктъ—табель о рангахъ открывала широкій доступъ въ дворянство людямъ изъ другихъ общественныхъ классовъ. Каждый, дослужившійся до перваго оберъ-офицерскаго чина въ военной службѣ или до VIII кл. въ гражданской, причислялся вмѣстѣ съ дѣтьми, рожденными послѣ полученія этого чина, къ дворянству. Этотъ параграфъ открылъ притокъ въ дворянство худородныхъ элементовъ, и притокъ этотъ оказался, благодаря расширившемуся при Петрѣ спросу на служилыхъ людей, настолько значителенъ, что черезъ полстолѣтія въ Екатерининской комиссіи дворянство усиленно просило отмѣнить этотъ параграфъ табели, съ тревогой смотря на соперничество выслу-

жившихся худородныхъ элементовъ. Онъ демократизировалъ дворянство. Благодаря его дѣйствію къ XIX вѣку лучшія дворянскія фамиліи растворялись въ массѣ выслужившагося приказнаго люда, и такимъ образомъ повторилось то же явленіе, какое имѣло мѣсто на рубежѣ XVII и XVIII вв., когда на мѣсто боярства становилось болѣе худородное и экономически менѣе состоятельное дворянство. Къ XIX в. на мѣсто дворянства становилась еще болѣе худородная и экономически еще менѣе состоятельная приказно-дворянская смѣсь, наполняющая собою всю нашу государственную службу. Эти перемѣны въ соціальномъ составѣ служилаго класса происходятъ въ совершенномъ соотвѣтствіи съ перемѣнами, пережитыми государствомъ. Средневѣковая вотчина московскихъ государей управлялась при посредствѣ дворовыхъ людей, предъявлявшихъ наслѣдственныя права на извѣстныя должности; полицейское государство, какимъ все болѣе становилась Россія съ XVIII в., выдвинуло для своихъ услугъ послушную бюрократію, не считавшуюся съ происхожденіемъ.

Для поддержанія хозяйственнаго положенія служилаго класса, какъ и другихъ, былъ изданъ знаменитый указъ 23 марта 1714 г. о единонаслѣдіи, неправильно называемый иногда закономъ о майоратѣ. Дробленіе недвижимой собственности при переходахъ ея по наслѣдству давало себя чувствовать къ концу XVII в., являясь причиной обѣднѣнія первостепенныхъ аристократическихъ фамилій. По писцовымъ книгамъ XVII в. все рѣже случаи, когда село или деревня входятъ въ цѣломъ видѣ въ составъ одного помѣстья или вотчины. Къ концу вѣка села и деревни дробятся на «жеребьи», попадающіе въ разныя руки, благодаря наслѣдственному дробленію. Вопросъ объ измѣненіяхъ въ наслѣдственномъ правѣ сталъ занимать Петра еще задолго до 1714 года. Въ одной изъ его записныхъ книжекъ, относящейся еще къ 1701 г., стоятъ замѣтки: «о наслѣдствѣ первыхъ сыновъ» и «о наслѣдствѣ первыхъ». Его заинтересовалъ порядокъ наслѣдованія на западѣ, и около того же времени извѣстному Брюсу было поручено доставить описаніе законовъ шотландскихъ, англійскихъ и французскихъ о наслѣдствѣ, что тотъ и исполнилъ. Вопросъ, однако, не получилъ тогда разрѣшенія, но въ 1711 г. Петръ опять вернулся къ нему, поручивъ вновь доставить ему изъ посольскаго приказа свѣдѣнія о французскихъ, англійскихъ и венеціанскихъ законахъ наслѣдства. Ознакомившись съ положеніемъ дѣла на западѣ, онъ издалъ 23 марта 1714 г. указъ о единонаслѣдіи. По этому указу всякое недвижимое имущество, т.-е. деревни, городскіе дворы, лавки, становится неотчуждаемымъ: запрещено его продавать и закладывать. Недвижимое имущество переходитъ по наслѣдству двумя путями: по завѣщанію и по закону. Въ первомъ случаѣ завѣщатель можетъ передать недвижимость только одному изъ своихъ сыновей по выбору. Если у завѣщателя нѣтъ сыновей, а остаются только дочери,

то онъ точно такъ же можетъ завѣщать недвижимость только одной изъ нихъ по выбору. Движимымъ имуществомъ завѣщатель можетъ распоряжаться по своему усмотрѣнію. Во второмъ случаѣ, т.-е. при отсутствіи завѣщанія, недвижимое имущество переходитъ къ старшему сыну, если же нѣтъ сыновей, то къ старшей дочери. Наконецъ, если наслѣдодатель бездѣтенъ, то—къ ближайшему родственнику. Движимое дѣлится въ этомъ случаѣ между наслѣдниками на прежнемъ основаніи. Слѣдуетъ отмѣтить, что законъ 23 марта 1714 г. касался не одного только служилаго класса, а простиралъ свое дѣйствіе на всѣ классы русскаго общества, имѣвшіе недвижимость, въ чемъ бы она ни заключалась. Онъ одинаково имѣетъ въ виду, какъ служилыя имѣнія, такъ и посадскіе дворы и лавки. Нетрудно, однако, замѣтить, что, издавая этотъ законъ, Преобразователь имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, служилый классъ, положеніе котораго указъ 23 марта 1714 г. долженъ былъ упрочить. Это видно изъ того поучительнаго введенія, которое царь написалъ къ новому закону. Глава первая введенія посвящена указанію тѣхъ убытковъ, которые терпитъ отъ существующаго порядка государственное казначейство. Она озаглавлена: «О податяхъ». «Напримѣръ, — пишетъ царь,—ежели кто имѣлъ тысячу дворовъ и пять сыновъ—имѣлъ домъ довольный, трапезу славную, обхожденіе съ людьми ясное; когда по смерти его раздѣлится дѣтямъ его, то ужъ только по двѣсти дворовъ достанется, которые, помня славу отца своего и честь рода, не захотятъ сиро жить, но каждый ясно—то ужъ съ бѣдныхъ подданныхъ (крестьянъ) будетъ пять столовъ, а не одинъ, и двѣсти дворовъ принуждены будутъ едва не то же нести, какъ тысяча несла, отчего не разоренья ли суть людямъ и вредъ интересамъ государственнымъ? Ибо податей такъ исправно не могутъ платить 200 дворовъ въ казну и помѣщику, какъ тысяча дворовъ... Итакъ,— заключаетъ авторъ,—отъ того раздѣленія казнѣ государственной великій есть вредъ, а людямъ подлымъ разоренье». Глава II озаглавлена: «О фамиліяхъ». Въ этой главѣ авторъ объясняетъ раздѣлами при наслѣдствѣ упадокъ знатныхъ фамилій. «Размножаясь и дѣлясь, — говоритъ онъ, — знатная фамилія — поселяне будутъ, какъ уже много тѣхъ экземпелей (образовъ) есть въ Россійскомъ народѣ». Наконецъ III глава носитъ названіе: «О непотребности». Царь доказываетъ здѣсь, что младшіе члены дворянскихъ фамилій, въ случаѣ обезпеченія наслѣдствомъ, не будутъ искать никакихъ занятій, какъ частныхъ, такъ и на государственной службѣ. На послѣднюю они и не пойдутъ безъ принужденія. «Отъ нихъ нѣтъ никакой пользы для государства, но всякій изъ нихъ ищетъ уклоняться отъ занятій и жить въ праздности, которая (по св. писанію) матерію есть всѣхъ злыхъ дѣлъ».

Отъ новаго закона царь ожидаетъ самыхъ благихъ послѣдствій. Крестьянство не будетъ терпѣть притѣсненій, сосредоточи-

ваясь подъ властью крупныхъ, вполнѣ обезпеченныхъ землевладѣльцевъ; государственные доходы будутъ поступать въ казну исправно. Постоянно будутъ существовать аристократическія фамиліи, которыя «не будутъ упадать, но въ своей ясности непоколебимы будутъ, чрезъ славные и великіе домы». Наконецъ, младшіе сыновья, «кадеты», не обезпеченные наслѣдственнымъ достояніемъ, принуждены будутъ снискивать себѣ пропитаніе собственнымъ трудомъ на различныхъ поприщахъ дѣятельности: службой, ученьемъ, торговлей, и въ лицѣ ихъ государство получитъ работниковъ, которые такъ необходимы были верховному работнику въ эпоху реформы. Изъ младшихъ сыновей, занятыхъ торговлею, промышленностью разнаго вида и либеральными профессіями, должна была возникнуть и развиться трудолюбивая, дѣятельная и расчетливая буржуазія, подобная западному третьему сословію.

Указъ 23 марта 1714 г. не принесъ, однако, практическихъ результатовъ, которые отъ него ожидались. Онъ не создалъ ни землевладѣльческой аристократіи, ни предпріимчиваго третьяго сословія. Онъ былъ принятъ дворянствомъ съ крайнимъ неудовольствіемъ, всячески обходился на практикѣ и былъ отмѣненъ при Аннѣ въ 1730 г. по единодушной просьбѣ дворянской массы, которой онъ былъ невыгоденъ. Крупное дворянство справлялось съ нимъ легко, выдавая младшимъ сыновьямъ деньги, въ рукахъ же дворянской мелкоты земля была единственнымъ капиталомъ. Законъ дѣйствовалъ слишкомъ незначительное время, чтобы произвести какія-нибудь замѣтныя измѣненія въ жизни. Неуспѣхъ его понятенъ. По духу своему онъ слишкомъ противорѣчилъ другимъ мѣрамъ Петра относительно дворянства: онъ долженъ былъ аристократизировать это дворянство, дѣйствуя параллельно съ табелью о рангахъ, которая, наоборотъ, демократизировала дворянство. Ясно, что изъ двухъ противоположно дѣйствующихъ мѣръ одна должна была оказаться недѣйствительной, если только онѣ взаимно не уничтожали одна другую. Но законъ 1714 г. шелъ слишкомъ въ разрѣзъ съ вѣковыми обычаями, чтобы расчитывать на какой-либо успѣхъ въ борьбѣ съ табелью о рангахъ, которая, наоборотъ, являлась завершеніемъ задолго до нея начавшагося процесса демократизаціи дворянства.

VIII.

Административная реформа.

Петръ не разъ перестраивалъ государственныя учрежденія, приспосабливая ихъ къ новымъ задачамъ. Въ теченіе всего его царствованія шла усиленная ломка старыхъ и возведеніе новыхъ учрежденій, которыя, едва возникнувъ, скоро иногда опять ломались и замѣнялись другими. Въ общемъ, однако, въ реформѣ учре-

жденій Петра можно отмѣтить два главные періода: первый 1699 — 1715 гг. и второй съ этого года, когда задумано и рѣшено было широкое преобразованіе всего центральнаго и областного управленія. Въ этихъ двухъ реформахъ можно отмѣтить значительныя различія. Въ первомъ періодѣ реформа проводится безъ общаго плана, урывками, безъ опредѣленной послѣдовательности, отвѣчая на запросы текущей нужды. Во второмъ — учрежденія перестраиваются по общему, заранѣе обсуждаемому плану. Далѣе, въ первомъ періодѣ преобразованія служатъ непосредственнымъ, органическимъ продолженіемъ эволюціи учрежденій XVII в.; во второмъ учрежденія сознательно заимствуются съ запада, преимущественно изъ Швеціи.

Мы, однако, будемъ держаться не хронологическаго порядка въ изложеніи административной реформы, а систематическаго, постараемся изобразить не ходъ реформы, а достигнутые ею результаты. Начнемъ изображеніе съ высшихъ государственныхъ учрежденій.

При Петрѣ на мѣсто боярской думы московскихъ государей сталъ сенатъ. Боярская дума XVII в. была постояннымъ совѣтомъ при государѣ, она состояла изъ всѣхъ лицъ, принадлежавшихъ къ первымъ тремъ чинамъ московской служилой іерархіи, т.-е. изъ бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ. Со второй половины XVII в. составъ членовъ думы постепенно суживается: постоянныя и принимающія обширные размѣры войны, дипломатическія сношенія и расширеніе сферы внутренняго управленія, благодаря пріобрѣтеніямъ новыхъ территорій, отвлекаютъ отъ нея все большее число ея членовъ на театръ военныхъ дѣйствій, въ посольства и на воеводства, и съ теченіемъ времени дума составляется только изъ тѣхъ бояръ, которые привязаны къ столицѣ самымъ родомъ своей службы, именно изъ начальниковъ приказовъ. Дума постепенно обращается въ «совѣтъ министровъ», какъ пришлось бы намъ выразиться, если бы мы захотѣли обозначить эту перемѣну современными намъ понятіями; боярская дума первыхъ московскихъ царей незамѣтно переходитъ въ боярскую «министерскую консилію» первыхъ годовъ царствованія Петра.

Но и боярская консилія дѣйствовала недолго. Разъ она была съѣздомъ начальниковъ приказовъ, то очевидно, что когда приказы стали закрываться съ раздѣленіемъ Россіи на губерніи, въ 1708 г., и съ передачей губерніямъ тѣхъ дѣлъ, которыя вѣдались приказами, съѣздъ начальниковъ приказовъ долженъ былъ прекратиться.

Являлась потребность создать на мѣсто консиліи центральное учрежденіе для надзора и руководства губерніями. Въ особенности настоятельно заявила себя эта потребность въ то время, когда Петръ въ первый разъ по учрежденіи губерній собирался покинуть столицу надолго, уѣхать за предѣлы Россіи и тамъ подвергнуться всѣмъ случайностямъ войны, т.-е. когда онъ отправлялся на войну съ Турціей, въ началѣ 1711 г.

Почти наканунѣ отъѣзда Петра въ армію, куда онъ отправился 6 марта, и былъ изданъ указъ объ учрежденіи сената— 22 февраля. Указъ написанъ со свойственнымъ Петру лаконизмомъ и настолько важенъ для пониманія, какъ создавались петровскія учрежденія, что его необходимо привести цѣликомъ: «Указъ объявить послѣдующій,—пишетъ Петръ.—Опредѣлили быть для отлучекъ нашихъ Правительствующій сенатъ для управленія; господинъ графъ Мусинъ-Пушкинъ, господинъ Стрѣшневъ, господинъ князь Михайла Долгорукій, господинъ Племянниковъ, господинъ князь Григорій Волконскій, господинъ Самаринъ, господинъ Василій Апухтинъ, господинъ Мельницкой. Оберъ-секретарь сего сената Анисимъ Щукинъ». Этимъ взмахомъ пера было создано верховное учрежденіе, которое должно было сосредоточить въ своихъ рукахъ всю огромную массу государственныхъ дѣлъ, входившихъ въ кругъ дѣйствій верховной власти.

Уже съ первыхъ дней практики сената представилось множество вопросовъ, для разрѣшенія которыхъ послѣдовалъ рядъ дополнительныхъ указовъ въ первыхъ числахъ марта 1711 г. По всѣмъ этимъ указамъ сенатъ получилъ слѣдующую организацію: онъ состоялъ изъ 9-ти членовъ; дѣла должны были рѣшаться единогласно (рѣшеніе по большинству голосовъ введено только въ 1714 г.); если одинъ сенаторъ не былъ согласенъ съ мнѣніемъ остальныхъ, его несогласіе останавливало рѣшеніе, но въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ изложить свое особенное мнѣніе письменно, и это было хорошимъ средствомъ побужденія къ согласію сенаторовъ, изъ которыхъ одинъ не умѣлъ подписать даже свою фамилію. Власть сената въ отсутствіе государя замѣняла его власть. «Сенату, — пишетъ Петръ въ одномъ изъ указовъ,—всякъ да будетъ послушенъ такъ, какъ намъ самому». Если бы кто замѣтилъ, что сенатъ въ какомъ-нибудь дѣлѣ поступилъ «черезъ принесенное предъ Богомъ обѣщаніе», долженъ, однако, молчать до возвращенія государя — тогда только донести, и лишь тогда слѣдовало виновному наказаніе. Такимъ образомъ, сенатъ за неправыя дѣйствія отвѣтственъ предъ государемъ, въ противоположность прежней боярской думѣ. При этомъ особенно сказывается ихъ разница: дума дѣйствуетъ постоянно съ государемъ, а потому не несетъ отвѣтственности, сенатъ дѣйствуетъ, какъ приказчикъ, которому хозяинъ, уѣзжая, довѣрилъ всѣ свои дѣла: онъ на строгомъ отчетѣ у хозяина. Дѣятельность сената должна была удовлетворять тѣмъ потребностямъ, ради которыхъ онъ созданъ. Ему поручено руководство губернскимъ управленіемъ. Съ другой стороны, сенату былъ порученъ надзоръ за исполненіемъ закона всѣми правительственными мѣстами и лицами въ государствѣ. Этотъ контроль сенатъ производилъ посредствомъ особой, при немъ состоявшей, системы фискаловъ. При сенатѣ долженъ былъ постоянно находиться оберъ-фискалъ; ему подчинены провинціалъ-фискалы,

Указъ Петра Великаго 22 февраля 1711 г. объ учрежденіи Сената.

«Указъ объявить последующей. Определили быть для отлучекъ нашихъ провителствуюшііі сенатъ для упъравъления. Господинъ граѳъ Мусинъ Пушкинъ. Господинъ Стрешнеѳъ. Господинъ кнезь Петръ Голицынъ. Господинъ к. Михайла Долгорукой. Господинъ Племяникоѳъ. Господинъ Самаринъ. Господинъ Василей Апухьтинъ. Господинъ Мелницкой. Оборъ-секъретарь сего сената Анисимъ Щукинъ».

№ 16:

находящіеся въ областяхъ; каждому провинціалъ-фискалу, въ свою очередь, подчинено по нѣскольку простыхъ фискаловъ. Ихъ обязанность состояла въ томъ, чтобы надсматривать и провѣдывать, не производитъ ли кто неправаго суда, не расхищаетъ ли казны и т. д. и, если замѣтитъ что-либо такое, то привлекать виновнаго къ суду. Въ вознагражденіе за доносъ фискалъ получалъ половину судебнаго штрафа съ уличеннаго; за неправильный доносъ, сдѣланный безъ злого умысла, фискалъ отвѣтственности не подвергался. Впослѣдствіи Петръ обѣщалъ фискаламъ особое покровительство, сознаваясь, что чинъ фискала «тяжелъ и ненавидимъ».

Въ 1718 г. былъ изданъ указъ, точнѣе опредѣляющій составъ, права и обязанности сената. Сенатъ теперь долженъ былъ состоять изъ президентовъ коллегій. Вскорѣ, однако, въ этомъ оказалось большое неудобство: сенатъ, какъ высшее учрежденіе въ государствѣ, долженъ былъ имѣть надзоръ за всѣми другими учрежденіями, также и за коллегіями. Такимъ образомъ выходило, что президенты коллегій должны были контролировать самихъ себя. Кромѣ того, президенты коллегій были слишкомъ заняты въ этихъ послѣднихъ, такъ что у нихъ не хватало времени на засѣданія въ сенатѣ. Въ 1722 г. Петръ сознался въ этой ошибкѣ, которую рѣшилъ исправить назначеніемъ новыхъ президентовъ въ коллегіи. Только президенты трехъ коллегій: военной, адмиралтейской и иностранныхъ дѣлъ, сохранили за собою право засѣдать въ сенатѣ. Измѣнилась и компетенція сената,—она теперь была сужена. По мысли Петра, проведенной въ указахъ 1711 г., сенатъ учреждался для замѣны самой особы монарха во время его отлучекъ, поэтому ему предоставлялась вся широта верховной власти: законодательной, исполнительной и судебной. Въ концѣ 1721 г. послѣ заключенія Ништадтскаго мира, когда явилась возможность думать, что монарху не придется болѣе отвлекаться войною, право законодательства отнимается у сената. Онъ не можетъ издавать законовъ, хотя за нимъ оставлено самое широкое участіе въ законодательной дѣятельности путемъ составленія и представленія государю проектовъ закона. На практикѣ сенатъ никогда не пользовался всею широтою верховной власти, даже и въ отсутствіе государя. Онъ не издавалъ сколько-нибудь важныхъ законовъ безъ Петра, не велъ иностранной политики и не управлялъ военными дѣйствіями. Во всей своей разнообразной дѣятельности онъ неизмѣнно хранилъ одну и ту же главную черту: онъ былъ ближайшимъ исполнителемъ порученій государя. Въ области судебной онъ разсматривалъ въ качествѣ первой или высшей инстанціи судебныя дѣла, которыя разсмотрѣть ему поручалось въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ государемъ. Въ области администраціи въ собственномъ смыслѣ онъ являлся ближайшимъ исполнителемъ высочайшихъ распоряженій, передавая ихъ въ коллегіи и области, наблюдая за ихъ исполненіемъ и руководя имъ

Въ 1722 г. была учреждена при сенатѣ должность генералъ-прокурора. Въ рукахъ генералъ-прокурора сосредоточивались три главныя обязанности: во-первыхъ, онъ сдѣлался главнымъ начальникомъ сенатской канцеляріи, гдѣ два оберъ-секретаря исполняли роль его помощниковъ; во-вторыхъ, ему былъ порученъ надзоръ за дѣятельностью самого сената. Въ сенатѣ, когда государь не присутствовалъ, предсѣдателя не было, и затрудненія, вызванныя отсутствіемъ надзора за порядкомъ въ засѣданіи, доставили Петру много хлопотъ. Нравы были таковы, что приходилось дѣлать сенаторамъ замѣчанія, что надлежитъ себя вести какъ государственнымъ людямъ, а не какъ «бабамъ-торговкамъ». Отсюда рядъ попытокъ разрѣшить этотъ, постоянно выдвигаемый практикою, вопросъ. Въ 1715 г. былъ назначенъ при сенатѣ особый генералъ-ревизоръ, В. Н. Зотовъ; онъ долженъ былъ садиться во время засѣданій сената за особымъ столомъ и наблюдать за порядкомъ, вести протоколъ засѣданій и смотрѣть за исполненіемъ сенатскихъ указовъ. Но Зотовъ исполнялъ свои обязанности какъ-то вяло, и самая должность генералъ-ревизора была черезъ три года уничтожена. Его обязанности возложены были на оберъ-секретаря сената Анисима Щукина. Ему поручалось наблюдать, чтобы «въ сенатѣ все было дѣлано порядочно и суетныхъ разговоровъ, крика и прочаго не было», чтобы дѣла рѣшались по опредѣленному порядку, какъ они записаны въ реестрѣ. Прочтя дѣло, оберъ-секретарь долженъ былъ дать сенаторамъ на размышленіе и обсужденіе полчаса. Для измѣренія времени онъ имѣлъ особые песочные часы. Въ случаѣ, если бы дѣло было очень трудно и притомъ неотложно, онъ по просьбѣ сенаторовъ могъ прибавлять имъ по получасу, но такъ, чтобы всего на обсужденіе дѣла пошло не болѣе трехъ часовъ, по истеченіи которыхъ обязанъ былъ поднести каждому изъ сенаторовъ бумагу и чернила и потребовать написать мнѣніе. Если бы онъ встрѣтилъ въ этомъ требованіи отказъ, то долженъ былъ бросить все и итти съ докладомъ къ государю или въ его отсутствіе послать письменное донесеніе. Но и оберъ-секретарь не удовлетворилъ Петра, да онъ и не могъ этого сдѣлать, такъ какъ данное порученіе поставило его въ противорѣчіе: онъ въ одно и то же время былъ подчиненъ сенату, какъ начальникъ его канцеляріи, съ котораго сенатъ имѣлъ право производить взысканія, и долженъ былъ имѣть надзоръ надъ тѣмъ учрежденіемъ, которому былъ подчиненъ. Вскорѣ Петръ отмѣнилъ этотъ порядокъ, и надзоръ за дѣятельностью сената былъ порученъ штабъ-офицерамъ гвардіи, которые должны были дежурить по очереди въ засѣданіяхъ сената, каждый въ теченіе мѣсяца. Они должны были смотрѣть, чтобы сенатъ поступалъ во всемъ по данной ему инструкціи, въ случаѣ отступленія отъ нея три раза напомнить о ней; если же сенатъ послѣ троекратнаго напоминанія продолжалъ

стоять на своемъ, — донести государю. «А ежели кто изъ сенаторовъ,—энергично прибавляетъ наказъ, данный штабъ-офицерамъ,— станетъ браниться или невѣжливо поступать, такого арестовать и отвесть въ крѣпость». Разумѣется, такой военный порядокъ не былъ сообразенъ съ достоинствомъ верховнаго мѣста имперіи и тоже вскорѣ былъ отмѣненъ. Для надзора за сенатомъ былъ тогда назначенъ генералъ-прокуроръ П. И. Ягужинскій. Онъ былъ независимъ отъ сената и подсуденъ только императору. Генералъ-прокурсръ созываетъ сенаторовъ въ засѣданія, наблюдаетъ за исправностью посѣщенія ихъ сенаторами, разрѣшаетъ имъ отлучки и во время засѣданія исполняетъ предсѣдательскія обязанности. Онъ же является посредникомъ между императоромъ и сенатомъ.

Третьей обязанностью, возложенной на генералъ-прокурора, былъ надзоръ за дѣятельностью всѣхъ правительственныхъ мѣстъ въ имперіи. Въ его рукахъ были два орудія, посредствомъ которыхъ онъ и дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи. Во-первыхъ, ему подчиненъ былъ институтъ фискаловъ съ оберъ-фискаломъ во главѣ. Во-вторыхъ, во всякой коллегіи и во всѣхъ высшихъ судахъ учреждены были прокуроры, подчиненные генералъ-прокурору. Отношенія прокурора къ коллегіи напоминаютъ отношенія генералъ-прокурора къ сенату. Прокуроръ коллегіи долженъ былъ наблюдать, чтобы коллегія не нарушала закона, и если она это дѣлала, обязанъ былъ донести генералъ-прокурору. Дѣйствуя посредствомъ обоихъ этихъ орудій, генералъ-прокуроръ и былъ «око царево и стряпчій о дѣлахъ государственныхъ». При генералъ-прокурорѣ въ качествѣ помощника состоялъ оберъ-прокуроръ, который замѣнялъ его въ случаѣ отсутствія.

Слѣдующую за сенатомъ ступень въ управленіи занимали коллегіи. Система коллегій покоилась на основѣ стройнаго расчлененія частей и уничтожала прежнюю путаницу въ управленіи. Реформа прежде всего вносила бóльшую отчетливость въ раздѣленіе центральнаго управленія отъ областного. Затѣмъ она распредѣляла все управленіе на извѣстныя вѣдомства по одному общему признаку, по роду дѣлъ. По правильности распредѣленія дѣлъ между коллегіями Петра ихъ едва ли превзошли позднѣйшія министерства, созданныя такимъ великимъ логикомъ, какимъ былъ Сперанскій. Три коллегіи вѣдали внѣшнія отношенія государства: коллегія иностранныхъ дѣлъ — дипломатическія, военная и адмиралтейская коллегія — военныя; три коллегіи управляли государственными финансами: камеръ-коллегія собирала доходы, штатсъ-конторъ-коллегія играла роль государственнаго казначейства и завѣдывала государственными расходами; ревизіонъ-коллегія соотвѣтствовала теперешнему нашему вѣдомству государственнаго контроля; слѣдующія три коллегіи стали во главѣ

промышленности и торговли, это были: мануфактуръ-коллегія, вѣдавшая фабрики, бергъ-коллегія, вѣдавшая горное и рудное дѣло, и коммерцъ-коллегія, вѣдавшая торговлю. Наконецъ, юстицъ-коллегія вѣдала судебную часть.

Коллегіальное устройство было также новостью для Россіи. Правда, уже въ прежнее время управленіе иными приказами или воеводство въ наиболѣе важныхъ областяхъ поручалось иногда нѣсколькимъ лицамъ совмѣстно, напр., боярину съ окольничимъ и думнымъ дьякомъ или окольничему со стольникомъ и дьякомъ, но коллегіальнаго порядка, т.-е. коллективныхъ органовъ, рѣшающихъ дѣла по большинству голосовъ, не было. Какъ должны были дѣйствовать члены приказовъ: должны ли они были обсуждать и рѣшать дѣла вмѣстѣ, или могли ихъ распредѣлить между собою, какъ они должны были относиться другъ къ другу,—все это не опредѣлялось никакими общими правилами; имъ предписывалось вести управленіе «сообча» и жить между собою дружно подъ опасеніемъ суровыхъ взысканій за ссоры, а во всемъ остальномъ устраиваться самимъ. На практикѣ коллегіальнаго порядка въ этомъ совмѣстномъ управленіи не было, или же существовали его слабые зачатки.

Составъ и порядокъ дѣйствій коллегій Петра были опредѣлены Генеральнымъ регламентомъ. Каждая коллегія должна была состоять изъ президента, вице-президента и нѣсколькихъ членовъ: совѣтниковъ и асессоровъ. Все дѣлопроизводство должно было въ цѣляхъ контроля вестись письменно и потому при коллегіи полагался особый канцелярскій штатъ съ секретаремъ, нотаріусомъ, актуаріусомъ, архиваріусомъ, канцеляристами, подканцеляристами, копіистами, подкопіистами, который долженъ былъ двигать сложный, бумажный механизмъ съ его реестрами, журналами, протоколами, выписками и пр. По регламенту засѣданія коллегій происходили при внушительной внѣшней обстановкѣ. Зала засѣданій коллегіи должна быть покрыта добрыми коврами, столъ, за которымъ сидятъ коллежскіе члены, ставился подъ балдахиномъ. Каждое разсматриваемое коллегіей дѣло подвергается первоначально «довольному» обсужденію, а затѣмъ постановляется рѣшеніе по большинству голосовъ. Члены подаютъ голоса по старшинству, начиная съ младшихъ, «не впадая одинъ другому въ рѣчь». При равенствѣ голосъ президента даетъ перевѣсъ. Но президентъ не начальникъ коллегіи, и это особенно подчеркивается регламентомъ. Глава XXIV «о комплиментахъ президентамъ» предписываетъ членамъ при входѣ и выходѣ президента отдать ему честь, вставъ съ мѣста, но освобождаетъ ихъ отъ должности встрѣчать и провожать президента. Каждому члену предоставляется полная свобода мнѣнія; если его мнѣніе не согласно съ большинствомъ, онъ можетъ требовать, чтобы оно было занесено въ протоколъ.

IX.

Областная реформа.

Въ декабрѣ 1708 года появился лаконическій указъ: «Великій государь указалъ въ своемъ великороссійскомъ государствѣ для всенародной пользы учинить 8 губерній». Исполняя этотъ указъ, боярская консилія расписала всю территорію Россіи на 8 большихъ губерній. Эти губерніи и ихъ географическіе предѣлы были слѣдующіе: 1) Ингерманландская (Петербургская), въ которую вошли часть Эстляндіи, Ингрія, Карелія, теперешнія Псковская губ., Новгородская, Олонецкая, часть Тверской и часть Ярославской; 2) Архангелогородская, которую составили теперешнія губерніи: Архангельская, Вологодская, сѣверная часть Костромской; 3) Смоленская (Смоленская, Калужская); 4) Московская (Московская губернія, часть Тверской, южная часть Костромской, Владимирская, сѣверная часть Рязанской, Тульской и Калужской); 5) Казанская (прежнія Казанское и Астраханское царства, Поволжье); 6) Кіевская и 7) Азовская, обнимавшія весь тогдашній югъ Россіи и раздѣляемыя тульскимъ меридіаномъ,—не слѣдуетъ забывать, что заселенныя мѣстности тогдашняго юга Россіи оканчивались теперешней Харьковской губерніей; 8) Сибирская. Черезъ нѣсколько лѣтъ изъ Казанской губерніи были выдѣлены еще двѣ: Нижегородская и Астраханская, а Смоленская увеличена присоединеніемъ къ ней Лифляндіи и получила названіе Рижской, такъ что всего число губерній дошло до 10.

Во главѣ губерній ставится губернаторъ. Первые годы губернаторы правили губерніями единолично. Въ 1713 г. Петръ рѣшилъ ввести въ губерніяхъ коллегіальный порядокъ управленія, привлекши къ участію въ немъ мѣстное дворянство. При каждомъ губернаторѣ былъ образованъ совѣтъ изъ избираемыхъ дворянствомъ ландратовъ, въ которомъ губернатору представлялась только роль предсѣдателя: «губернаторъ у нихъ не яко властитель, но яко президентъ». Безъ участія совѣта губернатору запрещалось отправлять какія-либо дѣла. Такимъ образомъ, вмѣсто единоличной власти губернатора создавалось въ губерніи особое коллегіальное присутствіе изъ выборныхъ отъ дворянства подъ его предсѣдательствомъ. Самое названіе членовъ этого совѣта «ландратами» и время, когда изданъ былъ указъ о нихъ, показываютъ, подъ какимъ вліяніемъ появилось это учрежденіе. Какъ разъ въ это время обсуждался вопросъ о сохраненіи старинныхъ ландратскихъ совѣтовъ въ только что завоеванномъ прибалтійскомъ краѣ. Впрочемъ, самая мысль о привлеченіи мѣстнаго дворянства къ участію въ областномъ управленіи, а также и устройство этого управленія въ коллегіальной формѣ, не была новостью и проводилась уже, какъ мы ви-

дѣли выше, при царѣ Ѳеодорѣ. Затѣмъ при Петрѣ, въ 1702 г., былъ изданъ указъ, повторенный въ 1705 г., которымъ предписывалось дворянству каждаго уѣзда избрать по нѣскольку человѣкъ изъ своей среды въ товарищи къ мѣстному воеводѣ съ тѣмъ, чтобы этотъ послѣднiй правилъ вмѣстѣ съ ними сообща. Только въ очень немногихъ уѣздахъ такiе выборы дѣйствительно состоялись и очень скоро эти выборные воеводскiе товарищи исчезли изъ строя дѣйствующихъ учрежденiй.

На практикѣ должность ландратовъ не была никогда избирательною, и указъ Петра остался здѣсь только на бумагѣ. Первые ландраты были назначены сенатомъ по представленiю губернаторовъ, и впослѣдствiи, до конца существованiя этой должности, никогда нигдѣ дворянскихъ выборовъ въ нее не происходило. Вскорѣ, впрочемъ, эта должность перестала быть выборной и по закону. Въ 1716 г. Петръ предписалъ сенату назначать въ ландраты офицеровъ, получившихъ отставку изъ-за ранъ или за старостью, преимущественно изъ тѣхъ, которые не имѣютъ за собою населенныхъ земель. Такое назначенiе получало характеръ пенсiи въ награду за военную службу, «ибо не безъ грѣха есть въ томъ,—признавался царь,—что такiе, которые много служили, тѣ забыты и скитаются, а которые нигдѣ не служили—тунеядцы, тѣ многiе по прихотямъ губернаторскимъ взысканы чинами и получаютъ жалованье довольное». Такимъ образомъ, ландраты не только не выбирались мѣстнымъ дворянствомъ, но даже могли не принадлежать къ мѣстному землевладѣльческому классу.

Самые ландратскiе совѣты существовали очень недолго. Едва только, и то не во всѣхъ губернiяхъ, открыли они свои дѣйствiя въ концѣ 1714 г., какъ 28 января 1715 г. послѣдовалъ новый указъ, значительно измѣнившiй должность ландрата. Этимъ указомъ уѣздные воеводы, подчиненные ландратскому совѣту, уничтожались и сохранялись только въ городахъ, имѣвшихъ гарнизоны, въ качествѣ начальниковъ надъ послѣдними. Уѣздъ переставалъ быть административнымъ подраздѣленiемъ губернiи. Такимъ подраздѣленiемъ дѣлается новая, болѣе правильная и равномѣрная единица «доля»—пространство, на которомъ находилось 5536 тяглыхъ дворовъ. Ландраты сдѣланы были теперь начальниками этихъ долей, вѣдая ихъ сельское населенiе по финансовымъ и судебнымъ дѣламъ. Двое изъ нихъ по очереди постоянно должны были находиться при губернаторѣ; въ концѣ года всѣ ландраты должны были съѣзжаться въ губернскiй городъ, гдѣ подъ предсѣдательствомъ губернатора составляли отчеты и рѣшали важнѣйшiя губернскiя дѣла. На практикѣ такiе съѣзды мало собирались, губернаторъ продолжалъ править губернiей единолично, и ландраты стали къ нему въ положенiе подчиненныхъ низшихъ инстанцiй, надъ которыми онъ стоялъ «яко властелинъ», а не «яко президентъ». Въ такомъ видѣ губернская организацiя просуществовала съ 1715 до 1719 г.

Какимъ же цѣлямъ должна была служить устроенная такимъ образомъ губернская организація? Очень измѣнчивая по устройству, она преслѣдовала одну постоянную цѣль. Губернская реформа была проникнута тѣмъ же духомъ, который вообще замѣтенъ во всей правительственной дѣятельности XVII в.; эта дѣятельность имѣла въ виду, главнымъ образомъ, увеличеніе доходовъ казны, необходимыхъ на нужды, вызываемыя войнами. Губернская организація казалась Петру болѣе пригодной для увеличенія казеннаго дохода, чѣмъ прежній порядокъ управленія. Она была исключительно предназначена высасывать народныя средства для наполненія ими всепоглощающаго резервуара государственныхъ потребностей. Главными потребностями въ XVII в. и еще болѣе въ началѣ XVIII в. были военныя, удовлетвореніе ихъ и было возложено на губерніи. Пополненіе и содержаніе арміи сдѣлалось главной задачей губернскаго устройства. Петровская губернія вовсе не имѣла въ виду мѣстнаго благосостоянія; всѣ доходы шли въ государственную казну, а не на мѣстныя нужды. Главная обязанность губернатора — собрать съ ввѣренной ему губерніи всѣ казенные сборы, блюсти за тѣмъ, чтобы всѣ падающія на нее повинности были исполнены. Если онъ хотѣлъ заслужить особое царское расположеніе, онъ долженъ былъ объявить «приборъ», т.-е. отыскать новые источники дохода для казны. Но бѣда, если губернатору не удавалось собрать положеннаго на губернію дохода. Царскій гнѣвъ не разбиралъ, произошло ли это по недостатку энергіи губернатора или благодаря истощенію платежныхъ силъ населенія. Губернаторъ подвергался за недоборы строгой отвѣтственности; Петръ въ указахъ прибѣгалъ къ самымъ суровымъ угрозамъ по адресу губернаторовъ, несмотря на то, что губернаторами были видныя лица: Меншиковъ, Апраксинъ, кн. Д. Голицынъ, Т. Н. Стрѣшневъ. За недосылку положеннаго на губернію числа рекрутъ губернаторъ подвергался штрафу по рублю за каждаго человѣка, а иногда предписывалось отписывать у него помѣстья и вотчины. Не разъ Петръ обѣщалъ «жестоко истязать» тѣхъ губернаторовъ, которые не исполнятъ указа въ точности. Одно изъ распоряженій Петра о сборѣ рекрутъ оканчивается повелѣніемъ объявить губернаторамъ, что они будутъ наказаны «яко измѣнники и предатели отечества», если требуемые рекруты не будутъ доставлены къ сроку. Въ другой разъ, получивъ извѣстіе о томъ, что должное число рекрутъ не доставлено на мѣсто назначенія, царь обратился къ сенату съ такимъ строгимъ указомъ: «Господа Сенатъ, ежели губернаторы вскорѣ не исправятся, учинить имъ за сіе, какъ ворамъ достоитъ, не то сами то терпѣть будете». Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на то, что губернаторами были видныя лица съ большими чинами, нерѣдко издавалось распоряженіе: послать въ губерніи лейбъ-гвардіи унтеръ-офицеровъ, быть имъ при губернаторахъ, «непрестанно имъ докучать и побуждать ихъ въ сборѣ денегъ». Разъ Петръ, когда ему

донесли о неаккуратности кіевскаго губернатора въ доставкѣ вѣдомостей о приходѣ и расходахъ, особенно ожесточился и приказалъ послать къ кіевскому губернатору лейбъ-гвардіи поручика Карабанова, которому предписалъ, въ случаѣ неисправности, всѣхъ губернскихъ властей, завѣдующихъ сборами, «сковать за ноги и на шею положить цѣпь» и держать въ канцеляріи, покамѣстъ не исполнятъ требованія. Учрежденіе коллегій въ центрѣ повлекло за собою новую реформу областного управленія. И въ областномъ управленіи проводились тѣ же черты, на какихъ было построено центральное. Прежде всего введено было новое однообразное административное раздѣленіе Россіи. Мы видѣли, что въ 1708 г. областною единицей сдѣлалась обширная губернія, подраздѣлявшаяся на старинные неравномѣрные уѣзды. Съ 1715 г. губернія стала дѣлиться на болѣе равномѣрныя области — «доли»; съ 1719 г. раздѣленіе на губерніи и доли было уничтожено, введена новая единица—провинція. Вся та территорія, которая прежде раздѣлена была на 8 губерній, теперь составила 50 провинцій. Каждая провинція раздѣлена была на округа, «дистрикты». Въ этомъ областномъ раздѣленіи Россіи на провинціи и дистрикты искусственное основаніе — цифра населенія—сочеталась съ естественнымъ, географическимъ положеніемъ мѣстности и путями сообщенія. Провинція была меньше прежней губерніи, но больше доли; дистрикты были меньше доли, но больше иного прежняго уѣзда. Новое дѣленіе было болѣе равномѣрнымъ, сравнительно съ прежнимъ, и въ этомъ отношеніи оно было шагомъ впередъ въ развитіи областныхъ учрежденій Россіи. При Петрѣ провинція была совершенно самостоятельной областной единицей, а вовсе не подраздѣленіемъ только прежней губерніи: провинціальная администрація была подчинена непосредственно коллегіямъ и сенату.

Новая административная единица была снабжена сложнымъ административнымъ механизмомъ, заимствованнымъ со шведскаго образца, ставшимъ на мѣсто ландратовъ. Дѣятельность провинціальныхъ учрежденій регулировалась однообразными регламентами, общими для всѣхъ провинцій. Вмѣстѣ съ тѣмъ провинціальное управленіе расчленялось по роду дѣлъ, для каждой категоріи дѣлъ выдѣлялся особый органъ. Для различныхъ функцій администраціи установлены особыя должности. Во главѣ всего провинціальнаго управленія поставленъ былъ воевода. Воеводы тѣхъ провинцій, гдѣ были центры прежнихъ губерній, продолжали титуловаться губернаторами и генералъ-губернаторами, но ихъ власть не простиралась за предѣлы ихъ провинцій. Задачей воеводъ было охранять въ провинціи «царскаго величества интересъ и во всемъ государственную пользу». Ихъ обязанностью былъ надзоръ за благосостояніемъ провинціи, за дѣйствіями всѣхъ другихъ органовъ управленія. Воевода имѣетъ свое присутствіе въ земской канцеляріи, гдѣ обязанъ въ опредѣленные дни и часы принимать

просителей. При немъ въ качествѣ начальника канцеляріи состоитъ ландъ-секретарь. Для финансоваго управленія въ провинціи реформа устанавливала особые органы, таковы были камерирь, рентмейстеръ и провіантмейстеръ. Камерирь, или надзиратель сборовъ, присутствуетъ въ «земской конторѣ»; онъ назначается камеръ-коллегіей, онъ ведетъ финансовую отчетность провинціи, его наблюденію поручаются находящіяся въ провинціи государственныя имущества. Рентмейстеръ начальствуетъ надъ провинціальной «рентерееи», или, по-нашему, надъ губернскимъ казначействомъ; онъ назначается штатсъ-конторъ-коллегіей. Его обязанности заключались въ пріемѣ денегъ, храненіи ихъ въ крѣпкомъ безопасномъ мѣстѣ и въ выдачѣ ихъ по ассигновкамъ. Представителемъ администраціи въ дистриктѣ является земскій комиссаръ, назначаемый камеръ-коллегіей. На немъ лежали обязанности двоякаго рода; онъ, во-первыхъ, агентъ финансоваго управленія въ дистриктѣ и въ этомъ качествѣ онъ ближайшимъ образомъ подчиненъ камериру; онъ собираетъ подати съ населенія и отчетъ объ этомъ сборѣ вручаетъ камериру. Во-вторыхъ, онъ представитель полицейской власти и въ этомъ качествѣ онъ подчиненъ непосредственно воеводѣ. Отъ этого «земскаго комиссара», назначаемаго камеръ-коллегіей, слѣдуетъ отличать «комиссара отъ земли», избираемаго дворянствомъ для сбора подушной подати и передачи ея въ полкъ, появившагося въ 1724 г. съ началомъ взиманія этой подати. И округа этихъ комиссаровъ были различны, хотя носили одинаковое названіе. Дистриктъ земскаго комиссара — подраздѣленіе провинціи; дистриктъ комиссара отъ земли — округъ, обнимающій такое количество душъ, сборъ съ которыхъ равняется стоимости ежегоднаго содержанія полка.

X.

Судебныя учрежденія Петра Великаго.

Наиболѣе замѣчательною чертою правительственнаго строя, какимъ его создавала реформа второго періода, было отдѣленіе суда отъ администраціи—черта, шедшая въ разрѣзъ съ предыдущей русской дѣйствительностью, такъ какъ прежде эти двѣ функціи власти были всегда нераздѣльно слиты. Каждый областной воевода, каждый приказъ непремѣнно обладаетъ и судебною властью. Это сліяніе было настолько прочно, что самое слово судья въ XVII в. обозначало именно администратора. Такъ обыкновенно назывались начальники приказовъ. Это новое для русскаго управленія начало раздѣленія властей заимствовано изъ Швеціи, гдѣ на немъ покоилась вся судебная организація. Въ проектахъ судебной реформы, какъ потомъ на первыхъ шагахъ ея осуществленія, это начало проводилось довольно отчетливо. Для отправленія правосудія были

созданы особые органы, отдѣльные отъ административныхъ, и въ свою очередь представителямъ администраціи, воеводамъ и земскимъ комиссарамъ, было запрещено «касаться до юстиціи». Но это раздѣленіе властей вводилось практически, какъ существовавшій политическій порядокъ, а не обсуждалось теоретически, какъ отвлеченная политическая идея.

Во главѣ системы судебныхъ учрежденій стоялъ сенатъ, который стягивалъ къ себѣ всѣ нити судебнаго управленія. Отдѣленіе судебныхъ органовъ отъ административныхъ начиналось съ юстицъ-коллегіи. Эта коллегія имѣла двоякое значеніе. Во-первыхъ, она играла роль министерства юстиціи: она вела администрацію судебнаго вѣдомства: подбирала судебный персоналъ и наблюдала за дѣятельностью судебныхъ органовъ; во-вторыхъ, — и этимъ она рѣзко отличалась отъ министерства юстиціи — она сама была судебнымъ трибуналомъ, слѣдующей за сенатомъ низшей инстанціей, разсматривавшей гражданскія и уголовныя дѣла.

Областная юстиція вѣдалась трибуналами двухъ инстанцій: надворными и нижними судами. «Надворные» суды соотвѣтствовали шведскимъ «гофгерихтамъ», но они составляли слѣдующую низшую инстанцію относительно юстицъ-коллегіи, состояли подъ ея правленіемъ и этимъ отличались отъ шведскихъ. Ихъ было учреждено 10: въ обѣихъ столицахъ, затѣмъ въ Казани, Курскѣ, Ярославлѣ, Воронежѣ, Нижнемъ - Новгородѣ, Смоленскѣ, Тобольскѣ и Енисейскѣ; кромѣ того, для остзейскихъ провинцій сохраненъ былъ гофгерихтъ въ Ригѣ. Вся территорія тогдашней Россіи распредѣлена была въ судебномъ отношеніи на округа, приписанные каждый къ своему надворному суду, составлявшему высшую инстанцію для нижнихъ судовъ округа. При расписаніи этихъ судебныхъ округовъ сыграли роль прежнія большія губерніи, изъ которыхъ пять совпали съ новыми судебными округами. Другіе совпали съ тѣми областями, которыя уже и прежде обособлялись въ губерніяхъ, пріобрѣтая самостоятельное значеніе. Надворные суды составлялись по образцу самой юстицъ-коллегіи; это были также коллегіи изъ президента, вице-президента и нѣсколькихъ членовъ. Нижніе суды, составлявшіе низшую судебную инстанцію и находившіеся подъ правленіемъ «надворныхъ», были двоякаго рода: коллегіальные и единоличные. Первые находились въ нѣкоторыхъ болѣе важныхъ городахъ и назывались также «провинціальными судами», хотя вовсе не были провинціальной инстанціей (Москва, Петербургъ, Смоленскъ, Казань, Нижній-Новгородъ, Симбирскъ, Новгородъ). Предсѣдатели этихъ провинціальныхъ судовъ носили званіе оберъ-ландрихтеровъ. Число ихъ членовъ-асессоровъ было отъ двухъ до четырехъ. Нижними судами назывались также единоличные трибуналы, такъ называемыхъ «городовыхъ» судей, находившіеся въ незначительныхъ городахъ, въ которыхъ не было коллегіальныхъ нижнихъ судовъ. Округами этихъ городовыхъ судей были обыкно-

венно одинъ или два города съ уѣздами. Городовые судьи вовсе не были подчинены нижнимъ коллегіальнымъ судамъ, а, составляя съ ними равную инстанцію, непосредственно подчинялись надворнымъ.

Вмѣстѣ съ реформой судоустройства совершалось преобразованіе судопроизводства. Главной чертой этого преобразованія была отмѣна для уголовныхъ дѣлъ слѣдственнаго процесса, «розыска», съ его необходимыми принадлежностями: пытками, очными ставками и повальными обысками, и установленіе указомъ 5 ноября 1723 г. состязательнаго процесса.

Первая реформа, коснувшаяся городского управленія, была непосредственнымъ завершеніемъ реформъ, предпринятыхъ еще въ царствованіе Ѳеодора.

Въ каждомъ городѣ давно существовала земская изба, гдѣ сидѣлъ выборный тяглымъ посадскимъ населеніемъ земскій староста. При Ѳеодорѣ въ руки земскихъ старостъ былъ переданъ сборъ прямыхъ податей. Косвенные сборы собирались вѣрными таможенными и кабацкими головами. 30 января 1699 г. вышелъ указъ, по которому, кромѣ земскаго старосты, оставшагося предсѣдателемъ посадскаго схода, велѣно было выбирать въ посадахъ «бурмистровъ» для суда и сбора прямыхъ податей, а прежніе вѣрные головы были переименованы въ таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ и были подчинены земскимъ бурмистрамъ. Такимъ образомъ, земскіе бурмистры сосредоточили въ своихъ рукахъ завѣдываніе посадскимъ тяглымъ населеніемъ по финансовымъ дѣламъ. Имъ же Петръ предоставилъ вѣдать это населеніе по судебнымъ дѣламъ: гражданскимъ и уголовнымъ. Такъ тяглые посадскіе люди вышли изъ-подъ власти воеводъ. Воеводѣ теперь до нихъ не было никакого дѣла. Это не значило, что воеводы были высланы изъ городовъ, они тамъ оставались, управляя другими классами общества: служилыми людьми и крѣпостнымъ крестьянствомъ въ городѣ и уѣздѣ. Только въ сѣверныхъ «поморскихъ» городахъ, гдѣ не было ни помѣщичьихъ, ни крѣпостныхъ крестьянъ, гдѣ уѣзды населены были государственными черносошными крестьянами, которые въ податномъ отношеніи приравнивались къ посадскимъ людямъ воеводы остались совершенно безъ дѣла. Однако ихъ продолжали назначать и въ эти города, гдѣ имъ нечего было дѣлать, но назначаемые въ эти города отказывались сами туда ѣхать, открсвенно заявляя, что имъ тамъ «питаться нечѣмъ и быть не у чего».

Въ тотъ же день, 30 января 1699 г., было создано центральное учрежденіе, которое должно было сосредоточить въ своихъ рукахъ управленіе купечествомъ всѣхъ городовъ, гдѣ была введена реформа. Это была московская земская изба, получившая двойственный характеръ: во-первыхъ, она была мѣстнымъ учрежденіемъ, вѣдавшимъ московское купечество, во-вторыхъ, ей же были

подчинены и провинціальныя земскія избы. Эту московскую земскую избу приказано было именовать бурмистерской палатой, а впослѣдствіи ратушей. Торговое и промышленное населеніе Москвы выбирало въ нее изъ своей среды 12 бурмистровъ, изъ которыхъ одинъ помѣсячно былъ президентомъ. Ратуша объединяла дѣятельность провинціальныхъ земскихъ избъ. Въ нее стекались изъ нихъ всѣ сборы, она же представляла изъ себя по отношенію къ нимъ и высшую судебную инстанцію. Ратуша посылала провинціальнымъ земскимъ избамъ свои распоряженія въ формѣ «указовъ». Ратуша и была тѣмъ «единымъ пристойнымъ приказомъ» для управленія городами, о которомъ мечталъ еще Ординъ-Нащокинъ. Въ первые же годы своей дѣятельности она собрала огромныя суммы денегъ, давшія Петру возможность оправиться послѣ Нарвскаго пораженія и вести войну съ успѣхомъ.

Одновременно съ устройствомъ высшаго управленія началось и переустройство городовъ. При раздѣленіи Россіи на губерніи въ 1708 г. ратуша была лишена своего всероссійскаго значенія и, подобно многимъ приказамъ, сдѣлалась однимъ изъ губернскихъ учрежденій Московской губерніи; предметы ея вѣдомства были подѣлены между губернскими канцеляріями. Вмѣстѣ съ тѣмъ и земскія избы, ею объединяемыя, теперь вышли изъ подчиненія ратушѣ и опять были отданы въ вѣдѣніе областныхъ начальниковъ, губернаторовъ. Но возвращеніе городовъ подъ начальство губернаторовъ дурно вліяло на положеніе городского класса, и царь откровенно долженъ былъ признаться, что «купецкіе и ремесленные тяглые люди во всѣхъ городахъ обрѣтаются не токмо въ какомъ призрѣніи, но паче отъ всякихъ обидъ, нападковъ и отягощеній едва не всѣ разорены». Такое положеніе дѣлъ, конечно, требовало реформы, и во второй періодъ петровскихъ правительственныхъ реформъ, управленіе городовъ было преобразовано. Тотъ же Генрихъ Фикъ, которому принадлежитъ починъ въ дѣлѣ губернской реформы 1719 г., представилъ царю меморіалъ о необходимости преобразовать городское устройство, и Петръ повелѣлъ: «Магистратовъ градскихъ установить... учинивъ сіе на основаніи рижскихъ и ревельскихъ регламентовъ». Изъ этихъ словъ виденъ источникъ, изъ котораго вытекало новое устройство. Этой резолюціей данъ былъ толчокъ реформѣ, но проводилась она какъ-то медленно и вяло. Вниманіе Петра постоянно отвлекалось другими реформами. Только въ 1720 г. былъ назначенъ въ оберъ-президенты главнаго магистрата бригадиръ князь Трубецкой и въ товарищи къ нему Илья Исаевъ, которымъ поручено было организовать въ Петербургѣ главный, а въ остальныхъ городахъ подчиненные ему магистраты. Исполнить это порученіе было, однако, трудно, такъ какъ самый уставъ или регламентъ, по которому должны были дѣйствовать магистраты, былъ готовъ только къ январю 1721 года. Но и послѣ изданія регламента дѣло, порученное Трубецкому, плохо подвигалось. Петръ, справившись о

немъ въ январѣ слѣдующаго 1722 года и узнавъ, что еще ничего не готово, обратился къ Трубецкому съ указомъ, рисующимъ характеръ и пріемы преобразователя гораздо ярче, чѣмъ это могутъ сдѣлать цѣлыя страницы иной характеристики: «Понеже давно имѣется указъ и регламентъ,—пишетъ царь Трубецкому, — о исправленіи дѣла вамъ врученнаго, а именно о учиненіи перво въ С.-Петербургѣ магистрата правильнаго и цеховъ въ примѣръ другимъ городамъ, а потомъ въ Москвѣ и тако въ прочихъ; но по сіе время никакого успѣху въ томъ не дѣлается, того ради симъ опредѣляемъ, что ежели въ Петербургѣ сихъ двухъ дѣлъ, т.-е. магистрата и цеховъ, не учините въ пять мѣсяцевъ или въ полгода, то ты и товарищъ твой Исаевъ будете въ каторжную работу посланы». Однако только черезъ два года послѣ этого суроваго указа магистраты начали свое дѣйствіе.

Эта реформа, какъ и предыдущая, касалась не всего городского населенія, а только торгово-промышленнаго класса: шляхетство, священство, иностранные купцы между гражданами не числятся. Исключеніе совершенно понятное, если имѣть въ виду ту цѣль, которую преслѣдовала реформа 1721 г. Эта цѣль та же, съ которою вводились прежде земскія избы; поднять благосостояніе торгово-промышленнаго класса въ интересахъ государственнаго казначейства. Какъ и прежде, это достигалось двумя средствами: во-первыхъ, изъятіемъ этого класса изъ-подъ управленія областной администраціи; во-вторыхъ, посредствомъ объединенія торгово-промышленнаго класса въ вѣдомствѣ одного центральнаго учрежденія, какимъ прежде была ратуша, а теперь сдѣлался главный магистратъ, который и имѣлъ своею задачею, по выраженію Петра, «сію разсыпанную храмину паки собрать». Вотъ почему дѣйствіе новыхъ учрежденій не распространяется на классы, которые не должны заниматься торговлею и промыслами, дворянство и духовенство. Все населеніе города, за исключеніемъ этихъ классовъ, раздѣляется по регламенту на двѣ обширныя категоріи: во-первыхъ, «регулярные граждане», къ которымъ принадлежатъ домовладѣльцы, хозяева промышленныхъ заведеній и вообще люди, обладающіе нѣкоторымъ капиталомъ; во-вторыхъ, всѣ тѣ, которые не входили въ составъ «гражданства», какъ-то: люди, «обрѣтающіеся въ наймахъ и черныхъ работахъ», т.-е. главнымъ образомъ рабочее населеніе города, живущее заработной платой, не располагающее капиталомъ, которое образовало теперь классъ «подлыхъ людей». Подлые люди «нигдѣ между знатными и регулярными гражданами не считаются». «Регулярное гражданство» довольно близко подходитъ къ до-петровскому классу тяглыхъ посадскихъ людей, какими мы ихъ знаемъ со времени Уложенія. Тяглые посадскіе люди дѣлились прежде по размѣрамъ своихъ капиталовъ, или, что одно и то же, по количеству платимыхъ государству податей, на три разряда: лучшихъ, середнихъ и молодшихъ. Теперь

регулярному гражданству дано новое раздѣленіе съ названіями, заимствованными изъ Западной Европы. По размѣрамъ капиталовъ оно раздѣлено теперь на двѣ гильдіи. Къ первой принадлежатъ крупные капиталисты, оптовые торговцы, «ученые, банкиры, знатные купцы, которые имѣютъ отъѣзжіе большіе торги и которые разными товарами въ рядахъ торгуютъ, городскіе докторы, аптекари, лѣкари, шкиперы купеческихъ кораблей» и нѣкоторые разряды ремесленниковъ: золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера, иконники, живописцы. Ко второй гильдіи относятся мелкіе торговцы и остальные виды ремесленниковъ. Гильдія имѣетъ свое сословное управленіе; она избираетъ нѣсколько старшинъ со старостою во главѣ; они служатъ посредниками между гильдіями и магистратомъ. Кромѣ раздѣленія на гильдіи для ремесленнаго класса городского населенія существовало еще дѣленіе на цунфты, или цехи. Цехъ составляется изъ занимающихся однимъ ремесломъ, имѣетъ свои собранія, свою администрацію въ лицѣ выборныхъ старшинъ, или алдермановъ, свои уставы. Гильдіи и цехи были заимствованы изъ Западной Европы, гдѣ эти стѣснительные для предпріимчивости остатки старины были во второй половинѣ XVIII в. благоразумно уничтожаемы государями эпохи просвѣщеннаго абсолютизма или смыты волной французской революціи. Впрочемъ, и здѣсь Петръ ограничился заимствованіемъ именъ и внѣшнихъ формъ, вложивъ въ послѣднія домашнее содержаніе: его гильдіи и цехи совсѣмъ не имѣютъ той замкнутости и того привилегированнаго характера, съ какимъ мы видимъ ихъ на Западѣ. Ремеслами, напримѣръ, можно было заниматься, не вступая въ цехъ; въ цехъ принимался всякій, кто угодно, какого бы званія и состоянія онъ ни былъ. Цѣль, съ которою Петръ переносилъ эти учрежденія въ Россію, была поднятіе торговли и промышленности. Увидѣвъ ихъ процвѣтаніе въ западно-европейскихъ городахъ и познакомившись съ устройствомъ западно-европейскихъ цеховъ, Петръ связалъ эти два явленія причинной связью, и перенесъ цехи и гильдіи въ Россію. Само собою разумѣется, что здѣсь они не дали тѣхъ результатовъ, на которые онъ надѣялся. Притомъ регламентъ только въ общихъ чертахъ намѣтилъ ихъ устройство, предоставляя подробную разработку ихъ уставовъ будущему. Сколько можно судить по этимъ общимъ чертамъ, цехи и гильдіи должны были быть простыми общественными группами безъ всякихъ правъ и привилегій и объединенными выборною администраціей.

Таково было проектируемое Петромъ устройство городского населенія. По количеству жителей города раздѣлялись на пять разрядовъ, изъ которыхъ въ первомъ число дворовъ должно было быть не меньше 2000, а въ послѣдній входили города, въ которыхъ число дворовъ было не болѣе 250. Въ городахъ первыхъ четырехъ разрядовъ учреждались магистраты, въ члены которыхъ

избирались гражданствомъ пожизненно первостатейные граждане. Число этихъ членовъ находилось въ зависимости отъ разряда, къ которому принадлежалъ городъ. Такъ, въ городахъ перваго разряда магистратъ состоялъ изъ президента, 4-хъ бургомистровъ и 8-ми ратмановъ, тогда какъ въ городахъ 5-го разряда управленіе вмѣсто магистрата поручалось одному бургомистру. Служащіе по городскимъ выборамъ пользовались нѣкоторыми преимуществами, именно, ихъ запрещалось назначать на всякаго рода казенныя службы по финансовому вѣдомству, и, кромѣ того, за тщательное радѣніе по службѣ они могли быть пожалованы шляхетствомъ. Это показываетъ, что на нихъ скорѣе смотрѣли какъ на правительственныхъ чиновниковъ, чѣмъ какъ на представителей самоуправленія. На магистратъ были возложены, главнымъ образомъ, финансовыя и судебныя обязанности. Онъ долженъ былъ заботиться о сборѣ податей, объ отбываніи гражданами повинностей, составлять переписи гражданъ. Была, впрочемъ, сдѣлана попытка освободить магистраты отъ особенно тяжелой обязанности завѣдывать косвенными сборами и вмѣсто горожанъ назначать на должности таможенныхъ и кабацкихъ головъ отставныхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, а къ нимъ въ команду раскольниковъ и «бородачей», но эта попытка окончилась неудачей, и косвенные сборы такъ и остались въ рукахъ торгово-промышленнаго класса. Магистрату, далѣе, принадлежалъ судъ надъ гражданами и подлыми людьми по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ; только смертныхъ приговоровъ онъ не могъ приводить въ исполненіе собственной властью. На магистраты же была возложена полиція въ широкомъ смыслѣ этого слова, которая по выраженію регламента «споспѣшествуетъ въ правахъ и правосудіи, рождаетъ добрые порядки и нравоученіе, всѣмъ безопасность подаетъ отъ разбойниковъ, воровъ, насильниковъ и обманщиковъ и симъ подобныхъ, непорядочное житіе отгоняетъ и принуждаетъ каждаго къ трудамъ и честному промыслу, чинитъ добрыхъ досмотрителей, тщательныхъ и добрыхъ служителей, города и въ нихъ улицы регулярно сочиняетъ, препятствуетъ дороговизнѣ и приноситъ довольство во всемъ потребномъ къ жизни человѣческой, предостерегаетъ всѣ приключившіяся болѣзни, производитъ чистоту по улицамъ и въ домахъ, запрещаетъ излишество въ домовыхъ расходахъ и всѣ явныя погрѣшенія, призираетъ нищихъ, бѣдныхъ, больныхъ, увѣчныхъ и прочихъ неимущихъ, защищаетъ вдовицъ, сирыхъ и чужестранныхъ; по заповѣдямъ Божіимъ воспитываетъ юныхъ въ цѣломудренной чистотѣ и честныхъ наукахъ; вкратцѣ же надъ всѣми сими полиція есть душа гражданства и всѣхъ добрыхъ порядковъ и фундаментальный подпоръ человѣческой безопасности и удобности».

Городовые магистраты подчинялись главному магистрату, находящемуся въ Петербургѣ, подобно тому, какъ прежнія земскія избы подчинялись находившейся въ Москвѣ ратушѣ. Главный

магистратъ руководитъ дѣятельностью подчиненныхъ, даетъ имъ инструкціи и является относительно ихъ высшею судебною инстанціею. Ему принадлежитъ контроль надъ ними; каждый городовой магистратъ ежегодно представляетъ въ главный магистратъ отчетъ о состояніи своего города. Самъ главный магистратъ подчиненъ сенату наравнѣ съ коллегіями; его президентъ, какъ мы видѣли, назначается правительствомъ.

Таково было устройство управленія, введенное петровскою реформою. Во главѣ его находится сенатъ, ближайшій повѣренный государя, сосредоточивающій въ своихъ рукахъ всѣ отрасли управленія и наблюдавшій за всѣми другими правительственными органами. Сенатъ въ 20-хъ годахъ обросъ нѣсколькими тѣсно примкнувшими къ нему учрежденіями, каковы были: герольдмейстеръ, вѣдавшій дворянство, рекетмейстеръ, статсъ-секретарь для принятія прошеній на высочайшее имя, генералъ-прокуроръ, ставшій во главѣ системы прокуроровъ, и генералъ-фискалъ во главѣ сложной системы фискаловъ. Слѣдующую ступень администраціи заняли коллегіи, расчленявшія между собою отрасли управленія. Всей совокупности коллегій было подчинено областное управленіе, сносящееся съ каждой по роду дѣлъ ея, по тѣмъ дѣламъ, которыя не относились къ вѣдѣнію коллегій съ сенатомъ. Введено было новое областное раздѣленіе Россіи на провинціи и дистрикты. Провинція была снабжена сложной системой правительственныхъ учрежденій съ воеводою, имѣвшимъ высшій надворъ за дѣйствіями всѣхъ другихъ чиновъ и обязаннымъ пещись о благосостояніи провинціи, съ камерирoмъ и рентмейстеромъ, вѣдавшими провинціальные финансы, съ земскимъ комиссаромъ, который былъ представителемъ финансоваго и полицейскаго управленія въ дистриктѣ. Отъ администраціи былъ отдѣленъ судъ, отправленіе котораго было возложено на особые органы съ юстицъ-коллегіей во главѣ, съ десятью надворными судами въ серединѣ и съ нижними судами, коллегіальными и единоличными, въ основаніи. Отъ общихъ административныхъ и судебныхъ учрежденій отдѣлялись учрежденія, вѣдавшія посадское населеніе городовъ—магистраты, связанные въ іерархическую систему съ главнымъ магистратомъ во главѣ. Эта правительственная машина, ставшая на мѣсто вотчинныхъ учрежденій Московскаго государства, должна была служить тѣмъ широкимъ цѣлямъ, которыя ставило себѣ государство Петра Великаго.

Въ разныхъ сторонахъ преобразованій Петра Великаго ясно просвѣчиваютъ воодушевлявшіе его политическіе идеалы. Реформа, начавшаяся случайно и проходившая въ первой своей стадіи стихійно, подъ конецъ стала принимать сознательный и осмысленный характеръ. Мѣнялся и росъ самъ Петръ. Для историковъ старой школы Петръ чуть не съ дѣтства выступалъ преобразователемъ, воодушевленнымъ геніальными замыслами, въ 16—17 лѣтъ прозорливо вглядывавшимся въ будущее. Теперь, болѣе детальнымъ изуче-

ніемъ преобразованій, возстановлена перспектива личнаго развитія Петра. Въ дѣтствѣ Петръ, какъ и всѣ дѣти, игралъ въ игрушки, пристрастился особенно къ военнымъ забавамъ. Въ юности эти игрушки превратились въ игры; онъ забавляется съ потѣшными полками и строитъ потѣшные корабли на Переяславскомъ озерѣ. Даже получивъ въ свои руки власть по устраненіи сестры, онъ долгое время продолжаетъ серьезно интересоваться только тѣми же военными и морскими играми, нисколько не думая что-либо преобразовывать, да и вообще мало занимаясь государственными дѣлами. Съ годами, однако, масштабъ игръ растетъ; потѣшные отряды становятся гвардейскими полками; какъ продолженіе подмосковныхъ маневровъ предпринимаются азовскіе походы, а переяславская флотилія уступаетъ мѣсто значительному воронежскому флоту, тягость сооруженія котораго почувствовало уже все государство. Въ завоеваніи Азова и сооруженіи воронежскаго флота военная забава переходитъ въ серьезное дѣло, цѣль котораго нанести ударъ вѣковому врагу, Крыму, и покровительствующей ему Турціи, съ ихъ наиболѣе слабой стороны, съ моря, послѣ того, какъ нападеніе на Крымъ съ суши не удалось.

Среди военныхъ потѣхъ Петръ знакомится съ Нѣмецкой слободой, сближается съ иноземцами, которые своими знаніями помогаютъ ему въ затрудненіяхъ, возникающихъ передъ нимъ на каждомъ шагу въ его новыхъ занятіяхъ. Онъ много веселится, но при этомъ обнаруживаетъ горячее стремленіе учиться, узнавать во всѣхъ подробностяхъ технику увлекающихъ его дѣлъ: военнаго и кораблестроенія. Онъ добровольно садится за книги и тетради, учится совсѣмъ новымъ наукамъ, а затѣмъ ѣдетъ на западъ самъ, чтобы усовершенствоваться въ главномъ, занимающемъ его дѣлѣ — въ кораблестроеніи — и внезапно вызванный оттуда круто расправляется съ стрѣльцами. Только съ началомъ Сѣверной войны Петръ выступаетъ впервые передъ нами съ разносторонней, широкой и самостоятельной дѣятельностью государя. Пораженіе подъ Нарвой показало, что война со Швеціей — не потѣшные и даже не азовскіе походы. Война затянулась, поглотила все вниманіе царя, вызвала неустанную работу, заставила и народъ напречь всѣ свои силы. Стало необходимо приспособить народныя силы къ тяжелой борьбѣ — и вотъ одно за другимъ начались преобразованія, совокупность которыхъ и составляетъ то, что называется реформой Петра Великаго. То были: преобразованіе вооруженныхъ силъ, созданіе флота на Балтійскомъ морѣ, новыя подати, созданіе новыхъ видовъ промышленности, чтобы поднять производительность народнаго труда, устройство школъ, распространеніе знаній, новая организація службы государству, перемѣны въ государственныхъ учрежденіяхъ. Словомъ, всѣ области государственной жизни были затронуты, одна цѣплялась и задѣвала за другую, и Петръ очутился среди хаоса, въ которомъ при всеобщемъ разгромѣ изъ мусора

развалинъ и обломковъ стараго вырисовывались фасады новыхъ строеній. Такъ онъ оказался въ самомъ центрѣ государственнаго строительства и неизбѣжно долженъ былъ взяться за его направленіе. Теперь его вниманіе привлекаютъ не одни полки и корабли; оно охватываетъ всѣ области государственной жизни. Изъ военнаго организатора и корабельнаго инженера Петръ становится государственнымъ человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Такъ могуче развившаяся, захватившая такія широкія и разнообразныя сферы дѣятельность должна была получить какое-либо общее направленіе. Было ли такое направленіе у Петра?

Петръ Великій не былъ отвлеченнымъ мыслителемъ, творцомъ политическихъ системъ. Однако въ теченіе своей довольно долгой жизни при своихъ выдающихся способностяхъ и при своемъ умѣньи наблюдать, онъ не могъ не прійти къ какимъ-либо общимъ политическимъ взглядамъ. Перемѣнчивость намѣреній и плановъ въ преобразовательной дѣятельности, выразившаяся въ отрывочныхъ и часто противорѣчивыхъ указахъ, одинъ за другимъ выходившихъ изъ-подъ его пера, не показываетъ еще отсутствія политическаго идеала: она является лишь признакомъ страстныхъ порывовъ въ стремленіи къ нему. Петръ хватается то за одно, то за другое средство, которое кажется ему ведущимъ къ достиженію идеала: разочаровываясь въ результатахъ, бросаетъ начатое, мѣняетъ его на другое средство, которымъ увлекается со всею горячностью своей пылкой натуры. Но во всей этой кипучей дѣятельности, во всей этой быстрой смѣнѣ намѣреній и начинаній, видно одно стремленіе и оно становится все яснѣе по мѣрѣ развитія самаго Петра, по мѣрѣ все болѣе широкаго знакомства его съ западно-европейскимъ міромъ,— знакомства, которое началось съ поѣздокъ въ нѣмецкую слободу и окончилось посѣщеніемъ важнѣйшихъ государствъ Европы, которое началось съ приглашенія нѣмецкаго плотника Тиммермана и окончилось сношеніями съ однимъ изъ самыхъ великихъ мыслителей того времени — Лейбницемъ, которое началось съ вопросовъ о томъ, какъ дѣйствовать астролябіей и пускать на парусахъ игрушечные ботики, и привело къ изученіямъ государственныхъ учрежденій Европы. Идеаломъ Петра была Россія, какъ европейское государство.

Чтобы понять, что̀ Петръ подразумѣвалъ подъ европейскимъ государствомъ, надо вспомнить ту политическую обстановку, въ которой онъ жилъ, какъ политическую дѣйствительность того времени, такъ и политическія идеи той эпохи. Мы замѣчаемъ всегда взаимодѣйствіе между дѣйствительностью и идеями: съ одной стороны, политическая философія осмысливаетъ то, что сложилось въ дѣйствительности, съ другой — сама дѣйствительность слѣдуетъ правиламъ, установленнымъ политической философіей. Къ XVII вѣку вездѣ въ Европѣ на мѣсто феодальныхъ дробленій возникаетъ государство съ абсолютной, неограниченной властью. Въ то же время появляется

и политическая философія, которая даетъ теоретическое обоснованіе этому государству съ абсолютной верховной властью. Это былъ вѣкъ блестящаго расцвѣта политической мысли, когда на философскомъ горизонтѣ свѣтятъ звѣзды первой величины: Гроцій, Пуффендорфъ, Гоббсъ, Локкъ и другія мелкія, которыя теперь уже забыты. Это было время господства раціонализма въ политической философіи, который сводилъ все къ разуму и все пытался объяснить изъ разумныхъ началъ. Это было время договорной теоріи происхожденія государствъ. Люди первоначально живутъ въ естественномъ состояніи, но затѣмъ въ цѣляхъ общаго блага, въ цѣляхъ прекращенія непрестанной взаимной борьбы, заключаютъ между собою договоръ, которымъ и образуется государство. Люди соглашаются договоромъ учредить у себя верховную власть, въ пользу которой они отказываются каждый отъ своей самостоятельности, и всѣ свои права переносятъ на эту верховную власть, которая такимъ образомъ является абсолютной. По ученію Гоббса верховная власть въ государствѣ не подлежитъ ничьему контролю, она выше закона, такъ какъ она служитъ источникомъ закона. Только верховной власти принадлежитъ право сужденія, только она обладаетъ всѣми свойствами для достиженія истины, только она не можетъ ошибиться въ выборѣ между сужденіями.

Политическая дѣйствительность много усвоила изъ этой теоріи и пыталась осуществить ее на дѣлѣ. Вотъ почему верховная власть въ XVII и XVIII вв. играетъ такую выдающуюся роль, получаетъ такое огромное значеніе: она становится для подданныхъ на мѣсто Провидѣнія, окружаетъ ихъ всеобъемлющей опекой, даетъ подданнымъ не только безопасность, не только завѣдуетъ внѣшней обороной, не только учреждаетъ правосудіе, она также насаждаетъ промышленность, поощряетъ ее путемъ финансовыхъ субсидій и посредствомъ подробныхъ предписаній регулируетъ всѣ мелочи экономическаго производства. Она заботится также о здоровьи подданныхъ, слѣдитъ за ихъ нравственностью, она выбираетъ даже для нихъ религію, вмѣшиваясь, такимъ образомъ, даже въ интимную сторону жизни подданныхъ. Въ XVI вѣкѣ, дѣйствительно, былъ установленъ такой политическій принципъ: государь опредѣляетъ религію для своего государства, а подданные обязаны ее исповѣдывать. Наивысшаго значенія въ такомъ смыслѣ верховная власть достигаетъ въ XVIII вѣкѣ въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма, когда на европейскихъ тронахъ являются монархи-философы, а у этихъ троновъ становятся министры, проводящіе философскія аксіомы въ жизнь.

Вотъ та политическая дѣйствительность и тѣ идеи, среди которыхъ пришлось дѣйствовать Петру. Онъ не былъ теоретическимъ мыслителемъ; отвлеченныя теоріи ему не давались, онъ съ трудомъ ихъ усваивалъ. Но, обладая живымъ, любознательнымъ и проницательнымъ умомъ, онъ не могъ не присмотрѣться во время своихъ

странствованій по Европѣ къ западно-европейской политической дѣйствительности, не могъ остаться глухъ къ западно-европейскимъ политическимъ идеямъ. Вѣдь идеи имѣютъ свойство какъ бы носиться въ воздухѣ и заражать собою хоть немного воспріимчивые умы. Петръ не оставилъ послѣ себя цѣльной и стройной системы, но онъ весь пропитанъ политическими идеями своего времени. Правда, отвлеченное въ этихъ идеяхъ не давалось ему. Будучи практическимъ дѣльцомъ по преимуществу, онъ не занимался теоріей о происхожденіи государства, но то, что было практическаго въ этихъ идеяхъ, онъ хорошо усвоилъ. Онъ очень ясно выразилъ свой взглядъ на общее благо, какъ на цѣль государства, и на верховную власть, какъ на средство, ведущее къ этой цѣли. Въ своей отвѣтной рѣчи на торжествѣ 22 октября 1721 г., когда ему поднесенъ былъ титулъ Императора, онъ, указывая на предстоящія послѣ войны задачи правительственной дѣятельности, между прочимъ, замѣтилъ, что теперь, когда окончилась война, его задачей является «трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ». Этими словами онъ выражаетъ ту же мысль, какую проводили и философы.

При немъ верховная власть, какъ средство для достиженія этой цѣли, получаетъ новое значеніе. Мы можемъ отмѣтить два отличія въ значеніи верховной власти при Петрѣ сравнительно съ XVII в. Во-первыхъ, она становится болѣе отвлеченной. Люди XVII в. смотрѣли на верховную власть слишкомъ конкретно, они отождествляли государство съ личностью государя, для нихъ эти два понятія были неразрывны. Московское государство XVII вѣка есть еще вотчина, населенная разнаго рода крѣпостными, а государь—вотчинникъ этой вотчины, хозяинъ въ этомъ большомъ вотчинномъ хозяйствѣ. При Петрѣ эти два понятія, государство и государь, расчленяются и становятся отдѣльными, при чемъ верховная власть теряетъ свои вотчинныя свойства, становится государственнымъ учрежденіемъ съ характеромъ строго государственнаго, а не частнаго права. Другое отличіе заключается въ томъ, что верховная власть теряетъ теперь свой мистическій обликъ, съ какимъ она являлась прежде, въ XVII вѣкѣ. Это сказывается даже во внѣшнихъ формахъ, въ которыхъ она предстоитъ предъ глазами подданныхъ. Верховная власть въ XVII в. появлялась передъ подданными въ торжественной обстановкѣ, когда царя, облаченнаго въ золотыя церковнаго покроя одежды, при торжественномъ звонѣ кремлевскихъ колоколовъ, вели подъ руки съ Краснаго крыльца въ одинъ изъ соборовъ, или когда онъ предпринималъ путешествіе въ одинъ изъ монастырей, окруженный отрядомъ стрѣльцовъ, когда при встрѣчѣ съ нимъ всѣ должны были падать ницъ, какъ передъ земнымъ богомъ. Этотъ обычай былъ воспрещенъ Петромъ Великимъ. При Петрѣ носитель верховной власти сталъ появляться среди подданныхъ въ странномъ, непривычномъ для нихъ видѣ: на корабельной мачтѣ, въ голландской курткѣ, съ трубкой табаку

въ зубахъ. Всякая парадная внѣшность Петра тяготила; участвовать въ придворныхъ церемоніяхъ было для него почти страданіемъ. Для церемоній, въ которыхъ императорская власть должна была выступать во всемъ внѣшнемъ величіи, у него былъ какъ бы манекенъ, князь-кесарь Ромодановскій, который былъ облекаемъ во внѣшніе знаки императорской власти. Но когда нельзя было пустить въ ходъ эту куклу, Петръ испытывалъ большія страданія. Такъ, въ августѣ 1723 г., ему пришлось дать торжественную аудіенцію персидскому послу. Съ Персіей былъ заключенъ миръ и надобно было принять посла этой восточной державы со всею торжественностью этикета. Очевидецъ, камеръ-юнкеръ Бергольцъ, живо описалъ сцену пріема и роль въ ней Петра. Петръ, говоритъ онъ, одѣтый въ красный расшитый серебромъ камзолъ на собольей подкладкѣ, держа трехугольную шляпу подъ мышкой, нетерпѣливо ходилъ по комнатѣ, расположенной рядомъ съ тронной залой въ ожиданіи посла; онъ необыкновенно волновался, лицо его покрывалось краской, и этимъ онъ приводилъ въ смущеніе императрицу. Когда послышались шаги посла, онъ пошелъ въ тронную залу и сталъ въ торжественную позу на тронѣ. Петръ нетерпѣливо нюхалъ табакъ, на лбу его выступали капли пота, когда посолъ читалъ напыщенную рѣчь и когда, окончивъ чтеніе и опустившись передъ трономъ на колѣни, онъ поползъ по ступенямъ трона, чтобы поцѣловать руку императора. Петръ всегда любилъ въ торжествѣ играть второстепенную роль; на ассамблеяхъ въ Лѣтнемъ саду онъ присаживался къ иностраннымъ купцамъ; при каждомъ торжественномъ пирѣ садился обычно на концѣ стола, выбирая въ сосѣди иностранныхъ мастеровъ. Въ немъ какъ-то каждую минуту изъ-за облика императора выглядывалъ простой рабочій.

Но эта перемѣна въ положеніи верховной власти выражалась не только въ этихъ внѣшнихъ формахъ, она сказывалась также и въ самомъ законодательствѣ. Законодательство Петра Великаго отличается отъ законодательства предыдущаго времени двумя чертами. Первое отличіе его состоитъ въ томъ, что оно является всеобъемлющимъ, оно касается всѣхъ сторонъ жизни подданнаго. Судебники и Уложеніе Алексѣя Михайловича, въ соотвѣтствіи съ общимъ характеромъ государственной дѣятельности XVI и XVII вв., содержатъ, главнымъ образомъ, процессуальное право, матеріальнаго права въ нихъ очень немного. Для людей того времени въ законодательствѣ было меньше нужды, у нихъ была сила, на которую они всегда опирались, обычай. Московское государство жило обычаемъ, судьи судили въ приказахъ, опиравшихся на обычай, обычай руководилъ и частной жизнью человѣка; въ сомнительныхъ случаяхъ онъ справлялся съ тѣмъ, какъ указывалъ обычай, какъ повелось отъ предковъ. «Такъ повелось»—и этой ссылки было достаточно, чтобы устранить всѣ сомнѣнія и прекратить вся-

кое колебаніе. «Такъ не повелось»—и иногда никакими казнями и пытками нельзя было сломить упорство, поддерживаемое этимъ основаніемъ. Въ XVIII в. на мѣсто обычая поставленъ разумъ, который объявляетъ обычаю безпощадную войну, стремится изгнать его изъ всѣхъ сферъ, всю жизнь перестраиваетъ на новый ладъ; законъ, основанный на разумѣ, долженъ былъ опредѣлить всѣ мельчайшія подробности не только общественной жизни, но и частной. И вотъ законодательство Петра, какъ и законодательство всѣхъ европейскихъ государствъ того времени, охватываетъ жизнь подданныхъ рѣшительно со всѣхъ сторонъ. Правительство окружаетъ подданныхъ всеобъемлющимъ попеченіемъ: оно предписываетъ, какъ строить города, какъ строить дома въ городахъ и деревняхъ, оно опредѣляетъ весь обиходъ частной жизни; оно указываетъ, какой внѣшній обликъ и какую одежду долженъ носить подданный, напр., одни должны брить бороду и носить нѣмецкое платье, другимъ, раскольникамъ, предписывалось носить длинныя бороды и русское платье. Законодательство указывало также и науки, которымъ подданные должны были учиться; оно завѣдывало также и увеселеніями и такъ какъ не было средствъ для устройства общественныхъ увеселеній, то оно вмѣшивалось въ частное увеселеніе: былъ изданъ, напримѣръ, указъ объ устройствѣ ассамблей, подробно опредѣляющій, какъ долженъ былъ держать себя хозяинъ, чѣмъ занимать гостей, въ которомъ часу начинать, въ которомъ кончать ихъ пріемъ. Государство указывало также, какъ должны люди лѣчиться. Петръ самъ пользовался за границей водами—надо было открыть такія и Россіи, и вотъ былъ открытъ желѣзистый источникъ въ Олонецкомъ краю, вода котораго была объявлена цѣлительной. Тотчасъ былъ изданъ подробный регламентъ о томъ, какъ надо было пользоваться этими водами. Если больному случалось умереть, то и на такой случай были изданы правила: въ какихъ гробахъ хоронить, какъ ставить на могилѣ памятникъ и т. п. Государство заботится даже о томъ, чтобы подданные ежегодно исповѣдывались и причащались. Оно не стѣснялось предписывать правила поведенія для тѣхъ церковныхъ іерарховъ, которые облачены были особенною благодатью Святого Духа: вышелъ законъ о томъ, какъ должны были держать себя архіереи во время службы: «упражняться въ богомысліи и постороннихъ докладовъ не принимать».

Такимъ образомъ законодательство охватывало подданнаго со всѣхъ сторонъ его жизни и окружало его всеобъемлющей и самой тщательной опекой. Этотъ всеобъемлющій характеръ законодательства Петра — одна его черта. Вторая черта — это тѣ средства, которыя имѣетъ въ виду законодатель для исполненія своихъ законовъ. До Петра извѣстно было одно средство — угрозы и наказанія; законодатель дѣйствовалъ какъ суровый педагогъ, рука котораго постоянно вооружена кнутомъ и плетью. Откройте Уложеніе—на каждомъ шагу вы увидите тамъ слова: «а буде которые

люди учнуть дѣлати» то-то и то-то «и тѣхъ людей казнить безъ всякаго милосердія», или «бить нещадно». Законодательство Петра также не скупится на угрозы, но оно расчитываетъ и на другіе способы исполненія своихъ законовъ: оно стремится повліять на разумъ подданнаго. Вотъ почему Петръ приводитъ къ каждому своему закону мотивы, при чемъ эта мотивировка разрастается иногда въ цѣлые политическіе и естественно-научные трактаты. Петръ стремится прежде всего подѣйствовать на разсудокъ подданнаго и только въ случаѣ неуспѣха обращается къ угрозѣ. Чуть не въ каждомъ изъ его указовъ встрѣчаемъ союзъ «понеже», которымъ начинается мотивировка закона. Эта неважная часть рѣчи, союзъ «понеже», знаменуетъ собою очень важный моментъ въ развитіи русской личности. Вмѣстѣ съ отмѣной обычая писаться уменьшительными именами и земныхъ поклоновъ при встрѣчѣ съ государемъ, появленіе этой частицы въ текстѣ законовъ показываетъ новыя отношенія, въ которыя верховная власть стремится стать къ управляемому обществу, расчитывая на сознательное, разумное исполненіе закона, ради его разумныхъ цѣлей, а не на рабское подчиненіе изъ-за страха плети. Примѣровъ этого множество. Петръ не разъ издавалъ указы о томъ, чтобы никто не обращался съ просьбами лично къ государю, не подавъ прошенія въ установленныхъ учрежденіяхъ и не пройдя всѣхъ инстанцій и вотъ какъ начинается одинъ изъ такихъ указовъ: «Понеже челобитчики непрестанно Е. И. Величеству докучаютъ о своихъ обидахъ, вездѣ, во всякихъ мѣстахъ, не для покою; и хотя съ ихъ стороны легко разсудить можно, что всякому своя обида горька есть и несносна; но притомъ каждому разсудить же надлежитъ, что какое ихъ множество, а кому бьютъ челомъ — одна персона есть, и та коликими воинскими и прочими несносными трудами объята, что всѣмъ извѣстно есть. И хотя бъ и такихъ трудовъ не было, возможно ли одному человѣку за такъ многими усмотрѣть? Во истинно не точію человѣку, ниже ангелу, понеже и оные мѣстомъ описаны суть, ибо гдѣ присутствуетъ, индѣ его нѣтъ». Указъ о собираніи разнаго рода рѣдкостей мотивированъ такимъ образомъ: «Понеже извѣстно есть, что какъ въ человѣческой породѣ, такъ и въ звѣрской и птичьей случается, что родятся монстра, т.-е. уроды, которые всегда во всѣхъ государствахъ собираются для диковинки, но таятъ невѣжды, чая, что такіе уроды родятся отъ дѣйства дьявольскаго, чрезъ вѣдовство и порчу, чему быть невозможно, ибо единъ Творецъ всея твари Богъ, а не дьяволъ, которому ни надъ какимъ созданіемъ власти нѣтъ», далѣе объясняются естественныя причины происхожденія такихъ человѣчьихъ, скотскихъ, звѣриныхъ и птичьихъ уродовъ.

Итакъ, Петръ былъ воодушевленъ идеаломъ регулярнаго европейскаго государства. Подъ этими словами онъ подразумѣвалъ государство, цѣлью котораго должно быть общее благо людей;

средствомъ для достиженія этой цѣли должна служить сама верховная власть, окружающая подданныхъ самой внимательной опекой. На себя Петръ смотритъ, какъ на учителя своего народа: «нашъ народъ,—пишетъ онъ,—яко дѣти, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, что явно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ: не все ль неволею сдѣлано, и уже за многое благодареніе слышится». Эту обязанность учителя своего народа онъ доводилъ до высокой обязанности жертвовать за свой народъ своею жизнью. Всѣ знаютъ слова прусскаго короля Фридриха II—«король есть первый слуга своего отечества». Но когда Петръ Великій говорилъ въ письмѣ къ сыну: «Я за свое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю», онъ говорилъ совершенную правду и выражаетъ ту же самую мысль, только въ болѣе простой формѣ.

XI.

Семейныя дѣла Петра Великаго.—Престолонаслѣдіе.—Кончина преобразователя.

Петръ былъ женатъ два раза: въ первый — на Евдокіи Лопухиной, которую выбрала ему въ жены мать, царица Наталья Кирилловна; второю его женой была Екатерина, служанка-воспитанница пастора Глюка, взятая въ плѣнъ вмѣстѣ съ пасторомъ, въ лифляндскомъ городѣ Маріенбургѣ. Съ Евдокіей Петръ развелся вскорѣ по возвращеніи изъ перваго заграничнаго путешествія.

Въ сынѣ отъ перваго брака, царевичѣ Алексѣѣ, Петръ встрѣтилъ упорную оппозицію своимъ начинаніямъ и дѣламъ; столкновеніе между отцомъ и сыномъ кончилось тяжелой драмой.

Царевичъ Алексѣй родился, когда его отцу исполнилось только что 17 лѣтъ, когда, слѣдовательно, еще самъ отецъ нуждался въ воспитаніи, когда онъ занимался постройкой игрушечныхъ кораблей на Переяславскомъ озерѣ и игралъ въ потѣшныя войска. Царевичъ получилъ то же первоначальное воспитаніе, какое получали и всѣ русскіе царевичи, подъ наблюденіемъ матери, типичной представительницы русскаго терема XVII вѣка. Отцу некогда было слѣдить за мальчикомъ. «Къ отцу моему непослушанія, — писалъ самъ царевичъ въ своемъ признаніи наканунѣ смерти, — и что не хотѣлъ того дѣлать, что ему угодно, причина та, что съ младенчества нѣсколько жилъ съ мамою и съ дѣвками, гдѣ ничему иному не обучился, кромѣ избныхъ забавъ, а больше научился ханжить, къ чему я отъ натуры склоненъ». Когда царевичу исполнилось шесть лѣтъ, къ нему былъ приставленъ

воспитатель Никифоръ Вяземскій, котораго онъ впослѣдствіи, подросши, совсѣмъ не уважалъ, не разъ бивалъ и дралъ за волосы. Воспитатель, пройдя съ нимъ «литеры» и слоги, по обычаю азбуки, приступилъ къ изученію часослова. Окончательный разрывъ съ женою послѣ поѣздки за границу заставилъ Петра обратить вниманіе на девятилѣтняго сына. Только что испытавъ на себѣ дѣйствіе заграничнаго путешествія, Петръ задумалъ отправить сына за границу, но этой мысли помѣшала начавшаяся тогда Сѣверная война. Тогда, не будучи въ состояніи отправить его въ Дрезденъ, царь пригласилъ къ нему изъ-за границы воспитателя, прослушавшаго лекціи въ разныхъ нѣмецкихъ университетахъ и послужившаго при разныхъ нѣмецкихъ дворахъ, барона Гюйсена. Этотъ повелъ воспитаніе по новому методу. Церковная книжность и теремныя забавы были брошены. Началась другая нѣмецкая наука: иностранные языки, исторія, географія, политика по руководству Пуфендорфа, а затѣмъ фортификація, артиллерія, военная архитектура и навигація. Царевичъ упражнялся въ «танцованіи, штурмованіи и въ верховой ѣздѣ». Въ свободные часы нѣмецъ предполагалъ занимать его какими-то нѣмецкими играми «въ друктафельи балгаузъ». Царевичъ сильно не взлюбилъ нѣмца и его науку. «А потомъ, когда меня отъ мамы взяли,—говоритъ онъ въ своемъ признаніи,—отецъ мой, имѣя о мнѣ попеченіе, чтобы я обучался тѣмъ дѣламъ, которыя пристойны къ царскому сыну, также велѣлъ мнѣ учиться нѣмецкаго языку и другимъ наукамъ, что мнѣ было зѣло противно, и чинилъ то съ великою лѣностью, только чтобы время въ томъ проходило, а охоты къ тому не имѣлъ»; онъ признается, что въ немъ все болѣе развивалась охота «конверсацію имѣть съ попами и чернецами». Легко себѣ представить, какъ онъ былъ пораженъ, когда въ 1709 г. получилъ отъ отца письмо слѣдующаго содержанія: «Зоонъ,—писалъ Петръ,—объявляемъ вамъ, что по прибытіи къ вамъ господина Меншикова ѣхать въ Дрезденъ, который васъ туда отправитъ. Между тѣмъ приказываемъ вамъ, чтобы вы, будучи тамъ, честно жили и прилежали больше къ ученію, а именно языкамъ, которые уже учишь, нѣмецкій и французскій, геометріи и фортификаціи, также отчасти и политическихъ дѣлъ. А когда геометрію и фортификацію кончишь, отпиши къ намъ. Засимъ, управи Богъ путь вашъ». За границей царевичъ получилъ не менѣе строгое приказаніе жениться на принцессѣ Шарлоттѣ Вольфенбюттельской, которую выбралъ ему отецъ и которая ему сильно не понравилась, когда онъ съ ней познакомился. Алексѣй просилъ позволенія посмотрѣть и другихъ невѣстъ. Петръ издавалъ потомъ указы, запрещавшіе духовенству вѣнчать насильно принуждаемыхъ къ браку, но къ сыну онъ не былъ справедливъ. Царевичъ женился на нелюбимой особѣ. Впослѣдствіи онъ говорилъ: «Вотъ навязали мнѣ на шею жену чертовку, какъ къ ней не приду, все сердитуетъ, не хочетъ

со мной говорить». Царевичъ не любилъ отца. Легко понять, какія рѣчи объ отцѣ, танцовавшемъ по цѣлымъ ночамъ съ нѣмками въ Нѣмецкой слободѣ, пришлось ему выслушивать въ теремѣ матери. «Не токмо дѣла воинскія,—пишетъ царевичъ въ той же автобіографіи,—и прочія отца моего дѣла, но и самая его особа зѣло мнѣ омерзѣла». Разлука съ матерью была однимъ изъ тѣхъ тяжелыхъ впечатлѣній дѣтства, которыя потомъ никогда не забываются, а появленіе около отца особы, которую самъ Петръ много лѣтъ называлъ «хозяйкой», а царевичъ долженъ былъ называть «мадамъ» и потомъ «матушкой государыней» при жизни его родной матушки, не могли уменьшить его нерасположенія къ отцу. Не любя отца, онъ сильно его боялся, зная его тяжелую руку. Для него бывало хуже каторги, говорилъ онъ, когда его позовутъ къ государю по какому-нибудь торжественному случаю. Когда царевичъ вернулся изъ-за границы уже женатымъ человѣкомъ, Петръ, желая сдѣлать ему экзаменъ, какой онъ производилъ всѣмъ молодымъ людямъ, посылавшимся для обученія, приказалъ ему принести и показать чертежи. Опасаясь, чтобы отецъ не заставилъ его чертить, царевичъ выстрѣлилъ себѣ въ руку изъ пистолета и опалилъ ее порохомъ.

Отношенія отца къ сыну особенно обострились ко времени кончины кронпринцессы Шарлотты. Несочувствіе Алексѣя дѣлу реформы было ясно для Петра и наводило его на тревожныя мысли во время сильной продолжительной болѣзни, которою онъ занемогъ въ 1715 г. Дѣло, которое, какъ ему казалось, онъ началъ, которому онъ отдался весь, должно было погибнуть съ его смертью. Петръ рѣшился объясниться съ сыномъ откровенно и прямо. Въ день погребенія кронпринцессы онъ лично вручилъ ему письмо, озаглавленное: «Объявленіе сыну моему». Обозрѣвъ успѣхи, достигнутые его собственнымъ и «прочихъ истинныхъ сыновъ россійскихъ» трудами въ войнѣ со шведами, которые для русскихъ «разумнымъ очамъ добрый завернули завѣсъ и со всѣмъ свѣтомъ коммуникацію пресѣкли», царь продолжалъ: «егда же сію Богомъ данную нашему отечеству радость разсмотря, обозрюсь на линію наслѣдства, едва не равная радости горесть меня снѣдаетъ, видя тебя весьма на правленіе дѣлъ государственныхъ непотребнаго (ибо Богъ не есть виновенъ, ибо разума тебя не лишилъ, иже крѣпость тѣлесную весьма отнялъ, ибо хотя не весьма крѣпкой природы обаче и не весьма слабой)... Я есмь человѣкъ и смерти подлежу, то кому вышеписанное съ помощью Вышняго насажденіе и уже нѣкоторое возвращенное оставлю? Тому, иже уподобился лѣнивому рабу евангельскому, вкопавшему талантъ свой въ землю. Еще же и сіе вспомяну, какого злаго нрава и упрямаго ты исполненъ. Ибо сколько много за сіе тебя бранивалъ, и не точію бранивалъ, но и бивалъ, къ тому же сколько лѣтъ почитай не говорю съ тобой; но ничто сіе не успѣло, ничто пользуетъ, но все даромъ, все на сторону и ничего дѣлать не хочешь, только бы дома жить и

веселиться... Что все я съ горестью размышляя и видя, что ничѣмъ тебя склонить не могу къ добру, за благо изобрѣлъ сей послѣднiй тестаментъ тебѣ написать и еще мало пождать, аще нелицемѣрно обратишься, ежели же ни, то извѣстенъ будь, что я тебя весьма наслѣдства лишу, яко удъ гангренный, а не мни себѣ, что одинъ ты у меня сынъ, и что я сiе только въ устрастку пишу. воистину (Богу изволыщу) исполню, ибо я за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю, та како могу тебя непотребнаго пожалѣть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный».

Царевичъ выразилъ въ своемъ отвѣтѣ полную готовность дать письменное отреченiе отъ престола. «Давай писемъ хоть тысячу,— говорилъ ему одинъ изъ совѣтниковъ его, кн. В. В. Долгорукiй,— еще когда что будетъ: старая пословица: улита ѣдетъ, когда-то будетъ». Черезъ нѣсколько времени, вновь перенеся болѣзнь, настолько тяжелую, что опасались за его жизнь, царь обратился къ сыну съ другимъ письмомъ, которое онъ озаглавилъ такъ: «Послѣднее напоминанiе еще». — «Чѣмъ воздаешь рожденiе отцу своему? — писалъ въ немъ царь. — Помогаешь ли въ такихъ моихъ несносныхъ печаляхъ и трудахъ, достигши такого совершеннаго возраста? Ей, николи, что всѣмъ извѣстно есть, но паче ненавидишь дѣлъ моихъ, которыя я для людей народа своего, не жалѣя здоровья своего, дѣлаю, и, конечно, по мнѣ разорителемъ оныхъ будешь. Того ради, такъ остаться, какъ желаешь быть, ни рыбою, ни мясомъ, невозможно, но или отмѣни свой нравъ и нелицемѣрно удостой себя наслѣдникомъ или будь монахъ: ибо безъ сего духъ мой спокоенъ быть не можетъ, а особливо, что нынѣ мало здоровъ сталъ».

Алексѣй смиренно заявилъ отцу, что желаетъ монашескаго чина. «Вѣдь клобукъ не гвоздемъ къ головѣ прибитъ», шепталъ ему другой близкiй ему другъ и совѣтникъ. Петръ далъ ему время подумать и уѣхалъ за границу. Но когда оттуда онъ потребовалъ отъ сына рѣшительнаго отвѣта, царевичъ въ сопровожденiи нѣсколькихъ слугъ и «матресы», какъ тогда называли нѣкую дѣвицу Евфросинью, бѣжалъ въ Вѣну къ цезарю, женатому на его свояченицѣ, который укрывалъ его нѣкоторое время въ уединенномъ Тирольскомъ замкѣ, а затѣмъ въ Неаполѣ; послѣ долгихъ поисковъ и большихъ хлопотъ при переговорахъ съ вѣнскимъ дворомъ, Петръ, грозя войною Австрiи, вытребовалъ сына. 3-го февраля 1718 г. царевичъ въ Москвѣ на торжественномъ собранiи сената и синода подписалъ отреченiе отъ престола. Отецъ обѣщалъ ему прощенiе, если чистосердечно во всемъ признается. Вскорѣ, однако, обнаружилось, что показанiя царевича не были полны. Евфросинья на допросѣ въ застѣнкѣ Петропавловской крѣпости выдала его затаенныя думы и планы: «Вотъ видишь,—говорилъ царевичъ, читая извѣстiе о болѣзни своего младшаго брата: — видишь, что Богъ дѣлаетъ: батюшка дѣлаетъ свое, а Богъ свое». Открылось, что царевичъ ожидалъ бунта въ войскѣ противъ Петра и высказывалъ готовность примк-

нуть къ бунту. Передъ Евфросиньей онъ не стѣснялся распространяться о своихъ намѣреніяхъ относительно будущаго и развивать свою политическую программу. Онъ собирался, когда сдѣлается царемъ, «перевести» всѣхъ старыхъ и избрать новыхъ совѣтниковъ по своему вкусу, собирался жить въ Москвѣ, а Петербургъ покинуть, кораблей больше не держать и отказаться отъ территоріальныхъ пріобрѣтеній отца. Легко понять, съ какими чувствами выслушалъ эти показанія Петръ; царевичъ подтвердилъ ихъ и участь его была рѣшена: Петръ объявилъ данный въ Москвѣ «пардонъ не въ пардонъ». Царевичъ былъ преданъ суду особаго ad hoc составленнаго трибунала изъ духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ, который приговорилъ его къ смерти. Царевичъ скончался, не дождавшись исполненія приговора въ одномъ изъ казематовъ Петропавловской крѣпости.

Дѣло царевича Алексѣя было причиной изданія Петромъ закона о престолонаслѣдіи. Въ древней Руси не было закона, опредѣлявшаго престолонаслѣдія. Сначала престолъ передавался по завѣщанію, по прекращеніи старой династіи установилось престолонаслѣдіе по избранію земскимъ соборомъ; обыкновенно и по завѣщанію и по избранію престолъ переходилъ къ старшему сыну царствовавшаго государя. Отступленіе отъ этой обычной практики въ 1682 г., когда былъ избранъ младшій сынъ и обойденъ старшій, подало поводъ къ народнымъ волненіямъ. Этотъ обычный порядокъ былъ отмѣненъ Петромъ Великимъ, и 5-го февраля 1722 г. былъ изданъ законъ, опредѣлявшій преемство престола. «Понеже всѣмъ вѣдомо есть,—писалъ Петръ во введеніи къ этому закону,—какою авессаломскою злостію надменъ былъ сынъ нашъ Алексѣй... а сіе не для чего иного у него возросло, токмо отъ обычая стараго, что большому сыну наслѣдство давали, къ тому жъ одинъ онъ тогда мужска полу нашей фамиліи былъ и для того ни на какое отеческое наказаніе смотрѣть не хотѣлъ. Сей недобрый обычай не знаю чего для такъ былъ затвержденъ». Далѣе приводятся три основанія въ пользу того взгляда, что государь можетъ распоряжаться престоломъ по своей волѣ. Во-первыхъ, примѣръ изъ священнаго писанія: указывается, какъ Исаакова жена меньшему сыну наслѣдство исходатайствовала «и что еще удивительнѣе, что и Божіе благословеніе тому слѣдовало». Далѣе, примѣръ изъ исторіи Россіи: великій князь Иванъ III-й, который «не по первенству, но по волѣ сіе чинилъ и дважды отмѣнялъ, усматривая достойнаго наслѣдника, который бы собранное и утвержденное наше отечество паки въ расточеніе не упустилъ, перва мимо сыновей отдалъ внуку, а потомъ отставилъ внука уже вѣнчаннаго и отдалъ сыну наслѣдство». Наконецъ, царь находитъ основаніе въ гражданскомъ правѣ: именно въ указѣ 1714 г., предоставляющемъ на волю родительскую отдавать имѣніе тому сыну, котораго родитель сочтетъ достойнымъ, «хотя и меньшему мимо большихъ, признавая удобнаго,

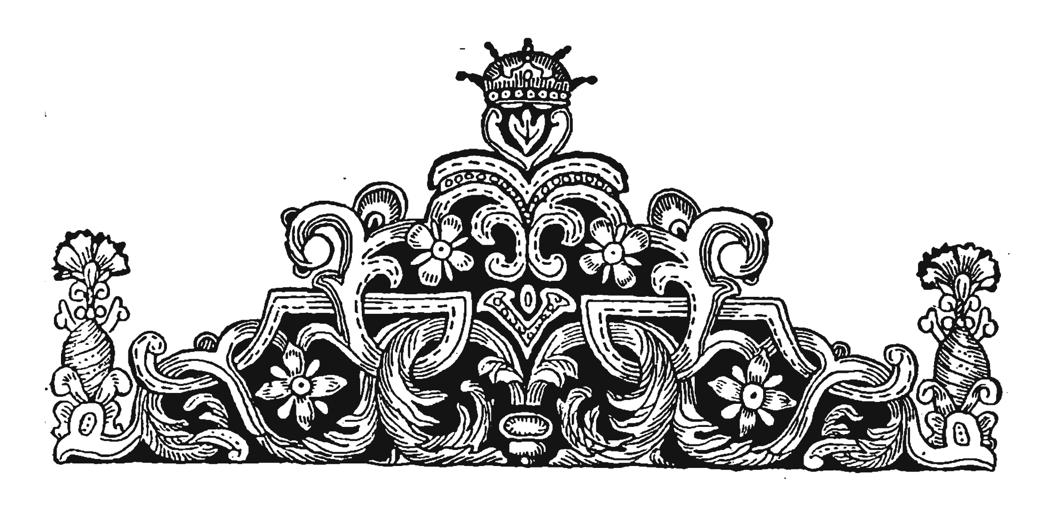
который бы не расточилъ наслѣдства». «Кольми же паче,—заключаетъ отсюда царь,—должны мы имѣть попеченіе о цѣлости всего нашего государства». Исходя изъ этихъ основаній, Петръ устанавливаетъ новый порядокъ престолонаслѣдія, по которому, во - первыхъ, царствующій государь «кому хочетъ, тому и опредѣлитъ наслѣдство» и, во-вторыхъ, имѣетъ право, видя какое-нибудь «непотребство» въ наслѣдникѣ, лишить его наслѣдства и назначить другого наслѣдника, дабы дѣти и потомки не впали въ такую злость, какъ выше писано, имѣя сію узду на себѣ».

Установивъ законъ о престолонаслѣдіи, царь, однако, не успѣлъ назначить себѣ наслѣдника и скончался въ ночь съ 27 на 28 января 1725 г., не указавъ, кто долженъ былъ занять престолъ послѣ его смерти.

Гробница Петра Великаго въ Петропавловскомъ соборѣ въ Петербургѣ.

Императрица Екатерина I Алексѣевна.
1684 –1727.

(Съ оригинала, находящагося въ Романовской галлереѣ Зимняго Дворца.)



ИМПЕРАТРИЦА
Екатерина I Алексѣевна.

(1683—1725—1727).

Въ одномъ изъ интимныхъ разговоровъ со своей вѣроломной фавориткой Евфросиніей несчастный царевичъ Алексѣй предсказалъ скорое наступленіе въ Россіи «бабьяго царства» и прибавилъ, что когда это случится, то «добра не будетъ, а будетъ смятеніе». И дѣйствительно, послѣ смерти Преобразователя, если не считать двухъ краткихъ перерывовъ, на цѣлыхъ 70 лѣтъ утвердилось въ странѣ правленіе женщинъ, изъ которыхъ каждая вступала на престолъ путемъ дворцоваго переворота. Эту эпоху въ исторіи Россіи XVIII в. открыла собой Екатерина Алексѣевна.

Происхожденіе и жизнь до совершеннолѣтія второй супруги Петра Великаго до сихъ поръ все еще не вполнѣ выяснены. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что, пока она была Мартой — такъ назвали ее при крещеніи — никто не потрудился сохранить о ней достовѣрныя свѣдѣнія, а позже, когда она стала Екатериной Алексѣевной, узнать правду, несмотря на всѣ заботы, оказалось уже невозможнымъ. Родилась она 5 апрѣля 1683 г. гдѣ-то въ Лифляндіи. Матерью ея была крестьянка Скавронская, повидимому, литвинка или латышка. Кто былъ ея отцомъ, неизвѣстно. Родители ея умерли отъ чумы, и дѣвочку пріютила жившая въ Крейсбургѣ тетка ея Марія-Анна Веселевская, испорченную фамилію которой она носила одно время впослѣдствіи. Отъ Веселевской 12-лѣтняя Марта попала въ домъ маріенбургскаго пастора Глюка, гдѣ стала помогать его женѣ въ хозяйствѣ и присмотрѣ за дѣтьми. Протестантскій богословъ и ученый лингвистъ, пасторъ воспиталъ ея въ правилахъ лютеранской вѣры, хотя она была католичкой, но грамотѣ не выучилъ. У него Марта прожила 5 лѣтъ. На 18-мъ году жизни она вышла замужъ за шведскаго драгуна, котораго звали Іоганномъ.

Въ 1702 г. Іоганнъ покинулъ Маріенбургъ вмѣстѣ съ полкомъ, гдѣ онъ служилъ. Вскорѣ послѣ этого Маріенбургъ осадили русскія войска подъ начальствомъ фельдмаршала Б. П. Шереметева. Не имѣя надежды отразить непріятельскій приступъ, шведскій комендантъ рѣшилъ лучше взорваться, чѣмъ сдаться. Онъ сообщилъ о своемъ намѣреніи пастору Глюку и посовѣтовалъ ему уйти изъ города съ семьей и прихожанами, а когда тотъ это сдѣлалъ, поджегъ пороховой складъ и вмѣстѣ съ солдатами взлетѣлъ на воздухъ. Глюкъ же во главѣ толпы бѣглецовъ прибылъ въ русскій лагерь. Шереметевъ обласкалъ пастора, не упустившаго случая намекнуть русскому главнокомандующему о своей готовности быть полезнымъ русскому царю, и вскорѣ отправилъ его съ семьей въ Москву, но приглянувшуюся ему Марту оставилъ у себя. Такъ ливонская плѣнница взошла на первую ступень той лѣстницы, на послѣдней ступени которой ее ждала русская корона.

Въ разсматриваемое время Марта находилась въ полномъ расцвѣтѣ своей молодости и незаурядной красоты. Средняго роста, стройная брюнетка, съ длинной и густой черной косой, она отличалась веселымъ характеромъ, бойкостью и ловкостью. Ея полное румяное лицо и жгучіе глаза притягивали къ себѣ взоры всѣхъ и вскорѣ она завоевала въ русскомъ лагерѣ всеобщую симпатію. Когда въ армію Шереметева прибылъ Меншиковъ, Марта и на него также произвела сильное впечатлѣніе, и онъ уговорилъ фельдмаршала уступить ее ему. Полудержавный властелинъ и маріенбургская плѣнница тѣсно подружились и на всю жизнь сохранили хорошія отношенія. Въ началѣ 1703 г. Марту увидѣлъ въ домѣ Меншикова Петръ Великій. Ему она понравилась съ перваго взгляда, и вскорѣ онъ помѣстилъ ее въ подмосковномъ селѣ Преображенскомъ въ число придворныхъ дѣвицъ любимой своей сестры царевны Натальи. Тогда же крестили ее въ православную вѣру и назвали Екатериной Алексѣевной, при чемъ крестнымъ отцомъ ея былъ записанъ юный сынъ Петра, Алексѣй.

Первое время Екатерина Алексѣевна ничѣмъ не выдѣлялась изъ среды другихъ дѣвицъ, жившихъ во дворцѣ царевны Натальи. Но скоро корень, которымъ, какъ думали нѣкоторые изъ свидѣтелей ея быстраго возвышенія, она «его царское величество обвела», сталъ дѣйствовать, и Петръ началъ все больше и больше привязываться къ ней. Этому способствовало, быть-можетъ, то, что царь въ 1705 г. разошелся съ Анной Монсъ, влюбившейся въ прусскаго посланника Кейзерлинга, за котораго она затѣмъ и вышла замужъ. Постепенно Петръ научается серьезно заботиться о своей фавориткѣ, чего онъ обыкновенно не дѣлалъ по отношенію прежнихъ. Такъ, напримѣръ, отправляясь въ рѣшительный походъ противъ Карла XII, онъ въ собственноручной запискѣ отъ 5 янв. 1708 г. пишетъ: «Ежели что мнѣ случится волею Божіею, тогда три тысячи рублевъ, которыя нынѣ на дворѣ господина князя Меншикова, отдать Кате-

ринѣ Василевской». Послѣдующія письма его, адресованныя прямо къ этой Василевской, становятся чрезвычайно нѣжными; царь пишетъ ей: «Катеринушка другъ мой» и «другъ мой сердешненькій». Вмѣстѣ съ письмами онъ нерѣдко шлетъ ей и подарки, правда недорогіе, но такіе, выборъ которыхъ свидѣтельствуетъ о постоянной внимательности его къ ея вкусамъ и потребностямъ. Все сильнѣе и сильнѣе привыкая къ «Катеринушкѣ», Петръ съ 1709 г. даже начинаетъ брать ее съ собой въ поѣздки. Когда же почему-либо она не могла сопровождать его, онъ шлетъ ей одно за другимъ письма, въ которыхъ частенько встрѣчаются такія фразы: «Для Бога, пріѣзжайте скорѣе», «Гораздо безъ васъ скучаю», «Желаю васъ въ радости видѣть, что дай Боже» и т. п.

Это глубокое чувство развилось въ сердцѣ Петра не только потому, что къ 40 годамъ жизни онъ усталъ отъ своихъ шумныхъ забавъ, почувствовалъ одиночество и сталъ жаждать семьи и уюта. Большую роль сыграло здѣсь и то, что въ Екатеринѣ Алексѣевнѣ онъ встрѣтилъ женщину, которая вполнѣ подходила къ его характеру и образу жизни. Привыкшій съ малыхъ лѣтъ къ кипучей дѣятельности, не любившій долго засиживаться на одномъ мѣстѣ, Петръ нуждался въ женѣ, способной всюду слѣдовать за нимъ, всегда быть его надежнымъ товарищемъ. А Екатерина Алексѣевна отвѣчала этимъ требованіямъ, какъ никто. Ея физическія силы позволяли ей безнаказанно для здоровья претерпѣвать трудности походной жизни царя. Выросши въ бѣдности, она равнодушно относилась къ комфорту и легко привыкла къ любимому дѣтищу государя, Петербургу, сколько ни представлялъ неудобствъ только что заложенный городъ. Ни при какой внѣшней обстановкѣ Екатерина Алексѣевна не теряла своей природной веселости. Она охотно принимала участіе въ царскихъ пирушкахъ, но при этомъ сохраняла благоразуміе: «пора домой, батюшка», говорила она Петру, когда замѣчала, что веселье слишкомъ затягивается. И «батюшка» покорно шелъ за ней. Въ то же время она отличалась смѣлостью, и присутствіе духа не покидало ее даже при очень опасныхъ обстоятельствахъ. Такъ, она одна изъ всѣхъ окружающихъ безъ страха подходила къ Петру, когда тотъ неистовствовалъ въ припадкахъ гнѣва, иногда безъ всякаго повода находившихъ на него. Главное же, чѣмъ Екатерина Алексѣевна привязала къ себѣ Петра, было то, что она съ чисто женской чуткостью разгадала его и искренно полюбила его самого, не царскій его санъ. Ея любовь къ царю не только позволяла ей искренно раздѣлять его радости и огорченія, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ обращался къ ней съ вопросами, давать ему совѣты, которые свидѣтельствовали о ея природномъ умѣ.

Привязанность Петра къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ закрѣпилась, наконецъ, весной 1711 г. бракомъ его на ней, правда пока тайнымъ. Вскорѣ царственные супруги отправились въ Прутскій походъ, во время котораго, какъ извѣстно, русская армія была окружена во

много разъ превосходившей ее турецкой. Въ этотъ тяжелый для Петра моментъ, когда даже онъ нѣсколько растерялся, его жена сумѣла поднять въ немъ духъ и энергію. Говорятъ, она собрала свои драгоцѣнности и убѣдила тоже сдѣлать и другихъ и все это послала къ великому визирю, чтобы склонить того выпустить русскихъ изъ засады. Этимъ поступкомъ она пріобрѣла славу спасительницы царя и арміи, и по возвращеніи въ Петербургъ, Петръ объявилъ ее всенародно своей супругой, 19 февраля 1712 г., при чемъ при совершеніи новаго вѣнчанія были «привѣнчаны» и обѣ дочери ихъ: Анна, родившаяся 27 февраля 1708 г., и Елизавета, родившаяся 18 декабря 1709 г. Для примиренія общественнаго мнѣнія съ своей женитьбой, царь не упускалъ изъ виду ничего, что могло бы способствовать возвышенію Екатерины Алексѣевны въ глазахъ окружающихъ. Въ память о совершонномъ ею въ Прутскомъ походѣ былъ учрежденъ орденъ св. Екатерины или Освобожденія. Она окружена была въ Петербургѣ пышнымъ дворомъ и во время празднествъ и церемоній появлялась въ роскошныхъ нарядахъ и съ большой свитой. Всѣмъ этимъ царь думалъ заставить окружающихъ забыть незнатное происхожденіе царицы.

И окружающіе, по крайней мѣрѣ, наружно, вполнѣ примирились съ Екатериной Алексѣевной. Тѣ, кто, подобно Меншикову, вышли изъ низовъ общества, видѣли въ ней свою естественную покровительницу, а знать за время царствованія Петра привыкла, по крайней мѣрѣ, скрывать свое истинное настроеніе. Екатерина со своей стороны со всѣми старалась быть очень привѣтливой и всѣмъ обращавшимся къ ней охотно оказывала заступничество. А такихъ въ грозное правленіе Петра было немало. Ей приводилось помогать и фельдмаршалу Шереметеву, и гр. Матвѣеву, и особенно часто Меншикову, который исключительно ей былъ обязанъ сохраненіемъ своей головы. Не разъ спасала она придворныхъ отъ гнѣвныхъ вспышекъ государя, котораго только она одна могла укротить Любила царица оказывать благодѣянія и простымъ людямъ. Хорошо относилась она также къ семьѣ покойнаго брата Петра, Іоанна Алексѣевича, и умѣла вліять на его вдову, царицу Прасковью Θеодоровну, которая отличалась крутымъ характеромъ и заставляла своихъ дочерей, Екатерину и Анну, нерѣдко обращаться къ заступничеству Екатерины Алексѣевны. Только съ сыномъ Петра отъ перваго брака и своимъ крестнымъ отцомъ, царевичемъ Алексѣемъ, Екатерина Алексѣевна была холодна. Эта холодность послѣ брака Алексѣя на принцессѣ Шарлоттѣ Вольфенбюттельской, совершившагося 14 октября 1711 г., перешла даже въ прямое недоброжелательство: Екатерина Алексѣевна не теряла надежды имѣть еще и сына и, само собой разумѣется, не могла не мечтать для него о коронѣ. Къ тому же она, любя своихъ родныхъ дѣтей, не могла не опасаться за ихъ участь, если бы послѣ Петра власть досталась Алексѣю, ненавидѣвшему отца и все отцовское.

Пріобрѣтя расположеніе окружающихъ, Екатерина Алексѣевна послѣ вѣнчанія продолжала находиться въ превосходныхъ отношеніяхъ и съ самимъ Петромъ. Надвигавшаяся старость и дававшая себя знать тяжелая болѣзнь усмирили страсти царя, и въ своей женѣ онъ сталъ прежде всего видѣть преданнаго человѣка, заботливо лелѣявшаго его. Возможно, что ей онъ даже намѣревался оставить престолъ, по крайней мѣрѣ 5 февраля 1722 г. онъ издалъ законъ, которымъ оба порядка престолонаслѣдія, дѣйствовавшіе раньше, и естественный переходъ власти отъ отца къ сыну, а при отсутствіи послѣдняго къ внуку, и соборное избраніе — замѣнялись личной волей царствующаго государя. Вскорѣ затѣмъ Петръ составилъ завѣщаніе, по которому послѣ его смерти престолъ долженъ былъ перейти къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, а 7 мая 1724 г. онъ короновалъ ее всероссійской императрицей.

Но прошло два мѣсяца, и все измѣнилось. Причиной этого явилось дѣло камергера Монса, которымъ вдругъ увлеклась Екатерина Алексѣевна. Долгое время Петръ ничего не зналъ о связи Екатерины Алексѣевны съ Монсомъ, хотя придворные объ этой связи были хорошо освѣдомлены, и Ягужинскій не разъ открыто выговаривалъ камергеру его поведеніе. Государю, недугъ котораго ни для кого не былъ тайной, никто изъ окружающихъ не осмѣливался открыть глаза. А самъ онъ слѣпо вѣрилъ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, которая между тѣмъ въ своихъ отношеніяхъ къ Петру была уже не прежней. Когда онъ уѣзжалъ, напримѣръ, она подолгу не отвѣчала на его письма. «Пятое письмо пишу къ тебѣ, а отъ тебя только три получилъ, въ чемъ не безъ сумнѣнія къ тебѣ, для чего не пишешь», упрекалъ ее Петръ. Если же она и отправляла къ нему письма, то въ нихъ уже рѣдко говорилось о печали по поводу разлуки, и то это дѣлалось вскользь. Получивъ роковой доносъ, Петръ былъ страшно пораженъ. Но онъ слишкомъ любилъ Екатерину, чтобы погубить ее, Монсъ же былъ казненъ 16 ноября 1722 г.; императрица должна была присутствовать при этомъ, а голова казненнаго въ банкѣ со спиртомъ была доставлена во дворецъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ разорвалъ и завѣщаніе, гдѣ Екатерина назначалась его преемницей

Екатерина Алексѣевна съ поразительнымъ самообладаніемъ пережила эти тревожные моменты. Спустя нѣкоторое время, супруги наружно помирились, но Петръ уже не назначилъ снова свою супругу наслѣдницей короны. Лишь въ послѣднія минуты жизни, уже не владѣя языкомъ, онъ рѣшился, наконецъ, распорядиться престоломъ, но ослабѣвшая рука императора смогла только написать: «отдайте все», а кому—императоръ уже не былъ въ силахъ обозначить.

Въ Московской Руси со времени смерти послѣдняго Рюриковича и вплоть до Михаила Ѳеодоровича право избранія на престолъ было присвоено земскому собору, какъ органу, выражав-

шему мнѣніе и волю всей земли. Къ земскому собору слѣдовало прибѣгнуть и теперь, но этого не было сдѣлано. Рѣшеніе вопроса взяли въ свои руки «верховные господа»: члены сената, синода и генералитетъ, которые и явились во дворецъ въ ночь на 28 января 1725 г., когда умиралъ Петръ. Имъ предстояло выбрать на престолъ или женщину, или ребенка.

Въ ихъ средѣ было двѣ партіи. Одна состояла изъ удержавшихся на верху общества обломковъ боярства, вообще униженнаго Преобразователемъ, при которомъ, какъ выразился кн. Щербатовъ, «стали не роды почтенны, но чины и заслуги и выслуги». Къ этой партіи принадлежали сплошь одни родовитые аристократы и среди нихъ немало потомковъ тѣхъ бояръ, которые въ смуту ограничили власть Шуйскаго и при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ проектировали раздѣлить между собой Россію. Теперь, подъ вліяніемъ знакомства съ Западной Европой, ихъ боярскія тенденціи получаютъ большую опредѣленность, такъ сказать, кристаллизуются въ аристократическо-олигархическія идеи. Одни изъ нихъ увлекаются шведской олигархіей, для другихъ служитъ идеаломъ сильное англійское лордство, третьихъ плѣняетъ мишурный блескъ французской знати. Настоящимъ идеологомъ ихъ былъ первоклассный дипломатъ того времени, гедиминовичъ, кн. Борисъ Ивановичъ Куракинъ. Отрывки изъ его «Гисторіи о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ» превосходно выражаютъ настроеніе русской аристократіи въ царствованіе Преобразователя. «И въ томъ правленіи, — читаемъ мы у него, — наибольшее начало паденія первыхъ фамилій (учинилось), а особливо имя князей было смертельно возненавидѣно и уничтожено, какъ отъ его царскаго величества, такъ и отъ персонъ тѣхъ правительствующихъ, которыя кругомъ его были, для того, что всѣ оные господа, какъ Нарышкины, Стрѣшневы, Головкинъ, были домовъ самаго низкаго и убогаго шляхетства и всегда ему внушали съ молодыхъ лѣтъ противу великихъ фамилій. Къ тому жъ и самъ его величество склоннымъ явился, дабы уничтоживаніемъ оныхъ отнять у нихъ повоиръ (т.-е. pouvoir) и учинить бы себя наибольшимъ сувреномъ». Руководящая роль въ этой партіи, естественно, принадлежала лицамъ, которыя, на ряду со знатностью происхожденія, отличались еще и тѣмъ, что занимали высшія правительственныя должности. Такими какъ разъ были князья Голицыны—сенаторъ Дмитрій Михайловичъ и фельдмаршалъ Михаилъ Михайловичъ, другой фельдмаршалъ и президентъ военной коллегіи кн. Никита Репнинъ, президентъ юстицъ-коллегіи Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ и др. Среди нихъ особенно выдавался европейски образованный кн. Дм. Мих. Голицынъ, серьезно задумавшій осуществить то, о чемъ мечталъ кн. Куракинъ, а именно, выражаясь словами послѣдняго, «найти средство удержать знатные роды на должной высотѣ». Такимъ средствомъ онъ считалъ возведеніе на престолъ Петра Алексѣевича, самодержавіе котораго, въ силу его малолѣтства, легко было ограничить въ

пользу аристократiи. За эту кандидатуру стояла и вся аристократическая партiя.

Другую партiю составляли «новые русскiе люди»», сдѣлавшiе при Петрѣ блестящую карьеру благодаря исключительно личной выслугѣ. Ихъ кандидаткой была Екатерина Алексѣевна, въ воцаренiи которой они видѣли залогъ сохраненiя своего положенiя. Кромѣ того, высказаться за нее многихъ изъ нихъ побуждало и опасенiе, какъ бы у нихъ съ вступленiемъ на престолъ сына царевича Алексѣя не пали головы, такъ какъ они участвовали въ судѣ надъ его отцомъ. Главными дѣятелями этой партiи были Меншиковъ, генералъ-прокуроръ Ягужинскiй и Петръ Андреевичъ Толстой. Къ нимъ примыкали и многочисленные служилые иностранцы, а также на ихъ сторону перешелъ и генералъ-адмиралъ Ѳ. М. Апраксинъ, находившiйся въ тѣсныхъ личныхъ отношенiяхъ съ Меншиковымъ и Толстымъ. Эту партiю поддерживали и члены синода, особенно Ѳеофанъ Прокоповичъ и Ѳеодосiй Яновскiй.

Слухи о томъ, что родовитая знать, возведя на престолъ малолѣтняго Петра, заключитъ «невѣдомую ливонскую плѣнницу» съ ея дочерями въ монастырь, заставили энергично дѣйствовать и Екатерину Алексѣевну. Положенiе ея было очень нелегкимъ, такъ какъ противъ себя она имѣла не только аристократiю: и народъ считалъ законнымъ наслѣдникомъ престола внука умиравшаго государя. И вотъ Екатерина обращается за поддержкой къ войску. Войску изъ собственной казны императрицы было уплачено недоданное за 18 мѣсяцевъ жалованье, и сверхъ того выдано по 30 рублей на человѣка, а также были облегчены служебныя тягости. Почва была этимъ достаточно подготовлена.

Немудрено, что въ ночномъ собранiи сената, синода и генералитета партiя Екатерины Алексѣевны чувствовала себя вполнѣ увѣренной въ своей побѣдѣ. И когда въ пренiяхъ по поводу возможныхъ кандидатуръ на престолъ это ясно обнаружилось, знать пошла на уступку. Попрежнему настаивая на избранiи въ государи Петра Алексѣевича, кн. Дм. Мих. Голицынъ, однако, предложилъ регентство до его совершеннолѣтiя поручить Екатеринѣ Алексѣевнѣ и сенату. Но партiя Екатерины Алексѣевны хорошо понимала, что съ осуществленiемъ предложенiя Голицына опасность для нея потерять свое положенiе не уничтожается, а лишь отсрочивается. Отъ лица этой партiи съ блестящей рѣчью выступилъ Толстой. «Это распоряженiе, — сказалъ онъ, обращаясь къ аристократiи, — именно произведетъ междоусобную войну, которой вы хотите избѣжать, потому что въ Россiи нѣтъ закона, который бы опредѣлялъ время совершеннолѣтiя государей. Какъ только великiй князь будетъ объявленъ императоромъ, то часть шляхетства и большая часть подлаго народа станутъ на его сторонѣ, не обращая никакого вниманiя на регентство. При настоящихъ обстоятельствахъ Россiйская имперiя нуждается въ госу-

дарѣ мужественномъ, твердомъ въ дѣлахъ государственныхъ, который бы умѣлъ поддержать значеніе и славу, пріобрѣтенныя продолжительными трудами императора, и который бы въ то же время отличался милосердіемъ для содѣланія народа счастливымъ и преданнымъ правительству. Всѣ требуемыя качества соединены въ императрицѣ: она пріобрѣла искусство царствовать отъ своего супруга, который повѣрялъ ей самыя важныя тайны; она неоспоримо доказала свое героическое мужество, свое великодушіе и свою любовь къ народу, которому доставила безконечныя блага вообще и въ частности, никогда не сдѣлавши никому зла, притомъ права ея подтверждаются торжественною коронаціею, присягою, данною ей всѣми подданными по этому случаю, и манифестомъ императора, возвѣщавшимъ о коронаціи». При этихъ словахъ въ углу залы раздался одобрительный ропотъ, и присутствующіе увидали тамъ группу офицеровъ, незамѣтно вошедшихъ въ это собраніе. Президентъ военной коллегіи кн. Репнинъ сурово обратился къ нимъ, но стоявшій впереди подполковникъ Бутурлинъ подошелъ къ окну и сдѣлалъ рукой знакъ, въ отвѣтъ на который раздался барабанный бой. Оказалось, что дворецъ былъ окруженъ обоими гвардейскими полками. «Кто осмѣлился привести ихъ сюда безъ моего вѣдома? Развѣ я не фельдмаршалъ?» воскликнулъ Репнинъ. «Я получилъ приказъ отъ ея величества императрицы, которой всякій подданный долженъ повиноваться, не исключая и тебя», отвѣтилъ Бутурлинъ. Послѣ этого эпизода спорили мало. Для формы генералъ-адмиралъ Апраксинъ, какъ старшій сенаторъ, спросилъ кабинетъ-секретаря Макарова, нѣтъ ли завѣщанія Петра Великаго, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, сказалъ: «Идемъ заявить наши вѣрноподданническія чувства царствующей императрицѣ». Такъ вступила на престолъ Екатерина Алексѣевна.

Россія въ то время находилась далеко не въ цвѣтущемъ положеніи. Геній и энергія Преобразователя въ значительной мѣрѣ европеизировали страну, но эта европеизація обошлась очень дорого для казны и для народа. Государственные доходы не покрывали всѣхъ необходимыхъ расходовъ, вслѣдствіе чего многія отрасли государственнаго хозяйства, и даже такія важныя, какъ армія и флотъ, приходили въ упадокъ. Увеличить налоговое бремя не представлялось никакой возможности: и безъ того населеніе не было въ состояніи отправлять его бездоимочно. Въ 1724 г., напр., правительство не могло собрать съ него до 25% подушной подати, несмотря на то, что переписныя канцеляріи при сборѣ ея дѣйствовали съ необыкновенной жестокостью. Къ этому слѣдуетъ присоединить еще и то, что однѣ изъ реформъ Петра остались недодѣланными, другія требовали исправленія, третьи были только намѣчены, вслѣдствіе чего въ правительственныхъ учрежденіяхъ царилъ значительный хаосъ. Чтобы привести все это въ порядокъ, нуженъ былъ, какъ справедливо выразился въ своей рѣчи Толстой, «государь мужественный, твер-

дый въ дѣлахъ государственныхъ», притомъ знавшій «важныя тайны» Петра Великаго.

Ловкость и энергія, съ которыми повела себя Екатерина Алексѣевна въ минуту смерти своего супруга, многихъ заставила видѣть въ ней вполнѣ подходящую преемницу Преобразователя. Но вскорѣ всѣмъ стало ясно, что «сѣверная Семирамида», какъ назвалъ императрицу въ своихъ донесеніяхъ французскій посланникъ Кампредонъ, бывшая чрезвычайно энергичной и умной спутницей Петра, женщиной замѣчательной въ узкой области семейныхъ и придворныхъ отношеній, являлась въ широкой сферѣ государственной жизни дѣятелемъ очень слабымъ. Справедливо замѣчено о ней, что она принадлежала къ числу людей, которые кажутся способными къ правленію, пока не принимаютъ правленія. Дѣйствительно, обладая только чисто женскимъ умомъ, къ тому же необразованная — несмотря на настойчивыя просьбы Петра, она раньше не хотѣла взяться за грамоту, а послѣ восшествія на престолъ лишь черезъ три мѣсяца научилась подписывать свое имя — Екатерина Алексѣевна не любила заниматься государственными дѣлами. При Петрѣ у нея доставало умѣнья обнаруживать вниманіе и даже сочувствіе къ происходившему около нея движенію, но вызывать или хоть только поддерживать его она не могла. Ее отчасти интересовала лишь гвардія, и она съ бо́льшей охотой отправляла обязанности гвардейскаго полковника, чѣмъ главы обширнаго государства. Императрицу всегда видѣли на военныхъ смотрахъ, послѣ которыхъ она сама угощала гвардейцевъ. Все остальное время Екатерина Алексѣевна заполняла «развлеченіями», про которыя даже расположенный къ ней Кампредонъ какъ-то выразился, что благодаря имъ она рискуетъ утратить «и уваженіе и преимущества, заслуженныя ея великими дарованіями». Неразборчивымъ и безудержнымъ стремленіемъ къ удовольствіямъ Екатерина Алексѣевна, казалось, хотѣла вознаградить себя за то постоянное и сильное напряженіе, въ которомъ держала она свои умственныя и нравственныя силы при жизни Петра, боясь лишиться своего положенія и помня о судьбѣ первой жены царя.

Немудрено, что иностранные дипломаты, знавшие въ Россіи больше всего придворную жизнь, въ одинъ голосъ утверждали, что государство русское разлагается. «Нѣтъ восможности опредѣлить поведеніе этого двора, — уже сейчасъ же по восшествіи на престолъ Екатерины Алексѣевны писалъ саксонскій посланникъ Лефортъ, — онъ не въ состояніи позаботиться ни о чемъ. Все стоитъ; ничего не дѣлается... Никто не хочетъ взять на себя никакого дѣла... Дворецъ становится недоступнымъ; всюду интриги, искательства, распадъ». Но, къ счастію, кромѣ придворной среды, за время царствованія Петра въ Россіи успѣла сложиться и другая среда, — среда правительственныхъ дѣльцовъ, которые, если далеко не всегда

были сознательными сотрудниками Преобразователя, то, являясь во всякомъ случаѣ превосходными исполнителями его предначертаній, тѣмъ самымъ воспитали въ себѣ интересъ къ дѣятельности и работоспособность.

При добровольномъ устраненіи отъ дѣлъ Екатерины Алексѣевны и при неспособности къ нимъ ея фаворитовъ, власть, естественно, должна была перейти въ руки дѣльцовъ предшествовавшаго царствованія, и прежде всего тѣхъ, кто возвелъ на престолъ императрицу. Среди такихъ дѣльцовъ особенно выдавался своей близостью и къ покойному императору и къ царствующей императрицѣ князь Меншиковъ. Онъ-то на первыхъ порахъ и овладѣлъ властью, сталъ фактическимъ главой государства. Это исключительное положеніе, повидимому, совершенно вскружило голову временщика, который вдругъ обнаружилъ чрезвычайно деспотическія замашки, благодаря чему возбудилъ къ себѣ всеобщую ненависть. Противъ него стала и ободрившаяся послѣ выборнаго пораженія знать, и большинство прежнихъ друзей, во главѣ съ Апраксинымъ, Головкинымъ и Ягужинскимъ, а также и приверженцы герцога Голштинскаго, мужа Анны Петровны. Претендентъ на корону Швеціи и владѣлецъ земли, захваченной Даніей, герцогъ въ качествѣ мужа одной изъ дочерей государыни хотѣлъ занять въ Россіи первое мѣсто. Съ Меншиковымъ онъ столкнулся изъ-за того, что тотъ всячески старался удержать Россію отъ войны съ Даніей, за которую стояла и сама императрица.

Долго и умѣло Меншиковъ отражалъ удары своихъ враговъ, но, наконецъ, почва подъ его ногами заколебалась. Въ декабрѣ 1726 г. сенатъ разсматривалъ просьбу строившаго Ладожскій каналъ Миниха о присылкѣ для работъ ему 16.000 солдатъ. Пренія уже окончились и было рѣшено просьбу Миниха исполнить, когда Меншиковъ вдругъ заявилъ, что солдатъ онъ не дастъ. Въ высшей степени оскорбленные сенаторы разъѣхались по домамъ, и многіе изъ нихъ рѣшили больше не являться на засѣданія. Послѣ этого по городу разнесся слухъ, что знать готовится возвести на престолъ Петра Алексѣевича, предварительно ограничивъ его власть. Въ это же время выступилъ противъ Меншикова и герцогъ Голштинскій, тоже выдвинувшій, въ своихъ личныхъ расчетахъ, проектъ ограниченія верховной власти, только не будущаго императора, а настоящей императрицы. При помощи созданія особаго учрежденія онъ думалъ обуздать безмѣрный произволъ свѣтлѣйшаго. Когда проектъ этотъ сталъ извѣстенъ обѣимъ партіямъ, послѣднія въ лицѣ Головкина и Д. М. Голицына съ готовностью пошли на него, справедливо разсуждая, что Меншиковъ гораздо опаснѣе для нихъ, чѣмъ нѣмецкій принцъ, котораго легко можно было выслать изъ Россіи, когда въ этомъ почувствовалась бы надобность.

Меншиковъ понялъ серьезность своего положенія и рѣшилъ пойти на компромиссъ. Посредникомъ между нимъ и противниками явился Толстой. Скоро обѣ стороны пришли къ соглашенію, принявъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ проектъ герцога Голштинскаго, въ необходимости осуществленія котораго убѣдить императрицу было нетрудно. 8 февраля 1726 г. появился указъ объ учрежденіи «при дворѣ..., какъ для внѣшнихъ, такъ и для внутреннихъ государственныхъ важныхъ дѣлъ» верховнаго тайнаго совѣта и назначеніи въ члены его свѣтлѣйшаго Меншикова, Апраксина старшаго, Головкина, Толстого, Дм. Голицына и Остермана, къ которымъ вскорѣ присоединился еще герцогъ Голштинскій, замѣнявшій на засѣданіяхъ часто отсутствовавшую императрицу.

Это учрежденіе, впрочемъ, нельзя назвать совсѣмъ новымъ: въ него вошли дѣйствительные тайные совѣтники, которые въ качествѣ «первыхъ министровъ» и безъ того имѣли частыя совѣщанія о важнѣйшихъ государственныхъ вопросахъ, состоя сенаторами, а первые трое сверхъ того были еще и президентами главныхъ коллегій — военной, морской и иностранной. Однако превращеніе спорадическихъ собраній въ постоянное присутственное мѣсто придало послѣднему особый характеръ, позволившій иностраннымъ наблюдателямъ увидѣть въ этомъ учрежденіи первый шагъ къ введенію въ Россіи аристократической конституціи. И этотъ взглядъ не былъ вполнѣ безосновательнымъ. Назначенныя членами совѣта лица подали государынѣ «мнѣніе не въ указъ», касающееся характера и компетенціи новаго учрежденія, которое и было утверждено въ качествѣ его регламента. Сенатъ, синодъ и коллегіи ставились подъ надзоръ совѣта, хотя и оставались при своихъ старыхъ уставахъ; только дѣла, для рѣшенія которыхъ требовались новые законы, они должны были со своимъ мнѣніемъ передавать въ совѣтъ. Послѣдній дѣйствовалъ подъ предсѣдательствомъ самой императрицы, представляя собой не «особливую коллегію», а какъ бы расширеніе единоличной верховной власти въ коллегіальную форму: впредь ни одинъ указъ не могъ выйти безъ того, чтобы его не контрасигнировалъ одинъ, а въ важныхъ случаяхъ двое изъ членовъ совѣта. Такимъ образомъ этотъ послѣдній дѣйствительно до извѣстной степени ограничивалъ главу имперіи.

Съ возникновеніемъ совѣта борьба за власть на время утихла, такъ какъ наиболѣе видные представители генералитета, вошедшіе въ составъ его, вполнѣ добились своего. Остальной генералитетъ къ «англійской конституціи», дѣлавшей нѣсколькихъ лицъ, еще вчера принадлежавшихъ къ его средѣ, «верховными господами», отнесся недружелюбно, но оппозиція генералитета въ общемъ носила тайный характеръ, и открыто противъ совѣта не было предпринимаемо ничего. Выступилъ противъ него сенатъ: онъ не принялъ отъ совѣта указа объ его учрежденіи и черезъ своего экзекутора въ самой обидной формѣ вернулъ его

въ канцелярію новаго учрежденія. За это верховники сурово раздѣлались съ сенатомъ: онъ былъ лишенъ титула «правительствующаго», который былъ замѣненъ титуломъ «высокій», и въ члены его были назначены новыя лица «ранга генералъ-майора и ниже дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ двѣма рангами».

До возникновенія совѣта правительство Екатерины Алексѣевны любило подчеркивать свою полную солидарность съ предшествовавшимъ царствованіемъ. Въ высочайшихъ указахъ и деклараціяхъ русскихъ пословъ при иностранныхъ дворахъ неоднократно заявлялось, что императрица «всемѣрно желаетъ всѣ дѣла, зачатыя трудами блаженныя и вѣчно достойныя памяти его величества, на томъ же основаніи исполнить». Въ память Петра выбивается медаль съ надписью: «Виждь (Россія), какову оставилъ тя». Барону Шафирову поручается составленіе исторіи императора. По вполнѣ разработанному Петромъ плану открывается Академія Наукъ и согласно его инструкціи снаряжается экспедиція Беринга въ Камчатку для рѣшенія вопроса, есть ли проливъ между Азіей и Америкой. Нерѣдко главнѣйшія учрежденія издаютъ указы, подтверждающіе петровскія распоряженія. Такъ, въ мартѣ 1725 г. синодъ, подтверждая враждебныя монашеству мѣры Петра, запрещаетъ вновь постригать въ монахи кого-либо безъ своего разрѣшенія, за исключеніемъ вдовыхъ священниковъ; въ іюнѣ того же года сенатъ отправляетъ за границу купеческихъ дѣтей для обученія ариѳметикѣ и нѣмецкому языку, вспоминая указъ Петра 1723 г.

Однако вся эта дѣятельность Екатерининскаго правительства ограничивалась мелочами и, кромѣ того, шла, такъ сказать, по инерціи: въ ней уже не было не только увлеченія, но и простой энергіи. Объясняется это тѣмъ, что сотрудники Петра, привыкшіе раньше дѣйствовать по указкѣ царя, часто не отдавая себѣ вполнѣ яснаго отчета въ томъ, чего послѣдній отъ нихъ требовалъ, теперь, получивъ въ свои руки полную власть, какъ бы растерялись. Исполнять то, что началъ Петръ, они могли, но поступить самостоятельно въ его духѣ превышало ихъ силы; отъ нихъ скрытъ смыслъ не только многихъ сторонъ Петровской реформы, но и самыхъ основъ ея. Люди, оставленные Россіи Петромъ, не имѣли его вѣры въ способности русскаго народа, въ возможность для него пройти трудную школу; они испугались этой трудности и отступили назадъ.

А между тѣмъ, недореформированная страна, находясь въ хаотическомъ состояніи, требовала отъ власти исключительныхъ заботъ. На это еще въ началѣ новаго царствованія энергично указывалъ Ягужинскій. Обсужденіе предложенныхъ имъ мѣръ императрица поручила сенату, но послѣдній не пришелъ ни къ чему опредѣленному, и такимъ образомъ окончательное рѣшеніе вопроса, какъ вывести государство и народъ изъ затруднительнаго положенія, выпало на долю верховнаго тайнаго совѣта.

Осенью 1726 года Екатерина Алексѣевна потребовала отъ верховниковъ и нѣкоторыхъ другихъ сановниковъ мнѣнія относительно слѣдующихъ шести пунктовъ: 1) какимъ образомъ облегчить крестьянство въ подушныхъ деньгахъ; 2) изъ какихъ доходовъ прибавить снимаемую съ крестьянъ сумму, необходимую на содержаніе арміи; 3) какъ разсмотрѣть штатъ правительственныхъ учрежденій; 4) какъ исправить денежное дѣло, 5) юстицію и 6) торговлю. На этотъ призывъ откликнулись цѣлый рядъ лицъ, при чемъ Толстой, Головкинъ, Голицынъ, Апраксинъ и герцогъ Голштинскій подали единоличныя записки, а Меншиковъ, Остерманъ, кабинетъ-секретарь Макаровъ и Волковъ — коллективную. Во всѣхъ этихъ запискахъ подчеркивается печальное во многихъ отношеніяхъ состояніе Россіи и ярко выражается отрицательное отношеніе къ дѣятельности Петра Великаго. Исходнымъ пунктомъ критики его реформъ выставляется при этомъ разореніе народа: преобразованіе Россіи, по взглядамъ верховниковъ, было куплено черезчуръ дорогой цѣной. И не понимая того, что Петръ сознательно жертвовалъ удобствами настоящаго для будущаго блага, они, вмѣсто того, чтобы попытаться лучше приспособить реформу къ русской дѣйствительности, устранить обнаружившіеся со временемъ ея дефекты, рѣшили во многомъ просто вернуться къ несложнымъ порядкамъ старины, забывая о ея недостаткахъ. И вотъ, признавъ, какъ это говорилось въ запискѣ Меншикова и его товарищей, что «не токмо крестьянство, на которое содержаніе войска положено, въ великой скудости обрѣтается и отъ великихъ податей и непрестанныхъ экзекуцій и другихъ непорядковъ въ крайнее и всеконечное разореніе приходитъ, но и прочія дѣла, яко коммерція, юстиція и монетные дворы, весьма въ разоренномъ состояніи обрѣтаются», верховный тайный совѣтъ принимается за порчу и даже ломку многаго изъ того, что было создано Петромъ.

Больше всего вниманіе верховниковъ привлекала «великая скудость крестьянъ», такъ какъ она представляла государственную опасность: ибо, писалъ Меншиковъ, «солдатъ съ крестьяниномъ связанъ, какъ душа съ тѣломъ, и когда крестьянина не будетъ, тогда не будетъ и солдата», а «понеже армія такъ нужна, что безъ нея государству стоять невозможно, того ради и о крестьянахъ попеченіе имѣть надлежитъ». Прежде всего «для скорѣйшаго облегченія крестьянъ и для увеселенія надежды народной» верховники рѣшили отказаться отъ поуѣзднаго расквартированія арміи. Въ виду того, что крестьянамъ очень тягостно содержаніе полковыхъ дворовъ и солдатскихъ квартиръ, а кромѣ того, имъ и даже помѣщикамъ невозможно при этомъ миновать обидъ, указъ 9 января 1727 г. выводитъ полки изъ уѣздовъ въ особыя слободы при городахъ. Указомъ 1 февраля 1727 г. сборъ подушныхъ денегъ возложенъ на губернаторовъ и воеводъ; впредь уже не

должны были быть отправляемы для этого офицеры, дѣятельность которыхъ сопровождалась чрезмѣрными экзекуціями, правежомъ и конфискаціей пожитковъ. Тогда же изъ опасенія, что скоро у крестьянъ «взять будетъ не съ чего», было рѣшено сдѣлать облегченіе въ уплатѣ подушной подати, а именно, за треть 1727 г. было постановлено подушныхъ денегъ не взыскивать. Наконецъ, совѣтъ подвергъ сомнѣнію и способъ раскладки налога, — принципъ поголовщины. Меншиковъ проектировалъ учредить комиссію для обсужденія вопроса, собирать ли подати съ душъ «такъ, какъ нынѣ», или «по примѣру другихъ государствъ съ однихъ работниковъ», или же «съ двороваго числа», «съ тяголъ» и «съ земли». Насколько всѣ эти мѣры были непродуманы, видно изъ того, что уже въ маѣ 1727 г. оказалось, что «подданные, не взирая на такое всемилостивѣйшее опредѣленіе, подушной подати на указанные сроки сами не платятъ огурствомъ своимъ», вслѣдствіе чего въ сентябрѣ того же года пришлось въ помощь губернаторамъ и воеводамъ послать оберъ-офицеровъ съ командами.

Облегчить податное бремя верховники думали еще сокращеніемъ штатовъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, при чемъ наиболѣе существенное измѣненіе претерпѣла введенная Петромъ областная организація управленія. При поспѣшности, какая вообще отличала работу Петра, въ областныхъ учрежденіяхъ были недостатки, дѣйствительно требовавшіе исправленія. Но этимъ верховники не ограничились: всего черезъ полтора года послѣ смерти Преобразователя они подняли вопросъ объ уничтоженіи цѣликомъ введеннаго имъ областного управленія, находя, что умноженіе правителей и канцелярій «не токмо служитъ, какъ выразился Меншиковъ, къ великому отягощенію штата, но и къ великой тягости народной». При этомъ въ совѣтѣ даже мало разсуждали о томъ, какіе изъ этихъ канцелярій и правителей ненужны и какихъ слѣдуетъ оставить, а просто 24 февраля 1727 г. былъ изданъ указъ, гласившій: «какъ надворные суды, такъ и всѣхъ лишнихъ управителей и канцеляріи и конторы земскихъ комиссаровъ и прочихъ тому подобныхъ вовсе отставить и положить всю расправу и судъ попрежнему на губернаторовъ и воеводъ» и «для лучшаго посадскимъ людямъ охраненія» подчинить имъ также городовые магистраты. Такъ погибли учрежденія, посредствомъ которыхъ Преобразователь хотѣлъ искоренить древнюю московскую неправду. Про петровскихъ чиновниковъ Меншиковъ сказалъ, что они «не пастырями, но волками, въ стадо ворвавшимися, назваться могутъ» — такими же волками, но въ гораздо большей мѣрѣ, явились теперь новые губернаторы и воеводы, такъ какъ прежніе чиновники, вѣдавшіе независимо другъ отъ друга отдѣльныя отрасли управленія, безъ сомнѣнія, взаимно удерживали одинъ другого отъ произвола.

Не менѣе враждебно отнесся верховный тайный совѣтъ и къ созданному Петромъ центральному управленію. Желая ослабить значеніе сената, онъ по отъѣздѣ Ягужинскаго, посланнаго за границу, оставилъ незамѣщенною должность генералъ-прокурора, находившихся же подъ властью послѣдняго прокуроровъ сперва сталъ увольнять въ отставку или давать имъ продолжительные отпуски, а 13 марта 1727 г. принципіально рѣшилъ, что они не нужны. Точно такъ же былъ уничтоженъ и другой институтъ, преслѣдовавшій задачу контроля и надзора надъ администраціей — фискалы, при чемъ генералъ-фискалъ Мякининъ, не разъ обличавшій при Петрѣ самого Меншикова, былъ преданъ суду и отправленъ въ ссылку. Наконецъ была упразднена и еще одна важная должность при сенатѣ — должность генералъ-рекетмейстера, принимавшаго прошенія на высочайшее имя.

Уничтоживъ органы провинціальнаго управленія и разрушивъ стройную организацію сената, верховный тайный совѣтъ исказилъ и коллежскую реформу. 24 февраля 1727 г. была упразднена мануфактуръ-коллегія, и дѣла ея были переданы въ коммерцъ-коллегію, а 16 іюня того же года штатсъ-конторъ-коллегія, вѣдавшая государственные расходы и хранившая государственную казну, въ связи съ передачей функцій подчиненныхъ ей рентмейстеровъ камерирамъ, была присоединена къ камеръ-коллегіи, вѣдавшей государственные доходы. Кромѣ того, во всѣхъ коллегіяхъ вмѣсто 10 членовъ совѣтъ нашелъ необходимымъ оставить 6, разрѣшивъ сверхъ того половинѣ и этого числа находиться попеременно въ отпуску безъ жалованья. Этимъ возвращеніемъ отъ коллегіальной формы къ единоличной совѣтъ думалъ уничтожить «отъ многаго разногласія въ дѣлахъ остановку и продолженіе, а въ жалованьѣ напрасный убытокъ». Но и эти мѣры не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ. Вмѣсто упраздненной мануфактуръ-коллегіи пришлось открыть при сенатѣ особую контору, «чтобы фабрики не пришли въ слабое состояніе своимъ дѣйствомъ». Уменьшеніе же числа коллежскихъ членовъ вызвало небывалый застой въ дѣлопроизводствѣ.

Верховники изыскивали и другіе способы къ финансовому облегченію страны. Въ началѣ 1727 г. велѣно было «для необходимыхъ крайнихъ государственныхъ нуждъ и облегченія народнаго въ податяхъ» начеканить на два милліона мѣдной пятикопеечной монеты и «притомъ старымъ штемпелемъ и съ великою осторожностью, чтобъ въ другихъ государствахъ прежде времени объ этихъ новыхъ деньгахъ не узнали». Большую заботливость выказалъ верховный тайный совѣтъ и въ отношеніи развитія торговли, образовавъ подъ предсѣдательствомъ Остермана комиссію о коммерціи, которая въ первый же годъ своего существованія издала много важныхъ распоряженій и выработала уставъ о лихтерахъ при выгрузкѣ судовъ и уставъ о соляной продажѣ. Особую комиссію верховный

тайный совѣтъ образовалъ и для улучшенія юстиціи и поручилъ ей создать новое уложеніе. Наконецъ верховники не прошли мимо и народнаго образованія. Впрочемъ, въ этой области, опять-таки въ видахъ экономіи, они ограничились лишь тѣмъ, что соединили свѣтскія цыфирныя школы съ духовными семинаріями, отдавъ такимъ образомъ просвѣщеніе въ вѣдѣніе синода.

Такова была въ общихъ чертахъ внутренняя политика верховнаго тайнаго совѣта за время царствованія Екатерины Алексѣевны. Программа Преобразователя показалась слишкомъ сложною и обширной бывшимъ сотрудникамъ его, и напуганные народнымъ обнищаніемъ, они, вмѣсто того, чтобы искать способовъ для уменьшенія зла, не только не останавливая, но продолжая реформу, избрали болѣе легкій путь — отказались отъ завѣтовъ Петра и, по крайней мѣрѣ, на полстолѣтіе задержали лучшую организацію управленія и, особенно, суда. И главная вина въ возникновеніи реакціи падаетъ именно на бывшихъ сотрудниковъ императора, такъ какъ сама императрица, когда принималась за дѣла, старалась поступать въ духѣ своего покойнаго мужа.

Въ области внѣшней политики правительство Екатерины Алексѣевны продолжало дѣйствовать въ общемъ такъ, какъ дѣйствовалъ Преобразователь. Преслѣдуя традиціонныя задачи Россіи съ рѣдкимъ историческимъ чутьемъ, Петръ пріобрѣлъ берегъ Балтійскаго моря, достигъ прочнаго вліянія въ Польшѣ и явился грознымъ врагомъ Турціи, для отмщенія которой за неудачу Прутскаго похода вступилъ въ тѣсныя отношенія съ Австріей и Пруссіей. Но, тѣмъ не менѣе, онъ завѣщалъ своимъ преемникамъ полное затрудненій и опасностей положеніе. Въ Европѣ въ это время продолжалась борьба за испанское наслѣдство. Противъ союза Австріи съ Испаніей возникла коалиція изъ Англіи, Франціи и Пруссіи. Эти три державы старались привлечь къ себѣ и Россію, съ ея превосходными войскомъ и флотомъ, но не достигли этого, потому что Екатерина Алексѣевна соглашалась на предложеніе лишь при томъ условіи, чтобы король Людовикъ XV или, по крайней мѣрѣ, герцогъ Орлеанскій вступилъ въ бракъ съ ея дочерью Елизаветою Петровною. Къ счастью, это условіе не было принято, и такимъ образомъ Россіи не пришлось жертвовать своими интересами всюду, гдѣ они приходили въ соприкосновеніе съ интересами Франціи, т.-е. въ Турціи, Польшѣ, Даніи и Швеціи. Оскорбленная неудачей, Екатерина Алексѣевна, подъ вліяніемъ герцога Голштинскаго и Меншикова, вступила въ августѣ 1726 г. въ союзъ въ Австріей. Императрица обѣщала императору 30.000 солдатъ для борьбы съ коалиціей, а тотъ обѣщалъ ей столько же солдатъ для борьбы съ Турціей. Но до столкновенія дѣло не дошло. Вскорѣ съ Россіей и Австріей заключила особую конвенцію и Пруссія, такъ какъ ожидалась въ недалекомъ будущемъ смерть польскаго короля Августа II; три сосѣднихъ съ Польшей державы взаимно обязались поддерживать на

польскій престолъ мѣстнаго кандидата. Такъ, благодаря благопріятному сцѣпленію разнаго рода обстоятельствъ правительство Екатерины Алексѣевны въ турецкихъ и польскихъ дѣлахъ пошло, въ концѣ-концовъ, по слѣдамъ Петра. Въ духѣ послѣдняго поступало оно и въ отношеніяхъ къ Персіи и Китаю. Съ первою Россіи пришлось вести войну, такъ какъ заключенный при Петрѣ миръ оказался непрочнымъ. Со вторымъ же она черезъ посредство гр. Рагузинскаго завязывала хорошія отношенія. Такимъ образомъ ожиданія нѣкоторыхъ западно-европейскихъ державъ; обрадовавшихся смерти Преобразователя, оказались обманутыми. Правда, русскіе люди прежде всего требовали отдыха, и не было болѣе человѣка, который могъ возбуждать ихъ къ постоянной дѣятельности; но, тѣмъ не менѣе, могущество національнаго инстинкта и богатство силъ огромной страны позволили имъ послѣ смерти Петра сохранить достигнутое Россіей при немъ международное положеніе.

Хотя императрица была далеко не стара, но здоровье ея было очень плохо, и потому приходилось думать о преемникѣ. Всеобщій голосъ указывалъ, какъ на наслѣдника единственно законнаго, на Петра Алексѣевича. Екатерина, однако, желала оставить тронъ одной изъ своихъ дочерей и для этого милостями и ласками старалась расположить къ своей семьѣ общественное мнѣніе. Но справедливо сказано, что «милости и ласки способны привязать къ правительству твердому; у слабаго же берутъ награды и озираются кругомъ, ища чего-нибудь болѣе твердаго». Не только знать, но и большинство лицъ, помогавшихъ воцаренію Екатерины Алексѣевны, не сочувствовали ея намѣренію, такъ какъ видѣли себя вынужденными подчиниться со вступленіемъ на престолъ цесаревны Анны ея мужу, герцогу Голштинскому, а съ вступленіемъ на престолъ цесаревны Елизаветы — ея жениху, принцу Голштинскому.

Роль примирителя желаній императрицы и общества взялъ на себя Остерманъ, предложившій женить великаго князя на цесаревнѣ Елизаветѣ. Существовавшее между ними близкое родство, дѣлавшее по правиламъ православной церкви и убѣжденію русскаго народа невозможнымъ бракъ между ними, не смущало нѣмца, рѣшившагося въ качествѣ мотива сослаться на то обстоятельство, что «вначалѣ, при сотвореніи міра, сестры и братья посягали, и чрезъ то токмо человѣческій родъ распложался». Но Екатерина Алексѣевна это предложеніе отвергла. Подъ вліяніемъ Меншикова, надѣявшагося женить Петра на своей дочери, Екатерина согласилась передать престолъ послѣ своей смерти Петру.

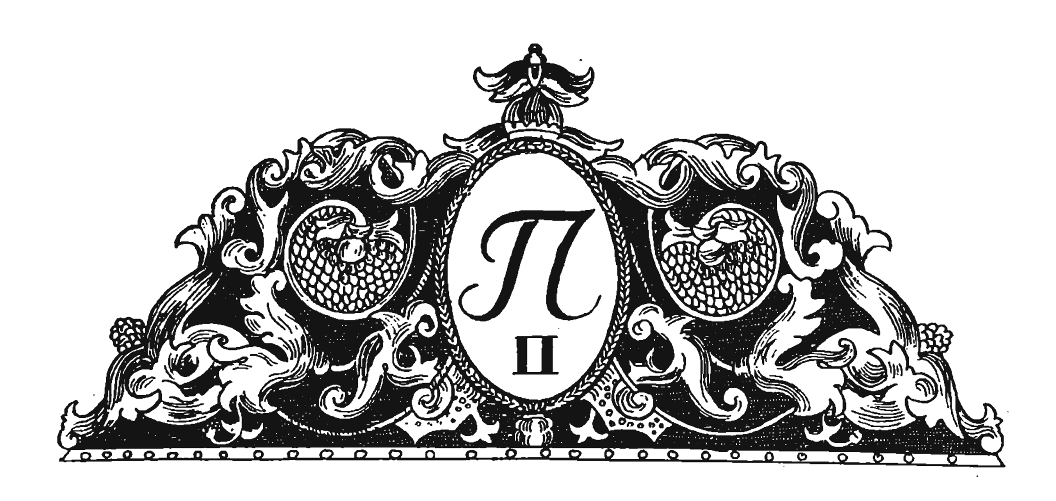
Когда въ апрѣлѣ 1727 г. Екатерина Алексѣевна заболѣла горячкой, во дворцѣ собрались для обсужденія вопроса о престолонаслѣдіи члены высшихъ правительственныхъ учрежденій — совѣта, сената и синода, президенты коллегій и даже майоры гвардіи. Послѣ недолгихъ споровъ они высказались за внука

Петра Великаго и противъ его дочерей. Императрица, послѣ долгихъ колебаній, согласилась съ ними, хотя обѣ ея дочери со слезами молили ее не дѣлать этого. Вслѣдъ за тѣмъ было составлено завѣщаніе, согласно которому къ престолонаслѣдію призывались постепенно Петръ Алексѣевичъ, царевны Анна и Елизавета и великая княжна Наталья Алексѣевна со своими «десцендентами». Каждое послѣдующее лицо должно было наслѣдовать предшественнику въ случаѣ его безпотомственной смерти. Вмѣстѣ съ тѣмъ до совершеннолѣтія Петра Алексѣевича устанавливалось регентство изъ верховнаго тайнаго совѣта съ включеніемъ въ него царевенъ Анны и Елизаветы. Вскорѣ послѣ этихъ событій, 6 мая, Екатерина Алексѣевна скончалась.

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ II АЛЕКСѢЕВИЧЪ.

1715—1730.

(Съ оригинала, находящагося въ Романовской галлереѣ Зимняго Дворца.)



ИМПЕРАТОРЪ

Петръ II Алексѣевичъ.

(1714—1727—1730).

7 мая 1727 г., на другой день по кончинѣ императрицы Екатерины I, вступилъ на престолъ Петръ II. Воцареніе его, подобно воцаренію Екатерины I, было подготовлено дворцовой интригой не безъ участія гвардіи, но встрѣтило общее сочувствіе.

До его совершеннолѣтія власть должна была принадлежать юридически, согласно завѣщанію Екатерины Алексѣевны, верховному тайному совѣту, но фактически ею овладѣлъ Меншиковъ, который еще во время болѣзни императрицы всецѣло подчинилъ себѣ это высшее учрежденіе, пріобрѣтя поддержку кн. Дм. Голицына и наведя на остальныхъ членовъ страхъ ссылкой гр. Толстого. Теперь, чтобы удержать достигнутое положеніе, онъ первымъ дѣломъ перевезъ къ себѣ на Васильевскій островъ юнаго императора, который такимъ образомъ попалъ всецѣло въ его руки. Здѣсь 13 мая Меншиковъ получилъ отъ молодого государя званіе генералиссимуса, котораго тщетно добивался при Екатеринѣ I; оно отдавало въ его полное распоряженіе всю армію, а 25-го совершилось торжественное обрученіе государя съ дочерью Меншикова Маріей. Такъ началось продолжавшееся четыре мѣсяца почти единоличное управленіе Россіей Меншикова.

Прежде всего онъ позаботился создать себѣ партію изъ способныхъ и знатныхъ людей и удалить людей ему враждебныхъ или подозрительныхъ. Остерманъ былъ назначенъ оберъ-гофмейстеромъ и воспитателемъ императора. Минихъ и Долгорукіе были осыпаны милостями. Изъ Шлиссельбурга была освобождена и привезена въ Москву инокиня Елена, бабка императора; она сохранила всю свою приверженость къ старинѣ, но по своему возрасту не была уже опасной. Съ другой стороны, тѣ, кого Меншиковъ не считалъ

возможнымъ или не хотѣлъ привлечь на свою сторону, жестоко преслѣдовались. Царевна Анна со своимъ мужемъ была вынуждена уѣхать въ Голштинію. Шафирову было велѣно отправиться въ Архангельскъ для завѣдыванія китоловнымъ промысломъ, а Ягужинскій, только что вернувшійся изъ Польши, былъ отправленъ въ украинскую армію и т. д.

Поиски друзей и борьба съ врагами не мѣшали Меншикову посвящать большое вниманіе и государственнымъ дѣламъ. Общее руководство ими номинально принадлежало верховному тайному совѣту, въ которомъ присутствовали Апраксинъ, Головкинъ и Голицынъ; но нерѣдко совѣтъ получалъ отъ свѣтлѣйшаго приказаніе издать тотъ или иной указъ, не говоря уже о томъ, что самъ обо всемъ спрашивалъ мнѣнія Меншикова. Дѣятельность правительства при господствѣ Меншикова выражалась въ дальнѣйшей ломкѣ петровскихъ учрежденій и отчасти—въ исправленіи тѣхъ дефектовъ, какіе обнаруживались при этой ломкѣ. Прежде всего былъ упраздненъ императорскій кабинетъ, который подъ управленіемъ Макарова пріобрѣлъ въ царствованіе Екатерины I исключительную самостоятельность, не нравившуюся временщику. 18 августа былъ закрытъ главный магистратъ въ видахъ экономіи и за безполезностью, которая стала очевидной со времени подчиненія городовыхъ магистратовъ губернской администраціи. Когда увидѣли, что послѣ отставки отъ сбора подушной подати офицеровъ подушныя деньги почти совсѣмъ перестали поступать въ казну, былъ изданъ указъ: губернаторамъ и воеводамъ посылать отъ себя нарочныхъ въ вотчины, не заплатившія податей, и, взявши въ города, править деньги на самихъ помѣщикахъ, а гдѣ ихъ нѣтъ — на ихъ приказчикахъ, старостахъ и крестьянахъ, въ дворцовыхъ же и церквахъ вотчинахъ—на ихъ управителяхъ и крестьянахъ. Самымъ важнымъ мѣропріятіемъ правительства въ періодъ господства Меншикова было возстановленіе 22 іюля гетманства въ Малороссіи, уничтоженнаго Петромъ Великимъ, который не терпѣлъ мѣстнаго партикуляризма. Сдѣлано это было для того, чтобы привлечь къ свѣтлѣйшему малороссіянъ. Меньшиковскимъ управленіемъ страна въ общемъ была довольна.

Однако нельзя сказать, чтобы Меншиковъ, вознесенный на небывалую для подданнаго высоту, чувствовалъ себя увѣренно. Онъ понималъ, что могущество его основано не на правѣ, а всего только на его вліяніи на двѣнадцатилѣтняго императора. Чтобы постоянно пользоваться этимъ вліяніемъ, свѣтлѣйшему было необходимо всецѣло поработить себѣ волю Петра II. Но сдѣлать этого ему не удалось. Петръ II въ это время былъ высокимъ, стройнымъ и красивымъ мальчикомъ, казавшимся значительно старше своихъ лѣтъ, и въ этомъ отношеніи представлялъ полную противоположность своему отцу; онъ обладалъ нѣжной душой. Иностранные послы единодушно восторгались его привѣтливостью, народъ считалъ его ве-

ликодушнымъ, добрымъ и снисходительнымъ. Большое впечатлѣніе произвела сказанная имъ 21 іюня 1727 г. въ верховномъ тайномъ совѣтѣ рѣчь: «Послѣ какъ Богъ изволилъ меня въ малолѣтствѣ всея Россіи императоромъ учинить, наивящщее мое стараніе будетъ, чтобъ исполнить должность добраго императора, тоесть чтобъ народъ мнѣ подданный съ богобоязненностью и правосудіемъ управлять: чтобъ бѣдныхъ защищать, обиженнымъ вспомогать, убогихъ и неправедно отягощенныхъ отъ себя не отогнать, но съ веселымъ лицомъ жалобы ихъ выслушать и, по похвальному императора Веспасіана примѣру, никого отъ себя печальнаго не отпускать».

Къ сожалѣнію, дѣтство Петра II протекло при чрезвычайно неблагопріятныхъ условіяхъ, въ которыхъ способности ребенка не могли правильно развиться. Рано лишившись матери и отца, онъ не встрѣтилъ въ своемъ дѣдѣ не только любви, но и простой заботливости о своемъ воспитаніи. А между тѣмъ Петръ II отъ природы обладалъ живымъ умомъ и былъ очень впечатлителенъ и воспріимчивъ. Когда Меншиковъ далъ ему въ воспитатели Остермана, мальчикъ полюбилъ и ученіе и учителя, такъ какъ искусный дипломатъ выказалъ себя превосходнымъ педагогомъ. Въ составленномъ имъ планѣ занятій главное мѣсто было удѣлено древней и новой исторіи, въ области которыхъ особое вниманіе предполагалось обратить на ознакомленіе съ царствовавшими династіями и формами правленія, затѣмъ слѣдовали географія, «отчасти по глобусу, отчасти по ландкартамъ», и математическія науки. Основнымъ методомъ преподаванія были избраны короткіе уроки, болѣе похожіе на дружескія собесѣдованія ученика съ учителемъ.

Однако грубая безцеремонность и мелочно придирчивая опека Меншикова скоро отвлекли юнаго императора отъ наладившагося ученія и заставили его думать всего болѣе о томъ, какъ бы свергнуть иго свѣтлѣйшаго. А это иго было дѣйствительно тяжелымъ. Во дворцѣ Меншикова императоръ чувствовалъ себя узникомъ: отъ него требовали, чтобы онъ занимался, когда ему хотѣлось играть, ему запрещали слишкомъ частое пребываніе въ обществѣ пріятныхъ для него людей и особенно въ обществѣ 15-лѣтней сестры Натальи Алексѣевны и 17-лѣтней тетки Елизаветы Петровны, за нимъ слѣдили, не допуская сдѣлать ни одного самостоятельнаго шага. Петръ II все это терпѣлъ, но, наконецъ, кровь дѣда сказалась, и онъ вспылилъ. Однажды, какъ разсказываетъ Манштейнъ, цехъ петербургскихъ каменщиковъ поднесъ государю 9.000 червонныхъ, которые Петръ велѣлъ отослать въ подарокъ своей сестрѣ. Меншиковъ, встрѣтивъ посланнаго, отобралъ у него деньги, заявивъ: «Императоръ еще очень молодъ и потому не умѣетъ распоряжаться деньгами, какъ слѣдуетъ». Когда черезъ нѣсколько времени Петръ узналъ объ этомъ, онъ бросился къ Меншикову, принимавшему въ это время въ своихъ роскошныхъ апартаментахъ гостей, внѣ себя

отъ гнѣва крикнулъ: «Я тебя научу, что я императоръ и что мнѣ надобно повиноваться!» и вышелъ изъ зала. Всѣ остолбенѣли и больше всѣхъ самъ свѣтлѣйшій, которому въ окрикѣ Петра II, быть-можетъ, почудился окрикъ Петра I, всегда приводившій его въ дрожь. Но его изумленіе продолжалось лишь мигъ. Онъ бросился за императоромъ и, догнавъ, успокоилъ его обѣщаніемъ послать деньги по назначенію, послѣ чего, взявъ его подъ руку, вернулся назадъ и прошелся съ нимъ среди своихъ гостей, повидимому, мирно бесѣдуя о предстоящемъ переѣздѣ государя на лѣто въ Петергофъ. Но эта уловка не могла, конечно, ослабить того впечатлѣнія, какое породило въ обществѣ столкновеніе юнаго императора съ его будущимъ тестемъ. Если еще не смѣли вѣрить въ близкое паденіе послѣдняго, то, по крайней мѣрѣ, думали, что исключительное вліяніе его при дворѣ поколеблено.

Прежде всего подняла голову многочисленная фамилія кн. Долгорукихъ; ихъ Меншикову хотѣлось привлечь на свою сторону, но они, охотно принимая милости, тѣмъ не менѣе, мечтали занять при дворѣ и въ государствѣ первое мѣсто. Двадцатилѣтній кн. Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, допущенный Меншиковымъ къ императору, сумѣлъ понравиться послѣднему, и дядя его, дальновидный интриганъ, кн. Василій Лукичъ, возлагалъ на эту дружбу большія надежды. Втихомолку строились самые смѣлые планы. Сталъ дѣйствовать противъ Меншикова и хитрый Остерманъ, ранѣе другихъ предвидѣвшій приближавшееся паденіе Меншикова. Вообще закопошились всѣ, кто чувствовалъ по отношенію свѣтлѣйшаго обиду или зависть.

Самъ Меншиковъ какъ разъ въ это критическое время опасно заболѣлъ, и эта болѣзнь оказалась для него роковой. За нѣсколько недѣль невольнаго отсутствія свѣтлѣйшаго Петръ II отвыкъ отъ опеки его, научился дѣйствовать самостоятельно. Въ это время онъ жилъ въ Петергофѣ, пользуясь полной свободой. Учебники и тетрадки, ставшіе ненавистными въ учебной комнатѣ Меншиковскаго дома, были заброшены, и 12-лѣтній императоръ, производившій впечатлѣніе настоящаго юноши, проводилъ свои дни въ полной праздности. Его обычными товарищами сдѣлались 20-лѣтній повѣса кн. Ив. Долгорукій и 17-лѣтняя красавица цесаревна Елизавета Петровна, пристрастившая его къ охотѣ и верховой ѣздѣ. Среди безчисленныхъ развлеченій петергофскаго Монплезира, въ обществѣ этихъ людей, императоръ совершенно забылъ свою невѣсту, Марью Александровну. Холодная, строгая и гордая, она и раньше не нравилась ему, а теперь вызывала чувство, близкое къ отвращенію. Петръ явно предпочиталъ ей свою веселую и шаловливую тетку, въ честь которой писалъ теперь любовные стихи.

Остерманъ смотрѣлъ сквозь пальцы на образъ жизни императора, предпочитая дѣйствовать не прямо, а черезъ царевну Наталью.

Если Петръ былъ старше своего возраста физически, то то же, только въ отношенiи нравственномъ, можно сказать про его сестру. Чахоточная, некрасивая дѣвочка, сильно обезображенная оспой, она обладала сердцемъ, открытымъ для самыхъ благородныхъ чувствъ, и умомъ, способнымъ охватывать самыя возвышенныя идеи. Къ своему брату она питала нѣжную привязанность, давала ему прекрасные совѣты, уговаривала его работать и избѣгать дурныхъ поступковъ. И юный императоръ многимъ былъ обязанъ ей въ своемъ развитiи, что признавалъ и самъ. До насъ дошло письмо его къ ней, гдѣ онъ выражаетъ глубокую благодарность любимой сестрѣ, помогшей ему получить воспитанiе, необходимое для хорошаго правителя. Къ несчастiю, влiянiе Натальи Алексѣевны ослаблялось влiянiемъ Долгорукаго и Елизаветы Петровны, для котораго почва была превосходно подготовлена прежней неумѣлой и суровой выучкой, не принесшей ничего, кромѣ искренняго отвращенiя къ серьезнымъ занятiямъ. Съ тревогой смотрѣла Наталья Алексѣевна на быструю и рѣзкую перемѣну въ характерѣ и поведенiи брата. Прежнiя застѣнчивость и сердечность уступили въ немъ мѣсто самоувѣренности и заносчивости, а дѣтскiя забавы смѣнились охотой, бражничанiемъ и ухаживанiемъ за женщинами.

Оправившiйся послѣ болѣзни Меншиковъ, узнавъ, что дѣлается въ Петергофѣ, рѣшилъ возстановить прежнiй режимъ, но его попытки въ этомъ направленiи встрѣтили энергичный отпоръ со стороны молодого императора. Начались крупныя столкновенiя, при чемъ Петръ уже не скрывалъ своей враждебности къ свѣтлѣйшему. 26 августа, въ день именинъ Натальи Алексѣевны, императоръ держался вдали отъ Меншикова, и когда за обѣдомъ послѣднiй сдѣлалъ попытку обратиться къ нему съ какимъ-то льстивымъ замѣчанiемъ, онъ не взглянулъ на него, а, обернувшись къ кн. Дм. Голицыну, громко сказалъ: «Смотрите, развѣ я не начинаю вразумлять его?» На свою невѣсту императоръ также не обращалъ никакого вниманiя; услыхавъ, что Меншиковъ жалуется на это, онъ какъ-то сказалъ окружающимъ: «Развѣ не довольно, что я люблю ее въ сердцѣ; ласки излишни; что касается до свадьбы, то Меншиковъ знаетъ, что я не намѣренъ жениться ранѣе 25 лѣтъ».

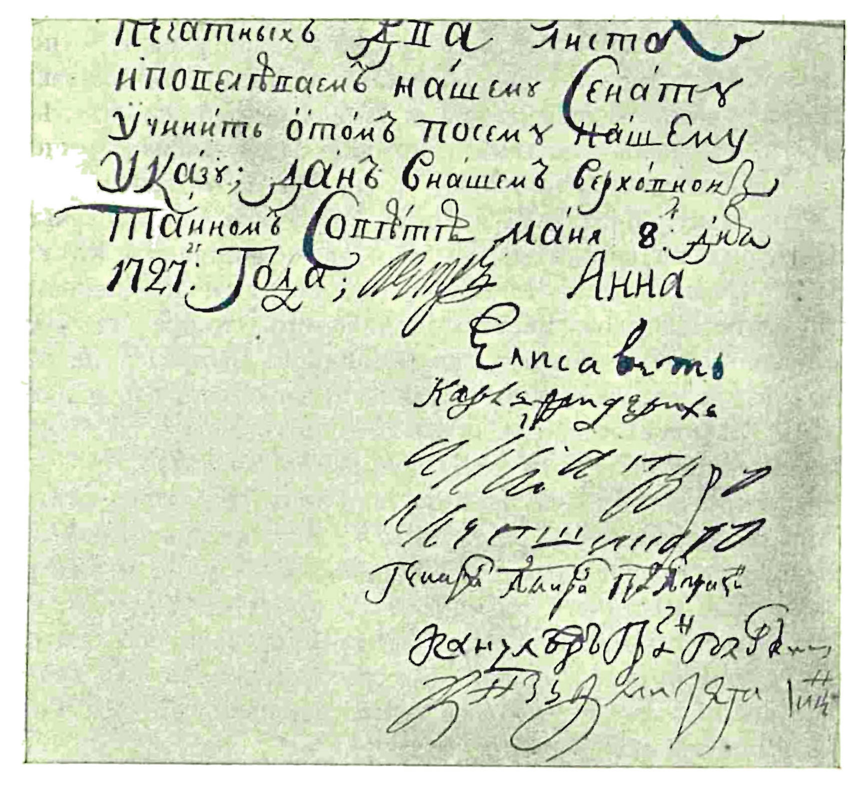
Чувствуя, какъ почва уходитъ изъ-подъ его ногъ, свѣтлѣйшiй попробовалъ опереться на Голицыныхъ, для которыхъ перспектива, открывавшаяся съ паденiемъ Меншикова, была мало утѣшительной, такъ какъ на мѣсто его должны были стать неумные и чванные кн. Долгорукiе, которые стали бы преслѣдовать не благо государства, а благо своей семьи. Быстро устроенная свадьба между сыномъ Меншикова и дочерью фельдмаршала М. М. Голицына должна была тѣснѣе сблизить ихъ. Но это средство не помогло.

Вскорѣ Петръ II нанесъ новое явное оскорбленiе Меншикову. Согласившись на униженныя просьбы послѣдняго, онъ обѣщалъ прiѣхать къ нему 3 сентября въ Ораniенбаумъ на освященiе церкви,

но когда все было готово, послалъ сказать, что не будетъ. Причиной этого, по мнѣнію французскаго посла Маньяна, было то, что Меншиковъ имѣлъ неосторожность не пригласить Елизавету Петровну. Повидимому, онъ не хотѣлъ поставить въ неловкое положеніе свою дочь, не сомнѣваясь, что и въ присутствіи ея Петръ II ухаживалъ бы за своей теткой.

Временщикъ на другой день бросился въ Петергофъ, куда прибылъ поздно вечеромъ, вслѣдствіе чего не могъ повидать императора. На слѣдующій же день послѣдній, чтобы избѣжать встрѣчи, рано утромъ уѣхалъ на охоту, а его сестра, заслышавъ шаги Меншикова, выскочила изъ окна и убѣжала въ садъ. Во дворцѣ оставалась только именинница Елизавета Петровна. Меншиковъ пошелъ поздравлять ее; на сердцѣ у него было очень тяжело, хотѣлось облегчить себя высказавшись; и вотъ онъ начинаетъ жаловаться на неблагодарность государя, перечисляетъ свои заслуги и, наконецъ, говоритъ, что хочетъ удалиться въ Украйну. Цесаревна выслушала эти изліянія холодно. Отъ нея онъ бросился къ Остерману, котораго принялся жестоко упрекать въ двоедушіи, но получилъ отъ него рѣзкій отпоръ.

Не дождавшись государя, Меншиковъ съ семьей отправляется въ Петербургъ. Въ тотъ же день въ верховномъ тайномъ совѣтѣ


печатныхъ для чтения
и по сему нашему Сенату
учинить о томъ по сему нашему
указъ; данъ в нашемъ верховномъ
тайномъ совѣтѣ мая 8 дня
1727 года; ... Анна
Елисавет

Подписи на манифестъ о восшествіи на престолъ императора Петра II Алексѣевича.
Подлинный хранится въ Правительствующемъ Сенатѣ.

былъ полученъ указъ привести въ порядокъ лѣтній и зимній дворцы и для этого взять изъ Меншиковскаго дома вещи императора. 7 сентября Петръ II вернулся въ Петербургъ, остановившись въ лѣтнемъ дворцѣ, и первымъ долгомъ издалъ приказъ, чтобы отнынѣ верховный тайный совѣтъ и гвардія слушались предписаній только его одного. На слѣдующій день майоръ гвардіи Салтыковъ, приказавъ снять почетный караулъ, стоявшій у дверей дома генералиссимуса, объявилъ ему, что онъ арестованъ. 9 и 10 сентября происходили засѣданія верховнаго тайнаго совѣта, который постановилъ сослать Меншикова, лишивъ его всѣхъ чиновъ и орденовъ, съ его семействомъ въ одну изъ отдаленныхъ деревень, откуда вскорѣ онъ по проискамъ Долгорукихъ былъ отправленъ въ Березовъ.

По словамъ иностранныхъ наблюдателей, трудно было изобразить ту бурную радость, какая охватила общество, когда, выражаясь словами Ѳеофана Прокоповича, «колоссъ изъ пигмея, оставленный счастьемъ, которое довело его до опьянѣнія, палъ». Но эта радость для многихъ и притомъ лучшихъ людей смѣнилась вскорѣ уныніемъ. Всѣ ожидали, что власть Меншикова достанется верховному тайному совѣту, которымъ будетъ руководить образованный и умный кн. Дм. Мих. Голицынъ, опираясь на брата своего, знаменитаго фельдмаршала кн. Мих. Мих. Голицына. Никто изъ вельможъ не имѣлъ больше ихъ права на признательность Петра II, такъ какъ они изначала и неизмѣнно были приверженцами сперва его отца, потомъ его самого, и притомъ приверженцами безкорыстными,—приверженцами по принципу. Къ тому же ни одинъ изъ государственныхъ дѣятелей этого времени не могъ тягаться съ ними и по своимъ способностямъ. «Голицыны, — говоритъ Соловьевъ, — дѣйствительно сіяли собственнымъ свѣтомъ». Но Голицыны не умѣли отказаться отъ своей независимости, они не желали добиваться власти въ государствѣ угодничествомъ при дворѣ—и были оттерты на задній планъ, первое мѣсто заняли Остерманъ и Долгорукіе и такимъ образомъ мѣсто одного фаворита было занято нѣсколькими.

Сначала казалось, что между этими фаворитами должна разыграться борьба: семья русскихъ аристократовъ слишкомъ ненавидѣла западно-европейскую культуру, а нѣмецкій выходецъ, наоборотъ, былъ ея сыномъ. Но этого не случилось, такъ какъ Долгорукіе чувствовали, что неспособны самостоятельно править государствомъ, а Остерманъ былъ готовъ во многомъ дѣйствовать такъ, какъ хотѣлось бы имъ. Кромѣ того, эту борьбу предотвратилъ и самъ императоръ, который, несмотря на молодость, съ извѣстнаго рода смысломъ распоряжался отношеніями къ окружающимъ. Петръ II прямо показывалъ Остерману, что онъ его любитъ, считаетъ необходимымъ для дѣлъ правительственныхъ, — пусть только онъ и занимается этими дѣлами, но не вмѣшивается въ его удовольствія, гдѣ необходимы ему Долгорукіе, другими словами, онъ не выдалъ бы Остерману Долгорукихъ точно такъ, какъ не выдалъ бы и Остер-

мана Долгорукимъ. Однако такое разграниченіе сферъ вліянія Остермана и Долгорукихъ продолжалось недолго: послѣдніе сумѣли мало-по-малу одержать верхъ. Двое ихъ нихъ, Алексѣй Григорьевичъ и Василій Лукичъ, заняли мѣста въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, третій, Василій Владимировичъ, былъ пожалованъ въ фельдмаршалы, а самый близкій къ Петру II, Иванъ Алексѣевичъ, сдѣлался оберъ-камергеромъ.

Съ этого времени реакція, обнаружившаяся по смерти Преобразователя, пошла полнымъ ходомъ. Съ пріѣздомъ въ февралѣ 1728 г. императора для коронаціи въ Москву, послѣдняя фактически стала столицей, такъ какъ вслѣдъ за дворомъ туда переѣхали и всѣ центральныя учрежденія и даже монетный дворъ. Подъ строжайшимъ наказаніемъ было запрещено говорить объ обратномъ переѣздѣ двора на берега Невы. Возстановленіе древней столицы было чрезвычайно пріятно аристократіи и дворянству: съ Москвой были связаны всѣ ихъ традиціи, вокругъ нея находились ихъ вотчины, откуда они легко могли доставать все необходимое для содержанія барскаго двора. Но зато уже одно это въ значительной мѣрѣ подрывало значеніе России въ глазахъ Западной Европы. И опасеніе герцога де-Лиріа, что «московская монархія», пожалуй, вернется «къ своему прежнему варварству», не было безосновательнымъ.

Русское правительство, олицетворявшееся теперь олигархическимъ кружкомъ, въ которомъ господствовала фамилія кн. Долгорукихъ, прежде всего перестало заботиться о военной мощи государства. На армію и флотъ отпускались самыя незначительныя средства. Въ видахъ экономіи широко практиковался роспускъ офицеровъ по домамъ, а въ интересахъ дворянства армію лишили наиболѣе подходящаго комплекта солдатъ, запретивъ поступленіе въ военную службу по собственной охотѣ дворовымъ людямъ и крестьянамъ. Мѣсто президента военной коллегіи послѣ Меншикова не было замѣщено, такъ какъ не находили способнаго человѣка; способные, конечно, были, но не хотѣли служить Долгорукимъ. Вслѣдствіе этого въ военномъ вѣдомствѣ начались безпорядки и остановка въ дѣлахъ. Строеніе кораблей совершенно прекратилось, за исключеніемъ однѣхъ лишь галеръ. Изъ существующихъ кораблей снабжались провіантомъ и такелажемъ только пять небольшихъ, предназначенныхъ для обученія офицеровъ и матросовъ морскому дѣлу. Когда однажды Остерманъ рѣшилъ заговорить о необходимости возобновленія флота, Петръ II ему отвѣтилъ: «Когда нужда потребуетъ употребить корабли, то я пойду въ море; но я не намѣренъ гулять на немъ, какъ дѣдушка». Конечно, Остерманъ не разъяснилъ юному императору всей важности для России морскихъ прогулокъ дѣдушки.

При такихъ обстоятельствахъ вполнѣ могло оправдаться опасеніе Ягужинскаго: «Пусть, — сказалъ онъ однажды въ нетрезвомъ

видѣ шведскому посланнику барону Цедеркрейцу, — шведы потерпятъ года два-три; тогда они, пожалуй, въ состояніи будутъ снова напасть на Россію, а пока, напади они — проиграютъ».

И это «пока» хорошо было извѣстно сосѣднимъ странамъ, которыя поэтому временно продолжали прислушиваться къ голосу Россіи. Такъ, Пруссія и Австрія, поднявшія вопросъ о раздѣлѣ Польши, возникавшій и при Петрѣ Великомъ, отказались отъ своего намѣренія въ виду несочувствія русскаго правительства. Сама Польша ничего существеннаго не предпринимала, когда русскій генералъ Ласси выгонялъ изъ Курляндіи захотѣвшаго сдѣлаться тамъ герцогомъ Морица Саксонскаго, сына польскаго короля Августа II. Наконецъ, благодаря преувеличенному представленію о русскихъ силахъ заключила съ Россіей выгодный договоръ и Срединная имперія—Китай, куда еще при Екатеринѣ I былъ посланъ гр. Савва Рагузинскій. Но всѣ эти успѣхи русской дипломатіи, конечно, не являются заслугами правительства Петра II: въ этомъ отношеніи послѣднее только воспользовалось рессурсами, оставленными Преобразователемъ.

Правительство, съ Долгорукими во главѣ, не цѣнило и духовныхъ насажденій Петра Великаго. «Правда воли монаршей» была запрещена и повсюду отбиралась. С.-Петербургская и Невская типографіи, выпустившія значительную часть книгъ петровскаго времени, были переведены въ Москву, но въ нихъ разрѣшалось печатать лишь церковныя книги, «какъ издревле бывало», въ Петербургѣ же были учреждены двѣ новыхъ типографіи: одна при сенатѣ для печатанія указовъ, другая при Академіи Наукъ для печатанія свѣтскихъ книгъ, которыя «въ синодѣ апробованы будутъ». Даже былъ отложенъ установленный Преобразователемъ праздникъ въ честь Александра Невскаго (30 авг.). Наконецъ, и еще въ одной области правительство Петра II отступило отъ завѣтовъ Петра I. Послѣдній хотѣлъ создать въ Россіи національную промышленность путемъ протекціонизма, хотя бы этотъ протекціонизмъ временно оказался и очень тяжкимъ для населенія. Учрежденная еще при Екатеринѣ I подъ предсѣдательствомъ Остермана комиссія о коммерціи на основаніи ходатайствъ купцовъ и свѣдѣній о состояніи народнаго хозяйства, собранныхъ чрезъ губернаторовъ, пришла къ заключенію о необходимости отказаться отъ покровительственной политики и провела чрезъ верховный тайный совѣтъ рядъ соотвѣтственныхъ мѣръ. Были уничтожены нѣкоторыя регаліи, напр., на соль, табакъ и селитру, разрѣшено свободное устройство горныхъ заводовъ въ Сибири и свободный торгъ сибирскими мѣхами, значительно понижена пошлина съ вывозившейся изъ Россіи пеньки, допущенъ вывозъ товаровъ за границу, на ряду съ Петербургскимъ и Архангельскимъ портами, еще изъ Псковской и Великолуцкой провинцій, и т. д. Купцы и масса населенія были довольны этими мѣро-

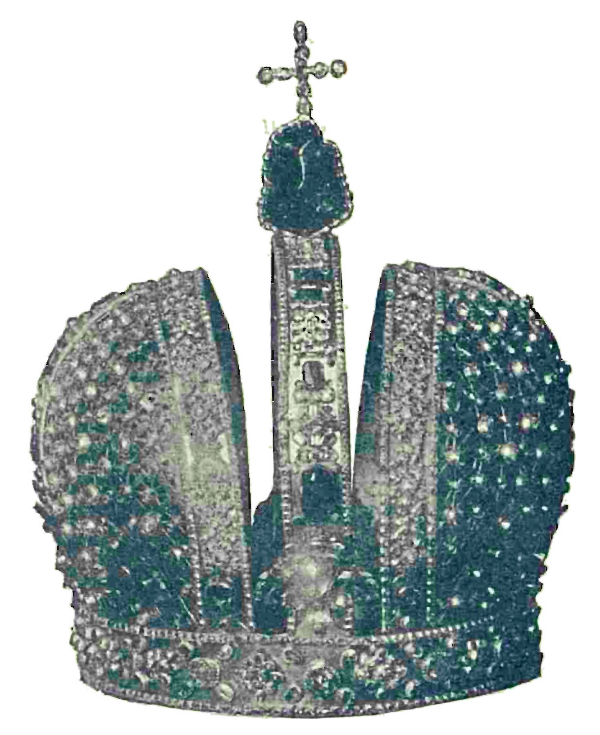
пріятіями, на зато фабрично-заводская промышленность погибала.

Что касается текущихъ вопросовъ управленія, то и их правительство Петра II разрѣшало плохо. Такъ, напр., мѣры, выработанныя верховнымъ тайнымъ совѣтомъ противъ пожаровъ, грабежей, несправедливости судовъ и пр., обыкновенно не приводили ни къ чему. Вмѣсто опредѣленной программы кучка близкихъ къ престолу сановниковъ руководилась исключительно своекорыстными интересами. Такого сосредоточенія власти, какое наблюдалось при Меншиковѣ, теперь въ правительствѣ не было. Все зависѣло отъ того, кто въ данную минуту и въ данномъ вопросѣ окажетъ большее вліяніе на молодого императора. Среди полнаго развала власти, среди страшнаго разстройства государственнаго механизма одни лица боролись съ другими и въ промежуткахъ между столкновеніями открыто занимались казнокрадствомъ и взяточничествомъ.

Роскошь и распущенность нравовъ при дворѣ и въ обществѣ достигли размѣровъ, удивлявшихъ даже иностранныхъ посланниковъ. «Здѣсь все богаче, чѣмъ даже въ Парижѣ», замѣтилъ герцогъ де-Лиріа про московскую придворную жизнь. Немудрено, что правительство Петра II навлекло на себя цѣлый рядъ нареканій въ особенности со стороны иностранныхъ наблюдателей, которые единогласно вынесли ему суровый, но вполнѣ заслуженный приговоръ, прекрасно формулированный въ депешѣ одного изъ нихъ: «Когда я посмотрю, какъ управляется это государство теперь, мнѣ все кажется сномъ въ сравненіи съ царствованіемъ дѣда. Человѣческій умъ не можетъ понять, какъ можетъ такая большая машина держаться безъ поддержки, безъ труда. Всякій старается спрятаться отъ удара, никто не хочетъ ничего брать на себя и молчитъ... Можно сравнить это государство съ кораблемъ, терзаемымъ бурею, лоцманъ и экипажъ котораго пьяны или заснули. Огромная машина является игрушкой личной выгоды, безъ всякой мысли о будущемъ, и кажется, что экипажъ ждетъ только сильной бури, чтобы воспользоваться остатками корабля». А буря дѣйствительно могла разразиться, только не со стороны народа, какъ думалъ де-Лиріа, писавшій своему правительству: «всѣ въ отчаяніи отъ худого управленія». Народъ, какъ это справедливо подмѣтилъ Манштейнъ, наоборотъ, въ общемъ былъ доволенъ установившимся въ странѣ безначаліемъ. Благодаря миру, съ него брали значительно меньше податей и рекрутъ, а царившія въ придворно-правительственной средѣ распущенность, произволъ и грабительство сранительно мало задѣвали его. Зато рано или поздно на борьбу съ зломъ, безъ сомнѣнія, выступилъ бы самъ императоръ.

Окруженный въ Москвѣ пресмыкавшимися Долгорукими, Петръ II съ юношеской беззаботностью кинулся въ море всевозможныхъ удовольствій, совершенно забросивъ ученье и не пріобрѣтя интереса къ дѣламъ государственнымъ. Ни Остерманъ, впрочемъ, рѣдко противорѣчившій императору, ни царевна Наталья, къ сожалѣнію,

умершая 22 ноября 1729 г., не могли отвлечь его въ сторону серьезныхъ занятій. Онъ бражничалъ и волочился за женщинами, охотился въ подмосковныхъ вотчинахъ. Но мало-по-малу кутежи стали его утомлять, а связь съ княжной Долгорукой не давала ему даже призрака счастья, такъ какъ связь эта возникла случайно послѣ чрезмѣрныхъ возліяній за ужиномъ въ Геренкахъ, имѣніи кн. А. Г. Долгорукаго. Какъ рыцарь, Петръ II объявилъ княжну своей невѣстой, но какъ человѣкъ, котораго обошли, былъ сильно раздраженъ на Долгорукихъ. При дворѣ быстро подмѣтили, что императоръ относится къ Долгорукой, обрученіе съ которой состоялось 30 ноября 1729 г., съ такой же холодностью, съ какой раньше относился къ Меншиковой, и предсказывали, что Долгорукіе, пойдя по стопамъ Меншикова, раздѣлятъ одинаковую съ нимъ участь. Однако покончить съ Долгорукими такъ просто, какъ съ Меншиковымъ, Петръ II не могъ. Тогда онъ вооружился противъ человѣка, узурпировавшаго его власть и открыто хотѣвшаго распоряжаться его волей; теперь приходилось бороться съ людьми, ревностно исполнявшими всѣ его желанія,—съ людьми, которымъ онъ самъ отдался въ руки. Но онъ все же рѣшился на борьбу. Незадолго передъ тѣмъ онъ тайно ночью уѣхалъ къ Остерману и у него имѣлъ совѣщаніе еще съ двумя другими членами верховнаго тайнаго совѣта, а также видѣлся съ царевной Елизаветой, отъ которой его отдалила дружба съ Долгорукими. Къ несчастію, присутствуя 6 января на іордани, государь простудился и заболѣлъ оспой, а въ ночь съ 18 на 19 января 1730 г.—день, въ который была назначена его свадьба—скончался. Послѣднія слова его были: «Запрягайте сани, хочу ѣхать къ сестрѣ». Съ собою въ могилу онъ унесъ желаніе раздѣлаться съ Долгорукими, отъ котораго, быть-можетъ, онъ перешелъ бы и къ желанію исправить въ государствѣ то зло, какое они причинили ему своимъ правленіемъ.



Императорская корона, сдѣланная по повелѣнію Анны Іоанновны.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

ИМПЕРАТРИЦА
Анна Іоанновна.

(1693—1730—1740).

I.

Избраніе Анны Іоанновны на престолъ.

Императоръ Петръ II, со смертью котораго пресѣклась мужская линія дома Романовыхъ, умеръ, не оставивъ ни потомства, ни завѣщанія и поэтому вопросъ о престолонаслѣдіи долженъ былъ de jure рѣшиться согласно тестаменту Екатерины I. Однако, стоявшія тогда во главѣ государства лица—и прежде всего члены верховнаго тайнаго совѣта—предпочли руководствоваться въ дѣлѣ избранія новаго государя не требованіями закона, а мотивами личной выгоды и соображеніями политическаго характера. Князья Долгорукіе, попавшіе въ послѣднее царствованіе на головокружительную высоту, мечтали о такомъ носителѣ верховной власти, который позволилъ бы имъ сохранить достигнутое положеніе. Князья Голицыны, гордые своей знатностью и заслугами предъ отечествомъ, но оскорбленные тѣмъ, что при Петрѣ Великомъ,

Императрица Анна Іоанновна.
1693 1740.
(Съ оригинала, находящагося въ Романовской галлереѣ Зимняго Дворца.)

Екатеринѣ I и Петрѣ II ихъ, не отдаляя совершенно отъ дѣлъ, не приближали достаточно къ источнику власти, думали о возведеніи на престолъ монарха, власть котораго можно было бы ограничить въ интересахъ вельможества и тѣмъ уничтожить ненавистный для нихъ фаворитизмъ, этотъ неотлучный въ ту эпоху спутникъ самодержавія. Наконецъ, многіе считали участіе въ рѣшеніи вопроса о престолонаслѣдіи какъ бы своимъ естественнымъ правомъ, которое было пріобрѣтено ими въ моменты прежней борьбы за тронъ, происходившей при воцареніи Екатерины I и Петра II.

Первую попытку обезпечить власть за своимъ избранникомъ сдѣлали кн. Долгорукіе. У постели умиравшаго императора они пришли къ мысли передать престолъ невѣстѣ его, княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгорукой. Датскій посланникъ Вестфаленъ, опасавшійся, какъ бы не избрали въ цари сына недавно умершей герцогини голштинской Анны Петровны, Петра-Ульриха, писалъ кн. В. Л. Долгорукому: «Если энергичная и твердая рѣшимость двухъ такихъ людей, какъ Толстой и Меншиковъ, могла доставить русскую корону покойной царицѣ, несмотря на массу препятствій, то почему бы подобная рѣшимость не въ состояніи была дать такого же положенія принцессѣ добродѣтельной, какова ваша племянница?» Вестфаленъ говорилъ Долгорукимъ: «По знатности вашей фамиліи вамъ это сдѣлать можно, притомъ вы больше силы и права имѣете». «Право» это, однако, было болѣе чѣмъ сомнительно. Кн. Василій Владимировичъ, единственный прямой и честный среди Долгорукихъ, на собраніи родственниковъ, гдѣ обсуждался вопросъ о престолонаслѣдіи, заявилъ: «Неслыханное дѣло вы затѣваете, чтобы обрученной невѣстѣ быть Россійскаго престола наслѣдницею! Кто захочетъ ей подданнымъ быть?» «Силы» у Долгорукихъ также не оказалось. Не говоря уже объ аристократіи и шляхетствѣ, Долгорукіе не могли расчитывать и на поддержку хотя бы одной части гвардіи: когда кн. Алексѣй Григорьевичъ заявилъ на собраніи родственниковъ, что если кто-либо заспоритъ съ ними, того они прикажутъ гвардейцамъ бить, тотъ же кн. Василій Владимировичъ возразилъ: «Что вы ребячье врете! Какъ тому можно сдѣлаться? И какъ я полку объявлю? Услышавъ отъ меня объ этомъ, не только будутъ меня бранить, но и убьютъ». А онъ хорошо зналъ настроеніе гвардіи. Однако остальные Долгорукіе рѣшили сдѣлать попытку осуществить свой планъ. Было составлено въ соотвѣтствующемъ духѣ завѣщаніе, подписанное за Петра II княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ, который превосходно копировалъ его почеркъ.

Едва, въ ночь съ 18 на 19 января 1730 г., умеръ императоръ, какъ члены верховнаго тайнаго совѣта, князья А. Г. и В. Л. Долгорукіе, кн. Д. М. Голицынъ, гр. Головкинъ, гр. Остерманъ, устроили во дворцѣ совѣщаніе, пригласивъ на него губернатора Сибири кн. М. В. Долгорукова, двухъ фельдмаршаловъ—кн. В. В.

Долгорукаго и кн. М. М. Голицына. Однако предложеніе передать корону невѣстѣ Петра II встрѣтило рѣзкій отпоръ со стороны остальныхъ членовъ совѣщанія, въ томъ числѣ и В. В. Долгорукаго. Тогда стали выдвигаться другія кандидатуры и тоже неудачно. Наконецъ кн. Д. М. Голицынъ заявилъ, что законнаго наслѣдника не имѣется: завѣщаніе Екатерины I недѣйствительно, такъ какъ, незаконно вступивъ на престолъ, какъ женщина низкаго происхожденія, она не могла распоряжаться короной, а завѣщаніе Петра II, на которое ссылались Долгорукіе, — подложно. Въ виду этого, продолжалъ онъ, выбрать государя предстоитъ самому верховному тайному совѣту. По его мнѣнію потомковъ Петра Великаго изъ числа возможныхъ кандидатовъ слѣдуетъ устранить, потому что обѣ дочери рождены до брака. Такимъ образомъ, выборъ возможенъ только между первой женой Петра Великаго, царицей Евдокіей, и дочерьми царя Іоанна Алексѣевича. Права послѣднихъ больше правъ первой, и потому выбирать нужно изъ нихъ. Онъ лично предлагалъ избрать среднюю, Анну, вдовствующую герцогиню курляндскую, говоря, что она одарена всѣми качествами, необходимыми для государыни, о чемъ свидѣтельствуетъ довольство ею курляндцевъ. Имени младшей дочери Іоанна, кн. Прасковьи, кн. Голицынъ не произнесъ, повидимому, оттого, что думалъ, что съ ея воцареніемъ власть фактически пойдетъ къ Дмитріеву-Мамонову, съ которымъ она была въ морганатическомъ бракѣ, чего, конечно, онъ не хотѣлъ. По окончаніи рѣчи кн. Голицына всѣ, какъ разсказываютъ, воскликнули: «Такъ, такъ, нечего больше разсуждать, мы выбираемъ Анну!».

Но избраніе на престолъ герцогини курляндской для кн. Голицына имѣло значеніе не само по себѣ: ея кандидатуру онъ выставилъ только потому, что надѣялся при посредствѣ ея осуществить давно взлелѣянную имъ мысль объ ограниченіи самодержавія. Получивъ согласіе товарищей на свое предложеніе, онъ сказалъ: «Воля ваша, кого изволите; только надобно намъ себѣ полегчить». Слова эти поразили всѣхъ своей неожиданностью. «Какъ себѣ полегчить», спросилъ канцлеръ Головкинъ. «Такъ полегчить, чтобъ воли себѣ прибавить», отвѣтилъ ему кн. Голицынъ. На это кн. В. Л. Долгорукій возразилъ: «Хотя и зачнемъ, да не удержимъ этого». Кн. Голицынъ попробовалъ отклонить возраженіе. Однако собравшіеся колебались принять предложеніе ограничить царскую власть. Безъ опредѣленнаго рѣшенія вышли они въ сосѣдній залъ, гдѣ дожидались результата ихъ совѣщанія члены синода, сената и генералитета. Здѣсь еще до появленія верховниковъ П. И. Ягужинскій говорилъ кн. С. Г. Долгорукому: «Долго ли намъ терпѣть, что намъ головы сѣкутъ? Теперь время, чтобъ самодержавію не быть». При появленіи членовъ совѣта онъ громко воскликнулъ: «Батюшки мои, прибавьте намъ какъ можно воли», на что кн. В. Л. Долгорукій отвѣтилъ: «Говорено уже о томъ было, но то не надо». Вслѣдъ за тѣмъ

верховники объявили, что они остановились на избраніи государыней герцогини курляндской. Кн. Д. М. Голицынъ просилъ не распространять эту новость до утра, такъ какъ надо было еще, какъ онъ выразился, «писать пункты, чтобы не быть самодержавію».

Послѣ разъѣзда собравшихся, верховный совѣтъ устроилъ новое совѣщаніе, на которомъ мнѣніе кн. Голицына о необходимости ограничить власть Анны Іоанновны было, наконецъ, принято; противъ воли присоединились къ нему только Остерманъ и Головкинъ. Оба они были принципіальными сторонниками монархіи въ духѣ Петра Великаго, и государственный строй, при которомъ пріобрѣтала бы исключительное вліяніе родовая знать, не могъ возбуждать симпатіи въ обрусѣвшемъ сынѣ нѣмецкаго пастора и незнатномъ русскомъ дворянинѣ, такъ какъ своимъ возвышеніемъ оба они всецѣло были обязаны неограниченной царской власти. Однако, видя, что сила не на ихъ сторонѣ, они предпочли покориться безъ борьбы, хотя только наружно, въ надеждѣ на перемѣну въ будущемъ. Остерманъ даже согласился, «яко знающій лучше штиль», редактировать письмо, которымъ верховники извѣщали герцогиню курляндскую объ избраніи ея «всякаго чина людьми» на Россійскій престолъ подъ условіемъ ограниченія ея власти. Долгорукіе вполнѣ согласились съ предложеніемъ Голицына и кн. В. Л. Долгорукій, выдающійся дипломатъ петровскаго времени, принялъ дѣятельное участіе въ составленіи письма къ Аннѣ Іоанновнѣ и ограничительныхъ «кондицій».

«Кондиціи» эти, давно уже обдуманныя въ основной своей части кн. Д. М. Голицынымъ, сводились къ тому, что императрица обязывалась безъ согласія верховнаго тайнаго совѣта: 1) не вести ни съ кѣмъ войны; 2) не заключать мира; 3) не облагать подданныхъ податями; 4) никого не возводить въ чины выше полковничьяго и не опредѣлять къ «знатнымъ дѣламъ», а также не командовать гвардіей и войскомъ; 5) не отнимать у шляхетства безъ суда жизни, имѣнія и чести; 6) не жаловать вотчинъ; 7) не назначать на придворныя должности и 8) не расходовать государственные доходы. На другой день письмо съ кондиціями кн. В. Л. Долгорукій повезъ въ Митаву, а собравшимся въ кремлевскомъ дворцѣ представителямъ высшихъ правительственныхъ учрежденій и генералитету, олицетворявшимъ собой «все отечество», было предложено дать согласіе на избраніе Анны Іоанновны, что тѣ и сдѣлали. При этомъ о предложенныхъ кондиціяхъ верховники не сказали ни слова, такъ какъ они рѣшили выждать отвѣта изъ Митавы и поступить сообразно съ нимъ.

Съ 23 января въ верховномъ совѣтѣ началось обсужденіе будущей конституціи во всѣхъ подробностяхъ. Пока была опредѣлена только одна частность въ проектированномъ государственномъ устройствѣ: степень участія въ правленіи верховнаго совѣта. Главный виновникъ «затѣйки», какъ назвалъ сдѣланную верховниками

политику ограниченія самодержавной власти Ѳеофанъ Прокоповичъ, кн. Д. М. Голицынъ шелъ гораздо дальше того, что заключалось въ этихъ кондиціяхъ. Онъ внесъ теперь общій проектъ коренной государственной реформы. Голицынъ проектировалъ ввести въ Россіи конституціонную монархію, въ которой верховная власть принадлежала императрицѣ и верховному тайному совѣту, состоявшему изъ 10 — 12 членовъ знатнѣйшихъ фамилій; иностранцевъ впредь рѣшено было не допускать въ совѣтъ. Совѣтъ вѣдалъ важнѣйшіе вопросы внутренней и внѣшней политики: войну, миръ, договоры; отъ него зависѣло назначеніе на высшія должности, командованіе войскомъ и контроль надъ финансами. Двѣ послѣднія функціи онъ выполнялъ не самъ, а первую посредствомъ двухъ фельдмаршаловъ, вторую же — посредствомъ государственнаго казначея. Императрица лично распоряжалась лишь опредѣленной на ея содержаніе суммой денегъ и отрядомъ гвардіи, назначеннымъ для несенія дворцовыхъ карауловъ. Сенатъ изъ 30 — 36 членовъ превращался въ учрежденіе, предварительно разсматривавшее вносимыя въ совѣтъ дѣла, и также представлялъ собой высшую судебную инстанцію. Кромѣ того, учреждались двѣ палаты: одна изъ 200 членовъ, выбранныхъ шляхетствомъ, для охраненія правъ послѣдняго въ случаѣ нарушенія ихъ совѣтомъ, другая изъ представителей городовъ — отъ каждаго по два — для завѣдыванія торгово-промышленными дѣлами и защиты народа отъ притѣсненій.

Проектъ конституціи былъ выработанъ кн. Голицынымъ не на спѣхъ. Онъ занимался имъ еще въ послѣдніе годы Петровскаго царствованія; горячо любя родной бытъ, онъ скорбѣлъ, видя его ломку, а какъ родовитый бояринъ, онъ не уважалъ второй семьи Преобразователя и возмущался окружавшими его людьми безъ роду, безъ племени, въ родѣ Меншикова. Политическую теорію, проведенную имъ въ кондиціяхъ и проектѣ конституціи, онъ заимствовалъ изъ сочиненій Пуфендорфа, Томазія, Гроція, Локка и Макіавелли; изученіе ихъ дало ему принципы и руководящія идеи, а акты государственнаго устройства Швеціи: «форма правленія» 1720 г. и «королевская присяга» Фридриха I того же года, познакомили его съ приложеніемъ ихъ на практикѣ. Въ дѣлѣ выработки конституціи кн. Голицыну помогалъ извѣстный прожектеръ Петровскаго времени, Фикъ, превосходно знавшій шведскій государственный строй. Поэтому голицынскія кондиціи и проектъ представляютъ собой въ главныхъ чертахъ сколокъ съ конституціи Швеціи, возникшей въ такъ называемое «время свободы», т.-е. послѣ реформъ 1720 г., покончившихъ съ существовавшимъ ранѣе абсолютизмомъ.

Но предложенный кн. Голицынымъ планъ государственнаго устройства былъ слишкомъ проникнутъ олигархически-аристократическими тенденціями, потому не могъ вызвать къ себѣ симпатій въ широкихъ кругахъ общества. Наоборотъ, общество въ лицѣ родовой и служилой знати, а также шляхетства, отнеслось совершен-

но отрицательно къ замысламъ верховниковъ. Ему совершенно не нравилась конституція, при которой нѣсколько знатныхъ фамилій правили бы государствомъ, а представители высшаго и средняго сословій обороняли бы народъ отъ ихъ правленія. Въ томъ отношеніи всѣ раздѣляли мнѣніе бывшаго тогда казанскимъ губернаторомъ Артемія Волынскаго. «Боже сохрани, — писалъ онъ въ Москву, — чтобы не сдѣлалось, вмѣсто одного самодержавнаго государя, десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій; а такъ мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ и принуждены будемъ горше прежняго идолопоклонничать и милости у всѣхъ искать!» Особенно же возмущались тѣмъ, что кондиціи были посланы въ Митаву отъ лица «всего отечества», а «всему отечеству», въ случаѣ полученія отъ Анны Іоанновны согласія на предполагаемыя реформы, капитуляцію хотѣли объявить, какъ добровольный даръ самой императрицы.

Со времени переселенія въ Москву Петра II, она была фактически столицей государства; здѣсь находились высшія правительственныя учрежденія, генералитетъ и гвардія. Кромѣ того, въ описываемое время сюда собралось очень много служилаго и не служилаго шляхетства, съѣхавшагося къ 19 января, на которое была назначена свадьба покойнаго императора. За пятилѣтіе, прошедшее со смерти Петра Великаго, верхи шляхетства — родовая и служилая знать — привыкли вмѣшиваться въ политику, пользуясь слабостью Екатерины I и Петра II. Эти самые верхи теперь первыми поднялись и противъ верховнаго тайнаго совѣта, потянувъ за собой и родовое шляхетство. Москва глухо заволновалась. «Жалостное вездѣ по городу видѣніе стало и слышаніе,—разсказываетъ одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ тогдашнихъ событій, Ѳеофанъ Прокоповичъ;—куда не придешь, къ какому собранію не пристанешь, не иное что было слышать, только горестныя нареканія на осьмиличныхъ оныхъ затѣйщиковъ; всѣ ихъ жестоко порицали, всѣ проклинали необычное ихъ дерзновеніе, несытое лакомство и властолюбіе». Но отыскать для протеста форму, которая всѣхъ удовлетворила бы, вождямъ общественнаго движенія не удалось. Одни предлагали дѣйствовать рѣшительно: внезапно напасть на верховниковъ съ оружіемъ въ рукахъ и, если они не отстанутъ отъ своихъ замысловъ, перебить. Другіе были противъ насилія: они желали лишь дать понять верховному совѣту, что «передѣлывать составъ государства» безъ согласія представителей общества онъ не имѣетъ никакого права. «Непріятно то и смрадно пахнетъ», говорили послѣдніе про попытку верховниковъ. Не столковавшись по поводу способа воздѣйствія на верховный совѣтъ, противники его не были согласны между собой и въ вопросѣ о томъ, какъ быть, когда они лишатъ верховниковъ незаконно захваченной ими учредительной власти. Одни хотѣли сохранить существующій въ странѣ политическій строй, другіе высказывались за его измѣненіе. Ясно обозначались двѣ партіи: приверженцевъ самодержавія и конституціоналистовъ.

Но еще ранѣе чѣмъ эти партіи болѣе или мѣнѣе соорганизовались, верховному совѣту былъ нанесенъ сильный ударъ Ягужинскимъ. Непринятый верховниками въ свою среду, онъ рѣшилъ отомстить имъ. 20 января, сейчасъ же послѣ ночного собранія во дворцѣ, онъ отправилъ къ Аннѣ Іоанновнѣ дворянина Сумарокова съ совѣтомъ: не всему вѣрить, что станутъ представлять ей посланные отъ верховниковъ. Такіе же совѣты поспѣшили послать въ Митаву и нѣкоторые другіе сторонники самодержавія, напр., мечтавшій при новой государынѣ о блестящей карьерѣ Левенвольде и вѣрный традиціямъ Петра Великаго Ѳеофанъ Прокоповичъ. Но въ Москвѣ консервативно-настроенные люди заняли пока выжидательную позицію. Зато развили очень живую агитацію люди, мечтавшіе о конституціи, а ихъ было немало въ рядахъ родовой и отчасти чиновной знати. Переживъ въ послѣднія два царствованія могущество фаворитовъ, они стали сами думать объ ограниченіи верховной власти. Но столковаться между собой, остановиться на чемъ-нибудь опредѣленномъ они не сумѣли.

«Партій безчисленное множество, — писалъ де-Лиріа, — и хотя послѣ смерти царя все продолжаетъ быть въ величайшемъ спокойствіи, но еще не все кончено и, пожалуй, можетъ произойти какая-нибудь вспышка». Чтобы предупредить послѣднюю, верховный совѣтъ рѣшился, наконецъ, дѣйствовать. Партію самодержавія верховники хотѣли попросту застращать; къ конституціоналистамъ они обратились со словами увѣщанія. Ея вождямъ было заявлено, что верховниковъ напрасно обвиняютъ, будто они стремятся къ захвату себѣ царской власти, такъ какъ тайно дѣйствовать они рѣшили только потому, что не знали, какъ отнесется къ попыткѣ ограниченія Анна Іоанновна; когда же ея согласіе будетъ получено, они созовутъ всѣ чины и вмѣстѣ съ ними выработаютъ новое государственное устройство.

И угрозы и увѣщанія верховнаго совѣта временно подѣйствовали... Около двухъ недѣль прошло спокойно. 1 февраля отъ Анны Іоанновны было получено извѣстіе, что она согласна принять власть на предложенныхъ условіяхъ. Верховный совѣтъ назначилъ на слѣдующій день утромъ торжественное засѣданіе, на которое были приглашены, какъ говорилось въ повѣсткахъ, «о государственномъ установленіи совѣтовать» члены синода и сената, генералитетъ до бригадирскаго чина, президенты коллегіи и гражданскіе чиновники первыхъ четырехъ классовъ. Въ этомъ приглашеніи конституціоналисты, по словамъ Ѳеофана Прокоповича, усмотрѣли, что совѣтъ «въ затѣйкахъ своихъ раскаялся и хочетъ просить себѣ въ томъ прощенія, какъ то члены его въ недавнихъ разговорахъ и обѣщались». Приверженцы самодержавія, напротивъ, не хотѣли принимать этого предложенія, находя, что это лишь «новая верховниковъ хитрость и злое изобрѣтеніе», посредствомъ которыхъ они попытаются вынудить согласіе на свои «затѣйки», а «проти-

вящихся себѣ вдругъ придавить». Ближе къ истинѣ оказались послѣдніе.

Собравшимся 2 февраля въ кремлевскомъ дворцѣ чинамъ прежде всего было прочитано письмо Анны Іоанновны, оригиналъ котораго былъ ею лишь подписанъ, заготовленъ же самими верховниками; въ немъ кондиціи представлялись актомъ доброй воли государыни, сдѣланнымъ ею «для пользы Россійскаго государства и къ удовольствованію вѣрныхъ подданныхъ»; затѣмъ прочитаны были и самыя кондиціи, скрѣпленныя припиской Анны Іоанновны: «По сему обѣщанію все безъ всякаго изъятія содержать». Чтеніе этихъ бумагъ произвело угнетающее впечатлѣніе на собравшихся. «Никого, почитай, кромѣ верховныхъ, не было, — расказываетъ Ѳеофанъ Прокоповичъ,—кто бы, таковая слушавъ, не содрогнулся, и сами тіи, которые всегда великой отъ сего собранія пользы надѣялись, опустили уши, какъ бѣдные ослики». Но свое негодованіе присутствующіе осмѣлились выразить только молчаніемъ, такъ какъ во дворцѣ были разставлены отряды войска, а еще до начала засѣданія въ сѣняхъ былъ арестованъ Ягужинскій. Гробовымъ молчаніемъ встрѣтило собраніе также и рѣчь кн. Д. М. Голицына, говорившаго о милости и благодѣяніи императрицы, о будущемъ благоденствіи и процвѣтаніи Россіи. Видя враждебное настроеніе собравшихся, верховники, по словамъ Ѳеофана Прокоповича, «тихо нѣчто одни другимъ нашептывали и, остро глазами посматривая, притворялись, будто и они, яко невѣдомой себѣ и нечаянной вещи, удивляются, и что не слышатъ одобренія со стороны собранія». Неловкую паузу прервалъ кн. Д. М. Голицынъ, снова заговорившій: «Для чего никто ни одного слова не проговоритъ? Изволилъ бы сказать, кто что думаетъ, хотя и нѣтъ де ничего другого говорить, только благодарить той милосердной государынѣ». Тогда кто-то «тихимъ голосомъ съ великою трудностію» вымолвилъ: «Не вѣдаю де и весьма чуждуся, отчего на мысль пришло государынѣ такъ писать», а одинъ изъ вождей конституціонной партій, кн. А. М. Черкасскій, спросилъ, тоже не совсѣмъ увѣренно: «Какимъ образомъ впредь то правленіе быть имѣетъ». Оставивъ безъ вниманія замѣчаніе перваго, верховники отвѣтили на вопросъ второго, что о будущемъ государственномъ устройствѣ высшее чиновничество и генералитетъ могутъ подать въ совѣтъ свои мнѣнія. Этой уступкой члены верховнаго совѣта обнаруживали, что кондиція—не великодушный даръ государыни, а закулисная продѣлка ихъ самихъ.

Въ тотъ же день въ домѣ сенатора В. Я. Новосильцева обсуждался составленный В. Н. Татищевымъ проектъ конституціи. Татищевъ явился самымъ энергичнымъ борцомъ противъ узурпировавшаго власть верховнаго совѣта. Онъ доказывалъ, что, во-первыхъ, со смертью «безнаслѣдственнаго» государя избраніе новаго «по закону естественному должно быть согласіемъ всѣхъ подданныхъ», что «перемѣна закона или обычая застарѣлаго»

точно такъ же можетъ быть произведена только по «общенародному соизволенію». Выбравъ на престолъ герцогиню курляндскую и измѣнивъ существующій политическій строй, верховники, по его мнѣнію, нарушили «право шляхетства и другихъ чиновъ», которые обязаны поэтому «оное свое право защищать по крайней возможности, не давая тому закоснѣть»; слѣдуетъ поэтому требовать образованія учредительной комиссіи изъ ста депутатовъ, избранныхъ «всѣмъ шляхетствомъ». Но такъ какъ, говорилъ онъ далѣе, «весь народъ персоною ея величества доволенъ и никто не споритъ» противъ ея избранія, то учредительной комиссіи предстоитъ лишь разсмотрѣть вопросъ, нужно ли перемѣнить «самовластное древнее правительство» и, если она признаетъ это нужнымъ, выработать новое. Самъ авторъ проекта наилучшею формою правленія принципіально признавалъ самодержавную монархію, вполнѣ отвѣчавшую «состоянію народа» въ Россіи. Но въ виду того, что Анна Іоанновна, которая, «какъ есть персона женская, къ такъ многимъ трудамъ неудобна», то «для помощи Ея Величеству», «на время, доколѣ намъ Всевышній мужескую персону на престолъ даруетъ», онъ предлагаетъ учредить двѣ палаты: «вышнее правительство», или сенатъ, изъ 21 члена и «нижнее правительство», для завѣдыванія «внутренней экономіей», изъ 100 членовъ. Далѣе слѣдовали нѣкоторыя предложенія, менѣе значительныя.

Этотъ проектъ конституціи, предоставлявшій вліяніе на правительственныя дѣла высшему гражданскому и военному чиновничеству, былъ принятъ собравшимися у Новосильцева и, подписанный 39-ю лицами, 5 февраля внесенъ въ верховный совѣтъ. Верховники, конечно, рѣшили его отвергнуть. Расчитывая, что рядовое шляхетство окажется сговорчивѣе генералитета, они разрѣшили высказать свои пожеланія всѣмъ изъ «шляхетства въ рангахъ и безъ ранговъ», которые несогласны съ татищевскимъ проектомъ. Такихъ оказалось много, хотя подъ проектомъ Татищева уже собрано было 249 подписей. Отъ рядового шляхетства было получено два проекта. Большинство шляхетства, слѣдуя приглашенію верховнаго совѣта, пошло на компромиссъ съ нимъ. Выработанный имъ проектъ сохранялъ верховный совѣтъ, но расширялъ составъ его до 21 члена; оставлялъ сенатъ на прежнемъ основаніи: онъ долженъ былъ состоять изъ 11 членовъ и заниматься менѣе важными дѣлами; право замѣщенія важнѣйшихъ должностей предоставлялось собранію изъ присутствовавшаго «персонально» генералитета и 100 депутатовъ отъ шляхетства; наконецъ особое собраніе, состоящее изъ совѣта, или иначе, вышняго правительства, сената, генералитета и шляхетскихъ депутатовъ, должно было обсуждать «важныя государственныя дѣла» и «что потребно будетъ впредь сочинить въ дополненіе уставовъ, принадлежащихъ къ государственному правительству». Подъ этимъ проектомъ подписалось до 743 человѣка. Меньшая часть шляхетствъ раздѣляла желаніе генералитета

уничтожить совѣтъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мечтала о болѣе широкой организаціи представительства. Ею проектировалось созданіе «сейма» и предоставленіе права выбора въ него и на всѣ государственныя должности всему «обществу».

Однако и этотъ проектъ не могъ удовлетворить верховниковъ, и они продолжали переговоры какъ съ различными группами шляхетства, такъ и съ отдѣльными наиболѣе вліятельными лицами, въ результатѣ чего имъ было подано еще нѣсколько проектовъ конституціи. Но ни одного изъ нихъ верховный совѣтъ не могъ принять, не отказавшись отъ своей власти. При такихъ обстоятельствахъ верховники пошли на уступки. Настаивая на сохраненіи олигархическаго состава въ верховномъ совѣтѣ и монополіи его на учредительную и законодательную власть, они допускали для нѣкоторыхъ дѣлъ устройство періодическихъ собраній изъ сенаторовъ, генералитета, коллежскихъ членовъ и выборныхъ отъ шляхетства, изъ членовъ синода и архіереевъ лишь съ совѣщательнымъ голосомъ; они обѣщали духовенству возвращеніе вотчинъ, шляхетству—освобожденіе отъ обязательной службы; купечеству—свободу торговли и исключительное право на нее; наконецъ крестьянству—облегченіе въ податяхъ.

Раздоры между верховниками и конституціоналистами подняли духъ приверженцевъ самодержавія, среди которыхъ первое время главную роль играло духовенство во главѣ съ синодомъ. Еще 2 февраля, тотчасъ же послѣ собранія, на которомъ верховники заявили о согласіи Анны Іоанновны на принятіе короны, члены синода отправились въ Успенскій соборъ, и во время молебна государыня провозглашена была «самодержицей». Верховники были очень недовольны, но предпринять что-либо противъ виновниковъ этого не осмѣлились. Во избѣжаніе соблазна они даже рѣшили сохранить прежній титулъ и въ манифестѣ, оповѣщавшемъ народъ объ избраніи на престолъ герцогини курляндской.

Партія самодержавія состояла изъ представителей высшаго духовенства, родственниковъ императрицы и сановниковъ, обиженныхъ верховниками, — Салтыковыхъ, кн. Трубецкихъ, кн. Барятинскаго, кн. Юсупова и др., а также изъ служилыхъ иностранцевъ и людей вполнѣ идейныхъ, въ родѣ кн. А. Кантемира; она была особенно сильна тѣмъ, что владѣла народнымъ сочувствіемъ, «понеже, — какъ выразился Ѳеофанъ Прокоповичъ, — русскій народъ таковъ отъ природы своей, что только самодержавнымъ владѣтельствомъ хранимъ быть можетъ». На сторонѣ этой партіи была и гвардія. Теперь эта партія пріобрѣла чрезвычайно опытнаго руководителя въ лицѣ Остермана.

Таково было положеніе вещей въ Москвѣ, когда 10 февраля 1730 г. Анна Іоанновна прибыла въ подмосковное село Всесвятское. Противники ограниченій успѣли войти въ сношенія съ ней, и она, ознакомившись съ обстоятельствами, рѣшила стать во главѣ

возникшаго противъ верховниковъ движенія. Едва пришли къ ней 12 февраля на почетный караулъ батальонъ преображенцевъ и отрядъ кавалергардовъ, она, вопреки подписаннымъ ею кондиціямъ, объявила себя полковникомъ первыхъ и капитаномъ вторыхъ; солдаты громко выражали свою радость по этому поводу. Когда 14 февраля гр. Головкинъ, какъ старшій кавалеръ, поднесъ ей отъ имени верховнаго совѣта орденъ св. Андрея, она сказала: «Ахъ, правда, я и позабыла его надѣть», показавъ этимъ, что считаетъ себя въ правѣ сама возложить его на себя. Открыто объявить себя противъ верховниковъ Анна Іоанновна пока еще опасалась. Отвѣчая на рѣчь кн. Д. М. Голицына, въ которой онъ подчеркнулъ, что посланныя въ Литву кондиціи «нашимъ именемъ предложили тебѣ наши депутаты», она заявила, что будетъ строго исполнять ихъ.

Однако приверженцы самодержавія нашли способы завести съ государыней оживленныя сношенія чрезъ придворныхъ дамъ— Салтыкову, Остерманъ, Ягужинскую. Консервативная партія убѣждала государыню, какъ можно дольше противиться настояніямъ верховниковъ, приглашавшихъ ее поскорѣе торжественно подтвердить новое государственное устройство. Въ то же время энергичная агитація этой партіи имѣла полный успѣхъ среди гвардіи и мелкаго шляхетства. Видя все это, верховники сдѣлали еще уступку конституціонной партіи. Но было уже поздно; большинство конституціоналистовъ, чтобы свалить верховный совѣтъ, вступило въ союзъ съ партіей самодержавія, — союзъ, творцомъ котораго былъ, безъ сомнѣнія, Остерманъ. Онъ убѣдилъ кружокъ кн. Черкасскаго, представлявшій собой ядро конституціонной партіи, что все, чего хотятъ конституціоналисты, имъ легче всего получить отъ самой императрицы: для этого стоитъ только обратиться къ ней съ просьбой уничтожить верховный совѣтъ и дозволить шляхетству на основаніи поданныхъ отъ него проектовъ выработать общій планъ государственной реформы. Устрашенные всеобщимъ негодованіемъ, верховники опустили руки. Говорятъ, что они предложили Аннѣ Іоанновнѣ провозгласить ее самодержавной, но она отказалась, заявивъ, что ей мало получить самодержавіе отъ осьми персонъ: она знала, что скоро получитъ его не какъ милость верховнаго совѣта.

Сторонники самодержавія и конституціоналисты пришли между тѣмъ къ рѣшенію войти къ императрицѣ съ ходатайствомъ; только одни хотѣли просить ее о возстановленіи императорской власти въ прежнемъ объемѣ, а другіе — объ образованіи учредительной коммиссіи для выработки новаго государственнаго строя; кн. Кантемиръ уговорилъ конституціоналистовъ присоединиться къ челобитью сторонниковъ самодержавія; помогъ при этомъ пущенный Остерманомъ слухъ, будто верховники только что представили государынѣ для подписи списокъ ста лицъ, которыхъ предполагалось арестовать. Немудрено, что приверженцы конституціи предпочли

тираніи верховнаго совѣта неограниченную монархическую власть. Послѣ этого оба кружка согласились подать императрицѣ челобитье 25 февраля и, повидимому, поручили сдѣлать это кн. Черкасскому. Слѣдующій день прошелъ въ приготовленіяхъ къ перевороту. Среди генералитета и шляхетства энергично собирались подписи подъ челобитьемъ; вождей и видныхъ дѣятелей конституціонныхъ кружковъ настойчиво убѣждали держаться принятаго наканунѣ собраніемъ рѣшенія, а вечеромъ къ Аннѣ Іоанновнѣ отправили П. Ю. Салтыкову «съ тою вѣдомостью, что согласилися».

Однако государыню и сторонниковъ самодержавія ждалъ большой сюрпризъ. Когда 25 февраля противники верховниковъ въ количествѣ 150—200 человѣкъ собрались въ пріемномъ домѣ кремлевскаго дворца, кн. Черкасскій вручилъ вышедшей къ нимъ въ сопровожденіи верховниковъ императрицѣ челобитье. Увѣренная, что въ челобитьи заключается просьба о возстановленіи самодержавія, Анна Іоанновна велѣла прочесть его Татищеву. Но оказалось, что конституціоналисты, въ послѣднюю минуту рѣшили подать императрицѣ свое прежнее челобитье, подъ которымъ успѣли собрать 87 подписей. И вотъ Татищевъ прочелъ, что шляхетство приноситъ государынѣ благодарность за подписаніе предложенныхъ верховнымъ совѣтомъ пунктовъ и, видя «въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ тѣхъ пунктовъ... сумнительства», проситъ у ней разрѣшенія «собраться всему генералитету, офицерамъ и шляхетству, по одному или по два отъ фамилій», для обсужденія представленныхъ въ верховный совѣтъ проектовъ и «согласнымъ мнѣніемъ по большимъ голосамъ форму правленія государственнаго сочинить». Услышавъ совсѣмъ не то, чего ожидала, Анна Іоанновна растерялась и не знала, что предпринять. Въ эту минуту кн. В. Л. Долгорукій обратился къ кн. Черкасскому со словами: «Кто вамъ позволилъ присвоить себѣ законодательную власть?» Почувствовавъ въ этотъ мигъ всю опасность своего положенія, Черкасскій громко отвѣтилъ: «Государыня вами обманута: вы увѣряли ее, что кондиціи составлены съ согласія всѣхъ чиновъ, а это было сдѣлано безъ нашего вѣдома и участія». Тогда Долгорукій предложилъ Аннѣ Іоанновнѣ удалиться въ кабинетъ и тамъ вмѣстѣ съ членами верховнаго совѣта обсудить поданное челобитье. Императрица уже готова была послушаться, какъ вдругъ къ ней бросилась съ перомъ и чернилами въ рукахъ сестра ея, герцогиня мекленбургская Екатерина Іоанновна. «Нечего теперь разсуждать,— сказала она,—подпиши скорѣй». Эти слова вернули Аннѣ Іоанновнѣ самообладаніе и, быстро взвѣсивъ обстоятельства, она подписала челобитье, при чемъ потребовала, чтобы шляхетство сейчасъ же принялось за выработку новой формы правленія. Въ это время члены партіи самодержавія и приведенные кн. Юсуповымъ офицеры гвардіи подняли крикъ: «Не хотимъ, чтобы государынѣ предписывали законы, она должна быть самодержицею, какъ были всѣ прежніе

государи». Императрица сдѣлала видъ, что хочетъ унять ихъ, но они бросились къ ней съ громкими возгласами: «Прикажите, и мы принесемъ къ вашимъ ногамъ головы вашихъ злодѣевъ». Тогда государыня рѣшилась. «Я не вижу себя въ безопасности», сказала она и приказала начальствовавшему надъ дворцовыми караулами капитану Альбрехту повиноваться только одному генералъ-лейтенанту С. А. Салтыкову. Послѣ этого шляхетству было предложено государыней удалиться для совѣщанія въ одну изъ сосѣднихъ залъ, а верховники были приглашены къ высочайшему столу и такимъ образомъ лишены возможности на что-либо отважиться.

«Пункты», разорванные императрицею Анною Іоанновною.
Хранятся въ Государственномъ Архивѣ въ Петербургѣ.

Совѣщаніе шляхетства продолжалось недолго. Кн. Юсуповъ предложилъ прежде всего выразить императрицѣ благодарность за ея милостивое отношеніе къ шляхетству. Его поддержалъ Г. П. Чернышевъ, указавъ, что самымъ лучшимъ выраженіемъ благодарности будетъ возвращеніе ей того, что отъ нея отнялъ верховный совѣтъ, т.-е. самодержавія. Никто изъ конституціоналистовъ не осмѣлился возражать: до нихъ доносились непрекращавшіеся возгласы офицеровъ, стоявшихъ около зала: «Смерть крамольникамъ! Да здравствуетъ самодержавная государыня!» Большинство присутствовавшихъ приверженцевъ реформы подписало составленное еще 23 февраля Кантемиромъ челобитье о возстановленіи самодержавія, и только нѣкоторые настояли на включеніи въ него пожеланія о замѣнѣ верховнаго совѣта сенатомъ, «какъ при Петрѣ I было» и предоставленія шляхетству права избранія сенаторовъ, губернаторовъ и президентовъ коллегій.

Послѣ обѣда императрица вмѣстѣ съ верховниками вернулась въ аудіенцъ-залъ, гдѣ уже находилось шляхетство. На этотъ разъ челобитье было вручено кн. Трубецкимъ и прочитано кн. Кантемиромъ. Выслушавъ его, Анна Іоанновна выразила притворное удивленіе. «Какъ, —спросила она верховниковъ,—развѣ эти пункты были составлены не по желанію всего народа?» — «Нѣтъ!» послышался отвѣтъ. «Такъ ты меня обманулъ, князь Василій Лукичъ!» сказала государыня кн. Долгорукому и, потребовавъ подписанныя ею въ Митавѣ кондиціи, тутъ же ихъ разорвала.

«Пункты», разорванные императрицею Анною Іоанновною.
Хранятся въ Государственномъ Архивѣ въ Петербургѣ.

Такъ кончилась, по словамъ историка, десятидневная конституціонно - аристократическая русская монархія XVIII ст. Общественная среда, которая могла бы ее поддерживать, оказалась политически незрѣлой: эта общественная среда представляла собой въ сущности одно высшее сословіе, не слившееся еще съ общими интересами и стремленіями населенія. Образовавшееся всего только при Петрѣ Великомъ, оно восприняло въ себя слишкомъ разнородные элементы: старое боярство, выслужившихся государственныхъ дѣльцовъ, принятыхъ на русскую службу иностранцевъ, наконецъ, мелкое чиновничество. Всѣ эти отдѣльныя группы высшаго сословія были объединены чисто механически — одинаковой служебной повинностью государству и одинаковымъ вознагражденіемъ за нее по табели о рангахъ, а въ остальномъ совершенно разнились другъ отъ друга. Вслѣдствіе этого среди нихъ не было обще-сословной солидарности, не говоря уже о томъ, что и самыя эти группы не были достаточно сплочены.

II.

Жизнь и царствованіе императрицы Анны Іоанновны.

I.

Мы такъ подробно разсмотрѣли событія, сопровождавшія вступленіе на престолъ Анны Іоанновны, потому что ими, въ значительной мѣрѣ, опредѣлилась физіономія новаго царствованія, которое представляетъ собой одну изъ мрачныхъ страницъ нашей исторіи. Познакомимся теперь съ личностью самой императрицы. Родилась Анна Іоанновна 28 января 1693 г., приняла Россійскую корону на 37-мъ году жизни. Дѣтство свое Анна Іоанновна провела въ семьѣ своего отца, «скорбнаго главой» царя Іоанна Алексѣевича, и жестокой, невѣжественной царицы Прасковьи Ѳеодоровны, урожденной Салтыковой. Трехъ лѣтъ отъ роду потерявъ отца, она росла нелюбимая матерью, въ обстановкѣ, гдѣ умъ ея не могъ развиться, а сердце облагородиться: дворецъ царицы въ с. Измайловскомъ подъ Москвой былъ полонъ юродивыми, святошами и разными приживалками; и ханжество и суевѣрія наложили свою печать на царевну; она сдѣлалась внѣшне богомольной и искренно боялась колдовства.

Съ 1708 г. для Анны Іоанновны рядомъ съ вліяніемъ стараго московскаго обихода началось вліяніе новыхъ заводимыхъ Петромъ Великимъ порядковъ. Въ этомъ году въ угоду царю Прасковья Ѳеодоровна вмѣстѣ съ дочерями переселилась въ Петербургъ, и здѣсь дѣлила время между церковными службами и ассамблеями, между юродивыми и театральными зрѣлищами. Къ Аннѣ Іоанновнѣ и ея сестрамъ были приставлены иностранные учителя, но ихъ уроки принесли мало пользы. Въ 1710 г. Петръ Великій, желая тѣснѣе сблизить Курляндію съ Россіей, выдалъ Анну Іоанновну, помимо ея воли, замужъ за герцога Курляндскаго, Фридриха-Вильгельма. Двухмѣсячныя свадебныя торжества такъ разстроили здоровье молодого, что онъ умеръ, не доѣхавъ до своего герцогства. Анна Іоанновна вернулась было къ матери, но царь отправилъ ее на жительство въ Курляндію, расчитывая создать съ ея помощью среди курляндцевъ русскую партію для противодѣйствія польской. Анна Іоанновна въ общемъ сумѣла выполнить возложенную на нее миссію, сгруппировавъ вокругъ себя часть курляндскаго рыцарства. Но ея личная жизнь не стала лучше, чѣмъ была подъ родительскимъ кровомъ: деспотическій гнетъ матери замѣнился теперь матеріальной нуждой, которая была настолько сильна, что даже царица Прасковья обратилась въ 1714 г. къ Петру Великому съ жалобой, что ея дочери въ Курляндіи «не опредѣлено, чѣмъ жить тамъ и по обыкновенію княжескому по-

рядочно себя содержать». Анна Іоанновна получала всего 12680 талеровъ, изъ которыхъ «въ очисткѣ», т.-е. лично для нея, оставалось только 426; остальные были «въ расходѣ по самой крайней нуждѣ къ столу, въ поварню, въ конюшню, и на жалованье и либерію служителямъ и на содержаніе драгунской роты». Унизительныя письма съ просьбами о деньгахъ приходилось нерѣдко писать и самой герцогинѣ, и не только Петру Великому или его супругѣ, но даже Меншикову.

Рано овдовѣвъ и не имѣя дѣтей, Анна Іоанновна, движимая стремленіемъ найти сердечную привязанность, сблизилась съ М. П. Бестужевымъ, который былъ русскимъ резидентомъ въ Курляндіи. Связь эта, однако, не дала Аннѣ Іоанновнѣ радостей. Сперва она опасалась, что царь подъ вліяніемъ настойчивыхъ просьбъ царицы Прасковьи, едва не проклявшей своей дочери, отзоветъ въ Петербургъ ея избранника, а вскорѣ затѣмъ убѣдилась, что ея избранникъ сблизился съ нею безъ любви. Глубоко затаивъ обиду, герцогиня, тѣмъ не менѣе, долго не рѣшалась порвать близкихъ отношеній съ Бестужевымъ, и только въ 1718 г. «отмѣнилась къ нему,—какъ выразился онъ самъ,—любовь его друга». Причиной разрыва явилась пылкая страсть, которую зажегъ въ сердцѣ Анны Іоанновны секретарь ея прежняго возлюбленнаго, Эрнестъ-Іоганнъ Биронъ.

Мелкій курляндскій дворянинъ, за преданность герцогамъ не пользовавшись уваженіемъ среди гордаго и независимаго рыцарства, Биронъ былъ чрезвычайно честолюбивъ и совершенно неразборчивъ въ средствахъ. Съ черствостью сердца, которая при встрѣчѣ съ препятствіями превращалась въ жестокость, онъ соединялъ осторожный и изворотливый умъ, предпочитавшій открытымъ дѣйствіямъ закулисныя интриги и пышнымъ титуламъ дѣйствительное могущество. Рѣшивъ связать свою судьбу съ судьбой герцогини, этотъ, по выраженію одного современника, «каналья курляндецъ», превосходно умѣвшій разыскивать породистыхъ собакъ и обращавшійся съ лошадьми, какъ съ людьми, а съ людьми, какъ съ лошадьми, разгадалъ властный характеръ Анны Іоанновны и выраженіемъ полной покорности пріобрѣлъ ея исключительное довѣріе. Положеніе Бирона при герцогинѣ Курляндской не было, однако, окончательно упроченнымъ: Анна Іоанновна отличалась чрезмѣрнымъ самолюбіемъ, а между тѣмъ, въ Курляндіи съ ней мало считались вольнолюбивые бароны и прямо-таки помыкали ею Россія, Пруссія и Польша, боровшіяся другъ съ другомъ за вліяніе въ маленькой странѣ. Единственнымъ выходомъ изъ унизительнаго положенія для Анны Іоанновны было замужество съ человѣкомъ, который могъ бы возвысить герцогскую власть. Въ 1726 г. курляндскіе чины рѣшили выбрать въ герцоги гр. Морица Саксонскаго, подъ условіемъ женитьбы его на Аннѣ Іоанновнѣ. Графъ и герцогиня вполнѣ согласились съ этимъ рѣшеніемъ, но противъ

него вооружился правившій тогда Россіей кн. Меншиковъ, который мечталъ самъ о курляндской коронѣ. Этотъ «неблагородный рабъ» двинулся въ Курляндію съ войскомъ, и Морицъ, уже поселившійся въ митавскомъ дворцѣ, былъ вынужденъ оставить предѣлы герцогства. Теперь надежда на бракъ окончательно покинула Анну Іоанновну, и съ этой поры она всецѣло отдалась Бирону. Чтобы избѣгнуть сплетней, послѣдній въ угоду ей женился въ 1727 г. на Бенигнѣ фонъ-Третта-Трейденъ, которая оказалась чрезвычайно удобной женой. Анна Іоанновна должна была теперь думать, что вполнѣ опредѣлился ея жребій — быть только хозяйкой митавскаго дворца; но гордой, властолюбивой герцогинѣ примиреніе съ этимъ жребіемъ далось тяжело: оно ожесточило въ ней сердце и озлобило умъ. Чтобы успокоиться, забыться среди постоянно тяжелыхъ обстоятельствъ жизни, для натуры неспособной уходить во внутренній міръ души и оттуда вызывать успокоеніе, было одно средство: внѣшнія развлеченія, празднества, общество людей, которые бы постоянно развлекали, гнали бы далеко докучную мысль и тяжелое чувство. Но пока Анна Іоанновна находилась въ Митавѣ, это средство могло быть использовано лишь въ очень скромныхъ размѣрахъ, которые совершенно не удовлетворяли ея жаждѣ удовольствій. При такихъ обстоятельствахъ избраніе на престолъ Анна Іоанновна встрѣтила съ восторгомъ. Она не колеблясь подписала предложенныя ей «кондиціи», но лишь для того, чтобы когда-нибудь бросить ихъ разорванными на полъ. Это было послѣднимъ препятствіемъ, которое Анна Іоанновна встрѣтила въ своей жизни. Побѣдивъ его, она выбралась изъ бѣдной митавской трущобы на широкій просторъ.

Разрушивъ предпринятую верховниками попытку государственнаго переворота, Анна Іоанновна позаботилась хотя бы нѣсколько привлечь къ себѣ генералитетъ и шляхетство, которые помогли ей сохранить въ неприкосновенности самодержавіе: она рѣшила удовлетворить второстепенныя желанія послѣднихъ, заявленныя ими и въ поднесенномъ ей самой 25 февраля челобитьи. 4 февраля 1731 г. въ день коронаціи былъ изданъ указъ объ уничтоженіи верховнаго тайнаго совѣта и о возстановленіи сената въ томъ значеніи, какое онъ имѣлъ при Петрѣ Великомъ. Въ сенатъ были назначены виднѣйшіе представители знати въ количествѣ 21 человѣка, согласно татищевскому проекту. Въ сенатъ вошли теперь Остерманъ, С. А. Салтыковъ, Г. П. Чернышевъ, кн. Юсуповъ, П. И. Ягужинскій, канцлеръ гр. Головкинъ, фельдмаршалъ кн. Трубецкой и др., и прежніе противники-верховники—князья Голицыны и Долгорукіе, и вожди конституціоналистовъ — кн. Черкасскій и Новосильцевъ: государыня старалась первое время задобрить и оппозицію. Вскорѣ послѣ этого высшее сословіе получило впервые очень важныя льготы, дѣлавшія его сословіемъ привилегированнымъ: 25 октября 1731 г. было воспрещено боярскимъ людямъ,

монастырскимъ слугамъ и всѣмъ крестьянамъ принимать подъ закладъ и покупать населенныя земли, ихъ могло теперь пріобрѣтать только дворянство. 9 декабря высочайше одобренъ докладъ сената, отмѣнявшій ненавистный для дворянъ законъ Петра Великаго о единонаслѣдіи и разрѣшавшій раздѣлъ населенныхъ и ненаселенныхъ имѣній между всѣми дѣтьми, согласно Уложенію 1649 г.; 29 іюля 1731 г. появился указъ объ учрежденіи въ Петербургѣ для дворянскихъ дѣтей кадетскаго корпуса, окончаніе котораго давало право начинать военную службу въ офицерскихъ чинахъ.

Новая государыня и возстановленный ею въ прежнемъ значеніи сенатъ прежде всего обратили вниманіе на войско и флотъ, пришедшіе въ совершенный упадокъ: «наше соизволеніе есть,— читаемъ мы въ именномъ указѣ отъ 1 іюня 1730 г.,—учрежденіе Петра Великаго крѣпко содержать, всѣ непорядки и помѣшательства исправлять и привести армію въ доброе состояніе безъ излишней народной тягости». Для этого 1 іюня 1730 г. учреждена комиссія «для разсмотрѣнія состоянія арміи, артиллеріи и фортификаціи и исправленіе оныхъ», подъ предсѣдательствомъ Миниха; 21 іюля повелѣно сенату «въ коллегію адмиралтейскую наикрѣпчайше подтвердить и впредь подтверждать Нашими указами, чтобы корабельный и галерный флоты содержаны были такъ, какъ уставами, регламентами и указами учреждено и повелѣно, не ослабѣвая и уповая на нынѣшнее благополучное мирное время». Заботились также о развитіи военнаго образованія: въ 1731 г. возникаетъ инженерная школа, цыфирныя школы отбираются отъ синода и снова становятся подвѣдомственными адмиралтействъ-коллегіи, наконецъ, улучшается постановка дѣла въ навигаціонной школѣ.

Возвратъ къ петровскимъ традиціямъ еще болѣе замѣтенъ въ области гражданскихъ дѣлъ. 8 сентября 1730 г. по ходатайству сената возстановляется должность генералъ-рекетмейстера. 1 іюня учреждается при сенатѣ комиссія для составленія новаго штата коллегіямъ и канцеляріямъ, которой именной указъ предписываетъ взять за основаніе «Петра Великаго штатъ и регламенты и уставы коллежскіе». 2 октября по инициативѣ самой государыни назначены въ сенатъ генералъ-прокуроръ и оберъ-прокуроръ, а во всѣ коллегіи и другіе судебныя мѣста прокуроры, какъ это было при Петрѣ Великомъ. Столь интенсивное возстановленіе петровскихъ порядковъ въ сферѣ административной объясняется тѣмъ, что сокращеніе членовъ въ коллегіяхъ вызвало небывалый застой въ дѣлопроизводствѣ, а уничтоженіе органовъ контроля привело къ цѣлой массѣ вопіющихъ злоупотребленій. Наконецъ, и государственные финансы рѣшено было улучшить чисто петровскимъ способомъ. Съ отставленіемъ въ 1727 г. полкового начальства отъ сбора подушныхъ денегъ, переданнаго воеводамъ и губернаторамъ, на крестьянахъ

накопилась еще большая недоимка, чѣмъ была ранѣе. Въ именномъ указѣ сенату 31 октября 1730 г. говорится: «указали Мы тотъ съ крестьянъ подушный сборъ положить на полковниковъ съ офицеры, по прежнему дяди Нашего и государя опредѣленію». То же направленіе сказалось отчасти и въ церковной политикѣ, руководителемъ которой сталъ теперь снова Ѳеофанъ Прокоповичъ. Уже въ манифестѣ 17 марта 1730 г. «о наблюденіи синоду, чтобъ православные христіане сохраняли законъ Божій и церковныя преданія, о возобновленіи храмовъ и страннопріимныхъ домовъ, объ учрежденіи духовныхъ училищъ, объ исправленіи установленныхъ церковныхъ требъ, церемоній, крестныхъ ходовъ и государственныхъ молебствій», развивается цѣлая система мѣропріятій въ духѣ Петра Великаго. Раскольниковъ, напр., «невѣжествомъ своимъ противляющихся святѣй церкви», предлагается «обращать увѣщаніемъ и ученіемъ во благочестіе», архіереямъ — учреждать училища и «смотрѣть, чтобъ въ училищахъ доброе смотрѣніе и порядокъ былъ» и т. д. Послѣдующая дѣятельность синода является до нѣкоторой степени отвѣтомъ на этотъ манифестъ.

Судя по такому началу царствованія, можно было ожидать, что Анна Іоанновна будетъ править государствомъ въ интересахъ высшаго сословія и съ помощью сената. Но этого не случилось. Обстоятельства воцаренія сдѣлали государыню подозрительною по отношенію къ высшему сословію. Анна Іоанновна дала ему льготы, но составить изъ него правительство, набрать сплошь среди него помощниковъ себѣ, опасалась. Потому сенатъ былъ поставленъ во главѣ управленія только на первыхъ порахъ, и вскорѣ его постигла участь всѣхъ уступокъ, которыя дѣлаются побѣжденнымъ. Осмотрѣвшись, Анна Іоанновна рѣшила раздѣлить власть съ людьми, интересы которыхъ были неразрывно связаны съ ея интересами. Такими были прежде всего иностранцы, окружавшіе государыню еще въ Митавѣ. Теперь они «посыпались въ Россію, точно соръ изъ дыряваго мѣшка, облѣпили дворъ, обсѣли престолъ, забрались на всѣ доходныя мѣста въ управленіи». Главными среди нихъ были фавориты Анны Іоанновны, Биронъ и Левенвольдъ. Изъ русскихъ людей на высшіе посты допускались лишь тѣ, кто старался всячески угождать пришлымъ господамъ Россіи — родственники государыни Салтыковы, кн. Черкасскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ и др. Однако довѣрить этимъ людямъ всѣ части государственнаго механизма было невозможно и Анна Іоанновна обратилась къ нѣмцамъ русскимъ, которые при восшествіи ея на престолъ зарекомендовали себя безусловными сторонниками самодержавія. Это были большею частію второстепенные сотрудники Петра Великаго, который пользовался ихъ талантами и знаніями, но, заботливо охраняя достоинство русской національности, рѣдко поручалъ имъ самостоятельные посты. Теперь изъ числа ихъ Остерманъ сумѣлъ сдѣлаться душой утвердившагося въ Россіи нѣмецкаго режима,

настоящимъ руководителемъ внутренней и внѣшней политики въ царствованіе Анны Іоанновны.

Что касается Бирона и Левенвольда, то ихъ роль не ограничивалась тѣмъ, что они были фаворитами. Не принимая прямого участія въ правленіи, не завѣдуя никакой опредѣленной отраслью его, они постоянно вмѣшивались въ ходъ дѣлъ, такъ какъ такое вмѣшательство служило для нихъ въ высшей степени доходной статьей. Щедрости, лившейся на нихъ рѣкой отъ самой государыни, имъ было мало, и они не стыдились за ея спиной вести позорный торгъ своей близостью къ ней. Биронъ, напр., возвелъ это въ цѣлую систему. У него было два еврея: Липманъ, служившій ему посредникомъ во всѣхъ темныхъ дѣлахъ, въ родѣ торга интересами Россіи съ иностранными державами и даже ростовщичества, и Биленбахъ, завѣдывавшій продажей государственныхъ должностей. Фавориты Анны Іоанновны, презирая законъ и совѣсть и обманывая императрицу, не столько управляли страной, сколько эксплуатировали ее; Остерману, снявшему съ ихъ плечъ бремя государственныхъ заботъ, они были очень благодарны.

Остерманъ, получивъ въ свои руки власть, не сталъ, однако, пользоваться ею открыто. Онъ постарался создать ширмы для своей дѣятельности, предложивъ императрицѣ учредить такъ называемый кабинетъ министровъ, что и было сдѣлано 18 октября 1731 г. Въ этотъ кабинетъ вошли самъ Остерманъ и указанные имъ же совершенно дряхлый гр. Головкинъ и недалекій кн. Черкасскій. До 1735 г. это учрежденіе представляло собой родъ статсъ-секретаріата или собственной ея величества канцеляріи и очень походило на кабинетъ Петра Великаго. Какъ и кабинетъ Петра, новый кабинетъ помѣщался во дворцѣ и завѣдывалъ всѣмъ, что въ данный моментъ интересовало верховную власть. Разница была лишь въ томъ, что кабинетъ-секретари Петровскаго времени были людьми худородными, а среди кабинетъ-министровъ Аннинскаго времени находилось лицо, которому принадлежала главная сила въ правительствѣ. Это разница повела къ тому, что къ 1735 г. изъ личной канцеляріи кабинетъ министровъ превратился въ высшій правительственный органъ. До этого года юридически онъ дѣйствовалъ только отъ имени государыни, передавая какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и учрежденіямъ лишь ея волю. Въ то же время онъ постепенно вбиралъ въ себя самыя разнообразныя дѣла: въ 1732 г. ему была подчинена медицинская канцелярія и комиссіи счетная, провіантская и кригсъ-комиссаріатская, ранѣе подвѣдомственныя сенату, въ 1733 г. къ нему перешло отъ сената назначеніе воеводъ, въ 1734 г. онъ получилъ въ свое вѣдѣніе полицмейстерскую канцелярію и т. д. Онъ управлялъ личнымъ хозяйствомъ императрицы; въ него, напр., шли счета на выписывавшіяся дворомъ кружева, матеріи, драгоцѣнности и пр. Кабинетъ направлялъ всю внутреннюю и внѣшнюю политику Россіи, исполняя въ то же

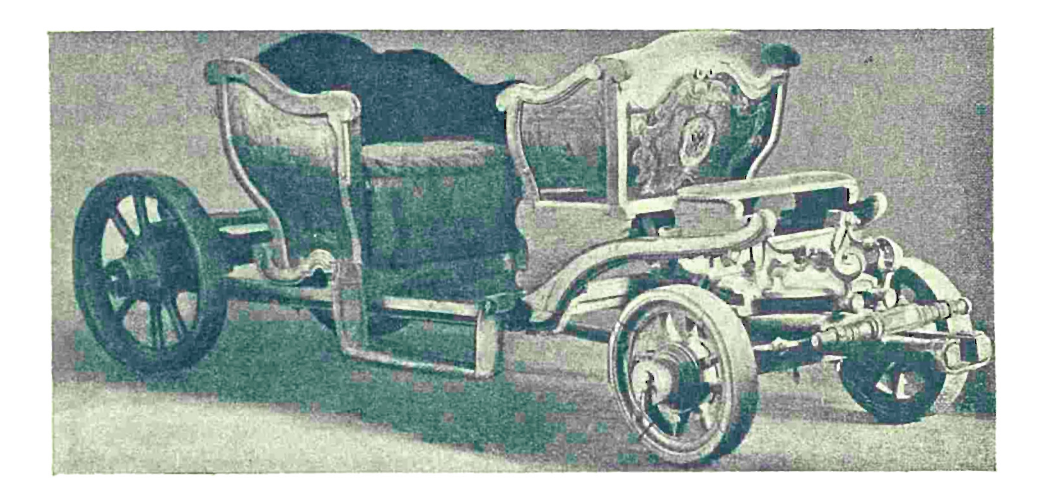
время и такія, напр., порученія государыни: «Господа кабинетъ-министры! — писала имъ однажды Анна Іоанновна. — Пошлите въ Псковъ и Новгородъ наловить около тѣхъ мѣстъ русаковъ сто и болѣе, которыхъ наловя для лучшаго обереженія отправить въ Петербургъ водою».

Въ 1735 г., когда Остерманъ увидѣлъ, что созданный Анной Іоанновной нѣмецкій режимъ достаточно упрочился, кабинетъ министровъ сбросилъ личину и сталъ уже открыто править государствомъ, пойдя, такимъ образомъ, по стопамъ верховнаго тайнаго совѣта: съ этого времени резолюціи на докладахъ сената и на всеподданнѣйшихъ прошеніяхъ дѣлаются уже не отъ имени государыни, а отъ имени самихъ кабинетъ-министровъ. Съ донесеніями къ нему теперь обращаются лица и учрежденія, ранѣе подчиненныя сенату. Наконецъ, указы, подписанные двумя министрами, получали ту же силу, что и высочайшіе. Власть кабинета стала казаться опасной даже Бирону и онъ, для противовѣса Остерману, ввелъ въ кабинетъ А. П. Волынскаго; попытка послѣдняго дѣйствовать самостоятельно, не считаясь ни съ Остерманомъ ни съ Бирономъ, стоила ему головы: нѣмцы ссорились другъ съ другомъ, но противъ русскихъ дѣйствовали дружно.

Такова была, созданная обстоятельствами при восшествіи на престолъ Анны Іоанновны, правительственная среда, почти совсѣмъ не имѣвшая корней въ русской почвѣ. Давъ ей извѣстную организацію, Анна Іоанновна, чтобы создать для нея и реальную опору, уже въ 1730 г. устроила два новыхъ гвардейскихъ полка: Измайловскій и Конный, солдатъ для которыхъ взяли изъ Украйны, а офицерами сдѣлали нѣмцевъ, затѣмъ была учреждена канцелярія тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, и начальникомъ ея назначенъ А. И. Ушаковъ. Такимъ образомъ за неумѣлое увлеченіе высшаго сословія политикой весь русскій народъ былъ наказанъ игомъ иноземщины, сама же Анна Іоанновна почти цѣликомъ ушла въ придворную жизнь. На престолѣ она была больше всего старой русской барыней-помѣщицей, которая стремилась пожить въ свое удовольствіе, нисколько не заботясь о тѣхъ, кому приходилось оплачивать это стремленіе. Своей резиденціей она избрала Петербургъ. Она переселилась сюда въ 1732 г. и устроила здѣсь пышный дворъ, стремясь подражать въ образѣ жизни современнымъ нѣмецкимъ дворамъ, въ свою очередь сходившимъ съ ума отъ Версаля. Сама Анна Іоанновна жила въ домѣ, подаренномъ адмираломъ Апраксинымъ Петру II, превращенномъ въ роскошный дворецъ; придворные помѣщались въ находившемся рядомъ съ нимъ Эрмитажѣ. Штатъ придворныхъ былъ чрезвычайно увеличенъ, и впервые въ Россіи придворная служба получила стройную организацію.

Образъ жизни императрицы представлялъ удивительную смѣсь старо-кремлевскихъ обычаевъ съ западно-европейскими. Утро посвящала Анна Іоанновна хожденію въ церковь и бесѣдамъ съ

придворнымъ духовникомъ Варлаамомъ, остальную часть сутокъ отдавала всевозможнымъ развлеченіямъ. Она страстно любила лошадей, и число ихъ въ ея конюшняхъ доходило почти до 400; много времени государыня проводила въ манежѣ, гдѣ нерѣдко подписывала бумаги и принимала иностранныхъ пословъ. Съ жаромъ она отдавалась стрѣльбѣ въ цѣль. Во всѣхъ углахъ дворца были заряженныя ружья, чтобы ей можно было, какъ только представится случай, стрѣлять изъ оконъ въ пролетающихъ птицъ. Иногда въ залахъ дворца устраивалась настоящая охота на звѣрей и птицъ, спеціально доставлявшихся для этого, а объ охотничьихъ подвигахъ государыни печатались отчеты въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». По вечерамъ во дворцѣ про-



Садовая колясочка императрицы Анны Іоанновны.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

исходило пѣніе фрейлинъ или устраивались забавы шутовъ и шутихъ, до которыхъ Анна Іоанновна была большой охотницей, и которыхъ всюду тщательно выискивали. «Живетъ въ Москвѣ у вдовы Загряжской,—писала она генералъ-губернатору Москвы,— княжна Пелагея Аѳанасьевна Вяземская, дѣвка, и ты прежде спроси объ ней у Степана Грекова, а потомъ ее сыщи и отправь сюда ко мнѣ; такъ, чтобъ она не испугалась, то объяви ей, что я ее беру изъ милости, и въ дорогѣ вели ее беречь. А я ее беру для своей забавы: какъ сказываютъ, она много говоритъ». Въ другой разъ было приказано послать Левашову, командовавшему русскимъ корпусомъ на персидской границѣ, «шелковинку», «чтобъ онъ по ней изъ тамошняго народу, изъ персіанокъ или грузинокъ или лезгинокъ сыскалъ двухъ дѣвочекъ такихъ ростомъ, какъ оная есть, только бъ были чисты и хороши и неглупы».

«Авдотья Ивановна,—читаемъ въ третьемъ случаѣ, — поищи въ Переяславлѣ изъ бѣдныхъ дворянскихъ дѣвокъ или изъ посадскихъ, которыя бы похожи были на Новокщенову, а она, какъ мы чаемъ, что уже скоро умреть, то чтобъ годны были ей на перемѣну: ты знаешь нашъ нравъ, что мы такихъ жалуемъ, которыя были бы лѣтъ по сороку и такъ же говорливы, какъ та Новокщенова или какъ были княгиня Настасья и Анисья». Шутовство существовало въ первой половинѣ XVIII ст. при всѣхъ европейскихъ дворахъ, но при Аннѣ Іоанновнѣ оно приняло особенно отталкивающій характеръ. Императрицѣ нравились всего болѣе разныя грубыя выходки шутовъ. Дважды въ недѣлю происходили такъ называвшіеся куртаги, куда пріѣзжали вельможи и иностранные послы, танцовать или играть въ фараонъ и квинтичъ, и гдѣ каждый долженъ былъ, сгибая спину передъ Бирономъ и другими нѣмцами, строить улыбающееся и довольное лицо. Нерѣдко при дворѣ устраивались балы, маскарады, спектакли, а съ 1736 г. появилась и итальянская опера. Наконецъ, бывали празднества, совершенно особенныя; изъ нихъ особенно извѣстна невольная свадьба одного изъ сіятельныхъ шутовъ, Голицына, съ шутихой калмычкой Бужениновой, сыгранная въ нарочно выстроенномъ на Невѣ изъ льда помѣщеніи, гдѣ мебель, посуда и даже кровать для новобрачныхъ были также сдѣланы изо льда. На эту свадьбу выписали татаръ, мордву, черемисовъ и чувашей, «съ тѣмъ, чтобъ они были собою не гнусны и одѣты въ свою національную одежду». Все это устраивалось съ огромными затратами денежныхъ средствъ и безвкусною роскошью; эта роскошь носила чрезвычайно грубый характеръ и не могла прикрыть удивительную дикость придворныхъ нравовъ. «Ну, дѣвки, пойте!» говорила государыня своимъ фрейлинамъ, а если которая изъ нихъ не умѣла ей угодить, она собственноручно награждала ее пощечинами или отправляла въ прачечную. Получали высочайшія пощечины и другія лица, и между прочимъ извѣстный писатель Тредьяковскій. Обрядовое благочестіе, верховая ѣзда, шутовскія забавы, наряды, наконецъ Биронъ и Левенвольдъ, не заполняли еще всей жизни Анны Іоанновны. Большую склонность еще питала она къ сплетнямъ, которыя долженъ былъ сообщать ей уже извѣстный намъ С. А. Салтыковъ, собирая ихъ въ качествѣ начальника тайной конторы въ Москвѣ. Иногда на Анну Іоанновну находили внезапные порывы энергій, и она принималась за правительственныя дѣла, сама исправляла указы, требовала дополнительныхъ свѣдѣній и т. п.; нѣкоторыя изъ ея резолюцій свидѣтельствуютъ о недюжинномъ природномъ умѣ. Но подобнаго рода работа не была систематической и руководить своимъ правительствомъ государыня не могла. Въ одной только области правительственной дѣятельности она чувствовала себя дома и охотно ею занималась: дѣлами канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ...

II.

Главнымъ вершителемъ судебъ Россіи въ это время сталъ Остерманъ. Хитрый и ловкій интриганъ онъ былъ превосходнымъ знатокомъ бюрократической машины и человѣкомъ необыкновенной работоспособности. Но какъ политическому дѣятелю ему не хватало для руководительства обширной страной широкаго и самостоятельнаго истинно государственнаго ума. Незадолго до учрежденія кабинета министровъ, онъ подалъ Аннѣ Іоанновнѣ записку о «приведеніи въ благосостояніе Россіи», поразительную по убожеству мысли. Въ этой запискѣ государынѣ совѣтуется, въ качествѣ руководящихъ принциповъ управленія, внушать подданнымъ страхъ Божій, подкрѣплять правосудіе часто издаваемыми манифестами, награждать людей достойныхъ и заслуги оказавшихъ, принимать для устраненія волокиты ежемѣсячные рапорты о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ тяжебныхъ дѣлахъ и т. п., далѣе слѣдуетъ цѣлая груда отрывочныхъ и мелочныхъ указаній на необходимость улучшить армію и флотъ, распространить просвѣщеніе, поднять финансы, устроить заводы и т. д. Очевидно, Остерманъ хорошо зналъ отдѣльныя колеса государственнаго механизма, но не имѣлъ правильнаго представленія объ общей цѣли, какую долженъ преслѣдовать этотъ механизмъ. Нѣкоторые историки съ легкой руки прусскаго короля Фридриха II считаютъ этого въ высшей степени узкаго практика продолжателемъ начинаній Петра Великаго. Но это несправедливо. Программа Преобразователя понималась Остерманомъ слишкомъ односторонне и формально, и ея принципіальнымъ сторонникомъ онъ никогда не былъ. Правда, у него въ вышеуказанной запискѣ предлагается нѣсколько мѣропріятій въ духѣ Петра Великаго, но это объясняется просто требованіями времени. Россіи нужно было вернуть былую государственную мощь, поколебавшуюся въ царствованіе Екатерины I и Петра II, и единственнымъ средствомъ для этого считалось возвращеніе къ петровскимъ порядкамъ. По этому пути уже пошелъ, какъ мы видѣли, возстановленный Анной Іоанновной въ прежнемъ значеніи сенатъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что придерживаться его совѣтовалъ и Остерманъ.

Ставъ во главѣ правительства, Остерманъ больше всего заботился о поднятіи внѣшняго могущества Россіи путемъ увеличенія военныхъ силъ страны и поднятія матеріальныхъ рессурсовъ казны. Уже учрежденная подъ предсѣдательствомъ Миниха въ 1730 г. комиссія увеличила численный составъ сухопутной арміи, доведя его до 157.500 человѣкъ въ мирное время и до 167.000 въ военное, вслѣдствіе чего рекрутскіе наборы стали происходить теперь почти ежегодно — ихъ не было лишь въ 1734 и 1755 годахъ. Но этого казалось мало, и въ 1736 г. рѣшено было заняться организаціей поселенныхъ войскъ. Въ Казанской губерніи стали селить пѣхоту,

выбирая для этого «отставныхъ отъ службы, за ранами, болѣзнями и старостію унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ и строевыхъ», которымъ давали земельные участки въ 20—30 четвертей. Получившіе такіе участки обязывались не продавать и не закладывать ихъ, а передавать одному изъ своихъ сыновей. Въ наслѣдственное военное сословіе были обращены также и жившіе между Дономъ и Днѣпромъ однодворцы, освобожденные вслѣдствіе этого отъ подушной подати. Такъ были созданы двѣ группы нерегулярнаго войска: пашенные солдаты и ландмилиція. Въ 1733 г. для увеличенія учрежденнаго на Украйнѣ Петромъ Великимъ гусарскаго полка, составленнаго изъ сербовъ, былъ сдѣланъ новый вызовъ ихъ въ русскую службу, а въ 1738 г. изъ проживавшихъ въ Россіи грузинскихъ князей и дворянъ былъ сформированъ еще одинъ тоже гусарскій полкъ.

Рядомъ съ заботами о численномъ увеличеніи войска предпринимались шаги и для поднятія его боевой годности. Въ 1732 г. былъ изданъ новый военный уставъ, вводившій еще болѣе строгія взысканія за нарушеніе дисциплины, чѣмъ тѣ, какія содержались въ военномъ уставѣ Петра Великаго. Въ цѣляхъ снабженія кавалеріи «добрыми» лошадьми въ 1740 г. были учреждены конскіе заводы при кирасирскихъ, драгунскихъ и гарнизонныхъ полкахъ. Чисто техническія улучшенія были сдѣланы также въ артиллеріи и фортификаціи. Флотъ рѣшено было довести до тѣхъ размѣровъ, какіе онъ имѣлъ при Петрѣ Великомъ, но исполнить эту программу не удалось: на Петербургской и Архангельской верфяхъ въ теченіе царствованія было выстроено 17 линейныхъ кораблей, 2 канонирки и 7 фрегатовъ, которые, однако, всѣ были очень плохи.

Серьезное вниманіе было обращено также на службу офицеровъ. Чтобы пріохотить къ ней, жалованье русскихъ офицеровъ было уравнено въ 1732 г. съ жалованьемъ служившихъ въ русской арміи иностранцевъ. Но это мало помогло, и привыкшіе къ праздности за послѣднія два царствованія дворяне не являлись въ герольдмейстерскую контору, вслѣдствіе чего правительство нѣсколько разъ издавало указы о явкахъ недорослей на смотры и о запискѣ ихъ въ службу, строго наказывая укрывавшихся. Такъ какъ и это тоже не дѣйствовало, то въ 1736 г. попробовали ограничить срокъ службы 25-ю годами. Когда же по окончаніи въ 1739 г. войны съ Турціей охотниковъ воспользоваться этимъ закономъ оказалось слишкомъ много, правительство поспѣшило придать ему такое толкованіе, которое въ сущности сводило его на-нѣтъ, объявивъ, что этотъ законъ касается только тѣхъ, «которые въ продолженіе 25 лѣтъ служили вѣрно и порядочно».

Таковы были главнѣйшія мѣропріятія въ царствованіе Анны Іоанновны, касавшіяся арміи и флота. По существу своему они являлись только палліативами, и состояніе войска попрежнему было очень плохо. Въ его ряды обычно шла худшая, безнравственная и нерѣдко преступная часть населенія. Рекрутская повинность въ ту

эпоху была по преимуществу повинностью денежной, а не натуральной или личной: на деньги, собранныя съ того числа ревизскихъ душъ, съ какого по разверсткѣ слѣдовалъ рекрутъ, нанимали охотниковъ. Въ числѣ такихъ охочихъ людей большинство были бобыли, пропойцы, бѣглые, больные, увѣчные; часто эти люди стремились при первомъ удобномъ случаѣ бѣжать. Въ 1732 г. считалось до 20.000 бѣглыхъ солдатъ, что составляло почти 12% всей арміи, а въ 1733 г. правительству пришлось принять самыя энергичныя мѣры для сбора «рекрутской доимки» съ 1719 по 1726 г.г. Не былъ на высотѣ положенія и офицерскій составъ. Подобно крестьянамъ, и дворяне старались всячески уклониться отъ службы, вслѣдствіе чего половина офицеровъ была изъ нѣмцевъ. Послѣдніе съ презрѣніемъ и безпощадной жестокостью относились къ совершенно чуждой имъ сѣрой солдатской массѣ и вмѣсто нравственнаго воздѣйствія ограничивались только палками, розгами и шпицрутенами. Нельзя сказать, чтобы правительство не замѣчало основного зла, разлагавшаго войска, — безсрочности службы, благодаря которой населеніе не желало добросовѣстно отбывать воинскую повинность. Но сдѣлать что-либо, кромѣ введенія суровой дисциплины, оно не сумѣло, и армія и флотъ, на которые тратилось $6^1/_2$ милліоновъ рублей изъ 8-милліоннаго бюджета, были далеки отъ того уровня, на которомъ стояли во времена Петра Великаго.

Палліативами ограничивалось правительство и въ сферѣ государственныхъ финансовъ; оно почти совсѣмъ не считалось съ экономическимъ положеніемъ населенія, которое было прямо бѣдственнымъ. Войны Петра Великаго въ значительной мѣрѣ понизили и безъ того невысокій уровень благосостоянія страны, царствованія Екатерины I и Петра II не внесли улучшенія. Нагляднымъ показателемъ всеобщаго разоренія можетъ служить тотъ фактъ, что къ 1732 г. на крестьянскомъ и мѣщанскомъ сословіяхъ накопилось болѣе 15 милліоновъ рублей недоимки — сумма, равнявшаяся почти двухгодичному государственному бюджету.

Остерманъ рѣшилъ эту недоимку собрать во что бы то ни стало. Военныя команды, посылаемыя изъ доимочнаго приказа, ковали въ цѣпи неисправныхъ воеводъ и ихъ товарищей и держали ихъ въ заключеніи до тѣхъ поръ, пока не взыскивалась полностью съ ихъ имущества вся недоимка; бросали въ тюрьмы и помѣщиковъ и управителей дворцовыхъ церковныхъ земель, крестьянъ били на правежѣ и продавали у нихъ все. Такіе пріемы примѣнялись до 1735 г. и своими естественными послѣдствіями имѣли лишь развитіе побѣговъ, грабежей, разбоевъ и повальныхъ болѣзней.

Дальше итти было некуда, и объ этомъ осмѣлился громко заявить оберъ-прокуроръ сената, Анисимъ Масловъ, одинъ изъ мало извѣстныхъ, но замѣчательныхъ государственныхъ дѣльцовъ. Неоднократно ходатайствуя объ облегченіи лежавшаго на крестья-

нахъ податного бремени, онъ выработалъ также и проектъ коренного улучшенія быта крестьянъ путемъ законодательной нормировки крѣпостного права, и въ ея необходимости успѣлъ убѣдить и Бирона, и Анну Іоанновну. Государыня въ 1734 г. предписала кабинетъ-министрамъ составить «учрежденіе» для помѣщиковъ, «въ какомъ бы состояніи они деревни свои содержать могли, а въ нужный случай имъ всякое вспоможеніе чинили». Но въ слѣдующемъ году Масловъ умеръ, а вмѣстѣ съ нимъ была погребена на цѣлыя сто лѣтъ и его мысль. Ограничились лишь тѣмъ, что въ 1734 г. обязали помѣщиковъ кормить своихъ крестьянъ въ неурожайные годы и ссужать ихъ сѣменами для посѣва, да въ 1735 г. сложили съ населенія половину подушныхъ денегъ.

Между тѣмъ недоимки быстро накапливались и уже въ 1736 г. опять посыпались указы губернаторамъ и воеводамъ, чтобъ всѣ сборы были доставлены въ казну полностью. Хроническій недоборъ податей правители приписывали исключительно злоупотребленіямъ мѣстныхъ властей, помѣщиковъ и крестьянскихъ управителей и боролись съ нимъ лишь одними репрессіями. Въ казнѣ не было ни гроша. Прибѣгли къ измѣненію размѣра и стоимости золотой монеты, къ чеканкѣ серебряныхъ рублей и полтинниковъ болѣе низкой пробы, чѣмъ прежде, стали выплачивать чиновникамъ жалованье сибирскими и китайскими товарами, а съ 1739 г. стали примѣнять указъ Петра Великаго, чтобъ чиновники въ Москвѣ и другихъ городахъ получали жалованье вполовину меньше противъ служившихъ въ Петербургѣ, предписали штатъ-конторѣ производить денежныя выдачи сперва военнымъ чинамъ, а затѣмъ штатскимъ. Въ надеждѣ раскрыть казнокрадство была установлена ревизіонъ-коллегія и открыта счетная комиссія; но съ 1732 г. по 1736 г. она разсмотрѣла всего 78 счетовъ на сумму 2.204.712 р., а начетовъ нашла всего на 1152 р. Проводимая подобнымъ способомъ экономія расходовъ совершенно не достигала цѣли.

Чтобы составить ясное представленіе о томъ, на что тратила казна свои доходы, укажемъ цифры государственныхъ расходовъ за 1734 г. На армію и флотъ шло до $6^1/_2$ милліоновъ, на придворное вѣдомство—617.000 р., изъ которыхъ жизнь императорскаго двора стоила 260 т., строенія 256 т., конюшенныя учрежденія — 100 т., пенсіи родственникамъ Анны Іоанновны 61 т., на гражданскую администрацію 335 т. и на народное просвѣщеніе — только 51.000 руб. Сумма всѣхъ расходовъ была равна, такимъ образомъ, 8 милл. безъ малаго. Этотъ бюджетъ, въ общемъ одинаковый съ бюджетомъ остальныхъ лѣтъ Аннинскаго царствованія, былъ, конечно, не великъ самъ по себѣ, но зато въ немъ почти совершенно отсутствовали траты на поднятіе народнаго благосостоянія. А при этомъ условіи онъ оказывался, безъ сомнѣнія, черезчуръ тяжелымъ для страны.

Вниманіе правительства сосредоточивалось лишь на мѣропріятіяхъ въ пользу обрабатывающей промышленности и торговли. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стояло покровительство крупнымъ заводчикамъ и фабрикантамъ. Имъ было разрѣшено въ 1736 г. обращать въ крѣпостныхъ обучавшихся у нихъ мастеровыхъ съ ихъ семьями и непомнящихъ родства бродягъ и нищихъ, а также покупать крестьянъ. Такимъ образомъ, состоялось окончательное прикрѣпленіе мастеровыхъ къ фабрикамъ и заводамъ, начатое во времена Петра Великаго. Особенно много льготъ было предоставлено владѣльцамъ шелковыхъ, шерстяныхъ и кожевенныхъ фабрикъ. Торговымъ компаніямъ отдавались на откупъ рыбные промыслы на Бѣломъ и Каспійскомъ моряхъ, селитряное и поташное производство, такъ что казна въ своихъ рукахъ оставляла лишь продажу ревеня и вина, закупку пеньки и отчасти горное дѣло. Подобнаго рода экономическая политика не обогащала торгово-промышленное сословіе въ цѣломъ, не говоря о томъ, что для остальныхъ группъ населенія она была совсѣмъ невыгодной. Благодаря народному обнищанію не могла развиться въ достаточной мѣрѣ торгово-промышленная дѣятельность. Внѣшняя торговля цѣликомъ находилась въ рукахъ иностранныхъ компаній: англійской, голландской, прусской, испанской, армянской, китайской и индійской. Нѣкоторыя изъ этихъ компаній, особенно, англійская, подкупивъ вліятельныхъ лицъ, сумѣли заключить чрезвычайно выгодные для себя договоры.

Изъ другихъ мѣръ, касающихся промышленности и торговли, упомянемъ, что въ 1732 г. была устроена купеческая гавань въ Кронштадтѣ, прорытъ близъ нея морской каналъ, затѣмъ учреждена правильная почта между Москвой и Тобольскомъ, начато устройство и другихъ почтовыхъ путей. Прилагались старанія колонизовать степныя пространства въ южной и юго-восточной Россіи; Татищевъ и Кириловъ положили основаніе Оренбургу, получившему очень широкое право самоуправленія. Относительно другихъ городовъ были попытки улучшить ихъ благосостояніе введеніемъ въ нихъ полицейскихъ учрежденій, поставленныхъ «подъ главную дирекцію» петербургскаго генералъ-полицмейстера, но вскорѣ, въ видахъ экономіи, эти учрежденія были уничтожены.

Такова была въ общихъ чертахъ дѣятельность Аннинскаго правительства по военному и финансовому вѣдомствамъ, а также въ области внѣшняго благоустройства страны. Въ области организаціи государственныхъ учрежденій дѣятели этого царствованія круто отступили отъ завѣтовъ Петра Великаго и этимъ наглядно показали, что духъ петровской реформы былъ имъ совершенно чуждъ. Съ учрежденіемъ кабинета министровъ принципъ коллегіальности, введенный Петромъ, постепенно вытѣснялся принципомъ бюрократическаго и единоличнаго управленія, болѣе удобнаго для стоявшихъ у власти лицъ. Параллельно прежнимъ коллегіямъ

стали открываться отдѣльныя канцелярiи, конторы и экспедицiи, во главѣ которыхъ ставились начальники и директора, а не президенты. Главнѣйшими изъ этихъ учрежденiй были канцелярiи: дворцовая, строительная, конюшенная, конфискацiи, тайная, монетная, оберъ-бергъ-директорiумъ, рядъ приказовъ, счетная комиссiя и т. д. Къ чему приводила подобнаго рода замѣна, показываетъ дѣятельность учрежденнаго въ 1736 г. на мѣсто бергъ-коллегiи оберъ-бергъ-директорiумъ. Начальникъ его саксонецъ Шомбергъ, креатура Бирона, въ теченiе только двухъ лѣтъ похитилъ, подѣлившись со своимъ патрономъ, болѣе 400.000 р.

Единоличное начало, утвердившееся при Екатеринѣ I и Петрѣ II въ мѣстномъ управленiи коренной Россiи, было сохранено и при Аннѣ Iоанновнѣ; въ 1737 г. предоставлено губернаторамъ право не только штрафовать за нерадивость воеводъ, но и опредѣлять на мѣсто ихъ новыхъ. Нѣкоторый поворотъ къ петровскому времени замѣтенъ въ отношенiи правительства къ окраинамъ, пользовавшимся особыми привилегiями. Такъ, дворянскiе сеймы въ Лифляндiи и Эстляндiи допускались только съ разрѣшенiя сената, а въ Малороссiи, по смерти въ 1734 г. гетмана Данiила Апостола, былъ назначенъ особый главный управитель. Бывшую при преобразователѣ Малороссiйскую коллегiю возстановить не хотѣли.

Что касается до духовной жизни русскаго народа, то въ царствованiе Анны Iоанновны не было сдѣлано ничего значительнаго. Аннинское правительство считало даже простую грамотность для народа вредной и заявило въ указѣ 12 декабря 1735 г., что ученые отвлекаютъ крестьянъ отъ черныхъ работъ. Въ области народнаго образованiя оно ограничилось лишь открытiемъ нѣсколькихъ школъ для солдатскихъ дѣтей и дѣтей фабричныхъ. Немного было сдѣлано и для распространенiя образованiя въ высшихъ классахъ общества. Устроенный для шляхетства кадетскiй корпусъ былъ расчитанъ всего на 200 человѣкъ, при чемъ половину этого числа положено замѣщать «изъ нѣмцевъ», а заведенныя для духовенства въ нѣкоторыхъ епархiяхъ по образцу южно-русскихъ семинарiй словесно-латинскiя школы почти совсѣмъ не имѣли болѣе или менѣе подготовленныхъ руководителей и преподавателей.

Несмотря, однако, на почти полное бездѣйствiе власти въ области культурныхъ начинанiй, образованность въ русскомъ обществѣ въ царствованiе Анны Iоанновны все-таки сдѣлало шагъ впередъ. Это былъ результатъ развитiя идей, внесенныхъ къ намъ реформою Петра Великаго. Окрѣпла петербургская Академiя Наукъ, прiютившая въ своихъ стѣнахъ такихъ нѣмцевъ, какъ Бейеръ и Миллеръ, которыми вправѣ гордиться всѣ образованные русскiе. Къ сожалѣнiю, они не составляли академическаго большинства, которое скорѣе походило на злобнаго и малообразованнаго Шумахера, этого типичнаго представителя въ академiи того режима, какой утвердился въ странѣ. Въ качествѣ секретаря ученаго учре-

жденія онъ стремился не допустить въ него русскихъ и, глубоко равнодушный къ наукѣ, доставлялъ много непріятностей и своимъ соотечественникамъ, если они желали быть благородными. Ему обязана Академія тѣмъ, что Германъ, оба Бернулли и Бильфингеръ предпочли ее оставить. Къ этому же времени относится дѣятельность и трехъ учениковъ великаго царя, положившихъ начало новой русской литературѣ: историка В. Н. Татищева, писателя А. Д. Кантемира и филолога В. К. Тредьяковскаго. Правда, Тредьяковскій писалъ плохіе стихи, но онъ доставилъ Пушкину возможность писать хорошіе. Наконецъ, въ это десятилѣтнее царствованіе учился западно-европейской наукѣ нашъ геніальный самородокъ М. В. Ломоносовъ, ставшій вскорѣ «первымъ русскимъ университетомъ». Что касается внѣшней политики, то стоявшіе у власти нѣмцы стремились, чтобъ Россія играла во внѣшней политикѣ ту же активную роль, какъ и при Петрѣ Великомъ; они заявляли, что желаютъ слѣдовать примѣру преобразователя. Но ихъ дѣятельность въ области внѣшней политики, какъ и въ области внутренней, совершенно не оправдываетъ подобнаго заявленія; они и сознательно и безсознательно нарушали программу Петра Великаго.

Прежде всего былъ оставленъ планъ преобразователя завести торговлю съ Средней Азіей: въ 1732 г. заключили съ Персіей въ Рящѣ миръ, отдавъ обратно ей всѣ тѣ земли, которыя завоевалъ на Каспійскомъ побережьи Петръ Великій и энергично отстаивали Екатерина I и Петръ II. Эту мѣру оправдывали тѣмъ, что прикаспійскій климатъ губилъ понапрасну русскія войска. Неловкость потери того, что было пріобрѣтено Петромъ Великимъ, однако, чувствовалась всѣми, и совершенно заглушить ее успѣхами въ Польшѣ и Турціи не удалось. Въ 1733 г. умеръ польскій король Августъ II и Россіи согласно договору съ Австріей предстояло поддержать его сына, курфюрста саксонскаго Августа, въ борьбѣ за престолъ противъ Станислава Лещинскаго, за котораго стояла Франція. Въ 1697 г. достаточно было придвинуть къ литовской границѣ небольшой отрядъ, чтобы восторжествовалъ кандидатъ Россіи. Теперь въ Польшу послали цѣлое войско въ 50.000 чел. подъ командой одного изъ лучшихъ генераловъ, шотландца Ласси. Но предпріятіе было такъ скверно подготовлено, что $4^1/_2$ мѣсяца осаждали Данцигъ, гдѣ укрылся съ французскимъ корпусомъ Ст. Лещинскій, и взяли городъ только послѣ того, какъ смѣнившій Ласси Минихъ потерялъ подъ его стѣнами до 8000 человѣкъ, все-таки давъ возможность французскому претенденту спастись отъ плѣна. Интересно отмѣтить, что въ этомъ походѣ, доставившемъ польскую корону Августу III, союзница Россіи Австрія совершенно не участвовала, и, тѣмъ не менѣе, когда Франція объявила ей за Польшу войну и отобрала у нея Лотарингію и нѣкоторыя земли въ Италіи, Остерманъ двинулъ къ Рейну 20.000 солдатъ съ тѣмъ же Ласси. Рус-

скимъ, однако, не пришлось сразиться съ французами, такъ какъ Франція помирилась съ вѣнскимъ дворомъ.

Въ непосредственной связи съ вопросомъ польскимъ былъ разрѣшенъ также и вопросъ о судьбѣ близкой сердцу Анны Іоанновны Курляндіи. За поддержку въ Польшѣ Августа III, Анна Іоанновна потребовала у него, чтобы онъ, въ качествѣ сюзерена Курляндіи, предоставилъ герцогскую корону по прекращеніи Кеттлеровой династіи Бирону. Въ такомъ духѣ былъ составленъ 30 сентября 1733 г. «секретный приказъ», а когда въ 1737 г., по смерти герцога Фердинанда, курляндцы воспротивились осуществленію этого «артикула», въ герцогство вступили русскія войска, которыя и посадили Бирона на престолъ.

Полнымъ противорѣчіемъ политикѣ Преобразователя была, наконецъ, и война съ Турціей, шедшая въ 1735—1739 гг. Поводъ, по которому она началась, совершенно не оправдывалъ ея: набѣги крымцевъ на русскія границы составляли тогда слишкомъ обычное явленіе. Но правительство желало военнымъ шумомъ заглушить все усиливавшійся въ обществѣ ропотъ на худое веденіе внутреннихъ дѣлъ. Война эта началась въ союзѣ съ Австріей, и въ то время, какъ австрійцы терпѣли неудачи въ Сербіи, Босніи и Болгаріи, русскіе подъ начальствомъ Миниха и Ласси одержали рядъ блестящихъ побѣдъ. Главное татарское гнѣздо, непроницаемый дотолѣ Крымъ былъ опустошенъ три раза. Азовъ, Очаковъ, Хотинъ и Яссы перешли въ руки побѣдителей, при Ставучанахъ Минихъ одержалъ блестящую побѣду надъ турками. Но въ сентябрѣ 1739 г. былъ заключенъ въ Бѣлградѣ миръ, совершенно невыгодный для Австріи и до смѣшного мало давшій Россіи. Послѣдняя пріобрѣтала часть степи между Донцемъ и Бугомъ и получала Азовъ, но безъ укрѣпленій и безъ права имѣть на Черномъ морѣ не только военный флотъ, но и торговый флотъ. Турки отказались даже признать за Анной Іоанновной императорскій титулъ. Это, однако, не помѣшало Аннѣ Іоанновнѣ отпраздновать 14 февраля 1740 г. въ Петербургѣ Бѣлградскій миръ съ чрезвычайной торжественностью и, главное, щедро наградить своихъ министровъ и генераловъ...

Господство нѣмцевъ въ царствованіе Анны Іоанновны при дворѣ и въ правительствѣ и своекорыстный характеръ проводимой ими внутренней и внѣшней политики порождали въ русскомъ обществѣ обидное сознаніе зависимости отъ иноземщины, переходившее мало-по-малу въ озлобленіе и ненависть къ ней. И дворянство и простой народъ одинаково чувствовали себя оскорбленными въ своемъ національномъ достоинствѣ. Немудрено, что еще не прошло и года со времени восшествія на престолъ новой государыни, а уже въ воздухѣ сталъ носиться заговоръ. Уже въ началѣ 1731 г. было какое-то неудавшееся покушеніе на жизнь Анны Іоанновны: когда однажды она совершала обычную прогулку изъ Москвы въ Измайлово, подъ каретой, ѣхавшей впе-

реди царскаго кортежа, внезапно осѣла земля; въ провалѣ увидѣли «бревна, отрывающіяся и падающія другъ на друга вмѣстѣ съ огромными глыбами камней, нагроможденныхъ по бокамъ». Кѣмъ было устроено это покушеніе,—до сихъ поръ неизвѣстно. Быть-можетъ, это было отвѣтомъ со стороны знати на преслѣдованіе кн. Долгорукихъ. Мы видѣли, что Анна Іоанновна не осмѣлилась сразу же раздѣлаться и съ верховниками: они всѣ были назначены въ сенатъ. Но уже спустя всего мѣсяцъ начались опалы. Первый ударъ былъ нанесенъ кн. Долгорукимъ. Кн. Василій Лукичъ былъ заключенъ въ Соловки, кн. Алексѣй Григорьевичъ сосланъ въ Березовъ; отправлены въ свои вотчины князья Сергѣй и Иванъ Григорьевичи. Впрочемъ, враждебное настроеніе царило не только въ близкомъ къ опальнымъ кругу, но во всей вообще знати. Вслѣдствіе злоупотребленій милостями царицы со стороны Бироновъ и братьевъ Левенвольде, эти фавориты являлись для русскаго народа еще гораздо болѣе ненавистными, чѣмъ были Долгорукіе.

Въ рядахъ аристократіи стали громко роптать и открыто выражать свои мнѣнія. Такъ, Румянцевъ, человѣкъ петровскаго закала, рѣзко отдѣлалъ брата Бирона, а затѣмъ, въ отвѣтъ на свое назначеніе президентомъ въ одну изъ финансовыхъ коллегій, заявилъ самой Аннѣ Іоанновнѣ, что отказывается отъ этой должности, такъ какъ не умѣетъ отыскивать средства для удовлетворенія роскоши двора и аппетита фаворитовъ. Отданный за это подъ судъ, онъ былъ присужденъ къ смертной казни, которую, однако, государыня замѣнила для него ссылкой въ казанскія деревни. Общественное негодованіе было таково, что польскій посланникъ Потоцкій сказалъ однажды: «Боюсь, чтобъ русскіе теперь не сдѣлали того же съ нѣмцами, что сдѣлали съ поляками во время Лжедмитрія, хотя поляки и не подавали такихъ сильныхъ причинъ къ раздраженію».—«Не безпокойтесь,—отвѣтилъ ему собесѣдникъ,—тогда не было гвардіи, а теперь у русскихъ нѣтъ вождя». И онъ былъ правъ. Къ услугамъ нѣмецкаго правительства Анны были два новыхъ гвардейскихъ полка и тайная канцелярія.

Тѣмъ не менѣе, глухое броженіе въ обществѣ замѣтно разрасталось уже со второго года царствованія Анны Іоанновны. Многіе были взяты подъ арестъ и къ допросу. Съ 1733 г. тянется цѣлый рядъ заговоровъ и попытокъ поднять открытый бунтъ противъ правительства, при чемъ заговоры устраивались обыкновенно въ средѣ шляхетства, а бунты производились простымъ народомъ. Но, желая лишить Анну Іоанновну престола, ни первое, ни второй долгое время опредѣленно не знали, на чью сторону имъ стать, во имя кого имъ дѣйствовать. Въ шляхетской средѣ создавались самые странные планы. Такъ, смоленскій губернаторъ Алексѣй Черкасскій и бывшій камеръ-пажъ герцогини Мекленбургской Федоръ Милошевичъ, считая законнымъ наслѣдникомъ русской короны герцога Голштинскаго

Петра Ульриха, въ 1733 г. попробовалъ войти въ сношенія съ его отцомъ. Это было открыто русскимъ резидентомъ въ Гамбургѣ Бестужевымъ-Рюминымъ, и заговорщики попали въ руки Ушакова; появлялись также самозванцы, но пользовались лишь очень кратковременнымъ успѣхомъ.

Только одно лицо имѣло права на престолъ—царевна Елизавета. Какъ дочь Петра Великаго, она, дѣйствительно, была способна сплотить вокругъ себя всѣхъ угнетенныхъ игомъ иноземщины. И вотъ, въ 1738 г. въ ея пользу устраивается обширный заговоръ, главными участниками котораго были русскіе вельможи. Онъ извѣстенъ намъ исключительно со словъ иностранцевъ. По ихъ словамъ заговорщики надѣялись, получивъ поддержку отъ Швеціи, устранить царицу, принцессу Анну (мать будущаго императора Іоанна) и супруга ея, всю семью герцога курляндскаго, истребить, кромѣ того, нѣмцевъ или прогнать ихъ изъ страны; еврей Либерманъ, придворный банкиръ и фаворитъ герцога курляндскаго, долженъ былъ быть преданъ въ руки разъяренной черни; Елизавета должна была быть провозглашена императрицей. Долгое время историки видѣли въ этомъ разсказѣ лишь сплетню, пущенную самимъ правительствомъ для оправданія передъ европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ новыхъ преслѣдованій Долгорукихъ, изъ которыхъ Василій Лукичъ, Сергѣй и Иванъ Григорьевичи и Иванъ Алексѣевичъ, любимецъ Петра II, сынъ умершаго въ Березовѣ Алексѣя Григорьевича, были казнены въ Новгородѣ въ исходѣ 1739 г., а Михаилъ Владимировичъ подвергся суровому заточенію въ Соловецкомъ монастырѣ. Кажется, вѣрнѣе усматривать въ этомъ извѣстіи отзвукъ первой, пока еще неудачной, вспышки того заговора, который закончился появленіемъ ночью на 25 ноября 1741 г. во дворцѣ Елизаветы Петровны въ качествѣ «капитана гренадерской роты». Промежуточнымъ звеномъ этого заговора является извѣстный процессъ оберъ-егермейстера и кабинетъ-министра Артемья Волынскаго, казненнаго въ 1740 г. за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Анны Іоанновны, вмѣстѣ съ своими двумя «конфидентами» — архитекторомъ Еропкинымъ и Хрущевымъ. Остальные сторонники Волынскаго, и среди нихъ гр. Мусинъ-Пушкинъ и Соймоновъ, были наказаны тѣлесно и сосланы въ Сибирь и въ Соловки. Воодушевляемыя Волынскимъ эти лица мечтали не только о перемѣнѣ династической, но и о государственномъ переворотѣ. Но такъ какъ имя дочери Петра Великаго не было произнесено никѣмъ изъ арестованныхъ даже на пыткѣ, то офиціально имъ было поставлено въ вину систематическое «охуленіе» нѣмецкаго правительства Анны Іоанновны, рѣзкіе отзывы о личности самой императрицы и составленіе проектовъ, направленныхъ къ измѣненію государственнаго строя Россіи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Волынскій былъ политическимъ наслѣдникомъ конституціоналистовъ 1730 г., и его идеаломъ была Польша. «Вотъ какъ

польскіе сенаторы живутъ,—говорилъ онъ среди своихъ приверженцевъ,—ни на что не смотрятъ, все имъ даромъ! Польскому шляхтичу не смѣетъ и самъ король ничего сдѣлать, а у насъ всего бойся».

Заговоръ Волынскаго былъ послѣднимъ выступленіемъ русскаго общества противъ Анны Іоанновны. Вскорѣ послѣ него, 17 октября 1740 г. государыня скончалась, оставивъ корону двухмѣсячному младенцу Іоанну Антоновичу, подъ регентствомъ курляндскаго герцога Э. І. Бирона. Таковъ былъ отвѣтъ ея на народное желаніе освободить страну отъ гнета иноземщины.

III.

Іоаннъ VI Антоновичъ.

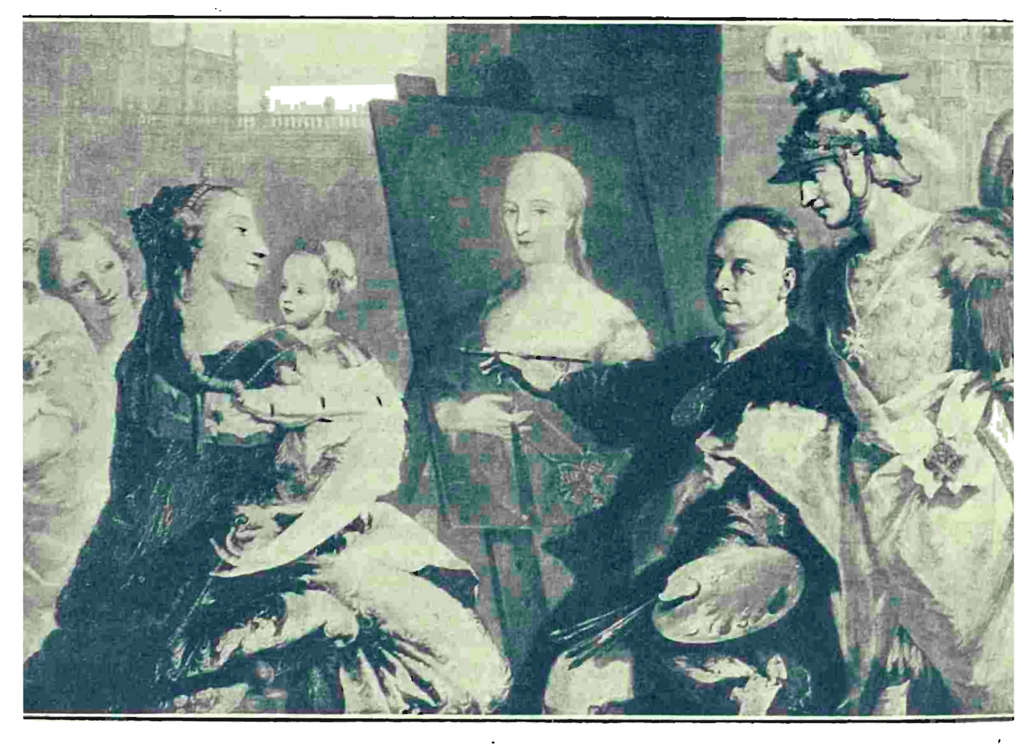
(1740 — 1741 — 1764).

Анна Іоанновна непремѣнно желала упрочить верховную власть въ Россіи за потомствомъ своего отца, Іоанна V Алексѣевича, брата Петра Великаго. Это желаніе императрица обнаружила уже въ первый годъ своего царствованія, когда положеніе ея самой на престолѣ было еще довольно шаткимъ. Продолженія рода царя можно было ожидать только отъ его внучки, дочери Екатерины Іоанновны Мекленбургской, Анны Леопольдовны. Ей въ это время шелъ всего двѣнадцатый годъ. Анна Іоанновна скоро нашла ей жениха, принца Брауншвейгъ - Люнебургскаго, Антона - Ульриха, племянника жены германскаго императора Карла VI. Въ 1733 г. онъ прибылъ въ Петербургъ; 3 іюня 1739 г. было совершено торжественное бракосочетаніе его съ принцессой, несмотря на то, что послѣдняя сначала не хотѣла за него выходить. «Вы, министры проклятые, на это привели, что теперь за того иду, за кого прежде не думала», какъ-то сказала она кабинетъ-министру Волынскому. 12 августа 1740 г. въ Брауншвейгской семьѣ родился сынъ — Іоаннъ Антоновичъ, объявленный наслѣдникомъ престола за двѣнадцать дней до кончины Анны Іоанновны, которая еще манифестомъ отъ 17 декабря 1731 г. потребовала учиненія подданными присяги на вѣрность своему будущему преемнику. 28 октября двухмѣсячный младенецъ былъ объявленъ въ Зимнемъ дворцѣ императоромъ.

Кратковременное царствованіе младенца-императора представляетъ собой логическое завершеніе царствованія Анны Іоанновны. Вокругъ трона продолжали стоять тѣ же дѣятели, которые выдвинулись при покойной императрицѣ: Биронъ, Минихъ и Остерманъ. Они не смогли ужиться всѣ вмѣстѣ; каждый изъ нихъ стремился къ исключительному вліянію и между ними началась упорная борьба, въ который первымъ палъ всемогущій Биронъ.

Объявленный регентомъ, фаворитъ получилъ отъ умиравшей Анны Іоанновны совѣтъ: «не бояться». Но исполнить его онъ не смогъ и свое правленіе началъ съ милостей: отмѣнилъ нѣсколько смертныхъ приговоровъ, вернулъ многихъ изъ ссылки, и въ томъ числѣ кн. Черкасскаго, издалъ манифестъ о строгомъ соблюденіи законовъ и полномъ безпристрастіи въ судѣ, даже уменьшилъ подушную подать на 17 к. съ души. Эти мѣры, однако, не пріобрѣли ему сочувствія общества, которое ждало лишь удобнаго случая, чтобъ сбросить съ себя иго иноземщины, и онъ не нашелъ поддержки тамъ, гдѣ искалъ. Не расчиталъ онъ своихъ силъ и тогда, когда сталъ систематически притѣснять родителей императора, видя въ нихъ опасныхъ соперниковъ себѣ. Онъ поставилъ ихъ въ такія условія, что Анна Леопольдовна не могла больше выносить ихъ и обратилась за помощью къ Миниху. Минихъ, не довольный своимъ второстепеннымъ положеніемъ при дворѣ и въ правительствѣ, обѣщалъ свергнуть Бирона. Сдѣлать это оказалось нетруднымъ. Черезъ день послѣ этого, въ ночь съ 8 на 9 ноября Биронъ былъ арестованъ, а мать императора провозглашена регентшей. Государственный переворотъ, вызвавшій всеобщее ликованіе, совершили 80 преображенскихъ солдатъ въ тремя офицерами.

Получившій титулъ «перваго министра» и «командующаго генералъ-фельдмаршала Россійской имперіи», Минихъ попытался было



Картина, работы Прейслера, изображающая Іоанна Антоновича на рукахъ Анны Леопольдовны; за художникомъ стоитъ пр. Антонъ-Ульрихъ.
Собств. г. Веркмейстера въ Москвѣ. Воспроизведеніе этого снимка воспрещается.

занять мѣсто павшаго Бирона; но для этого у него не было никакихъ данныхъ. На первыхъ порахъ регентша подчинилась ему, и онъ даже сталъ самъ писать указы о награжденіи себя «за доблестныя услуги, оказанныя отечеству». Но вскорѣ честолюбіе фельдмаршала начало казаться Аннѣ Леопольдовнѣ подозрительнымъ, особенно подъ вліяніемъ разговоровъ съ Остерманомъ, питавшимъ по отношенію къ Миниху тѣ же чувства, какія послѣдній питалъ къ Бирону. Въ результатѣ Минихъ получилъ отставку.

Однако паденіе Миниха не сдѣлало Остермана единственнымъ правителемъ Россіи: съ нимъ соперничали близкія къ правительницѣ лица, въ родѣ фрейлины Менгденъ и ея жениха, саксонскаго посланника Линара. Что сдѣлали всѣ эти нѣмцы въ Россіи? Опредѣленнаго направленія въ ихъ дѣятельности не было, такъ какъ они руководствовались исключительно личными мотивами, и притомъ самаго невысокаго качества, главнымъ образомъ денежными расчетами.

Между тѣмъ собиралась гроза. За желаніе Остермана подать Австріи вооруженную помощь Франція побудила Швецію къ войнѣ съ русскими, подавая ей надежду вернуть потерянное при Петрѣ Великомъ, и кромѣ того старалась въ самой Россіи произвести государственный переворотъ, чтобы имѣть на русскомъ престолѣ лицо съ болѣе удобными для французскаго правительства взглядами; черезъ маркиза Шетарди начали переговоры съ Елизаветой Петровной, считая, что она сплотитъ вокругъ себя все русское общество.

Этотъ расчетъ оказался вѣрнымъ. Пока при дворѣ и въ правительствѣ происходили острыя столкновенія между нѣмцами-правителями, русскіе люди, 10 лѣтъ накопляя негодованіе, наконецъ, рѣшились перейти отъ словъ къ дѣлу. Гвардія съ самаго момента смерти Анны Іоанновны ждала лишь призыва, чтобы подняться за дочь Петра Великаго. Солдаты открыто бранили офицеровъ, «зачѣмъ не зачинаютъ», и, идя отъ присяги Іоанну VI, разсуждали: «А не обидно ли? вотъ чего императоръ Петръ I въ Россійской имперіи заслужилъ: коронованнаго отца дочь, государыня-цесаревна, отставлена». Наконецъ, раздался призывъ отъ самой «государыни-цесаревны», и 25 ноября 1741 г. гренадерская рота преображенцевъ возвела ее на престолъ.

Такъ кончилось 13-мѣсячное царствованіе Іоанна VI Антоновича. Первоначально Елизавета Петровна хотѣла выслать всю Брауншвейгскую семью въ Германію, но подъ вліяніемъ оговора, сдѣланнаго на допросѣ Минихомъ и Остерманомъ, рѣшили оставить ее въ предѣлахъ Россіи. До 1756 г. бывшій императоръ и его родные жили подъ строгимъ присмотромъ послѣдовательно въ Прибалтійскомъ краѣ, въ Рязанской губ. и въ Холмогорахъ. Но открытый въ этомъ году обширный заговоръ въ пользу бывшаго императора, устраивавшійся при посредствѣ прусскаго короля Фридриха II среди русскихъ раскольниковъ, побудилъ правительство заключить

несчастнаго ребенка въ Шлиссельбургъ, гдѣ онъ жилъ подъ именемъ «колодника безымяннаго» въ ужасающей обстановкѣ, которая довела его до умственнаго разстройства. Петръ III вскорѣ по вступленіи на престолъ явился въ Шлиссельбургъ, но услышавъ отъ полупомѣшаннаго узника безсвязныя угрозы, поспѣшилъ уѣхать, оставивъ его въ прежнемъ положеніи; видѣла его и Екатерина; было уже несомнѣнно, что Іоаннъ Антоновичъ безуменъ. 4 іюля 1764 г. Мировичъ сдѣлалъ попытку освободить узника — и онъ былъ убитъ стражею, получившей еще давно приказъ не выпускать его живымъ. Убитый былъ одѣтъ въ гвардейскій мундиръ и положенъ въ обитый бархатомъ гробъ. Похоронили его у крѣпостной стѣны и сравняли могилу съ землей.

Такова была грустная судьба этого несчастнаго человѣка, который капризомъ упрямой и недоброй женщины поставленъ былъ на такое положеніе, на которомъ онъ ни въ коемъ случаѣ не могъ удержаться, такъ какъ былъ совсѣмъ чуждъ русскому народу, а старшіе его родственники не сдѣлали ничего, чтобы заслужить любовь русскаго народа къ тому, кого возмечтали они сдѣлать русскимъ государемъ, когда была въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ дочь Великаго Петра.

Императрица Елизавета Петровна.
1709—1761.

(Съ оригинала, находящагося въ Романовской галлереѣ Зимняго Дворца.)

ИМПЕРАТРИЦА
Елизавета Петровна.

(1709—1741—1761).

I.

Цесаревна Елизавета Петровна.

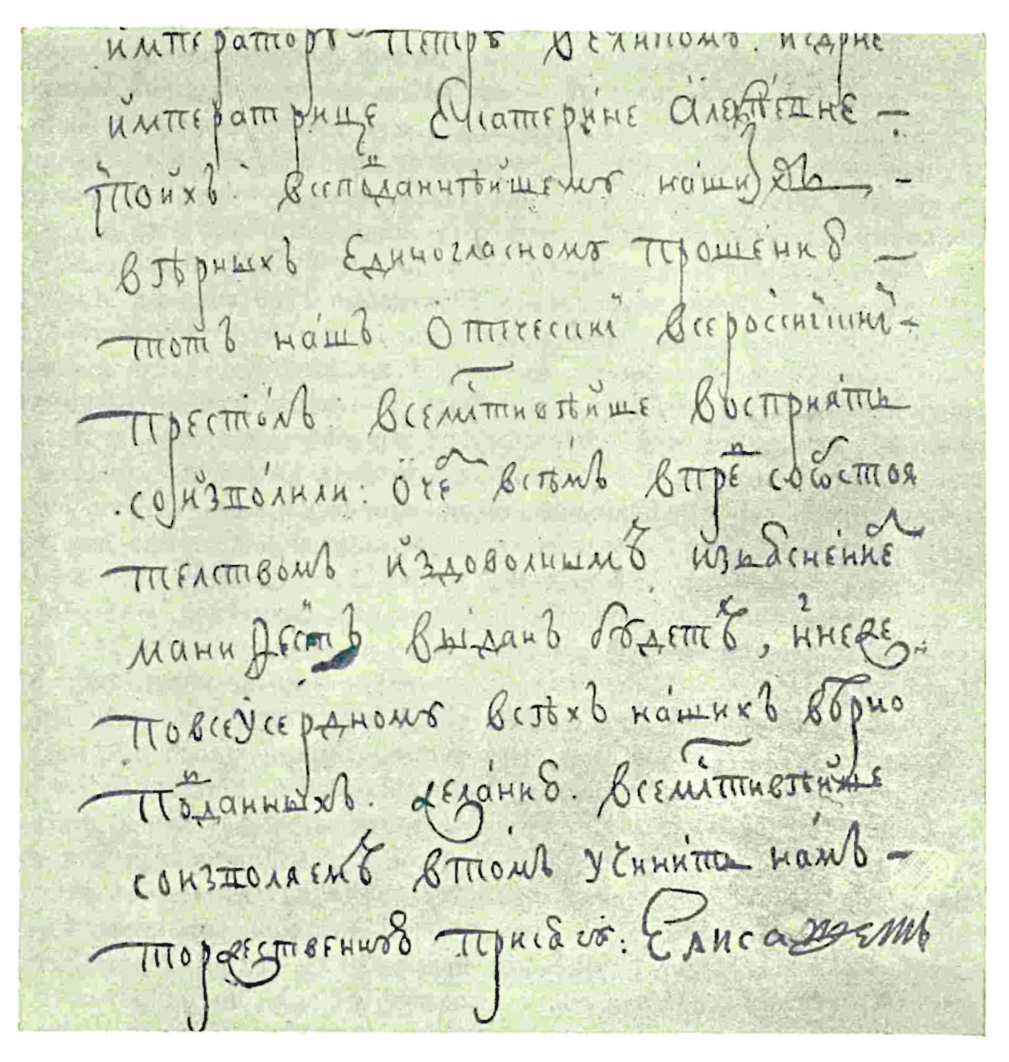
Когда Θеофанъ Прокоповичъ произносилъ свои знаменитые риторическіе вопросы: «Что видимъ? что дѣлаемъ?» то многіе изъ присутствующихъ сподвижниковъ почившаго царя, проявляя наружные признаки скорби и подавленности, отлично знали, что вмѣстѣ съ Петромъ Великимъ они погребаютъ чувство постояннаго гнета и страха, который былъ нераздѣльно соединенъ съ близостью къ Преобразователю. Не милліоны только, какъ говорилъ Посошковъ, тянули подъ гору, но и тѣ десять человѣкъ, съ которыми, по его мнѣнію, Петръ тянулъ въ гору, поднимались на нее лишь потому, что ихъ влекла туда желѣзная рука царя. Сознательный реформаторъ политической и общественной жизни страны, какимъ Петръ былъ въ послѣднія десять лѣтъ своей жизни, царь, мечтавшій о превращеніи Россіи въ регулярно-полицейское государство по образцамъ западно-европейской науки, патріотъ въ самомъ благородномъ смыслѣ этого слова, всю жизнь думавшій о томъ, «жила бы только Россія», и жестоко каравшій тѣхъ, кто службу государеву обращалъ въ погоню за достиженіемъ собственныхъ выгодъ,—былъ не только не понятенъ, но и не выносимъ громадному большинству людей его времени, и когда зоркіе глаза царя-гиганта закрылись навѣки, когда могучая рука его перестала исправлять дубинкой спины его провинившихся помощниковъ, не только вздохъ облегченія вылетѣлъ изъ груди тѣхъ, кто находился въ личномъ общеніи съ царемъ, но лучъ надежды на уменьшеніе тягостей, на облегченіе повинности и на отдыхъ отъ службы сверкнулъ всей странѣ, утомленной и издерганной отъ никогда неиспытанной ранѣе лихорадки преобразованій.

Послѣпетровская реакція коснулась и его дѣла, и близкихъ ему по крови людей. Она проявилась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ его начинанія рѣзче противорѣчили старо-русской жизни и ея порядкамъ. Реакція противъ дѣлъ Петра сказалась во всей своей силѣ въ первыя пять лѣтъ, послѣдовавшія за его смертью, т.-е. въ царствованіе его жены и внука; реакція противъ его близкихъ, его личной семьи, ярче всего проявилась въ 1730 году.

Семейныя дѣла Петра были самымъ слабымъ мѣстомъ его исторіи; онъ такъ и не устроилъ ихъ и умеръ, оставя и семью, и престолонаслѣдіе въ состояніи полнаго хаоса. Царствованіе его преемницы было такъ коротко, что въ странѣ не успѣли даже отдать себѣ отчета ни въ неожиданности вступленія на престолъ Екатерины I, ни въ томъ самомъ существенномъ обстоятельствѣ, что на престолѣ русскихъ царей очутилась сдѣлавшая блестящую карьеру «ливонская плѣнница». Вступленіе на престолъ Петра II, въ обходъ дочерей Петра, уже было извѣстной реакціей противъ личности Преобразователя; это была дань прошлому, дань популярной среди противниковъ реформы памяти царевича Алексѣя Петровича; все же Петръ II былъ родной внукъ перваго Императора и съ его воцареніемъ русскій престолъ не выходилъ изъ обладанія его потомства.

Въ январѣ 1730 года пресѣклась жизнь послѣдняго представителя мужского поколѣнія царствовавшаго дома; руководителямъ страны опять пришлось думать о замѣщеніи престола, и въ этихъ думахъ, направляемыхъ не Петровскими бюрократами, а старинными московскими родами Долгорукихъ и Голицыныхъ, выразилось совершенно отрицательное отношеніе и къ самому Петру и къ его семейству. Единственная оставшаяся въ живыхъ дочь царя Елизавета и потомство умершей Анны Петровны были устранены, какъ происшедшія до брака ихъ родительницы съ Петромъ. Въ цѣляхъ политическаго удобства и въ безсознательномъ протестѣ противъ всего петровскаго дѣятели 1730 года обратили свои взоры къ дочерямъ послѣдняго московскаго царя— Іоанна Алексѣевича, и остановились на средней изъ трехъ сестеръ, давно вдовѣвшей Курляндской герцогинѣ Аннѣ Іоанновнѣ.

Никогда, можетъ-быть, избранница не оправдала въ меньшей степени возлагавшихся на нее надеждъ. Вмѣсто того, чтобы продолжать реакцію противъ Петра въ томъ направленіи, въ какомъ вели ее при Петрѣ II, царствованіе Анны сдѣлалось продолженіемъ царствованія перваго императора во всемъ, что касалось наименѣе симпатичныхъ для русскихъ людей его сторонъ, и пошло противъ такихъ традицій его времени, которыя даже реакціонеры царствованія Петра II хотѣли сохранить. Для плательщика податей это было время величайшаго податного напряженія, самаго безжалостнаго выколачиванія изъ него денегъ; для русскаго дворянства время ненавистнаго господства нѣмцевъ, презиравшихъ и


императоръ Петръ Великомъ, и вдруже
императрице Екатерине Алексеевне —
тоихъ всеподданнейшихъ нашихъ, —
верныхъ единогласному прошению —
потъ нашъ отеческий всероссийский —
престолъ всемилостивейше восприять
соизволили: о чемъ всемъ впредъ собъ обстоя —
тельствомъ и здоволнымъ изъяснениемъ
манифестъ выданъ будетъ, и ныне —
по всеусердному всехъ нашихъ верно —
подданныхъ желанию всемилостивейше
соизволяемъ втомъ учинить намъ —
торжественную присягу: Елисаветъ

Манифестъ о правахъ Елизаветы Петровны на престолъ.
Хранится въ Правительствующемъ Сенатѣ.

унижавшихъ все русское. И вотъ, по мѣрѣ того, какъ выяснялся характеръ существовавшаго политическаго режима, вновь вырастала могучая фигура Преобразователя, создавалась и росла «Петровская легенда». Забыли гнетъ, который когда-то испытывали, забыли, что разореніе и взысканіе недоимокъ начались еще при Петрѣ, но помнили, что великій царь доставилъ Россіи небывалое величіе, что, заимствуя западно-европейскіе образцы, онъ все-таки оставлялъ Россію для русскихъ и что при немъ господство иностранцевъ, презрительно относившихся ко всему русскому, было бы немыслимо.

Недовольство правителями 1730 — 1741 гг. заставило вспомнить объ единственномъ человѣкѣ, воплощавшемъ въ себѣ личность Петра — о его дочери. Когда всеобщее недовольство, съ од-

ной стороны, и ослабленіе находившагося у власти правительства— съ другой, сдѣлало возможнымъ дворцовый переворотъ въ пользу цесаревны. Елизавета, вознесенная «Петровской легендой», заняла отцовскій престолъ. Переворотъ 1741 года былъ реставраціей петровскихъ традицій, какъ ихъ понимали послѣ пятнадцатилѣтняго господства иныхъ порядковъ: онъ былъ возвращеніемъ къ національному режиму взамѣнъ господства иностранцевъ.

Кого же этотъ переворотъ возвелъ на русскій престолъ?

Елизавета Петровна родилась 19 декабря 1709 года въ Москвѣ и была пятымъ добрачнымъ ребенкомъ Петра и Екатерины. Мы мало знаемъ объ интимномъ бытѣ еще не гласнаго тогда новаго семейства царя; едва извѣстны годы рожденія и смерти двухъ старшихъ сыновей Петра, умершихъ въ младенчествѣ Павла и Петра Петровичей и старшей его дочери Екатерины. Анна и Елизавета, слѣдующія за тремя первыми, были единственными дѣтьми этой многочисленной семьи, пережившими раннее младенчество, но и о ихъ дѣтствѣ сохранилось немного извѣстій, несмотря на то, что послѣ оффиціальнаго объявленія о бракѣ ихъ родителей, онѣ стали считаться царевнами. За исключеніемъ послѣднихъ лѣтъ, когда Петръ сталъ болѣе осѣдло жить въ новой столицѣ, царскій дворъ почти не существовалъ, какъ вслѣдствіе вѣчныхъ странствованій Преобразователя, такъ и потому, что подруга царя долго не могла играть роли царицы. Ранніе годы Елизаветы и ея сестры, до окончательнаго переѣзда въ Петербургъ, протекли по большей части въ излюбленныхъ еще послѣдними царями XVII столѣтія подмосковныхъ селахъ—Преображенскомъ и Измайловскомъ, и отъ этого, быть-можетъ, Москва и ея окрестности остались близкими Елизаветѣ на всю жизнь. Петровскій дворъ 20-хъ годовъ былъ сколкомъ съ нѣмецкихъ дворовъ, а послѣдніе всѣ до единаго старались приблизиться къ Версальскому идеалу. Далекимъ Версальскимъ идеаломъ проникнуто было и то воспитаніе, которое было дано царевнамъ. Французская гувернантка г-жа Латуръ, потомъ французъ-учитель Рамбуръ учили царевенъ танцамъ, свѣтскому обращенію и французскому языку. Всѣмъ этимъ Елизавета овладѣла очень хорошо; она знала и нѣмецкій языкъ, которому нетрудно было выучиться, когда вся новая столица представляла изъ себя разросшуюся и усовершенствованную «Нѣмецкую слободу». Но этимъ ея образованіе и ограничилось; для русской женщины переходной эпохи этого уже было достаточно, а природная склонность царевны къ лѣни не увлекала ее въ область науки. Образцомъ ея научныхъ познаній остается разсказъ конференцъ-секретаря Д. В. Волкова, что императрица «не знала, что Великобританія есть островъ».

Объявленная совершеннолѣтней въ 1722 году, царевна съ этого времени стала центромъ, вокругъ котораго обращались разные дипломатическіе проекты и предположенія. Елизавета въ то

время стояла далеко отъ русскаго престола, но замужъ ее прочили за многихъ европейскихъ государей и принцевъ; въ послѣдніе годы жизни Петръ Великій мечталъ сдѣлать Елизавету французской королевой. Кто знаетъ, можетъ-быть, живая и веселая царевна варварской, съ французской точки зрѣнія, страны была бы болѣе удачной королевой Франціи, нежели незнатная уроженка немногимъ менѣе варварской земли—кроткая, благочестивая и несчастная Марія Лещинская. Но французскій бракъ не удался; тогда царевну стали сватать за второстепенныхъ нѣмецкихъ государей. Донесенія иностранныхъ дипломатовъ въ двадцатыхъ годахъ, особенно во второй ихъ половинѣ, наполнены извѣстіями о предстоящемъ замужествѣ царевны то съ тѣмъ, то съ другимъ нѣмецкимъ принцемъ; наконецъ, остановились на Голштинскомъ принцѣ Карлѣ-Августѣ, и Елизаветѣ предстояло сдѣлаться невѣсткой своей старшей сестры; однако смерть жениха разстроила бракъ, а послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ смерть императрицы Екатерины сдѣлала Елизавету совершенно свободной, когда ей не было еще и 18 лѣтъ.

Царевна воспользовалась этой свободой такъ, какъ указывала ей окружавшая ее жизнь. Нравы, господствовавшіе при русскомъ дворѣ того времени, нельзя было назвать строгими. Разнузданность, примѣръ которой подавалъ самъ великій царь, не сдерживалась болѣе рамками старо-московскаго этикета. Императрица Екатерина I, долгое время вѣрная подруга царя, была въ послѣдніе его годы жизни героиней печальной Монсовской исторіи. «Она была, — по словамъ иностраннаго дипломата, — слаба, роскошна во всемъ пространствѣ сего названія»; занявъ случайно престолъ, она продолжала «упражняться въ повседневныхъ пиршествахъ и роскошахъ». И во внѣшности, и въ характерѣ царевны Елизаветы можно уловить много чертъ, напоминающихъ ея родителей. Можно, пожалуй, сказать, судя по ея портретамъ и по отзывамъ современниковъ о ея красотѣ, что внѣшностью своей она была ближе къ Петру; отъ него, можетъ-быть, она унаслѣдовала и умъ, который признавали въ ней даже люди къ ней нерасположенные; страсть къ удовольствіямъ, жажду наслажденій, нѣкоторое легкомысліе и вмѣстѣ съ тѣмъ наклонность къ лѣни она, вѣроятно, наслѣдовала отъ матери, а темпераментъ перешелъ къ ней отъ обоихъ ея родителей. Предоставленная самой себѣ, молодая царевна широко воспользовалась своей свободой. Еще ранѣе при дворѣ чуть ли не открыто говорили о связи ея съ принцемъ Карломъ Голштинскимъ; переѣхавъ въ Москву вслѣдъ за дворомъ своего племянника Петра II, Елизавета сближается съ молодымъ государемъ, и если временное увлеченіе мальчика-царя и красавицы царевны и было платоническимъ, то во всякомъ случаѣ 1723 — 1729 гг. на всѣхъ безчисленныхъ балахъ и увеселеніяхъ, встряхнувшихъ отъ сна старую столицу, и на

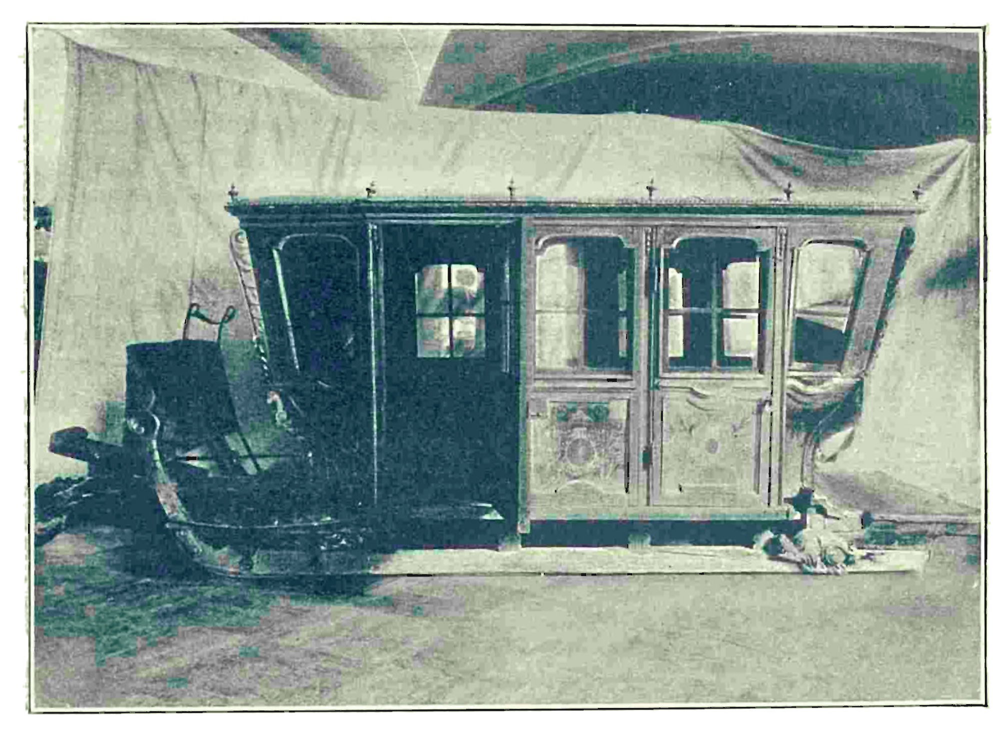
безконечныхъ охотахъ по московскимъ окрестностямъ первое мѣсто удѣлялось Елизаветѣ. Въ послѣдній годъ царствованія Петра II при Елизаветѣ состоялъ уже и настоящій «случайный» человѣкъ— Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ, смѣненный, въ свою очередь, быстро другимъ фаворитомъ, сержантомъ гвардіи Алексѣемъ Яковлевичемъ Шубинымъ, позднѣе сосланнымъ Анною въ Сибирь. Ходили также разсказы о близости царевны къ гофмаршалу Нарышкину.

Царствованіе Петра II — время безумныхъ и безрасчетныхъ увлеченій Елизаветы Петровны, и въ это безрасчетное время яснѣе всего виденъ общій обликъ ея не очень сложной, но, несмотря на рядъ недостатковъ, все же привлекательной личности. Елизавета Петровна — это старая русская боярышня, вырвавшаяся изъ томившаго ее терема и безъ-удержу пользующаяся долго жданной свободой. Живая, привѣтливая, умѣвшая каждому сказать доброе слово, умѣвшая простотой обращенія заставить забыть свое высокое положеніе, она веселилась безъ оглядки и любила, чтобы веселились вокругъ нея. Очень характерно, что ея веселье особенно широко развертывалось въ Москвѣ: оно и напоминало во многомъ старую допетровскую Москву, къ которой изъ всѣхъ русскихъ государей XVIII вѣка Елизавета была ближе всего по духу.

На ряду съ подмосковными дворцами въ это время ея любимой резиденціей была Александровская слобода, личная ея вотчина, доставшаяся ей по наслѣдству отъ матери. Печальная память оргій и казней Іоанна Грознаго давно заглохла въ этихъ мѣстахъ, сдѣлавшихся на нѣкоторое время любимымъ пребываніемъ Елизаветы и небольшой свиты изъ близкихъ ей людей, среди которыхъ были ея родственники по матери Скавронскіе, Гендриковы и Ефимовскіе, гофмаршалъ Нарышкинъ, графиня Марья Андреевна Румянцева и лейбъ-медикъ царевны, знаменитый впослѣдствіи Лестокъ. Выстроенныя въ слободѣ для царевны хоромы, деревянныя на каменномъ низѣ, воскресили привольное житье стараго боярскаго двора. Охота во всѣхъ ея видахъ, пиры, а вперемежку съ ними шумное веселье со слободскими дѣвушками, приходившими на посидѣлки во дворецъ царевны и игравшими при ней роль сѣнныхъ дѣвушекъ, таковъ обычный образъ жизни Елизаветы въ слободѣ. Съ мѣстной молодежью царевна слушала старыя русскія пѣсни, пѣла и плясала сама, водила хороводы, на святкахъ гадала, одѣвалась въ русское платье, давно изгнанное изъ придворнаго обихода и даже для болѣе простыхъ людей запрещенное указами ея отца. Смотря на житье Елизаветы Петровны въ слободѣ или въ другомъ любимомъ ею подмосковномъ селѣ Покровскомъ, забываешь иногда, что дѣло идетъ о дочери Петра Великаго, и кажется, какъ будто жизнь отодвинулась на полвѣка назадъ, и героиней всѣхъ этихъ увеселеній

является царевна болѣе ранней переходной эпохи, какая-нибудь младшая сестра Петра Великаго, едва выпущенная изъ теремнаго заключенія, въ родѣ любительницы веселій и театра Наталіи Алексѣевны, только еще болѣе веселая и удалая.

И другая черта сближаетъ Елизавету со старинными московскими царевнами и боярынями, — быть-можетъ, даже болѣе давняго времени, чѣмъ конецъ XVII вѣка, — это ея искреннее старо-московское благочестіе. Отъ самаго безумнаго веселія она быстро переходила къ самой глубокой набожности, долгія службы она выстаивала, какъ ихъ выстаивали при Алексѣѣ Михайловичѣ,



Возокъ императрицы Елизаветы Петровны.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

когда продолжительность церковной службы приводила въ изумленіе пріѣзжее греческое духовенство; посты она соблюдала во всей прежней московской строгости, а ея богомольные походы, напримѣръ въ Троицкую лавру, куда она неизмѣнно отправлялась пѣшкомъ, какъ въ молодости, такъ особенно позднѣе, въ эпоху ея всемогущества и великолѣпія, напоминали по пышности и по значенію, какое имъ придавалось, богомольные походы ея дѣда и прадѣда. Въ дочери Петра, нелюбившаго Москвы и старыхъ порядковъ и отрекшагося отъ нихъ, въ послѣдній разъ въ нашей исторіи оживаетъ смягченный Петровской реформой образъ прежней московской царевны.

Но въ старину московскія царевны, за единственнымъ исключеніемъ Софіи Алексѣевны, были далеки отъ дѣлъ правленія; онѣ не знали ихъ, мало ихъ понимали и потому мало ими интересовались, и въ этомъ отношеніи Елизавета Петровна близка къ старой Москвѣ. Это характерно и ярко сказалось въ одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ моментовъ ея жизни. Верховники устранили дочь Петра отъ престола. Но кто знаетъ, если бы сама Елизавета въ смутные январскіе дни 1730 года была въ Москвѣ, вела интриги, набирала сторонниковъ, добивалась престола, на который имѣла по меньшей мѣрѣ столько же правъ, сколько ея двоюродная сестра Анна, можетъ-быть событія пошли бы инымъ ходомъ, и кн. Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, идейный творецъ режима 1730—1741 гг., такъ жестоко самъ отъ него пострадавшій, былъ бы лишенъ возможности сдѣлать роковую ошибку своей жизни и государственной дѣятельности: вѣдь безпечная, веселая и легкомысленная Елизавета лучше бы осуществила,—мы можемъ это сказать изъ глубины исторической перспективы, — идеалъ правительницы, какой себѣ рисовали верховники, нежели властная и жестокая Анна Іоанновна. Но и въ эти дни и позднѣе, когда рѣшался вопросъ о самодержавіи Анны, Елизавета продолжала безпечно веселиться. Французскій резидентъ доносилъ весною 1730 года, что цесаревна Елизавета «наслаждалась деревенской жизнью, и тѣмъ, кто хлопоталъ здѣсь въ ея интересахъ, не удалось добиться даже того, чтобы она прибыла въ Москву ради такой конъюнктуры». Она явилась въ Москву изъ слободы только, чтобы привѣтствовать новую государыню. Весь 1730 годъ дворъ продолжалъ еще пребывать въ Москвѣ, но Елизавета уже въ августѣ отправилась въ Александровскую слободу, чтобы провести тамъ цѣлый мѣсяцъ. Такъ почти незамѣтно, повидимому, для самой Елизаветы настало для нея самое тяжелое и трудное время жизни.

Благополучіе Елизаветы и самая ея жизнь зависѣли теперь отъ воли одного человѣка, и человѣкъ этотъ былъ — императрица Анна Іоанновна.

Иногда говорятъ, что неудачно сложившіяся обстоятельства личной жизни развили въ государынѣ склонность къ мщенію, болѣзненное самолюбіе и изысканную жестокость. Но для кого изъ членовъ русскаго царствующаго дома XVII вѣка личная жизнь складывалась особенно счастливо? спросимъ мы. Иногда жестокость Анны принимала болѣзненный характеръ желанія издѣваться надъ людьми. Такую женщину не приходилось толкать на жестокости, и самъ Биронъ представляется человѣкомъ вовсе не злымъ и во всякомъ случаѣ болѣе мягкимъ, нежели государыня, которую, по мнѣнію потомства, онъ подбивалъ на все злое.

Въ зависимость отъ жестокой, мстительной, завистливой и всемогущей родственницы и попала теперь нерасчетливая и легкомысленная цесаревна. Положеніе Елизаветы Петровны при им-

ператрицѣ Аннѣ во многомъ напоминаетъ положеніе ея знаменитой соименницы, Елизаветы Англійской, въ царствованіе ея старшей сестры Маріи. Жестокій режимъ и тутъ и тамъ могъ заставить недовольныхъ обратить свои взоры къ отстраненнымъ отъ престола принцессамъ, популярность которыхъ росла по мѣрѣ того, какъ крѣпла ненависть къ господствующему порядку. Но крѣпость и сила послѣдняго, въ случаѣ вспышки, подвергли бы возможныхъ кандидатокъ на престолъ смертельной опасности, а подозрительность, царившая на престолѣ, вынуждала полуопальныхъ родственницъ быть особенно осторожными. Елизавета Англійская жила въ эпоху, когда при европейскихъ дворахъ еще были въ модѣ традиціи гуманизма: разсказываютъ, что она прятала свое честолюбіе и коротала вынужденный досугъ за изученіемъ древнихъ авторовъ. Наша Елизавета жила въ другое время и въ другой странѣ; каковы были ея научныя познанія и какъ велики были ея ученые вкусы, мы уже знаемъ; немудрено, что и способы, къ которымъ она прибѣгала, чтобы отвлечь отъ себя подозрительное вниманіе Анны, были другими; и ея способы самозащиты должны были обусловливаться чертами уже знакомаго намъ облика.

Можно думать, что самое поведеніе цесаревны въ 1730 году усыпило чувство подозрительности, которое новая государыня должна была имѣть къ дочери Петра. Елизавета не интересовалась престоломъ, когда она могла бы выступить соперницей Анны—можно было предполагать, что она не будетъ интересоваться имъ и впредь. Природная лѣнь цесаревны, ея любовь къ удовольствіямъ и веселію, полное отсутствіе склонности къ правительственнымъ дѣламъ были хорошо извѣстны и новой императрицѣ, и тѣмъ, кто руководилъ дѣлами въ первые годы ея правленія; отношенія, казалось, налаживались. Но въ 1731 году какія-то неосторожныя слова любимца Елизаветы Шубина, стоившія послѣднему заточенія и ссылки, навлекли опалу и на цесаревну, предъ которой всталъ грозный призракъ насильнаго постриженія въ монастырь. Заступничество Бирона, которое вызвано было, вѣроятно, нежеланіемъ допустить безполезную жестокость надъ ничѣмъ неповиннымъ человѣкомъ, спасло на этотъ разъ Елизавету. Грустная, въ траурной одеждѣ, цесаревна удалилась на нѣкоторое время опять въ Александровскую слободу, гдѣ молитва и церковная служба смѣнили на этотъ разъ прежнее веселье. Религіозность Елизаветы сказалась въ этотъ моментъ очень ярко: это было второе орудіе защиты ея отъ Аннинскаго режима. Цесаревна посѣщала всѣ церковныя службы и разъѣзжала по богомольямъ; дѣлалось это съ полной искренностью, и увлеченіе религіозное было большимъ препятствіемъ для увлеченій политическихъ. Это понимали и столпы Аннинскаго царствованія, чувствовала, быть-можетъ, и сама императрица. Ссылка Шубина была большимъ горемъ для Елизаветы, но молодость, жажда удовольствій, которая такъ легко уживалась

въ ней съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ, взяли свое. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ мѣсто гвардейскаго сержанта было прочно занято пѣвчимъ Разумовскимъ, прельстившимъ цесаревну своей красотой и голосомъ; посѣщеніе службъ помогло Елизаветѣ надолго разрѣшить вопросъ о личной жизни, а жизнь съ Разумовскимъ, въ свою очередь, отвлекла ее отъ опасныхъ политическихъ увлеченій и отъ вопроса о замужествѣ, поднимать который было нежелательно для Анны, старавшейся упрочить престолъ въ потомствѣ царя Іоанна.

Такъ протекалъ годъ за годомъ. Горизонтъ Елизаветы не оставался безоблачнымъ и позднѣе. Между нею и дворомъ императрицы періодически вспыхивали неудовольствія; въ 1735 году опять неосторожныя слова среди дворни цесаревны, опять угроза монастыремъ; зависимость отъ императрицы чувствовалась и въ денежномъ отношеніи, потому что хотя Елизавета имѣла свои большія вотчины, но ея нерасчетливость и чрезмѣрные расходы создавали для нея вѣчныя денежныя затрудненія. Но Елизавета попрежнему совершенно не вмѣшивалась въ политику, попрежнему жила среди богомолья и роскошной лѣни, немного полнѣла, но сохраняла свою красоту. «Она слишкомъ толста, чтобы быть заговорщицей», говорилъ о ней англійскій дипломатическій агентъ Финчъ, перефразируя шекспировскаго Цезаря, и слова иностраннаго дипломата, кажется, довольно хорошо передаютъ общее мнѣніе, которое сложилось о дочери Петра Великаго въ суровое десятилѣтіе царствованія Анны Іоанновны; репутація безвредности охранила ее отъ опасностей, которымъ ей такъ легко было подвергнуться въ это время.

Мы уже видѣли, какъ поворотъ во мнѣніи тогдашняго русскаго общества привелъ къ идеализаціи эпохи Петра и вызвалъ новую реакцію, направленную на сей разъ противъ правительства, утвердившагося въ 1730 году. Но какъ случилось, что недѣятельная, далекая, казалось бы, отъ политики цесаревна Елизавета на 33-мъ году жизни вышла изъ своего оцѣпенѣнія и посредствомъ дворцоваго переворота превратилась въ русскую императрицу?

Политическое положеніе внутри страны совершенно измѣнилось съ 1730 года. Тѣхъ, кто направлялъ дѣла въ достопамятный моментъ воцаренія Анны Іоанновны, уже давно не было въ столицѣ; за исключеніемъ Остермана, сдѣлавшагося блестящимъ членомъ правительства Анны, всѣ верховники или умерли, или погибли отъ преслѣдованій, опалъ и казней. И шляхетство, думавшее въ 1730 г. опереться на новую государыню въ своей борьбѣ съ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, могло только сокрушаться о погибшихъ идеалахъ; правительство Анны бросило подачку русскому дворянству, отмѣнивъ законъ о единонаслѣдіи и сократило срокъ его обязательной службы, но оно прочно держало въ своихъ рукахъ власть и именемъ самодержавной императрицы старалось

осуществить идеалы полицейскаго государства не менѣе, чѣмъ самъ Петръ Великій. Оппозиція 1730 г. казалась уничтоженной; въ политическомъ отношеніи она и вправду не существовала; теперь раздражало не крушеніе проектовъ ограниченія царской власти, а господство нѣмцевъ, къ которымъ подслуживались русскіе по крови правительственные дѣльцы. Недовольство, долгое время скрываемое и глухое, свивало себѣ гнѣздо въ такихъ учрежденіяхъ, которыя, несмотря на разбавленіе ихъ прибалтійскими элементами, русское дворянство крѣпко держало въ своихъ рукахъ, и гдѣ живѣе всего помнили традиціи Петра Великаго—въ гвардейскихъ полкахъ, уже не разъ послѣ смерти Петра принимавшихъ участіе въ разрѣшеніи политическихъ кризисовъ. Въ свою очередь, и политическій режимъ, установившійся въ 1730 г., слабѣлъ. Какова бы ни была императрица Анна, она была законная русская государыня, законная дочь царя Іоанна Алексѣевича, и пока она была жива, режимъ держался крѣпко. Но для того, чтобы обезпечить престолонаслѣдіе въ своемъ ближайшемъ родствѣ, чтобы противопоставить «Голштинскому чортушкѣ»—какъ называла она будущаго Петра III—другого, болѣе близкаго ей наслѣдника, ей пришлось обратиться къ старому средству: выдать свою полунѣмку племянницу за нѣмецкаго принца и призвать въ Россію, уже тяготившуюся нѣмецкимъ господствомъ, новыхъ нѣмецкихъ пришельцевъ. Послѣднимъ распоряженіемъ Анны было назначеніе регентомъ Бирона, что создало соперничество между этимъ послѣднимъ, съ одной стороны, и Анной Леопольдовной и ея мужемъ—съ другой. Съ ноября 1740 г. властвующіе надъ Россіей нѣмцы начинаютъ быстро пожирать другъ друга. Въ первую очередь палъ Биронъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя устраненъ былъ помогшій его свергнуть Минихъ. Съ весны 1740 года управленіе имперіи очутилось въ рукахъ правительницы Анны Леопольдовны, добродушной и лѣнивой еще гораздо болѣе, чѣмъ Елизавета Петровна, а управленіе арміей — въ рукахъ неспособнаго и уже совершенно чуждаго Россіи принца Антона-Ульриха. Быть-можетъ, самой крупной политической ошибкой Анны Леопольдовны было то, что она, непричесанная и неодѣтая, вѣчно сидѣла дома, не думая о томъ, что, лично показываясь гвардейцамъ и появляясь иногда во главѣ ихъ вмѣстѣ съ сыномъ, она упрочила бы шаткій престолъ маленькаго Іоанна Антоновича. Между тѣмъ восходящая звѣзда графа Линара заставляла видѣть въ этомъ фаворитѣ новаго нѣмецкаго владыку, идущаго на смѣну исчезнувшему Бирону.

Недовольство нѣмцами и слабость ихъ въ данный моментъ были причиною того, что въ 1741 г. гвардія стала проявлять признаки волненія. Имя Петра Великаго, любезность и привѣтливость цесаревны, которая за долгое время своей полуопалы не утратила этихъ свойствъ, и, наконецъ, пронырливость и способность къ интригамъ нѣкоторыхъ приближенныхъ Елизаветы, въ томъ числѣ на первомъ мѣстѣ Лестока, сыграли большую роль. Лѣтомъ и осенью

1741 г. гвардейскіе полки вели сношенія съ дворомъ цесаревны; Елизавета, не привыкшая къ политическимъ интригамъ, заигрывала съ гвардіей, но боялась сдѣлать рѣшительный шагъ; Лестокъ и нѣсколько другихъ менѣе замѣтныхъ агентовъ дѣйствовали за Елизавету, вели переговоры отъ ея имени, старались подвинуть дѣло къ перевороту, возможность успѣха котораго уже доказало движеніе 8 ноября 1740 года, положившее конецъ власти Бирона. Нерѣшительность Елизаветы надолго, можетъ-быть, затянула бы дѣло, но заговоръ, несмѣло и не особенно искусно подготовляемый, вспыхнулъ тогда, когда назадъ итти было уже нельзя. О немъ узнали; даже сама сонная Анна Леопольдовна опять выставила противъ Елизаветы угрозу заключенія въ монастырь; гвардейскіе полки получили приказаніе готовиться къ выступленію изъ Петербурга; Лестока собирались арестовать. Медлить было невозможно, и въ ночь на 26 ноября 1741 года въ Невской столицѣ произошло одна изъ самыхъ быстрыхъ и мирныхъ революцій, какія знаетъ исторія.

Съ воцареніемъ Елизаветы Петровны связано преданіе, будто переворотъ 1741 года произошелъ при участіи и помощи иностранныхъ державъ. Попытки использовать броженіе въ интересахъ Франціи и Швеціи были; представители этихъ державъ, маркизъ де-ла Шетарди и баронъ Нолькенъ, вели переговоры съ Елизаветой, обѣщали ей помощь. Но шведскій посланникъ ставилъ условіемъ возвращеніе если не всѣхъ, то части завоеваній Петра; отъ этого Елизавета отказалась, и переговоры прервались, а начатая вслѣдъ за тѣмъ со стороны Швеціи война сдѣлала ихъ возобновленіе совершенно невозможнымъ. Дѣятельность де-ла Шетарди, имѣвшая цѣль отвлечь Россію отъ союза съ Австріей и привлечь ее на сторону Франціи, встрѣтила мало сочувствія въ самомъ французскомъ правительствѣ. Сношенія маркиза съ Елизаветой возобновлялись не разъ, практическимъ ихъ результатомъ былъ небольшой заемъ въ 2.000 рублей, которые посланникъ ссудилъ постоянно нуждавшейся цесаревнѣ; но въ самый рѣшительный моментъ Шетарди уклонился отъ активнаго содѣйствія, и переворотъ совершился безъ всякаго участія представителя Франціи. Переворотъ этотъ былъ чисто внутреннимъ русскимъ дѣломъ и произведенъ былъ только русскими руками.

II.

Императрица Елизавета Петровна.

Занявъ престолъ, Елизавета Петровна изъ полумрака, въ которомъ она провела десять лѣтъ, выходитъ на яркій свѣтъ исторіи, изъ бѣдной царской родственницы становится русской императрицей. Измѣнились ли ея характеръ и вкусы за пережитое тяжелое время? Конечно, оно не могло пройти для нея безслѣдно:

испытанія были подчасъ тяжелыя. Да и годы брали свое: въ 40-хъ годахъ Елизавета уже не была той развернувшейся во всю ширь двадцатилѣтней красавицей, какъ при Петрѣ II; переходъ отъ безправія къ полной власти не могъ не оказать своего вліянія. Беззаботная, вырвавшаяся на волю боярышня стала властною, иногда капризной и своенравной русской барыней.

Прежнія черты характера не исчезли; природный умъ и смѣтливость Елизаветы такъ же мало отрицались послѣ ея воцаренія, какъ и раньше, и если внимательно вчитаться въ записки Екатерины II о ея молодости, то отношеніе императрицы къ молодой великой княгинѣ, какъ и къ неудачному наслѣднику русскаго престола будетъ объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствовать. Ея любовь къ роскоши и удовольствіямъ осталась прежней; она надѣвала всякое платье только одинъ разъ, благодаря чему ея гардеробъ достигалъ, какъ говорятъ, баснословныхъ размѣровъ. Балы и маскарады продолжали забавлять ее до самыхъ послѣднихъ дней жизни. Вотъ какъ веселились въ Петербургѣ на масленицѣ 1746 года: «Нынѣ у насъ карнавалъ, — писалъ Бестужевъ Воронцову, — и маскарадныя забавы начались такимъ образомъ, что въ домахъ перваго и второго классовъ оные въ учрежденные къ тому дни держатся, гдѣ и наша всемилостивѣйшая государыня со всей своей фамиліей и съ придворнымъ штатомъ всегда находиться изволитъ, къ чему весь генералитетъ и знатное шляхетство равномѣрно жъ приглашаются, такъ что отъ трехъ до четырехъ сотъ масокъ вмѣстѣ бываютъ». «Зима 1746 года вся прошла въ маскарадахъ, дававшихся въ знатнѣйшихъ домахъ Петербурга», говоритъ и Екатерина II въ своихъ запискахъ. А зиму 1745 — 1746 г. проводили такъ, какъ проводились и другія. И фаворитизмъ не уменьшался. Звѣзда Алексѣя Разумовскаго стояла попрежнему высоко, но его положеніе при царицѣ въ послѣднія десять лѣтъ ея жизни скорѣе напоминало положеніе стараго и вѣрнаго друга; фаворитами были другія лица: мимолетный Бекетовъ, долговременный и постоянный Иванъ Ивановичъ Шуваловъ и другіе. Вступивъ на престолъ, Елизавета не сдѣлалась энергичнѣе. Въ началѣ царствованія она какъ будто сдѣлала усиліе надъ собой: въ 1741 и 1742 гг. она семь разъ присутствуетъ на засѣданіяхъ возстановленнаго въ своихъ правахъ сената, и присутствуетъ добросовѣстно — отъ девяти часовъ утра до обѣда. Она слѣдитъ за иностранными сношеніями, требуетъ подробныхъ донесеній, высказываетъ свое мнѣніе. Разсудкомъ она понимаетъ необходимость ближе входить въ дѣла, но страсть къ удовольствіямъ слишкомъ часто беретъ верхъ надъ чувствомъ долга. Чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ Елизавета легче отвлекается отъ государственныхъ дѣлъ, тѣмъ труднѣе заинтересовать ее сенатскимъ, канцлерскимъ или генералъ-прокурорскимъ докладомъ. Ей, точно, нѣтъ для этого времени: маскарады, охоты, куртаги, пріемы, церковныя службы—это все поглощаютъ день

императрицы. Въ теченіе 1746 г. она нѣсколько разъ при встрѣчѣ съ оберъ-прокуроромъ синода, кн. Я. П. Шаховскимъ, извиняясь передъ нимъ, говоритъ: «виновата, все позабываю о твоемъ жалованьи приказать». Несмотря на то, что иностранными дѣлами она занималась усерднѣе всего, Бестужевъ уже въ 1742 г. жаловался на разсѣянность и недостатокъ прилежанія императрицы къ дѣламъ правленія; въ 1750 г. онъ говорилъ посланнику Маріи-Терезіи, что если бы Елизавета удѣляла дѣламъ сотую часть того времени, которое имъ удѣляетъ германская императрица, онъ чувствовалъ бы себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ; на медленность Елизаветы въ рѣшеніи дѣлъ, на трудность уловить ея постоянно колеблющееся вниманіе жаловался и преемникъ Бестужева, М. Л. Воронцовъ; то же впечатлѣніе оставляютъ и протоколы конференціи за 1756 и 1757 годы. А между тѣмъ дѣла иностранныя въ то время стояли на первомъ планѣ, и имъ удѣлялось больше времени и вниманія, нежели внутреннему управленію имперіи.

Религіозное чувство не покинуло Елизавету Петровну до конца ея жизни; своей привычки посѣщать церковныя службы, соблюдать посты, молиться много и долго, какъ молились въ старину московскіе государи, она не оставила до послѣднихъ дней, и даже припадокъ—вѣроятнѣе всего, первый небольшой ударъ—серьезно встревожившій въ 1757 году весь дворъ и впервые внушившій мысль о возможности близкой кончины императрицы, случился съ нею, когда она стояла у обѣдни въ царскосельской приходской церкви въ праздникъ Рождества Богородицы.

Только въ эти послѣдніе годы измѣняется обращеніе Елизаветы Петровны съ окружающими; болѣзнь дѣлала ее скучной, раздражительной, сердитой, но до этого, пока она еще была здорова, она попрежнему, какъ бывало въ молодости, подкупала своей привѣтливостью и простотой. Она сохраняла и свою природную доброту, поскольку чувство расположенія и снисхожденія ко всѣмъ ее окружающимъ и ко всѣмъ ея подданнымъ не сталкивалось въ ней съ чувствомъ особой нелюбви къ какому-нибудь опредѣленному лицу. Эта общая, быть-можетъ не вполнѣ сознательная, доброта характера сказалась въ ней, какъ гласитъ преданіе, въ ночь, возведшую ее на престолъ. Передаютъ, что, становясь во главѣ гвардейскихъ полковъ, она дала обѣщаніе не подписывать смертныхъ приговоровъ. Въ послѣднее время не разъ высказывалось скептическое отношеніе къ этому намѣренію Елизаветы. Конечно, и въ ея царствованіе били нещадно кнутомъ, засѣкали людей до-смерти, до-смерти томили ихъ въ тюрьмахъ, ссылокъ и опалъ не чуждо и ея время,—но дала она или нѣтъ клятву не казнить смертью, въ ея царствованіе всѣ органы внутренняго управленія, имѣвшіе право утверждать смертные приговоры, получили предписаніе представлять ихъ на усмотрѣніе высшей власти, и это фактически вывело изъ употребленія смертную казнь за обыкно-

венныя уголовныя преступленія. Словъ нѣтъ, наказаніе кнутомъ или плетьми, которое могло быть квалифицированною смертною казнью, существовало и при ней, но вѣдь оно дожило до Александра II; зато при Елизаветѣ были невозможны обыденныя явленія при Аннѣ Іоанновнѣ, когда всѣ жестокіе виды казни, извѣстные Уложенію 1649 г., неумолимо приводились въ исполненіе, и

Императрица Елизавета Петровна.
Съ оригинала Гроота въ Романовской галлереѣ Зимняго дворца.

жену, совершившую убійство истязавшаго ее мужа, закапывали живою въ землю. Уголовныя дѣла того времени могли бы дать много примѣровъ, иллюстрирующихъ сказанное, и за смягченіе уголовной практики нельзя не помянуть добрымъ словомъ дочь Петра Великаго.

Вступи Елизавета на престолъ въ 1730 году, переворотъ, можетъ-быть, обошелся бы вовсе безъ жертвъ; но десять лѣтъ постояннаго страха и униженій положили темныя пятна на добрую душу цеса-

ревны. Въ мести тѣмъ, кого она считала своими врагами, она не пошла такъ далеко, какъ ея предшественница, на склонѣ дней доконавшая и переказнившая Долгорукихъ и Голицыныхъ; но и Елизавета не простила ни Миниху, ни Остерману, ни всѣмъ тѣмъ, кто когда-либо подавалъ въ правящихъ сферахъ совѣтъ обезопасить себя отъ нея. Зато она умѣла помнить и добро. ей сдѣланное; сосланный въ Пелымъ Минихомъ и Анной Леопольдовной Биронъ, нѣсколько разъ поддержавшій ее въ тяжелыя минуты, былъ переведенъ на Ярославль, гдѣ хоть и скучно, но все же сносно прожилъ все Елизаветинское царствованіе.

Отношеніе Елизаветы къ Брауншвейгской фамиліи двойственно: сначала она хотѣла отпустить ее въ Германію, затѣмъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, отправила ее въ Холмогоры, а кончила тѣмъ, что несчастнаго Іоанна Антоновича отняла отъ родителей и заточила въ Шлиссельбургъ; такія ея дѣйствія иногда относятъ на ея личный счетъ, ставя прямо ей въ укоръ ея жестокость «съ игрою счастья обиженнымъ родомъ»; но вѣдь съ такимъ же основаніемъ можно видѣть въ этихъ колебаніяхъ нежеланіе Елизаветы дѣлать ненужныя жестокости, на которыя она, въ концѣ-концовъ, шла, уступая совѣтамъ и настояніямъ приближенныхъ, пугавшихъ ее призракомъ свергнутаго младенца-императора.

Перенесенныя униженія, съ одной стороны, и власть, полученная послѣ униженій — съ другой, сдѣлали Елизавету ревнивой къ своему престижу, къ своему царственному авторитету, къ своей власти, даже если она на дѣлѣ ею и не пользовалась. Въ ея царствованіе не было настоящихъ политическихъ заговоровъ, господствующіе круги и гвардія были довольны государыней, такъ что популярность ея не уменьшалась, и ей самой не часто приходилось указывать должное мѣсто людямъ, ее окружавшимъ. Но если она думала, что противъ нея злоумышляютъ или что ея прежніе друзья ей измѣняютъ, то ея обычное добродушіе ее покидало, и безпощадный гнѣвъ императрицы утихалъ не скоро. Именно такъ было въ 1743 году съ несчастнымъ Лопухинымъ и съ А. Г. Бестужевою, сестрою сосланнаго графа М. Г. Головкина; такъ, кажется, обстояло дѣло позднѣе съ Лестокомъ. Серьезныхъ случаевъ дрожать за свой санъ и бояться, чтобы кто-либо посягнулъ на ея первенство, у Елизаветы не было, и ревность къ этому первенству сказывалась у нея въ мелочахъ; въ этихъ случаяхъ она нерѣдко граничила съ самодурствомъ, которому не чужда была ни одна хоть и самая добрая, русская барыня XVIII в. Елизавета, напримѣръ, не допускала, чтобы кто-либо другой могъ быть красивѣе ея, лучше, чѣмъ она, одѣвался. Любительница одѣваться по-мужски, она запрещала своимъ придворнымъ дамамъ надѣвать мужскіе костюмы на маскарадахъ. Быть одѣтой или причесаной такъ же, какъ она сама императрица, значило подвергнуть себя опасности прогнѣвить государыню. Знаменитая придворная

красавица тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ Наталья Ѳеодоровна Лопухина позволила себѣ явиться на балъ съ розой въ волосахъ въ то время, какъ Елизавета убрала себѣ голову точно такимъ же образомъ. Императрица велѣла ее позвать, заставила встать на колѣни, велѣла подать ножницы, срѣзала розу и надавала при этомъ Лопухиной пощечинъ и затѣмъ еще отозвалась о провинившейся: «Ништо ей, дурѣ!» Той же бѣдной Лопухиной особенно досталось, когда трудами ненавидѣвшаго Бестужевыхъ Лестока и нѣсколькихъ темныхъ интригановъ, искавшихъ своихъ выгодъ, да неосторожной глупостью цесарскаго посла маркиза Ботты былъ созданъ въ 1743 г. мнимый заговоръ противъ Елизаветы.

Властность и причудливость, не чуждыя самодурства, сказывались въ Елизаветѣ и въ другихъ случаяхъ, и чѣмъ старше она становилась, чѣмъ болѣе разстраивалось ея здоровье, тѣмъ чаще приходилось близкимъ къ ней людямъ жаловаться на тяжелый нравъ государыни. О ея капризахъ, о томъ, какъ трудно бывало иногда угодить ей, говоритъ въ своихъ запискахъ и Екатерина II.

Добрая и немного взбалмошная, расположенная въ душѣ ко всѣмъ, но способная очень сердиться и въ гнѣвѣ не всегда отходчивая, умная отъ природы, но необразованная, лѣнивая и капризная, любящая удовольствія и утѣхи жизни больше всего на свѣтѣ и въ то же время смиренно благочестивая, сознававшая, что дѣлами правленія заниматься нужно, и не находившая для этого достаточно времени изъ-за вихря веселья, которымъ была вѣчно окружена, любившая себя молодой и красивой и смертельно занемогшая въ значительной мѣрѣ оттого, что молодость и красота прошли безвозвратно, простая и самодурная, не знавшая удержу и власти надъ собой, — такова была императрица Елизавета, настоящая русская барыня XVIII вѣка, въ которой, несмотря на фижмы и роброны, ясно проглядывала московская боярыня со всѣми ея дурными и хорошими чертами.

III.

Правительственная дѣятельность при Елизаветѣ Петровнѣ.

Этой барынѣ, ревниво оберегавшей престижъ своей власти, но изъ-за лѣни не всегда фактически властью пользовавшейся, довелось царствовать надъ Россіей цѣлыхъ двадцать лѣтъ. Для этого ей, болѣе чѣмъ какому-нибудь другому государю, нужны были сотрудники. Лично самыми близкими Елизаветѣ людьми были, конечно, ея фавориты; какъ у всѣхъ государынь XVIII вѣка, ихъ было у нея немало, но большинство было мимолетными баловнями счастья, «случай» которыхъ не оставилъ слѣда въ исторіи. Замѣтныхъ фаворитовъ было только два: А. Г. Разумовскій

и И. И. Шуваловъ. По общему и единогласному свидѣтельству современниковъ, Разумовскій былъ добрый и порядочный человѣкъ, настоящимъ достоинствомъ котораго было то, что онъ никогда не занимался интригами и не лѣзъ въ большую политику, въ которой не понималъ ничего. Его крупнѣйшимъ недостаткомъ было то, что онъ былъ «склоненъ, какъ и всѣ черкасы, къ пьянству», а во хмелю былъ буенъ; но развѣ можно при тогдашней общей, а не только малороссійской, склонности къ «шумству» ставить ему въ вину то, что онъ иной разъ, подвыпивши, колотилъ Петра Ивановича Шувалова? Его болѣе молодой соперникъ, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, съ которымъ они, впрочемъ, уживались очень мирно, былъ, несомнѣнно, болѣе крупной и одаренной личностью; но и онъ государственными дѣлами занимался мало, — за то его имя заняло почетное мѣсто въ исторіи русской культуры и просвѣщенія: достаточно вспомнить его близость къ Ломоносову и его участіе въ основаніи Московскаго университета.

Переворотъ 25 ноября 1741 года совершенъ былъ именемъ Петра и традицій его царствованія, но ошибочно было бы думать, что «птенцы гнѣзда Петрова» получили при новой государынѣ преобладающее вліяніе на дѣла. Да гдѣ было искать ихъ? Прошло пятнадцать лѣтъ: многіе умерли своею смертью, другіе пострадали въ многосленныхъ политическихъ катастрофахъ; они поистерлись, исчезли, и первое мѣсто среди дѣльцовъ Елизаветинскаго царствованія досталось не имъ. Съ воцареніемъ Елизаветы возвысились прежде всего чины ея двора, служившіе ей въ тяжелое Аннинское время. При дворѣ цесаревны особенно знатныхъ людей не было: вотъ почему при дворѣ императрицы Елизаветы получаютъ вліяніе фамиліи, до тѣхъ поръ въ нашей исторіи незамѣтныя. Ихъ двѣ: Воронцовы и Шуваловы. Отецъ дѣятелей Елизаветинскаго времени — графовъ Романа и Михаила Ларіоновичей Воронцовыхъ—принадлежалъ къ среднему шляхетству; въ 30-хъ годахъ онъ занималъ не особенно крупную, но довольно выгодную должность костромского провинціальнаго воеводы и пользовался протекціей своего младшаго сына Михаила, гофъ-юнкера двора цесаревны, чтобы выхлопотать освобожденіе отъ наложенныхъ на него за служебныя упущенія штрафовъ. Изъ двухъ братьевъ особенно выдвинулся Михаилъ, женатый на двоюродной сестрѣ Елизаветы, Аннѣ Карловнѣ Скавронской: его «тихій обычай не дозволялъ оказывать его разумъ; но по дѣламъ видно, что онъ его имѣлъ». Назначенный въ 1741 г. вице-канцлеромъ, М. Л. Воронцовъ оставался помощникомъ и соперникомъ канцлера Бестужева до паденія послѣдняго, а въ 1758 г. занялъ его мѣсто, и несмотря на то, что уступалъ въ талантахъ своему предшественнику, сумѣлъ успѣшно управлять внѣшними сношеніями въ трудное время Семилѣтней войны. Братья Петръ и Александръ Шуваловы—двоюродные братья фаворита—были сыновьями архангельскаго губернатора, генерала

Божіею поспѣшествующею милостію Мы Елисаветъ Первая Императрица и Самодержица Всероссійская

Московская, Кіевская, Владимирская, Новгородская, Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Государыня Псковская и великая Княгиня Смоленская, княгиня Эстляндская, Лифляндская, Корельская, Тферская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская, и иныхъ Государыня и великая Княгиня Нова города Низовскія земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Бѣлоозерская, Удорская, Обдорская, Кондійская, и всея сѣверныя страны Повелительница, и Государыня Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей и Кабардинскія земли, Черкаскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ наслѣдная Государыня и Обладательница

Объявляемъ симъ, что въ 1752 году въ НАШЕМЪ Правительствующемъ Сенатѣ Колежской Совѣтникъ и Академіи наукъ Профессоръ Михайло Ломоносовъ [illegible]

Жалованная грамота императрицы Елизаветы Петровны М. В. Ломоносову, на право устройства мозаиковой фабрики.

Съ оригинала, бывшаго на выставкѣ «Ломоносовъ и Елизаветинское время».

Ивана Максимовича Шувалова, перваго сколько-нибудь замѣтнаго представителя этой семьи. Оба были пажами и камеръ-юнкерами Елизаветы; старшій Александръ сдѣлался впослѣдствіи преемникомъ А. И. Ушакова по управленію канцеляріей тайныхъ розыскныхъ дѣлъ; блестящія способности младшаго брата, Петра, и его женитьба на любимой фрейлинѣ Елизаветы, Маврѣ Егоровнѣ Шепелевой, открыли передъ нимъ блестящую карьеру. Камергеръ, влія-

тельный сенаторъ, позднѣе въ пятидесятыхъ годахъ генералъ-фельдцейхмейстеръ и конференцъ-министръ, онъ былъ фактически военнымъ министромъ и министромъ финансовъ. Его удачныя мѣропріятія для улучшенія государственныхъ финансовъ, особенно уничтоженіе внутреннихъ таможенъ, задерживавшихъ развитіе русской торговли, его несомнѣнныя заслуги по снабженію и экипировкѣ русской арміи въ Семилѣтнюю войну стоятъ внѣ сомнѣнія. Но даже въ то время, когда почти никто изъ администраторовъ не считалъ грѣхомъ извлекать изъ ввѣреннаго ему дѣла собственныя выгоды, Петръ Ивановичъ выдѣлился изъ среды современниковъ и стяжалъ себѣ прочную репутацію одного изъ самыхъ удивительныхъ казнокрадовъ и взяточниковъ XVIII ст. Онъ умѣлъ извлекать барыши изъ всего. Онъ бралъ откупы, наживался на перечеканкѣ монеты, сумѣлъ получить громадныя богатыя рудами земли на Уралѣ; онъ не брезговалъ и подарками и взятками отъ частныхъ лицъ. Провинціальный симбирскій воевода Ходыревъ, вымогатель, взяточникъ и лихоимецъ, почти уже уличенный во множествѣ злоупотребленій, старается отвлечь отъ себя грозящую бѣду въ видѣ назначенія слѣдствія и хлопочетъ въ Петербургѣ черезъ общихъ съ Шуваловымъ родственниковъ. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ его переписки, рисующихъ отношеніе П. И. Шувалова къ человѣку, истинную цѣну котораго онъ не могъ не знать. «Человѣкъ твой и разсыльщикъ сюда пріѣхали,—пишетъ Ходыреву его ходатай, камеръ-юнкеръ А. А. Хитрово,—донесеніе и челобитную я въ Сенатъ подалъ, притомъ, сколько было, всѣхъ просилъ; Петръ Ивановичъ старается вамъ служить»... Далѣе слѣдуетъ приписка жены автора письма, сестры Шувалова, съ благодарностью за какую-то присылку и съ обѣщаніемъ «просить брата». «Многіе сенаторы тебя винили, а когда пріѣхалъ шуринъ мой Петръ Ивановичъ, какъ для моей и жениной просьбы, а больше какъ доброй совѣсти человѣкъ и любящій честь и дворянство, то разсуждали, что хотя ты по слѣдствію виноватъ найдешься, но для прежде заслуженной чести, которую ты черезъ много служа получилъ, дать тебѣ преимущество; наконецъ, по многимъ спорамъ склонились на разсужденіе Петра Ивановича и такъ сдѣлали, какъ слышу: товарища твоего отрѣшить отъ дѣлъ, а секретаря сковать» — и тотъ и другой были врагами воеводы. «Вы извольте благодарить Петра Ивановича, онъ сильно за васъ вступился, и письмо ему написавъ, извольте ко мнѣ прислать, я его отдамъ. Хотя онъ по просьбамъ моимъ то дѣлалъ, однако, какъ вспомнилъ то, что дворянинъ и офицеръ отъ проклятаго сѣмени (т.-е. отъ писавшихъ доносъ приказныхъ) терпѣть долженъ». Можно, пожалуй, подумать, что П. И. Шуваловъ безкорыстно старается для родственниковъ и для бѣднаго преслѣдуемаго дворянина; но это было совсѣмъ не такъ. Черезъ одолжаемаго симбирскаго воеводу и самъ Петръ Ивановичъ и вся шуваловская родня получали съ

Волги рыбу, а изъ Астрахани—виноградъ и другіе подарки. «Присланное, — пишетъ Хитрово, — я къ Петру Ивановичу отослалъ, а Маврѣ Егоровнѣ коробку отъ васъ отдалъ, за что велѣно благодарить». А что за «рыбу» получалъ Шуваловъ, видно изъ позднѣйшаго критическаго примѣчанія къ письму, сдѣланнаго сенатскимъ слѣдователемъ: «можно быть хорошей рыбѣ для того, что въ узлу прислано серебра пуда съ два и больше». Впрочемъ, старая дружба государыни и дѣятельная поддержка Мавры Егоровны всегда спасали Шувалова отъ всякихъ непріятностей; его звѣзда стояла высоко до его смерти, послѣдовавшей въ самомъ началѣ 1762 года. Рядомъ съ новыми, молодыми дѣятелями, вышедшими изъ двора цесаревны, стали и нѣкоторые старые дѣльцы, знавшіе и помнившіе еще Петра Великаго, по крайней мѣрѣ, при немъ начавшіе службу. Здѣсь первое мѣсто безспорно принадлежитъ канцлеру графу Алексѣю Петровичу Бестужеву-Рюмину. Бестужевъ «былъ головою, двумя, выше всѣхъ Шуваловыхъ, выше вице-канцлера Воронцова, выше всѣхъ русскихъ царедворцевъ и иностранныхъ представителей, толпившихся при дворѣ Елизаветы Петровны», — вотъ отзывъ о немъ современнаго намъ историка. «Человѣкъ умный, черезъ долгую привычку искусный въ политическихъ дѣлахъ, любитель государственной пользы», — таковъ отзывъ современника о его положительныхъ качествахъ. Представитель Россіи за границей еще при Петрѣ, Бестужевъ испыталъ временную опалу при Аннѣ, затѣмъ сумѣлъ сблизиться съ Бирономъ и послѣ паденія и казни Волынскаго получилъ мѣсто кабинетъ-министра. Его новое паденіе и ссылка, которыя ему пришлось испытать вмѣстѣ съ Бирономъ въ 1740 году, были для него залогомъ успѣха при новыхъ порядкахъ. И дѣйствительно, съ первыхъ дней правленія Елизаветы въ теченіе шестнадцати лѣтъ онъ твердою рукою ведетъ сношенія Россіи съ иностранными государствами, пока неосторожное желаніе повліять на престолонаслѣдіе и ошибочный расчетъ на смерть императрицы во время ея первой тяжелой болѣзни не привели Бестужева къ новой ссылкѣ въ подмосковное село Горетово. Уже этотъ бѣглый взглядъ на его прошлое показываетъ, что на ряду съ умомъ и способностями, которые въ немъ признавались всѣми, Бестужевъ былъ большимъ интриганомъ, умѣвшимъ обходить многіе изъ подводныхъ камней придворной и политической жизни двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Среди сотрудниковъ Елизаветы онъ стоялъ одиноко: молодые дѣятели, Воронцовы и Шуваловы, были его врагами, и только его искусство и ловкость давали ему возможность долгое время выигрывать серьезную и нерѣдко опасную борьбу, которую онъ принужденъ былъ вести. Бестужеву ставятъ въ вину то, что онъ получалъ субсидіи отъ иностранныхъ державъ, союзъ съ которыми онъ отстаивалъ. Но даже тѣ историки Елизаветинскаго царствованія, которыхъ менѣе всего можно заподозрить въ сочувствіи къ канцлеру, при-

нуждены признать, что, получая денежные подарки—проще было бы сказать взятки—отъ представителей враждебныхъ между собою державъ, изъ которыхъ каждая старалась заручиться его содѣйствіемъ, Бестужевъ все же принималъ рѣшенія и дѣйствовалъ, какъ этого требовали въ данный моментъ интересы его страны, такъ что обвинять канцлера можно не въ продажности, а въ жадности и неразборчивости въ средствахъ къ ея удовлетворенію.

Изъ петровскихъ дѣятелей молодого поколѣнія, игравшихъ нѣкоторую роль при Елизаветѣ, можно назвать еще генералъ-прокурора и генералъ-фельдмаршала, князя Никиту Юрьевича Трубецкого, но тѣнь, въ которой неизмѣнно оставалась при Елизаветѣ возстановленная должность генералъ-прокурора, показываетъ, что ни кн. Трубецкой, болѣе извѣстный своими интригами, ни его преемникъ, прямодушный и честный кн. Яковъ Петровичъ Шаховской, не отличались особенными талантами и не сумѣли придать должности генералъ-прокурора того блеска, которымъ она сіяла при Ягужинскомъ и позднѣе при князѣ Вяземскомъ; могъ бы сдѣлать это, пожалуй, послѣдній генералъ-прокуроръ Елизаветинскаго времени, А. И. Глѣбовъ, кажется, превзошедшій взяточничествомъ и казнокрадствомъ самого П. И. Шувалова, но онъ всѣ свои способности направилъ на личное обогащеніе.

Какъ это ни странно, но Елизаветинское царствованіе, во время котораго Россіи суждено было побѣдить лучшаго европейскаго полководца XVIII вѣка — Фридриха Великаго, не выдвинуло ни одного военнаго вождя, котораго можно было бы сравнить съ Шереметевымъ, Меншиковымъ, Голицынымъ, съ Румянцевымъ и Суворовымъ. Въ первую изъ двухъ войнъ, которыя вела Елизавета, шведскую, русскими войсками командовали иностранцы, Лесси и Кейтъ — наслѣдіе предыдущаго режима. Лесси потомъ до самой смерти начальствовалъ въ Лифляндіи, Кейтъ перешелъ въ прусскую службу. Вожди русскихъ войскъ въ Семилѣтнюю войну, за исключеніемъ Фермора, были русскіе люди; и Апраксинъ, и Салтыковъ, и Бутурлинъ начали свою дѣятельность еще при Петрѣ, и за плечами у нихъ была долгая и не совсѣмъ безполезная дѣятельность. Гроссъ-Эгерсдорфъ и Кунерсдорфъ съ полнымъ правомъ считаются въ исторіи русской арміи днями, полными славы, но стратегія русскихъ полководцевъ, дѣйствовавшихъ противъ Фридриха, была невысокой пробы, и блестящіе успѣхи, которые они одерживали, объясняются частію случайностями, частью высокими качествами солдатъ.

Внутренняя областная администрація Елизаветинскаго времени еще бѣднѣе именами. За исключеніемъ двухъ петровскихъ сподвижниковъ—знаменитаго колонизатора и устроителя Оренбургскаго края Неплюева да, пожалуй, сибирскаго губернатора Соймонова, бывшаго сенатскаго оберъ-прокурора, пострадавшаго въ

дѣлѣ Волынскаго, назвать почти некого въ сѣромъ морѣ безчисленныхъ и безразличныхъ именъ областныхъ правителей.

Вглядываясь въ общій обликъ сотрудниковъ Елизаветы и дѣятелей ея царствованія, нельзя не признать, что ихъ общій составъ далеко не былъ выдающимся; за исключеніемъ трехъ-четырехъ—П. И. и И. И. Шуваловыхъ, Бестужева да, пожалуй, Неплюева—всѣ остальные не возвышались надъ уровнемъ посредственности. Елизавета Петровна не обладала даромъ, свойственнымъ нѣкоторымъ правителямъ, выбирать людей. Лѣнивая къ дѣламъ она дорожила привычными лицами, появившимися вокругъ нея не по выбору, а по разнымъ случайнымъ обстоятельствамъ, и держалась ихъ, пока только позволяли обстоятельства. Мѣнять сотрудниковъ она не любила, и этимъ, быть-можетъ, объясняется, почему при ней долго могли уживаться вмѣстѣ такіе враги, какими сдѣлались въ пятидесятыхъ годахъ Бестужевъ и Шуваловы съ Воронцовыми. И все-таки, несмотря на это, ея царствованіе не лишено было блеска, въ особенности въ области внѣшней политики и войны.

Международныя отношенія Россіи при Елизаветѣ Петровнѣ вытекали изъ того коренного факта, что Россія была признаннымъ членомъ всѣхъ сложныхъ, колеблющихся и постоянно измѣняющихся комбинацій, которыми европейская дипломатія обезпечивала такъ называемое европейское равновѣсіе. То, что намѣчалось еще со времени смуты, когда на Московское государство стали мало-по-малу смотрѣть какъ на возможнаго фактора европейской политики, сдѣлалось совершившимся фактомъ, съ тѣхъ поръ, какъ Полтавская «викторія» и труды Петра Великаго пріобщили Россію къ «обществу политичныхъ народовъ». Какъ часто ни мѣнялись правительства послѣ Петра, какъ ни падало Петровское дѣло, участіе Россіи въ международной европейской политикѣ было постояннымъ и обусловливалось не столько дѣйствительными потребностями самой Россіи въ политическихъ союзахъ, сколько тѣмъ, что къ борьбѣ за первенство, прикрываемой призракомъ равновѣсія, разныя европейскія державы старались привлечь страну, военное значеніе которой было засвидѣтельствовано Великой Сѣверной войной.

Международное положеніе Россіи въ моментъ вступленія на престолъ Елизаветы въ значительной степени покоилось на успѣвшихъ уже сложиться традиціяхъ. Такъ, традиціонною была дружба съ Англіей и нерасположеніе къ Франціи, связанной давнишними узами дипломатической дружбы съ историческими соперниками Россіи — Польшей и Швеціей. Не такой давней традиціей была дружба и даже союзъ съ цесаремъ, или, точнѣе сказать, съ Австріей. Зато этотъ союзъ былъ фактическою основой русской внѣшней политики при Аннѣ Іоанновнѣ, и война за польскій престолъ 1733 года, такъ же какъ и совмѣстныя дѣйствія противъ турокъ, успѣли пріучить къ мысли о пользѣ и выгодѣ этого союза. Тради-

ціонную политику дружбы съ Англіей и Австріей поддерживалъ во всю свою дѣятельность и канцлеръ Бестужевъ. Такая оріентировка русской политики колебалась, однако, личнымъ расположеніемъ Елизаветы къ Франціи и желаніемъ ея сблизиться съ этой державой, съ которою ее лично дипломатическіе проекты готовы были связать еще въ дни дѣтства. Внѣ непосредственныхъ симпатій или антипатій оставалась Пруссія. Русско-прусскія отношенія при Елизаветѣ опредѣлились отношеніями между Пруссіей и Австріей. При вступленіи Елизаветы на престолъ общее политическое положеніе Европы было таково: Фридрихъ II дерзкимъ захватомъ Силезіи началъ свои долголѣтнія войны съ Австріей; Франція, вѣковая соперница Австріи, поддерживала Пруссію; она поддерживала въ то же время и Швецію, которая рѣшила воспользоваться ожидаемыми внутренними затрудненіями Россіи и начала съ ней войну. Англія въ этотъ моментъ была на сторонѣ Австріи. Само собою разумѣется, какъ должна была опредѣлиться при такомъ положеніи Европы политика Россіи: Россія, союзная съ Австріей и дружественная съ Англіей, естественно должна была встать въ непріязненныя отношенія къ Пруссіи и Франціи. Въ первые годы, однако, Россія не приняла активнаго участія въ дѣлахъ средней Европы. Удачно закончивъ миромъ въ Або войну со Швеціей, Елизавета не вмѣшалась въ войну за Австрійское наслѣдство, но ея дипломатія дѣлала попытки выступить посредницей между воюющими сторонами и завести болѣе дружественныя отношенія съ Франціей; однако, негибкая и близорукая политика французскаго двора и высокомѣрное отношеніе къ осторожно затронутому вопросу о бракѣ наслѣдника русскаго престола съ дочерью короля Франціи помѣшали желанному для Елизаветы сближенію. Въ дальнѣйшіе годы, когда измѣнялась дипломатическая карта Европы, когда охлаждались франко-прусскія отношенія и между Франціей и Англіей дѣло дошло до войны, стоившей первой индійскихъ и сѣверо-американскихъ ея колоній, политика Россіи, руководимая Бестужевымъ, покоилась на прежнемъ основаніи союза съ Австріей и дружбы съ Англіей; съ Пруссіей отношенія не улучшались, несмотря на нѣкоторыя попытки Фридриха въ этомъ направленіи. Препятствіемъ служили и прочный союзъ съ Австріей, и мелкіе спорные вопросы, напримѣръ, о гренадерахъ-великанахъ, которыхъ Анна презентовала отцу Фридриха, Елизавета требовала обратно, а Фридрихъ не хотѣлъ отдавать, и, наконецъ, личное нерасположеніе къ Фридриху Елизаветы, которой хорошо были извѣстны насмѣшливые и даже оскорбительные отзывы о ней прусскаго короля.

Перемѣна въ отношеніяхъ Франціи къ Пруссіи и Англіи подготовила въ пятидесятыхъ годахъ новую группировку державъ. Пруссія теперь опиралась на Англію, Франція сблизилась со своей прежней соперницей Австріей, которая, вмѣстѣ со старымъ союз-

никомъ, Россіей, и съ новымъ, Франціей, собралась отнимать у Фридриха II захваченныя имъ австрійскія земли. Такъ, игрою дипломатическихъ комбинацій проведено было до нѣкоторой, по крайней мѣрѣ, степени сближеніе Россіи съ Франціей, котораго добивалась сама Елизавета, и рѣшена была война съ Пруссіей, сдѣлавшаяся самымъ крупнымъ и важнымъ фактомъ внѣшней исторіи Елизаветинскаго царствованія. Начало Семилѣтней войны не повлекло за собой полнаго разрыва Россіи съ Англіей; обѣ державы, хотя участвовали во враждебныхъ одна другой политическихъ комбинаціяхъ, не прекратили сношеній и не считались ведущими между собой войну; но Англіи былъ невыгоденъ союзъ Россіи съ Франціей и вражда съ Пруссіей, и въ Лондонѣ очень внимательно относились къ тому, что происходило во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ въ Петербургѣ, и близко интересовались всѣмъ тѣмъ, что касалось вопроса о возможной близости кончины Елизаветы и, слѣдовательно, судьбы русскаго престола.

Таковы факты внѣшней исторіи Елизаветинскаго царствованія; изъ краткаго ихъ обзора ясно, какимъ дѣятельнымъ членомъ европейской дипломатической семьи была Россія того времени. Но неужели елизаветинскіе дипломаты цѣною крови русскаго солдата отстаивали только одно европейское равновѣсіе? Не совсѣмъ такъ. Конечно, жизнь солдата въ ихъ глазахъ большой цѣны не имѣла, но этого нельзя сказать объ интересахъ страны, какъ ихъ понимали тогда по крайней мѣрѣ. Ихъ понимали просто и грубо, и результатомъ удачной войны считали пріобрѣтеніе новыхъ территорій, которыя или имѣли военно-стратегическое значеніе или должны были стать источникомъ денежнаго дохода для государственной казны. Шведская война принесла Россіи западную часть нынѣшней Выборгской губерніи, такъ называемую Кюменегорскую провинцію. Новое пріобрѣтеніе отодвинуло государственную границу отъ Петербурга и обезопасило созданіе Петра Великаго; заключенный въ Або трактатъ обслуживалъ интересы Россіи именно такъ, какъ ихъ понималъ бы царь Петръ. Семилѣтняя война доставила Россіи Пруссію съ Кенигсбергомъ; мы не можемъ, конечно, говорить о томъ, какую судьбу имѣло бы это завоеваніе, если бы Елизавета прожила еще нѣсколько лѣтъ и война завершилась бы разгромомъ Пруссіи, отъ котораго ее спасъ Петръ III. Удержала ли бы Россія Прибалтійскія земли, вкрапленныя въ польскія территоріи и отдѣленныя отъ имперіи Курляндіей и Литвой, или онѣ послужили бы предметомъ выгоднаго торга съ Речью Посполитой или съ инымъ какимъ-нибудь государствомъ, — разсуждать объ этомъ не приходится, но Пруссію русскіе занимали прочно нѣсколько лѣтъ, и во всякомъ случаѣ обладаніе новой провинціей съ высшей культурой и большей зажиточностью, чѣмъ земли имперіи, могло представить большія финансовыя выгоды. Участвуя въ дипломатическихъ кампаніяхъ и отваживаясь на участіе въ войнахъ въ средней Европѣ, гдѣ до тѣхъ поръ

русскія войска появлялись только въ шведскихъ владѣніяхъ по южному побережью Балтійскаго моря, елизаветинскіе дипломаты, какъ, впрочемъ, и дипломаты Петровскаго и Екатерининскаго времени, старались урвать кусокъ и для своей страны; качество куска могло быть различно, ихъ виды и планы могутъ теперь казаться неправильными; но они рѣдко отрѣшались отъ мысли, что за свое участіе въ извѣстномъ предпріятіи страна, интересы которой они призваны были оберегать, должна получить вознагражденіе, и въ этомъ они, несмотря на часто ставившійся имъ упрекъ въ продажности, выгодно отличаются отъ болѣе тонкихъ и неподкупныхъ русскихъ дипломатовъ XIX столѣтія, безкорыстіе которыхъ нерѣдко простиралось до полнаго забвенія интересовъ Россіи, до затраты русской крови и денегъ на дѣла, не только Россіи чуждыя, но и прямо ей вредныя. Говоря о дипломатіи Елизаветинскаго царствованія, мы должны были не разъ говорить и о стремленіяхъ и желаніяхъ самой императрицы въ этой области; это не преувеличеніе: подобно всѣмъ государямъ того времени, когда иностранныя дѣла считались неизмѣримо важнѣе, чѣмъ дѣла внутреннія, Елизавета, несмотря на свою лѣнь и любовь къ удовольствіямъ, не всегда, можетъ-быть, прилежно, но все же подчасъ энергично занималась внѣшними дѣлами и въ своемъ отношеніи къ интересамъ Россіи она не стоитъ позади офиціальныхъ руководителей своей иностранной политики.

Къ концу пятидесятыхъ годовъ иностранная политика Елизаветы доставила Россіи значительныя территоріальныя пріобрѣтенія; Россія стала еще болѣе виднымъ и цѣнимымъ дѣятелемъ международной европейской политики, чѣмъ до воцаренія Елизаветы Петровны, и блескъ этой стороны ея царствованія не подлежитъ сомнѣнію и не потускнѣлъ отъ времени.

Не однимъ, однако, дипломатамъ обязана была Елизавета Петровна этимъ блескомъ; ей помогали въ этомъ ея войска, пріобрѣвшія себѣ немало славы на поляхъ Германіи и показавшія Европѣ не только свои недостатки, но и свои высокія качества. Мы уже говорили выше, что главнокомандующіе русскіе далеко не всегда были на высотѣ своего положенія; да и обо всемъ высшемъ командномъ составѣ можно сказать, что онъ былъ такимъ же, какимъ, за немногими блестящими исключеніями, онъ остался и до нашего времени. Однако ни ограниченность Апраксина послѣ Эгерсдорфа, ни тупость Фермора при Цорндорфѣ, ни неумѣніе Салтыкова воспользоваться плодами Кунерсдорфа, ни стратегическая безпомощность Бутурлина, не могли стереть впечатлѣнія отъ изумительныхъ качествъ русскаго солдата, которыми горячо и искренно восхищался великій Фридрихъ въ самые тяжелые и трудные моменты войны, когда доблесть русскаго солдата ставила его, казалось, въ безвыходное положеніе.

Внутренняя исторія Елизаветинскаго царствованія далеко не такъ блестяща, какъ внѣшняя исторія Россіи того времени. Внутреннія дѣла стояли на заднемъ планѣ въ общемъ распорядкѣ правительственныхъ дѣлъ, и сама императрица, находившая время для того, чтобы удѣлять свое вниманіе сношеніямъ съ иностранными державами, почти не прикасалась къ дѣламъ внутренняго управленія, оставляя ихъ въ сущности на произволъ судьбы.

Переворотъ 1741 года, какъ мы уже говорили, долженъ былъ стать началомъ реакціи противъ режима 1730 — 1740 годовъ; онъ и былъ имъ, поскольку дѣло шло о господствѣ нѣмцевъ при дворѣ, въ гвардіи, въ вопросахъ высшей политики. Правда, сдѣланы были и кое-какія другія попытки воскресить строй внутренняго управленія, созданный когда-то Петромъ Великимъ. Былъ уничтоженъ кабинетъ въ томъ видѣ, какъ онъ сложился при Аннѣ Іоанновнѣ, сенату было возвращено его первенствующее значеніе, возстановленъ былъ петровскій прокурорскій надзоръ и петровская организація муниципіальнаго управленія; но этими внѣшними, формальными перемѣнами и ограничилось стремленіе возвратиться къ порядкамъ Петра Великаго. Въ исправленные старые мѣхи не влили новаго вина, и возстановленныя петровскія учрежденія не направлялъ къ дѣятельной работѣ такой же могучій духъ, какой вызвалъ ихъ къ жизни. Съ паденіемъ Остермана исчезъ послѣдній представитель бюрократическаго строя, насаждавшагося Петромъ въ послѣдніе годы жизни. Сама императрица не интересовалась ходомъ дѣлъ, и они попали всецѣло въ руки ея сотрудниковъ. Всѣ эти сотрудники безъ исключенія принадлежали къ «благородному россійскому шляхетству», тому самому, которое въ 1730 году мечтало о предоставленіи ему участія въ управленіи государствомъ. И вотъ въ царствованіе хотя и вполнѣ самодержавной, но почти не вмѣшивавшейся въ дѣла внутренняго правленія государыни, дворяне, занимавшіе всѣ мѣста по администраціи, не воскрешаютъ петровскихъ мечтаній о полицейскомъ государствѣ съ неограниченной властью монарха, осуществляемою безсословной бюрократіей, но ведутъ управленіе преимущественно въ интересахъ своего господствующаго сословія, частично, но, можетъ-быть, гораздо болѣе успѣшно, осуществляя на практикѣ тѣ идеалы, которые въ теоретическихъ формулахъ рисовались представителямъ шляхетства въ 1730 году. При мягкой Елизаветѣ это оказалось болѣе легкимъ дѣломъ, нежели при властной и жестокой Аннѣ. Такъ опредѣлился общій характеръ внутренней политики царствованія Елизаветы. Ея основная черта — осуществленіе интересовъ безраздѣльно господствовавшаго дворянства, къ которому присоединилась традиціонная необходимость заботиться о пополненіи государственной казны средствами, достаточными для содержанія правительства и вооруженныхъ силъ страны.

Начнемъ со взгляда на финансы Елизаветы Петровны. Извѣстно, какихъ громадныхъ трудовъ стоило Петру Великому поднять трехмилліонный бюджетъ, которымъ онъ располагалъ въ 1709—1710 гг., до десяти милліоновъ, да и то, когда его доходы въ концѣ царствованія достигли этой большой по тому времени цифры, до 20% оставалось въ доимкѣ и въ 1724 г. дѣйствительныхъ поступленій было только съ небольшимъ восемь милліоновъ; финансовое положеніе при Аннѣ Іоанновнѣ было едва ли не болѣе тяжелымъ, чѣмъ при Петрѣ,—между тѣмъ въ послѣдній годъ царствованія Елизаветы Петровны бюджетъ государственныхъ доходовъ достигалъ почти восемнадцати милліоновъ рублей. Все это увеличеніе приходится почти полностью на Елизаветинское царствованіе: вторая ревизія увеличила подушный сборъ съ четырехъ милліоновъ, приблизительно, до пяти съ половиной; винный доходъ съ 1724 г. къ 1746 г. возросъ съ 1.370.000 до 4.290.000 рублей, т.-е. ровно втрое, въ той же пропорціи приблизительно возросли соляные сборы; наконецъ, таможенные доходы за тотъ же промежутокъ времени стали давать лишній милліонъ. Ростъ прямыхъ налоговъ еще возможно было бы объяснить увеличеніемъ населенія; но вмѣстѣ съ прямыми росли и косвенные налоги, а кромѣ того, въ Елизаветинское царствованіе доходы собирались гораздо болѣе успѣшно, чѣмъ раньше, и недоимокъ почти не было, кромѣ застарѣлыхъ недоимокъ за двадцатые и тридцатые годы. Это несомнѣнное улучшеніе финансовъ при Елизаветѣ стоитъ въ связи съ двумя причинами. Во-первыхъ, въ этой области ярче, чѣмъ гдѣ бы то ни было, сказался талантъ Петра Ивановича Шувалова, по иниціативѣ котораго были уничтожены внутреннія таможни. До 1754 года каждая купля-продажа должна была быть явлена въ таможнѣ, существовавшей во всякомъ самомъ маленькомъ городкѣ, при чемъ по закону, установленному еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, съ продавца и покупщика брали по 5% стоимости товара; съ 1754 года внутренняя торговля стала совершенно свободной, такъ какъ вмѣстѣ съ внутренними таможенными сборами были уничтожены и нѣкоторые другіе мелкіе сборы, бременемъ ложившіеся на торговлю, напримѣръ, сборы съ мостовъ и перевозовъ; взамѣнъ этого пошлины на товары, ввозимые изъ-за границы, были усилены по такому расчету, чтобы дополнительная пошлина покрыла тѣ потери, какія должна была понести казна отъ уничтоженія всѣхъ внутреннихъ сборовъ. Результаты шуваловской мѣры превзошли всякія ожиданія: отмѣненные внутренніе сборы давали всего только 900.000 рублей въ годъ; между тѣмъ въ 1751—1753 годахъ таможенные сборы съ внѣшней торговли давали въ среднемъ въ годъ 1.295.000 рублей, въ слѣдующіе три года они возвысились до 2.285.000 рублей въ годъ, т.-е. давали 990.000 рублей въ годъ лишку; такимъ образомъ, въ первый же годъ убытокъ отъ отмѣны внутреннихъ таможенныхъ

сборовъ былъ покрытъ съ лихвой. Руководя финансами, Шуваловъ былъ склоненъ извлекать доходы изъ всѣхъ доступныхъ и возможныхъ источниковъ и не мало способствовалъ возвышенію цѣнъ на всѣ статьи, сдававшіяся на откупъ; но эти мѣры нельзя сравнивать съ его таможеннымъ закономъ: законъ этотъ былъ исключительно удачной мѣрой, поднималъ народное благосостояніе, возвышеніе же откупныхъ цѣнъ имѣло въ виду только увеличеніе казенныхъ доходовъ, не считаясь съ состояніемъ народнаго хозяйства.

Но шуваловскія мѣры объясняютъ ростъ прямого обложенія и, главное, уменьшеніе недоимокъ: помимо талантовъ или ловкости елизаветинскихъ дѣльцовъ, общее экономическое состояніе страны стало нѣсколько лучше, чѣмъ ранѣе. Много испытавшій русскій народный организмъ, въ концѣ-концовъ, переболѣлъ и петровскій экономическій кризисъ, какъ онъ въ свое время переболѣлъ разореніе Смутнаго времени. Онъ пережилъ изнуреніе, которое такъ тяжело давало себя чувствовать въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, и около времени воцаренія Елизаветы сталъ понемногу приходить въ равновѣсіе; экономическому исцѣленію способствовалъ и довольно продолжительный миръ, которымъ Россія пользовалась съ 1743 г. до начала Семилѣтней войны. Общее улучшеніе народнаго хозяйства, мало зависѣвшее отъ дѣятельности елизаветинскихъ министровъ, и было главной причиной нѣкоторыхъ успѣховъ, достигнутыхъ въ это время въ государственномъ хозяйствѣ.

Преобладающее вліяніе, которое дворянское сословіе получило на внутреннюю политику при Елизаветѣ Петровнѣ, происходило не только отъ того, что при ней было легче осуществлять нѣкоторыя изъ мечтаній 1730 года. Вѣдь и мечтанія эти были ничѣмъ инымъ, какъ фазами вѣкового процесса, которымъ дворянство, созданное московскими царями XVI вѣка въ видѣ военной силы, предназначенной для защиты страны отъ внѣшнихъ враговъ, постепенно завоевывало себѣ полное и нераздѣльное господство въ странѣ. Оно смѣнило старое боярство, стершееся въ борьбѣ съ царскою властью, оно завоевало себѣ землю и трудъ, эту землю обрабатывавшій, и, пріобрѣтя матеріальную силу, принялось въ XVIII столѣтіи освобождать себя отъ обязательной службы и упрочивать свое политическое господство. Эпоха Елизаветы представляла особенно благопріятныя для этого условія. Въ этой области мы не найдемъ слѣдовъ сознательной политики правящихъ сферъ, но при отсутствіи сдерживающей силы наверху и при поголовно дворянскомъ характерѣ всей администраціи, дальнѣйшіе успѣхи дворянства облегчались значительно. Все внутреннее законодательство Елизаветы и общественная жизнь ея времени отражаютъ на себѣ процессъ завоеванія дворянствомъ первенствующаго и вліятельнаго положенія въ странѣ.

Постепенное освобожденіе отъ обязательной службы уже успѣло достигнуть положительныхъ результатовъ до воцаренія Ели-

заветы Петровны: служба уже была ограничена 25 годами, а распространившійся обычай записывать дворянъ въ службу съ колыбели сократилъ ее еще болѣе. При Елизаветѣ установившіяся уже льготы не только не были уничтожены, но за ними послѣдовали новыя. Въ длинный промежутокъ внѣшняго мира были разрѣшаемы чрезвычайно льготные и долговременные отпуски со службы, такъ быстро укоренившіеся и вошедшіе въ привычку, что въ 1756 — 1757 годахъ понадобилось чуть ли не силой высылать въ армію зажившихся дома офицеровъ. Низшая областная администрація, преимущественно избираемая изъ мѣстныхъ дворянъ, добилась безсрочности занятія должностей воеводъ, что дѣлало ее менѣе зависимой отъ правительства и давало возможность считать свое положеніе болѣе прочнымъ. Сфера государственной службы, которую Петръ хотѣлъ сдѣлать безсословной, все болѣе и болѣе становилась исключительной привилегіей дворянства, и даже среднія ступени приказной службы, каковы мѣста секретарей губернскихъ и провинціальныхъ канцелярій, занимались по преимуществу мелкими дворянами. Въ пятидесятыхъ годахъ въ высшихъ дворянскихъ сферахъ, группировавшихся вокругъ сената, былъ рѣшенъ вопросъ объ окончательномъ освобожденіи дворянъ отъ обязательной службы и подготовленъ матеріалъ для соотвѣтствующаго закона, который только случайно изданъ былъ не при Елизаветѣ, а при ея мимолетномъ преемникѣ. Не меньшіе успѣхи сдѣлало и дальнѣйшее завоеваніе дворянами земли и крестьянскаго труда. Ненавистный законъ объ единонаслѣдіи былъ отмѣненъ еще Анной, при Елизаветѣ право владѣнія землей становилось исключительно привилегіей дворянъ. Тенденція эта проводилась настолько энергично, что издаваемые законы получали даже обратную силу, и не дворяне лишались уже принадлежавшихъ имъ клочковъ земли. Щедрая раздача земель лейбъ-кампаніи, составленной изъ солдатъ и офицеровъ, фактически участвовавшихъ въ переворотѣ 25 ноября, фаворитамъ, ихъ родственникамъ, заслуженнымъ и незаслуженнымъ государственнымъ дѣятелямъ, значительно распространила вширь крѣпостное право, а законъ 1760 года, давшій помѣщикамъ право ссылать своихъ крѣпостныхъ на поселеніе въ Сибирь съ зачетомъ ихъ въ рекруты, увѣнчалъ собою рядъ отдѣльныхъ мѣръ, способствовавшихъ развитію права помѣщиковъ надъ личностью крестьянина.

Развитію сословныхъ правъ и привилегій дворянства соотвѣтствовало сосредоточеніе въ его рукахъ всего управленія страною — центральнаго и мѣстнаго. Люди, близко стоявшіе къ власти при Елизаветѣ, были исключительно дворяне, и разночинцамъ, въ родѣ Курбатова, Ершова и другихъ, сумѣвшихъ при Петрѣ добиться виднаго положенія, при Елизаветѣ мѣста на службѣ не было. Въ этой области фактъ преобладалъ надъ правомъ. Особыхъ законовъ, кромѣ помянутыхъ выше законовъ о дворян-

ской службѣ, не издавалось, да Елизавета бы сама на это не пошла. Но такихъ законовъ и не надо было издавать; безучастное отношеніе императрицы къ вопросамъ внутренняго управленія съ одной стороны, дворянскій сенатъ и дворянская гвардія съ другой, фактически обезпечивали господство дворянства въ столицѣ, а дворянскій характеръ областной администраціи обезпечивалъ его въ провинціи. Увѣренность въ своемъ господствѣ, отсутствіе какого-либо соперничества за власть влекли послѣдствія, едва ли съ точки зрѣнія блага страны желательныя. Елизаветинское время не безъ основанія считается временемъ наибольшаго упадка и разнузданности областной администраціи. Провинившихся,—болѣе того, совершившихъ преступленіе — правителей не казнили, какъ при Петрѣ и при Аннѣ, и не шельмовали, какъ это было изрѣдка при Екатеринѣ II. Пониженіе чиномъ, отрѣшеніе отъ должности—вотъ тягчайшія наказанія Елизаветинскаго времени. У самыхъ отъявленныхъ мошенниковъ находились въ столицѣ заступники, оберегавшіе ихъ дворянскую честь, а каковы были эти заступники и насколько безкорыстно они дѣйствовали, мы видѣли на примѣрѣ воеводы Ходырева и шуваловской семьи. Безчинствовали не одни областные администраторы, безчинствовали свободнѣе, чѣмъ до этого времени и послѣ него, всѣ, кто чувствовалъ за собою властную руку помощи. Лейбъ-кампанцы грабили въ Москвѣ купеческіе дома, а гвардейскіе офицеры и солдаты, пріѣзжая въ отпускъ, грабили по большимъ дорогамъ; измайловцы братья Ракитины, напримѣръ, наводили страхъ по дорогѣ изъ Москвы въ Рязань.

Таково было внутреннее состояніе имперіи при Елизаветѣ. Сравнительно благопріятное въ финансовомъ отношеніи, оно во всѣхъ остальныхъ едва ли можетъ считаться удовлетворительнымъ. Впрочемъ, вина за всѣ отмѣченные сейчасъ недуги лежитъ едва ли на одномъ только равнодушіи и невмѣшательствѣ императрицы, и едва ли добрую барыню можно слишкомъ винить за то, что она распустила своихъ слугъ. Какъ мы уже сказали, завоеваніе дворянствомъ политическаго господства началось до Елизаветы и продолжалось послѣ нея. Прилагая къ явленіямъ прошлаго современныя идеи всеобщаго равенства, можно, конечно, съ антипатіей относиться къ чрезмѣрному преобладанію одного сословія надъ другимъ; но смотря на такое преобладаніе съ исторической точки зрѣнія, мы не найдемъ въ немъ ничего изъ ряда вонъ выходящаго: большинство государствъ Европы пережили въ той или другой формѣ періодъ исключительнаго господства служилаго сословія, и Россія только шла по дорогѣ, проложенной ея старшими историческими спутниками; на пассивъ слишкомъ инертной государыни приходится отнести лишь нѣкоторыя черты излишней разнузданности, проявленныя въ ея время отдѣльными представителями господствовавшей соціальной группы.

Настоящая русская барыня, со всѣми ея типичными достоинствами и недостатками, Елизавета Петровна, занявъ престолъ своихъ предковъ, возвратила національно-русскому элементу то значеніе, которое онъ долженъ былъ занимать въ русской землѣ и въ русскомъ государствѣ, но которое умалено было въ два предшествующихъ царствованія. Въ этомъ она, дѣйствительно, воскресила Петровскій порядокъ. Она успѣшно шла по стопамъ своего великаго отца въ дѣлахъ внѣшнихъ, хотя справедливость требуетъ сказать, что въ своей иностранной политикѣ и Анна Іоанновна съ своимъ вице-канцлеромъ Остерманомъ менѣе всего уклонялась отъ завѣтовъ Преобразователя. Но въ дѣлахъ внутренняго управленія Елизавета Петровна не въ силахъ была поднять на свои плечи наслѣдія Петра Великаго; въ дѣлахъ внутренняго управленія ея царствованіе — время тишины и застоя, отличавшагося не только отсутствіемъ творческаго начала, но и небольшимъ объемомъ самой законодательной работы. Во внутреннихъ дѣлахъ время реакціи, наступившее со смертью Петра, закончилось только съ началомъ умѣренно-реформаторской дѣятельности Екатерины II въ первую половину ея царствованія. Но въ исторіи всякой реакціи есть моментъ, когда ставится вопросъ, не пора ли возвратиться къ брошенному пути, не пора ли воскресить лучшіе завѣты прошлаго? При воцареніи Елизаветы вопросъ этотъ былъ поставленъ съ большей широтой и опредѣленностью, чѣмъ одиннадцать лѣтъ до этого, при воцареніи ея двоюродной сестры. Для Елизаветы Петровны царствованіе и дѣятельность ея отца были идеаломъ: въ этомъ заключается положительное значеніе ея царствованія, хотя по складу своего характера она и не въ силахъ была направить свою дѣятельность на продолженіе и развитіе всѣхъ Петровскихъ начинаній.

Императоръ Петръ III Θеодоровичъ.

1728—1762.

(Съ оригинала, находящагося въ Романовской галлереѣ Зимняго Дворца.)

ИМПЕРАТОРЪ
Петръ III Ѳеодоровичъ.

(1728—1761—1762).

Императоръ Петръ III Ѳеодоровичъ родился 10 февраля (ст. ст.) 1728 г. въ г. Килѣ въ Голштиніи; его отецъ, герцогъ Карлъ-Фридрихъ, былъ сыномъ сестры Карла XII, его мать, Анна Петровна, — старшею дочерью Петра Великаго отъ второго брака. Мать скончалась черезъ три мѣсяца послѣ появленія на свѣтъ ребенка. Отъ рожденія слабый, онъ росъ сначала на рукахъ многочисленныхъ нянекъ, а когда ему исполнилось семь лѣтъ, отецъ назначилъ его унтеръ-офицеромъ и самъ занялся его воспитаніемъ. При дворѣ Карла-Фридриха интересовались только военнымъ дѣломъ, и на всю жизнь оно осталось единственнымъ, доступнымъ Петру Ѳеодоровичу, интересомъ; какъ одинъ изъ самыхъ счастливыхъ моментовъ своего дѣтства онъ вспоминалъ производство свое въ секундъ-лейтенанты въ день празднованія его рожденія въ 1736 году. Фридрихъ-Карлъ полагалъ, что его сыну не нужны никакія познанія, кромѣ свѣдѣній по военному дѣлу, да латинскаго языка, который онъ считалъ необходимымъ для нѣмецкаго принца, и молодого Петра Ѳеодоровича учили латыни. Изъ этихъ занятій онъ не вынесъ почти ничего, но возненавидѣлъ этотъ языкъ. Ничему больше его не учили, такъ что когда онъ привезенъ былъ въ Россію, то невѣжество его удивило даже Елизавету Петровну, которая обладала большимъ умомъ, но образованіе получила болѣе, чѣмъ посредственное. Петръ Ѳеодоровичъ, кромѣ права наслѣдовать свое голштинское герцогство, имѣлъ еще права на престолъ шведскій и русскій. Сначала его учили русскому языку и православному катихизису. Но когда стало извѣстно, что Анна Іоанновна озаботилась укрѣпленіемъ русскаго престола за потомствомъ своего отца и самымъ недоброжелательнымъ образомъ относится къ потомству Петра Великаго, то Петра Ѳеодоровича стали

учить шведскому языку и протестантскому катихизису; въ результатѣ, онъ не зналъ ни по-шведски, ни по-русски, ко всякой религіи, выросши, былъ совершенно равнодушенъ. Въ 1738 году Карлъ-Фридрихъ умеръ; Петръ Ѳеодоровичъ сталъ герцогомъ голштинскимъ; дѣлами, за его малолѣтствомъ, управлялъ его дядя, пр. Адольфъ, воспитаніе же герцога было ввѣрено оберъ-гофмаршалу Брюммеру. Молодой принцъ былъ очень не щедро одаренъ природой, а о развитіи и тѣхъ способностей, которыя можно было раскрыть въ немъ, почти не позаботились. Ребенокъ росъ въ самыхъ незавидныхъ условіяхъ; онъ не имѣлъ сколько-нибудь удовлетворительныхъ учителей, не было у него и товарищей; за всякія провинности его, согласно тогдашнимъ педагогическимъ пріемамъ, подвергали суровымъ наказаніямъ.

25 ноября 1741 г. вступила на престолъ императрица Елизавета Петровна — и въ декабрѣ въ Киль прибыли русскій посолъ въ Даніи, баронъ І. А. Корфъ, и майоръ русской службы, Н. А. Корфъ, женатый на двоюродной сестрѣ императрицы Елизаветы; имъ поручено было увезти въ Россію голштинскаго принца, родного племянника императрицы. Это надо было исполнить втайнѣ и съ большими предосторожностями, потому что можно было опасаться, чтобы не произведено было покушенія если не на жизнь, то на свободу племянника императрицы со стороны Брауншвейгской фамиліи, представитель которой былъ только что низведенъ Елизаветою съ русскаго престола и содержался вмѣстѣ со своими родителями въ заточеніи. Къ великой радости Елизаветы Петровны, ея племянникъ 5 февраля 1742 г. благополучно прибылъ въ Петербургъ; съ радостью встрѣтилъ внука Петра Великаго и народъ. Молодой принцъ сопровождалъ Елизавету Петровну въ Москву на коронацію, состоявшуюся 25 апрѣля 1742 г., 17 ноября 1742 г. былъ въ Москвѣ же присоединенъ къ православію и объявленъ наслѣдникомъ русскаго престола. Въ декабрѣ прибыли послы изъ Швеціи, съ сообщеніемъ, что Петръ Ѳеодоровичъ избранъ въ короли шведскіе; какъ принявшій уже православіе, онъ не могъ занять шведскаго престола, объ отреченіи же отъ православной вѣры, конечно, не могло быть и рѣчи, и шведскій престолъ занялъ пр. Адольфъ, дядя Петра Ѳеодоровича, администраторъ Голштиніи.

Императрица Елизавета позаботилась, сколько умѣла, объ образованіи наслѣдника; академику Штелину поручено было «занимать его полезно и пріятно». Ученіе продолжалось всего съ лѣта 1742 г. по весну 1745 г. и не дало значительныхъ плодовъ. Научныя занятія почитались дѣломъ далеко не важнымъ, пожалуй, даже послѣднимъ; правильный ходъ ученіи постоянно нарушался выходами, пріемами и т. п.; даже уроки танцевъ и музыки ставились выше, чѣмъ занятія общеобразовательными предметами; иногда по прихоти оберъ-гофмаршала Брюммера, уроки

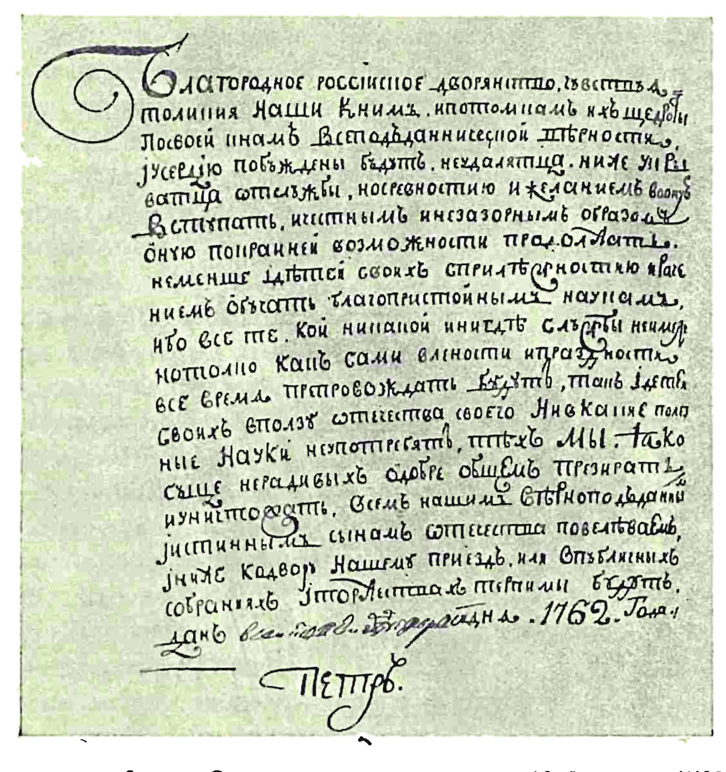
отмѣнялись и просто для катанья по городу. Штелинъ преподавалъ великому князю всѣ предметы, за исключеніемъ закона Божія и русскаго языка, которымъ учили его Симонъ Тодорскій и Авраамъ Веселовскій. Великій князь обнаруживалъ способности менѣе чѣмъ среднія; усвоить что-либо онъ могъ только при непремѣнномъ условіи, чтобы преподаваніе было связано съ видимымъ, осязаемымъ — такъ, исторію ему преподавали, показывая медали; чтобы онъ могъ сосредоточить вниманіе на преподаваніи математики или начальной механики, было необходимо дать ему геометрическія тѣла, модели машинъ, движущіяся куклы и т. д. Единственно, что до нѣкоторой степени занимало Петра Ѳеодоровича, были уроки фортификаціи — потому что она имѣла отношеніе къ военному дѣлу. Давно уже вышедши изъ дѣтскаго возраста, великій князь сохранялъ совершенно дѣтскій складъ ума: самымъ пріятнымъ для него занятіемъ до 16—17 лѣтъ была игра съ оловянными солдатиками, которыхъ онъ имѣлъ множество; съ величайшимъ удовольствіемъ разставлялъ онъ ихъ со своими любимыми товарищами—придворными лакеями. Охотно также великій князь возился съ собаками, дрессировать и мучить которыхъ доставляло ему большое удовольствіе. Великій князь любилъ прихвастнуть и съ большимъ увлеченіемъ разсказывалъ свои совершенно неправдоподобныя выдумки о томъ, какъ онъ, еще въ Голштиніи и даже при жизни отца, т.-е. имѣя всего 10 лѣтъ, совершалъ геройскіе подвиги въ борьбѣ съ шайками цыганъ; по замѣчанію Штелина, онъ на дѣлѣ былъ очень боязливъ и робокъ. Брюммеръ позволялъ себѣ относиться и къ русскому великому князю такъ же, какъ относился къ своему воспитаннику въ Килѣ, и однажды въ присутствіи Штелина кинулся на него съ кулаками. Петръ Ѳеодоровичъ обнажилъ шпагу, и Штелинъ не безъ труда предотвратилъ дальнѣйшее развитіе этой дикой сцены. Въ общемъ, по замѣчанію Штелина, великій князь все время до своей свадьбы проводилъ не въ серьезныхъ занятіяхъ, а въ однихъ увеселеніяхъ.

Весною 1744 г. въ Россію прибыла со своею матерью принцесса Софія-Фридерика Ангальтъ-Цербтская, избранная императрицею въ невѣсты великому князю; молодые люди понравились другъ другу, и отношенія между ними въ первое время были вполнѣ хорошія. Лѣтомъ 1744 г. они сопровождали императрицу Елизавету въ поѣздкѣ въ Кіевъ; 20 декабря 1744 г., во время переѣзда двора изъ Москвы въ Петербургъ, у великаго князя обнаружилась натуральная оспа, и онъ полтора мѣсяца пролежалъ больной на станціи Хотилово, гдѣ за нимъ ухаживала сама императрица, немедленно прибывшая къ больному. Великій князь вообще не отличался хорошимъ здоровьемъ; онъ очень часто прихварывалъ, а всю осень 1743 г. проболѣлъ какою-то изнурительною лихорадкою. Оспа, перенесенная имъ въ 1744—1745 г., оказала пагубное

вліяніе на весь его организмъ: онъ очень подурнѣлъ физически и совершенно остановился въ умственномъ развитіи.

25 августа 1745 г. Петръ Ѳеодоровичъ былъ обвѣнчанъ съ Софіей-Фридерикой, нареченной Екатериною Алексѣевной; теперь молодой великій князь и молодая великая княгиня признаны были совершенно взрослыми и получили возможность жить какъ имъ угодно. Оба они съ увлеченіемъ отдались той блестящей, повидимому веселой, но по существу малосодержательной и, въ концѣ-концовъ, скучной жизни, какую вели въ то время богатые, знатные люди и принцы. Молодая великая княгиня не избѣжала нѣкоторыхъ ошибокъ; но, богато одаренная отъ природы, она быстро одумалась, поняла въ истинномъ его величіи предстоявшее ей въ Россіи положеніе, занялась серьезнымъ чтеніемъ, много думала, работала надъ собой — и впослѣдствіи 34 года царствовала со славою и блескомъ. Петръ Ѳеодоровичъ оказался неспособнымъ къ такой работѣ; онъ воспользовался свободой лишь для того, чтобы вполнѣ отдаться занятіямъ, которыя и раньше были ему преимущественно по душѣ, но въ которыхъ онъ встрѣчалъ помѣху отъ лицъ, такъ или иначе имѣвшихъ отношеніе къ его занятіямъ. Въ Россіи онъ не несъ никакихъ обязанностей и ничего не любилъ; все русское казалось ему и неинтереснымъ, и чуждымъ, и непріятнымъ; когда ему доставили модель города Киля, онъ былъ въ восторгѣ и не стѣсняясь говорилъ, что городъ Киль ему милѣе всего государства русскаго. Но и дѣлами своего герцогства онъ не желалъ заниматься. Когда онъ достигъ совершеннолѣтія, къ нему стали обращаться съ докладами и за распоряженіями представители голштинской администраціи, состоявшіе при немъ въ Петербургѣ; слушать ихъ очень скоро такъ надоѣло Петру Ѳеодоровичу, что онъ положительно отказался что-либо рѣшать и поручилъ всякія рѣшенія принимать его именемъ великой княгинѣ. Съ женою у молодого великаго князя были первоначально отношенія вполнѣ удовлетворительныя; но скоро эти различныя натуры совершенно разошлись. Петръ Ѳеодоровичъ въ умственномъ отношеніи очень уступалъ своей женѣ. Онъ ничего не читалъ, кромѣ книгъ о разбойничьихъ похожденіяхъ; свое время онъ попрежнему дѣлилъ между дрессировкой, или, вѣрнѣе, истязаніями собакъ, скрипкою, на которой игралъ очень охотно, но довольно плохо; постоянно онъ былъ въ компаніи выходцевъ изъ Голштиніи, среди которыхъ главными достоинствами почиталось непрерывно курить, пить безъ мѣры, да вести разговоры, достойные лишь кордегардіи; здѣсь какой-нибудь Брокдорфъ, грубый, невѣжественный и не чистый на руку проходимецъ, разсуждалъ о томъ, что одинъ голштинскій солдатъ стóитъ четырехъ русскихъ, что русскіе всѣ плуты; здѣсь лакеи бесѣдовали съ великимъ княземъ о томъ, какъ должны жены слушаться мужа. Великій князь чувствовалъ себя въ этомъ обществѣ очень хорошо; онъ много пилъ, началъ быстро

опускаться, сталъ и въ другихъ случаяхъ, къ великому неудовольствію императрицы, держать себя неприлично; съ женой онъ теперь постоянно ссорился—но это ничуть не мѣшало ему дѣлать ее повѣренною своихъ быстро смѣнявшихся увлеченій; увлекался же онъ, кажется, всѣми придворными женщинами за исключеніемъ своей молодой жены. Величайшею радостью для Петра Ѳеодоровича было появленіе каждымъ лѣтомъ отряда голштинскихъ войскъ, который пріѣзжалъ въ Ораніенбаумъ. Отъ императрицы скрывали, что это была не небольшая команда, а цѣлый баталіонъ, и она


Благородное российское дворянство, взирая на
толикия наши к ним и потомкам их щедроты,
по своей к нам всеподданнической верности
и усердию побуждены будут не удалятца ниже укры-
ватца от службы, но с ревностию и желанием в оную
вступать, и честным и незазорным образом
оную по крайней возможности продолжать.
не меньше детей своих с прилежностию и раче-
нием обучать благопристойным наукам,
ибо все те, кои никакой и нигде службы не имели,
но только как сами в лености и праздности
все время препровождать будут, так и детей
своих в пользу отечества своего ни к каким полез-
ным наукам не употреблять, тех мы яко
сущих нерадивых о добре общем презирать
и уничтожать всем нашим верноподданным
и истинным сынам отечества повелеваем,
и ниже ко двору нашему приезд, или в публичных
собраниях и торжествах терпимы будут.
Дан в Санкт Петербурге февраля 18 дня 1762 года
Петр

Конецъ манифеста «О вольности дворянства», 18 февраля 1762 г.
Подлинный хранится въ Правительствующемъ Сенатѣ.

терпѣла его пребываніе, хотя и съ неудовольствіемъ; но солдаты и придворные служители, обязанные снабжать этихъ людей всѣмъ необходимымъ, да, къ тому же еще тайкомъ, были крайне недовольны и громко роптали, что ихъ заставляютъ прислуживать какому-то сброду. Петръ Ѳеодоровичъ ничего этого не замѣчалъ; онъ былъ въ упоеніи, видя своихъ голштинцевъ; онъ не понималъ, что его панибратство съ ними казалось оскорбительнымъ для русскихъ. Онъ, впрочемъ, не понималъ и большаго: во время Семилѣтней войны онъ открыто выражалъ надежду на побѣду Фридриха и радовался всѣмъ извѣстіямъ, неблагопріятнымъ для русскаго оружія.

Мало-по-малу неспособность Петра Θеодоровича къ правленію стала всѣмъ ясна, и распространилось общее недовольство противъ него; иностранные представители въ Петербургѣ года за четыре до кончины Елизаветы Петровны доносили, что великій князь совсѣмъ не пользуется въ Россіи любовью и что невѣроятно, чтобы онъ могъ долго процарствовать. Послѣдніе годы своей жизни сама императрица была имъ крайне недовольна, и, по словамъ Екатерины, представлялось весьма возможнымъ, что императрица, если бы ей представили серьезно объ устраненіи Петра Θеодоровича отъ престолонаслѣдія, согласилась бы на это и на передачу власти вел. кн. Павлу Петровичу подъ регентствомъ его матери. Повидимому, Елизавета обдумывала этотъ вопросъ; но она не успѣла принять рѣшенія, когда послѣ краткой болѣзни скончалась 25 декабря 1762 г., не сдѣлавъ никакого распоряженія. Петръ III Θеодоровичъ безпрепятственно вступилъ на престолъ.

Начало новаго царствованія было ознаменовано двумя очень популярными мѣрами — уничтоженіемъ страшной всѣмъ тайной канцеляріи и такъ называемымъ манифестомъ «о вольности дворянства», 18 февраля 1762 г. Въ силу этого акта дворяне получили право по желанію и вовсе не служить, были избавлены отъ тѣлесныхъ наказаній и пользовались правомъ выѣзда за границу. Но послѣ этихъ двухъ мѣръ, принятыхъ въ первые два мѣсяца новаго царствованія по настояніямъ приближенныхъ къ Петру Θеодоровичу лицъ — гр. М. И. Воронцова и Д. В. Волкова, не было сдѣлано ничего, что показывало бы способность новаго правительства; государь же цѣлымъ рядомъ необдуманныхъ поступковъ совершенно уронилъ свой престижъ и крайне усилилъ давно уже сложившееся нерасположеніе къ себѣ. Къ смерти императрицы Петръ Θеодоровичъ отнесся чуть не съ радостью; во всякомъ случаѣ онъ не умѣлъ скрыть своей радости, что царствуетъ; на панихиды у гроба почившей онъ почти не являлся, а на похоронахъ былъ чрезвычайно веселъ и то нарочно шелъ тихо и отставалъ отъ колесницы, то вдругъ бросался бѣгомъ догонять ее, и весело смѣялся тому, какъ раздувалась по вѣтру черная его мантія. Съ прусскимъ королемъ онъ немедленно заключилъ миръ, отказавшись отъ всякихъ пріобрѣтеній и отъ какого-либо вознагражденія за возвращаемыя Пруссіи области, и собирался начать войну съ Даніей, съ которою имѣлись старые споры у Голштиніи; прусскаго посла Петръ Θеодоровичъ отличалъ особенною своею милостію и повергалъ его въ великое смущеніе, когда за парадными обѣдами громко хвалился ему тайною перепиской, какую велъ съ Фридрихомъ во время войны. Императоръ отбросилъ русскіе ордена и русскую форму и появлялся только въ формѣ прусской и съ орденами прусскими. Арміи дана была новая прусская форма взамѣнъ той, которую носило русское войско со временъ Петра Великаго. Всему русскому явно оказывалось пренебреженіе, и,

между прочимъ, всѣ домовыя церкви въ Петербургѣ приказано было запечатать, подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ будто бы ветхи; распространились слухи, что скоро всѣ образа будутъ уничтожены и вѣра перемѣнена; говорили, что императоръ откажется отъ сына и императрицу заточитъ въ монастырь. Что онъ не въ ладахъ съ женой, это знали многіе, но никто не ожидалъ такого скандала, какой произвелъ Петръ Θеодоровичъ на торжественномъ обѣдѣ по случаю празднованія мира съ Пруссіей: черезъ весь столъ онъ громко крикнулъ супругѣ грубое бранное слово.

Со своею женою Петръ Θеодоровичъ давно разошелся; онъ не любилъ ея и чувствовалъ относительно ея какое-то опасеніе; но онъ не опасался ея достаточно, потому что не понималъ, насколько выше его была эта женщина, не зналъ, что она давно и ясно видѣла, что онъ царствовать не въ состояніи; не зналъ, что около нея сгруппировались люди смѣлые, негодовавшіе на его дѣйствія и рѣшившіе вмѣстѣ съ нею произвести перемѣну на престолѣ. Это и совершилось 28 іюня 1762 года.

Прусскій мундиръ, который постоянно носилъ имп. Петръ III Θеодоровичъ.
Хранится въ Артиллерійскомъ музеѣ въ Петербургѣ.

Петръ Θеодоровичъ проводилъ лѣто съ ближайшею свитою въ своемъ любимомъ Ораніенбаумѣ, и наканунѣ дня своихъ именинъ долженъ былъ обѣдать у императрицы, которая жила въ Петергофѣ. Но 27 іюня въ Петербургѣ былъ арестованъ одинъ изъ заговорщиковъ, капитанъ Пассекъ, и главные руководители заговора, братья Орловы, рѣшили, что необходимо дѣйствовать немедленно. Рано утромъ 28 іюня Алексѣй Орловъ прискакалъ въ Петергофъ, разбудилъ Екатерину Алексѣевну; она вмѣстѣ съ нимъ поспѣшила въ Петербургъ и была провозглашена тамъ самодержавною императрицею.

Около полудня прибылъ со свитою въ Петергофъ Петръ Θеодоровичъ и былъ крайне удивленъ, не найдя во дворцѣ супруги и не видя никакихъ приготовленій къ своему пріему; удивленіе

перешло въ тревогу, когда стало извѣстно, что Екатерина Алексѣевна раннимъ утромъ уѣхала въ столицу. Окружающіе государя пришли въ волненіе — всѣ чувствовали, что Екатерина имѣетъ очень большіе шансы свергнуть своего супруга. Не растерялся только старый фельдмаршалъ Минихъ, слуга еще Петра Великаго, возвращенный Петромъ Ѳеодоровичемъ изъ ссылки. Онъ совѣтовалъ ѣхать въ Кронштадтъ, утвердиться въ этой крѣпости, вступить въ сношенія съ арміей, находившейся за границей, и силою вернуть престолъ. Петръ Ѳеодоровичъ послушался Миниха и въ двухъ баркасахъ со всѣми своими спутниками направился къ Кронштадту. Но тамъ уже была получена вѣсть о провозглашеніи императрицы Екатерины, и новая государыня была признана; крѣпость была приведена на военное положеніе. Когда подъѣхали баркасы, ихъ окрикнули, «кто идетъ?» и на заявленіе, что на баркасѣ императоръ, былъ данъ отвѣтъ, что императора не знаютъ, что есть императрица Екатерина Алексѣевна, и что въ тѣхъ, кто ея не признаѣтъ, будутъ стрѣлять. Петръ Ѳеодоровичъ совершенно палъ духомъ; бросившись на дно баркаса, онъ приказалъ плыть обратно. Въ Ораніенбаумѣ у него было до 1500 голштинскихъ солдатъ, но онъ и не думалъ о борьбѣ. Онъ отправилъ въ Петербургъ одного за другимъ четырехъ посланцевъ, первымъ двумъ приказалъ уговорить войска остаться вѣрными присягѣ, третьему разрѣшилъ вступить въ переговоры съ императрицею, четвертому поручилъ прямо заявить, что согласенъ отречься отъ престола. 29 іюня утромъ Екатерина съ полками, бывшими въ Петербургѣ, вступила въ Петергофъ. Петръ Ѳеодоровичъ написалъ ей двѣ короткія записочки, въ которыхъ говорилъ уже не какъ монархъ, а просилъ о сохраненіи ему жизни и о разрѣшеніи уѣхать «въ чужіе края», выражая увѣренность, что Екатерина «не оставитъ его безъ пропитанія». По приказанію Екатерины ему былъ предложенъ актъ объ отреченіи, который онъ и подписалъ; въ документѣ этомъ сказано, между прочимъ, что «въ краткое время своего самодержавнаго правительства» онъ «самымъ дѣломъ узналъ тягость и бремя, силамъ его несогласное, чтобы ему не токмо самодержавно, но и какимъ бы то ни было образомъ правительства владѣть Россійскимъ государствомъ»; поэтому Петръ Ѳеодоровичъ «отрицался» отъ власти и клялся не искать возвращенія ея. Послѣ этого въ каретѣ съ генералами Гудовичемъ и Измайловымъ и послѣднею своею фавориткою, гр. Ел. Р. Воронцовою, бывшій императоръ былъ увезенъ, при чемъ гвардейцы громко выражали свое негодованіе по его адресу. Онъ былъ помѣщенъ въ загородномъ дворцѣ Ропшѣ; предполагалось перевести его въ Шлиссельбургъ, какъ только тамъ будутъ приготовлены приличные покои, а пока онъ былъ окруженъ сильною стражею безусловно вѣрныхъ Екатеринѣ людей.

Петръ Ѳеодоровичъ, повидимому, не ясно понималъ свое положеніе; во всякомъ случаѣ онъ раздражалъ стражу угрозами

всѣхъ строго наказать, когда вернется на царство; не извѣстно точно, при какихъ именно обстоятельствахъ, но 6 іюля произошла бурная ссора — и Петръ Ѳеодоровичъ погибъ. Это неожиданное, тяжелое событіе долго лежало тѣнью на воцареніи Екатерины; но неоспоримо доказано, что катастрофа произошла совершенно неожиданно. Кончина Петра Ѳеодоровича дѣлала положеніе Екатерины опаснѣе, чѣмъ его жизнь: пока онъ былъ живъ, попытка какого-либо переворота могла быть сдѣлана лишь во имя его, и ожидать подобной попытки было невозможно; со смертью же Петра Ѳеодоровича дѣлалось возможнымъ, что будутъ выдвигаться права его сына.

Петръ Ѳеодоровичъ былъ погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ; Павелъ Петровичъ торжественно перенесъ его прахъ въ Зимній дворецъ и затѣмъ предалъ погребенію въ Петропавловскомъ соборѣ одновременно съ погребеніемъ тѣла Екатерины II.